

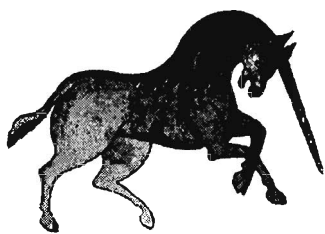
В

«пороховом

погребе

ЕВРОПЫ»

1878–1914

Российская академия наук
Институт славяноведения

В
«пороховом
погребе
ЕВРОПЫ»
1878–1914

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2003

УДК 94(367)
ББК 63.3(0)53
В 11

*Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ
(проекты 93-06-10592 и 02-01-16112)*

Редакционная коллегия:

В. Н. Виноградов (ответственный редактор), *В. И. Косик* (ответственный редактор),
Г. Л. Ариш, П. А. Искендеров, О. В. Соколовская (ответственный секретарь)

Рецензенты:

В. М. Хевролина, А. В. Карасев

Техническая работа по тому выполнена О. В. Медведевой

**В «пороховом погребе Европы». 1878—1914 гг. — М.: «Индрик», 2003. — 000 с.: ил.
ISBN 5-85759-253-4**

Коллективная монография «В „пороховом погребе Европы“» посвящена международным отношениям на Балканах в 1878—1914 гг., т. е. от Берлинского конгресса до Первой мировой войны. Кардинальное отличие этого периода от предшествовавших в том, что на авансцену вышли и стали играть первую скрипку в развитии международных отношений в регионе независимые христианские государства. Незавершенные задачи национального освобождения и объединения они стремились осуществить по великодержавной мерке, с прихватом «чужих» земель. Противоречия между балканскими странами порождали в регионе обстановку постоянных конфликтов, переходивших иногда в войны, накладывались на противоборство великих держав, и регион превратился в «пороховой погреб Европы».

Книга содержит очерки внешней политики Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии, Греции, процесса образования Албании. Большое внимание уделено балканской политике России, проводимому Германией и Австро-Венгрией курсу «Дранг нах Остен», вопросу о проливах Босфор и Дарданеллы.

Книга является последней в семитомном издании Института славяноведения РАН, посвященном развитию международных отношений в Юго-Восточной Европе с середины XVIII до начала XX века.

The book «In the Powder Barrel of Europe» deals with the history of international relations in the Balkans in the years 1878—1914, i. e. from the Berlin Congress up to the World War I. Its cardinal difference from the preceding time consists in the fact that the independent Balkan states began to play the first fiddle on the Balkan's arena. They aimed to fulfill the still unfinished tasks of national liberation and union in a great-power fashion pretending to of strange territories (since — the contradictions, conflicts, and even wars between the Balkans states). This state of permanent anxiety interweaved with the rivalry of the great powers and turned the Balkans into the «powder barrel of Europe».

The book contains essays concerning foreign policy of Bulgaria, Serbia, Montenegro, Romania and Greece, the making of Albania.

Great attention is paid to the Balkan policy of Russia, to the «Drang nach Osten» course of Germany and Austro-Hungary, to the problem of Bosphorus and Dardanelles.

The book is the last in the series of monographs, dedicated to the history of international relations in South-Eastern Europe (second half of the XVIII — beginning XX-th centuries), issued under the auspices of the Institute of Slavonic Studies, Russian Academy of Sciences.

ISBN 5-85759-253-4

© Институт славяноведения, 2003
© Издательство «Индрик», 2003

Содержание

Предисловие (В. Н. Виноградов).....	7
Восточный вопрос в большой европейской политике (В. Н. Виноградов).....	11
Османская империя в международных отношениях на Балканах (В. И. Шеремет).....	30
«Дранг нах Зюд-Остен» (Б. М. Туполев).....	54
Черноморские проливы конец XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона (В. Н. Виноградов).....	95
Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами (В. Н. Виноградов).....	135
Сербия при Обреновичах (П. А. Искендеров).....	165
Черногория в международных отношениях 1878–1903 гг. (П. А. Искендеров).....	182
Из «семейной хроники славянства» (Болгария в международных отношениях 1879–1896 гг.) (В. И. Косик).....	191
Албания в международных отношениях 1878–1908 гг. (П. А. Искендеров).....	216
Основные проблемы внешней политики Греции в конце XIX в. (О. В. Соколовская).....	228
Двадцатый век. Россия: возвращение в Европу (В. Н. Виноградов).....	252
Германская политика на Балканах накануне Первой мировой войны (Б. М. Туполев).....	265
Македония в 1878–1912 гг. (И. М. Ямбаев).....	297
Босния и Герцеговина: ее место и роль в европейских конфликтах начала XX века (Е. К. Вяземская).....	322
Румыния: медленный дрейф к Антанте (В. Н. Виноградов).....	360
Сербия при Карагеоргиевичах (П. А. Искендеров).....	375
Черногория в 1903–1914 гг. (П. А. Искендеров).....	386
Болгария: примирение с Россией и провозглашение независимости (В. И. Косик).....	410
Рождение албанского государства (П. А. Искендеров).....	430
Греция в системе международных отношений 1897–1913 гг. и российская дипломатия (О. В. Соколовская).....	453
Балканские войны 1912–1913 гг. (П. А. Искендеров).....	476
Сербия перед покушением на эрцгерцога Франца-Фердинанда (П. А. Искендеров).....	508
Заключение (В. Н. Виноградов).....	534

Contents

Предисловие (<i>V. N. Vinogradov</i>)	7
The Eastern question in European policy (<i>V. N. Vinogradov</i>).....	11
The Ottoman Empire in the Balkan's international relations (<i>V. I. Shermet</i>)	30
«Drang nach zud Osten». The beginning (<i>B. M. Tupolev</i>).....	54
The Black Sea straits problem in the end of the XIXth century: a view from Petersburg and London (<i>V. N. Vinogradov</i>).....	95
Romania: from the alliance with Russia to the membership in the Central Powers bloc (<i>V. N. Vinogradov</i>)	135
Serbia under the Obrenovichs (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	165
Montenegro in the international relations (end of the XIX-th century) (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	182
From the «family chronic of the Slavs» (Bulgaria in the Russian policy, 1878–1896) (<i>V. I. Kosik</i>).....	191
Albania in the internaional relations (1878–1908) (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	216
The main problems of the Greek foreign policy (end XIX-th century) (<i>O. V. Sokolovskaia</i>).....	228
The XX-th century. Russia «returns» in Europe (<i>V. N. Vinogradov</i>).....	252
Germany's policy in the Balkans on the eve of First World War (<i>B. M. Tupolev</i>).....	265
Macedonia (1878–1912) (<i>I. M. Iambajev</i>)	297
Bosnia and Herzegovina: their place and role in Europiqn conflicts (<i>E. K. Vjasemskaja</i>)	322
Romania: a slow drift towards the Entente (<i>V. N. Vinogradov</i>).....	360
Serbia under the Karageorgevitchs (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	375
Montenegro before the World War 1 (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	386
Bulgaria: reconciliation with Russia and proclaiming independence (<i>V. I. Kosik</i>)	410
The birth of the Albanian state (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	430
Greece in the international relations (1897–1913) and Russian diplomacy (<i>O. B. Соколовская</i>)	453
The Balkan Wars (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	476
Serbia before the attempt upon Franz-Ferdinand (<i>P. A. Iskenderov</i>).....	508
Conclusion (<i>V. N. Vinogradov</i>).....	534

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. явилась и кульминацией, и завершением Восточного кризиса, начавшегося в 1875 г. восстанием в Боснии и Герцеговине. В него оказались вовлеченными почти все народы, населявшие Юго-Восточную Европу: сербы, черногорцы, боснийцы, болгары, греки, румыны. Несмотря на все усилия британских и австрийских представителей на Берлинском конгрессе 1878 г., свести на нет итоги войны не удалось. Рухнула пользовавшаяся поддержкой Англии и Австро-Венгрии система *status quo* — сохранения в неизменности владений и власти турецкого султана на Балканах. Конгресс ознаменовался международным признанием независимости Румынии, Сербии и Черногории. Его главной жертвой стали боснийцы и герцеговинцы, подвергшиеся австрийской оккупации, и болгары, чьи земли были разрезаны надвое, причем лишь та их часть, что располагалась к северу от Балканского хребта, получила права широкой автономии. И все же Османское владычество в регионе пришло к концу. Вместе с тем отошла в прошлое система международных отношений в регионе, в которой тон задавали великие державы, то соперничавшие, то сотрудничавшие друг с другом. Отныне решающими субъектами международного права здесь стали сами балканские государства, их взаимоотношения и, как скоро выяснилось, их соперничество.

Проявились тревожные для России факторы. Добившиеся государственной независимости при ее большой, часто решающей поддержке страны ответили ей, как представлялось российским государственным мужам, черной неблагодарностью, потеряв интерес к сотрудничеству с нею и упорно сопротивляясь распространению влияния самодержавия на их политическую жизнь. Раввавшееся к прогрессу балканское общество не желало вздевать на себя вериги зависимости от царского режима. Разрушение Османской державы вело не к усилению, а к ослаблению российских позиций в Юго-Восточной Европе. В выигрыше оказались молодые государственные образования. В начале XX столетия Австро-Венгрия перешла к открытой экспансии в регионе, аннексировав в 1908 г. Боснию и Герцеговину, что побудило многих балканских деятелей вспомнить о прорусской ориентации и вернуться к ней.

Главное отличие международных отношений в регионе в 1878–1913 гг., вплоть до Первой мировой войны, от предшествовавшей эпохи заключалось в том, что центральное место в них заняли сами балканские страны. От прошлого сохранялся большой груз нерешенных проблем — процесс объединения сербов, болгар, румын, греков был далеко не закончен, македонцы продолжали томиться в Османской империи, боснийцы и герцеговинцы попали под австрийскую оккупацию. Задачи национально-освободительные и объединительные продолжали решаться, и высшим их проявлением стала первая Балканская война 1912 г., когда союзные армии болгар, сербов, черногорцев и греков разгромили турецкие войска и мир остановил их в 40 км от Стамбула.

Но с тревожной интенсивностью нарастали явления иного плана, связанные с балканским соперничеством. Уже в 1885 г. сербский князь Милан напал на Болгарию, разразилась братоубийственная война, к счастью, быстро закончившаяся усилиями держав. Но зерна межбалканской розни приносили все новые и новые плоды. Мудрое правило гласит: соседей не выбирают, и с ними надо жить если не в дружбе, то в добром согласии и при учете взаимных интересов. Это чувство никогда не входило в число добродетелей балканских лидеров. Рано, очень рано они стали взирать на страны ближнего зарубежья не как на союзников в наступлении на все еще сильные турецкие позиции в регионе, а как на соперников в борьбе за место под балканским солнцем. Национальная буржуазия каждого из государств мечтала облачиться в мантию гегемона регионального масштаба. Соединение сотрудничества и соперничества на балканской арене отчетливо проявилось в войнах 1912–1913 гг.: разгромили Турцию и рассорились.

Мир, подписанный в Бухаресте 10 августа 1913 г. при минимальном вмешательстве держав, явился продуктом балканской самодельности. Победенная Болгария лишилась значительной части предназначавшейся ей прежде Македонии, зато увеличивались доли Сербии и Греции, и Южной Добруджи, отошедшей к Румынии. В сентябре 1913 г. по договору с Турцией Болгария отказалась от Адрианополя (Эдирне) с прилегающим районом.

Бухарестский мир российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов уподобил «пластырю, наклепленному на незалеченные балканские язвы»¹. Завязались узлы острейших противоречий: болгаро-румынских из-за Южной Добруджи, болгаро-греческих и сербских из-за разграничения в Македонии. Турция не желала мириться с потерей некоторых островов Эгейского моря в пользу Греции.

Обстановка напоминала не послевоенное успокоение, а предвоенное нагнетание напряженности. На традиционное соперничество в регионе великих держав наложились межбалканские противоречия, и Балканы превратились в политический и пороховой погреб. Создались условия наибольшего благоприятствования для поисков и происков великодержавной дипломатии в Юго-Восточной Европе. А война, ставшая Первой мировой, надвигалась неотвратно.

Обо всех этих событиях говорится на страницах данной книги, шестой по хронологии и седьмой и последней по выпуску в серии трудов, подготовленных в Институте славяноведения Российской Академии наук и посвященных международным отношениям на Балканах со времени правления Екатерины II вплоть до окончания Первой мировой войны, когда Восточный вопрос сошел с повестки дня вместе с исчезновением Османской империи и образованием на ее месте Турецкой республики ².

Представляется, что материалы нашей книги носят не только академический характер, но и представляют определенный интерес при подходе к решению жгучих вопросов современности. Балканский полуостров до сих пор — тревожная и взрывоопасная зона Европейского континента. Незажившие раны национального самолюбия не позволяют региону жить в условиях покоя и согласия. Кровавый распад Югославии о том свидетельствует. Достичь здесь умиротворения можно только в ходе длительных и трудных переговоров с учетом интересов всех конфликтующих сторон. Уместно привести мнение ветерана отечественной дипломатии А. Г. Ковалева: «Миротворческие усилия лишь тогда обещают благоприятные результаты, когда сами миротворцы честно придерживаются общей ценностной шкалы и в состоянии принудить умиротворяемых также уважать ее» ³. В Югославии же произошло открытое попрание интересов сербов в месте их традиционного обитания, Косове, или Старой Сербии, как оно исторически именовалось. Размахивание большим военным кулаком с подлинным умиротворением не имеет ничего общего.

Следует учитывать: корни всех, абсолютно всех конфликтов на Балканах уходят в глубь истории, решать их, скользя по поверхности современности, беспредметно, это значит загонять их вглубь и, памятуя высказывание С. Д. Сазонова, налеплять пластырь на незажитые балканские язвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 120.
- ² Предшествующие книги этой серии: Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000; Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1997; Международные отношения на Балканах 1815–1830. М., 1983; Международные отношения на Балканах 1830–1856. М., 1990; Международные отношения на Балканах 1856–1878. М., 1986; За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- ³ Полвека спустя. Говорят первые выпускники МГИМО. М., 1998. С. 82.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС В БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Весть о решениях Берлинского конгресса вызвала в России что-то вроде общественного траура: столь разительной выглядела несообразность затраченных усилий с результатами, представлявшими более чем скромными. Переправа через Дунай, осада и взятие первоклассной крепости Плевна, зимнее «сидение» на Шипкинском перевале, стремительный марш-бросок к Константинополю, 260-тысячные потери убитыми и ранеными¹, — и всего лишь возвращение Южной Бессарабии да приобретение Батума, Карса и Ардагана. Удручающе воспринимались итоги войны на Балканах, ради освобождения которых и была предпринята война. Болгарские земли были разрезаны надвое, и лишь в северной части образовалось вассальное княжество, южная часть получила только административную автономию и принца-христианина в управление.

Козлом отпущения стали дипломаты, к несчастью для себя представлявшие Россию на конгрессе. Златоуст славянофилов, Иван Сергеевич Аксаков, выступил с громоподобной речью: «Не собрались ли мы хоронить целые страны, свободу болгар, независимость сербов? Хоронить великое святое дело, заветы и предания предков, наши собственные обеты, хоронить русскую славу, русскую совесть?» Западные державы «срывают с России победный венец» и преподносят взамен «штуговскую с гремушками шапку». «Слово немеет, мысль останавливается, пораженная пред этим колобродством русских дипломатических умов, перед этой грандиозностью раболепства»². После этой речи Аксакову пришлось провести некоторое время в тиши Владимира, дабы остудить разгоряченный ум и умерить язвительность языка.

Даже много лет спустя великий князь Александр Михайлович сетовал: «Русские дипломаты еще раз подтвердили свою репутацию непревзойденной глупости, уговорив императора Александра II принять т. н. «дружественное посредничество» Бисмарка»³.

Но суждение современников не равнозначно суду истории. Последнее суждение должно выноситься не под воздействием момента и не под наплывом чувств, а на основе всестороннего анализа ситуации и во всеоружии документов. С этих позиций Берлинский трактат вовсе не являлся актом безоговорочной капитуляции России. Расчленение Болгарии, оккупация Боснии и Герцеговины авст-

ро-венгерскими войсками легли пятном на совесть ее дипломатии. Но что же было делать перед объединенным фронтом Англии и Австрии и подыгрывавшего им Бисмарка? И все же «плюсы» решений конгресса (вынужденные уступки со стороны оппонентов России) очевидны: три государства — Сербия, Черногория и Румыния — получили международное признание своей независимости. Возродился очаг болгарской государственности. Смертельный удар получил пресловутый принцип *status quo*, т. е. неприкосновенности владений Османской империи: от нее в Европе осталось не так уж много.

Но конгресс продемонстрировал полнейшую внешнеполитическую изоляцию России. Обретшие государственную независимость страны к ней охладели. В. М. Хвостов констатировал: «По своим результатам русско-турецкая война далеко не отвечала тому, к чему стремилось объявлявшее ее царское правительство. Она не укрепила, а ослабила влияние царизма на международной арене»⁴. Сходный взгляд, но более красноречиво, выражал С. Д. Сказкин: «Не было ни армии, ни флота, ни денег. Российское правительство даже не помышляло ставить какие-либо серьезные балканские вопросы. Оно ограничило свою активность в 80-е годы обороной от возможного наступления Англии в случае развала Турции и отнюдь не мечтало „получить ключи от своего дома“» (в виде Проливов). Память о крымском поражении не изгладилась, внутренне положение было неустойчивым, призрак потрясений в случае внешней неудачи тревожил правительство. «Проливы в руках Англии — это была комбинация, которой оно опасалось больше всего»⁵. Выход был один: перейти к дипломатической обороне и осторожно поддерживать освободительное движение, так, чтобы оно не переросло в открытое восстание и не вызвало бы, упаси Боже, европейскую войну. В Петербурге пришли к выводу, что балканский вариант требует слишком больших затрат, приносит мало дивидендов и чреват серьезными осложнениями. Экспансионистская энергия самодержавия устремилась в Среднюю Азию, туда же переместился центр англо-русского соперничества.

В крайней степени встревожило Петербург заключение в 1879 г. германо-австрийского военно-политического союза, в тексте которого Россия фигурировала в качестве возможного противника. Правда, канцлер О. Бисмарк неизменно именовал свое детище «лигой мира», а кайзер Вильгельм I прислал своему племяннику Александру II извинительное письмо, но ведь в истории оборонительные акты исправно превращались в агрессивно-наступательные в случае необходимости для их инициаторов. Договор усиливал австро-венгерские позиции в Юго-Восточной Европе, он знамени-

вал выход Германии на линию энергичной экономической и политической экспансии в регионе и явился отправной точкой «дранг нах зюд-остен». В 1883 г. к союзу присоединилась Румыния; Сербия подчинила свою внешнюю политику Австро-Венгрии, обязавшись не заключать без санкции последней соглашений с другими государствами. В 1882 г. в Турцию прибыла немецкая военная миссия для реорганизации ее армии; турецкие войска были поставлены под германский контроль, снабжение их сооружением монополизировали фирмы Круппа и Маузера. На Балканы, прежде всего в Румынию и Турцию, хлынул немецкий капитал.

Но в плане европейском произошло нежданное и вроде бы нелогичное событие — возобновление союза России с изменницей Австро-Венгрией, обуздавшей в Берлине в 1878 г. «чрезмерные» притязания балканского освободительного движения, и коварным Бисмарком, содействовавшим в том австрийцам и англичанам. Заключение уже «после Берлина» военного союза, направленного против России, казалось бы, отрезало все пути к бывшему сотрудничеству трех монархов.

Петербург остро нуждался в выходе из изоляции. Поскольку Россия и в помыслах не имела нарушить мир на своих западных границах, не было причин опасаться вступления немецко-австрийского союза в силу в обозримом будущем; тревожным порубежьем стал Туркменистан и близкая к нему Индия; об англо-русском столкновении говорили всерьез, как о чем-то реальном.

И хотя альянс 1879 г. нанес сильный удар по традиционному сотрудничеству трех монархов — России, Германии и Австро-Венгрии, — он не убил саму идею. В основе ее лежала общая заинтересованность в сохранении абсолютистских и полуабсолютистских порядков «дома» и противодействии политическому прогрессу и революции на континенте, что требовало объединения сил.

Парижская Коммуна перепугала всех европейских правителей. Тревогу внушала и деятельность I Интернационала: «Все правительства были поражены характером и силой этой опасной ассоциации, проявившимся в эксцессах Парижской Коммуны, — говорилось в отчете российского МИД за 1871 г. — Они увидели социальную опасность, угрожающую в большей или меньшей степени всем»⁶.

В России народовольцы преследовали самодержца, можно сказать, по пятам: повелитель империи жил в постоянном опасении покушения на свою жизнь. В Германии стремительно набирала силы социал-демократия; Австро-Венгерская монархия раздиралась национальными и социальными противоречиями.

Балканский полуостров после Берлинского трактата 1878 г.

1. Границы государств по Берлинскому трактату.
2. Прочие границы.
3. Автономные княжества, получившие в 1878 г. независимость.
4. Территории, утраченные Турцией.
5. Территории, оставленные за Турцией лишь номинально.
6. Турция в 1878 г.
7. Границы Болгарии по Сан-Стефанскому договору.
8. Присоединение к России южной части Бессарабии.

Стремление опереться на сильную консервативную монархию континента, германскую, отчетливо проявлялось во влиятельных российских кругах во главе с самим императором, будь то Александр II или его преемник. Наличествовали и важные соображения стратегического плана. Сотрудничество со вторым рейхом прикрывало западную границу и позволяло активизировать восточную политику: в Средней Азии, а затем и дальше, вплоть до Тихого океана. Крутая внешнеполитическая переориентация повела бы к еще большему сближению Берлина и Вены и поставила бы Россию перед вечной угрозой вторжения двух центральных держав, да и Франция была еще слишком слаба, напугана поражением 1871 г., чтобы служить опорой русской политики; напротив, сотрудничество с Германией рассматривалось как способ ослабления австро-венгерского союза, как своего рода диверсия против него.

Веские соображения побуждали Бисмарка не рвать традиционные узы с самодержавием. Он отнюдь не желал ссоры. Он понимал, конечно, что союз с Габсбургами придется оплачивать учетом их балканских интересов. В то же время обострения обстановки на Юго-Востоке Европы следовало избегать. Втягиваться в австро-русскую ссору на Балканах отнюдь не входило в планы канцлера. Значит, надо было изыскивать какую-то комбинацию, в рамках которой можно было на правах фактического арбитра разрешать противоречия. «На Востоке, — размышлял канцлер, — нашими общими задачами являются: сохранение по возможности мира между всеми, в особенности же нам надо предотвратить конфликт между Россией и Австрией, равно как совместное военное выступление только России и Австрии против Турции»⁷. Наконец, идея-фикс канцлера о новом разгроме Франции предполагала отстранение России от конфликта, а для этого нужны были дружественные отношения с правящими кругами Петербурга. Первостепенной задачей в этом направлении являлось стремление не допустить франко-русского сближения. Наиболее подходящей формой для воплощения в жизнь всех этих соображений являлось продление «союза трех императоров» 1874 г., которому на Берлинском конгрессе был нанесен серьезный удар, а договор 1879 г. с Австро-Венгрией фактически прекратил его существование.

Наименьшую охоту к возобновлению комбинации проявляла Вена, опасавшаяся, что это повлечет за собой ослабление германской поддержки в балканских делах. Бисмарк заверил встревоженных австрийцев, что союз 1879 г. будет при всех условиях сохраняться. Но он же почти ультимативно требовал у своего австрийского коллеги Г. Хаймерле прекратить obstruction переговоров.

Опасаясь, как бы Германия и Россия не обошлись бы без Австрии, и, стремясь связать руки русской дипломатии на Балканах, австрийцы, в конце концов, прекратили свою тактику проволочек. 18 июня 1881 г. договор был подписан в Берлине, «союз трех императоров» возобновился и просуществовал еще шесть лет. Это была сделка на основе компромисса сталкивающихся интересов. В статье 1-й говорилось, что, если один из участников договора окажется в войне с «четвертой великой державой, остальные сохраняют по отношению к нему благожелательный нейтралитет». Казалось бы, Бисмарк вырвал у русских столь желательные условия на случай франко-немецкого конфликта. Однако из Петербурга последовало заявление, подразумевавшее, что Германия на Францию не нападет. В договоре прямо делалась оговорка насчет Турции: в случае войны с нею условием нейтралитета явится предварительная договоренность относительно конечных результатов; австрийская «рука» в этой оговорке виделась отчетливо. По русскому настоянию, принцип закрытия Черноморских проливов (подразумевалось вторжение британского флота) сохранялся и во время войны. Наконец, Габсбургская монархия обязывалась не препятствовать объединению Северной и Южной Болгарии (Восточной Румелии) и созданию единого Болгарского государства. В высших эшелонах Российской империи тяжело переживали поражение, понесенное в болгарском вопросе на Берлинском конгрессе, и надеялись на ревизию принятого тогда решения, полагая, что противоестественное разделение единого народа долго длиться не может. Австрийское согласие было куплено дорогой ценой за счет другого балканского народа: Вена заручилась санкцией на аннексию Боснии и Герцеговины, оккупированных ее войсками в 1878 г.

Ведущий переговоры П. А. Сабуров в ослеплении своем воображал, будто достиг «блестящего результата»: «Мы открываем в наших отношениях с Австрией и Германией настоящий текущий счет, в котором я не отказываюсь увидеть в один прекрасный момент оккупацию Проливов Россией»⁸. Редко когда дипломат так переоценивал свое детище. В российской дипломатии всегда существовали экстремисты, взгляды которых и по сей день выдаются западной историографией — и не без успеха — за официальный курс российской политики. В 80-е гг. к таковым принадлежал Петр Александрович Сабуров, посол в Берлине. Возобновленный в 1881 г. «союз трех императоров» он считал трамплином для прыжка к Проливам. Хотя ему и предписано было молчать («мой рот закрыт», — жаловался Сабуров в письме Гирсу от 12(24) февраля 1883 г.), но молчать посол не мог от распиравших его экспансионистских эмоций («я не

могу удержаться от того, чтобы не думать об этом непрерывно») ⁹. Сабуров полагал, что стоит Германии дать свободу рук с Францией, — и она согласится на осуществление далеко идущих российских замыслов, вплоть до завоевания Проливов. Если судить по замечаниям и, еще больше, по умолчаниям Бисмарка, это было так. Но ведь существовала Австро-Венгрия на юго-западном фланге и Великобритания, которая ни за что не допустила бы решения о Проливах в неуютном «владычице морей» духе. «Последняя, — говорил Бисмарк, разумеется не Сабурову, а более доверенным лицам, — ...никогда не допустит, чтобы Константинополь и вход в Босфор попали в русские руки, и чтобы Малая Азия оказалась зажата между русской Арменией и русскими позициями на Дарданеллах, которые превратились бы в станцию для вылазок на египетско-индийские морские пути» ¹⁰. Генерал А. Вальдерзее писал о подобных планах: Бисмарк хочет «заманить» Россию на Балканы «и таким образом столкнуть ее с Австрией, Италией и Англией, причем мы непосредственно участвовать не будем» ¹¹. Поэтому в Петербурге поспешили охладить разгоряченную голову своего берлинского представителя.

На деле «союз трех императоров» в новой своей ипостаси фиксировал зыбкое равновесие интересов партнеров на то время, пока ни один из них не предпринимал значительных акций ни на Западе, ни на Юго-Востоке континента. Буде пора таких действий придет — следовала серия переговоров с трудно предсказуемыми результатами. Да и мог ли быть иной исход, когда сам Александр III полагал: «С австрийцами мы не сойдемся и никаких соглашений с ними иметь невозможно» ¹².

Единственное, что можно оценить с плюсом в этой сделке, — это согласие трех держав на объединение Болгарии, если оно произойдет «силою вещей». Однако и это положение потеряло смысл в связи с крутым поворотом в русско-болгарских отношениях.

В 1885 г. взоры европейской дипломатии вновь обратились на Балканы: не выдержало напора и оборвалось самое слабое и порочное звено решений Берлинского конгресса — то, что предусматривало раздел Болгарии на две части. Извне всяческую помощь стремившимся к объединению своих земель болгарам после конгресса оказывала Россия. Достаточно прочесть страницы дневника влиятельного военного министра Д. А. Милютина, уверенного в том, что «маленькая автономная Болгария послужит ядром для объединения всего болгарского народа». Консулам предписывалось всеми средствами способствовать поддержанию связей между двумя частями страны, в формируемое болгарское войско вступали и жители Восточной Румелии.

Милютин исходил из того, что влияние России должно базироваться на внимании и глубоком уважении к правам и историческим традициям Болгарии. Его воздействию приписывается согласие царизма на Тырновскую демократическую конституцию 1879 г. Он же исподволь, но тщательно готовил условия для скорого, как он верил, объединения «двух Болгарий» (в милицию Восточной Румелии были направлены русские офицеры, в области получали распространение гимнастические общества, исправно готовившие военные кадры) ¹³.

Александр III пустил по ветру всю эту тщательно продуманную и старательно осуществлявшуюся кампанию по подготовке к слиянию Северной и Южной Болгарии, рассорившись с болгарским князем Александром Баттенбергом. Подробно обо всем этом см. ниже. Здесь же мы ограничимся характеристикой, данной акад. С. Д. Сказкиным предпринятым неуклюжим маневрам, чередовавшимся с неприкрытыми угрозами: «Смелые дипломаты и brave генералы с истинно азиатским вероломством искореняли последние остатки русского влияния на Балканах» ¹⁴.

Вакуума в политике не бывает, и «освободившееся место» немедленно заняла Великобритания. Две державы как бы поменялись местами. Раньше Петербург то дипломатическими мерами, то в дыму сражений помогал освобождению христианских народов и становлению их государственности, а Лондон с не меньшим упорством этому сопротивлялся, о чем свидетельствовали дебаты и решения Берлинского конгресса. Еще в 1880 г. английский посол в Стамбуле Г. Лейрд сетовал по поводу включения Софийского округа в Болгарское княжество ¹⁵.

Но в Англии существовало и течение, гораздо более гибкое и маневренное по отношению к событиям в Юго-Восточной Европе. Лидер консерваторов Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсфилд) третирует поднимающиеся нации с холодным презрением и великодержавной надменностью: «Нет слов, чтобы описать обстановку на значительной части Балканского полуострова, занятой Румынией, Сербией, Боснией, Герцеговиной и другими провинциями. Здесь царят политические интриги, непрекращающееся соперничество партий, ...расовая ненависть, ограниченность враждующих религий и, главное, ощущается отсутствие верховной контролирующей власти, которая могла бы держать эту немалую часть земного шара в состоянии, напоминающем порядок» ¹⁶. Иной точки зрения придерживался вечный оппонент Дизраэли, шеф либералов В. Ю. Гладстон. Он полагал, что с новыми государствами на Балканах можно не только поладить, но и опереться на них; продолжать упрямо ориен-

тироваться на сохранение в неприкосновенности Османской империи — значит поощрять «безнаказанность ее беспредельной дикости, ее разнузданной и бесовской похоти». Не надо опасаться, что новые государственные образования попадут под российскую лапу, утверждал он, ссылаясь на пример Румынии. Так что следует поощрять цивилизованное развитие Балкан, а не выступать в качестве «злого гения, который его подрывает, ему препятствует и мешает»¹⁷.

В 1885 г. Гладстон занимал кресло премьер-министра. Великобритания поддержала объединение княжества Болгарии и Восточной Румелии, Александр же III, рассудку вопреки, выступил против (что не помешало объединению свершиться), а император, порвав с Софией дипломатические отношения, самоудалился из Болгарии. Российское влияние в Юго-Восточной Европе упало до критически низкого уровня.

Тревожили и дела на западе Европы.

Франция после страшного разгрома 1870—1871 гг. долго держалась осторожно, а Бисмарк не расставался с надеждой на то, что удастся спровоцировать новую войну. В сентябре 1881 г. Л. Гамбетта, выступая за упрочение дружбы с Англией и Россией, в то же время предупреждал: «Никаких союзов сейчас — это было бы опасным. Бисмарк нас подстерегает, не будем предоставлять ему повода»¹⁸.

В феврале 1882 г. произошел т. н. «инцидент Скобелева». Пользовавшийся громкой славой генерал не придерживался дипломатического правила: язык служит человеку для того, чтобы скрывать мысли. Выступая перед проживавшими в Париже сербами, он заявил: «...Враг, столь опасный для русских и славян... это автор „Дрангах остен“, это немец»¹⁹.

Всполошившееся русское правительство поспешило вызвать не в меру откровенного героя в Петербург; вскоре Александр III издал приказ, запрещающий военнослужащим публично высказываться на политические темы.

Непросто складывались отношения у Парижа с Лондоном, и камнем преткновения в них служили египетские дела. В 1875 г. глава британского правительства Б. Дизраэли провел молниеносную операцию по покупке контрольного пакета акций Суэцкого канала, который, можно сказать, уплыл из-под носа у французских финансистов. А после восстания 1882 г. под руководством Ахмета Араби-паши англичане прибрали к рукам весь Египет, оставив, правда, ходива на престоле и призрачную зависимость от Стамбула, но сосредоточив все рычаги власти в руках своего консула. Средиземноморье оставалось болевой точкой в англо-французских отношениях. Отсюда проявившееся во французской политике стремление смяг-

чить Бисмарка кротостью: силы на реванш в ближайшие годы равнялись нулю, не лучше ли в таком случае демонстрировать смирение, а экспансионистскую активность устремить на завоевание колоний, — что можно было делать в широком масштабе, с отвлечением из Европы крупных военных сил, лишь с молчаливого согласия грозного немецкого канцлера, рассчитывавшего на неизбежное обострение англо-французских отношений. Французские солдаты двинулись в походы в Африку и Азию. Они сорвали драгоценные плоды — Тунис (1881 г.) и Индокитай (1884 г.). Политическим итогом явилась полная изоляция Третьей республики. Итальянские правители, претендовавшие на Тунис, бросились в немецко-австрийские объятия. В 1882 г. двойственный союз превратился в тройственный. В следующем году к нему присоединилась Румыния*.

Усилилась напряженность в отношениях Франции с Великобританией. Лондон с подозрением следил за активностью соперницы в Юго-Восточной Азии и Африке. Хотя английский кабинет и придерживался тогда политики «блестящей изоляции», в 1887 г. он пошел на заключение Средиземноморской Антанты — соглашения с Италией и Австро-Венгрией о поддержании status quo в регионе. Она была направлена как против колониальных поползновений Франции, так и против попыток России упрочить свое влияние на Балканах. На переговорах незримо присутствовал Бисмарк. Однако его попытка втянуть Великобританию через «средиземноморский вход» в союз центральных держав не удалась: английский премьер-министр лорд Р. Солсбери снабдил договоренность столькими оговорками, что военная помощь со стороны его державы исключалась.

Весной 1885 г. англо-русский конфликт из-за влияния в Афганистане достиг критической точки. В Петербурге серьезно опасались войны. Из Берлина раздавались поощрительные возгласы: «Бог покровительствует вашим храбрым солдатам — нашим товарищам...»²⁰, — телеграфировал принц Прусский, будущий кайзер Вильгельм II. Еще бы! Англия и Россия — на острие ножа, Франция погрязла в Индокитае, а Германия — хозяйка континента.

Ситуация вызывала восторг в Берлине, но повергала в ужас французские политические круги.

На дрожжах оскорбленных национальных чувств, тревог и опасений французов возник культ героя. Объектом культа стал генерал Жорж Эрней Буланже, назначенный в начале 1886 г. военным министром. Пепел поражения жег сердца французов. Громогласные речи генерала о восстановлении национального величия падали на

* См. раздел «Румыния: от союза с Россией к союзу с Центральными державами».

благодарную почву, а его меры по укреплению армии воспринимались как желание бросить немцам вызов (хотя ничего не говорит о том, что сам Буланже всерьез думал о скором реванше).

По-настоящему перепугались буланжистской пропаганды не «враги за Рейном», коим она была выгодна, а министры в Париже — как бы их коллега в генеральском мундире не втянул Францию в авантюру. Его удалили из правительства, а затем и в отставку, через несколько лет он покончил жизнь самоубийством на могиле своей скончавшейся возлюбленной.

Шумиха вокруг Буланже помогала Бисмарку готовить комбинацию для достижения заветной цели — нового разгрома Франции. 10 января 1887 г. в ходе дружеской беседы канцлера с братьями Шуваловыми, Павлом, послом в Берлине и Петром, занимавшим такой же пост за десять лет до того в Лондоне, был сочинен проект договора, в коем гарантировался нейтралитет России на случай франко-немецкой войны в любом ее варианте для Германии, как оборонительном, так и наступательном. Желанное для канцлера обещание было дано. За него стоило дать обязательство не препятствовать овладению Проливами со стороны царизма, благо а) российское правительство всерьез не помышляло о подобной операции; б) можно было надеяться, что и без Германии найдутся силы, которые этому помешают; в) путь на Балканы для русской армии лежал через Румынию; в случае же нападения на нее немцы и австрийцы должны были прийти к ней на защиту (о чем Шуваловы не знали). Заодно резвые братья взвалили на свое правительство обязательство не посягать на территориальную целостность Австро-Венгрии.

На другой день, 11 января, Бисмарк в речи в рейхстаге «предался размышлениям» насчет судеб мира. Никто не может сказать, когда произойдет война с Францией — через 10 лет или через 10 дней, — заявил он. Вся Европа восприняла речь как сигнал к новой «военной тревоге». Немецкая шовинистическая печать сорвалась с цепи. Наиболее оголтелые газеты принялись делить шкуру неубитой Франции, — какие новые ее территории должны быть отторгнуты непосредственно в пользу Германии, какие переданы Бельгии.

Хотя французское правительство вело себя пассивно и смиренно, в марте 1887 г. волна немецкого шовинизма начала спадать, и связано это было с позицией России. В Петербурге сочинение братьев Шуваловых не встретило одобрения; им велено было забыть о незадачливом проекте и не упоминать его всуе перед канцлером; а буде он сам затронет его — сказать, что был частный обмен мнениями между джентльменами. Бисмарк дал отбой. «Судьба Франции сегодня — в Ваших руках», — обращался ее министр иностранных дел

Э. Флуранс к послу в Петербурге А. Лабуле. Сам Александр III, выразившийся порой с лапидарной выразительностью, объяснял позицию Бисмарка: «...Он понял, что раздавить Францию ему не дадут, вот и все»²¹.

Узы, связывавшие два двора — берлинский и петербургский, не были порваны. Бисмарк отчаянно боролся против фантома войны на два фронта. В июне его сын Герберт, тогда статс-секретарь по иностранным делам, и Павел Шувалов подписали документ, имевший мало общего с восхитившем старого Отто январским проектом. В историю он вошел под именем договора о перестраховке: стороны обязались сохранять нейтралитет в случае войны одной из них с третьей державой, кроме (в этом «кроме» — суть дела) случая нападения Германии на Францию и России на Австро-Венгрию. К немалому раздражению партнеров, П. А. Шувалов, на этот раз по указанию своего двора, заявил, что Россия не допустит «нанесения смертельного удара» Франции, Германия признавала права, «исторически приобретенные Россией на Балканском полуострове» и обещала поддержку действиям партнерши по «защите входа в Черное море», буде возникнет такая нужда. Увы, Австро-Венгрия этих прав не признавала и поддержки не обещала²².

Зигзаги, связанные с перипетиями середины 80-х гг., окончательно убедили правящие французские круги в опасности внешнеполитической изоляции. Они стали упорно и активно искать союза с Россией, находя сочувственный отклик во влиятельных буржуазно-помещичьих российских кругах, что выражали статьи в прессе либерального и консервативного направления: гегемония Германии на континенте вызывала здесь всеобщее недовольство. Констатируя желательность сближения с Францией, в Петербурге не спешили, однако, связывать себя письменными обязательствами; подразумевалось, что Россия и без них не позволит разгромить и поставить на колени Францию. Уже в начале 1888 г. Бисмарк в рейхстаге заговорил о «франко-русском прессе», сжимающем Германию и побуждающем ее к новым вооружениям²³.

В помощь себе правительство Франции мобилизовало финансы: в 1888 г. банкиры этой страны предоставили самодержавию заем в 500 млн франков. Тогда же последовал крупнейший русский заказ на полмиллиона винтовок, причем посол А. П. Моренгейм обещал, что никогда эти винтовки не будут направлены против французов... Размещение займа прошло с невиданным успехом, сумма подписки достигла миллиарда франков с четвертью, курс русских бумаг на парижской бирже рос — французский капитал голосовал за союз с Россией. Характерно, что парижский денежный рынок тогда же наглухо

закрылся для Италии, пока эта страна, — объясняли банкиры ходатаям из Рима, — находится в Тройственном союзе.

Воцарение в Германии Вильгельма II в 1888 г. в Париже встретили с тревогой. Новый кайзер поспешил засвидетельствовать вечность границы, установленной в 1871 г.; местом своего первого зарубежного визита он избрал не Вену, столицу официального союзника, как то можно было ожидать, а Петербург. Дважды, в 1889 и 1890 гг., он приезжал в Лондон. В Париже гадали: что это — посещение почтительным внуком своей бабки Викторией или визиты германского императора британской королеве? Похоже, последнее преобладало: в 1890 г. между двумя странами был заключен договор, по которому Германия признавала английские «интересы» (то бишь, соглашалась на господство) в Уганде и протекторат над Занзибаром. В обмен на этот колониальный куш рейх получал от Великобритании остров Гельголанд в Северном море, имевший большое стратегическое значение.

С восшествием на германский престол Вильгельма II и последовавшей отставкой Бисмарка внешняя политика рейха приобрела характер импровизации с оттенком авантюризма. На смену стратегическому курсу старого канцлера, направленному на изоляцию Франции и поддержание сносных отношений с Россией, дабы не оказаться между двумя врагами, курсу, вынашивавшемуся и осуществлявшемуся десятилетиями, пришли быстротечные комбинации.

Историки порой склонны приписывать эти метания свойствам натуры кайзера, самовлюбленного актера, для которого поза стала вторым «я». На наш взгляд, это все-таки не так, хотя император и вносил в деятельность Аусамта элементы болтливости, суетливости и истерии. Главная причина крылась в утопичности самого замысла об установлении германской гегемонии на континенте; а какова цель — таковы и средства.

Страхи Парижа относительно русско-германского сближения оказались ложными. Сменивший в 1890 г. Бисмарка на посту канцлера генерал Л. Каприви быстро растранижил бисмарковское политическое наследство, один из постулатов которого гласил: не доводить дело с Россией до ссоры и всячески стремиться избегать войны на два фронта. Он склонился к точке зрения военщины, во главе которой встал генерал А. Вальдерзее, о неизбежности такой войны, а стало быть, и о бесполезности договора о перестраховке, который мешал ее подготовке; договор не был продлен.

Теперь основным звеном в проведении этого курса становилась позиция Великобритании, ее вхождение в Тройственный союз делало его преобладающим не только на суше, но и на море, оно обеспе-

чивало верность Италии, — учитывая конфигурацию «итальянского сапога», уязвимость его во всех точках для британского флота, Рим не мог позволить себе роскошь ссоры с «владычицей морей». Но установление немецкой гегемонии на континенте нисколько не отвечало традиционному английскому курсу на равновесие здесь сил. Опытный и осторожный премьер маркиз Р. Солсбери не был склонен поэтому надевать на свою страну вериги военного сотрудничества и предпочитал сохранять свободу рук.

По уже прочно усвоенной привычке парижский кабинет во время очередной «военной тревоги» 1891 г. адресовался в Петербург за поддержкой. В последней не было отказано. В письме российского министра иностранных дел Н. К. Гирса давалась высокая оценка «сердечному согласию, которое столь счастливо водворилось между Россией и Францией» в частности потому, что оно явилось «противовесом влиянию лиги центральных держав», обеспечивая «благоприятное равновесие сил»²⁴.

Французов происшедший инцидент побудил к активизации поисков договорного оформления сотрудничества с Россией. И, хотя они выступали в качестве стороны инициативной и ищущей, — непосредственной угрозы от Германии Россия не ощущала, напротив, из Берлина раздавались дружеские излияния, — выдвинутые первоначально условия оказались совершенно неприемлемы для Петербурга. Их прекрасно выражала формула: союз всадника и лошади, причем на роль всадника намечалась, естественно, Франция. Было выражено пожелание о заключении военной конвенции с максимально точным изложением русских обязательств на случай франко-немецкой войны, ответные обязательства Франции на случай конфликта на Балканах (с Австро-Венгрией) обрисовывались туманно, а англо-русский конфликт в Средней Азии вообще выпал из поля зрения проектантов.

Пока летом 1891 г. шел этот зондаж, французская эскадра на всех парах шла в Кронштадт с дружеским визитом. Мир стал свидетелем событий, далеко вышедших за рамки международного обмена любезностями. Александр III, стоя на палубе французского броненосца, выслушал «Марсельезу», исполнение которой в России было запрещено как песни революционной и подрывной. Офицеров и матросов эскадры адмирала Жерве тепло чествовали в Петербурге, группа моряков посетила Москву, обеды и приемы следовали один за другим. Под впечатлением встречи во французской печати появилось выражение «Кронштадтский год», — явный намек, что визит явился внешним проявлением перелома во всей системе европейского баланса сил. Так оно и было.

Переговоры велись в глубокой тайне. Характерно, что о них ничего не говорилось даже в таких документах для узкого круга посвященных, как отчеты российского МИД за 1892 и 1893 гг. Но что сотрудничество налаживалось на военной почве, было ясно всем.

Французы, как сторона ищущая, пошли на уступки русским партнерам в расширении определения агрессора. Они держались крайне любезно в большом для российских сановников и самого царя Восточном вопросе. Министр иностранных дел А. Рибо снабдил своего посла в Константинополе инструкциями, «списанными», по его словам, с тех, которыми был снабжен российский представитель. Незадачливые маневры Александра III в болгарских делах, включая «непризнание» им князя Фердинанда Кобургского*, поощрялись. Так, обходным путем, через балканские и ближневосточные проблемы французская дипломатия не без успеха прокладывала путь к решению главного — определению военных условий союза.

Александр III пришел к мысли о неизбежности столкновения с Германией: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени сначала разбить Францию, а потом обратиться на нас»²⁵, — делился он мыслями с приближенными в феврале 1892 г. Оставалось оформить то, что созрело в умах политиков.

С русской стороны переговоры вел начальник генерального штаба Н. Н. Обручев, высокообразованный военный, смолоду близкий к демократическим кругам, отказавшийся участвовать в подавлении польского восстания 1863 г., с французской — генерал Р. Буадефр. Обнаружилось, что последний, разумеется не по своей инициативе, стремился как можно неопределеннее говорить об эвентуальной войне против Австро-Венгрии: «французы желали бы, буде возможно, заключить с нами конвенцию исключительно на случай войны с Германией», — делился Обручев своими впечатлениями. Получив отказ, они согласились на формулировки, удовлетворявшие их русских контрагентов. В окончательной редакции документа предусматривалось вступление военной конвенции в силу в случае, если Франция подвергнется нападению Германии или Италии, поддержанной Германией, а Россия — Германии или Австрии, поддержанной той же Германией. Франция выставляла против Германии на последний день мобилизации 1 300 тыс., а Россия — 800 тыс. человек плюс войска против Австрии. 17 августа 1892 г. конвенция была подписана, франко-русский военно-политический союз оформлен²⁶.

* См. раздел «Из „семейной хроники славянства“».

Как бы строга ни была тайна, окружавшая длительные франко-русские переговоры, общая их направленность и смысл договоренности секретом остаться не могли, и это способствовало ослаблению напряженности в Европе. Не успела французская эскадра пришвартоваться к кронштадтским причалам, как из Лондона морякам поступило приглашение посетить на обратном пути Портсмут, где их ждал теплый прием. Премьер-министр Р. Солсбери поспешил отмежеваться от Тройственного союза и произнес панегирик «блестящей изоляции» Великобритании. В Италии, третьем члене центральной группировки, просто-напросто перетрусили — как-никак, французский флот представлял серьезную силу, — и, похоже, пожалели, что продлили свое участие в Тройственном союзе на новый срок. Германия понесла крупное дипломатическое поражение; тяжелее всего бездумный отход от ориентации на Россию переживали сподвижники Бисмарка, вроде посла в Петербурге генерала Г. Л. Швейница, печалившегося по поводу крушения всех принципов, ради которых он трудился всю жизнь: основополагающий постулат бисмаркской внешнеполитической стратегии — проводить экспансию лишь в той мере, чтобы не идти на разрыв и конфронтацию с Россией, — был погран.

Франко-русское соглашение по форме носило оборонительный характер, его инициаторы рассматривали его как «противовес союзу Германии, Австро-Венгрии и Италии». Оно и заключено было на срок действия Тройственного союза. Но франко-русский альянс развязал российским правителям руки для проведения экспансионистской политики на Дальнем Востоке, завершившейся трагедией русско-японской войны 1904—1905 гг. Он способствовал дальнейшим колониальным захватам Франции (остров Мадагаскар и Центральная Африка). Неудача с Болгарией, выскользнувшей из сетей самодержавия, охладил в Петербурге интерес к балканским делам, вмешательство в которые обходилось дорого и плодов не приносило.

Но Юго-Восточная Европа продолжала оставаться очагом беспоконья на континенте ввиду нерешенности национального вопроса. В 1890 г. европейская общественность была взволнована вестями о массовой резне армян в Турции.

Правительство России, проводившее в то время активную колониальную политику на Дальнем Востоке и заинтересованное в поддержании мира в Европе и на Средиземноморье, стремилось «затормозить» до более благоприятного момента Восточный вопрос и встретило поддержку со стороны Австро-Венгрии, поглощенной решением внутренних проблем, непрерывавшимися спорами между двумя частями империи, борьбой с подъемом чешского на-

ционального движения. В мае 1897 г. иностранные ведомства России и Австро-Венгрии, обменявшись нотами, обязались поддерживать *status quo* на Балканах, заявляя, что «готовы заставить уважать этот принцип всякую другую державу, которая обнаружила бы притязания на вышеупомянутую территорию».

Но «заморозить» экономическое и политическое вторжение Германии и Австро-Венгрии на Балканы и Ближний Восток Россия была не в состоянии. Дрезденский и Немецкий банки овладели сетью железных дорог в Малой Азии; затем произошло приобретение контрольного пакета акций железных дорог в Юго-Восточной Европе общей протяженностью в 1260 тыс. км. Комиссионером строительства выступил лично кайзер Вильгельм II, нанесший осенью 1898 г. визит в Стамбул. Итогом явились переговоры, а затем и подписание соглашения о строительстве завершающего звена великого пути из Берлина в Багдад (т. н. три «Б» — Берлин — Bizantium (т. е. Константинополь) — Багдад), что пахло уже установлением контроля над экономической жизнью всего региона. По словам Г. Хильгартена, сюда «с грохотом и лязгом ворвались багдадские локомотивы, питаемые немецким финансовым капиталом»²⁷. Позиции Англии и Франции серьезно пошатнулись, о России и говорить нечего — она пребывала в глубокой обороне. Поражение в войне с Японией и революция 1905—1907 гг. основательно подорвали силы самодержавия, чем не замедлили воспользоваться соперники. В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, не посчитав нужным выразить согласие на требуемую Петербургом компенсацию в виде разрешения русским военным кораблям свободно проходить через Босфор и Дарданеллы. Допустивший на переговорах грубую оплошность министр иностранных дел А. П. Извольский удалился со своего поста — правда, не в отставку, а в посольский особняк в Париже. В 1911 г. Россия получила новую пощечину, и все в связи с той же попыткой открыть для своих военных кораблей выход в Средиземноморье. Посол Н. В. Чарыков, выступивший с соответствующим демаршем, был дезавуирован своим руководством.

Но в недрах балканского общества зрели зерна сопротивления немецко-австрийским притязаниям на гегемонию. Национальная буржуазия выражала недовольство хозяйничаньем капитала Центральных держав в экономике своих стран, патриотически настроенные круги интеллигенции и офицерства протестовали против ущемления государственного суверенитета. В 1903 г. свержение династии Обреновичей в Сербии знаменовало обретение ею самостоятельности во внешних делах; она превратилась в центр притя-

жения югославы Австро-Венгрии. Сотрудничество Румынии с государствами Центра разведальсь противоречиями с Венгерским королевством по Трансильванскому вопросу. В XX столетии начался ее дрейф в сторону Антанты. Восстания в Македонии, все еще входившей в состав Османской империи, напоминали о нерешенных национальных проблемах. Назревал конфликт между балканскими странами и Турцией. Попытки Германии и Австро-Венгрии выступить в роли «дам, приятных во всех отношениях», и сохранить позиции в столицах противоборствовавших сторон привели к тому, что недовольными оказались все. Соперничество великих держав ослабило их хватку над малыми мира сего, последние стали гораздо более самостоятельны в проведении внешней политики. Балканский союз Болгарии, Сербии, Черногории и Греции в войне 1912 г. отвоевал у Турции Македонию и некоторые другие территории, — но союзники рассорились в связи с разделом освобожденных земель. Болгария оказалась в изоляции, прежние союзники превратились во врагов, в войну против нее вступили Румыния и Турция. Последовало поражение и Бухарестский мир 1913 г., обернувшийся кратким перемирием, оставивший целый набор спорных территориальных вопросов. С приближением мировой войны Балканы стали ареной вербовки сторонников и для Антанты, и для блока Центральных государств. Но обо всем этом подробно сказано ниже.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 История тыла и снабжения русской армии. Калинин, 1955. С. 179.
- 2 *Аксаков И. С.* Речь, произнесенная... в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин, 1878. С. 6, 8, 20.
- 3 Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М., 1991. С. 28.
- 4 История дипломатии. М., 1963. Т. 2. С. 133.
- 5 *Сказкин С. Д.* Конец австро-германо-русского союза. М., 1974. С. 159, 213, 214. В данной главе, носящей обобщающий и вводный характер, широко используются высококомпетентные монографии С. Д. Сказкина, А. З. Манфреда, Ф. А. Ротштейна.
- 6 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Отчет МИД за 1871 г. Л. 95.
- 7 *Сказкин С. Д.* Конец... С. 159.
- 8 Там же. С. 193.
- 9 Там же. С. 243.
- 10 Там же. С. 247.

- 11 *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 143.
- 12 *Сказкин С. Д.* Конец... С. 194.
- 13 *Дневник Д. А. Милютина.* М., 1950. С. 69–70. Т. 3.
- 14 *Сказкин С. Д.* Конец... С. 206.
- 15 *Британски дипломатически документи по българския национален въпрос.* София, 1993. С. 174.
- 16 *The Berlin Congress. Ministerial Statement.* АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1878. Д. 79. Т. 2. Л. 432.
- 17 *Gladstone W. E.* Bulgarian **Horrors** and the Question of The East. L., 1976. P. 53–54.
- 18 *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции 1871–1891 гг. М., 1952. С. 298.
- 19 Там же. С. 305.
- 20 Там же. С. 352.
- 21 Там же. С. 423.
- 22 Там же. С. 423.
- 23 Там же. С. 444.
- 24 Там же. С. 503.
- 25 Там же. С. 527.
- 26 Там же. С. 530.
- 27 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в к. XIX — нач. XX в. М., 1970; «Дранг нах остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871–1918 гг. М., 1977.

ОСМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ НА БАЛКАНАХ

В последней трети XIX в. положение Османской империи и остатков ее владений в Юго-Восточной Европе в системе международных политических и экономических отношений претерпело существенное изменение по сравнению с эпохой реформ и революций 1830—1870-х гг., освещавшейся в предшествующих томах «Международных отношений на Балканах».

Эти изменения происходили под совокупным влиянием внешних и внутренних факторов. К числу первых относится прежде всего превращение мирового рынка в мировое капиталистическое хозяйство, в котором определяющей формой связей стал вывоз капитала.

Одной из наиболее благоприятных для этого процесса территорий на рубежах Европы и колониального мира была Османская империя.

Зависимость как вариант развития эпохи реформ трансформировалась к исходу XIX в. в отчетливо выраженный полуколониальный режим. При этом следует отметить, что в регионе стран Балканского полуострова и материковой Турции (Османской империи) борьба держав разворачивалась с особенной остротой. Причиной тому было, во-первых, несоответствие темпов роста общих колониальных владений Англии и Франции, с одной стороны, Германии и Австро-Венгрии, с другой — динамике их экономического развития, типу империализма, который в них сформировался. Во-вторых, несовпадение прежнего, реального влияния на Османскую империю держав, определявших ее зависимое развитие, т. е. Англии, Франции, в меньшей степени России, с фактической вовлеченностью Высокой Порты в новые экономические и военно-политические отношения с Германией и Австро-Венгрией.

Следует учитывать, что распространению в 1880—1890-х гг. немецкого торгово-промышленного и военно-политического влияния в балкано-малоазиатском регионе, например, в соседней с Турцией Румынии, противодействовали и Англия, и Франция. Они же в определенной степени затрудняли германскую военно-промышленную экспансию в Болгарии и Сербии. Что же касается стамбульского правительства, то маятник турецкой политики эквилибра качнулся от Англии и Франции в сторону стран Центральной Европы — Германии и Австро-Венгрии примерно за четверть века до первой мировой войны, что было отражением внутренних факто-

ров, определивших иную, чем в последней трети XIX в., расстановку сил в зоне Проливов, Западной и Европейской Турции.

Формальная независимость Османской Турции и ее соседей на Балканах при большой, а в отдельных сферах экономики (финансы и военное дело) практически полной подчиненности противоборствующим группировкам европейских держав — вот противоречие конца XIX в., которое реально отразилось на связях Турции с ее балканскими соседями.

Вместе с тем надо признать, что неравномерность развития капитализма в Европе, и на Балканах в частности, новые аспекты межнациональных и межгосударственных отношений балканских стран между собой, а также между ними и Османской Турцией повлекли за собой новые повороты и осложнения в их взаимоотношениях.

Поражение Османской империи в период войны 1877—1878 гг. решения Берлинского конгресса, болгаро-турецкие, греко-турецкие конфликты — все это оказывало существенное влияние на политический курс страны, на само существование каких-либо владений Турции в пределах крайнего юго-востока Балканского полуострова. Борьба за их сохранение любой ценой, а точнее ценой любых политических комбинаций с великими державами во многом определяла внешнеполитический курс турецкого правительства (Высокой Порты). Эти же обстоятельства свидетельствовали как о существенном расширении числа держав — субъектов, вовлеченных в новый виток Восточного вопроса, так и об изменениях в содержании военно-политических процессов на Балканах, прямо или опосредованно имевших поля совпадения с традиционным содержанием Восточного вопроса.

Действительно, независимые государства, возродившиеся на бывших восточноевропейских территориях Османской империи, продемонстрировали способность вооруженным путем бороться с бывшей метрополией, ее стремлением задержать турецкое господство хотя бы на части Балканского полуострова.

Следует принять во внимание также то обстоятельство, что геополитические факторы, столь жестко воздействовавшие на позиции Османской империи и великих держав на прежних этапах развития Восточного вопроса, стали оказывать свое негативное влияние и на политику балканских государств, ожесточенно воевавших как с Турцией, так и между собой. Методы этой борьбы (балканско-турецкой, при этом междоусобной) были сугубо силовыми по характеру, целям и способам захвата территорий при полном забвении местных национальных движений и этнической структуры земель, за влияние на которые шла борьба. Это обстоятельство и позволяло Высокой

Порте более или менее удачно использовать в своих интересах противоречия держав (экономические и политические) вплоть до краха самой империи Османов.

Национальные движения за государственное возрождение некогда покоренных турками-османами балканских народов, составлявшие неотъемлемую часть Восточного вопроса, теперь, на рубеже XIX–XX вв., существенно трансформировались. Свобода от турецкого господства была обретена подавляющим большинством народов Балкан. В национальных движениях доминантное звучание приобрело развитие капитализма по «догоняющему» образцу. В балканских странах при этом остро давала себя знать этнорелигиозная (католики, православные, греко-католики, помаки, армяне-униаты и т. д.) и национально-государственная расщепленность (сербы, македонцы, албанцы, греки, румыны и т. д.), большой разброс в сфере культурных и историко-государственных традиций.

Была очевидна неравномерность в уровнях развития не только между ведущей западноевропейской и периферийной — балкано-малоазиатской зонами капитализма, но и в сопредельных регионах, относительно сопоставимых в формационном смысле (Россия — Габсбургская монархия — Османская империя — балканские страны). Внутрорегиональный разброс в уровнях социально-экономического развития также был чрезвычайно велик, что и определяло пестроту в уровнях национальных движений и как следствие — не сложившийся единый фронт национально-освободительных революционных движений против Османской Турции на рубеже XIX и XX вв. Позднее, в 1910-х гг., когда, казалось, извечная проблема «как быть с Турцией?» должна была решиться в контексте национально-государственного возрождения балканских народов и государственного самоопределения турецкого народа в рамках его этнической территории, эти проблемы прозвучали с новой силой.

В рассматриваемый период экономическая жизнь Османской империи осуществлялась в рамках периферийной, аграрно-производящей зоны мирового капиталистического хозяйства. Стоимость турецкого экспорта в период Балканских войн не превышала 14 % от совокупного национального продукта, при этом на экспорт шло свыше четвертой части всего сельскохозяйственного производства Османской империи. Эксплуатация страны осуществлялась не только за счет превращения сельского хозяйства страны в придаток европейской системы, но и за счет расширения отдельных сфер производства, в которых был заинтересован иностранный капитал. Это относилось к добыче полезных ископаемых (рост 8–15 % в год), к ковроделию, к возделыванию и первичной обработке хлопка, к про-

изводству табака, оливкового и хлопкового масла, сухофруктов, шелка-сырца, некоторых видов технических сельскохозяйственных культур. При этом выделились основные направления, по которым державы осуществляли контроль за отраслями турецкого производства. В горном деле Османской империи и в организации производства хлопка-сырца соперничали германский и английский капитал. В ковроделии на экспорт доминировал английский капитал, а три четверти всего табака и шелка-сырца контролировалось французским капиталом.

Экспансия европейского капитала в Османской Турции осуществлялась преимущественно в сфере финансов, внешней торговли и железнодорожного строительства. Эти отрасли османской экономики были более других подготовлены для быстрого развития экономических связей с Западом; вложения капитала в них имели и наибольшую поддержку на правительственном уровне в своих странах. К началу XX в. заметно расширилось представительство различных групп европейского финансового капитала в Османской Турции за счет германских, австро-венгерских, итальянских банков. Однако эти же процессы отмечались и на Балканах. Те же силы оказывали давление на экономику и политику Турции и ее соседей.

В Турции создавалась заповедная зона гарантированных германских капиталовложений. Происходило это главным образом за счет экспансии германских банков. Крупнейший германский «Дойче Банк» открыл свое отделение в Стамбуле в 1888 г., затем последовало открытие еще двух крупных банков — Немецкого палестинского и Немецкого восточного (Стамбул). Они использовали более новую технику и приемы деловых операций по сравнению, например, со «старым» Имперским Оттоманским банком (англо-французский капитал). Англии и Франции принадлежало 73,7 % государственного долга Османской империи. Однако в конкурентной борьбе за контроль над турецким государственным долгом «Дойче банк» к 1914 г. обошел английских кредиторов и потеснил всех других. Если англо-французский капитал через Имперский оттоманский банк создал своеобразный концерн «Режи» по переработке табака и некоторых видов сельскохозяйственного сырья, то при поддержке и поощрении германского правительства «Дойче банк» сосредоточил усилия на концессионном железнодорожном строительстве (Багдадская железная дорога). Их политическое давление на Порту постоянно колебалось и политику Порту в целом.

В Европейской Турции и в Малой Азии основой экономической инфраструктуры колониального типа явились железные до-

роги. С 1888 г. Стамбул через Вену, затем Белград был соединен с общеевропейской железнодорожной сетью. К Первой мировой войне Османская империя располагала, включая линию Берлин—Белград—Стамбул—Багдад, примерно 6 тыс. км железнодорожных путей, что составляло около 3 км на каждую тысячу кв. км территории. Турция отставала по этому показателю от всех соседних балканских стран, например, от Греции более чем в 4 раза (13 км на 1 кв. км). Германии в 1914 г. принадлежало вложенного в железнодорожное дело капитала — 49 %, Франции — 39 %, Англии — 11,4 %. Турецкое правительство гарантировало иностранцам-концессионерам определенный уровень дохода с каждого км железной дороги («километрические гарантии» составляли 10—19 тыс. франков с одного километра). Если с 1889 г. по 1912 г. километрические гарантии обошлись Высокой Порте в 1,3 млн золотых лир, то почти половина из них перекочевала в германские банки. Эти выплаты ухудшали состояние османского бюджета, еще крепче привязывали османскую экономику к Германии. Как банки и торговля не могли быть ограничены государственными границами, так и железные дороги пересекали Балканы, уходили в Малую Азию. Одновременно с усилением позиций в создании сухопутной инфраструктуры в Османской империи Германия потеснила конкурентов в сфере морских перевозок. Учитывая географические особенности страны — огромное морское побережье и более низкую стоимость морских перевозок по сравнению с сухопутными, — Германия приобретала решающее преимущество и на внутренних рынках Турции. Из 50 постоянно действовавших пароходных линий Турция—Западная Европа—США только шесть принадлежало прежней «владычице морей» Англии, на большинстве других господствовала Германия. Англия утратила господство не только в черноморских портах Турции, но и в Европейской Турции. В Салониках господствовали австро-венгерские пароходные компании, в Скутари (Шкодер) 56 % торговых оборотов держала в своих руках Итальянская пароходная компания. Происходило падение относительной доли Англии, Франции и России во внешней торговле Турции в целом в пользу Германии, Австро-Венгрии и Италии.

За 25 предвоенных лет объем внешней торговли Германии со всей Османской империей вырос примерно в 9 раз, с Европейской Турцией — в 17 раз. Последняя вошла в фактически сложившуюся зону преимущественного роста внешнеторгового влияния Германии, включавшую Болгарию (рост торговли с Германией за тот же период — 19 раз), Румынию, 60 % экспорта и 40 % импорта которой стали приходиться на долю Германии.

Балканские войны легли тяжелым бременем на османскую экономику. Бюджет на 1914 г. сводился с дефицитом в 7 млн тур. лир (в 1913 г. с дефицитом в 19,4 млн лир). Сверх того на восполнение потерь, понесенных в Балканских войнах, требовалось еще 20 млн лир, при доходах империи в 29 млн лир*. Погашение долгов державам, неукоснительным следствием за процентными поступлениями, требовало на 1914 г. еще 10 млн тур. лир. «Если с нас потребуют еще контрибуций, — говорил великий везир, — страна объявит себя банкротом». Срочно нужно было изыскать 38 млн тур. лир. «Дойче банк» был готов помочь. Но, при условиях: 1. контроля за чрезвычайным военным налогом; 2. распродажи казенных земель (с правом первой покупки. — *Авт.*); 3. продажи арсенала в Топхане и военного порта со всеми строениями, помещавшегося на берегу Золотого Рога**.

В предшествующих томах нашего исследования (1815–1830, 1830–1856, 1856–1878 гг.) мы отмечали, что балканские территории Османской империи приобрели значительный внутренний потенциал капиталистической эволюции. Те районы, которые еще оставались в рамках империи, получили в предвоенный период дополнительные импульсы для своего развития, при всем сдерживающем воздействии «османского наследия». Такие торгово-экономические центры, как Стамбул, Салоники, Эдирне (Адрианополь), Измир (Смирна) и др., с точки зрения социально-экономической далеко оторвались от Анкары, Кайсери или Айдына и ориентировались на ведущие капиталистические страны.

Немусульманское, особенно христианское население Европейской Турции находилось уже многие десятилетия, на протяжении ряда поколений, в более тесных экономических и социо-культурных связях с европейцами по сравнению с мусульманами-турками. Первые энергично использовали единоверцев и добивались для них всевозможных иммунитетных гарантий, что хорошо содействовало посреднической деятельности христианских подданных Турции. В начале XX в. они занимали привилегированное по сравнению с мусульманскими торговцами и предпринимателями положение в деловых контактах Запад–Малая Азия через Европейскую Турцию. В полном объеме сохранялся капитуляционный режим. Это обстоятельство порождало последствия двоякого рода. Углублялись конфликтные отношения между этнически турецким купечеством и инациональными балканскими компрадорами, что подстегивало воин-

* Подробнее см.: *Шеремет В. И.* Босфор. Россия и Турция в годы Первой мировой войны. М., 1995.

** Там же.

ственную реакцию в откровенно турецком правительстве по отношению к соседним странам на Балканском полуострове и к тем группам выходцев с Балкан, которые жили в Османской империи (греки, болгары, сербы и др.). С другой стороны, исключительные выгоды компрадорской буржуазии в Турции делали значительную ее часть оторванной от основной этнической массы, оказавшейся уже за пределами империи в независимых государствах. Появились своего рода группы давления и на младотурецкое правительство, и на правительства Балканских государств. Поскольку традиционно инонациональные компрадоры были ориентированы на Англию и Францию, логика борьбы турка-купца с нетурком-коммерсантом приводила его к поискам противодействующей силы. Таковой в его представлении выступала Германия. Антагонизм этносоциального и конфессионально-экономического характера трансформировался в политический, в свою очередь влиявший на выбор политической ориентации Стамбула и на формы и методы его политики в отношении суверенных балканских государств.

* * *

В последнюю четверть XIX в. и первое десятилетие XX в. в политической и социально-экономической жизни Османской империи произошло много сдвигов и перемен, вероятно, больше, чем за все прошлое столетие.

Под гром артиллерийского салюта в 1876 г. была провозглашена конституция. Первая на Ближнем Востоке и вторая в Азии (после Японии). В гарантии личных свобод и безопасности для всех подданных империи, в парламентаризм и равенство христиан и мусульман не поверил никто.

Не поверили представители европейских держав, требовавшие прекратить террор на Балканах.

Не верили рядовые турки, даже не знавшие таких слов, как «конституция» или «парламент», и недоумевавшие, зачем в третий раз после 1839 и 1856 гг. вновь говорить о равенстве с христианами. Христиане старались вообще не думать об этом, по той причине, что совершенно не верили османским властям и их документам¹.

Формально не отмененная, конституция фактически перестала существовать через два года. Сокрушительное поражение в войне 1877–1878 гг. и очевидное отсутствие сколько-нибудь серьезной поддержки конституционному движению в обществе, как в мусульманской, так и в христианской его частях, стимулировали откат режима Абдул-Хамида II на позиции, условно говоря, «непросвещенного

абсолютизма». Отношения с подданными на Балканах и на других территориях, регулировавшиеся более чем два десятилетия реформаторскими актами 1839 и 1856 гг., не могли быть возвращены к дотанзиматскому уровню. Уже иными были Балканы (даже их небольшая, условно называемая «османская» часть), другой была Высокая Порты. И строить систему связей с большими имперскими территориями приходилось с учетом их политического суверенитета, новых политических и экономических реальностей на Балканах и в Европе, складывавшейся постепенно, но неуклонно блоковой политики европейских держав.

Неизмеримо больше, чем два–три десятилетия назад, на балканскую политику Высокой Порты влияли такие факторы, как потребность в рынках бывших вассальных земель, вовлеченность в миро-хозяйственные связи, реализовавшиеся, как правило, с учетом развития балканских регионов; наконец, размах и влияние политических движений и достаточно оформившихся общественных движений в собственно турецком обществе. Стамбул (Константинополь) оставался в конце 1870-х — в 1880-х гг. метрополией для части Европейской Турции. Однако имперская политика в отношении как некогда бывших, а затем отпавших, так и сохранившихся под властью Османов земель на Балканах варьировалась в достаточно широких пределах и формах. Причем особенность ситуации заключалась в неразрывности политических и экономических факторов политики в отношении бывших подданных. Рассмотрим специфику социально-экономических сдвигов в Турции в контексте их воздействия на политический курс.

Начиная с 1850-х гг. в Османской империи медленнее, чем в рамках общемировых процессов, но тем не менее неуклонно формировался капиталистический, или индустриальный в современной терминологии сектор хозяйственной жизни. Особенность заключалась в том, что османское государство субсидировало и, следовательно, регламентировало отраслевую структуру и номенклатуру. Предпочтение (субсидии, льготы по налогообложению и т. д.) отдавалось военному делу, горно-заводскому и текстильному производству. Машины, оборудование поступали из Европы, рабочий и инженерно-технический персонал были вплоть до конца века либо европейцами, либо выходцами из Европейской Турции ².

Известно по работам западноевропейских и балканских экономистов и историков, что в балканских провинциях Турции в 1860–1870-х гг. самые богатые и предприимчивые купцы могли покрыть разрыв между реальными и необходимыми инвестициями только за счет османских государственных дотаций.

Возникла сложная взаимозависимость, когда опыт и знания балканского купца и рабочего, естественно, не в полной мере, но зависели от османского центра власти. Последний располагал даже не столько капиталом, сколько *возможностью* его привлечь с третьей стороны, используя капитуляционные и внешнеэкономические рычаги. Эта зыбкая зависимость должна была измениться (и реально трансформировалась), когда подавляющая часть Балкан освободилась от политической опеки Стамбула. Однако остаточные явления, как мы увидим, давали себя знать вплоть до Балканских войн.

В то же время турецкое (османское) государство не могло обойтись без производственного опыта, умелых рук и, проще говоря, — готовности стоять у машины жителей Европейской Турции, позднее — своих бывших подданных. Остро сказывались этнорелигиозные и социокультурные отличия мусульманского и христианского населения. Пока вторые успешно накапливали в первой половине XIX в. навыки и опыт фабричного производства, первые — упорно не воспринимали ни «машинного джинна — духа», ни дисциплины фабричного труда³.

Без этого, т. е. обученного и психологически готового к труду наемного рабочего — бывшего реята турецкие заводчики (и власти) обойтись не могли вплоть до середины 1920-х гг. Следует заметить, что с начала 1880-х гг. в Турции начало развиваться профессиональное образование. Школы-мастерские, где за 2–3 года обучали шелкоткачеству, ковроделию, механическому, кузнечному, литейному делу, заполняли юноши 15–20 лет, имевшие начальное образование. До половины из них были выходцами из бывших балканских провинций империи, а также армяне⁴.

С точки зрения этнического состава в торговле и производстве товаров повседневного спроса лидировали греки и армяне. В конце XIX — начале XX в. заметную роль стала играть еврейская община. Греки, армяне и евреи составили весьма отчетливые и очень влиятельные трансгосударственные группировки, контролировавшие капиталы и рабочие руки.

Турок — автор статьи в газете «Миллийет» за 11 ноября 1907 г. подсчитал, что в турецкой Торгово-промышленной палате (основана в 1881 г.) греки (1,5 млн человек в 1880-х гг.) составляли большинство. «Они говорят по-гречески, думают по-гречески и защищают интересы, естественно, не турок, а своих соотечественников за рубежом», — возмутился турецкий автор.

Действительно, в руках греков к концу XIX в. была сосредоточена большая часть торговли с Западом и транзитная торговля через Балканы, а также торговля продуктами питания, включая главные

(мука, сухофрукты, растительные масла и т. д.). Советский историк А. Д. Новичев отмечал, что в 1890-х гг. греки владели мукомольным производством в Западной Анатолии, сетью лесопильных, литейных и железодельных предприятий⁵. До младотурецкой революции практически все греческие предприятия в Западной Анатолии и в Европейской Турции были либо отделением фирм и компаний, обосновавшихся в Греции и других европейских балканских странах, либо «накрепко к таковым были привязаны финансами»⁶.

Армянская община в Турции контролировала торговлю тканями, скобяными и металлическими изделиями, керосином и другим топливом, а главное — транзитную торговлю западноевропейскими товарами через Балканы, Малую Азию и Кавказ. Как писали русские военные наблюдатели в 1890-х и 1900-х гг. «армяне отдали грекам финансы и продукты», но по сути, особенно после греко-турецкой войны 1895 г., взяли под контроль контакты турецких торговцев и даже порты с балканскими партнерами, представляя интересы турок (по-своему ими понятые) в некогда подвластных странах⁷.

Еврейская община в Турции в изучаемый период была единственной из нетурецких этноконфессиональных групп, которая более или менее последовательно поддерживала Абдул-Хамида II и затем младотурок в отношении османского интегритета. Известный лидер сионистского движения В. Жаботинский четко поставил задачу перед «турецкими евреями» — содействовать сохранению «политического преобладания в Османской империи за турецкой народностью и укреплению добрых взаимоотношений между последней и еврейством»⁸. За этой лояльностью стояло стремление получить у султана или затем младотурок разрешение на колонизацию Палестины. А также, не играя по возможности политической роли и не участвуя в распрях нетурецких народов империи, вести общую, через Балканы и Левант, коммерцию и входить в финансовые предприятия держав в Европейской и Азиатской Турции⁹. Действительно, вся финансовая деятельность еврейского банковского капитала в Турции в конце XIX — начале XX вв. была лишь частью соответствующих учреждений в Вене, Лондоне, Триесте, Париже и других европейских городах.

Ахмед Б. Куран отметил, что в конце XIX в. в двух столичных стамбульских кварталах, населенных европейцами, уже нет ничего турецкого. Изредка приезжает турецкая знать, чтобы погулять по чистым улицам да прикупить что-нибудь диковинное, от «франков». Кисломолочными продуктами торговали болгары и албанцы, табаком — персы, деньги меняли — греки и евреи. И все они были в Стамбуле за границей. Где же их родина¹⁰?

Вопрос турецкого историка повисал в воздухе. Века господства турок-османов наложились на рубеже XIX—XX вв. на новую картину формирования мировых хозяйственных связей. На этой картине не прорисовывался османский центр власти. Реальностью были трансконтинентальные связи той части османских подданных, которые раньше других вступили в эпоху становления индустриального общества.

Т. Чавдар и Д. Авджиоглу по вполне независимым подсчетам пришли к выводам, весьма перспективным для нашей темы. К кануну Балканских и Первой мировой войн греки контролировали 50 % капитала в промышленном производстве Турции и 60 % рабочей силы; армяне соответственно 20 % и 5 %; евреи — 5 % капитала и 10 % рабочей силы. Турки — 15 % капитала и 15 % рабочей силы. Доля турок-торговцев во внешнем обороте не превысила 4 %; во внутренней — 15 %¹¹. И не было среди инонациональных торговцев таких, кто не являлся бы посредником или не держал прочные связи с Западом. Напрямую, но чаще — через Балканы. Последний вывод из сообщений русских военных наблюдателей в Турции на рубеже XX века звучал весьма определенно: Османская Турция утратила владения на Балканах, слабо надеется восстановить свою власть вооруженным путем, весьма полагается на льготы и привилегии, в свое время предоставленные ею западным державам¹².

Не слишком ли смелая и жесткая оценка ситуации? Тем более, что дана она в период Балканских войн, но за период достаточно продолжительный в том быстро развивавшемся потоке событий: 1900-е — начало 1910-х гг. Увидим ниже.

Здесь нам важно подчеркнуть обстоятельство не столько экономического, сколько политического характера. К исходу XIX в. через систему дипломатических, военных, культурных, экономических и других учреждений, созданных державами на территории Османской империи после Крымской войны, сложилась гибкая структура представительских организаций — западноевропейских, но более всего — балканских по основному месту регистрации и расположения. Эти «конторы», помимо посреднической деятельности (торговли), говоря современным языком, лоббировали благоприятные политические решения на местном уровне и на уровне связей Порты с балканскими странами. Это были конторы Т. Ралли, Стефановича, Пастелли, Т. Скулудиса, Д. Главани и др. Их отделения, отмечал современник, имелись в Стамбуле, Софии, Монастире, Бабадаге, Филиппополе, Конье, Трабзоне, Алеппо и т. д. Именно этим посредническим, полукommerческим — полуполитическим конторам принадлежала инициатива создания в Стамбуле торговых палат¹³.

Балканские торговцы, связанные с австрийской торговлей, создали свою торговую палату в 1870 г. Между 1884 г. и 1891 г. все посредники в торговле Турция–Балканы–Запад оформили свои торговые палаты. В документах на регистрацию, поданных в турецкое министерство юстиции, прямо говорилось, что наряду с защитой торговли, подача советов властям «по консолидации связей» с бывшими некогда в зависимости территориями есть их задача¹⁴. Формировался инструмент адаптации турецкой политики на освободившихся землях к интересам торгующего сословия. Но этот же инструмент использовала или стремилась это делать и сама Порты¹⁵.

По оценке современных (1990 г.) турецких историков, банки, финансовые (долговые) обязательства и железные дороги определяли многие направления и акции Высокой Порты в ее политике на Балканах¹⁶. Создание 20 декабря 1881 г. Администрации оттоманского публичного долга — международного коллективного органа по распоряжению финансовыми поступлениями в турецкую казну — было лишь началом формирования уникального аппарата по контролю за различными сторонами взаимоотношений Порты с ее владениями. Контроль за данью, поступавшей из болгарских земель, трансформировался в контроль за налогами, получавшимися с других территорий в Европейской Турции и тогда, когда о «болгарской дани» говорить не приходилось. В 1890-х гг. русская дипломатия в Стамбуле отмечала, что без Администрации долга и тех держав, что стояли за ним (Англия, Франция, Италия, Германия, Австро-Венгрия), Порты едва ли может принять решение по политическим вопросам¹⁷.

В 1900-х гг. русский военный наблюдатель сообщал, что администрация особенно зорко следит за связями Порты с сопредельными государствами на Балканах¹⁸. Совет Администрации держал к 1908 г. под контролем 11 долговых обязательств Порты на 800 млн франков, погашение которых было в значительной степени связано с торговыми, финансовыми, строительными (железные дороги) обязательствами турецкого правительства в Европейской Турции или в совместных с балканскими предпринимателями операциях¹⁹.

Автор оставляет за рамками изложения борьбу за собственно турецкий рынок, которую вели финансисты и предприниматели Запада²⁰. Акцентируем, однако, конкретный факт. Когда в 1907 г. после нескольких лет усилий Порты добилась временного повышения ввозных пошлин, Совет Администрации «проследил», чтобы три четверти этих средств Порты расходовала на нужды Македонии, разумеется, под надзором Совета²¹.

К периоду Балканских войн в Османской империи действовало только крупных 14 банков, причем все они имели отделения и в Турции, и на Балканах. Некоторые имели камуфлирующие вывески: Имперский Оттоманский банк (государственный банк Турции, но англо-французский по капиталу), Национальный банк Турции (английский капитал). Другие обходились без этого: Немецкий («Дойче банк»), Немецкий восточный банк, Отделение Русского банка для внешней торговли и т. д. Контроль не только за денежным обращением в стране, но всеми крупными внешнеторговыми операциями и межгосударственными организациями был тому прямым следствием²². Ситуация для Администрации улучшилась после 1903 г., поскольку турецкое правительство лишилось права на зарубежные инвестиции без санкции наблюдателей Администрации. Единственно, где могли иметь место эти инвестиции — балканские сопредельные страны. И там, и в Турции все операции оказывались под контролем держателей «оттоманского долга»²³.

Администрация оттоманского долга с 1886 г. (концессия на железнодорожную линию Анкара—Хайдарпаша) взяла под фактический контроль строительство, гарантируя инвесторам регулярную выплату прибылей по концессионным соглашениям. В итоге сложился фактически незаметный для современников парадокс. Администрация определяла решения о строительстве дорог Салоники—Стамбул, Салоники—Монастир, Гумир—Касаба, Дамаск—Хама и др. Безусловно, факт положительный, однако за этими действиями стояло, как правило, мощное давление и на Порту, и на правительственные и предпринимательские круги заинтересованных в коммуникациях балканских стран. Несколько примеров.

Как известно, железные дороги в Болгарии после освобождения (680 км) находились под контролем «Общества эксплуатации Восточных железных дорог» (германо-австро-венгерский капитал). Идея железнодорожных строителств в Анатолии была тесно связана с таковым на Балканах. Глава «Дойче банк» Сименс не раз обращал внимание турок на необходимость активизации правительственных акций. Он обращал внимание Порты на то, что болгарское правительство овладело контролем над железнодорожным строительством на своей территории, и подвинуть его на совместные болгаро-турецкие акции можно лишь на правительственном уровне. Порты молчала. Как оказалось, Администрация не была в этом заинтересована, и об этом было известно в султанском дворце. Только после того, как Болгария и Сербия соединили свои участки железных дорог, а Болгария выкупила уже у младотурок, т. е. после 1908 г., линию Вакарел—Белово, Администрация начала стимулировать стам-

бульское правительство на резкие выступления в защиту интересов турецких коммерсантов, пользовавшихся веткой на Дедеагач.

В 1898—1899 гг. Администрация фактически поддержала через правительство действия «Дойче банк», направленные на снижение до предела котировки болгарских ценных бумаг в Стамбуле и Берлине. В итоге затеянная Болгарией стройка Нова-Загора—Чирпан захирела. Отношения Стамбула и Софии подверглись очередному напряжению. Когда к 1909 г. ситуация Администрации показалась выгодной, младотуркам было рекомендовано продать Восточные железные дороги Болгарии. Выиграли держатели оттоманского долга и «Дойче банк», но не Турция и не Болгария²⁴. Банки фактически манипулировали в сфере политики. И это обстоятельство должно постоянно приниматься в расчет при оценке положения в регионе.

Крупный прорыв «Дойче банк» в Болгарии состоялся в конце 1899 — начале 1900 г. Тогда его глава Сименс провел больше месяца в Стамбуле и Софии, обсуждая проблему увязывания интересов германо-австро-венгерского капитала по контролю над турецким железнодорожным строительством с усилением своих позиций в Болгарии.

Финансисты Абдул-Хамида II сообщили ему, что их прямые контакты с болгарскими коллегами проходят с огромным трудом. Тем более, если дело касается столь деликатной темы, как железные дороги на болгарской земле. Дело сдвинулось, когда Администрация уяснила, какую долю она получит от 5 %-го займа в 260 млн франков на железнодорожное строительство в Болгарии и Турции.

Дело было в том, что 60 % займа шло от «Банк де Пари э де Пэйи Ба», а 40 % — от «Дойче банк», связанных финансовыми обязательствами через учреждения Администрации.

Тогда уже в министерстве финансов Турции Сименсу дали понять, что, выводя на передний край расходов французов, своих главных кредиторов и держателей «оттоманского долга», Высокая Порта решает экономические и политические задачи на Балканах. Поддерживается выживание французских капиталов. При этом простым и очевидным образом — выступали преимущества друга России и Турции, т. е. Франции, в Болгарии, дружественной и русским и французам, — демонстрировали стремление укрепить и отношения с Россией.

Был и еще один пример того, как международный финансовый капитал держал «на поводке» две соседние страны в Юго-Восточной Европе.

В 1901 г. рассматривался крайне важный для Болгарии 6 %-ный заем в 30 млн французских франков от двух парижских, трех герман-

ских и одного венского банка, где пропорция была соблюдена так: 62,5 % французский капитал, остальное — германо-австро-венгерский. Заем давал финансовую передышку Болгарии. Это известно. Однако! Он гарантировался доходами акциза на табак в Болгарии и серией операций с торговлей *турецким табаком*.

Развитие табачно-денежной операции приобрело дополнительный стимул после того, как болгарский князь Фердинанд поддержал курс на займы преимущественно у французского капитала. Когда в 1902 г. совместно с «Русским государственным банком» болгарам дали заем в 106 млн франков под 5 % и с удобным амортизационным процентом, выяснилось следующее любопытное и поучительное обстоятельство. Этот названный еще современниками «табачный заем» обеспечивали с технической стороны новый исполнительный директор «Дойче банк» Гвиннер, его сотрудники в Стамбуле, а также аппарат Имперского Оттоманского банка в Стамбуле.

По настоянию последнего в займе приняли участие несколько берлинских и венских банков, причем из них подавляющее большинство имели филиалы в Стамбуле и сотрудничали с Администрацией.

В обеспечение займа пошли прямые и косвенные налоги на табак, акциз от оборотов табака и табачной продукции. Эту сторону дела контролировали и соответственно консультировали заимодавцев специалисты пустившего глубокие корни в Стамбуле французского общества «Режи де табак Оттоман», как говорилось, любимого детища Администрации.

Последняя, впрочем, благословенному аромату хорошего табака предпочитала удушливые запахи пороха и ружейной смазки.

Известно, что «табачный заем», нацеленный на покрытие государственного долга Болгарии и на военное строительство, поставил страну под международный финансовый контроль.

То же произошло и в Турции, где «Режи» стимулировала оружейные закупки и негласно участвовала в перевооружении турецкой армии. Одни и те же руки вооружали противостоящие силы в Балканских войнах.

В первые годы XX в. французские финансисты, многие из которых постоянно вояжировали между Софией и Стамбулом, уже прочно держали в своих руках «болгарский долг». Специалистами (Б. Туполев, Ц. Индра) подсчитано, что около трети кредитов болгарское руководство истратило на закупку оружия у французской фирмы «Шнейдер э Крезю». Русские военные наблюдатели из Турции общались за тот же период (1902 г.), что табачная компания «Режи» занята посредническими закупками оружия у Шнейдера и Крезю.

Тогда эти сведения показались «Центру» столь нелепыми, что легли под сукно с полустертой надписью «небывальщина»²⁵. История факт столетней давности подтвердила.

* * *

Имели место и случаи более гибкого маневрирования Порты связями с бывшими территориями. При этом более или менее удачно сталкивались радикальные деловые круги, стремившиеся укрепиться в Турции и на Балканах.

Бельгийские сахарозаводчики, удачно обосновавшиеся в Османской империи, уже в 1897 г. основали в Болгарии с привлечением вывезенного из Турции капитала завод по переработке сахарной свеклы на сахар, спирт, патоку. Причем часть продукции (кроме спирта) пошла в Турцию. Параллельно и в Болгарии, и в Турции шло создание или переоснащение железорудных разработок, организация транспортного трамвайного парка, производство спичек.

Высокая Порта предпочла именно бельгийских коммерсантов при открытии нескольких новых предприятий по обработке кожевенного сырья и по производству хлопчатобумажных тканей и изделий из них.

Французам, немцам и англичанам (!) пришлось обескураженно отступить. Особенно негодовали английские текстильные предприниматели, уверенно державшие в своих руках эту отрасль в Турции более семи десятков лет.

Ларчик был с простым секретом. Именно бельгийцы додумались первыми запустить турецкое дешевлешее и высококачественное сырье на дополнительную выработку по новым технологиям в Болгарию*.

То же примерно происходило с первично обработанным в пределах Турции хлопком-сырцом. И все это — без большого шума и огласки. Бизнес!

Внешняя торговля Османской империи и Болгарии в конце XIX — начале XX вв. отражала общую тенденцию: проникновение на рынки своих бывших подданных с опорой на сложившуюся за столетия систему связей. Но главное — через участие в деятельности новых для этих балканских стран партнеров. Они же — проверенные

* Надо признать, что англичане ответили созданием довольно хорошо оснащенных прядильно-ткацких предприятий в Ямболу и Варне, но полуполюгальное турецкое сырье для бельгийских предприятий делало их более конкурентоспособными (*Fişek K. Türkiye'de kapitalizmin gelişmesi ve işçi sınıfı. Ankara, 1969. S. 18*).

и связанные долговременными соглашениями финансового и политического характера — европейские страны и деловые круги.

В течение периода 1886—1990 гг. Османская империя доминировала в экспорте Болгарии с отрывом от ближайшего соперника — Англии в 3 раза. При этом Турция по месту в экспорте Болгарии держала «далеко за флагом» все другие страны, включая Францию, Россию, Австро-Венгрию.

Австро-Венгрия, естественно, занимала лидирующее место в болгарском импорте. Не настолько, впрочем, чтобы полностью вытеснить турок. Более того, место Османской империи не снижалось ниже третьего в болгарском импорте на рубеже века и не составляло менее половины и трети от объемов австро-венгерского или британского импорта Болгарии.

За будущими союзническими отношениями в годы первой мировой войны стояли достаточно полезные экономические связи. Взорвать их не смогли, хотя и основательно перетряхнули, Балканские войны.

Мощное давление, оказанное Германией на Ближний Восток и Балканы в первые годы XX в., несколько скорректировало ситуацию в отношении места Османской империи во внешнеторговом обороте Болгарии. Турция удержалась на первом месте в болгарском вывозе, но партнеры, занимавшие второе и третье места в болгарском вывозе, были — Бельгия и Германия. Именно они уверенно расположились во внешнеторговой сфере османской экономики.

Османская империя накануне политических бурь 1907—1908 гг. в болгарском импорте удерживала второе место после Бельгии, обгоняла Австро-Венгрию, Великобританию и Германию (о России и речи быть не может!). Однако и это внешне благоприятное для османской внешней торговли в Болгарии обстоятельство подлежит жесткой коррекции с учетом роли и места Германии и Австро-Венгрии в самой Турции. А поскольку эти державы, как документально показали турецкие исследования, уверенно контролировали важнейшие хозяйственные связи Турции, можно согласиться с мнением турецкого автора, что их немецкие и австро-венгерские партнеры допускали турок на балканские рынки в пределах, установленных в Берлине и Вене ²⁶.

Весьма показательны в этом плане экономические и политические отношения Стамбула и Белграда.

Признание на международно-правовом уровне независимости Сербии после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. имело для молодого государства один малопривлекательный аспект. А именно — возложение на Сербию части османского государственного долга.

В итоге за десять лет, к 1887/88 финансовому году, государственный долг Сербии вырос с 28 до 254 млн динаров, в 9 раз.

Из более чем двух десятков государственных займов Сербии за период с 1876 г. до начала критических событий 1907–1908 гг. наше внимание привлекает 5 %-ный заем 1893 г. Он был выделен Сербии по согласованию с Высокой Портой Имперским Оттоманским банком при поддержке Австрийского земельного банка и Берлинского торгового общества. К этому времени консолидированный долг Сербии превышал 320 млн динаров. По существу, речь шла о консорциуме держателей сербских займов, среди которых решающий голос имели Берлинское торговое общество, Австрийский земельный банк и Учетный банк Парижа.

Они-то и предложили задыхавшемуся Имперскому Оттоманскому банку (напомним, его центр — в Париже, генеральная контора в Стамбуле) — «поправить дела» в стране, деловая жизнь которой, рынок бумаг и люди на нем были хорошо известны стамбульским финансистам.

Видная исследовательница экономики Сербии, профессор Даница Милич познакомила меня со своими любопытными находками разных лет. Они касались прямо-таки зверского аппетита Имперского Оттоманского банка к внешним долгам Сербии за период 1880–1890-х гг. Так, выяснилось, что именно специалисты из ИОБ определили почти предельный, феноменальный для всех времен и народов срок займа — 72 года при вообще-то незначительной сумме 4%-го займа — 355, 4 тыс. франков.

Главное заключалось в том, что в погашение шли доходы от табачной, нефтяной (!) монополий и доходы от не слишком протяженных, но уже проектировавшихся железных дорог²⁷.

Исследователи (Ю. А. Боев, А. Дювелей, Б. М. Туполев) как-то упустили, упомянув об этом займе, что рядом с германским и французским наблюдателями в Главном управлении монополий Сербии, которым вменялось бдительно следить, чтобы Сербия исправно отдавала свои доходы кредиторам, входил и представитель Имперского Оттоманского банка.

Цепь замыкалась. Цепь, которая накрепко связывала бывшую метрополию и бывших вассалов.

События конца 1890-х гг. нарушили «общий контроль» над займами и ценными бумагами Сербии, как это планировали финансисты в Стамбуле и Париже. Немцы и австрийцы прихватили более 65 % сербских ценных бумаг, и сразу оказалось возможным заставить ИОБ подписать в первую очередь с венскими и берлинскими финансистами соглашение о новых займах Сербии.

Удар был точен. Берлинское торговое общество и Земельный банк Австрии получили через сербские ценные бумаги доступ к участию в принятии принципиальных решений через правление Имперского Оттоманского банка (ИОБ). До событий 1908 г. оставалось еще 5 лет. До падения династии Обреновичей в 1903 г. только год.

Напряженность между австро-германо-турецким финансовым давлением на Сербию и соответственно напряжением в политических отношениях нарастали.

Заметим, что в тихих кабинетах ИОБ родился еще один из серии долгосрочных в 50 лет займов Сербии (1902).

В канун младотурецкой революции 1908 г. можно констатировать усиление соперничества франко-германского финансового капитала, активизацию военно-промышленных концернов Франции и Германии в Сербии при очевидном оттеснении не только турецких, но и смешанных турецко-европейских финансовых групп от стола с разложенными на нем сербскими займами — обязательствами.

В 1908 г. оружейная группа Шнейдер—Крезо фактически монополизировала поставки оружия в Сербию, то же происходило и в Болгарии. Примерно также обстояли дела в Турции, где все же еще не завершились борьба за рынок оружия между Круппом и Шнейдер—Крезо.

Кроме оружия, необходимы были боеприпасы и многое из снаряжения. В торгово-промышленных кругах Османской Турции не иссякал интерес к богатым горнорудным запасам Сербии. Известно по турецким материалам, сколь неприятно встретила еще в 1835 и 1856 гг. Высокая Порта информацию из Сербии об исследованиях саксонских специалистов по горному делу относительно разработок железа, меди, свинца, ртути. Однако возможности как-то практически остановить развитие концессий на разработку рудных богатств Сербии Стамбул не имел. Известно в то же время, что бельгийские специалисты и руководители предприятий по разработке каменного угля и олова, входившие в Сербскую промышленную компанию, в конце 1880-х в 1890-х гг. имели значительный опыт и связи с аналогичным производством в Турции. В плане стратегических коммуникационных линий, связывавших Западную Европу с Турцией, Стамбул обращал большое внимание на железнодорожное строительство в Сербии. Тем более, что эта проблема была под неусыпным наблюдением и Берлина.

Сообщения русских наблюдателей за 1904—1911 гг. (пресса, сотрудники военной разведки, коммерсанты) пестрят информацией о том, как дружно и упорно Стамбул и Берлин торпедировали все проекты Дунайско-Адриатической железнодорожной линии, кото-

рая могла бы в какой-то мере конкурировать с легендарным Багдадским рельсовым путем на Восток и его самым коротким плечом (через Сербию) Берлин—Стамбул²⁸.

В трагический для османской внешнеторговой политики год Мухарремского декрета (1881), при полном отсутствии у Высокой Порты возможности следить за обстановкой в зоне ее экономических интересов, Вена заключила соглашение с Белградом, исключавшее как политические, так и сколько-нибудь значительные торговые соглашения Сербии с третьей стороной без согласия Австро-Венгрии.

Известно также, что перед этим два или три года Стамбул и Белград зондировали перспективу заключения нового, взаимовыгодного торгового договора. Он умер задолго до своего рождения, и тому помогла Вена. К 1894 г. этот диктат перестал существовать, но только в самом конце 1890-х — начале 1900-х гг. Османская империя смогла занять второе после Дунайской монархии место в сербском экспорте. Периодически турки теряли это «почетное место» в пользу Германии.

Стамбул не «просчитал» свою политическую позицию в период болгаро-сербского таможенного сближения (1904—1905 гг.). Зато он поддержал Берлин в период заключения сербо-германского торгового договора 1905 г. Здесь интересы реэкспорта турецкого сельскохозяйственного сырья через Сербию устраивали и Германию, все более уверенно чувствовавшую себя на турецком рынке сельхозпродукции, и турецких коммерсантов, придавленных финансовой и политической рукой немецкого друга. Рукой такой тяжелой, что турки искали любых компромиссных вариантов. В первую очередь с ближайшими географическими партнерами. Однако эти экономически очевиднейшие интересы не определяли политическую линию Стамбула. Прежде всего потому, что элементы экономической политики выстраивались не Портой, а державами.

В разное время преобладала то галльская, то английская, то германская речь. Любая была чуждой и Стамбулу, и его бывшим владениям. Объективная тенденция сотрудничества разбивалась неумолимостью действий западных держав.

Греция была первой из балканских провинций Османской империи, получивших (1824 г.) финансовую помощь Запада, причем еще не добившись независимости. Ее сумма в 1824 г. равнялась (два займа) с учетом амортизации и пр. 1,5 млн фунтов стерлингов.

Иностранные инвесторы традиционно вкладывали средства в разработку горнорудных богатств Греции. Основанием служили большой опыт греческих работников, трудившихся на турецких горных

разработках в 1830–1860-х гг., опыт инженерных кадров (подданных и Греции, и Турции), а также минимальная конкуренция со стороны турецких горнозаводчиков.

Действовавшее с 1876 г. в Греции Общество по добыче рудных ископаемых имело основную штаб-квартиру в Париже, филиал — в Стамбуле. Кадры набирались как в Турции, так и в Греции. Нет, конечно, ничего плохого в том, что при прокладке Коринфского канала, завершено в 1893 г., были тщательно изучены материалы эпохи Мухаммеда Али, относившиеся к первым проектам Суэцкого канала. Примечательно другое. Французский капитал строил Коринфский канал, владел преимуществом в концессиях на железнодорожное строительство, а массу советников составляли — немцы, германские подданные²⁹. Поражение Греции в войне с турками отозвалось тяжелыми издержками для греческой экономики.

Международный финансовый контроль, установленный над Грецией в 1898 г., был инициирован германскими финансовыми кругами, заинтересованными в строгом и полном получении турками сумм по контрибуции после войны с Грецией.

Деньги эти немедленно реализовались на военные программы Турции. Перекачка средств шла по разным каналам. Однако наиболее полноводным был поток через Имперский Оттоманский банк. Англо-французские активы ИОБ не препятствовали реализации сделок османских военных с их главными военно-политическими партнерами в Берлине и Вене. В литературе, впрочем, отмечено, что и сама Греция в начале XX в. явилась своего рода ареной борьбы могучих гладиаторов от оружия — фирм «Маузер», «Манлихер» и других оружейных гигантов.

Это соперничество-сотрудничество проявилось в том, что фактически ни один из крупных банков Германии или Австрии не мог успешно действовать в Греции, если не имел отделения в Стамбуле, Измире, на худой конец в Александрии, — представительств, совмещавших экономическую и военно-политическую информацию о положении в Турции.

Картина в принципе была аналогичной тому, что складывалось в Болгарии, Сербии. Финансовые круги Германии формировали с опорой на Турцию свое влияние в банковском деле, в городском хозяйстве, в коммуникациях как Османской империи, так и независимых, но когда-то подвластных территорий. При этом использовались опыт, навыки, политические связи компрадорской буржуазии, новой технической, иной управленческой элиты, подготовке которой вели и турки, и их балканские соседи.

Дело даже не в доле германских, австро-венгерских, франко-английских вложений в регионе, а в том, что они были представлены во всех заинтересованных странах региона. Политические рычаги воздействия имели прекрасную финансовую смазку.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Петросян Ю. А. Младотурецкое движение. М., 1981. С. 95–96; *Devereaux R.* The First Ottoman Constitutional Period. Baltimore, 1969. P. 84–85.
- 2 *Issawi Ch.* The Economic History of the Middle East. 1800–1914. Chicago, 1966. P. 56.
- 3 *Инджикян О. Г.* Буржуазия Османской империи. Ереван, 1977. С. 124; *Issawi Ch.* The Economic History... P. 47.
- 4 *Инджикян О. Г.* Буржуазия... С. 136.
- 5 *Новичев А. Д.* Очерки экономики Турции до мировой войны. М.; Л., 1937. С. 108.
- 6 Российский Государственный архив Военно-Морского флота (РГА ВМФ). Ф. 418. Оп. 1. Иностранная статистика. Турецкий стол. Д. 4218. Л. 35–37, 125–127.
- 7 Там же. Д. 4230. Л. 3–5; *Koçuş S.* Tarih boyunca ermeniler ve türk ermeni ilişkileri. Ankara, 1967. 2-cu baskı. S. 60.
- 8 См. статьи в еженедельнике еврейской общины в России «Рассвет». СПб., 1908. № 46. 1909. № 16.
- 9 «Рассвет». 1909. № 17; *Инджикян О. Г.* Буржуазия... С. 158.
- 10 *Kuran A. B.* Harbiye mektebinde hürriyet mücadelesi. İstanbul, 1990. 2-cu baskı. S. 57–58.
- 11 *Çavdar T.* Milli mücadele başlarken sayılarla vaziyet ve manzaba-i umumiye // *Milliyet*. 21.09.1970. *Avcıoğlu D.* Türkiye'nin düzeni. İstanbul. 2-cu baskı. 1993. S. 128.
- 12 Санкт-Петербургские ведомости. 11 декабря 1913 г.; Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 82. Д. 3049. Л. 140–144. Сообщение А. М. Колюбакина; РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Иностранная статистика. Турецкий стол. Д. 4218. Л. 125–127; Д. 4260. Л. 8, 11, 12–14.
- 13 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Иностранная статистика. Балканы. Д. 4252. Л. 118–124. Выдержки из переписки турецких дипломатических представителей в Вене, Берлине, Софии, Бухаресте и др.
- 14 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Донесения военных и военно-морских агентов в Турции. Д. 4252. Л. 2об.–4.
- 15 Российский Государственный Исторический Архив (РГИА). Ф. 150. Оп. 1. Д. 409. Л. 7. Консульские донесения из Измира; *Вестник финансов*. СПб., 1894. № 47; *Инджикян О. Г.* Буржуазия... С. 187–188.

- 16 Türkiye tarihi. Cilt III. İstanbul, 1990. S. 169.
- 17 См.: *Петросян Ю. А.* Младотурецкое движение. С. 147.
- 18 РГА ВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Иностранная статистика. Турецкий стол. Д. 4218. Л. 28–29. По материалам распорядительного директора Оттоманского Публичного Долга Адама Блака сводку готовил В. Каськов.
- 19 *Karal E. Z.* Osmanlı tarihi. Cilt VIII. Ankara, 1962. S. 430–431.
- 20 См.: *Новичев А. Д.* Очерки... С. 205–212; *Туполев Б. М.* Германский империализм в борьбе за место под солнцем. М., 1991. С. 26–103 и др.
- 21 *Новичев А. Д.* Очерки... С. 184–185; РГИА. Ф. 1358. Материалы Санкт-Петербургского телеграфного агентства. Д. 928 (Македония). Д. 988 (Салоники). Д. 990 (Турция).
- 22 О банках в Османской империи этого периода см.: *Новичев А. Д.* Очерки... С. 206–212; *Ашов Б.* Банковское дело в Турции // Промышленная торговля. 1911. № 20. С. 316; Türkiye tarihi. Cilt III. S. 203–205.
- 23 *McCarty J.* The Arab World, Turkey and the Balkans. 1878–1914. Boston (Mass.), 1982. P. 285; *Pamuk Ş.* Osmanlı ekonomisi ve dünya kapitalizmi. 1820–1913. Ankara, 1984. S. 51.
- 24 *Брандт Б.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. СПб., 1898. Ч. 2. С. 280; *Dantschoff Y.* Das Eisenbahnwesen in Bulgarien. Leipzig, 1917. S. 16.
- 25 Архив Военно-исторического музея артиллерии и инженерных войск (АВИМАиИВ). Ф. Мобилизационное отделение. «Секретная переписка. Армии балканских государств». Л. б/нумерации.
- 26 *Oguz V.* Yüzyillar boyunca alman gerçeği ve türkler. İstanbul, 1983. S. 135–138.

Одной из главных проблем в商гово-политических отношениях Османской империи с Болгарией было сохранение по Берлинскому договору 1878 г. всех неравноправных торговых соглашений бывшего суверена — Турции с отделившимися территориями.

Соответственно сохранялся, по крайней мере де-факто, капитуляционный режим. В отношении ввозных пошлин тариф не мог превышать 8% ad valorem. И так продолжалось вплоть до 1894 г., когда Болгария «самостоятельно» повысила его до 14,5%, что вызвало шквал дипломатических представлений Стамбула в адрес Софии. См.: Чуждите капиталы и технот значение за икономического развитие на страната. Варненска Търговско Индустриална комара. Варна, 1911. С. 26–38.

Следует отметить, что почти два десятилетия (в 1880–1890-х гг.) и турецкая официальная печать, и деловые круги Стамбула ревностно выступали с позиций сохранения заниженных ввозных пошлин на бывших балканских территориях империи, особенно в Болгарии. Это вполне объективно отвечало конкурентной борьбе Османской империи и западных держав за балканские рынки. Ведь и Болгария, и другие политически освободившиеся страны развивали все те же отрасли — текстильную, табачную, мукомольную, сахарную, пищевую и т. д., что ставило всех субъектов регионального обмена в условия острого соперничества.

В канун Балканских войн Османская империя не смогла, впрочем, достичь даже 1 % в общей сумме иностранных капиталов, вложенных державами в Болгарию. Однако с опорой на проосманские политические силы Стамбул сумел занять место, примерно равное Германии и чуть выше Франции в финансировании предприятий и отраслей, контролировавшихся болгарскими правительственными кругами. См.: *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX вв. М., 1970. С. 276; *Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время.* М., 1989. С. 114–153.

- 27 *Милић Д.* Чужестраният капитал в Ср̀бия до първата световна война // Исторически преглед. Београд, 1965. XXI. Кн. 4. С. 59. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить проф. Даницу Милич за многополезную информацию.
- 28 РГИА. Ф. 23. Оп. 1. Д. 44. Сообщения консулов в Битоле, Монастире. Л. 44–47, 53–58. АВИМАиИВ. Ф. 6. Оп. 5/3. Д. 317. Сербия. Л. 6/номера; РГИА. Ф. 1358. Сообщения Санкт-Петербургского телеграфного агентства за 1904–1911 гг. (Белград, Салоники, Турция).
- 29 АВИМАиИВ. Ф. Мобилизационное отделение. «Секретная переписка. Зарубежные сведения». Листы 6/нумерации. Там же. Ф. Сведения об армиях Австро-Венгрии и ее ареала (Греция, Турция, Сербия). 1893–1895 гг. Л. 279–281об. Ср.: *Zolotas X.* Griechenland auf dem Wege zur Industrialisierung. Leipzig; Berlin, 1926. S. 17–21.

Выясняется по данным военных наблюдателей, вполне сопоставляемым с почти современными (1926 г.) материалами, что эти «наблюдатели»-советники состояли на германской военной службе и одновременно проходили по спискам турецких финансовых и военных учреждений.

«ДРАНГ НАХ ЗЮД-ОСТЕН»

После объединения в 1871 г. Германия еще длительное время не имела каких-либо существенных экономических, политических или военно-стратегических интересов на Балканах и Ближнем Востоке. Поэтому Бисмарк не только мог предоставить России свободу рук в этом регионе, но даже поощрял ее здесь к активным действиям. Германский канцлер явно хотел добиться того, чтобы подтолкнуть Россию, являвшуюся, по его мнению, самым сильным и опасным германским соседом, к «применению своих излишних сил на Востоке», чтобы ослабить ее позиции на Западе. На Ближнем Востоке интересы России приходили в столкновение не только с интересами Великобритании, но и Австро-Венгрии. После победы «малогерманского» варианта объединения Германии (без Австрии) монархия Габсбургов превратилась в самого серьезного соперника России в Юго-Восточной Европе. Поэтому российская дипломатия предпринимала все возможные меры, чтобы сковать ее активность на Балканах и воспрепятствовать сближению с Англией или Германией, причем лучшее средство для этого в Петербурге усматривали в осуществлении совместных действий с Австро-Венгрией. Со своей стороны, германское правительство отнюдь не желало допустить, чтобы интересам Австро-Венгрии был нанесен значительный ущерб или чтобы она была заметно ослаблена. Более того, Германия всячески способствовала расширению влияния двуединой монархии на Балканах ¹.

Во время Восточного кризиса 1875–1878 гг. Бисмарк стремился всемерно обострить австро-русский и англо-русский антагонизм на Балканах и Ближнем Востоке, чтобы подтолкнуть Россию к войне с Турцией. На состоявшемся еще в начале 1875 г. секретном совещании в Вене правящими кругами Австро-Венгрии в качестве ближайшей внешнеполитической цели была намечена аннексия Боснии и Герцеговины ².

В этой связи можно вспомнить, что австрийские притязания на Боснию имели весьма долгую историю. После первого вторжения Валленштейна во время Тридцатилетней войны в Боснию в 1626 г. австрийцы, преследуя разбитых под Веной турок, достигли Сараево и разрушили его. Во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг. австрийский кабинет некоторое время выступал за приобретение

Сербии с Белградом и куска территории Боснии вместо участия монархии Габсбургов в первом разделе Польши³.

На встрече Александра II с Францем-Иосифом в Рейхштадте (чешск. Закупы) в июле 1876 г., посвященной обсуждению балканских проблем, по поручению А. М. Горчакова и Д. Андраши были составлены записи этих переговоров, которые расходились по ряду вопросов. Обе державы были согласны следовать принципу невмешательства, потребовать в случае военного успеха Турции восстановления довоенного положения в Сербии, признания независимости Черногории и проведения административных реформ в Боснии и Герцеговине, обязались не способствовать образованию на Балканах большого славянского государства. В соответствии с русским вариантом записей Черногория должна была присоединить Герцеговину, а Сербия — некоторые части Старой Сербии и Боснии. В этом случае монархия Габсбургов получала турецкую Хорватию и некоторые пограничные с ней части Боснии. Согласно австрийской записи, Сербия и Черногория приобретали лишь пограничные районы Боснии и Герцеговины, а их остальную часть имела право аннексировать Австро-Венгрия. России возвращалась отторгнутая по Парижскому договору 1856 г. Бессарабия. Константинополь должен был стать «вольным» городом⁴. Лишь в секретной Будапештской конвенции 1877 г., подписанной Россией и Австро-Венгрией, было предусмотрено, что в качестве компенсации за нейтралитет Дунайской монархии в случае русско-турецкой войны Босния и Герцеговина должны целиком отойти к ней⁵.

Рассматривая вопрос о возможности войны с Турцией, правящие круги России хотели заручиться поддержкой Бисмарка. В это время Ф. М. Достоевский, отражая широко распространенное в России мнение, в «Дневнике писателя» за март 1876 г. отмечал, что ключ «к герцеговинскому вопросу очутился тоже в Берлине и тоже в шкапулке у князя Бисмарка»⁶. В записях писателя, относящихся к июлю—августу 1876 г., говорилось, что «большинство немецких газет наполнено теперь самыми яростными выходками против России»⁷. В Англии и Германии, писал он, «опять-таки лгут поголовно», сами не веря ни в одно слово из своих обвинений, что «Россия усилится, овладеет Востоком, Константинополем, Средиземным морем, портами, торговлей. Россия низринется варварской ордой на Европу и „уничтожит цивилизацию“»⁸. Великий русский писатель развивал идею русского предназначения, первый шаг которого «должен был состоять в единении всего славянства, так сказать, под крылом России». Отвечая на антироссийские выступления зарубежной прессы, он высказывал мнение, что «Золотой Рог и Константинополь —

всё это будет наше, но не для захвата и не для насилия...». Единение славянства должно осуществиться «не для уничтожения славянских личностей перед русским колоссом, а для того, чтоб их же воссоздать..., дать им... собраться с духом и... принести и свою лепту в сокровищницу духа человеческого, сказать и свое слово в цивилизации»⁹. «Ну, а немцам что, пресса-то их чего всполошилась?» — задавал вопрос Ф. М. Достоевский и, понимая суть проблемы, отвечал на него: «А этим то, что Россия стоит у них за спиною и связывает им руки, что из-за нее они упустили своевременный момент свести с лица земли Францию уже окончательно, чтобы уж не беспокоиться с нею веками»¹⁰.

Учитывая распространенность в Германии антирусских настроений, российское правительство прилагало усилия к тому, чтобы выяснить отношение Берлина к возможным действиям России на Балканах. Осенью 1876 г. Бисмарк получил зашифрованную телеграмму из Ливадии от германского военного уполномоченного генерала Вердера, в которой тот по поручению Александра II просил сообщить, останется ли Германия нейтральной в случае войны России с Австрией, вмешательство которой было совсем не исключено¹¹. Ответ на этот вопрос мог оказать большое влияние на решение России о вступлении в войну с Турцией. Германскому послу в России Г.-Л. фон Швейницу Бисмарк поручил как можно скорее отправиться через Петербург в Ливадию и заявить российскому императору, что «если... мир между Россией и Австрией невозможен, то хотя мы могли бы допустить, чтобы наши друзья проигрывали и выигрывали друг у друга сражения, однако не можем допустить, чтобы одному из них был нанесен столь тяжкий урон и ущерб, что окажется под угрозой его положение как независимой и имеющей в Европе значение великой державы». Это заявление, считал Бисмарк, «имело своим последствием, что русская буря пронеслась из Восточной Галиции на Балканы, что Россия, прервав с нами (с Германией. — *Авт.*) переговоры, вступила в переговоры с Австрией, потребовав сохранения их в тайне от нас». На основе Будапештской конвенции, «а не Берлинского конгресса, — утверждал Бисмарк, — Австрия владеет Боснией и Герцеговиной; а русским был обеспечен нейтралитет Австрии во время их войны с турками»¹².

Между тем Бисмарк предпринимал значительные усилия, чтобы не допустить предотвращения русско-турецкой войны. Более того, он прямо-таки провоцировал такую войну. 9 ноября 1876 г. он писал: «...если император Александр вступит в войну против Турции, то это не будет для нас несчастьем, если ему позволят действовать без вмешательства; таким образом, это было бы полезно для всеобщего

мира». Далее он признавал, что считает совершенно неприемлемой и неблагодарной для Германии задачей «употребить немецкое влияние на то, чтобы помешать русскому выступлению против Турции»¹³.

Во время 10-й русско-турецкой войны Австро-Венгрия, хотя и колеблясь по внутривосточным соображениям, противостояла России, выступая совместно с Англией. Как Пруссия во время Крымской войны, Германия, еще не имея на Балканах значительных экономических и политических интересов, держалась на заднем плане. Бисмарк считал, что активное политическое вмешательство Германии в восточные дела было бы уже из-за вовлеченности в них Англии весьма опасно для недостаточно утвердившихся позиций Германской империи в центре Европы. Оно могло нанести ущерб отношениям с партнерами по Союзу трех императоров — Австро-Венгрией и Россией, нередко шедшими чреватых коллизиями внешнеполитическим курсом. 5 декабря 1876 г. на заседании рейхстага он произнес свои, ставшие знаменитыми, слова о том, что он не будет «советовать какого-либо активного участия Германии в этих делах», поскольку «в целом не видит для Германии никакого интереса, который стоил хотя бы только... крепких костей одного-единственного померанского мушкетера»¹⁴. При этом, разумеется, подразумевались лишь прямые политические и связанные с ними военные обязательства на Ближнем Востоке. Однако в общем для Бисмарка восточный вопрос, несомненно, был «объектом большой политики», где германская дипломатия могла использовать традиционные противоречия между европейскими державами на берегах Босфора для усиления напряженности в отношениях между ними, отвлекая их внимание от Центральной Европы и укрепляя тем самым позиции Германской империи.

Когда германский кайзер Вильгельм I стал подумывать о более деятельном вмешательстве в события, происходившие в Юго-Восточной Европе, Бисмарк разъяснил ему, что главный интерес Германии заключается не в том или ином изменении условий в Османской империи, а в той позиции, которую займут дружественные державы в отношении Германии и друг друга. «Вопрос о том, окажемся ли мы из-за восточных неурядиц на длительное время в расстроенных отношениях с Англией, еще больше с Австрией, но больше всего с Россией, является для будущего Германии бесконечно более важным, чем все отношения Турции к своим подданным и европейским державам»¹⁵.

Оценивая события на Балканах с точки зрения большой политики, Бисмарк стремился окончательно повернуть экспансионистский натиск Австро-Венгрии с севера в юго-восточном направлении. При

этом он исходил из необходимости сохранения монархии Габсбургов как великой державы. Именно на Балканы, являвшиеся наряду с Эльзасом и Лотарингией важнейшим центром возможных европейских осложнений, Бисмарк рассчитывал «вытеснить» юго-восточного соседа Германии. Здесь было широкое поле деятельности для обеих сил, игравших огромную роль в двуединой монархии: династия могла удовлетворить свои честолюбивые претензии, а армия — совершать свои «подвиги». Сюда должны были направить свои взоры (и капиталы!) австрийские промышленники и банкиры, строители железных дорог и разного рода культуртрегеры, стоявшие «в такой трогательной близости к австрийским правящим кругам». Позиция незаинтересованности в восточных делах давала Бисмарку возможность регулировать в интересах Германии взаимоотношения обоих соперников на Востоке — России и Австро-Венгрии и их отношения с Германией. Монархия Габсбургов, занятая на Востоке, не представляла опасности для Пруссии в Германии ¹⁶.

В ответ на подписание 19(31) января 1878 г. в Адрианополе (Эдирне) перемирия между Россией и Турцией, когда Оттоманская Порта согласилась на выдвинутые Россией условия мира, австро-венгерский министр иностранных дел Д. Андраши поставил Петербург перед альтернативой: война или мирная конференция великих держав ¹⁷. Однако Россия ответила на это подписанием 19 февраля (3 марта) очень выгодного для нее мира в Сан-Стефано (совр. Ешилькёй). Договор предусматривал полную независимость Сербии, Черногории и Румынии с присоединением к ним новых территорий, автономию Боснии и Герцеговины. Болгария, простиравшаяся от Дуная до Эгейского моря и от Черного моря до Охридского озера, формально оставалась под турецким сюзеренитетом, но приобретала широкую автономию с правом избрания князя. Россия получала некоторые территории, включая отторгнутую ранее часть Бессарабии ¹⁸.

Вильгельм I не возражал против этих условий, но стремление Австро-Венгрии также завладеть куском турецких территорий его взорвало: «Требования Австрии являются настолько чрезмерными, что Россия вполне могла бы ответить аннексией всей Болгарии, потому что Франц-Иосиф требует аннексии всей Боснии и Герцеговины» ¹⁹. Такие мысли были у Вильгельма проявлением зависти к старому немецкому сопернику, вновь добившемуся успеха.

Именно в это время граф Петр Шувалов, российский посол в Британии, передал в Берлин предложение Петербурга созвать в германской столице конгресс, чтобы предотвратить угрозу войны России с Англией и Австрией. Позднее Бисмарк писал: «Я был тогда тяжело болен, и лишь переданное мне П. Шуваловым пожелание царя Алек-

сандра II заставило меня подготовить и созвать конгресс». При этом Бисмарк умолчал, что неоднократно обещал России оградить ее от враждебной коалиции Австрии и Англии²⁰.

Предложив себя на роль «честного маклера», Бисмарк пригласил европейские державы в Берлин на конгресс, призванный обсудить условия мира между Россией и Турцией. В это время германский кайзер, будучи русофилом, оставался политически нейтральным, желая сохранить мир и Союз трех императоров. Ибо, по его мнению, развал этого союза сделал бы войну в Европе неизбежной. Однако инициатива Бисмарка его не устраивала. Если конгресс состоится в Берлине, что было бы «очень почетно для Германии и особенно для Пруссии», то лично кайзеру это доставило бы немало неприятных мгновений. «Потому что моя роль — это роль посредника, а он не может угодить никому!» — писал Вильгельм I. И хотя третейским судьей становился не он, а Бисмарк, это только усиливало его недовольство. Кайзера беспокоила личная неприязнь Горчакова и Бисмарка, что царь и Россия должны были в полной мере испытать на себе во время работы конгресса²¹.

Место заседаний конгресса, предназначенного для решения восточного конфликта, свидетельствовало о центральном положении новой Германии в системе европейских государств. Германская империя, уже являясь мощной державой, еще не имела вполне определенных экспансионистских целей и уж меньше всего в Юго-Восточной Европе, что позволяло ей взять на себя посреднические функции. Свое согласие на участие в мирном конгрессе Россия поставила в зависимость от его проведения в Берлине, что автоматически обеспечивало председательство на нем Бисмарка. От него и Пруско-Германии Россия ожидала благодарности за предоставленное ею тыловое прикрытие во время прусских войн за объединение Германии²².

1(13) июня 1878 г. представители России, Англии, Австро-Венгрии, Германии, Франции, Италии и Турции собрались в Берлине, чтобы на немецкой земле и при германском посредничестве урегулировать конфликт, вызванный русско-турецкой войной. Конгресс состоялся недалеко от кайзеровского дворца Унтер ден Линден в помещении имперской канцелярии, бывшем дворце Радзивиллов. 63-летний Бисмарк собирался с выгодой для себя осуществить посредничество: он стремился к тому, чтобы ни одно государство не получило всего, чего добивалось, ни одно не осталось без ничего и чтобы на периферии Европы сохранялись очаги напряженности, отвлекавшие на себя внимание держав от Центральной Европы, и таким образом «честный маклер» превратился бы в международного арбитра²³.

Через четыре недели «берлинский мир» был согласован, но, как говорили, отнюдь не стал окончательным, прежде всего, потому, что Россия была лишена значительной части своих завоеваний. Несмотря на предварительное согласие России на большое уменьшение территории Болгарии и гарантированную Османской империей оккупацию Англией Кипра, Берлинский конгресс во время своей месячной работы временами находился почти на грани срыва. Предусмотренная Сан-Стефанским мирным договором Великая Болгария была урезана более чем наполовину и ограничена территорией между Дунаем и Балканами с расположенной в ее западной части Софией. Она не получила Македонии и тем самым выхода к Средиземному морю. Болгария становилась автономным государством с правом избирать своего князя, которого с согласия великих держав должен был утверждать султан. Болгарские территории к югу от Балканского хребта получили название Восточной Румелии, оставшейся под властью султана. Была признана независимость Сербии, Черногории и Румынии. В то же время возвращение Ново-Пазарского санджака Османской империи территориально разъединило Сербию и Черногорию. Румынии передавалась Северная Добруджа, а России — придунайская часть Бессарабии. Австро-Венгрия не приобрела того, на что рассчитывала: вместо аннексии она осуществляла только «временную» оккупацию Боснии и Герцеговины «вплоть до установления там порядка». Вместе с тем благодаря этой оккупации монархия Габсбургов получила солидное тыловое прикрытие для своей Далмации, протянувшейся узкой полосой вдоль побережья Адриатики. К тому же территорию Ново-Пазарского санджака совместно занимали австро-венгерские и турецкие войска²⁴.

Берлинский конгресс стабилизировал мир между самими европейскими великими державами гораздо более чем на пять лет, довольствоваться которыми уже был готов главный помощник Бисмарка И. Радовиц. Однако, оставив нерешенным ряд балканских проблем и обострив русско-австрийские и сербо-болгарские противоречия, Берлинский трактат (1(13) июля 1878 г.) сохранил балканский узел острого международного соперничества. Третьей стороной освистали, прежде всего — русские. Александр II был крайне раздражен Бисмарком и вместе с ним Вильгельмом I. Союзу трех императоров теперь угрожала опасность не только из-за старого антагонизма между Россией и Австро-Венгрией, но и новых противоречий между Россией и Германской империей. Сам Бисмарк сказал 2 ноября 1878 г. о результатах Берлинского конгресса, что было бы «триумфом нашего государственного искусства», «если бы нам удалось оставить открытым восточный нарыв и благодаря этому рас-

строить единство других великих держав и обеспечить наш собственный мир»²⁵.

Компромиссы, достигнутые на конгрессе, никого не удовлетворили, что привело к ряду локальных конфликтов, в которых в разной степени участвовали те или иные великие державы. Бисмарк в 1878 г. сумел развести «фланговые» державы — Англию и Россию, но при этом существенно урезал русскую программу. Он стремился осуществлять эту операцию шадящим для России образом и в своих «Мыслях и воспоминаниях» рассматривал себя почти как «четвертого русского делегата». Но в правящих кругах России считали, что подверглись пренебрежительному и бесцеремонному обращению со стороны Германии. По существу же важнейшие решения Берлинского конгресса подталкивали последующее развитие в направлении к европейской войне²⁶.

Берлинский конгресс ознаменовал коренной поворот в германской политике на Юго-Востоке Европы. Его непосредственным результатом стало стойкое недовольство России германским посредником, прежде всего самим Бисмарком. Оказав поддержку Австро-Венгрии, германский канцлер уже фактически занял такую позицию в отношении этой страны, которая вскоре привела к оформлению двойственного австро-германского союза.

Германские уполномоченные в смешанных комиссиях по разграничению определенных Берлинским конгрессом территорий на Балканах бесцеремонно третировали русских представителей, неизменно поддерживая Австрию и Англию и отвергая русские предложения, вносившиеся в интересах болгар или Черногории²⁷.

Бисмарк считал «существенной гарантией европейского мира и безопасности Германии, если бы Германская империя заключила с Австрией такой договор, который ставил бы себе целью по-прежнему заботливо сохранять мир с Россией и в то же время обеспечивал бы помощь друг другу, если бы одна из обеих держав все же подверглась нападению. Взаимно застраховав себя таким путем, обе державы могли бы, как и прежде, посвятить себя новому укреплению союза трех императоров. В союзе с Австрией Германская империя не нуждалась бы в поддержке со стороны Англии...»²⁸.

Бисмарк приложил большие усилия, чтобы завоевать на свою сторону еще думавшего по-старопруски кайзера. Между прочим, канцлер ссылаясь на то, что Дунайская монархия и Германская империя стоят друг к другу исторически и в культурном отношении ближе как преемники Священной Римской империи, чем к России, которой угрожает «славянская» (т. е. панславистская) «революция». Несмотря на сопротивление Вильгельма, Бисмарк 24 сентяб-

ря отправил ему согласованный в Вене проект договора о тайном оборонительном союзе между Германией и Австро-Венгрией и даже пригрозил отставкой своего кабинета в случае его отклонения. Вздыхая, что Бисмарк нужнее, чем он, кайзер 15 октября 1879 г. подписал договор о двойственном союзе. Однако он отправил царю частное письмо, в котором сообщил о заключенном против его воли договоре, попытавшись преуменьшить его опасность: в сущности двойственный союз, писал он, является лишь новым изданием Германского союза, покоившегося на согласии обеих немецких великих держав, т. е. он вполне в духе Священного союза и Союза трех императоров ²⁹.

Считая в то же время, что между интересами Германии и России нет существенных расхождений, а, следовательно, и неустрашимых зародышей конфликтов, Бисмарк выступал за сохранение добрососедских отношений с Россией и после заключения союза с Австро-Венгрией. В случае же охлаждения в отношениях Германии с Россией в Вене, по его мнению, станут возрастать претензии к германскому союзнику. Так, она могла потребовать подменить оговоренное условие союза, которое распространялось только на русское нападение на Австрию, «защитою австрийских интересов на Балканах и на Востоке, что, — писал Бисмарк, — с успехом пытались делать даже в нашей прессе. Естественно, что у жителей Дунайского бассейна имеются потребности и планы, которые выходят за теперешние границы Австро-Венгерской монархии... Но в задачи Германской империи не входит жертвовать достоянием и кровью своих подданных для осуществления желаний соседа» ³⁰.

Признавая, что «не только панславизм и Болгария или Босния, но также сербский, румынский, польский, чешский вопросы и, даже еще и теперь, итальянский вопрос в Триенте, Триесте и на далматском побережье могут стать пунктами кристаллизации не только австрийских, но и европейских кризисов, которые, несомненно, затронут германские интересы лишь постольку, поскольку Германская империя вступит с Австрией в отношения солидарной ответственности» ³¹, Бисмарк, тем не менее, не отрицал того, что «сохранение Австро-Венгерской монархии как независимой, сильной великой державы, необходимо Германии для европейского равновесия, и ради этого мир страны в случае необходимости может быть со спокойной совестью поставлен на карту» ³².

Австро-Венгрия, в свою очередь, не теряла надежды на поддержку Германии при возможном столкновении с Россией на Балканах и в то же время надеялась прийти к соглашению с Россией о разделе сфер влияния в этом регионе.

После заключения двойственного союза Германия с целью изоляции Франции проявляла повышенный интерес к установлению союзнических отношений с Италией. Поскольку британская оккупация Кипра в 1878 г. приблизила Англию к Египту и Суэцкому каналу, Бисмарк в качестве компенсации подтолкнул в 1881 г. Францию к занятию Туниса, на который претендовала Италия. Это побудило Италию присоединиться к двойственному союзу. Монархия Габсбургов, в свою очередь, также была заинтересована в сотрудничестве с Италией для обеспечения своего тыла на случай войны с Россией. Переговоры между тремя странами завершились подписанием 20 мая 1882 г. союзного договора. Так произошло образование Тройственного союза, военно-политического блока Германии, Австро-Венгрии и Италии³³. Возглавив его, немецкая дипломатия в самом начале 80-х гг. XIX в. поставила перед собой задачу вовлечь в сферу своего влияния Балканские страны и Османскую империю.

Обсуждение транспортной политики на Балканах, порученное Берлинским конгрессом «комитету четырех», позволило развернуть «железнодорожную экспансию». Барон Мориц Гирш, венский банкир и биржевой спекулянт, еще в 1871 г. получил от Оттоманской Порты по рекомендации австрийского правительства концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги от Савы до Константинополя с ответвлением на Салоники³⁴.

В 1875 г. было завершено сооружение линии от Константинополя через Адрианополь до Белово с веткой от Адрианополя к порту Дедеагач на Эгейском море, железной дороги Тырново—Ямбол и македонской линии Салоники—Ускюб (Скопле)—Митровица. Однако Гирш так и не выполнил обязательства соединить турецкие железные дороги с австро-венгерской железнодорожной сетью³⁵.

На Берлинском конгрессе было принято решение, что Болгария должна на своей территории соорудить соединительную линию между австрийскими железными дорогами и Константинополем. Такая линия вполне очевидно должна была заметно усилить австрийское влияние в этой стране. Борьба вокруг болгарских железных дорог играла в 80-х гг. большую роль в международных финансовых кругах, в русско-болгарских и русско-австрийских отношениях. В 1883 г. в соответствии с постановлением Берлинского конгресса между Австро-Венгрией, Турцией, Сербией и Болгарией была заключена конвенция о соединении железных дорог этих стран³⁶. Однако Вена еще несколько лет оставалась без прямой железнодорожной связи с Константинополем.

С начала 80-х гг. XIX в. глава «Дойче Банк» Г. Сименс стал проявлять большой интерес к Восточным железным дорогам. В 1882 г.

он совершил поездку в Бухарест и Белград и с этого времени поддерживал «дружественные отношения» с администрацией железных дорог барона Гирша. В 1886 г. Сименс отмечал большую выгодность овладения этими линиями и создания единой сети Восточных железных дорог ³⁷.

Созданный под руководством парижского общества «Контуар насьональ д'Эсконт» при участии «Берлинер хандельсгезельшафт», немецких банков Мендельсона и Варшауэра, а также дома Эрлангера (Франкфурт-на-Майне) консорциум вместе с австрийским «Винер лендербанк» стал финансировать Сербию и строительство железнодорожного участка Белград—Белово ³⁸.

Стремлению России завладеть строительством железнодорожных линий в Болгарии противостояли английский, французский, австрийский и германский капитал. К концу 1886 г. германская финансовая группа под руководством «Дойче Банк» и при поддержке германского ведомства иностранных дел одержала победу в этой острой конкурентной борьбе, окончательно лишив Россию возможности строительства болгарских железных дорог ³⁹.

В декабре того же года российский финансист Поляков предложил царскому правительству свое посредничество в приобретении акций турецких железных дорог, построенных еще до освобождения Болгарии и официально принадлежавших в то время турецкому правительству, которое сдало их Гиршу в аренду на 50 лет. Поляков рассчитывал на дипломатическую поддержку российского МИД, чтобы не допустить перехода турецких железных дорог в руки английского или германо-австрийского капитала. Посредством скупки этих акций Россия должна была, по его мнению, постепенно завладеть всеми железными дорогами в европейской Турции, Болгарии и Сербии и тем самым усилить здесь свое влияние. После некоторых колебаний царское правительство отказалось пойти на это. Полякову удалось лишь на время оттянуть продажу железных дорог Гирша ⁴⁰.

Между тем, опираясь на свои уже достаточно окрепшие после оккупации Боснии и Герцеговины позиции в западной части Балканского полуострова и ощутимую германскую поддержку, Австро-Венгрия развернула экономическую экспансию и активные политические маневры, направленные на расширение своего влияния в центральной и восточной части полуострова, причем приобретение выхода к Салоникам через Вардарскую долину стало надолго основной стратегической целью монархии Габсбургов ⁴¹.

Решающую роль в осуществлении этих планов играло установление контроля над Сербией. За спиной русского партнера, почти одновременно с возобновлением Союза трех императоров, 28 июня

1881 г. Австрия заключила с Сербией секретный договор, дополнивший бисмарковскую систему союзов.

Болгарский кризис середины 80-х гг. позволил Бисмарку укрепить отношения с Россией. Он рекомендовал Австро-Венгрии не вмешиваться в события в Болгарии, а России посоветовал не создавать повода к войне с двуединой монархией. Одновременно он обещал российскому правительству воздействовать на Австро-Венгрию, чтобы удерживать ее от действий, которые могли бы привести к конфликту с Россией. Бисмарк предупредил Австро-Венгрию, что в войне, спровоцированной ею против России, Германия не будет участвовать. Если же действия России будут угрожать Болгарии или Проливам, то, по мнению Бисмарка, Австро-Венгрия должна уступить пальму первенства англичанам и спокойно следить за продвижением русских войск вглубь Балканского полуострова, когда начнут сказываться огромные преимущества географического положения Трансильвании. Хотя предложения германского канцлера направлены были на то, чтобы сохранить Союз трех императоров, он дал понять Петербургу, что заинтересованность Германии в сохранении Австро-Венгрии и хороших отношений с ней достаточно велика, чтобы побудить ее, хотя и против своей воли, к войне, если австрийской монархии будет угрожать серьезная опасность⁴².

Даже весьма двусмысленная позиция, занятая Бисмарком в интересах сохранения Союза трех императоров, вызвала протест не только ряда германских политических деятелей, кронпринца и его приближенных, но и у некоторых лиц из ближайшего окружения Бисмарка. Между прочим, ее не разделял и Г. Сименс, именно в это время проявлявший повышенное внимание к ближневосточным делам, в чем ему содействовало ведомство иностранных дел. Ф. А. Гольштейн, «серый кардинал» германского внешнеполитического ведомства, потребовал от Австро-Венгрии быть активнее на Балканах, обещал ей помощь Германии и подталкивал ее к совместным действиям с Англией. Генерал-квартирмейстер А. Вальдерзее выражал сомнение в успехах бисмарковской политики в отношении России. Он считал целесообразным примириться с распадом Союза трех императоров, советовал пустить в ход восточный вопрос и начать большую войну, т. е. войну на два фронта. Фон дер Гольц, как и Вальдерзее, придерживался мнения, что Германия в подходящий момент должна «нанести удар» по России⁴³. Хотя «болгарский» кризис и был улажен, Союз трех императоров прекратил свое существование, о чем, вероятно, не сожалел ни один из его участников.

Бисмарк все же не хотел рвать знаменитый «провод в Россию». Когда из-за обострения австро-русских противоречий на Балканах

стало невозможным продление Союза трех императоров, Бисмарк решил «перестраховаться», чтобы затруднить сближение России с «вечным врагом» — Францией. 6(18) июня 1887 г. Бисмарк и Павел Шувалов подписали в Берлине секретный русско-германский «договор перестраховки», в соответствии с которым обе стороны обязались сохранять благожелательный нейтралитет в случае войны с третьей державой, исключая нападение России на Австро-Венгрию, а Германии — на Францию. Германия признавала «исторически приобретенные права» России на Балканском полуострове и особенно законность ее преобладания и решающего влияния в Болгарии и Восточной Румелии. Признавался принцип закрытия Проливов для военных судов всех наций. Германия и Россия договорились не допускать территориальных изменений на Балканах без взаимного согласования и выступать против любых попыток изменения status quo в регионе. В строго секретном дополнительном протоколе Германия принимала обязательство, придерживаясь благожелательного нейтралитета, оказывать России моральную и дипломатическую поддержку, если царь будет вынужден в российских интересах принять на себя «защиту входа в Черное море» и «ключа от своей империи» и не соглашаться на восстановление на болгарском троне Александра Баттенберга. Таким образом, «договор перестраховки» вновь содержал подтверждение «незаинтересованности» Германии в делах Балкан и Ближнего Востока⁴⁴. Договор был заключен на три года и после отставки Бисмарка не был продлен германским правительством, считавшим, что он может помешать укреплению союза Германии с Австро-Венгрией и наметившемуся сближению между Германией и Англией.

В декабре 1887 г. австрийцы, с одной стороны, и германские военные круги — с другой, оказывали на Бисмарка сильное давление, подталкивая его к войне против России, в поддержку Австрии. За войну с Россией активно выступал и венгерский парламент. Бисмарк, не желая и слышать о подобных предложениях, заявил, что не хочет «самоубийства из страха перед смертью»⁴⁵. Чтобы продемонстрировать «оборонительную сущность» австро-германского союзного договора, Бисмарк 3 февраля 1888 г. опубликовал его текст, однако — под давлением Австро-Венгрии — без последнего пункта, ограничивавшего срок его действия пятью годами. Этим он невольно признавал постоянный характер двойственного союза. Через три дня Бисмарк выступил в рейхстаге с одной из своих последних больших речей, в которой одобрил политику России в Болгарии⁴⁶.

Успехи германской дипломатии на Балканах были закреплены развернувшейся в этом регионе широкой экономической экспансией,

которая, в свою очередь, прокладывала путь дальнейшему усилению здесь политического влияния Германии. Германское экономическое проникновение осуществлялось в различных формах. Основными из них являлись развитие торговых связей, предоставление займов и банковские операции, инвестиции в промышленность, участие в железнодорожном строительстве. Направление экономической экспансии, как правило, совпадало с политическими интересами Германии.

Среди стран Юго-Восточной Европы особый интерес для Германии как с политической и экономической, так и с военно-стратегической точек зрения приобретали Турция и Румыния. Находясь между Австро-Венгрией и Россией, Румыния как бы отделяла Балканский полуостров от царской России. Последовательным проводником германского влияния в этой стране стал воцарившийся в 1866 г. на румынском престоле (король с 1881 г.) под именем Кароля I отпрыск германского княжеского рода Гогенцоллерн-Зигмаринген. Если в 50-х годах Бисмарк утверждал, что «устье Дуная представляет очень мало интереса для Германии»⁴⁷, то в письме, направленном 11 февраля 1867 г., он давал князю совет выполнить «вполне достижимую» для Румынии задачу — стать «Бельгией» в устье Дуная⁴⁸. В течение долгих лет восседая на румынском престоле, Кароль использовал все возможности для укрепления в стране германского влияния. Много позже русский дипломат Гирс писал о нем: «Личные убеждения короля и его воспитание побуждают его усиленно работать на пути водворения в Румынии немецкой культуры и сближения ее с Австро-Венгрией и Германией... Он... придавал всей своей деятельности характер чужеземного благодеяния, основанного на убеждении, что будущность Румынии кроется в ее германизации и в водворении в ней германских интересов»⁴⁹.

Вскоре после прихода Кароля I к власти румынское правительство выдало иностранцам две крупные концессии на строительство железных дорог, одной из которых завладел англо-австрийский синдикат, а другую получил германский финансист Штрусберг. Однако уже летом 1871 г. румынское правительство отобрало концессию у обанкротившегося Штрусберга⁵⁰. Тогда в дело решительно вмешались германское «Дисконто-гезельшафт» и банк С. Блейхрёдера, что привело к созданию акционерного «Румынского железнодорожного общества». Между тем Штрусберг продолжал требовать от румынского правительства удовлетворения своих претензий, из-за чего между Германией и Румынией возник серьезный конфликт. Германское правительство оказало Штрусбергу мощную поддержку, отказавшись признать независимость румынского государства до удовле-

творения требований немецкого финансиста. Румыния была вынуждена пойти на ликвидацию конфликта со Штрусбергом, приняв решение о выкупе железных дорог. В 1880 г. румынское государство стало собственником железных дорог страны, одновременно попав в финансовую зависимость от группы германских банков⁵¹.

Железнодорожная сеть длиной почти в 1000 км, которой располагало «Румынское железнодорожное общество», связывала Бухарест с Вирчиорово на венгерско-румынском участке границы по Дунаю и Романом и Галацем на русско-румынской границе. Строительство этой линии осуществляло «Привилегированное Австрийско-Венгерское государственное железнодорожное общество», зависевшее от «Венского земельного банка», «Парижского учетного банка» и «Дисконто-гезельшафт». Доведя свою железнодорожную линию в Южной Венгрии до Оршово на границе с Румынией (вблизи Вирчиорово), оно тем самым установило прямое железнодорожное сообщение от германо-австрийской границы (Дечин) через Прагу, Вену, Будапешт и Бухарест вплоть до румыно-российской границы⁵².

В июне 1881 г. рейхстаг утвердил заключенную еще в 1877 г. германо-румынскую торговую конвенцию, которая была весьма выгодной для Германии. Сочетание конвенционного тарифа с принципом наибольшего благоприятствования обеспечило немецким промышленным товарам широкий доступ на румынский рынок⁵³.

Германская дипломатия в то время прилагала немалые усилия, чтобы, с одной стороны, способствовать ухудшению отношений между Россией и Румынией, обиженной потерей Бессарабии, а с другой — содействовать урегулированию противоречий между Румынией и Австро-Венгрией. Итогом явилось вовлечение Румынии в 1883 г. в союз Центральных держав. Следует отметить, что тесные финансовые связи «Дисконто-гезельшафт» и Блейхрёдера с румынским правительством уже заложили весьма прочную экономическую базу для установления союзнических отношений между Германией и Румынией.

В военной конвенции, подписанной между монархией Габсбургов и Румынией, за последней признавалось «право» на увеличение территории за счет принадлежавшей России Бессарабии, а также Шумлы, Силистры и других болгарских территорий. Обхаживая болгарского князя Фердинанда Кобургского, Вена подстрекала Румынию к выдвиганию неправомερных требований в отношении Болгарии. Договор Румынии со странами Тройственного союза сохранился в глубокой тайне и впоследствии неоднократно продлевался⁵⁴.

В начале 80-х гг. произошла активизация деятельности германских банков в Румынии, которые стали проводниками и опорой германской экспансии. Руководящая роль здесь принадлежала «Ди-

сконто-гезельшафт». В 1881 г. оно создало банковский консорциум, который должен был заниматься размещением румынских займов, предназначенных для вооружения румынской армии, строительства крепостей, развития путей сообщения и т. п. В состав консорциума вошли С. Блейхрёдер и банкирский дом «Ротшильд и сыновья» во Франкфурте-на-Майне. В нем участвовал также «Национальный банк Румынии», пайщиком которого являлось румынское государство. Заключая займы с группой германских банков, Румыния принимала обязательство закупать в Германии различные материалы, что способствовало подчинению экономики страны германскому капиталу⁵⁵.

В течение 1881–1888 гг. Румыния получила у синдиката германских банков ряд займов на общую сумму в 400 млн золотых лей*. В 1892–1896 гг. внешние займы королевства составили 335 млн лей, предоставленных немецкими банками при участии французского капитала. Финансы страны оказались в зависимости от германского денежного рынка, на котором в 1895 г. было размещено 3/5 всех иностранных займов Румынии⁵⁶. В некоторых румынских займах принимали участие также «Дармштадтский» и «Дрезденский» банки, «Дойче банк» и банк «Берлинер хандельсгезельшафт».

В 1897 г. «Дисконто-гезельшафт» и С. Блейхрёдер создали в Бухаресте «Всеобщий Румынский банк», первый германский банковский институт на Балканах. Новый банк всеми средствами содействовал укреплению экономических и политических позиций Германии в Румынии, имел несколько отделений и активно участвовал в торговле хлебом⁵⁷.

Немецкие капиталы способствовали развитию германского экспорта в Румынию. Еще в 1880 г. член правления «Дисконто-гезельшафт», наблюдательного совета «Дортмундер унион» и правления «Центрального союза германских промышленников» Руссель стал на 25 лет управляющим румынским генеральным консульством в Берлине, что оказалось чрезвычайно удобным для германской экспортной промышленности⁵⁸. В торговых отношениях между двумя странами особую роль играли торговые договоры 1881, 1893 и 1906 гг. Германия получала из Румынии продукты сельского хозяйства, составлявшие 2/3 всего румынского экспорта, а также такие важные стратегические товары, как нефть и бензин. Германия ввозила в Румынию металлы и металлические изделия, текстильные и кожаные товары, лекарства, красители и другие промышленные товары. По требованию германского правительства Румыния была вынуждена

* Лей тогда приравнялся к французскому франку.

вести такие таможенные ставки, которые соответствовали «подлинным» экономическим потребностям Германии. С 1890 г. Германия занимала первое место в румынской торговле⁵⁹.

Связи Румынии с Германией и Австро-Венгрией становились все более тесными. Так, в 1895 г. состоялась встреча Кароля с Францем Иосифом в Ишле, которой австрийские газеты придавали исключительное значение. Отличавшийся прогерманской ориентацией глава консерваторов П. Карп заявил в интервью для прессы, что Румыния заключила с монархией Габсбургов соглашение, предполагающее «взаимную вооруженную кооперацию».

Синайский протокол от 30 сентября 1896 г. продлил действие секретного договора между Румынией и Австро-Венгрией до 25 июля 1903 г. В октябре 1896 г. в Бухарест прибыл Франц-Иосиф в сопровождении министра иностранных дел и военного министра. При встрече был произведен парад румынской армии, что создавало впечатление существования военного союза между обеими странами⁶⁰.

По просьбе румынского правительства в 1899 г. консорциум «Дисконто-гезельшафт», являвшийся по существу монопольным кредитором королевства, при участии французского капитала предоставил Румынии крупный заем⁶¹. В связи с этим российский посланник Фонтон в своей депеше, направленной в Петербург, отмечал, что германские банкиры уже завладели большинством румынских ценных бумаг, а «Дисконто-гезельшафт» «в продолжение нескольких десятков лет» относится к Румынии, «как к дойной корове». Имея в виду последний заем, Фонтон писал, что «участие Германии к юному королевству далеко не платоническое: финансовое и экономическое порабощение всего края Германией сделало за последнее время огромные успехи»⁶².

Германский капитал производил значительные инвестиции в румынскую промышленность. К началу XX в. почти половина германских капиталов на Балканах оказалась размещенной в Румынии. Все это содействовало втягиванию страны в орбиту Тройственного союза. Выражая общую точку зрения германской и австро-венгерской дипломатии, министр иностранных дел монархии Габсбургов граф А. Голуховский, много лет занимавший до этого пост посланника в Бухаресте, не без основания мог назвать Румынию «образцовым государством», а ее короля — «образцовым сувереном» на Балканах⁶³.

Между тем по мере своего ослабления Османская империя привлекала к себе все большее внимание великих держав. Однако, как констатировал позднее германский политический деятель и финансист, знаток Ближнего Востока Карл Гельфферих, Турция играла

«для экономической деятельности Германии... в первые два десятилетия (существования) новой Германской империи только подчиненную и второстепенную роль»⁶⁴.

Когда по инициативе Берлинского конгресса султан в 1881 г. издал Мухарремский декрет, поставивший Османскую империю под международный финансовый контроль, доля Германии в турецком долге составляла всего лишь 4,7 %. В Управлении оттоманского государственного долга Германия была представлена банкирским домом С. Блейхрёдера. Позднее состав берлинского комитета кредиторов Турции пополнили «Дойче банк» и государственный банк «Пройссише Зеехандлунг». Мухарремский декрет был крупным шагом к превращению Османской империи в полуколонию европейского капитала. Германские банки финансировали торговлю с Ближним Востоком, но их участие в турецких займах еще было незначительным⁶⁵.

Великие державы проявляли повышенный интерес к «судьбе больного человека на Босфоре» в значительной мере из-за географического положения Турции, так как она держала под своим контролем Черноморские проливы и непосредственно примыкала к наиболее уязвимым частям Британской колониальной империи. Для Германии чрезвычайно важным было то обстоятельство, что коммуникации, связывавшие ее с Турцией, проходили по суше и не могли быть заблокированы британским флотом. Развитие событий на Балканах и Ближнем Востоке побудило германскую дипломатию, исходя из политических и экономических соображений, включиться в активную борьбу за влияние в этой стране⁶⁶.

Возрастание интереса правящих кругов Германии к Османской империи нашло свое отражение в отправке ряда бывших германских государственных служащих в качестве «советников» и «реформаторов» в турецкие министерства финансов, юстиции, торговли и земледелия, горного дела и лесного хозяйства, министерство общественных работ, а также в Главное управление таможен, почт и телеграфа⁶⁷.

В своей восточной политике Бисмарк, несомненно, руководствовался принципом, что отношения Германии с Османской империей должны быть приспособлены и подчинены отношениям Германии и Австро-Венгрии с Россией. Правящим кругам Германии представлялось целесообразным укрепить Турцию, сделав ее противовесом этой державе, а может быть и союзником Германии в случае войны против нее. Генеральный штаб в Берлине отводил Турции существенную роль в своих планах «превентивной» войны с Россией⁶⁸.

После завершения восточного кризиса Бисмарк в 1882 г. разрешил отправить в Константинополь для реорганизации турецкой армии германскую военную миссию, которую с 1885 по 1895 г. возглавлял К. фон дер Гольц (впоследствии фельдмаршал). «Эра фон дер Гольца» стала важным этапом на пути германского «мирного проникновения» в Османскую империю. Благодаря посредничеству германской военной миссии немецкими фирмами было за эти годы получено не менее чем на 100 млн франков заказов на поставки вооружения и военных материалов (миноносцы, полевая и береговая артиллерия, винтовки, артиллерийские снаряды и патроны)⁶⁹. При активной поддержке германской дипломатии и промышленных кругов фон дер Гольцу удалось добиться почти монопольного положения германской военной промышленности в деле продажи вооружения Османской империи. Главными поставщиками полевых орудий и тяжелой артиллерии стала фирма Круппа, винтовок и карабинов — оружейные заводы Маузера и Лёве⁷⁰.

Для покрытия затрат на приобретение оружия турецкие власти были вынуждены прибегать к внешним займам. В 1888 г. «Дойче банк» предоставил Османской империи заем на сумму в 30 млн марок, подлежащий погашению в течение 25 лет. В займе участвовали также «Берлинер хандельсгезельшафт», банкирский дом Р. Варшауэр и К°, «Дойче ферайнсбанк» и «Вюртембергисхе ферайнсбанк». С этого времени «Дойче банк» имел отношение почти ко всем финансовым операциям, связанным с Турцией⁷¹. В турецких займах принимали участие также такие крупные германские банки, как «Дисконто-гезельшафт», С. Блейхрёдер, «Дрезденский» и «Дармштадтский» банки и «Берлинер хандельсгезельшафт».

Побывав на свадьбе своей сестры в Афинах, Вильгельм II в 1889 г. совершил свою первую поездку в Константинополь. Путешествие кайзера на берега Босфора по праву было воспринято в европейских столицах, и прежде всего в Петербурге, как знак наступления новой эпохи в германо-турецких отношениях. Визит кайзера еще более упрочил положение миссии фон дер Гольца и привел к расширению сферы торгово-финансовых интересов Германской империи на Ближнем Востоке. Российский посол А. И. Нелидов с большой озабоченностью сообщил своему правительству об этом «чрезвычайно важном политическом событии», которое наносит вред влиянию России вне зависимости от того, намерен ли Бисмарк вовлечь Турцию в Тройственный союз или нет. Беспокойство Нелидова вызвал повышенный интерес, проявленный кайзером к укреплению турецкого военного потенциала, особенно в пограничных с Россией районах; в этом русский посол усматривал главный смысл поездки кайзера в Константинополь⁷².

Созданная в 1889 г. гамбургскими коммерсантами Немецкая Левантийская линия установила весной 1890 г. регулярное пароходное сообщение с турецкими и другими портами Средиземноморья⁷³. При активном содействии «Дойче банк» 26 августа 1890 г. между Германией и Османской империей был подписан Договор о дружбе, торговле и судоходстве, который российский посол в Берлине П. А. Шувалов охарактеризовал как «один из плодов визита Вильгельма II в Константинополь»⁷⁴.

Таким образом, в конце 80-х гг. произошел решительный поворот в отношении крупного германского капитала к Османской империи. Директор «Дойче банк» Георг фон Сименс заявил 12 декабря 1890 г. с трибуны рейхстага, что прошли те времена, когда германский капитал был лишь участником английских и французских предприятий в Турции, рискуя вместе с ними, но не обеспечивая своей доли в руководстве. Теперь германский капитал чувствует себя настолько окрепшим, что готов в интересах развития германской индустрии выступить там самостоятельно⁷⁵.

В связи с событиями на Балканах с середины 80-х гг. среди магнатов тяжелой промышленности и представителей крупного банковского капитала Германии стали раздаваться голоса о том, что настало время резко активизировать немецкое участие в делах Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока и, отбросив бисмарковскую концепцию образования четко разграниченных сфер влияния европейских держав на Балканском полуострове, добиваться завоевания там новых рынков сбыта. Решающего расширения экономических и военно-политических позиций Германии в этом регионе они ожидали прежде всего от форсированного строительства соединительных линий между австро-венгерско-сербской железнодорожной сетью и турецкой железной дорогой на Константинополь⁷⁶.

В 1888 г. была завершена постройка железнодорожной магистрали, соединившей Вену с Константинополем, что открыло прямое железнодорожное сообщение от Берлина до берегов Босфора. Однако для немецких финансистов этого было явно недостаточно. Они рассчитывали поставить под свой контроль Восточные железные дороги, принадлежавшие Гиршу⁷⁷.

В 1888 г. «Дойче банк» приобрел у Турции железную дорогу Хайдарпаша-Измит и получил концессию на строительство и эксплуатацию железнодорожной линии от Измита через Эскишехир до Анкары. В марте 1889 г. «Дойче банк» вместе с «Дрезднер банк» и другими германскими банками учредили в Константинополе Оттоманское общество Анатолийских железных дорог, которое должно было построить линию от Измита до Анкары⁷⁸.

Получив концессию на Анатолийскую железную дорогу, Сиенс стал опасаться того, что контролируемые «Дойче банк» малоазиатские железные дороги как бы «повиснут в воздухе» и считал необходимым соединить их с европейской железнодорожной сетью. Имелись в виду Восточные железные дороги Гирша. В 1889 г. «Дойче банк» совместно с «Венским банковским союзом» приобрели у Гирша контрольный пакет акций Общества эксплуатации Восточных железных дорог. Так железнодорожная сеть на Балканах общей протяженностью в 1260 км оказалась под контролем германского капитала. Немцы завладели, в частности, железнодорожной линией Константинополь—Белово, расположенной на кратчайшем пути от Босфора к Вене⁷⁹. Как писал позднее директор «Дойче банк» К. Гельфферих, это отдало «мост между малоазиатскими железнодорожными предприятиями „Дойче банк“ и европейской железнодорожной сетью в надежные руки»⁸⁰.

Почти одновременно представитель «Дойче банк» А. Каулла вступил в переговоры с турецким правительством о концессии на строительство и эксплуатацию железной дороги в Македонии. В октябре 1890 г. «Дойче банк» была предоставлена концессия на линию Салоники—Монастир (219 км) с преимущественным правом на ее продление к какому-либо порту на Адриатическом побережье. Движение поездов по этой железной дороге было открыто в 1894 г., причем ее техническое обслуживание осуществляло Общество эксплуатации Восточных железных дорог. Фон дер Гольц, именовавший себя «старым другом немецких железнодорожных предприятий на Востоке», отмечал, что дорога Салоники—Монастир очень похожа на Анатолийскую железную дорогу от Измита до Анкары, так как и строительство и эксплуатация обеих линий находятся в одних и тех же руках. Он придавал Восточным железным дорогам большое стратегическое значение⁸¹.

Получив концессию на Анатолийскую железную дорогу и установив контроль над Восточными железными дорогами и линией Салоники—Монастир, «Дойче банк» прибрал к рукам обширную железнодорожную сеть в Юго-Восточной Европе и Малой Азии длиной в 2 тыс. км. Для финансирования созданных германским капиталом железнодорожных обществ «Дойче банк», «Венский банковский союз» и «Швайцерише кредитанштальт» создали в Цюрихе «Банк Восточных железных дорог». Контроль над этой железнодорожной сетью имел не только первостепенное экономическое значение, но и давал Германии мощные рычаги политического воздействия на страны этого региона, а также важные стратегические позиции⁸².

Преодолев сопротивление своих соперников, Османское общество Анатолийских железных дорог в феврале 1893 г. приобрело концессию на строительство и эксплуатацию железной дороги Эскишехир—Конья. В концессионном договоре впервые была высказана главная идея всего проекта, «подлинным отцом» которой был Сименс, — соединить Константинополь с Багдадом⁸³. «Дойче банк» играл в Турции столь значительную роль, что в финансовых кругах его называли «банкиром султанов».

Приступив к осуществлению «мировой политики», провозглашенной Вильгельмом II в связи с 25-летием создания Германской империи и в речи статс-секретаря по иностранным делам Б. фон Бюлова в рейхстаге 6 декабря 1897 г., потребовавшего для Германии «места под солнцем», германский капитал резко усилил свою экспансию в Османской империи, стремясь превратить ее в свою полуколонию.

Отправившись в паломничество «по святым местам», кайзер с огромной свитой и в сопровождении Бюлова на белоснежной яхте «Гогенцоллерн» прибыл 18 октября 1898 г. в Константинополь. Вместе с ним в столице Турции оказались Сименс и Цандер. Результаты этой поездки, открывшей новый этап в экспансионистской политике германского империализма в Османской империи, были очень велики. «Я покинул Турцию с убеждением, — писал Бюлов в своих мемуарах, — что мы имеем здесь обширную сферу для хозяйственной деятельности, а в случае реальной опасности — верного друга, относительно внутренних слабостей которого мы не должны питать иллюзий и от зеленого знамени которого не следует ожидать многого»⁸⁴.

Бюлов, как и Сименс, прекрасно понимал, что грандиозный план строительства Багдадской железной дороги «мог быть осуществлен только при проведении Германией осторожной, искусной и направленной на сохранение мира политики»⁸⁵. Однако кайзер, испытывавший пристрастие к султану и всему турецкому и мусульманскому, не считал нужным скрывать свои эмоции. По прибытии в Дамаск на торжественном банкете он заявил: «Его величество султан и триста миллионов магометан, живущих на земле, которые почитают в нем своего халифа, могут быть уверены в том, что во все времена германский кайзер будет их другом». Речь Вильгельма II вызвала недовольство Бюлова, который полагал, что эта «эскадронная точка зрения», с одной стороны, пробуждает опасные иллюзии в Константинополе, а с другой — вызовет недоверие к немцам и недовольство французов, англичан и русских, во владениях которых проживает много подданных-мусульман⁸⁶. Нельзя забывать также, что, кроме самих турок, немалая часть населения Балканского полуострова тоже исповедовала ислам, как, например, в Боснии.

Ревностным проводником германских интересов на Золотом Роге стал назначенный в 1897 г. на пост германского посла в Константинополе Маршалль фон Биберштейн. Борьбу за Багдадскую железную дорогу он рассматривал как дело всей своей жизни⁸⁷. Уже в первом донесении в Берлин он сообщал о том, какие огромные возможности таит в себе Османская империя в качестве объекта для экспорта капитала, строительства железных дорог, мостов, портов, электростанций, развития городского транспорта, не говоря уже о военных поставках⁸⁸.

После неоднократного продления контракта фон дер Гольц в 1895 г. покинул турецкую службу. Так как найти подходящего преемника для него не удалось, а значение постоянной надежной информации о турецких вооруженных силах и военном потенциале страны было очевидным, в Берлине было принято решение учредить в Константинополе пост военного атташе. Капитан Морген и его преемники в Турции, в большинстве своем являвшиеся также флигель-адъютантами кайзера, сыграли большую роль в укреплении германского влияния в этой стране⁸⁹. Так, Морген активно отстаивал германские интересы в строительстве Багдадской железной дороги.

В марте 1899 г. Бюлов категорически высказался в поддержку экспансионистских устремлений «Дойче банк», в отношении которых ведомство иностранных дел «не только не имеет никаких сомнений», но, напротив, готово оказать железнодорожному строительству в Османской империи содействие «по всем направлениям». На благополучном решении вопроса о продлении Анатолийской железной дороги до Багдада, писал Бюлов кайзеру, «будет основываться расширение нашего торгового оборота и освоение страны в общегерманских интересах»⁹⁰.

23 декабря 1899 г. Георг фон Сименс и министр общественных работ Турции Цихни Паша подписали договор о предварительной концессии на строительство Багдадской железной дороги, которая была предоставлена Оттоманскому обществу Анатолийских железных дорог. Это общество обязалось в течение восьми лет построить железную дорогу от Коньи до Багдада и Басры⁹¹. Приобретение концессии на Багдадскую железную дорогу было большим политическим и экономическим успехом правящих кругов Германии.

К началу XX в. Германия обогнала Францию и заняла третье место в турецкой внешней торговле — после Великобритании и Австро-Венгрии. По темпам увеличения экспорта в Османскую империю Германия обогнала всех своих соперников. Но установить безраздельный контроль над турецкой экономикой ей не удалось⁹².

Укрепляя свои экономические и политические позиции на Балканах, германские правящие круги стремились обеспечить надежную сухопутную связь с Османской империей. Юго-Восточная Европа стала одним из главных направлений экспансии германского империализма, которое через Малую Азию и Сирию достигало Багдада. Усиление империалистических противоречий в борьбе за передел мира приобрело на рубеже веков особую остроту именно на Балканах и Ближнем Востоке, где перекрещивались и сталкивались жизненно важные интересы Германии, Австро-Венгрии, России, Франции, Англии и Италии. Именно здесь германский экспансионизм с особой агрессивностью и алчностью добивался укрепления и расширения своих сфер влияния, осуществляя тем самым свои притязания на мировое господство. «В качестве моста к азиатскому полю эксплуатации Балканы приобрели для очень влиятельной части германского капитала собственный интерес, — писал К. Либкнехт в начале Первой мировой войны. — Возрастающая связь между германским и австрийским капиталом и военно-политические аспекты германо-австрийского двойственного союза также придали позиции Австрии на Балканах важное значение для официальной германской политики»⁹³.

Пожалуй, Болгария служила наиболее ярким примером страны, проникновение в которую германский и австро-венгерский капиталы осуществляли совместно. Однако, прежде чем во второй половине 80-х гг. приступить к активной экспансии в этой стране, германский капитал «предоставил возможность» австрийским финансистам собственными силами разбираться с противостоявшей им французской, английской и русской конкуренцией, как бы подготавливая почву для прибыльного и менее рискованного экспорта капитала из Германии. Австрийскому капиталу удалось создать в Болгарии выгодный рынок сбыта для своей промышленной продукции и добиться большого влияния на значительную часть болгарской буржуазии⁹⁴. Самыми прочными позициями в Болгарии располагали «Австрийский земельный банк», связанный с французским капиталом, и «Венский банковский союз», являвшийся постоянным партнером «Дойче банк»⁹⁵.

Одной из самых ранних и важнейших форм проникновения иностранных капиталов в Болгарию стали государственные займы, связанные прежде всего с сооружением железных дорог. 17 декабря 1888 г. в Болгарии был принят закон о строительстве железных дорог Ямбол—Бургас и Каспичан—Тырново—Плевен—София. Для покрытия расходов на эти работы и приобретения подвижного состава Болгария обратилась за займом к Вене. В 1889 г. «Венский банковский союз»

и «Австрийский земельный банк» при участии «Дойче банк» предоставили Болгарии заем в 30 млн франков⁹⁶. Полученных денег хватило только на завершение линий Цариброд—София—Вакарел и Ямбол—Бургас. Заем был гарантирован обеими строящимися железными дорогами со всеми станциями, постройками, недвижимым имуществом и подвижным составом. Первая линия, соединенная с сербской границей, была введена в эксплуатацию в июне 1888 г. Затем у турецкого правительства был выкуплен участок Вакарел—Белово, а у Общества эксплуатации Восточных железных дорог — линия Белово—Сарамбей. Эта линия соединила сербские железные дороги с Восточными железными дорогами и была длиной в 170 км⁹⁷.

В эти же годы крупные германские банки несколько раз участвовали в предоставлении займов «Болгарскому народному банку». В 1889 г. «Дойче банк» и «Дрезднер банк» заключили первую сделку с «Болгарским народным банком» на номинальную сумму в 10 млн франков, фактически выплатив ему лишь 4 млн франков. Только в 1890 г. «Болгарский народный банк» смог получить у этих банков дополнительный заем в 2 млн франков путем выпуска ипотечных облигаций⁹⁸.

В 1892 г. Болгария заключила договор о крупном ипотечном займе с «Австрийским земельным банком», «Национальным банком Германии», «Имперским Оттоманским банком», «Парижским и Нидерландским банком» и некоторыми другими банками. Гарантией займа служили несколько болгарских железных дорог и пристани Варны и Бургаса. На деньги, полученные от банковского консорциума, Болгария, в частности, предприняла строительство железной дороги на Чирпан, создавая тем самым конкуренцию Восточным железным дорогам в направлении на Константинополь и Дедеагач⁹⁹. В конце XIX в. не было почти ни одного болгарского займа, в котором в той или иной степени не принимал бы участия германский капитал («Дойче банк», «Дрезднер банк», «Национальный банк Германии»).

Еще в 1893 г. болгарское правительство предприняло тщетную попытку приобрести железнодорожные линии, построенные в пределах страны Обществом эксплуатации Восточных железных дорог, контрольным пакетом акций которого распоряжались «Дойче банк» и «Венский банковский союз». «Общество», правление которого находилось в Вене, а техническое руководство в Константинополе, вело себя в Болгарии как государство в государстве и даже имело собственную валюту¹⁰⁰.

Германский капитал ревниво оберегал свои позиции. Когда в 1898—1899 гг. Болгария приступила к строительству линии от Чирпана на

Нову Загору, что создавало угрозу интересам Общества эксплуатации Восточных железных дорог, директор «Дойче банк» Сименс придал протестам германских и австро-венгерских властей реальную силу, приняв меры против допуска болгарских ценных бумаг на Берлинскую биржу. Болгария была вынуждена отступить, прекратить строительные работы на участке Сарамбей—Чирпан¹⁰¹. В марте 1899 г. болгарское правительство капитулировало перед мощным фронтом германского и австрийского капиталов, подписав соглашение с Обществом эксплуатации Восточных железных дорог о передаче ему в аренду линии Чирпан—Нова Загора, которая вступила в эксплуатацию в сентябре 1900 г. Болгария брала на себя обязательство в течение 25 лет не строить железнодорожных линий, которые могли бы конкурировать с Восточными железными дорогами. В результате этого соглашения и вследствие экономического кризиса железнодорожное строительство в Болгарии прекратилось на несколько лет, а выкуп Восточных железных дорог в границах государства произошел только в 1909 г.¹⁰²

В 90-х гг. в предоставлении займов Болгарии германские банки серьезно конкурировали с консорциумом, объединявшим «Парижский и Нидерландский банк» и «Австрийский земельный банк». Однако вес этого консорциума в финансах Болгарии неуклонно возрастал. Так, если в ипотечном займе 1889 г. «Австрийскому земельному банку» «противостояла» мощная коалиция «Венского банковского союза» и «Дойче банк», то совершенно иной была картина займов 1892 и 1896 гг. (последний был заключен «Болгарским земледельческим банком»). Здесь «Национальный банк Германии» выступил партнером финансовой группы «Парижского и Нидерландского банка» и «Австрийского земельного банка»¹⁰³.

Конфликт между Болгарией и Обществом эксплуатации Восточных железных дорог ухудшил финансовое положение страны, чем поспешил воспользоваться «Дойче банк». Однако Сименс вынужден был начать переговоры с «Парижским и Нидерландским банком» о совместных действиях в Болгарии. Посетив Софию во время поездки в Константинополь в декабре 1899 г., глава «Дойче банк» обсуждал финансовые проблемы с болгарскими министрами и германским посланником Райхенау. Речь шла о железнодорожном займе в 260 млн франков, который немцы собирались предоставить Болгарии совместно с французскими финансистами. Возможные при размещении займа затруднения Сименс рассчитывал переложить на своих французских коллег. 12 декабря 1899 г. в письме одному из руководителей «Дойче банк» он отмечал, что французов следует держать в Болгарии на переднем плане, так как

в противном случае «весь прежний болгарский долг... обрушится на голову» немцам¹⁰⁴.

Переговоры в Софии завершились 1 января 1900 г., когда болгары подписали соглашение с представителями французской и германской финансовых групп о государственном займе в 30 млн франков¹⁰⁵. Заем, предоставленный Болгарии на весьма неблагоприятных условиях, нанес существенный ущерб экономике страны.

Иностранный, в том числе германский, капитал причинял большой вред Болгарии: подчинял себе государственные финансы, захватывал важные отрасли промышленности, расхищал природные богатства страны, диктовал государству экономическую политику. Зарубежный финансовый капитал эксплуатировал Болгарию по существу колониальными методами, рассматривая эту страну как удобный плацдарм для расширения экспансии на Балканах и Ближнем Востоке.

В Болгарии развернулась упорная конкурентная борьба между германскими и австро-венгерскими финансистами, с одной стороны, и французскими капиталистами, с другой. В банках Болгарии доминировал иностранный капитал. Государственные займы страны на 3/5 состояли из французского, а остальная часть — из австрийского, германского и русского капиталов. Поставки оружия в Болгарию осуществлялись в основном французской фирмой Шнейдер—Крезо¹⁰⁶.

В 1897—1906 гг. германские капиталы в Болгарии в ценных бумагах составляли 114,3 млн марок¹⁰⁷. Но в действительности их участие в болгарской экономике этим не ограничивалось. Часть их выступала под видом австрийских инвестиций. Усилению зависимости Болгарии от Германии и монархии Габсбургов содействовало то обстоятельство, что правил страной князь Фердинанд Кобургский, являвшийся их ставленником.

В германской экспансии на Балканах Сербия занимала скромное место, входя в сферу влияния Австро-Венгрии. Монархия Габсбургов претендовала не только на оккупированную территорию Боснии и Герцеговины, но и стремилась в какой-либо форме установить свой политический и экономический контроль над западной частью Балканского полуострова и обеспечить себе свободный путь на Салоники.

В начале 80-х гг. финансирование сербского правительства осуществляли «Берлинер хандельсгезельшафт» и «Австрийский земельный банк», а до 1885 г. также немецкие банкирские дома Блейхрөдера и Мендельсона. «Берлинер хандельсгезельшафт» был одним из немногих германских банков, заинтересованных в сербских займах,

в которых он участвовал в тесном сотрудничестве с некоторыми банкирскими домами Германии¹⁰⁸.

Когда в октябре 1885 г. разразилась сербо-болгарская война, которая по существу должна была обеспечить «Австрийскому земельному банку» контроль над западным участком железной дороги Восточной Румелии, более 40 % всего сербского государственного долга уже находилось в руках немецких финансистов. Одновременно возросло участие германского капитала в сербском железнодорожном строительстве. «Австрийско-Венгерское государственное железнодорожное общество» построило железную дорогу от Будапешта до Белграда. Германский капитал, на этот раз при участии «Дойче банк», в середине 80-х гг. продолжил сооружение этой линии до Цариброда на сербо-болгарской границе и затем через Софию и Вакарел до Белово, являвшегося исходным пунктом построенной Гиршем железной дороги до Константинополя. Так было установлено прямое железнодорожное сообщение между Веной и Константинополем¹⁰⁹. Сербские государственные займы и финансирование строительства сербских железных дорог принесли крупным германским банкам и германской промышленности большие доходы, которые к тому же обеспечивались выгодными для Австро-Венгрии и Германии торговыми договорами с Сербией.

Группа немецких банков во главе с «Берлинер хандельсгезельшафт», «Парижский учетный банк» и «Австрийский земельный банк» создали консорциум, который стал основным кредитором Сербии. В 1884 г. Сербия получила у этой финансовой группы заем в 40270 тыс. франков золотом, а также железнодорожный ипотечный заем в 25 млн франков, гарантированный сербским государством. С этого времени «Берлинер хандельсгезельшафт» постоянно принимал участие в сербских займах. Так, в 1886 г. этот банк совместно с «Парижским учетным банком», «Австрийским земельным банком» и немецкими банкирскими домами «Р. Варшауэр и К°» и «Эрлангер и сыновья» предоставили Сербии заем в 1600 тыс. франков, гарантированный табачной монополией¹¹⁰. Заключенный в 1888 г. заем у Франции, Австро-Венгрии и Германии привел к увеличению внешней задолженности страны на 20 млн динаров. В 1892 г. консолидированный долг Сербии составлял уже 326 млн динаров¹¹¹.

Очередной государственный заем был предоставлен Сербии в 1893 г. «Имперским Оттоманским банком» (Париж), «Австрийским земельным банком» и «Берлинер хандельсгезельшафт». В 1894 г. этот берлинский банк активно участвовал в переговорах о новом займе, который собирались использовать для конверсии предыдущих сербских займов¹¹².

Опасаясь банкротства, Сербия в 1895 г. вынуждена была пойти на заключение нового конверсионного займа. Соглашение между «Имперским Оттоманским банком» и «Берлинер хандельсгезельшафт», достигнутое в июне 1895 г. в Карлсбаде, позволило этому германскому банку участвовать в займе вместе с рядом французских банков и «Австрийским земельным банком». Гарантиями нового займа служили доходы государственной железной дороги Белград–Ниш–Вране, доходы от гербовых сборов, табачной, нефтяной, соляной монополий и т. д. Более того, сербское правительство согласилось с созданием Главного управления монополий, в административный совет которого входили французский и германский представители. Это было началом эры иностранного финансового контроля в Сербии ¹¹³.

В 1899 г. германский капитал являлся наиболее крупным держателем ценных бумаг сербского займа 1895 г., владея почти половиной облигаций. После кризиса начала века большая часть сербских ценных бумаг этого займа оказалась переведенной из Берлина и Вены в Париж ¹¹⁴.

В конце XIX и первые годы XX в. французские и германские финансисты действовали в Сербии совместно, в составе одного консорциума. Костяком французской группы являлись «Имперский Оттоманский банк» и «Восточное финансовое общество», а постоянным партнером «Берлинер хандельсгезельшафт» был банк Бетманна во Франкфурте. Несмотря на противодействие соперников, франко-германский консорциум заключил почти все сербские займы, при более или менее значительном участии «Австрийского земельного банка» ¹¹⁵. Попытка австрийского «Унион-банка» выступить независимо от франко-германского консорциума, предложив в 1899 г. предоставить Сербии заем в 30 млн франков, потерпела неудачу.

Дальнейшее совместное проникновение германского и австрийского капиталов в Сербию столкнулось с очень серьезным препятствием: усилением антагонизма между монархией Габсбургов и Сербией. Финансисты Германии и Австро-Венгрии вынуждены были осуществлять основные кредитные трансакции в Сербии путем сотрудничества с французским капиталом ¹¹⁶.

«Дойче банк» не был представлен в сербских финансовых операциях. Если верить Карлу Гельффериху, то Сименс чуть ли не добровольно уступил это поле деятельности австрийским, немецким и французским банкам, которые уже обладали прочными позициями в Сербии. В действительности же дело обстояло несколько иначе. В 80-х гг. «Дойче банк» установил тесные отношения с «Австрийским

земельным банком»; однако, судя по всему, этот австрийский банк не позволил «Дойче банк» вторгнуться в сферу своих интересов ¹¹⁷.

Между тем политическая гегемония Австро-Венгрии в Сербии подходила к концу. В 1894 г. прекратил существование австро-сербский договор 1881 г., по существу лишивший страну возможности вести самостоятельную внешнюю политику.

Все более важным торговым партнером Сербии становилась Германия. На развитие торговли между Сербией и Германией существенное влияние оказал торговый договор 1893 г. Германские предприниматели добивались расширения в Сербии рынка сбыта для своей промышленной продукции ¹¹⁸. Германские капиталы проникали и в сербскую промышленность. Так, в конце XIX в. в Сербии функционировало несколько крупных фабрик с иностранным капиталом, в том числе две с немецким капиталом, одна — с австрийским, одна — с английским и одна — с бельгийским капиталом ¹¹⁹.

Анализируя события на Балканах на рубеже веков, французский журналист Г. Жарэ писал, что в Сербии Германия действует осторожно, «дабы не привлечь на себя гнева своей союзницы, Австрии. Однако и в Сербии она методично и твердо преследует намеченную цель... По размерам торговых оборотов с Сербией Австрия пока занимает первое место, а Германия второе, из года в год вытесняя австрийские произведения, и близок день, когда Германия займет на рынках Сербии первое место» ¹²⁰. Однако, добившись существенных успехов в торговле, германский капитал сумел завладеть лишь второстепенными позициями в сербской экономике, а Сербия в конечном счете оказалась в зависимости от французского финансового капитала.

Из всех стран Балканского полуострова германское влияние в Греции было наименее весомым. Финансы этой страны были отягощены большими внешними долгами, причем ее основными кредиторами выступали Англия и Франция. В 1889 г. греческое правительство заключило заем в 135 млн франков, предназначенный для погашения заграничных и конверсии внутренних займов. В эмиссии этого займа вместе с банкирским домом «Антони Гиббс и сыновья» в Лондоне участвовал банк С. Блейхрёдера ¹²¹.

В конце 80-х гг. внимание германских капиталистов привлекло строительство железной дороги Пирей—Лариса, которая должна была связать район Афин с Северной Грецией. Для строительства и эксплуатации этой линии в 1890 г. был заключен заем на сумму в 89875 тыс. франков (или 71900 тыс. марок), в выпуске которого участвовали банкирский дом «К. Дж. Гэмбро и сыновья» в Лондоне и «Национальный банк Германии». В этом займе был заинтересо-

ван также «Дойче банк». В итоге государственный долг Греции возрос до 570 млн франков, что составляло 260 франков на душу населения¹²².

Чрезвычайная перегрузка греческого бюджета внешними долгами привела в 1893 г. к банкротству государства. В том году на падении курса греческих ценных бумаг «Национальный банк Германии» потерял несколько сот тысяч марок, а его деятельность в Греции была в значительной мере парализована.

Крайне негативное влияние на состояние греческих финансов и развитие промышленности оказало поражение Греции в войне с Османской империей в 1897 г. Турецкая армия победила благодаря наличию крупновесных пушек и помощи германских военных инструкторов. Греция могла выплатить Турции контрибуцию, только прибегнув к внешним займам, предоставить которые намеревались Париж и Лондон. Тогда германская дипломатия стала требовать, чтобы в первую очередь были удовлетворены интересы немецких держателей прежних греческих займов. Германское правительство выступило инициатором введения в Греции международного финансового контроля, рассчитывая таким путем усилить свое политическое влияние и экономические позиции в этой стране¹²³. На конференции, проведенной шестью европейскими державами, было принято решение об урегулировании прежних греческих долгов и эмиссии нового займа, необходимого Греции для выплаты военной контрибуции. В 1898 г. в интересах финансовой олигархии европейских держав Греции был навязан международный финансовый контроль¹²⁴.

В Англии возникли вполне обоснованные опасения, что Германия воспользуется тяжелым финансовым положением Греции для получения железнодорожных концессий и заключения выгодного торгового договора. В европейской печати появились сообщения о том, что Вильгельм II предложил Греции своих военных инструкторов. Английскую буржуазию особенно тревожила судьба греческого торгового флота, который Германия могла попытаться поставить под свой контроль¹²⁵.

Германия действительно проявляла большой интерес к греческим железным дорогам и добивалась их соединения с сетью балканских железных дорог. Ее внимание продолжал привлекать проект строительства линии Пирей–Лариса. Предпринимавшиеся ранее попытки получить концессию на ее сооружение не увенчались успехом. Осенью 1898 г. для ведения переговоров о концессии на железную дорогу Пирей–Лариса в Афины прибыл Сименс, но сделка так и не состоялась. Рассчитывая усилить экономическое проникновение

в Грецию в результате установления с ней прямого железнодорожного сообщения и потерпев в этом неудачу, Германия в последующие годы оказывала косвенную поддержку австро-венгерскому плану строительства Санджакской железной дороги, призванной соединить железнодорожную сеть монархии Габсбургов с греческими железными дорогами ¹²⁶.

В 1900 г. греческие власти зондировали почву в Берлине о возможности направления германских офицеров для реорганизации греческой армии. Однако Вильгельм II, отнюдь не собираясь оказывать такую услугу потенциальному противнику Турции, согласился прикомандировать к греческому королевичу лишь одного немецкого офицера в качестве военного советника при условии, что он не будет нести никакой ответственности за модернизацию греческой армии ¹²⁷.

Греция стала полем ожесточенной конкурентной борьбы между иностранными военными фирмами, прежде всего между германской фирмой Маузера и австрийской Манлихера. Все же доля германских капиталов во всей сумме иностранных инвестиций в промышленности страны достигала едва лишь 2 %, а торговля с Грецией составляла только 1–2 % общего объема германской внешней торговли ¹²⁸.

Между тем германские финансисты стремились использовать все возможности для проникновения в экономику Греции. Русский дипломат Щербачев сообщал в 1903 г. из Афин, что немцы «заговорили уже о местном рынке для сбыта германских товаров, о предполагаемом заключении с Грецией новой торговой конвенции, о возможных на здешней почве немецких предприятиях и, между прочим, о Пирей-Ларисской железной дороге, в постройке которой заинтересованы некоторые немецкие банкирские дома» ¹²⁹.

По величине инвестированных капиталов страны Восточной и Юго-Восточной Европы несомненно занимали первое место в германской экономической экспансии. В конце XIX — начале XX в. на Австро-Венгрию, Балканские страны и Турцию приходилось более трети всех заграничных инвестиций и активов германского капитала (7806,2 млн марок из 22 млрд марок, размещенных за рубежом) ¹³⁰. Хотя доля Балканских стран в германской внешней торговле была весьма незначительной, во внешней торговле самих этих стран она была неизмеримо выше, что оказывало существенное воздействие на экономическое развитие этих стран и их внешнеполитическую ориентацию.

Иностранный капитал, проникавший в государства Балканского полуострова, оказывал двойственное влияние на становление их экономики. С одной стороны, он содействовал строительству в них

сети железных дорог и развитию некоторых отраслей промышленности, стимулировал зарождение современных банков и развитие кредита, способствовал включению молодых Балканских государств в систему мирового хозяйства. Это ускоряло их экономический рост, стимулировало формирование промышленного пролетариата, национальной буржуазии и интеллигенции. С другой стороны, иностранный капитал, содействуя развитию тех или иных хозяйственных отраслей лишь в своих экономических и политических интересах, придавал экономике Балканских стран однобокий характер, деформировал ее структуру, стремясь эксплуатировать природные ресурсы этих стран, превратить их в поставщиков сырья, сферы приложения капитала и рынки сбыта для своей промышленной продукции, эксплуатировал народы Балканских стран по существу колониальными методами. Сбыт зарубежных промышленных товаров препятствовал развитию важных отраслей национальной промышленности. В то же время балканские экспортеры сельскохозяйственной продукции были заинтересованы в германском и австро-венгерском рынках, поглощавших значительную часть их вывоза ¹³¹.

Оказавшись в зоне соперничества германо-австрийского и русско-французского военно-политических блоков, Балканские страны стремились проводить политику, позволявшую им маневрировать между этими коалициями. В конце XIX — начале XX в. происходил рост антиавстрийских настроений в Сербии. В Румынии усиливались тенденции к нормализации и улучшению отношений с Россией. Восстановление дипломатических отношений между Болгарией и Россией сопровождалось усилением российского влияния в Софии ¹³².

В германской политике, проводившейся в отношении стран Юго-Восточной Европы, все больший вес приобретали экспансионистские интересы финансового капитала. Это объяснялось тем, что германский империализм вследствие относительной ограниченности своих колониальных владений особенно активно выступал за проникновение в малые страны и их подчинение, что отражало общую тенденцию, характерную для зарубежной экспансии великих держав в условиях завершеного территориального раздела мира. То, что правящие круги Германии ориентировались прежде всего на страны Юго-Восточной Европы, объяснялось многими причинами. Государства этого региона располагали значительными и еще мало разработанными источниками сырья. Благодаря ввозу капитала и развитию транспортной инфраструктуры они стали превращаться в перспективные рынки сбыта. Благоприятное для Германии географическое положение Балканских стран, примыкавших к союзной с ней Австро-Венгрии, к тому же находившейся в силь-

ной зависимости от германского финансового капитала, облегчало германскому империализму осуществление экономической экспансии и политического влияния в этом регионе и делало возможным в случае необходимости непосредственное военное вторжение. Постепенный распад Османской империи и политическая слабость молодых Балканских государств благоприятствовали германским экспансионистским устремлениям, тем более что эти страны еще не находились под бесспорным господством какой-либо другой великой державы. К тому же достижение гегемонии на Балканах являлось необходимой предпосылкой для обеспечения и расширения германской сферы эксплуатации в азиатских владениях Турции. В юго-восточном направлении германской экспансии особенно зримо объединялись континентальная и мировая политика германского империализма ¹³³.

Багдадская железная дорога давала германскому капиталу, а тем самым и германскому правительству, которые выступали на Ближнем Востоке «единым фронтом», возможность установить контроль над Черноморскими проливами, влиять на дееспособность российского Черноморского флота и в случае необходимости относительно быстро сконцентрировать турецкие войска на Босфоре. Она могла быть использована для организации наступления на кавказской границе России и вторжения в русскую сферу влияния в Персии, должна была способствовать установлению контроля над восточной частью Средиземноморья и открывала для Германии сухопутную дорогу в Индию ¹³⁴.

К. фон дер Гольц в 1901 г. отмечал большое стратегическое значение направления германской экспансии через Балканы на Ближний Восток, которое не зависело от Суэцкого канала и непосредственного английского воздействия и к тому же являлось значительно более коротким путем в Индию и на Дальний Восток, и требовал безусловного осуществления под германским руководством проекта строительства железной дороги Берлин—Багдад. В согласии с заинтересованными кругами германских финансистов Вильгельм II усматривал в установлении тесной связи Германии и Австро-Венгрии с Турцией возможность «испортить жизнь англичанам в Индии» ¹³⁵. Таким образом, это направление экспансии предоставляло правящим кругам Германии огромные преимущества в соперничестве как с Англией, так и с Россией и Францией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Kumpf-Korfes S.* Bismarcks «Draht nach Russland». Zum Problem der sozial-ökonomischen Hintergründe der russisch-deutschen Entfremdung im Zeitraum von 1878 bis 1891. Berlin, 1968. S. 3.
- 2 *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. Die Vorgeschichte des Ersten Weltkriegs. 1815–1914. München; Zürich, 1991. 2. Aufl. S. 152.
- 3 Friedrich II. und van Swieten. Berichte über die zwischen Oesterreich und Preussen geführten Verhandlungen, die erste Theilung Polens betreffend. Hrsg. von A. Beer. Leipzig, 1874. S. 30; *Geiss I.* Geschichte griffbereit. Bd. 6. Staaten. Die nationale Dimension der Weltgeschichte. Dortmund, 1993. S. 212.
- 4 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 144–148.
- 5 Там же. С. 149–155.
- 6 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя. 1876 год // *Он же.* Собр. соч. в 15 т. СПб., 1994. Т. 13. С. 96.
- 7 Там же. С. 224.
- 8 Там же. С. 225.
- 9 Там же. С. 208.
- 10 Там же. С. 226.
- 11 *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. М., 1940. Т. 2. С. 191.
- 12 Там же. С. 193.
- 13 *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия. М., 1974. С. 76.
- 14 Цит. по: *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage 1871–1914. München, 1984. S. 16.
- 15 Цит. по: *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht... S. 17.
- 16 *Сказкин С. Д.* Указ. соч. С. 43–44.
- 17 *Geiss I.* Der lange Weg... S. 153.
- 18 Сборник договоров России... С. 159–175; см. также: *Geiss I.* Op. cit. S. 153–154.
- 19 Цит. по: *Herre F.* Kaiser Wilhelm I. Der letzte Preusse. Köln, 1993. S. 466.
- 20 *Ротштейн Ф. А.* Международные отношения в конце XIX века. М.; Л., 1960. С. 86.
- 21 *Herre F.* Op. cit. S. 467.
- 22 *Geiss I.* Der lange Weg... S. 154.
- 23 *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 49.
- 24 Сборник договоров России... С. 140–143; *Herre F.* Op. cit. S. 473.

- 25 Цит. по: *Schöllgen G.* Op. cit. S. 18.
- 26 *Geiss I.* Der lange Weg... S. 155.
- 27 *Schweinitz H. L. von.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1927. Bd. 2. S. 40.
- 28 *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 2. С. 217.
- 29 *Herre F.* Op. cit. S. 482–483.
- 30 *Бисмарк О.* Указ. соч. Т. 2. С. 225.
- 31 Там же. С. 226.
- 32 Там же. С. 225–226.
- 33 *Серова О. В.* От Тройственного союза к Антанте. Итальянская внешняя политика и дипломатия в конце XIX — начале XX века. М., 1983; *Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879–1914 nach den Akten des Wiener Staatsarchivs / Hrsg. von A. F. Pribram.* Wien; Leipzig, 1920. S. 24–26.
- 34 *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 80–81; *Ротштейн Ф. А.* Указ. соч. С. 226, 227.
- 35 *Helfferrich K.* Georg von Siemens. Ein Lebensbild aus Deutschlands grosser Zeit. Berlin, 1923. Bd. 3. S. 7, 8.
- 36 Собрание Трактатов и Конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Сост. Ф. Мартенс. СПб., 1888. Т. 8. С. 649, 650, 666, 667; *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България 1878–1925. София, 1925. С. 264.
- 37 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 3–6.
- 38 *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 81.
- 39 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 6 f; *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 73.
- 40 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 73–74.
- 41 *Fellner F.* Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem ersten Weltkrieg. Wien, 1960. S. 22.
- 42 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 82–83.
- 43 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 83–84; *Goltz K. von der.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1929. S. 126 f, 149 f.
- 44 Сборник договоров России... С. 267–270; *Schöllgen G.* Op. cit. S. 21; *Geiss I.* Der lange Weg... S. 177–178; *Тэйлор А. Дж. П.* Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958. С. 333–334.
- 45 *Geiss I.* Der lange Weg... S. 181.
- 46 *Тэйлор А. Дж. П.* Указ. соч. С. 339.
- 47 *Dertilis P. B.* Le Problème de la dette publique des états Balkanique. Athènes, 1936. P. 225.
- 48 *Dehn P.* Die Völker Südosteuropas und ihre politischen Probleme. Halle a. S., 1909. S. 10.
- 49 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 393 (депеша Гирса. Бухарест, 14 апреля 1903 г.).

- 50 *Diouritch G.* L'Expansion des banques allemandes ' l'étranger. Ses rapports avec le développement économique de l'Allemagne. Paris; Berlin, 1909. P. 343; *Савин Т.* Иностраный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950. С. 47.
- 51 *Die Disconto-Gesellschaft 1851 bis 1901.* Denkschrift zum 50-jährigen Jubiläum. Berlin, 1901. S. 60, 102–110; *Diouritch G.* Op. cit. P. 343; *Brüning A. P.* Die Entwicklung des ausländischen, speziell des überseeischen deutschen Bankwesens. Borna; Leipzig, 1907. S. 25; *Савин Т.* Указ. соч. С. 47–48.
- 52 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 177.
- 53 Собрание Трактатов и Конвенций... СПб., 1888. Т. 8. С. 668; *Савин Т.* Указ. соч. С. 54, 56; *Antonescu C. G.* Die rumänische Handelspolitik von 1875–1910. Leipzig, 1915. S. 61–62.
- 54 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970. С. 138.
- 55 *Constantinescu N. N., Axenciuc V.* Capitalismul monopolist în România. București, 1962. P. 208.
- 56 *Савин Т.* Указ. соч. С. 51; *Grabska W.* Ekonomiczna ekspansja niemiec na wschód w latach 1870–1939. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 69; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 239; *Grünberg K.* Die handelspolitischen Beziehungen Österreich-Ungarns zu den Ländern an der Unteren Donau. Leipzig, 1902. S. 104.
- 57 *Die Disconto-Gesellschaft 1851 bis 1901...* S. 217, 218; См.: *Туполев Б. М.* Указ. соч. С. 164–173.
- 58 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 177.
- 59 *Antonescu C. G.* Op. cit. S. 121, 122; *Lotz W.* Die Handelspolitik des Deutschen Reiches unter Graf Caprivi und Fürst Hohenlohe (1890–1900). Leipzig, 1901. S. 109; *Gerloff W.* Die deutsche Zoll- und Handelspolitik von der Gründung des Zollvereins bis zum Frieden von Versailles. Berlin, 1920. S. 224.
- 60 Documents Diplomatiques Français (далее — DDF). 2-е série. Т. 1. № 179. P. 220–221. Анри — Делькассе. Бухарест, 8.IV.1901.
- 61 *Grabska W.* Op. cit. S. 69; *Dertilis P. B.* Op. cit. S. 239.
- 62 АВПРИ. Ф. Политархив, 1897–1900. Д. 3194. Л. 185, 186 (депеша Фонтонна. Бухарест, 17 мая 1900 г.).
- 63 DDF. 2-е série. Т. 2. № 236. P. 288; Реверзо — Делькассе. Вена, 8.V.1902.
- 64 *Helffferich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 16.
- 65 *Миллер А. Ф.* Краткая история Турции. М., 1948. С. 98–99.
- 66 *Туполев Б. М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX вв. М., 1991. С. 117.
- 67 *Radowitz J. M.* Aufzeichnungen und Erinnerungen aus dem Leben des Botschafters... / Hrsg. v. H. Holborn. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1925. Bd. 2. S. 212; *Holborn H.* Deutschland und die Türkei 1878–1890. B., 1926. S. 17.
- 68 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 185.

- 69 *Силин А. С.* Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX в. М., 1971. С. 43, 61, 63; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 79; *Wallach J. L.* Anatomie einer Militärhilfe. Die preussisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919. Düsseldorf, 1976. S. 105.
- 70 *Rathmann L.* Berlin–Bagdad. Die imperialistische Nahostpolitik des kaiserlichen Deutschlands. Berlin, 1962. S. 16–18, 23.
- 71 *Du Velay A.* Essai sur l'histoire de la Turquie. Depuis le règne du Sultan Mahmoud II jusqu'à nos jours. P., 1903. P. 635, 636; *Morawitz Ch.* Les finances de la Turquie. P., 1902. P. 365.
- 72 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 10; *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 184–185.
- 73 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 48.
- 74 *Osman Zeki Torgay.* Der deutsch-türkische Handel. Organisation und Technik. Hamburg; Berlin, 1939; *Силин А. С.* Указ. соч. С. 146–147.
- 75 *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951. С. 192.
- 76 *Bismarcks Sturz.* Zur Rolle der Klassen in der Endphase des preussisch-deutschen Bonapartismus 1884/85 bis 1890. В., 1977. S. 77–78.
- 77 См.: *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 230–237.
- 78 *Grabska W.* Op. cit. S. 56; *Du Velay A.* Op. cit. P. 588–591; *Riesser J.* Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena, 1912. S. 355, 356.
- 79 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 48, 49; *Mendel J.* Das Orientbahnproblem // *Balkan-Revue.* Berlin, 1914. H. 2. S. 128; *Riesser J.* Op. cit. S. 356; *Hoffmann W.* Deutsche Banken in der Türkei // *Welt wirtschaftliches Archiv.* Bd. 6. H. 2. Jena, 1915. S. 419; *Morawitz Ch.* Op. cit. P. 381.
- 80 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 50.
- 81 *Ibidem;* *Riesser J.* Op. cit. S. 356; АВПРИ. Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 176. Секретная депеша Зиновьева. Пера, 28 декабря (10 января) 1901 (1902) г.; *Goltz K. von der.* Ein Ausflug nach Macedonien. Besuch der deutschen Eisenbahn von Salonik nach Monastir. В., 1894. S. 75, 137.
- 82 «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871–1918 гг. М., 1977. С. 75; *Хвостов В. М.* Дипломатия и новое время. 1871–1914 // *История дипломатии.* М., 1963. Т. 2. С. 280; АВПРИ. Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 306. Депеша Зиновьева. Буюкдере, 20 июня (3 июля) 1902 г.; *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 51–53.
- 83 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 81; *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 72 f.
- 84 *Bülow B. v.* Denkwürdigkeiten. Bd. 1. Vom Staatssekretariat bis zur Marokko-Krise. В., 1930. S. 252.
- 85 *Bülow B. v.* Op. cit. Bd. 1. S. 253.
- 86 *Ibid.* S. 258.
- 87 *Lindow E.* Freiherr Marschall von Bieberstein als Botschafter in Konstantinopol 1897–1912. Danzig, 1934.

- 88 Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Bd. 1–40. В., 1922–1927 (далее — GP). Bd. 12/2. Док. № 3339.
- 89 *Wallach J. L.* Op. cit. S. 84 f.
- 90 GP. Bd. 14/2. Док. № 3980.
- 91 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 125.
- 92 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 250.
- 93 *Liebknecht K.* Gesammelte Reden und Schriften. Berlin, 1966. Bd. 8. S. 161–162.
- 94 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 179.
- 95 *Grabska W.* Op. cit. S. 71.
- 96 *Кесяков Б.* Указ. соч. С. 195; *Balkan-Review*. H. 4–5. Berlin, 1914. S. 351; *Botcheff St.* La participation des capitaux étrangers dans les entreprises bulgares // *La Bulgarie. Situation économique et financière. Commerce, industrie, richesses naturelles, ses ressources et ses besoins.* Numéro spécial, hors série. Paris, 1921. P. 50.
- 97 *Daskaloff R. I.* Das ausländische Kapital in Bulgarien. Berlin, 1912. S. 74, 75; *Кесяков Б.* Указ. соч. С. 195.
- 98 *Diouritch G.* Op. cit. P. 457; *Daskaloff R. I.* Op. cit. S. 129.
- 99 *Бочев С.* Чуждите капитали в България // *Списание на Българското икономическо дружество.* София, 1921. Кн. 4–5. С. 28; *Helfferich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 10; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 49; *Dantschoff J.* Das Eisenbahnwesen in Bulgarien. Leipzig, 1917. S. 13–18.
- 100 *Станишев Х. А.-Н.* История на строежите и съобщенията в България от освобождението до края на 1939 г. София, 1948. С. 105.
- 101 *Mendel J.* Das Orientbahnproblem // *Balkan-Review*. Berlin, 1914. H. 2. S. 129; *Helfferich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 11.
- 102 *Станишев Х. А.-Н.* Указ. соч. С. 105–106, 107; *Mendel J.* Op. cit. S. 131; *Dantschoff J.* La situation actuelle du réseau des chemins de fer de l'état // *La Bulgarie...* P. 9.
- 103 *Balkan-Review*. 1914. H. 4–5. S. 351–352; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 40.
- 104 *Helfferich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 11–13.
- 105 *Кесяков Б.* Указ. соч. С. 196; *Daskaloff R. I.* Op. cit. S. 86; *Dejanowa M.* Das ausländische Kapital // *Mittel- und Südost-Europäische Wirtschaftsfragen. Wirtschaftsstruktur und Wirtschaftsbeziehungen.* Hrsg. von H. Gross. Leipzig, 1931. S. 116.
- 106 *Натан Ж.* История экономического развития Болгарии. М., 1961. С. 334; *История Болгарии.* М., 1954. Т. 1. С. 474, 475; *Popoff K. G.* La Bulgarie économique. 1879–1911. Études statistiques. Sofia, 1920. P. 446; *Dejanowa M.* Op. cit. S. 118.
- 107 *Schubert E.* Deutschlands Brücke zum Orient (Österreich-Ungarn, Balkanstaaten, Türkei). Berlin, 1915. S. 47.
- 108 *Diouritch G.* Op. cit. P. 440.
- 109 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 178.

- 110 *Brüning A. P.* Die Entwicklung des ausländischen, speziell des überseeischen deutschen Bankwesens. Borna; Leipzig, 1907. S. 33; *Diouritch G.* Op. cit. P. 438, 440, 489; *Grabska W.* Op. cit. S. 68–73; *Poidevin R.* Les intérêts financiers français et allemands en Serbie de 1895 à 1914 // *Revue historique.* Paris, VII–IX 1964. T. 232. P. 61.
- 111 *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 325; Serbien. Wirtschaftliche Verhältnisse 1912. Nach den Berichten der K. u. K. österr.-ungar. Konsularämter in Belgrad, Nisch und Schabatz. Wien, März 1914. S. 5.
- 112 *Diouritch G.* Op. cit. P. 438.
- 113 *Милич Д.* Чуждестранният капитал в Сърбия до първата световна война // Исторически преглед. Год XXI. 1965. Кн. 4. С. 59, 60; *Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898–1914). Очерки истории дипломатической борьбы Франции за Ближний Восток. Киев, 1964. С. 69; *Poidevin R.* Op. cit. P. 50, 51; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 325, 326.
- 114 Serbien. Wirtschaftliche Verhältnisse 1912... S. 5; *Poidevin R.* Op. cit. P. 52.
- 115 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 287–288.
- 116 *Grabska W.* Op. cit. S. 73; *Poidevin R.* Op. cit. P. 53.
- 117 *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 4; *Diouritch G.* Op. cit. P. 393.
- 118 *Nestorović J. Z.* Der Aussenhandel Serbiens. Leipzig, 1913. S. 123; *Schubert E.* Op. cit. S. 38, 39; *Gross H.* Mitteleuropäische Handelspolitik 1890–1938 und der Donaauraum // *Der Donaauraum.* Wien, 1962. S. 102.
- 119 *Брандт Б. Ф.* Иностранные капиталы. Их влияние на экономическое развитие страны. СПб., 1898. Ч. 1. С. 275.
- 120 См.: *Русский вестник.* 1906. Т. 302. С. 698–699.
- 121 *Diouritch G.* Op. cit. P. 489; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 113, 114.
- 122 *Zolotas X.* Griechenland auf dem Wege zur Industrialisierung. Leipzig; Berlin, 1926. S. 92; *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 5; *Diouritch G.* Op. cit. P. 489; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 115.
- 123 *Ерусалимский А. С.* Указ. соч. С. 271, 272.
- 124 *Хвостов В. М.* Указ. соч. С. 346, 347; *Du Velay A.* Op. cit. P. 451.
- 125 *Ерусалимский А. С.* Указ. соч. С. 272.
- 126 См.: АВПРИ. Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 294–295 (депеша Чарыкова. Белград, 8 мая 1902 г.). До 1916 г. Греция оставалась единственной балканской страной, железные дороги которой не были соединены с европейской железнодорожной сетью.
- 127 АВПРИ. Ф. Политархив, 1897–1900 гг. Д. 3194. Л. 190 (депеша Ону. Афины, 8 июля 1900 г.); *Helfferrich K.* Op. cit. Bd. 3. S. 5.
- 128 *Grabska W.* Op. cit. S. 72; *Zolotas X.* Op. cit. S. 43; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 104, 105; *Meyer H. C.* German Economic Relations with Southeastern Europe, 1870–1914 // *The American Historical Review.* № 1. New York; London, October 1951. V. 57. P. 84.
- 129 АВПРИ. Ф. Политархив, 1901–1903 гг. Д. 3195. Л. 391–392 (депеша Щербачева. Афины, 12 апреля 1903 г.). Торговый договор между Германией и Грецией был заключен в 1884 г.

- 130 *Arndt P.* Deutschlands Stellung in der Weltwirtschaft. Leipzig, 1913. S. 31.
- 131 «Дранг нах Остен...». С. 81.
- 132 Там же. С. 82.
- 133 *Gutsche W.* Zur Südosteuropapolitik des deutschen Imperialismus vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des ersten Weltkrieges // *Jahrbuch für Geschichte* 15. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis 1917. Berlin, 1977. S. 237–238; *Rathmann L.* Stossrichtung Nah-Ost 1914–1918. Zur Expansionspolitik des deutschen Imperialismus im ersten Weltkrieg. Berlin, 1963. S. 19 ff.
- 134 *Kumpf-Korfes S.* Op. cit. S. 183.
- 135 *Gutsche W.* Op. cit. S. 238.

ЧЕРНОМОРСКИЕ ПРОЛИВЫ, КОНЕЦ XIX в.: ВЗГЛЯД ИЗ ПЕТЕРБУРГА И ИЗ ЛОНДОНА

Проблема Босфора и Дарданелл давно и прочно привлекает внимание отечественных исследователей. С. С. Горяинов посвятил им ценную монографию¹. На рубеже 20-х и 30-х гг. молодой Владимир Михайлович Хвостов, имевший доступ к хранившимся тогда за семью замками документам, опубликовал некоторые, сопроводив публикацию большой статьей². Но тогда в науке доминировали взгляды М. Н. Покровского, считавшего вопрос о Проливах стержнем всей российской внешней политики; даже рывок на Дальний Восток, предпринятый самодержавием в конце XIX столетия, он рассматривал как своего рода вспомогательный маневр для достижения главной цели — овладения Босфором и Дарданеллами: «На берегах Тихого океана Россия воевала за те же Проливы»³.

Наследие М. Н. Покровского в отдельных его проявлениях преодолевалось медленно даже после того, как система его взглядов была отвергнута, к сожалению, отнюдь не в академической, а в излишне политизированной форме. Первым дерзнул поднять голос против гиперболизации роли Проливов Сергей Данилович Сказкин в монографии «Конец Союза трех императоров», заметив, что и после Крыма, и после Берлинского конгресса 1878 г. России оставалось лишь сидеть смиренно на Балканах: «Не было ни армии, ни флота, ни денег», и правительство «ограничило свои задачи в 80-е гг. обороной от Англии в случае развала Турции. Оно отнюдь не мечтало получить „ключи от своего дома“». Россия, писал в 1879 г. видный дипломат П. А. Сабуров, не может допустить «постоянной оккупации Проливов Англией»⁴. Но связанный с Проливами флюс в отечественной историографии рассасывался медленно. В. М. Хвостов упрекнул С. Д. Сказкина: «Такое утверждение неверно». Сам он тогда стоял на позициях вполне в духе М. Н. Покровского: «Основным вопросом внешней политики русского царизма с конца XVIII в. был вопрос о проливах, соединяющих Черное море со Средиземным. Захват Проливов сделанся руководящей внешнеполитической задачей самодержавия»⁵.

Живучести представления о доминирующей роли Проливов в заботах ведомства на Певческом мосту способствовало чуть ли не массовое сочинительство проектов их захвата — маниловщина ведь явление типическое, прожекторство свойственно человеческой натуре,

особливо русской (об этом ниже). Исследователи же проявляли, а на Западе проявляют склонность представить частное творчество того или иного чиновника, даже высокопоставленного, за выражение официального внешнеполитического курса.

Лишь в последние два–три десятилетия в отечественной науке произошел отход от прежних позиций. Еще в 1961 г. В. И. Бовыкин писал о стремлении российских правящих сфер «создать себе благоприятные условия для захвата Проливов на случай изменения международной обстановки»⁶. В. И. Глебов утверждал позднее (1973 г.): «стержнем всей ее (т. е. России) восточной политики (в том смысле, который вкладывали в это понятие в XIX — нач. XX в.) была проблема Черноморских проливов»⁷. Но возобладала иная точка зрения. Подводя итоги проведенным исследованиям, авторы обобщающего труда констатировали: «Присоединение Константинополя и Проливов ни в конце XVIII, ни в XIX в. не было целью политики России»⁸. В этом смысле неоднократно высказывался и автор сих строк⁹.

Что же касается «дальнего зарубежья» — то прежний тезис неколлективно переживает десятилетие за десятилетием¹⁰: «Достижение контроля над Проливами оставалось главной целью российской дипломатии на протяжении XIX столетия», — утверждает американский историк с именем Дэвид Маккензи. Исключения встречаются редко, — так, недавно скончавшаяся Барбара Елавич, крупнейший знаток балканских дел, придерживалась иной точки зрения¹¹.

Детально, с привлечением многочисленных источников, в том числе архивных, в строгой академической манере исследует вопрос Н. С. Киняпина в монографии «Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в.». Со свойственной ей деликатностью она упрекает автора за утверждение, что планы не числились «в арсенале русской дипломатии как программа действий»¹². На наш взгляд, приведенная формулировка ни в малой степени не расходится с мнением самой Нины Степановны: «На протяжении второй половины XIX в. вопрос о захвате Проливов не был государственной проблемой»¹³. В обоих случаях проводится водораздел между государственным курсом и прожектерством, выражавшим точку зрения того или иного человека, пусть даже занимавшим одну из верхних ступенек иерархической лестницы, но от того не перестававшим быть частным мнением, а не компонентом формирования официальной политики.

Но вернемся к исходной точке. Войну 1877–1878 гг. самодержавие начало и кончило заверениями, что и в мыслях не имеет самостоятельно приступать к решению вопроса о Проливах. Александр II в письме к послу в Лондоне П. А. Шувалову вполне определенно вы-

сказался за сохранение Проливов за Османской империей: «Никаких присоединений земель Турции не входит в политику России..., для русских выгода заключается в том, чтобы оставить ключи к Черному морю в руках слабеющих, которые не могли бы замкнуть для России этот торговый выход и угрожать ее безопасности»¹⁴. В июне 1877 г. канцлер А. М. Горчаков официально уведомил лондонское правительство: «Не имея возможности предрешить заранее развитие и ход войны, императорский кабинет все же повторяет, что захват этой столицы (т. е. Константинополя. — *Авт.*) не входит в планы России». Вопрос о Проливах «для сохранения мира и всеобщего спокойствия» подлежит урегулированию «с общего согласия на справедливых и на действительно гарантированных началах»¹⁵. В европейском ареопаге Россия традиционно находилась в одиночестве, так что надежд на благоприятные для нее подвижки в режиме проливов не было никаких. Даже победы на поле боя не привели к изменению прежде занятой позиции — подобной перемены никто бы не поддержал. Сам Горчаков размышлял над четырьмя вариантами мирного урегулирования, включая и вопрос о Проливах, но в конце-концов пришел к выводу, что пытаться что-либо здесь изменить безнадежно. По мере разрастания военных успехов за дело взялись более молодые и решительные люди — военный министр Д. А. Милютин, бывший посол в Стамбуле Н. П. Игнатьев и заведующий дипломатической канцелярией при главнокомандующем А. И. Нелидов, которым канцлер представлялся излишне осторожным и боязливым по причине дряхлости. Им удалось склонить на свою сторону воодушевленного победами Александра II, и итогом их трудов явилось подписание прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора.

Но даже радикально настроенный Н. П. Игнатьев помышлял лишь о довольно робких изменениях режима судоходства в Босфоре и Дарданеллах: «...Порта, сохраняя неприкосновенным традиционный принцип закрытия Проливов для военных флотов, обязуется пропускать беспрепятственно и безостановочно по первому требованию русского правительства ежегодно до 10-ти его военных судов... Означенные военные суда должны проходить поодиночке, не останавливаясь в Босфоре под каким то ни было предлогом более трех суток»¹⁶. Не могло быть и речи о том, что появлявшиеся порознь корабли представляли какую-либо угрозу для Стамбула и тем более — для внушительной средиземноморской эскадры ее британского величества. И тем не менее Сан-Стефанские прелиминарии никаких условий относительно Проливов не содержали, а Берлинский трактат 1878 г. оставил режим Проливов неизменным.

Однако вопрос не был сдан в архив. Традиционный российский недруг, Великобритания, успешно утверждал свое господство в Восточном Средиземноморье. В 1875 г. премьер-министр Бенджамин Дизраэли (лорд Биконсфилд) из-под носа у французов перехватил контрольный пакет акций Суэцкого канала, который продавал египетский хедив Измаил, разорившийся в результате бурной, буйной и расточительной жизни. В 1878 г. глава Форин оффис маркиз Роберт Солсбери, запугав султана Абдул-Хамида II угрозой русского нашествия если не до смерти, то до потери способности трезво рассуждать, добился бессрочного предоставления о-ва Кипр Великобритании в качестве военно-морской базы.

Англо-русские отношения складывались из рук вон плохо; центр противостояния переместился в Среднюю Азию. В 1881 г. М. Д. Скобелев захватил Ахал-Текинский оазис; через три года в состав России вошел Мерв. Из Индии в Лондон доносились издаваемые окружением вице-короля призывы, порой истеричные, защитить их от нависшей над ними опасности со стороны москвитов. Решено было встретить вызов, по излюбленному британскому варианту, используя чужие руки. В 1885 г. афганские войска, обученные англичанами, переправились через пограничную реку Кушка, но получили отпор.

Большую войну удалось предотвратить. Однако не успели рассеяться «афганские тучи», как начала сгущаться атмосфера в другом конце света, в Болгарии. Ссора Александра III со своим тезкой, болгарским князем, привела к тому, что Россия и Англия как бы поменялись ролями: царь не одобрил объединения «двух Болгарий», глава же британского кабинета В. Ю. Гладстон ему способствовал и его одобрил*. Последние надежды на русско-болгарское примирение растоптал своими генеральскими сапогами А. В. Каульбарс. Стремление царя поставить строптивых болгар на полагающееся им, т. е. подчиненное, место увенчалось разрывом отношений между двумя странами. Восторг по поводу миссии Каульбарса выразила лишь Высокая Порта. В Адрианополе незадачливого примирителя встретил кавалерийский эскорт, сопроводивший его в Стамбул. Султан Абдул-Хамид возложил на него орден Меджидие и устроил в его честь смотр войск, что делалось обычно лишь для владетельных особ¹⁷.

Неуклюжее, мало похожее на дипломатические маневры топотание россиян способствовало расширительному толкованию их намерений, вплоть до приписывания им готовности развязать войну. Царь не собирался идти на подобный рискованный шаг. Об этом он сообщал в письме начальнику генерального штаба Н. Н. Обручеву

* См. раздел, посвященный Болгарии.

от 12(24) сентября 1885 г., которое он велел считать директивой: «Настоящее движение болгар я не одобряю, они нас не слушались, действовали втихомолку, советов не спрашивали, пусть теперь сами расхлебывают кашу, ими же заваренную... Из-за последнего движения, нами не одобряемого и нам нежелательного, в настоящую минуту ссориться и вести войну с Турцией, а может быть и с Европой, — было бы непростительно и даже преступно в отношении к России»¹⁸. Но именно так было выгодно и угодно трактовать намерения Петербурга в австрийских и британских сферах, ибо лучшего случая, чтобы «поставить Россию на место», и вообразить было трудно.

В габсбургской монархии против официального «прорусского курса» (союз трех императоров!) взбунтовалась венгерская оппозиция. Ее возглавил бывший канцлер, граф Дьюла Андраши, мечтавший о возобновлении карьеры: «В то время как Берлинский конгресс изгнал Россию с Балкан, мои преемники вновь пустили ее туда». С иных позиций, — повышения авторитета династии путем взвешенной поддержки национальных чаяний балканцев, — выступил престолонаследник, единственный сын императора Франца-Иосифа Рудольф. Он мечтал о том, чтобы, сплотив балканские страны и опираясь на них, Австро-Венгрия начала войну против России¹⁹. Сам кайзер и его министр иностранных дел Г. Кальноки не давали увлечь себя юношескими комбинациями принца и не желали играть с огнем. Все же Бисмарк, встревоженный угрозой развала своего детища, комбинации трех монархов, предупредил Вену, что воевать из-за Болгарии не собирается²⁰. Послу Павлу Андреевичу Шувалову он даже «советовал» направить туда войска, явно заманивая Россию в балканский омут, маня ее призраком Проливов*, с тем, чтобы остаться с глазу на глаз с Францией. Лицемерие старого канцлера видно из того, что он одновременно подстрекал Великобританию занять твердую антирусскую позицию.

Таков был достаточно мрачный фон, способствовавший появлению всякого рода проектов, с целью укрепления самого уязвимого участка российского порубежья, черноморского, и перехода, при удобном случае, в наступление.

После Крымской войны Россия так и не обзавелась флотом на Черном море, все денег не удавалось наскрести. Наконец, в 1881 г. хватились, и, по инициативе морского министра, в августе состоялось Особое совещание, пришедшее к выводу: «В общеполитических интересах России на первом плане должны быть поставлены заботы

* См. раздел: «Восточный вопрос в большой европейской политике».

о восстановлении ее сил на Черном море» с целью установления господства на нем ввиду «постепенно приближающейся окончательной развязки Восточного вопроса»²¹. Собравшиеся полагали, что при разделе Турции все претенденты станут опираться на силу и, чтобы избежать отстранения, России следует «в момент наступления развязки овладеть устьями Босфора, укрепиться на обоих его берегах и, встав прочно у входа в Черное море, оградить его воды и берега от всякого посягательства»²².

Рассматривать протокол совещания как план захвата Проливов — значит допускать натяжку. Во-первых, потому, что нужных для этого эскадры и транспортного флота, способных взять на борт 30-тысячный десант, не существовало. Во-вторых, предполагалось утвердиться лишь в устье Босфора. В-третьих, и это самое главное, самодержавие, по словам В. М. Хвостова, «едва ли не тотчас же после того как смолкли выстрелы русско-турецкой войны»²³, взяло курс на сближение со Стамбулом, решив оставить ключи от собственного дома в руках слабеющей и неопасной державы, и не собиралось от него отказываться. Высокая Порта, лишившись в «дружеских объятиях» Великобритании о-ва Кипр и Египта, выражала разочарование особо тесными отношениями с владычицей морей. В 1881 г. она рассталась с Фессалией и Северным Эпиром, вошедшими в состав Греции, и с Тунисом, где утвердилась Франция. Начались поиски противовеса засилью «друзей» в виде сближения с Россией, в 1882 г. был предпринят осторожный зондаж турецкой стороны в этом направлении. Инициатива развития не получила: оторваться от англо-французской пуповины, шагнуть навстречу неизвестности Порты не решалась.

К этому времени относится поданная на имя Александра III Записка А. Нелидова, тогда — посла в Константинополе. В. М. Хвостов в свои молодые годы считал ее показателем затевавшихся Россией новых «авантюры»²⁴. Так ли это?

Начинал Нелидов с развернутого утверждения очевидного, а именно, что режим Проливов входит в сферу государственных интересов России: «Вопрос тут... в утверждении русской власти на пути наших южных сообщений с открытыми морями и океаном». Утвердившись на Босфоре, Россия стянет в один узел оборону черноморской береговой линии, закрепит завоевание Кавказа, сможет перебросить на западную границу войска, расположенные на юге. С этими соображениями государственно-оборонительного порядка соседствовали экспансионистские — приобретался рычаг для «решительного влияния на судьбы как Балканского, так и Малоазиатского полуостровов»²⁵. Не упускал А. И. Нелидов и освободительные про-

цессы, обеспечение «самобытного развития славянских народностей»²⁶. Наконец, он полагал, что произойдет вытеснение с Балкан Австро-Венгрии.

Концы с концами в своих рассуждениях Александр Иванович свести не сумел, да и вряд ли это было возможно. В Записке отсутствовал призыв к захвату Босфора и Дарданелл: «Дело идет не о наступательных действиях для разрушения существующего на европейском Востоке порядка вещей. Порядок этот распадается сам собою. Со времени последней войны с Турцией она лишается своих владений мирным путем». В сложившихся условиях в интересах России занять Проливы, для чего он усматривал три возможных пути: «открытой силой во время русско-турецкой войны»; «неожиданным нападением при внутренних сложностях с Турцией, или внешней опасности»; и наконец, мирно, в союзе с Портой, если она станет «искать нашего содействия». Нетрудно заметить, что два первых варианта не стыкуются с тезисом об отказе от наступательных действий и предполагают если не инициативу, то содействие в разрушении Османской империи, поэтому Записка Нелидова часто трактовалась, как выражение извечного стремления к захвату Проливов.

Характерна неоднозначная реакция Александра III на соображения посла. Он не ограничился обычными пометами на полях, часто резкими, иногда просто грубыми, а излил свою душу в пространном заключении: «Все это весьма дельно и толково. — Дай Бог нам дожить до этой страдной и задушевной для нас минуты! Я не теряю надежды, что рано или поздно, а это будет, и так должно быть! Главное не терять времени и удобного момента. А.»²⁷. Однако он не начертал резолюции «Быть по сему», означавшей превращение Записки в программу, и счел лучшим третий, «мирный» вариант. «Это было бы самое желательное», но и, добавим мы, самое утопичное.

Иной реакции царя, учитывая популярность идеи в стране и его собственные душевные порывы, было трудно ожидать, пустить под откос столь благое предложение самолично ему было несподручно. Мы разделяем мнение Н. С. Киняпиной: нельзя считать Записку Нелидова показателем «устойчивого стремления России к захвату Проливов», она свидетельствует «об озабоченности государства возможным изменением прежнего режима Проливов или захватом их другим государством, прежде всего Англией»²⁸. Устойчивыми оставались мечты об утверждении на Босфоре, и на этой почве произрастали все новые и новые записки, причем пальму первенства Нелидов из своих рук не выпускал. К январю 1885 г. относится его меморандум «О задачах русской политики в Турции». Он вновь высказался за занятие Проливов, хотя и сознавал: «Момент, когда обстоятельства

снова вынудят нас вступить в борьбу с Османской империей, вероятно, наступит не скоро. Не в наших интересах их преждевременно вызывать» (помета Александра III: «Это конечно»). Уже совершенно новой нотой в меморандуме явилась констатация германского засилья в Турции: «Немецкие офицеры приняты на службу султана, немецкие чиновники занимают видные места в главнейших учреждениях и тем имеют если не политическое, то во всяком случае административное влияние. Против них борются только немногие турки старого покроя, предпочитающие мирному подчинению Европе тесную связь с Россией, которая оставляет Востоку его своеобразный характер»²⁹. Решительное высказывание автора в пользу достижения цели путем договоренности со Стамбулом вообще ставит под вопрос степень реальности его соображений.

Сам Александр III 12(24) сентября 1885 г. обратился с письмом к начальнику генерального штаба Н. Н. Обручеву: «По-моему, у нас должна быть одна и главная цель: это — занятие Константинополя, чтобы раз и навсегда утвердиться в Проливах и знать, что они будут постоянно в наших руках. Это в интересах России, это должно быть наше стремление, все остальное на Балканском полуострове для нас второстепенно... Славяне теперь должны сослужить службу России, а не мы им». И далее: «Что касается собственно Проливов, то, конечно, время еще не наступило, но надо нам быть готовыми к этому и готовить все средства. — Только из-за этого вопроса я соглашусь вести войну на Балканском полуострове, потому что он для России необходим и действительно полезен»³⁰.

На основании анализа указанных документов В. М. Хвостов пришел к выводу: «Захват проливов сделался руководящей внешнеполитической задачей самодержавия... Русская политика и в это время преследовала не оборонительные, а наступательные цели»³¹.

Трудно согласиться с подобной оценкой. Болгарский кризис 1885 г. и последовавший разрыв отношений между Петербургом и Софией подорвали еще больше позиции официальной России на Балканах. Относящиеся к этому времени документы, включая письмо Александра III, носили вполне умозрительный характер, ибо предусматривали создание разве что гипотетически мыслимой, но реально невозможной в обозримом будущем ситуации. Жестокая действительность повергала прожектеров с небес на землю. Предложения Нелидова остались без последствий. На практике осуществлялся осторожный курс, предложенный руководителем МИДа Николаем Карловичем Гирсом. Продолжавшееся соперничество с Англией побуждало ведомство на Певческом мосту к поискам сближения с Турцией. До него доходили сведения о стремлении британцев от-

крыть для себя Босфор и Дарданеллы. «В перспективе, — полагал Гирс (1885 г.), — Солсбери хочет добиться открытия Проливов в случае войны с нами»³². Поэтому сооружение воздушных замков насчет овладения Проливами, коему предавался Нелидов при сочувственном отношении царя, соседствовало с вполне реальными земными усилиями по сохранению их существующего статуса, т. е. закрытия. И тот же Нелидов, но уже в качестве посла, а не прожектора, заверял насчет стремления царя не разрушать, а укреплять Турцию на основе закрытия Проливов, предлагая ради этого тесный военный союз³³. Отклика его демарши (не считая дружеских заверений) не получили, поворачиваться спиной к владычице морей турки не решались. Питая традиционную подозрительность к российским замыслам, султан Абдул-Хамид избегал фиксировать что-либо на бумаге, а прознай он о меморандумах любезного, светски воспитанного Александра Ивановича Нелидова, повелитель правоверных повел бы себя еще осторожнее. Британское и российское посольства в Стамбуле наговаривали друг на друга и с опозданием обнаружили, что у них за спиной на Босфоре, Дарданеллах и в Константинополе утвердились немцы. В 80-е гг. они заменили своими инструкторами англичан и французов в османской армии и на флоте и деятельно готовились к великому железнодорожному строительству и экономическому освоению (в свою пользу) богатых ресурсов и многообещающего рынка османской державы.

Но у Нелидова были влиятельные единомышленники. В январе 1887 г. двое братьев Шуваловых *, Петр Андреевич, бывший посол в Лондоне, и Павел, занимавший тот же пост в Берлине, наметили проект договора с Бисмарком, с обещанием российского нейтралитета во франко-германской войне в обмен на обязательство не мешать России овладеть Константинополем, благо и без Германии находились силы, которые бы это сделали. Братья заработали резкий выговор от царя, и на этом их рвение в решении Восточного вопроса прекратилось. А с восшествием на престол Вильгельма II, «сердечные отношения» двух монархий стали отходить в область преданий.

Прежнее благодушное отношение российских политиков к австро-германскому союзу испарилось. В дневнике старшего советника министра Владимира Николаевича Ламздорфа детище Бисмарка именуется не иначе, как так называемая «лига мира»³⁴, особенно после удаления «железного канцлера» в отставку и замены тонкого мастера дипломатической игры грубыми ремесленниками этого

* См. раздел: «Восточный вопрос в большой европейской политике».

цеха. Да и от «нервного и шалого Вильгельма», как Александр III характеризовал молодого кайзера, «можно всего ожидать»³⁵.

В 1892 г. германо-австро-итальянский союз был продлен, ходили упорные слухи о вхождении в него Великобритании. В Петербурге несколько упрощенно трактовали создавшуюся обстановку: почему бы открытому неприятелю, Англии, не примкнуть к скрыто-враждебной группировке? «Германия всегда может найти против нас поддержку со стороны Англии, которая повсеместно является нашим противником», — размышлял в своем дневнике В. Н. Ламздорф³⁶. Поскольку самая болевая даже не точка, а нить располагалась в Проливах, оставалась и почва для составления проектов, в чем себе набил руку А. И. Нелидов.

Когда в 1892 г. Нелидов сочинил очередную записку (в духе прежних), царь реагировал осторожнее: «Я ничего не могу ответить, не посоветовавшись с Н. К. Гирсом»³⁷. Пригласить Николая Карловича в Аничков дворец, любимую резиденцию царя, не было возможности: тот находился на лечении в Монте-Карло. Гонцом к нему отправился В. Н. Ламздорф, именовавший записку А. И. Нелидова «фантастическими разглагольствованиями» и на чем свет стоит ругавший неуместную «ретивость» посольства в Стамбуле³⁸. Смысл ответа Гирса заключался в том, что возбуждение вопроса о Проливах поведет к неисчислимым и трудно предсказуемым осложнениям в Европе. Александр III с ним согласился. Наряду с традиционной, британской опасностью нависала новая, «германская». Поверенный в делах в Берлине А. В. Кутузов предсказывал «неизбежность будущей борьбы между нами и немцами»³⁹. Этот взгляд разделял и царь: «Нам действительно надо сговориться с французами и, в случае войны между Францией и Германией, тотчас броситься на немцев, чтобы не дать им времени разбить сначала Францию, а потом броситься на нас... Когда Германия распадется, Австрия уже ничего не посмеет»⁴⁰.

Характерна реакция сверхосторожного Николая Карловича Гирса, миротворца по натуре, вконец расстроенного царскими речами: «Его величество молот такой вздор и проявлял столь дикие инстинкты», что он решился робко возражать. Традиционно пацифистскую позицию занимал хранитель вечно пустой российской казны, тогда — Вышнеградский. Он зачастил к Гирсу: «Наше финансовое и экономическое положение ужасно. Мир и спокойствие нам безусловно необходимы»⁴¹. Министерство иностранных дел явно запаздывало с освобождением из «английского плена» и не предвидело грядущей крутой внешнеполитической переориентации. Британия все еще представлялась «врагом № 1». В МИДе всерьез уверовали в расширение Тройственного союза, «вызванное присоеди-

нием Англии, состоявшимся на неизвестных и сохраняемых в тайне условиях, близко затрагивающих сферу наших интересов и нашего законного влияния, и дающее союзникам способ верного воздействия» (на Турцию)⁴².

Не только эта чересчур мрачная оценка, но и, главное, внутреннее состояние страны предписывали умеренность и осторожность. Засуха и голод 1891 г. вскрыли пороки режима. Ламздорф записывал в дневнике: «Нам нужен мир и спокойствие ввиду бедствий голода, неудовлетворительного состояния наших финансов, незаконченности наших вооружений, отчаянного состояния наших путей сообщения и, наконец, возобновляющегося брожения в лагере нигилистов»⁴³.

Переориентацию на союз с Францией осуществляло не руководство МИДа, а самодержец своей властной волей; внешнеполитическое ведомство лишь оформило, причем тонко и умело, этот переход, о котором, помимо посла в Париже П. А. Моренгейма и самого Гирса, знали, по его собственным словам, «полтора человека» — В. Н. Ламздорф и, намеками, понаслышке, товарищ министра Н. П. Шишкин.

Но перенесемся мысленно с берегов Невы в вечно туманный тогда Лондон. Геостратегический центр политики Сент-Джеймского кабинета на протяжении уже века располагался в Проливах. На султана взирали как на сторожа, державшего взаперти ворота в Средиземное море и на просторы океана, где властвовал королевский флот, обеспечивая имперские пути в Индию и иные страны. В 1809 г. англичане очень удачно напомнили падишаху о «древнем правиле» его империи, предусматривавшим закрытие Босфора и Дарданелл для военных судов. В 1841 г., по Лондонской конвенции, это правило стало международно признанным, и базировавшийся в Черном море российский флот был заперт в его акватории, а после Крымской войны — разоружен и затоплен. В 1871 г. канцлер Александр Михайлович Горчаков мастерским ходом добился снятия запрета на содержание на Черном море военных кораблей. В 1878 г., до Берлинского конгресса и на самом этом форуме, глава Форин оффис лорд Р. Солсбери упорно, и в общем успешно, выламывал руки русской дипломатии, стремясь свести к минимуму итоги русско-турецкой войны. Одновременно запугивая султана Абдул-Хамида II то угрозой с севера, то государственным переворотом, Солсбери добился его согласия на бессрочную оккупацию острова Кипр и сооружения там военно-морской базы. Англия заняла господствующие позиции в Восточном Средиземноморье, французскому сопернику был нанесен серьезный удар⁴⁴.

Дальше — больше. В 1882 г. в Египте вспыхнуло направленное против иностранного засилья восстание Араби-паши. Британские войска разгромили его части и осуществили военную оккупацию Суэцкого канала. Декорации они оставили на месте: номинальный сюзеренитет султана над страной, египетского хедива во дворцах Александрии и Каира. Но всем заправлял сэр Э. Бэринг (впоследствии лорд Кромер) под скромной личиной генерального консула. В Париже предавали анафеме коварный Альбион.

В 1885 г. британцы искусно воспользовались русско-болгарской распрей для упрочения своих позиций в Юго-Восточной Европе. Они выступили в поддержку объединения «двух Болгарий», воочию продемонстрировав, что руководствуются не протурецкими, а анти-русскими настроениями. В Йилдыз-киоске, резиденции Абдул-Хамида, подводили итоги «особых отношений» с Англией: Суэцкий канал — Кипр — Египет — Болгария...

Но существовала и оборотная сторона этой победоносной для Великобритании медали, и на нее обратил внимание аристократ из аристократов, человек, сменивший в жизни три титула — лорда Роберта Сесия, виконта Крэнборна, маркиза Солсбери, — долгожитель особняка на Даунинг-стрит, 10 (1885—1886, 1886—1892, 1895—1902 гг.), политик масштаба Бисмарка. Червь сомнения закрался в его душу: а не утратила ли Британия в вечной погоне за успехом чувство реальности? Он отчетливо представлял, что вдохнуть жизнь в угасавшую Османскую империю аптекарскими дозами реформ не удастся. Бессилие, проявленное Портой в 1885 г. при объединении Болгарии, он счел роковым свидетельством: «Обладай турки хоть искрой жизнедеятельности, они бросили бы все силы, чтобы сразу растоптать это восстание... Весьма вероятно, что они подняли бы на ноги русских и мы имели бы новую войну. И все же ни одно жизнеспособное государство не позволило бы утащить у себя из-под носа провинцию, не протянув руки, чтобы ее сохранить. Раз Турция этого не сделала — это свидетельствует о том, что она мертва»⁴⁵. Так стоит ли подпирать полутруп? Тем более, что британские политические акции в Стамбуле шли вниз, а немецкие стремительно поднимались? Посол сэр В. Уайт жаловался премьеру: никогда еще его влияние не падало столь низко, а антипатия к нему султана не проявлялась столь откровенно. В ответном письме министр признавал: «Он нас ненавидит. Египет и Кипр — достаточное основание для подлинного чувства, ибо оба раза мы становились господами магометанской общины»⁴⁶. Солсбери все же слегка упрекал падишаха: должен же Абдул-Хамид сознавать, что «в соревновании за Константинополь мы не участвуем, в то время как немцы заняты сооружением укреплений в Дарданеллах».

На холодность со стороны Высокой Порты накладывалась напряженность в отношениях с Францией. Страна преодолела синдром поражения в войне 1870–1871 гг., быстро крепла и богатела, пустилась во все тяжкие колониальных захватов. Выдворения из Восточного Средиземноморья она не забыла и не простила. Солсбери констатировал: французы «извергают на нас ненависть, чего они не осмеливаются делать в отношении к Германии». Трудно даже объяснить это, рассуждая логически: «если в Париже сохраняют рассудок, они должны знать, что рискуют войной, и война завершится ссорой с Германией, кто бы ее ни начал»⁴⁷.

Казалось бы, многое говорило в пользу сближения Великобритании с Тройственным союзом: с Австро-Венгрией — гармония интересов и традиций совместного обуздания России, а Италия, вечно пребывавшая в страхе перед нападением британского флота на ее извилистое, тысячекилометровое побережье, — сама любезность...

Но... Сводить счеты с Францией на морских путях и в колониях значило ослаблять ее в Европе и, как следствие, ставить под угрозу нового разгрома в войне с Германией и связанного с этим низвержения всего хрупкого здания европейского равновесия. На подобный риск Солсбери идти не мог. Оставалось одно — балансировать. Сам он определял свою задачу так: с одной стороны — «не дать французам выдворить нас из Египта», с другой — не позволить Бисмарку втянуть Англию в удобную ему крупную европейскую игру: канцлер «хотел бы видеть Россию в Константинополе, ибо думает, что тогда Турция, Англия и Австрия будут вынуждены вступить в войну, в то время как он сохранит благожелательный нейтралитет или, при случае, нанесет новый удар по Франции»⁴⁸. Кайзеровский посол граф П. Гацфельд вел настойчивый зондаж с явной целью подтолкнуть Лондон к конфликту с Петербургом: «Он вновь и вновь спрашивал, будем ли мы спокойно наблюдать..., если Австрия и Турция будут вовлечены в конфликт». Франция, продолжал коварную речь дипломат, боится Германии и поэтому не сможет причинить Великобритании «зло», и самое лучшее, что та может сделать, так это вступить в «хорошую войну» (с Россией). Сам канцлер хотел остаться в сторонке, давая понять, что «пока напряженность в отношениях с Францией сохраняется, он не может помешать предприятиям России в Юго-Восточной Европе»⁴⁹. Знали бы в Петербурге об этой закулисной подстрекательской деятельности «друга» братьев Шуваловых!

Завлекать Англию в Тройственный союз, действуя «в лоб», было не в привычках Бисмарка. Явно с его ведома разведку предприняли итальянцы. Солсбери вежливо отклонил предложение, но про-

явил склонность к договоренности, касающейся бассейна Средиземного моря. Дело увенчалось созданием Средиземноморской Антанты (февраль—март 1887 г.). Англия, Австрия и Италия обязывались поддерживать на Средиземном и Адриатическом морях *status quo*. Британцы проявили чрезвычайную осторожность и отказались связывать себя конкретными обязательствами: в случае перемен в регионе «характер совместных действий будет устанавливаться, когда явится в них надобность, смотря по обстоятельствам данного случая». Несмотря на излюбленную британцами туманность формулировок, было очевидно, что любое поползновение России на Провливы встретит отпор средиземноморской тройцы⁵⁰. Бисмарк поэтому мог смело манить Петербург миражом утверждения там, не опасаясь за последствия. Уже без экивоков Солсбери писал: «Думаю, что Англия будет драться вместе с Австрией, Турцией и Италией, если Россия нападет на балканские страны, и царю следует знать об этом». Впрочем, размышлял он, риск минимален, учитывая личные качества Александра III: «Он — человек горячий, но тугодум, в моменты хладнокровия колеблющийся и беспомощный, относящийся исключительно нервно к политическому влиянию войны на его страну». Развязывать конфликт он не станет⁵¹.

Союзники по Средиземноморской Антанте попытались раскатать британскую лодку, со стороны Австрии и Италии поступило предложение (октябрь 1887 г.) «заявить Турции, что если она будет сопротивляться России, ее поддержат, но если она станет вассалом России, то подвергнется вторжению. Это выражено более дипломатическим языком, но такова суть, — замечал Солсбери. — Формально Германия непричастна к проекту, но втайне она ему покровительствует и на нем настаивает, публично же она стоит в стороне, и, несомненно, частным образом выражает ужас в Петербурге»⁵².

Уайт-холл не сказал ни да, ни нет, и прибег к тактике оттяжек, тем более, что политический горизонт был затуманен близившимися переменами на верхних ступенях немецкой иерархии власти: кайзеру Вильгельму стукнул 91 год, Бисмарку — 73, кронпринц Фридрих был поражен «болезнью, не знающей пощады» — раком горла, и прямой путь к трону открывался перед 28-летним принцем Вильгельмом, внуком королевы Виктории. В Лондоне хорошо знали его нервную неуравновешенность, резкие антифранцузские выпады и считали непредсказуемым и, — ошибочно, — прорусски настроенным. Солсбери запросил и получил, лишь для личного пользования, полный текст договора о Тройственном союзе. Его опасения насчет возможности создания русско-германского блока были рассеяны: трактат вполне определенно устанавливает, что

Германия должна встать на австрийскую сторону «в любой войне» против России. Чтобы рассеять остатки британских сомнений, принц Вильгельм сочинил премьеру пространное письмо, указывая, что Германия не может допустить разгрома своей дунайской союзницы — она останется в одиночестве между Францией и Россией, которые обе, по уверению принца, «неисправимо воинственны и постоянно угрожают соседям». Германия же «вступит в борьбу, если независимости Австро-Венгрии будет угрожать Россия, или если Англия либо Италия подвергнутся опасности нападения со стороны Франции»⁵³.

Солсбери кратко отблагодарил словоохотливого принца, воздержавшись от комментариев насчет непреодолимо воинственных наклонностей немецких соседей или «угрозы», нависающей над Британией с французских берегов. По здравом размышлении он пришел к успокоительной мысли, что и Бисмарк на восьмом десятке и с перспективой близкого воцарения антипатичного ему Вильгельма не станет ставить на кон свою славу объединителя Германии и бросать в огонь войны свои лавры победителя, а царь Александр высоко ценит свою репутацию миротворца. Традиционалисты от политики лишились дара речи, слушая выступление премьер-министра на банкете у лорд-мэра (март 1888 г.). Он восхвалял многочисленные добродетели царя и выражал пожелание, чтобы тот увенчал освободительную миссию России в Болгарии, предоставив ее своей собственной судьбе. А сам Солсбери писал одному из послов: «Никто не хочет войны, за исключением офицеров и журналистов. Но царь глуп, а нервы у князя Бисмарка пошаливают, будущее темно и неопределенно, и отсюда — постоянное состояние легкой паники»⁵⁴.

Все сказанное позволяет судить об ангажированности Англии в европейских делах. Правда, тому же лорду Роберту принадлежала облетевшая мир фраза о «блестящей изоляции» Великобритании (1896 г.). Его дочь и биограф, леди Гвендолен Сесил, полагает, что высказывание было расширительно истолковано: на самом деле маркиз в свойственном ему слегка ироническом тоне заметил, что соотечественники обладают психологией островитян, пребывают в состоянии «блестящей изоляции» и взирают на происходящее в мире в духе эмоциональном и филантропическом. В действительности же Великобритания была по горло завязана в европейских делах. Солсбери продолжал считать Францию «главной опасностью» для своей страны, но опасностью «дремлющей», пока у Парижа сохраняется напряженность в отношениях с восточными соседями, т. е. Германией и Италией. Исходя из этих соображений, кабинет

продолжал придерживаться линии на осторожное сближение с Тройственным союзом, но никак не на вхождение в него, хотя попытки втянуть в него не прекращались, причем Бисмарк действовал не только через посла П. Гацфельда, но и через своего сына Герберта, имевшего обширные связи в лондонских светских кругах⁵⁵. В ответ на заманивания Солсбери рассыпался в уверениях насчет своей приверженности к австро-германскому союзу, но столь же неизменно топил суть в болоте дипломатического пустословия. Гацфельд резюмировал итоги своих бесед с премьером (1888 г.) в следующих словах: Солсбери «не исключает возможности возникновения, в результате дискуссий, контрпредложений, вносящих изменения в идею, не посягая на ее принцип». При этом министр прибегал к излюбленной формуле насчет связанности правительства обязательствами перед парламентом, без ведома которого он будто бы и шагу ступить не смел. В узком кругу он вполне членораздельно жаловался на интриги «ненавистного» Герберта (Бисмарка), которому позарез нужен союз с Англией для того, чтобы удержать колеблющуюся и шатающуюся Италию от бегства из блока. Мнение самого Солсбери насчет вступления было неизменно отрицательным: «Германия рассматривает своих смиренных союзников как подчиненных»⁵⁶. Восшествие на престол вбалмошного Вильгельма II лишь укрепило его в этом убеждении. Молодой кайзер почти немедленно учинил выходку, болезненно воспринятую в Виндзорском замке. Кайзер собрался нанести официальный визит в Вену. Там, на свою беду, оказался принц Уэльский. Из Берлина последовал демарш, который, если освободить его от словесной шелухи, означал предложение наследнику британского престола покинуть австрийскую столицу елико можно скорее, что и было сделано во избежание скандала. Немцы разъяснили: если в Вене сразу окажутся императоры Австрии и Германии и английский принц, то в Петербурге Бог знает что подумают, и, самое худшее, вообразят, что происходит саммит Тройственного союза. Королева Виктория пришла в бешенство, Вильгельму пришлось уговаривать ее целый год, прежде чем старая дама согласилась принять своего внука⁵⁷. Ну, а кабинет ее величества сделал свои выводы из «маленького инцидента»: с подобным партнером надо держать ухо востро! Но и над отношениями с Францией тучи расходились медленно, и не без влияния привходящих моментов. Так, президент Сиди Карно решил приурочить открытие очередной всемирной выставки к сотой годовщине Французской революции. Послы Англии, России, Австрии, Германии, стран, воевавших против революции не один десяток лет, схватились за головы: появляться в качестве почетных гостей значило бы почтить ненавист-

ное событие. В дипломатическом корпусе мелькнула спасительная мысль — а не заболеть ли, так сказать, коллективно? Солсбери посочувствовал лорду Литтону: как назло, не то что чумы или холеры, даже маленькой эпидемии гриппа по Парижу не гуляло. «Уж лучше пусть заболеет Ваша девствующая тетушка»⁵⁸, — предложил свой вариант премьер и оставил казус на усмотрение самого посла.

В итоге лишь русское представительство оказалось на принципиальной высоте: оно совершило коллективную экскурсию в Ахен поклониться праху Карла Великого. Прочие послы ограничились тем, что отправили на открытие выставки поверенных в делах.

Но все же и в отношениях с Францией постепенно возобладал курс если не на преодоление, то хотя бы на смягчение противоречий. Триумфальный визит французской эскадры в Кронштадт в 1891 г. произвел в Лондоне сильное впечатление. На обратном пути моряков пригласили посетить Портсмут. Здесь их встретила флотилия лодок и судов в гавани и толпа на набережной. Пожаловала королева, «милостиво» побеседовавшая с офицерами. «Хотя при настоящем положении вещей наши интересы лежат на стороне Тройственного союза, чрезвычайно важно убедить французов, если мы это сможем, что Англия не питает антипатии к Франции и не имеет ничего против нее»⁵⁹, — писал Солсбери Виктории.

В марте 1892 г. на стол премьер-министра легла бумага, ознаменовавшаяся с которой, он глазам своим не поверил: руководители военно-морской разведки сделали свой вывод из заключения франко-русского союза, и довольно неприглядный для себя. Франция держит свой флот в Тулоне и контролирует Западное Средиземноморье; затевать в таких условиях что-либо в его восточной части, врываться в Проливы опасно, — можно оказаться между двух огней. Солсбери назвал полученную записку «трагической декларацией». Тот флот, что вошел в Черное море в 1854 г. еще до вступления Англии в Крымскую войну, те броненосцы, которые бросили якорь ввиду султанского дворца в 1878 г. в вопиющее нарушение Лондонской конвенции 1841 г. о Проливах и тем самым повлияли на ход и результаты русско-турецкой войны, — теперь боялся сунуть нос в Дарданеллы⁶⁰. В морских кругах распространилось мнение, что Англия блефует, держа флот в водах Леванта, раз он все равно не может помешать русским захватить Константинополь. В июне 1892 г. Солсбери обратился к кабинету с секретным меморандумом: 40 лет защита Константинополя составляла основу британской политики. Продолжать ее, по мнению военных, невозможно и недопустимо: французская эскадра может прорваться из Тулона в Атлантику, пока британцы застрянут в Проливах. Так что корабли ее величест-

ва можно использовать по назначению в Восточном Средиземноморье либо при поддержке Франции, — что является «абсурдной гипотезой», — либо «предварительно разгромив» ее флот. «Многие годы мы в огромной степени преувеличивали возможности нашего флота». Теперь же, полагал он, было бы «мудро, в интересах собственной репутации, и возможно скорее, сделать достоянием гласности тот факт, что мы не собираемся защищать Константинополь и что оборона его от русских, в наших глазах, не стоит тех жертв, которые она повлечет за собой»⁶¹. Но оглашения не произошло; дипломатия не любит раскрывать свои карты, сам Солсбери ушел в отставку через два месяца после составления меморандума.

Возникла совершенно новая ситуация, а именно: сознание невозможности применить силу для проведения традиционной политики на Ближнем Востоке. На этой почве семена сомнений в целесообразности поддержки одряхлевшей Османской империи переросли в размышления о разделе ее земель: «Надо захватить что-либо вне Проливов, раз Адмиралтейство боится вступить в Дарданеллы». В ближайшем окружении Солсбери занимался уже прикидкой что кому: России — свобода действий на Босфоре; Австрии — Салоники, Италии — Албания, Германии — карт-бланш на Сене. Вполне вероятно, однако, что царь сочтет приобретение Босфора слишком малой компенсацией за сокрушение Франции. В этих условиях «провокация со стороны Англии может подвигнуть его в одном направлении, а любезность будет иметь обратный эффект»⁶². Так не пора ли перейти к «любезности»?

В своей раскладке сил Солсбери был склонен переоценивать степень дружбы Парижа и Петербурга, их готовность к сотрудничеству, связанному с неизбежностью взаимных уступок. Руководители Интеллидженс Сервис вообще полагали невозможным проникнуть в Дарданеллы: «если мы не действуем вместе с Францией» (что исключалось совершенно), «путь к Константинополю, в ходе военной операции, для британских сил лежит через разгром французского флота», — твердили они. А это означало большую европейскую войну на радость кайзеровским генералам, которые поспешили бы изжарить галльского петуха в пламени пожарищ.

Вопрос о Проливах стал медленно сползать со своих приоритетных позиций в британском политическом мышлении.

В Вене этой истины не уловили и продолжали ломиться в английскую дверь. Граф Густав Кальноки полагал, что Австро-Венгрия в одиночку сопротивляться российским aspirations не может, выход Черноморского флота на просторы Средиземноморья и его объединение с французским он приравнивал к «эпохальному изменению

в соотношении сил на Европейском Востоке». Нельзя сидеть, сложа руки, тревожился глава ведомства на Баллхаусплац, «будет опасной иллюзией» считать, что Тройственный союз справится тогда с ситуацией, а немецкие партнеры отделиваются «призрачными фразами» и «пустыми разговорами». Если Россия «включит Средиземное море в сферу своей активности» — «будет заложен базис для эпохального сдвига в расстановке сил». Выход он видел один — в превращении Тройственного союза в Четверной, в вовлечении в него Англии.

Сие, однако, от него не зависело и на рубеже 1894—1895 гг. отдавало утопизмом. В самой Австро-Венгрии славянская оппозиция выступила против блока с Германией, полагая, что он острием своим направлен против России. Чехи поучали графа Густава: «Мир вовне, мир внутри, довольные народы лучше всяких штыков». Кальноки с досадой объявил «господам младочехам», что безнадежно убеждать их в «необходимости и правильности» его политики⁶³, и ему пришлось ограничиться миссией Кассандры по предсказанию мрачного будущего.

Зверская резня армян в 1895—1896 гг. воочию продемонстрировала, что «янычарские нравы» в Османской империи сохранились в своей первозданной дикости несмотря на десятилетия реформ под наблюдением «Европы». Многие видные британцы сочли, что обязательства по ее защите исчерпаны. Дж. Гошен, первый лорд Адмиралтейства, заявил в парламенте, и под аплодисменты: «Мы свободны от каких-либо обязательств по ее сохранению». Влиятельный министр колоний Дж. Чемберлен полагал, что следует вместе с Россией «прекратить состояние банкротства, в котором пребывает больной человек». Это уже напоминало заявления Николая I перед Крымской войной. Солсбери, вновь оказавшийся у кормила власти, признавал, что Британия сидит у разбитого корыта несбывшихся надежд. Он пришел к выводу, что проводившийся 50 лет курс на сохранение в незыблемости Османской империи и противодействие России был ошибочен. Он вновь и вновь возвращался мысленно к памятным беседам Николая I с сэром Гамильтоном Сеймуром в 1853 г. Стоило принять царские предложения о разделе Турции — и насколько лучше выглядел бы Европейский континент! «Английские государственные мужи совершили ошибку, развязав Крымскую войну. Но удержание Константинополя от перехода в русские руки на протяжении полувека, если не больше, являлось неотъемлемой частью нашего политического кредо; это провозглашали деятели всех партий дома и на Востоке; с этим связаны наша слава и наш престиж, и падение (города) явится для нас страшным ударом»⁶⁴.

В конце 1895 г. морские лорды еще раз предупредили: они считают посылку эскадры в Проливы неоправданным риском. Солсбери

попытался преодолеть сопротивление военных авторитетов, но кабинет отказался его поддержать, хотя премьер и предупредил коллег: «означает или, по крайней мере, может означать сдачу Константинополя России»⁶⁵.

Так что поразившие дипломатический мир «доверительные откровения» первого министра королевы явились не жестом доброй воли в отношении самодержавия, а объяснились желанием продать подороже то, что удержать стало невозможно. У Солсбери вошло в обыкновение говорить о неизбежном развале Османской империи немецкому послу Гацфельду. Тот исправно сообщал об этом в Берлин. М. Джефферсон подвергает сомнению аутентичность этой информации: «Гацфельд редко передавал точные слова Солсбери и в большинстве случаев излагал свое собственное суждение о том, что у Солсбери было на уме». Она утверждает: премьер остался «лоялен к Австро-Венгрии и выдвинул возражения против установления контроля России над Константинополем»⁶⁶. Н. Н. Болховитинов резонно возразил: в таком случае и французский посол А. Курсель повинен в таком недопустимом для дипломата грехе, как дезинформация собственного правительства⁶⁷.

На наш взгляд, М. Джефферсон возводит на Гацфельда напраслину. По словам посла, Солсбери изложил ему «теорию», согласно которой Османская держава «слишком прогнила»^{*} и долго не продержится. На вопрос собеседника о ее возможном разделе министр ответил: «Это нелегкая задача. Россия, овладев Проливами и находясь в союзе с Францией, сможет угрожать британским интересам. Англия, чтобы не прозевать, должна считаться с возможностью распада Турции и предусмотреть свою долю. Важно также, чтобы не была обойдена Австро-Венгрия. В случае доброй договоренности между нею и Россией дружба с Францией упадет в цене в глазах последней». В дальнейших беседах Солсбери подчеркнул, что говорит лишь от своего имени, не уверен, что члены кабинета разделяют его мнение, да и сам он в дальнейшем может его изменить⁶⁸.

Посол делал вывод: «У меня нет сомнений, что министр отнюдь не желает поднимать Восточный вопрос с эвентуальным разделом Турции»⁶⁹. Представляется, что трактовка бесед Солсбери и Гацфельда как переговоров, в ходе которых маркиз выдвигал определенный план, не имеет достаточных оснований⁷⁰. Характерно, что сам Гацфельд слово «план» брал в кавычки. Он поделился со своим

^{*} Показательно, что, ради большей точности, П. Гацфельд в написанной по-немецки депеше приводил отдельные фразы Солсбери на французском языке, на котором велась беседа.

французским коллегой А. Курселем своими впечатлениями от встреч с премьером, и тот заметил: «В конце концов это человек, склонный рассматривать и обсуждать проблемы будущего»⁷¹.

На наш взгляд, Солсбери вел не переговоры, а разговоры, прикидывая возможное после распада Османской империи развитие событий. В Германии его прикидки были восприняты нервно. Сплетники от дипломатии, водившиеся в немалом числе, пустили в ход версию о будто бы имевшейся у Лондона и Петербурга склонности к установлению совместного управления (кондоминиума) в Константинополе⁷². К распространению слухов оказался причастен царский посол в Берлине Н. Д. Сакен (к великой досаде вновь назначенного министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского: он, конечно, знал, что Николай Дмитриевич не орел, но чтобы такое...). Вильгельм II реагировал со свойственной ему импульсивностью, потребовав, чуть ли не ультимативно, чтобы Англия вступила в Тройственный союз, и соорудив собственную схему раздела Турции: «Если вы хотите сокрушить Турецкую империю и отдать Константинополь и Малую Азию России, вы должны вознаградить Австрию, предоставив ей Балканы до Салоник, себе вы заберете остров, и удовлетворите Италию в Средиземном море»; надо лишь, чтобы британские броненосцы появились в бухте Золотого Рога (т. е. в центре Стамбула), да Берлин был обо всем предупрежден загодя⁷³. Характерно, что о Франции кайзер умалчивал, видимо, полагая, что та будет занята обороной собственных границ и ей будет не до участия в дележе.

Встревоженному Солсбери пришлось прибегнуть к официальному опровержению: «Вы можете, — телеграфировал он послу Ф. Лассалю, — категорически опровергнуть (сведения), будто правительство ее величества когда-либо выдвигало перед Россией идею кондоминиума в Константинополе». А. Б. Лобанов с чистым сердцем заявил немецкому послу Г. Радолину, что слыхом не слыхал о подобной британской «инициативе»...⁷⁴

Вена же постепенно вползала в полосу страха: «Имея благоприятно расположенную к ней Болгарию, союзную и послушную Францию, благодушную Германию и нейтральную Англию, Россия легко может поддаться соблазну быстро и активно приступить к решению вопроса о Проливах», — так излагал свои впечатления от общения с правящими венскими сферами британский посол Э. Монсон. Поскольку истек срок Средиземноморской Антанты, Вена выказала поползновение не только продлить, но и укрепить ее. В качестве инициатора выступил сам император Франц-Иосиф, что случалось крайне редко: его владения открыты для русской атаки в Галиции,

он не способен остановить бросок к Константинополю. Так может он рассчитывать на британское содействие?

Но уловить массивного лорда Роберта Солсбери в австрийские сети не удалось; в подобных делах он обладал изворотливостью налива из рассказа А. П. Чехова. По своему обыкновению, он не ответил ни да, ни нет: ни одно британское правительство, по его словам, «не вступит в войну на основе неких будущих обстоятельств, которые в точности невозможно предвидеть»⁷⁵. Его австрийскому коллеге Агенору Голуховскому оставалось лишь посетовать, что у Англии в обычае других выталкивать вперед, а потом их оставлять. Обе стороны пришли к выводу, что благоразумнее вступить в обмен мнениями с Россией, нежели заниматься сооружением барьеров на пути ее мифических бросков к Константинополю.

* * *

В 1894 г., всего 47 лет от роду, сошел в могилу Александр III. Однозначной оценке его личность не поддается; властность переходила у него в самовластность, упорство в упрямство, откровенность в грубость, несовместимую с дипломатическим маневрированием. Во внешних делах он был способен на крутые повороты, такие как союз с Францией, отход от векового прогерманского курса и перестройку всей системы европейских отношений, — и на непродуманный и вредоносный разрыв отношений с Болгарией. Он единолично направлял внешние дела страны; многоопытный Николай Карлович Гирс имел при сем лишь совещательный голос. На доклад к царю он отправлялся как робкий ученик к строгому экзаменатору, а его помощник, Владимир Николаевич Ламздорф шел молиться в Казанский собор, чтобы все сошло благополучно. На трон вступил 26-летний Николай II. Писать о нем трудно. Трагическая кончина царской семьи породила своего рода ореол мученичества вокруг его чела. Долг историка — расставить все по местам. Обратимся поэтому к свидетельствам современников, людей знатных, чиновников, убежденных монархистов. Самое лестное из них — Николай Александрович обладал кругозором гвардейского полковника. Он был усидчив, трудолюбив, преисполнен чувства долга перед Россией (так, как он его понимал), аккуратен в делах. Мелкий штрих: дипломатическую переписку Александр III предписал вести по-русски, и сохранилось немало свидетельств того, как офранцузенные послы, посланники и поверенные в делах пытались, и не всегда успешно, справиться с родным языком. В. Н. Ламздорф упоминает, что Николай III собственноручно вы-

правил многочисленные ошибки в депеше посланника в Бухаресте Н. А. Фонтона.

Слова «властитель слабый», неправомерно отнесенные А. С. Пушкиным к Александру I, вполне могут быть применены к его правнучатому племяннику. Свято убежденный в божественном предназначении своей власти, он не был способен воспринять либерально-конституционные идеи даже в их самом умеренном варианте. Тягостное впечатление произвело первое же его публичное выступление: маленький офицерик вытащил из шапки листок и вдруг обрушился на «бессмысленные мечтания» всяких там сторонников самоуправления. А Ходынка, заставившая содрогнуться сердца: тысячи погибших в давке при раздаче царских подарков по случаю коронации, дроги с трупами на московских улицах, — а собравшаяся со всего света знать танцует на балах. И полное неведение в вопросах внешней политики. На первом «докладе» Н. К. Гирса император сказал ему: «Я ничего не знаю». Запись В. Н. Ламздорфа в его дневнике: «Министр представил наши секретные соглашения (с Францией. — *Авт.*), о которых государь не имел ни малейшего представления»⁷⁶. По просьбе императора больной, в преклонных летах, преданный делу службы Н. К. Гирс остался на своем посту. Но он в основном лечился, — то в Финляндии, то в Монте-Карло, и в министерстве уже до его кончины наступило безвременье. Ламздорфа коробило бесцеремонное обращение с персоналом МИД. Великая княгиня Елизавета Федоровна поручила фельдъегерю привезти из Англии породистую собаку; молодая царица Александра Федоровна распорядилась тем же путем доставить из Лондона няню для дочери Ольги. «Если дальше будет продолжаться в том же духе, то нашим молодым людям скоро придется добавлять к доверенным им донесениям и другой служебной почте также еще коров, которых им поручат по дороге доить»⁷⁷.

В выборе преемника скончавшемуся Гирсу Николай II, по обыкновению, колебался. Первым кандидатом стал Е. Е. Стааль, так сказать, по старшинству. Этот долгожитель министерства чуть не всю свою жизнь провел за рубежом, о положении в России имел представление смутное и благоразумно отказался от предложенной ему чести. И тогда царь остановил свой выбор на Алексее Борисовиче Лобанове-Ростовском.

Отпрыск древнего княжеского рода, перед которым смолоду все пути были открыты, он сделал блестящую карьеру. В сорок с небольшим лет он — посланник в Турции, и вдруг — перерыв и уход (временный) из МИД, официально — по семейным обстоятельствам, фактически — за бурный роман с женой своего французского коллеги, после которого он на всю жизнь остался холостяком. 12 лет

он служил по Министерству внутренних дел, отдавая свободное время кропотливым архивным изысканиям по генеалогии столбового российского дворянства, выпустив на сей счет фундаментальный труд⁷⁸. Князь был убежден: Россией должна управлять знать, богатая, образованная, воспитанная в традициях служения стране, относительно независимая во взглядах и действиях и способная «сметь свое суждение иметь». «Родственные связи играли в нашей истории значительно большую роль, чем это обыкновенно представлялось», полагал он⁷⁹.

Существует предположение, очень правдоподобное, что Александр II намечал его на смену канцлеру А. М. Горчакову. Но прозвучал взрыв на Екатерининском канале, и назначение отложилось на 13 лет, на все время царствования Александра III. Лобанов был слишком самостоятелен для самовластного императора; он именовал Алексея Борисовича сибаритом, лентяем и, почему-то, колпаком. Тот действительно, не любил погружаться в вороха бумаг и мыслил, как бы мы сейчас сказали, концепционно. Он занимал ведущие посты посла в Великобритании, Австро-Венгрии и Германии и считался звездой первой величины на международном дипломатическом небосклоне.

Хранитель секретов МИДа Ламздорф встретил преемника «милейшего Николая Карповича» настороженно и сдержанно, слишком велик был контраст: вместо приветливой улыбки — суховатый поклон. Лично Ламздорф был глубоко уязвлен тем, что в сочиненной Лобановым «Русской родословной книге» для его рода места не нашлось. И главное — опасение, что «новая метла» начнет мести все подряд — и людей, и принципы.

Н. К. Гирс располагал скромными средствами и большой семьей; он ценил министерский оклад, роскошную служебную квартиру, на лечение и отпуск испрашивал и получал золотые империялы. Богатого помещика Лобанова подобная проза жизни не интересовала. Он твердо взял в свои руки управление ведомством, заметив однажды, что проводить политику должны министерства, а не монархи. Затворнику и нелюдиму Ламздорфу, добровольно приковавшему себя к письменному столу, которому душевные муки причиняла необходимость, в кои веки раз, — присутствовать на официальном приеме, был чужд стиль жизни князя Лобанова-Ростовского: тот в один день мог делать доклад царю, — не отсылая того же Ламздорфа на молитву в Казанский собор, — прослушать оперу «Сомнамбула» и провести вечер с друзьями («И это в возрасте 71 года!»)⁸⁰.

Алексей Борисович был противником грандиозных замыслов в Европе; уроки двух войн — неудачной Крымской и победоносной,

1877–1878 гг. — убедили его в том, что здесь полученные плоды не окупят затраченных усилий. Ему принадлежала крылатая фраза: «Нам надо было поставить Балканы под стеклянный колпак, пока мы не разделаемся с другими, более спешными делами»⁸¹, усматривая их на Дальнем Востоке, куда перемещался вектор экспансионизма царизма. В этом он сходиллся во мнениях с министром финансов Сергеем Юльевичем Витте, инициатором строительства великой Сибирской магистрали. Не надо думать, что самодержавие сразу приступило здесь к захватам. На долю Лобанова пришлось давать отпор «чрезмерным» японским притязаниям в Корее после войны 1894–1895 гг. с Китаем, в чем он и добился успеха. Отсюда следовал курс на добрые отношения с ослабевшей, изнемогавшей под бременем внутренних раздоров Османской империей и отвержение проектов ее раздела. В. Н. Ламздорф был поражен неприязнью нового министра к неутомимому прожектору Нелидову⁸².

Однако перенос центра внимания на Восток не означал забвения дел европейских. А. Б. Лобанов считал идеальной позицией, когда все бы искали сотрудничества с Россией. Но выбор был невелик: напряженные отношения с Лондоном, растущее недоверие к Берлину, шансов на сотрудничество со Стамбулом немного.

Флирт султана с самодержавием, имевший целью обрести противовес английскому влиянию, воспринимался в Британии слишком серьезно. В январе 1896 г. в Форин оффис переполошились при слухах об имеющем вот-вот случиться подписании союзного договора наподобие Ункьяр-Искелессийского акта 1833 г., разрешавшего российскому флоту входить в Босфор⁸³. В то же время в Петербурге пребывали в убеждении в неколебимости британских позиций в Османской державе. Из заслуживающих доверия источников стало известно, что султан «совершенно потерял голову». Ему приписывалось восклицание: «Глуп я был, что рассорился с англичанами, оттого все мои несчастья!»⁸⁴.

В 1896 г. произошло, наконец, русско-болгарское примирение, омрачавший десять лет балканские горизонты конфликт был преодолен. Маленький Борис, сын князя Фердинанда, из католичества перешел в православную веру, болгарского посланника с подчеркнутым вниманием приняли в Зимнем дворце. А. Б. Лобанов-Ростовский заверял весь свет, что единственной заботой его страны является спокойствие на Балканах, но ему не верили ни в Лондоне, ни в Вене, ни в Стамбуле. В Австрии «император, двор и правительство в неопишемом негодовании в связи с (поведением) князя Фердинанда», — докладывали в Лондон дипломаты⁸⁵. Солсбери усматривал в свершившемся открытии пути для русской армии к Проли-

вам. Российская же пресса, взбудораженная слухами о вхождении Британии в Тройственный союз, вполне умышленно строила проекты образования Балканской конфедерации. Единственной точкой опоры рисовалась Франция. Лобанов не считал нужным скрывать наличие с нею союза, не видя иного способа обуздать растущее могущество Германии. Французы спешили демонстративно подчеркнуть близость с Петербургом. Лобанов присутствовал осенью 1896 г. на маневрах армии в Мирекуре; на последовавшем приеме президент Феликс Фор многозначительно упомянул о близости восточной границы и постоянстве национальных устремлений (подразумевая реванш) ⁸⁶.

Встревоженный участившимися проявлениями русско-французской дружбы Кайзер Вильгельм пустился в любезности. Павел Шувалов услышал во время прощальной аудиенции нечто необычное из уст монарха. Тот каялся, что не возобновил договор о перестраховке с Россией: сам он был молод и неопытен, поддался настояниям канцлера Л. Каприви, тот же — малый честный, но вот с головой у него... и кайзер выразительным жестом поднес ладонь ко лбу, показывая, что здесь у генерала не все в порядке. «Как Вы думаете, — продолжал он, — должно было бы исправить зло?» ⁸⁷. Он пытался затронуть самую слабую, монаршескую струну в душе своего «кузена Никки», воспользовавшись для этого проездом Лобанова-Ростовского через Берлин. «В интересах монархического принципа» кайзер предлагал «изолировать Францию, дать ей истощить себя» во внутренней борьбе различных партий, одним словом, «свариться в собственном соку». Если же Франция дерзнет на экспансию — «то три императора, соединившись между собою, могли бы полностью ее раздавить» ⁸⁸. Ему не верили, и «монархическая инициатива» повисла в воздухе. Лобанов заметил в беседе с Ламздорфом: «Он предлагает нам Константинополь и все, что нам угодно, чтобы оторвать нас от Франции». «Да, — ответил собеседник, — именно, чтобы мы изолировались от Франции, помогли раздавить ее, а потом оказались сами зависящими от усмотрения Германии» ⁸⁹.

Со своим австро-венгерским коллегой Агенором Голуховским Лобанов сравнительно легко нашел точки соприкосновения. Они сошлись на том, что «если избавить Турцию от иностранного вмешательства, она способна просуществовать еще длительное время», и решили сделать все возможное для сохранения status quo. «Голуховский вынес убеждение, что единственным стремлением князя Лобанова является предотвращение раздела Турции возможно более длительное время. Такой же будет позиция Австрии... Я склонен считать изложенное мне положение дел правдивым», — заме-

чал Солсбери, которого Голуховский посвятил в суть состоявшегося разговора.

На этом многообещающая деятельность Алексея Борисовича оборвалась 18(30) августа 1896 г. в вагоне царского поезда, следовавшего из Вены в Киев. Он скончался от сердечного удара, оставив самодержцу завет — «сделать все от него зависящее для сохранения мира, но чтобы в его руках была сила, если придется защищать интересы России, поставленные под угрозу»⁹⁰. Он покинул грешную землю, когда над Балканами нависла туча нового кризиса в связи с жестокими расправами над армянами в 1895—1896 гг. Каким будет неизбежное международное вмешательство — дипломатическим, или же оно перерастет в военное? А если произойдет применение силы — где остановятся корабли ее величества, войдя в Дарданеллы?

В роли беса-искусителя в очередной раз выступил Вильгельм II, подзуживавший «дражайшего Никки» действовать решительно: «со времени прихода Солсбери внешняя политика Англии стала очень таинственной и непонятной, а упорство, с которым английский флот бродит около Дарданелл, показывает, что там что-то затевается»⁹¹. Если Россия ринется на Восток, он, Вильгельм, присмотрит за европейскими делами и не бросится на Францию по собственному почину.

Лобанов в создавшейся обстановке сохранял спокойствие: да, у англичан 18 судов у входа в Дарданеллы, но он не верит, «чтобы Солсбери решился форсировать Проливы»⁹². Лондон может рассчитывать только на Италию, отношения с Германией ухудшились из-за споров вокруг дележа африканских колоний. Послу в Вене И. А. Капнисту он писал: «Мы не шадим усилий для поддержания мира и для ликвидации, насколько это от нас зависит, всех элементов волнений среди балканских народов»⁹³. Но порох следовало держать сухим. В Севастополе наготове стояли броненосцы «Чесма», «Екатерина II», «Синоп» и «12 апостолов». Крейсера «Рюрик» и «Дмитрий Донской» вышли с Балтики в Средиземноморье. Военные водошевелились; начальник Генштаба Н. Н. Обручев полагал (ноябрь 1895 г.): «Взятие Константинополя не принесло бы нам никакой пользы, нам нужны Босфор и вход в Черное море, остальное, т. е. свободный проход через Дарданеллы, должно быть получено посредством дипломатии». Будь это осуществлено — Россия станет «полной хозяйкой Балканского полуострова», исчезнет угроза берегам и Кавказу. Как всегда, в планах обнаружили прорехи: следовало высадить на Босфоре 35-тысячный экспедиционный корпус, а судов в наличии было лишь на перевозку 8 тысяч. Оставалось ждать, что неприятель проявит любезность и позволит совершить несколько

рейсов. В МИДе царили иные настроения: все это „подернуто налетом политических иллюзий, от которых никогда не свободны проекты ген. Обручева“, — записывал Ламздорф в своем дневнике»⁹⁴. Все оставалось в подвешенном состоянии.

В таких условиях царская чета отправилась в гости к королеве Виктории (сент.—окт. 1896 г.), любимой внучкой которой была Александра Федоровна. Всего два года назад наследник-цесаревич Николай Александрович проводил в Виндзоре романтические вечера в обществе Алисы Гессенской. Теперь же в визит властно вмешивалась политическая проза. В шотландский замок Балморал, где пребывала королева, поспешил маркиз Солсбери для доверительных разговоров с императором. Равного ему среди спутников царя не было. С кончиной Лобанова-Ростовского внешняя политика России лишилась твердой руки. Безликий Николай Павлович Шишкин, сопровождавший монарха на правах товарища министра, высказать своего мнения не мог по причине отсутствия такового. Николаю II в голову не пришло оставить памятную записку об обмене мнениями, окружение не посмело даже поднять столь бестактный вопрос. Посол в Англии Е. Е. Стааль узнал содержание беседы из уст Солсбери, стало быть, в его интерпретации (впрочем, как сходятся исследователи, точной). Секретную депешу Стааля опубликовал в 1973 г. Н. Н. Болховитинов. Сам Солсбери подготовил меморандум для 7 членов кабинета. Поскольку протоколов заседаний кабинета не велось, о реакции министров на произошедшее ничего неизвестно, а меморандум обнаружила в 1960 г. в семейном архиве Сесилей и тогда же опубликовала М. Джефферсон. В статье, сопровождавшей публикацию, она дала свое толкование позиции Солсбери, крайне спорное: по ее мнению, Балморал ничего не изменил.

И премьер, и хозяйка замка — маститая русофобка со стажем, восходящим к Крымской войне, — излучали приветливость. Королева в беседах с мужем своей внучки твердила, как «важно, чтобы Англия и Россия шли вместе, ибо они являются самыми могущественными империями, и поэтому — гарантией мира»⁹⁵. У главы правительства состоялось два разговора с царем (27 и 29 сентября), носивших все признаки доверительности. Собеседники обсуждали, как выбраться из затянувшегося кризиса Османской империи и, естественно, затронули вопрос о Проливах. Николай II заговорил с несвойственным ему жаром и даже красноречиво: Проливы — дверь в Россию, а потому он должен иметь ключи от нее в кармане. Солсбери предположил другое решение — открыть Босфор и Дарданеллы для всех. Царь поспешил отвергнуть всякую возможность

появления Юнион Джека на рейде Севастополя, Одессы или Новороссийска. России, заметил он, не нужен Константинополь или какая-либо часть Турции. Но контроль над входом в свой дом — иное дело ⁹⁶. Солсбери, оговорившись по своему обыкновению, что выражает лишь личные взгляды, заметил, что в Лондоне Проливам не придается прежнего значения, и турецкий контроль над ними уже не считается неперемным условием обеспечения безопасности путей в Индию. Однако, многозначительно добавил он, другие державы, и прежде всего Австрия, не согласятся на установление в их зоне российского преобладания, а Британия не вправе расходиться со своими союзниками (а как же «блестящая изоляция?»). Посему России не следует предпринимать сепаратной акции по их захвату; вот если турецкая империя развалится, можно подумать, как пойти навстречу российским притязаниям. Окончательная формула, предложенная Солсбери, гласила: в том случае, «если Австрия, Франция и Италия отнесутся благопринято к установлению контроля России над Проливами, Англия не станет упорствовать в одиночку в своих возражениях, а займется поиском соответствующей договоренности» ⁹⁷. Предполагался полный раздел турецких территорий в Европе, и не только; себе Великобритания предназначала Египет.

Во время первой беседы Николай, поддавшись нажиму Солсбери, согласился с устранением Абдул-Хамида (что было равнозначно санкции на принудительные меры), в ходе второй «исправился» (на данной стадии это «сопряжено с огромным риском») и заявил о предпочтительности сохранения status quo. Все же Солсбери получил согласие на посылку в Стамбул военных судов под обычным предлогом — обеспечения безопасности иностранцев.

Комментируя появившиеся в прессе сообщения об «уступке» Солсбери, газета «Новое время» писала: англичане вовсе не вызываются способствовать России в приобретении Проливов, а действуют «в расчете, что остальные державы в состоянии будут оказать сопротивление России. Англия же будет пользоваться в это время плодами искусного нейтралитета» ⁹⁸. Ветеран российской дипломатии, посол в Лондоне Е. Е. Стааль, оценивал итоги Балморала со сдержанным оптимизмом. Он писал о высказываниях премьера: «Туман будущего времени лишает их абсолютной точности. Тем не менее они могут служить вехами для возможных гипотез...» ⁹⁹.

Столь же осторожна в своих оценках отечественная историография. Балморал практических результатов не дал, но отразил «существенные изменения, произошедшие в конце XIX в. во внешней политике и в международных отношениях в целом» ¹⁰⁰. С этим можно согласиться. Но вот формула В. Н. Пономарева: «Беседы в замке Баль-

морал остались в истории эпизодом», отражавшим, в частности, «безначалие» в российской внешней политике, вызывает возражения¹⁰¹. Произошло нечто значительное: по крайней мере в одном пункте (но в каком!) Англия больше не выступала непримиримым, не склонным ни к малейшему компромиссу врагом. В отдаленном будущем, гипотетически, можно было представить ситуацию, когда Проливы перейдут под русский контроль.

Сам факт британских авансов и дружеский тон бесед вызвали переполох в стане Тройственного союза. Кайзер Вильгельм пустился в «доверительные откровенности» с английским послом: положение в России «в высокой степени неудовлетворительное», царь «слишком тонок в кости», быть может, его ждет «участь императора Павла» и России «скоро понадобится серьезное внимание Европы», намекая на бесперспективность сближения с ней¹⁰².

На наш взгляд, наметилась смена вех в геостратегическом курсе Великобритании. Солсбери на своем веку осуществлял это дважды; в первый раз в 1878 г., когда его вместе с Дизраэли после Берлинского конгресса шумно увенчали лаврами победителя, вырвавшего у России значительную часть плодов ее триумфа на поле боя, заставив ее пойти на пересмотр условий Сан-Стефанского мирного договора. Но подспудно, — и Солсбери это сознавал, — потерпела крушение доктрина *status quo*, сохранение в незыблемости султанских владений в Европе. Соперничество было перенесено в Азию, «оборону от московитов» предполагалось держать в зоне Проливов.

Теперь тот же Солсбери готов был, пока что в принципе, чисто теоретически, отойти и от этой линии, или, по его словам, «отказаться елико возможно, от ответственности в Константинополе»¹⁰³. Но «сдавал» он город не русским, а немцам, занявшим ключевые позиции в турецкой экономике и в армии. Центр британских стратегических интересов перемещался к Египту, к Суэцкому каналу. Именно здесь располагался нервный узел имперских морских путей. Империалистическая политика не выдумка В. И. Ленина. В конце XIX в. Англия возглавила азартную охоту за колониями, в первую очередь в Африке. Франция не забыла и не простила захвата Египта. А в умах Джозефа Чемберлена, занявшего пост министра колоний, и романтика и практика захватов Сесилия Родса возник грандиозный проект — соединить британские владения на севере и юге континента полосой земли, проложить трансконтинентальный железнодорожный путь от Каира до Кейптауна. А когда в двух расположенных по соседству бурских республиках Трансвааль и Оранжевая нашли сказочные запасы алмазов и золота, возникла мысль о приобщении их к британской короне.

В 1897 г. генерал Г. Китченер, двинувшись из Египта, учинил страшное побоище при Омдурмане, подавив сопротивление суданцев, и двинулся дальше вверх по Нилу. Между тем в июне 1898 г. над деревней Фашода в верховьях реки взвился французский флаг. Занявший ее французский отряд капитана Маршана насчитывал всего 200 человек, из них 20 белых. В сентябре к Фашоде подошел Китченер. Генерал предложил французам удалиться. В английской и французской печати поднялась буря, ожидали войны, в Британии приступили к снаряжению флота. В последний момент Париж отступил, убоившись, что Германия воспользуется сведением им счетов с Англией. Накал англо-французской напряженности пошел на убыль. Продвижение вплоть до мыса Доброй Надежды было осуществлено.

Не меньшие трудности встретил Колониаль-оффис в «освоении» Юга Африки. Трансвааль и Оранжевая упорно не желали переходить «под британскую руку». В 1895 г. Сесил Родс организовал налет на Трансвааль отряда доктора Джеймсона; незадачливые налетчики оказались в плену у буров, а кайзер Вильгельм отправил президенту республики П. Крюгеру телеграмму, поздравляя его с избавлением от опасности «без помощи дружеских держав»: немецкие колонизаторы явно считали британские аппетиты чрезмерными. И в том же 1895 г. гросс-адмирал А. Тирпиц представил императору первую записку о строительстве большого флота, заложив тем самым мину замедленного действия под отношения с Англией: трезубец Нептуна «владычица морей» не собиралась отдавать никому.

Обладание Суэцким каналом обеспечивало господство на важнейших морских путях и простор для новых колониальных «приобретений». Поэтому так упорно старались выпроводить англичан из Страны пирамид: подсчитано, что они за 40 лет 66 раз обещали покинуть ее, но так с места и не двинулись. Медленно, но верно вызревала новая геостратегическая концепция, в которой не оставалось места для непримиримого антагонизма с Россией. Прошло 10 лет, — с точки зрения истории совсем краткий срок, — и последние препоны для сотрудничества были устранены с подписанием англо-русского договора 1907 г. А пока что остывала самая горячая точка противоречий. Солсбери подчеркивал значение этого в памятной беседе с царем: «Я выразил убеждение, которое он разделяет, что нет ничего для противостояния между Россией и Англией, кроме вопроса о Проливах»¹⁰⁴. Премьер грешил против истины — пунктов столкновения интересов было хоть отбавляй, но намеренным вычленением одного он намекал, как далеко готов идти по пути урегулирования.

В разговоре вскользь были упомянуты Германия и Австро-Венгрия. Из реплик, которыми обменялись собеседники, выяснилось, что

кайзер Вильгельм натравливает Англию и Россию друг на друга. Об Австро-Венгрии Николай II отзывался с антипатией: в 1877–1878 гг. Россия таскала для нее каштаны из огня, помогала ей утвердиться в Боснии и Герцеговине. Он, Николай, уверен, что после смерти Франца-Иосифа двуединая монархия развалится, хотя и не станет способствовать сему¹⁰⁵. Тем самым царь дал понять, что не так уж прочно привязан к содружеству трех императоров.

Солсбери в Балморале как бы прикидывал вслух возможные варианты развития событий. Инерционные процессы во внешней политике живучи, традиционалисты не желали сдавать своих позиций. Управляющий министерством Н. П. Шишкин в ответ на осторожный зондаж посла Н. О'Коннора, — не пора ли забыть «старые болячки и жалобы» — открытым текстом изрек: «Где бы Россия ни попыталась сделать шаг вперед, Англия вставала на пути и, как следствие, сохраняется сильнейшее убеждение, что Англия является прирожденным врагом»¹⁰⁶. Не был готов к крутому виражу в сторону сближения с Сент-Джеймским кабинетом и Зимний дворец. Ближайшие после Балморала месяцы продемонстрировали, что российская политика дрейфует без руля. Царь со свитой пересек Ламанш и прибыл в Париж. Здесь министр иностранных дел Г. Аното склонил его к французской точке зрения — помочь султану, делегировав своего представителя в Совет Оттоманского долга. Союзница Франция отнюдь не была расположена к продвижению российских планов по утверждению в Проливах. Ее капитал прочно утвердился на рынках Османской империи; Париж хотел не падения султанского режима, а продления дней его при том, чтобы экономический диктат Совета Оттоманского долга распространился бы и на политику. Британское предложение о принудительных мерах с целью побудить Высокую Порту к проведению реформ внушало Парижу страх: «Никакого размахивания флагами ни у Салоник, ни у Безики!»¹⁰⁷.

Вернувшись в Петербург, царь позволил Сергею Юльевичу Витте отговорить себя от поддержки и британского, и французского варианта действий в Турции, и остался в положении выжидающего. Так обстояли дела, пока в столице не появился А. И. Нелидов со своей *idea fix* насчет экспедиции в Проливы¹⁰⁸. Николаю не улыбался его приезд, первое ходатайство было отклонено, второе его прошение царь удовлетворил — с условием, чтобы пребывание было коротким, но, по словам В. М. Хвостова, Нелидов «не угомонился»¹⁰⁹.

23 ноября 1896 г. состоялось заседание под председательством царя, рассмотревшее очередную записку А. И. Нелидова. Запад, доказывал он, добивается «установления на Босфоре международной комиссии контроля, опеки или иного учреждения, которое переда-

ло бы Проливы в руки Европы»¹¹⁰, или открыло бы Босфор и Дарданеллы для всех. Нелидов обрисовал следующую картину: русские, воспользовавшись международным вмешательством в турецкие дела, высадутся на Босфоре; англичане, в ответ, займут Дарданеллы; французы воспользуются этим и тоже придут к устью Дарданелл (и тут совпадение со схемой, страшившей Солсбери). Нелидов предвидел более спокойный вариант: увидев свой флот зажатым с двух сторон, Сент-Джеймский кабинет не драться начнет, а согласится на переговоры. Их цель — остаться на Босфоре и добиться срытия укреплений в Дарданеллах.

У плана Нелидова был кардинальный недостаток, хоронивший сразу его замысел: французы не просто отказывались участвовать в задуманной экспедиции, а активно ей противодействовали.

На заседании об этом не говорили: Нелидову предложили вместе с другими послами участвовать в поиске «средств для упорядочения и поддержания Оттоманской империи»¹¹¹. Если этого не удастся достичь по дипломатическим каналам и державы решатся на морскую демонстрацию, Россия «одновременно займет Верхний Босфор» (слова — «или даже заранее» были вычеркнуты из первоначального текста). Военные поддержали решение. Новый министр финансов С. Ю. Витте занял особую позицию: «Я считаю занятие Верхнего Босфора без соглашения с великими державами крайне рискованным и поэтому могущим иметь гибельные последствия»¹¹².

Окончательно нелидовский проект подорвался на французской mine. Со стороны Аното последовало «резкое неодобрение нелидовских затей». Он спешно выдвинул свои «три пункта»: поддержание целостности Османской империи, отказ от сепаратных действий и от установления кондоминиума держав. Николай дал согласие на проведение в жизнь этой программы, крест-накрест перечеркнувший решения особого совещания. Не успел Нелидов прибыть в Стамбул, как его настигла телеграмма Н. П. Шишкина с новыми инструкциями¹¹³. В недоумении он запросил министерство о разъяснениях. Они были даны: «Решения 23 ноября не имеют никакого отношения к данной фазе наших переговоров». Сама попытка запросить согласия на сепаратные действия «насторожила бы и развязала бы» руки державам¹¹⁴. Так что инициатива предпринимчивого посла и на сей раз оказалась мертворожденной.

В. М. Хвостов камня на камне не оставил от «нелидовской затеи»: «не знаю, чему в проекте Нелидова надо дивиться: наглости или наивности и глупости... Предварительный захват Босфора Россией и давал бы английской дипломатии возможность совершенно безгранично шантажировать царскую дипломатию: заняв Дарданеллы, вымогать уступки».

Недоумение вызывает, однако, что тот же В. М. Хвостов вполне благонамеренно, в духе заветов М. Н. Покровского, пишет о «проблемах» и «проектах» захвата Босфора¹¹⁵. Видимо, атмосфера начала 30-х гг. была такова, что в статье приходилось утверждать то, что вовсе не вытекало из ее содержания.

Затевать большой передел на фоне армянской резни 1896 г., Критского восстания и греко-турецкой войны 1897 г. значило играть с огнем. Ссорясь, препираясь, толкаясь, державы приступили к тому, чтобы выбраться из очередного балканского кризиса миром. В Петербурге возобладала линия на достижение договоренности с основным соперником, Австро-Венгрией, что и было осуществлено в форме Мюрцштегского соглашения 1897 г.*. Преемник А. Б. Лобанова-Ростовского на посту министра иностранных дел М. Н. Муравьев совершил вояж в Париж. «Под конец нашего разговора г. Ганото** заявил мне, что занятие нами Константинополя повлечет к разделу Турецкой империи, а следовательно, к общей европейской войне, что война далеко нежелательна как для Франции, так, полагает, и для России», — писал Муравьев во всеподданнейшем докладе. Собеседники отвели душу, поругав злокозненный Альбион (что повторилось при встрече в Берлине): «Как во Франции, так и в Германии я нашел одинаковую ненависть к Англии, искреннее убеждение в двуличности и решение всеми силами противодействовать ее интригам»¹¹⁶. В Петербурге не были готовы к повороту в сторону Лондона, а бурная активность самодержавия на Дальнем Востоке повела к образованию нового очага напряженности между двумя странами. Солсбери предлагал, правда, осмотреться, хладнокровно все взвесить и не ссориться. Он инструктировал посла Н. О'Коннора (январь 1898 г.): в своих «советах» Турции и Китаю Англия и Россия постоянно тянут в разные стороны, «нейтрализуя свои усилия гораздо чаще, чем то оправдывается истинным антагонизмом их интересов, и это состояние имеет тенденцию не к сокращению, а к нарастанию. Надо устранить или сократить подобное зло», «согласие с Россией пойдет на благо обеим нациям». Далее премьер обрисовывал контуры возможной сделки: «Мы не стремимся к разделу территорий, а лишь к разделу приоритетов». Пусть на территории Турции, примыкающей к Черному морю, и в долине Евфрата вплоть до Багдада преобладающими станут российские интересы, а низовья Евфрата, Аравия и Африка превратятся в британскую зону»¹¹⁷.

* См. раздел: «Сербия при Обреновичах».

** Так тогда писалось имя французского министра Г. Аното.

В Петербурге сходные мысли высказывал Сергей Юльевич Витте: «Он твердо убежден, что, при правильном подходе, между двумя странами нет разделяющего их антагонизма будь то в Китае, будь то в другой части света, — излагал свое впечатление британский посол. — А вот у России и Германии, у России и Австрии возможно наличие трудно примиримых интересов». Это — не платоническая точка зрения и не взгляд незаинтересованного человека, а твердое убеждение министра финансов.

Витте предложил договориться о консультациях на случай возникновения конфликтных ситуаций, чем перепутал главу Форин оффис Артура Балфура, что видно из его пометы на депеше: «Боюсь, что если мы заключим соглашение в духе, предложенном г-м Витте, нас высмеют. Предложение Витте смехотворно» (!!!) ¹¹⁸. Создается впечатление, что тени прошлого заслоняли в какой-то степени реалии сегодняшнего дня не только от российской, но и от британской дипломатии.

Добрые намерения, проявлявшиеся с обеих сторон, разлетелись прахом. В ответ на устремление царизма на Дальний Восток британский кабинет пошел на заключение союза с Японией (военное сотрудничество предусматривалось в случае присоединения к России еще одной державы). Франция сидела смирно, корабли дальневосточной эскадры российского флота были пушены на дно или блокированы в Порт-Артуре. Посланник Страны Восходящего солнца в Лондоне Хаяши поинтересовался у руководителя Форин оффис лорда Лэнсдауна, — а как Англия прореагирует на попытку русских провести свои корабли из Черного моря через Босфор на Тихий океан. Лэнсдаун отвечал, что это явилось бы «серьезным нарушением международных обязательств, взятых на себя Россией». Однако, добавил он, «не существует абсолютно никаких признаков, указывающих на то, что русское правительство предусматривает подобную эвентуальность» ¹¹⁹.

Ничего подобного не произошло; самодержавию пришлось бороться с революцией на кораблях Черноморья, так что было не до отправки их на восток. А на Балтике была собрана эскадра разномастных кораблей З. П. Рожественского, нашедшая свою гибель в холодных водах вокруг о-ва Цусима.

И все же, мне кажется, балморалская встреча прошла не даром. Она оставила — нечетко, контурами, — наметки возможного сотрудничества на базе размежевания империалистических интересов. Роберт Солсбери оказался проницательнее и своих коллег по кабинету, и российских собеседников. Прошло десять лет, и в иных условиях, в другом варианте, но размышления о сотрудничестве стали явью с заключением англо-русского договора 1907 г.

Не было забыто и наследие Р. Солсбери по вопросу о Проливах. В практическую плоскость овладение ими встало после нападения турецкого флота на российские берега и вступления Османской империи в Первую мировую войну. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов, памятуя, сколь опасной и даже взрывоопасной была проблема в прошлом, действовал с сугубой осторожностью, придав своему зондажу характер личной инициативы — чтобы не вмешивать царя в это дело. Реакция в Лондоне превзошла его ожидания. Российский посол А. К. Бенкендорф телеграфировал на родину: Король (Георг V. — *Авт.*) неожиданно заявил: «Что касается Константинополя, то ясно, что он должен быть вашим»¹²⁰. А британские короли «от себя» заявлений не делают и обязательств на себя не принимают.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Горяинов С. С.* Босфор и Дарданеллы. СПб., 1907.
- 2 *Хвостов В. М.* Записка А. И. Нелидова в 1882 г. о занятии Проливов // Красный архив (КА). М.; Л., 1931. Т. 4 (47); *Его же.* Проблемы захвата Босфора в 90-х гг. XIX в. // Историк-марксист. 1930. Т. 20.
- 3 *Покровский М. Н.* Империалистическая война. М., 1934. С. 383.
- 4 Цит. по: *Сказкин С. Д.* Конец австро-русско-германского союза. М., 1974. Изд. 2-е. С. 179, 213; Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 231.
- 5 *Хвостов В. М.* Записка А. И. Нелидова... С. 179, 180.
- 6 *Бовыкин В. И.* Из истории возникновения первой мировой войны. М., 1961. С. 125.
- 7 Советское славяноведение. 1973. № 4. С. 22.
- 8 Итоги и задачи изучения внешней политики России. М., 1981. С. 212.
- 9 Новая и новейшая история. 1989. № 6. С. 66; Советское славяноведение. 1989. № 3. С. 28, 33.
- 10 *Mackenzie D.* Russia's Balkan Policy under Alexander II // Imperial Russian Foreign Policy. Cambridge (USA), 1993. P. 220.
- 11 *Jelavich B. A.* Century of Russian Foreign Policy. Philadelphia; N. Y., 1964. P. 276.
- 12 *Княпина Н. С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. М., 1994. С. 172.
- 13 Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 272.
- 14 *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе Восточного кризиса 1875–1878 гг. М., 1984. С. 44.
- 15 Освобождение Болгарии от турецкого ига. М., 1962. Т. 2. С. 80–82.
- 16 *Чернов С. Л.* Россия на завершающем этапе... С. 42.

- 17 Золотухин М. Ю. Россия, западные державы и Османская империя в период международных кризисов на Балканах (1885–1888). М., 1993. С. 178.
- 18 КА. 1931. № 3(46). С. 180.
- 19 Золотухин М. Ю. Россия, западные державы... С. 186, 187.
- 20 Там же. С. 189.
- 21 Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 173.
- 22 Там же.
- 23 КА. 1931. № 3(46). С. 180.
- 24 Там же.
- 25 Там же. С. 186.
- 26 Там же.
- 27 Там же. С. 182, 185.
- 28 Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 175.
- 29 Там же. С. 177.
- 30 КА. 1931. № 3(46). С. 180–181.
- 31 Там же. С. 179, 181.
- 32 Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 179–181.
- 33 Там же. С. 179.
- 34 Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892. М.; Л., 1934. С. 4.
- 35 Там же. С. 208.
- 36 Там же. С. 105.
- 37 Киняпина Н. С. Балканы и Проливы... С. 175.
- 38 Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892 гг. С. 358.
- 39 Там же. С. 239.
- 40 Ламздорф В. Н. Дневник 1891–1892 гг. С. 299.
- 41 Там же. С. 290.
- 42 Там же. С. 159.
- 43 Там же. С. 262.
- 44 См.: Виноградов В. Н. Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. М., 1980. № 1; Гальский Д. Великие авантюры. М., 1990. С. 263–266.
- 45 Bourne K. The Foreign Policy of Victorian England. Oxford, 1979. P. 425.
- 46 Cecil Gw. Life of Robert Marquis of Salisbury. L., 1921. Vol. IV. P. 388–389.
- 47 Ibid. P. 48–49.
- 48 Ibid. P. 41, 10.

- 49 Ibid. P. 15, 17.
- 50 Дипломатический словарь. М., 1950. Т. 2. С. 761.
- 51 *Cecil Gw. Life...* P. 24–25.
- 52 Ibid. P. 69–70.
- 53 Ibid. P. 72–74, 81, 83.
- 54 Ibid.
- 55 Ibid.
- 56 Ibid. P. 106.
- 57 Ibid. P. 120–122.
- 58 Ibid. P. 130.
- 59 Ibid. P. 395.
- 60 *Jefferson M. Lord Salisbury and the Eastern Question // The Slavonic and East-European Review.* 1960. P. 46.
- 61 *Bourne K. The Foreign Policy...* P. 430–432; *Rauscher W. Zwischen Berlin und St. Petersburg. Die österreichisch-ungarische Aussenpolitik unter Gustav Graf Kalnoky. 1881–1895. Wien etc., 1993. S. 198, 199, 201, 205, 206.*
- 62 *Cecil Gw. Life...* P. 94.
- 63 *Popadopoulos G. S. England and the Near East 1896–1898. Thessaloniki, 1969. P. 53.*
- 64 Ibid. P. 49.
- 65 Ibid. P. 54.
- 66 *Jefferson M. Lord Salisbury and the Eastern Question // The Slavonic and East-European Review.* 1960. P. 53.
- 67 См.: *Болховитинов Н. Н. О позиции лорда Солсбери в Восточном вопросе осенью 1896 г. // Проблемы британской истории. М., 1973. С. 270.*
- 68 *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. (Далее — GP). Berlin, 1927. B. 10. S. 11–12, 34.*
- 69 См.: GP. B. 10. S. 41.
- 70 См.: *Силин М. Английский план раздела Турции в 1895 г. // Благовещенский пединститут. Уч. зап. 1955. Т. 6; Киняпина Н. С. Балканы и Проливы. С. 182; Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX в. М., 1951. С. 173–176.*
- 71 GP. B. 10. S. 26, 34.
- 72 *Ерусалимский А. С. Внешняя политика...* С. 146–147.
- 73 *Popadopoulos G. S. England...* P. 51–52.
- 74 GP. B. 10. S. 236.
- 75 *Popadopoulos G. S. England...* P. 62–63.

- 76 Ламздорф В. Н. Дневник 1894–1896 гг. М., 1991. С. 35.
- 77 Там же. С. 347–348.
- 78 Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1–2.
- 79 Рыбаченок И. С. А. Б. Лобанов-Ростовский во главе российского МИД // Портреты российских дипломатов. М., 1991. С. 163.
- 80 Ламздорф В. Н. Дневники 1894–1896 гг. С. 336.
- 81 См.: Восточный вопрос... С. 288.
- 82 Ламздорф В. Н. Дневники 1894–1896 гг. М., 1991. С. 239.
- 83 *Roradopoulos G. S. England...* P. 56–57.
- 84 Ламздорф В. Н. Дневники 1894–1896 гг. М., 1991. С. 329.
- 85 *Roradopoulos G. S. England...* P. 58.
- 86 Портреты российских дипломатов. С. 173.
- 87 Ламздорф В. Н. Дневники 1894–1896 гг. М., 1991. С. 114.
- 88 Там же. С. 288.
- 89 Там же. С. 265.
- 90 Там же. С. 291.
- 91 Там же. С. 275.
- 92 Там же. С. 291.
- 93 Там же. С. 361.
- 94 Там же. С. 295–296; Россия и Черноморские проливы. С. 239.
- 95 Пономарев В. Н. Свидание в Балморале и русско-английские отношения 90-х гг. XIX в. // Исторические записки. М., 1977. Т. 99. С. 353.
- 96 Там же. С. 348.
- 97 *Roradopoulos G. S. England...* P. 91–92.
- 98 Пономарев В. Н. Свидание в Бальморале... С. 351.
- 99 Болховитинов Н. Н. О позиции Солсбери... С. 273–276.
- 100 Там же. С. 270.
- 101 Пономарев В. Н. Свидание в Балморале... С. 354; В. М. Хевролина полагает, что переговоры закончились ничем (Россия и Черноморские проливы. С. 240).
- 102 *Roradopoulos G. S. England...* P. 100.
- 103 Ibid. P. 228.
- 104 *Slavonic and East-European Review*. Dec. 1960. P. 220.
- 105 Ibid. P. 219.
- 106 *Roradopoulos G. S. England...* P. 90.
- 107 Ibid. P. 99.
- 108 Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 116.

- ¹⁰⁹ Там же. С. 57.
- ¹¹⁰ КА. 1931. № 4(47–48). С. 47–48.
- ¹¹¹ Там же. С. 65.
- ¹¹² Там же. С. 67.
- ¹¹³ Там же. С. 54.
- ¹¹⁴ Там же. С. 69–70.
- ¹¹⁵ Историк-марксист. 1930. Т. 20. С. 104, 115.
- ¹¹⁶ *Кельин В. Ф. В.* Заграничное путешествие М. Н. Муравьева в 1896 г. // КА. 1931. № 4–5(47–48). С. 79, 89.
- ¹¹⁷ British Documents on the Origins of the war (Äféĭĭ — BD). L., 1927. Vol. 1. P. 89.
- ¹¹⁸ BD. Vol. 1. P. 38.
- ¹¹⁹ BD. Vol. 2. L., 1927. P. 241.
- ¹²⁰ Константинополь и Проливы. М., 1925. Т. 1. С. 232.

РУМУНИЯ: ОТ СОЮЗА С РОССИЕЙ К СОЮЗУ С ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ДЕРЖАВАМИ

Свою независимость Румыния, с винтовкой в руке, завоевала в союзе с Россией, и Берлинский конгресс 1878 г. признал ее. А всего через пять лет, в 1883 г., страна вступила в блок Центральных держав, Германии и Австро-Венгрии, своим острием направленный против России и Франции.

Румынская историография с уникальным в науке единодушием возлагает вину на Россию: та потребовала и добилась возвращения ей Южной Бессарабии, потерянной после Крымской войны и вошедшей в состав Румынии, и вообще ее агрессивные устремления вечным дамочловым мечом висели над Балканами. Патриарх румынской исторической науки, проф. Николае Йорга оценивал сложившуюся ситуацию как «создание вражды насмерть между румынами и русскими»¹.

Вырисовывается следующая логическая конструкция: утрата Южной Бессарабии рассматривается как попрание национальных интересов и сигнал о нависшей над страной опасности. Россия предстает как своего рода перманентный агрессор, то потенциальный, то активно действующий. Отсюда — крайняя опасность изоляции и стремление укрыться под сень «Лиги мира», как любил именовать свое детище Бисмарк. Что основной постулат построения — тезис об опасности российского соседства — не выдерживает критики, видно из предшествующих разделов книги. Именно после победоносной для нее войны 1877–1878 гг. Россия оказалась в состоянии полной изоляции и теряла одну позицию за другой. На очереди была Болгария. Все ее внешнеполитические построения были направлены на удержание уже имевшегося и стремительно таявшего, так что и мысли о развязывании новой войны в регионе не зарождалось, а экспансионистские устремления царизма были направлены в Среднюю Азию.

Что касается Юго-Восточной Европы, Румынии в частности, то там позиции России трещали по всем швам. «Вена стала открыто воевать против русского влияния в Румынии», — жаловался министр иностранных дел Н. К. Гирс².

Конфликт вокруг Южной Бессарабии заслуживает отдельного разговора, и притом на страницах именно этой книги. Долгие годы отечественная историография обходила его вниманием как замут-

нявшего картину братской дружбы между народами СССР и Румынии. В предыдущем выпуске «Международных отношений на Балканах», охватывающем 1856–1878 гг., «казусу» Южной Бессарабии уделена страница с небольшим³. Между тем эпизод имел далеко идущие последствия. Выясняется, что не соответствует истине утверждение, будто русское требование о возврате ей Южной Бессарабии грянуло как гром с ясного неба в январе 1878 г. Эту версию румынская дипломатия с большим искусством распространяла еще в те годы. Знакомство с перепиской российского МИД приводит к выводу, что глава румынского правительства И. К. Брэтиану знал о русских претензиях еще до войны, — на это прозрачно намекал царь Александр II во время визита к нему румынской правительственной делегации в Ливадию осенью 1876 г. В марте следующего, еще в условиях мира, российский генконсул в Бухаресте Д. Стюарт решил объясниться с премьером откровенно. Вот его впечатления от беседы, изложенные в депеше от 12/24 марта: Брэтиану примирился с неизбежностью утраты, «он признает, что поездка в Ливадию совершенно убедила его в том, что Бессарабия впредь потеряна для Румынии и что Россия не упустит случая при первой же возможности вернуть себе этот лоскуток земли, столь ей необходимый. Он заверил меня, что все сколько-нибудь здравомыслящие румыны, хорошо сознают неизбежную необходимость ликвидации аномалий, созданных Парижским миром (1856 г. — *Авт.*), но им трудно смириться с безвозмездной потерей территории, которую они привыкли считать принадлежащей им по праву»⁴. Сам Стюарт советовал Петербургу подумать о щедрой компенсации (что и было сделано в виде Северной Добруджи).

Но одно дело — приватный разговор с глазу на глаз, и совсем иное — публичное изложение позиции правительства. И Бухарест, и Петербург осторожничали. Для последнего ставить «в лоб» бессарабский вопрос значило рисковать срывом сотрудничества с Румынией, необходимого позарез, — ибо иначе как через Румынию добраться до театра военных действий, при полном преобладании турецкого флота в Черном море, было невозможно. Понятна и «фигура умолчания», к которой прибегают совет министров Румынии: без поддержки России повисла в воздухе и становилась мечтой давно лелеемая идея о достижении независимости. Не реагируя на известные ему планы российского кабинета, оно сохраняло возможность для протеста и апелляции к европейскому ареопагу. Поэтому, хотя разве что воробьи на бухарестских бульварах не чирикали о Южной Бессарабии, правительство делало вид, что ничего не видит и ничего не слышит.

Буря разразилась при предъявлении Турции мирных требований. Трудно даже перечислить все проявления возмущения и протеста, кои были пущены в ход: пресса всех направлений негодовала, правительство рассылало ноты протеста, обе палаты парламента приняли возмущенные резолюции. На запросы в парламенте премьер И. К. Брэтиану дал ответ, соединив в нем полуправду с прямой ложью: требования об уступке уездов Кагул, Болград и Измаил были ему известны «не формальным, а лишь официозным путем», ответ же русским будто был дан категорический: «Никогда румынская нация не согласится ни на уступку, ни даже на обмен какой-либо части своей территории»⁵ (подразумевалось предложение о присоединении Северной Добруджи за утрату Южной Бессарабии).

Румынские эмиссары устремились в столицы держав в поисках поддержки. Россия находилась в состоянии полной изоляции и перед угрозой расширения войны: британский премьер Б. Дизраэли, поощряемый королевой Викторией, не то что бряцал оружием, а направил флот в Мраморное море, к самым стенам Константинополя. Австрия в случае англо-русско-турецкой войны явно собиралась повторить свои вариации крымской поры. В Париже, Лондоне и Вене румынских посланцев выслушали с видимыми признаками сочувствия, но помощи не обещали. Когда же обстановка прояснилась и стало очевидно, что войны удастся избежать, в румынских услугах перестали нуждаться. Прибыв в Берлин на конгресс и обойдя съехавшихся туда делегатов, глава румынского внешнеполитического ведомства Михаил Когэлничану, убедился, что игра проиграна. Красноречивый призыв Брэтиану к конгрессу: «...Лишение нас части нашего достояния породит у румынского народа не только скорбь, но и разрушит у него всякое доверие к святости договоров..., парализует его мирное развитие и его порыв к прогрессу»⁶, — не растопил рассудочных сердец участников берлинского собрания.

В ходе конфликта российско-румынские отношения обострились до крайности, обе стороны объяснялись «на басах». Официоз российского МИД, «Журналь де Сент-Петербур», поместил в номере от 16(28) марта 1878 г. статью, выдержанную в необычно резком тоне: Парижский договор 1856 г. не соблюдался никем, и прежде всего самими румынами, это — политический труп, и Россия не намерена стоять на страже его останков в виде отторжения от нее Южной Бессарабии. Она высоко ценит помощь румынских войск на поле боя, «но не следует завывать ее стоимость». Вступление Румынии в войну «не являлось ни жертвой, ни актом преданности со стороны Румынии. Это был расчет, и притом справедливый». По поводу стенаний о потере драгоценнейшего национального достоя-

ния следовала отповедь: все последние 20 лет Южная Бессарабия пребывала в забвении если не у бога, то у властей предрежащих и управляющих, область «страдала от беспорядка и злоупотреблений румынской администрации. Богатые соляные копи, дававшие русскому правительству значительный доход, заброшены и затоплены, торговля Измаила парализована, болгарские колонисты разорены администрацией, проникнутой партийным духом и обычаями подношений»⁷.

По ходу ссоры румынская сторона преступила ту грань, которую рекомендуется не нарушать в сношениях с великими державами. Она пригрозила перекрыть сообщения с российским корпусом, оставшимся в Болгарии. Когда же в Петербург дошли сведения о румынских зондажах в Вене насчет военного союза против России, обычно сдержанный и вежливый Александр II начертал на полях телеграммы своего представителя отнюдь не дипломатическую помету: «Вот скоты!»⁸.

Налицо было полное расхождение позиций двух стран и отсутствие стремления понять доводы друг друга. В Петербурге не желали больше мириться с тем, что Россия после крымского поражения была оттеснена от Дуная, лишилась выхода к великой реке, необходимого для хозяйственного развития юга страны. Возвращение Южной Бессарабии в Петербурге вовсе не считали нарушением румынских национальных прав, ссылаясь на многонациональный характер населения области, в которой румыны составляли меньшинство, латиноязычная община не насчитывала и трети жителей⁹.

В Бухаресте оперировали понятиями исторического права, хотя и здесь не все обстояло гладко: Южная Бессарабия входила в состав средневекового Молдавского княжества в течение всего нескольких десятилетий в XV в., а затем была завоевана турками и управлялась непосредственно из Стамбула.

Призывы хладнокровных политиков одуматься и трезво взвесить все обстоятельства звучали глухо и одиноко. Бывший глава правительства Николае Крецулеску уговаривал соотечественников поостыть и «принять решение в спокойной обстановке, не приводя всю страну в волнение и не нанося оскорблений могущественному соседу ненужными дебатами; нам нужно побольше скромности в политике, чтобы привлечь к себе симпатии держав»¹⁰.

Александр II был оскорблен и возмущен. Призвав к себе румынского представителя, ген. Я. Гику, он с горечью сказал ему: «Хотел бы я, чтобы Румыния вспомнила о великих услугах, оказанных ей Россией, и о крови, которую она пролила. Мне кажется, что это уж очень легко предано забвению»¹¹. 21 марта (2 апреля) канцлер

А. М. Горчаков заявил тому же Гике, что в случае, если Румыния вздумает привести свои угрозы в исполнение, придется ее оккупировать, а ее армию, в случае необходимости, разоружить¹².

Румынская историография реакцию представляет решительной и бескомпромиссной: князь Карл заявил: «Армию, которая сражалась под Плевной под взорами императора и его императорского высочества великого князя, можно разбить, но никому и никогда не удастся ее разоружить!»¹³.

В российских архивах нам этой гордой декларации обнаружить не удалось. Приведем здесь (полностью) сообщение генерального консула Д. Стюарта от 23 марта (4 апреля) 1878 г.: «Получив телеграмму Гики, князь призвал меня на аудиенцию. Выражая сожаление, что Румыния вызвала неудовольствие, указывал на личное безвыходное положение, намекая, что в случае невозможности удержаться в Румынии он имеет готовое положение дома*. Разоружение армии считает бесславым для себя как главы и устроителя ее, выражал опасения кровавого столкновения, так как она будет сопротивляться обезоружению, и сам он исполнит свой долг. Князь очевидно желает мирного исхода» (Помета царя: «И я тоже»)¹⁴.

Карл измыслил совершенно фантастический план урегулирования: царь Александр, сказал он, воздвигнет себе нетленный памятник в сердцах румын, ежели, вернув России Южную Бессарабию по мирному договору, он тут же передаст «сей лоскуток земли как знак своего великодушия» Румынии. Передав это пожелание, консул Д. Стюарт писал далее в своем донесении: «Я счел своим долгом напомнить его высочеству, что полнейшее безразличие, которое страна проявляла к Южной Бессарабии вплоть до дня, когда был поднят вопрос о ее возвращении России, дает повод сомневаться в искренности проявляемых чувств... С другой стороны, Румыния в своих претензиях преступила всякую меру приличия; уступчивость в этом деле принесет этой стране лишь вред, поощрив ее и впредь прибегать к резкости», и князь «согласился со справедливостью этого замечания», — заключал дипломат¹⁵.

До военного столкновения дело и не дошло, конфликт был перенесен в Берлин, на конгресс.

Не дожидаясь завершения его работы, Брэтиану и Когэлничану вернулись домой. Здесь премьер пригласил к себе российского консула и заявил ему: Румыния «процесс проиграла»; он, Брэтиану, «протягивает руку, надеясь на великодушие. Утверждает, что передача Бессарабии состоится без манифестаций». Последнее замеча-

* Т. е. в Германии.

ние заставляет подозревать «руку правительства» во всех проявлениях «общественного негодования»¹⁶.

Но примирения не произошло. Накал обстановки спал, но она не перестала быть отравленной.

Что Румыния была обижена на Берлинском конгрессе, сказать никак нельзя. Его участники (включая Турцию) признали полную государственную независимость княжества; оно обрело все связанные с суверенитетом прерогативы, что способствовало раскрытию экономических и культурных потенциалов общества. Правда, это обуславливалось двумя обязательствами, кои Румынии предложено было принять: возвращением России Южной Бессарабии с приобретением более пространственной и экономически более перспективной Северной Добруджи (112 тыс. жителей, из них 20 тыс. румын, 10 тыс. болгар, 3 тыс. русских староверов-липован, ок. 4 тыс. казаков, 3 тыс. северокавказцев, 57 тыс. турок и татар)¹⁷.

Статья 44 трактата гласила: «В Румынии различие религиозных верований и исповеданий не может послужить поводом к исключению кого-либо, или непризнанию за кем-либо правоспособности во всем том, что относится до пользования правами гражданскими и политическими»¹⁸. Точно такое же требование было обращено к Сербии и Черногории, и включение его в текст договора свидетельствовало о сдвигах европейского общества в сторону демократизма, чем не мог пренебрегать высокий ареопаг.

Казалось бы, провозгласить гражданское равноправие жителей — вполне приемлемое решение для государства, претендовавшего на роль форпоста западной цивилизации на Балканах. Ан нет! Статья принятой в 1866 г. конституции носила явно дискриминационный по отношению к «неверным» характер: «Лишь иностранцы христианского вероисповедания могут приобрести гражданство». Это положение предстояло изменить, на что ушло больше года ожесточенных дебатов в парламенте, прессе и общественном мнении.

Практически речь шла о 300 тыс. проживавших в стране евреях (о 50 тыс. турок и татар в Добрудже просто забыли). Местные либералы и радикалы хотели, с одной стороны, слыть европейцами и демократами, а с другой — не желали расставаться с застарелыми антисемитскими предрассудками. В конце концов формула статьи 7 была изменена, религиозный барьер снят, но и требование Берлинского конгресса не было выполнено полностью. По духу своему оно предполагало предоставление жителям княжества-нехристианам подданства единовременным актом, как общине. Румынские законодатели, воспользовавшись тем, что буквально это не было оговорено, его обошли. Гражданство автоматически приобрели 888 участников

войны евреев и их потомки. Всем прочим (т. е. громадному большинству) предоставлялась возможность обращаться к парламенту с индивидуальными ходатайствами. И тут в силу вступали критерии, допускавшие крайне широкое, а значит и произвольное толкование (включая такие как приобщение к языку и культуре страны и даже приносимую ей пользу!) ¹⁹.

После принятия акта глава внешнеполитического ведомства Василе Боереску отправился в объезд Берлина, Парижа, Рима и Лондона, еще не признавших независимости Румынии, ссылаясь на игнорирование ею важнейшего требования Берлинского конгресса. Хотя и невооруженным глазом были заметны огрехи в выполнении, цели своей Боереску удалось добиться: видимо, дипломатия держав устала тягаться с упрямыми румынами. Россия и Австро-Венгрия признали независимость еще раньше, так сказать, под честное слово, под обещание удовлетворить выставленные конгрессом условия. Россия тем самым формально выполняла свое обязательство 1877 г. Она же первой согласилась титуловать Карла «королевским высочеством», что явно превышало положенное ему по монархической табели о рангах.

Мотивы у Вены были прямо противоположны: в российско-румынской ссоре она узрела возможность пошатнуть еще более позиции старого соперника и упрочить собственные, утвердившись в Румынии. Признание было осуществлено эффектно, и министр иностранных дел М. Когэлничану поспешил высоко оценить «гармонию, царящую в отношениях между двумя странами». На императора Франца-Иосифа были возложены знаки только что учрежденного ордена Звезда Румынии ²⁰.

Замедление с признанием со стороны других держав вызывалось отнюдь не их безупречной принципиальностью, что отчетливее всего проявилось у князя Бисмарка. Признание независимости он увязал с принятием Румынией тяжелых для нее финансовых обязательств. Дело в том, что еще в 1868 г. делец сомнительной репутации, В. Штрусберг, получил концессию на строительство железной дороги Роман—Вырчиора. Работы велись из рук вон плохо, процветали лишь хищения, сам Штрусберг обанкротился, и концессия перешла к банкирским домам Блейхрёдера и Ганземана. Они настаивали на выкупе железной дороги; с помощью Бисмарка были выкручены руки румынской дипломатии, парламент дал санкцию на выкуп на условиях, которые иначе как кабальными не назовешь: Румыния согласилась выплатить в течение 44 лет долг в 713 миллионов франков, включая проценты, — при затраченных на строительство 247 миллионах. После этого грозный немецкий канцлер снял свое вето, и в один и тот

же день, в феврале 1880 г. Германия, Франция и Италия признали независимость Румынии²¹.

Это открыло путь к провозглашению Румынии королевством (март 1881 г.), что свидетельствовало о возросшем престиже страны. Акт провозглашения сопровождался щедрым даром монарху — палаты преподнесли Карлу 12 латифундий общей площадью почти в 120 тыс. га, чтобы основатель династии прочно чувствовал себя на румынской земле. Иностранные представительства в Бухаресте и румынские в столицах были преобразованы в миссии, а их главы из консулов превратились в посланников. Учреждение Национального банка и Банка сельского кредита, принятие закона о поощрении национальной промышленности, введение протекционистского тарифа свидетельствовали об использовании государством всей полноты своего суверенитета. Однако попытки подчинить страну своему влиянию у держав не прекратились, и продемонстрировала это прежде всего Австро-Венгрия. Двуетельная монархия стремилась установить свой контроль над судоходством по Дунаю на всем его протяжении. Она потребовала для своего делегата председательского места и решающего голоса в международной комиссии, которой надлежало вести судоходством на участке Железные Ворота—Галац, т. е. по землям Сербии, Румынии и Болгарии, а не Габсбургов. Румынская дипломатия умело и цепко сопротивлялась предложению, считая его посягательством на суверенные права государства (комиссия должна была определять условия прохождения кораблей и даже содержать собственную полицию). Сербская сторона, в то время полностью зависевшая от Вены, ей мало помогала. Болгария обладала ограниченной международной правоспособностью и искала компромисса. Объективно румынские интересы в данном случае совпадали с российскими, но отношения с Бухарестом испортились настолько, что в Петербурге даже Габсбургов считали более покладистым партнером. В конце-концов «великие», устав от румынских возражений, созвали в Лондоне конференцию (февраль 1883 г.). Румынского представителя И. Гику, продержав два часа в передней, пригласили, наконец в зал совещания и предложили присутствовать, но лишь для консультаций с ним. Тот отклонил оказанную ему «честь»²². Румыния отказалась присоединиться к решениям конференции, оставшихся мертвой буквой.

Румынская историография единодушна в заключении, что страна оказалась в состоянии опасной изоляции и дальнейшее сохранение «свободы рук» стало невозможным, внешнеполитическую устойчивость и безопасность можно было обрести лишь под сенью какой-либо из держав или их коалиции²³. К такому же выводу приходит (после весьма критического рассмотрения румынской политики)

молдавский исследователь А. С. Агаки: «...Отношения Румынии со всеми великими державами заметно осложнились. Ей грозила международная изоляция. Румынские правящие круги были вынуждены искать выход из создавшегося положения»²⁴.

Авторы монографии «Румыния в международных отношениях» выстраивают целую систему доказательств: страна по своему геостратегическому положению могла стать «либо барьером, либо связующим звеном на пути русской экспансии на Балканы». Это — теоретическое рассуждение. В конкретной обстановке 80-х гг. прорусская ориентация исключалась начисто. Взоры короля Карла Гоценцоллерн Зигмарингена, по его собственному выражению, «доброего пруссака и доброго немца», и премьер-министра И. К. Брэтиану обратились к Германии. Подкупали военная мощь и экономический динамизм Германии. Сам канцлер О. Бисмарк любил именовать свое детище, союз 1879 г. с Австро-Венгрией, «Лигой мира», и авторы затрагиваемого труда без возражений воспринимают эту рекламную характеристику. «Для румын, — полагают они, — завоевание независимости являлось новым шагом к объединению. В условиях, сложившихся после 1878 г. было ясно, что эта цель не могла быть достигнута в скором времени, ибо предполагала важные изменения в международной обстановке. Прежде всего необходимо было упрочить достигнутое, Румынское государство, каким оно было в 1878 году. Предпосылкой являлся период спокойствия. С указанной точки зрения сближение с Центральными державами представлялось выгодным»²⁵. «Русская политика на Балканах возбуждала в Бухаресте беспокойство, — замечает Г. Кэзан, — поэтому отношения между двумя странами были лишены всякой сердечности» (мягко сказано!). «Румыния находилась на пересечении сфер интересов двух великих экспансионистских держав, царской России и монархии Габсбургов, готовых достичь согласия за счет народов Юго-Восточной Европы»²⁶.

Для доказательства неизбежности избранного курса уже тогда сооружались конструкции, явно не отвечавшие действительности, о все более сильном проникновении России в балканские страны. В качестве одного из авторов выступал король: «Отношения с Россией — больной вопрос нашей политики. Мы не стремимся провоцировать Россию и сделаем все, чтобы избежать войны с ней. Но перед лицом опасности, нам угрожающей с ее стороны, мы нуждаемся в поддержке Центральных держав»²⁷.

Создается впечатление, что, ослепленные ненавистью к России, румынские государственные мужи строили свои расчеты исходя из желаемой, а не действительно существовавшей расстановки сил.

Война мерещилась им за каждым углом, и они спешили примкнуть к сильнейшей стороне. В августе—сентябре 1883 г. министр иностранных дел Д. А. Стурдза сочинил аналитическую записку, склоняясь к мысли о неминуемом разрыве между Германией и Россией, и советуя немедленно примкнуть к Центральным державам — иначе «надвигающиеся события, решающие для судеб Румынии, принесут ей потери»²⁸.

Этот тезис воспринят румынской историографией как исходный при оценке ситуации: «При анализе внешней политики Румынии в 1882—1883 гг. нельзя упускать из виду опасность войны и возможность раздела Юго-Восточной Европы на сферы влияния»²⁹, — замечает Г. Кэзан, хотя тут же признает, что к войне Россия не была готова из-за поглощенности соперничеством с Англией в Средней Азии. Подобная непоследовательность нужна этому серьезному ученому для того, чтобы подвести читателя к мысли, что «политический момент требовал принятия немедленного решения».

На самом деле вызова на Балканах никто Румынии не бросал. Сербия и Болгария были по горло заняты улаживанием своих разногласий, Болгарское княжество поглощено идеей объединения с Восточной Румелией, Греция — воссоединением с Фессалией и Северным Эпиром. Так что движущей силой внешнеполитических устремлений Бухареста являлся неизжитый конфликт с Россией из-за Южной Бессарабии. Голоса сторонников сохранения нейтралитета (а такими были консерваторы Л. Катарджи, Г. Ману, Е. Флореску), — звучали робко и приглушенно; сама мысль о восстановлении дружеских связей с восточной соседкой воспринималась печатно, распространявшей фантастические вымыслы об агрессивных замыслах царизма, как «бред» и «западня»³⁰. Г. Кэзан справедливо замечает, что консервативная оппозиция из соображений соперничества с либералами производила много шума из ничего, ибо, придя к власти, пролонгировала союз с Центральными державами³¹. Курс на сотрудничество с ними рассматривался как долговременный и стратегический. Намечалась своего рода иерархия интересов: германское преобладание во всей Европе, австрийское — в ее юго-восточной части, но при опоре на Румынию и с предоставлением последней первого места на Балканах. Румынский посланник в Вене П. Карп уже в 1883 г. усматривал продвижение Вены «шаг за шагом к правильному пониманию роли Румынии на Востоке Европы»³².

Вхождение Румынии в союз сулило Центральным державам многочисленные выгоды. Возможность, даже чисто гипотетическая, нового русского похода на Балканы перекрывалась напрочь. На случай конфликта держав Центра с Россией их правый фланг обеспе-

чивался то ли благожелательным нейтралитетом Румынии, то ли ее армией. Создание благоприятного политического климата открывало германо-австрийскому капиталу путь в экономику союзника. По позициям России в Юго-Восточной Европе наносился сильнейший удар, ее основной соперник, Австро-Венгрия прочно утверждалась на границе империи Романовых. Германия становилась арбитром в извечных австро-русских спорах по балканским делам. У Австро-Венгрии снималась по крайней мере часть забот, связанных с трехмиллионным румынским населением двуединой монархии. «Аншлюсс» 1867 г., образование Австро-Венгерской конфедерации был осуществлен в ущерб славянам и румынам, за счет попрания их самых жизненных национальных интересов. Движение за расширение национальных прав стало константой политического бытия монархии. Вступая с ней в союз, официальная Румыния отказывалась от его поддержки; интересы трансильванских румын были принесены в жертву.

В Берлине и Вене не просто с симпатией следили за дрейфом Бухареста к тесному сотрудничеству с ними, а активно ему способствовали. играя на подозрительности румын, канцлер Бисмарк намекал на возможность раздела Балкан на сферы влияния между Австро-Венгрией и Россией, и тогда понятно, к кому «отойдет» Румыния.

В последний, что называется, момент, на пути к союзу возникло непредвиденное осложнение. В июне 1883 г. в Яссах был открыт памятник молдавскому князю Штефану Великому. За церемонией последовал банкет с многочисленными тостами. Поднялся с места и сенатор П. Грэдиштяну, поднявший бокал «не за короля Румынии, а за короля румын» и выразивший пожелание, чтобы тот «вновь обрел драгоценные камни, еще отсутствующие в короне Святого Штефана». В числе сих камней значилась и Буковина, отошедшая к Австрии в 1775 г.; да и вообще под скипетром Габсбургов проживали 3 миллиона румын, и Франц-Иосиф считал себя их императором и королем. В австрийской печати поднялась буря: тост сочли признаком посягательства на земли соседнего государства. Разъяснения румынского МИД: король знать не знал и ведать не ведал о готовящемся тосте и его не одобряет, были сочтены в Вене недостаточными. Пришлось приносить официальные извинения, текст которых присылался на Балхаузпляц на редактуру, чтобы утихомирить разгневанную Вену и открыть путь к союзу³³.

Глубокую разведку произвел король Карл, посетивший в августе 1883 г. Берлин по семейным делам, а на обратном пути навестивший императора Франца-Иосифа. О чем он говорил с австрийским кайзером, министром иностранных дел Г. Кальноки и германским

послом князем Г. Рейссом, в точности неизвестно — пригласить на встречи румынского посланника П. Карпа как-то забыл, но что он проторил дорогу к союзу — несомненно.

Бисмарк в румынском демарше усмотрел возможность расширить союз Центра на Восток, чтобы «поставить политику Румынии, а при случае и сербов и Порты, на прочную основу»³⁴. Своими мыслями он поделился с Кальноки. Тот считал, что представляется удобный шанс еще более упрочить свое положение на Балканах: на сербов (подразумевался король Милан Обренович) «можно положить (в той мере, в коей можно строить расчеты на Балканах)», — добавил он. Хорошо было бы вовлечь и «обе Болгарии» и тем самым «быстро подорвать влияние России в этом новом государстве». На счет Румынии Кальноки высказал определенные сомнения, сославшись на разногласия по дунайскому вопросу и инцидент с нашумевшим «яским тостом». Король всем хорош, но слаб; его министр иностранных дел Д. А. Струдза вполне благомыслящ, но весом в стране не пользуется, и лишь Брэтиану обладает должной репутацией³⁵.

Случайно или нет, но Бисмарк назначил последнему встречу не в Берлине и не в одном из своих поместий, где не только отдыхал, но и занимался делами, а в австрийском курортном местечке Гаштейн. Предварительно к нему заехал Кальноки, и лишь затем появился И. К. Брэтиану. Беседа проходила, по свидетельству канцлера, «не столько в деловом, сколько в декламаторском духе». Из речей Брэтиану стало очевидно, что его не смущает ярлык «Лига мира», усердно приклеивавшийся Бисмарком к своему детищу, блоку Центральных держав. Он широко обрисовал возможные приобретения Италии. После этого стало очевидно, что и по части румынских претензий Брэтиану не проскромничает; граница по Днестру была названа «необходимой». Обрисовав нависшую над Румынией опасность со стороны России в масштабах, сочтенных Бисмарком «неестественными и невероятными», он предложил заключить оборонительный и наступательный союз.

Все это совершенно расходилось с планами Бисмарка. Он разъяснил собеседнику, что «для Австрии, как и для нас, война с Россией, даже победоносная, является эвентуальностью, которую мы по возможности стремимся избежать; расширяя нашу лигу, мы хотим воспрепятствовать войне, а не приближать ее».

Чтобы не разочаровывать Брэтиану, Бисмарк заметил, что Австрия считает нужным сохранение очага латинства в окружающем славянстве, а Германия заинтересована в пребывании Гогенцоллерна на престоле в Бухаресте. Он заверил, что поддержит любую договоренность между Румынией и Австрией, не предусматривающую

отказа от «перспективы сохранения длительного мира с Россией»³⁶. Доверия Брэтиану ему не внушал: и симпатиями к Франции грешит, и с известным радикалом Константином Росетти дружит, а тот близок с «красными партиями» в Париже.

Румынская сторона стремилась к прямому партнерству с Германией без австрийского участия, которое связывало ей руки при решении многочисленных и болезненных разногласий с Двуетидной монархией. Бисмарк вежливо, но твердо дал понять, что сотрудничество должно развиваться по сценарию, им разработанному: Румыния должна занять свое место в сооружаемом антироссийском кордоне и, в случае чего, перекрыть русской армии дорогу на Балканы. Но в самом этом регионе основная ставка делалась на Австро-Венгрию, а вовсе не на Румынию. Это была та доля добычи, ради которой Вена шла на союз с Берлином. Поэтому следовало по возможности притушить ее разногласия с Бухарестом, и не существовало для этого способа удобнее, нежели предложить им заключить друг друга в союзнические объятия. Брэтиану было указано, что путь в Берлин лежит через Вену. Чтобы рассеять сомнения собеседника, канцлер намекнул, что ведь Австрия и Россия могут и договориться относительно балканских дел, и тогда Румыния останется у разбитого корыта несбывшихся надежд³⁷.

Из Гаштейна Брэтиану отправился в Париж — навестить учившегося там сына. А Бисмарк и Кальноки воспользовали паузой в переговорах, чтобы обменяться мнениями. Последний не питал никаких иллюзий относительно истинных чувств, испытываемых будущими союзниками друг к другу и считал, что без гарантии со стороны Германии румынский Гогенцоллерн и его правительство все равно обманут Вену³⁸.

Свои впечатления от бесед с Брэтиану Бисмарк изложил в письмах послу князю Г. Рейссу, являвшихся одновременно инструкциями. Занятый сооружением очередной комбинации трех императоров с целью помешать России придти на помощь Франции, канцлер тревожился: «румынские воздушные замки»³⁹ относительно территориальных приобретений серьезно его беспокоили. Поэтому в подготавливаемом договоре Россия вообще не должна была упоминаться — «иначе у Румынии всегда будет сильное искушение, если к тому представится юридическая возможность, ради румынских реваншистско-завоевательных вожделений, простирающихся до Днестра и дальше, воспользоваться участием германо-австро-венгерских войск численностью почти в два миллиона»⁴⁰. Употребление термина «безопасность» канцлер счел в данном случае слишком «опасным», ибо он «в зависимости от обстоятельств, оправдывает

также и агрессивную войну». Свои требования Бисмарк облек в форму пожеланий со стороны старого кайзера Вильгельма⁴¹, воспитанного в традициях «интимной дружбы» с Романовыми и питавшего расположение к своему племяннику Александру II. Кальноки и Брэтиану не могли не считаться с этим. Во французском тексте согласованного между ними договора взятые в скобки слова были изъяты: если Румыния «без всякой провокации со своей стороны подвергнется нападению (со стороны России)», а помета на полях (по-немецки) гласила: «по желанию князя Бисмарка»⁴². Такое же исправление относилось к случаю агрессии против Австро-Венгрии. Показательно, что «опасная» формулировка насчет России спокойно фигурировала в самом австро-германском документе 1879 г., — показательно в том смысле, насколько осторожный Бисмарк опасался авантюристических заходов румынской политики.

Кальноки попытался было вставить пункт насчет того, что Румыния не станет терпеть на своей территории «политических и иных интриг», направленных против Австро-Венгрии, иными словами — преследовать «своих» сторонников национального движения в Трансильвании. Брэтиану воспротивился, дипломатично заявив, что это означало бы расписаться в недостаточном доверии сторон друг к другу. Отклонил он также попытку поставить румынские войска, в случае войны, под прямое австрийское командование, сославшись на неприемлемость такого подхода для короля, создателя и главнокомандующего румынской армии⁴³.

В окончательном варианте соглашение от 30 октября 1883 г. выглядело «невинно»: обе стороны заверяли друг друга (заверять внешний мир было излишне, ибо договор был архисекретным) в сугубо оборонительном и консервативном характере документа, который они подписали, имея в виду «обеспечить политический порядок и гарантировать от всяких случайностей совершенную дружбу, их связующую», и обязались приходить на помощь друг другу в случае, если подвергнутся нападению в сопредельных районах⁴⁴ (подразумевалась, конечно, Россия, ибо второй «сопредельной» была Сербия, полностью находившаяся тогда под австрийским колпаком). В тот же день 30 октября Германия особым актом присоединилась к соглашению.

Стороны договорились хранить достигнутое согласие в глубокой тайне — что вроде было излишне для сугубо оборонительного документа. На самом деле единственно существовавшая в Европе военно-политическая группировка, Тройственный союз, пополнялась новым членом и распространялась на юго-восток континента. Он явно бросал вызов Франции — на западе, России — на востоке, пре-

бывавших еще в разьединенном состоянии. Тень гегемонии прусской военщины и бюрократии нависала над континентом. И старого кайзера Вильгельма, и опытного и осторожного Бисмарка было бы грешно обвинять в излишней воинственности. Оглашение договоренности с Румынией в их планы не входило: канцлер трудился над продлением Союза трех императоров *, что и было достигнуто в 1884 г. Он опасался авантюристических внешнеполитических аллюров не только со стороны Румынии, но и Австро-Венгрии. Но ведь в Германии существовала и влиятельная милитаристская партия. В самый день вхождения Румынии в Тройственный союз начальник генерального штаба А. Вальдерзее и генерал Э. Альбедиль убеждали кайзера в необходимости и неизбежности войны на два фронта «как против Франции, так и против России», — на сей раз безрезультатно ⁴⁵. Но ведь императору было далеко за восемьдесят, да и Бисмарк был не вечен — и как государственный деятель, и как человек...

В Румынии единственный экземпляр договора хранился во дворце, в личном сейфе короля. Союз с Австро-Венгрией был в стране непопулярен — сосед воспринимался прежде всего как угнетатель трансильванского румынского населения Венгрии.

Надежды на серьезные русско-германские осложнения, на войну — тем более, оказались построенными на песке. В недрах российского МИД ситуация, возникшая в результате присоединения Румынии к Центральной группировке, была подвергнута серьезному анализу. «Несмотря на все словесные ухищрения, используемые для того, чтобы придать этому союзу, а следовательно, и вступлению в него Румынии, исключительно мирный характер, потаенные расчеты Бухареста «очевидны». Румыния, «если не дерзает признаться открыто в мечтаниях о Дакийском королевстве, тщательно избегает всего, что можно считать отказом от территорий, должествующих однажды составить Великое Румынское государство» ⁴⁶. Так, в свойственном Николаю Карловичу Гирсу округлом стиле характеризовались возможные территориальные поползновения правящего Бухареста.

В отчете МИД за 1883 г. румынский фактор рассматривался в контексте сложнейшей международной обстановки, очень тревожной. Германская и австрийская печать подняла шум в связи с передислокацией русских войск в приграничье. Дипломатия Центральных держав развила лихорадочную деятельность. Влиятельные особы, включая коронованных, устремились в европейские столицы. Ка-

* См. раздел «Восточный вопрос в большой европейской политике».

кова цель этих разъездов суверенов и их министров? Представляет ли это угрозу Франции или России или обеим одновременно?

Кабинеты Берлина и Вены через свои органы печати утверждают, правда, что их единственной целью является укрепление лиги государств, решивших гарантировать мир. Можно прийти к заключению, что мир находится под угрозой, раз требуются такие проявления активности, чтобы его сохранить. Нервничающая Европа восприняла посещение царем родственников в Дании, куда к нему с визитом прибыли короли Швеции и Греции, как чуть ли не раскол континента на два лагеря и признак надвигающейся войны. «Это убеждение настолько укоренилось, что все беспокойные элементы, заинтересованные в том, чтобы рассорить нас с Германией и Австрией, заранее строят расчеты на желательный разрыв. Во Франции сторонники реванша подняли голову и взвинтили тон до такой степени, что вызвали яростную отповедь со стороны официозных берлинских газет. Надежда и злоба поляков, рассеянных по всей Европе, закипели в предвкушении...»⁴⁷ — размышляли руководители российского внешнеполитического ведомства.

Гирс совершил объезд Вены, Берлина и Фридрихсруэ, где отдыхал Бисмарк, расточая повсюду самые миролюбивые заверения. Последовали взаимные клятвы в дружеских чувствах. Александр III, единственный из Романовых, был наречен миротворцем. Было бы несправедливо и грешно возводить на него поклеп в стремлении обострить обстановку в Европе. Ему под стать был и сверхосторожный, поседевший на дипломатической службе Николай Карлович Гирс, отпрыск скромного шведского рода, не обладавший ни значительным состоянием, ни тем весом, которым пользовались представители дворянской знати. Вдобавок и царь, и министр были воспитаны в традициях дружбы с дворами Гогенцоллернов и Габсбургов, которая особенно ценилась в смутное время революционных шатаний. Александр III никогда не забывал охоты, учиненной «Народной волей» за его отцом; охранительные тенденции толкали его в сторону «старых друзей».

В отчете МИД за 1883 г. проглядывает недооценка угрозы России со стороны Тройственного союза. Происходящая «тревога не имеет под собой серьезных оснований. Несмотря на недоверие и трудности, встречающиеся в отношениях между правительствами, ни одно из них не имеет, конечно, мысли о провоцировании конфликта. Германия и Австрия, укрепляя и расширяя свой союз, имели в виду, вероятно, сделать войну еще более невозможной. Поскольку мы не собираемся нападать ни на ту, ни на другую, укрепление их оборонительных позиций будет иметь результатом лишь упрочение мира» (!!)⁴⁸.

Опасность Н. К. Гирс усматривал в возбуждении страстей и взаимных подозрений, что поведет «к росту недовольства масс и поощрит подрывные элементы, заинтересованные в беспорядках».

В 1884 г. удалось возобновить хилую конструкцию, известную под громким именем Союза трех императоров. Под этой вывеской в историю вошло соглашение, предусматривавшее по сути дела взаимные консультации на случай осложнения международной обстановки, в первую очередь на Балканах. Все же оно свидетельствовало, что участники его не собирались в ближайшем будущем братья за оружие. Именно так его восприняли в Петербурге, и решили, что «удалось трансформировать сближение между Германией и Австрией в тройственное оборонительное согласие дворов».

В свете этого успокоительного заключения было воспринято и присоединение Румынии к австро-германскому союзу — с недовольством, но без излишней тревоги.

Л. П. Урусов в своей депеше от 14 (26) февраля 1884 г. предался размышлениям: «Традиционная политика румын заключалась в балансировании между Россией и Австрией. Все их расчеты основывались на соперничестве двух держав; они стремились, и почти всегда успешно, извлечь из этого выгоду». Но теперь, «зачарованные перспективой близкой войны... они пошли на решающий шаг, выступив открыто против России. Сейчас они с ужасом обнаружили, что поспешили»⁴⁹. Больше всего они всегда боялись австро-русского согласия, лишавшего их почвы для маневра. Ныне же, усилиями императоров и, что подразумевалось, заботами Н. К. Гирса оно достигнуто. И, принимая желаемое за действительность, Урусов полагал, что румынские государственные мужи пришли в расстройство.

Несомненно, и он, и начальство в Петербурге недооценивали масштабов румынских притязаний, в том числе территориальных. В Петербурге склонялись к мысли, что Румыния стремится обеспечить международное признание своего нейтралитета, что считалось за пределами достижимого: «Комбинации большой политики не по плечу малым странам. Румынам следовало бы знать, что бельгийский нейтралитет гарантирует не клочек бумаги, его обуславливающий, а капитальный интерес Англии, заключающийся в том, что порт Антверпен не должен перейти в руки какой-либо великой континентальной державы»⁵⁰. Румыния не в том положении. Находясь между Австрией и Россией, она заинтересована в том, чтобы поддерживать добрые отношения с обеими, не связывая себя бесповоротно ни с той, ни с другой, — иначе она рискует стать полем боя. Следовал исполненный великодержавия вывод: «бесполезно, однако, убедить в том маленькую страну, строящую из себя вели-

кую державу». Худо, конечно, что, вступив в союз, Румыния преградила русским войскам путь на Балканы. Но, утешали себя петербургские сановники, и в прежнем состоянии нельзя было рассчитывать на нее. Они выражали надежду на то, что наступившее в Европе успокоение подействует и на разгоряченные головы бухарестских политиков, и их претензии поскромнеют.

Как оказалось, иллюзиям насчет успокоения обстановки предавалась российская дипломатия. Сама концепция исконной враждебности России к Румынии толкала правящий Бухарест в объятия антирусской группировки.

В июне 1884 г. проправительственные газеты опубликовали статью без подписи; молва приписывала авторство министру иностранных дел Д. А. Стурдзе. «Россия, — утверждалось в ней, — со времени Петра Великого и до наших дней с неколебимым постоянством стремилась к объединению всех славянских народов либо под скипетром, либо под протекторатом царей, к завоеванию Босфора, «ключи от дома», как его именует дипломатия московитов... Эта политика сама по себе предполагает уничтожение Румынии как страны и как нации». Между интересами России и Румынии пролегает пропасть; этот тезис должен стать политическим кредо для всех румын. Следовательно, враждебное отношение к России возводилось в ранг политической доктрины. Ныне же, говорилось далее в статье, «существует союз Центральных держав, имеющих целью сохранение мира на континенте и на востоке его в частности, и строжайшее соблюдение условий Берлинского трактата»⁵¹. Румыния, войдя с ними «в тесные дружеские отношения» укрепила свое положение и превратилась в реальный фактор в поддержании баланса сил в Европе.

Стурдза убедил не всех.

В оппозиции прогерманскому курсу до конца жизни оставался лидер радикалов Константин Росетти. Он вполне правомерно связывал его с личностью короля, являвшегося оплотом консервативных сил в стране и тормозом на ее пути к демократии. По иным причинам на позициях нейтралитета во внешних делах стояла «боярская партия», правое крыло консервативных группировок. Для них Россия продолжала оставаться бастионом «порядка», общеевропейским гарантом от революционных потрясений и образцом, коему следовало подражать в противодействии либерально-демократическим «излишествам» в собственной стране. Оппозиция полагала, что успехами «во вне» и демонстрацией сугубой самостоятельности правительство пытается прикрыть незавидное положение «дома»: «Поскольку ничего не делается внутри страны, следует развивать

мысль о грандиозных деяниях за рубежом, проводя великодержавную политику»⁵².

Сохранились еще могикине, считавшие, что симпатии к России в крови у народа, и бессмысленно от нее отдаляться ради сомнительных соблазнов Запада. Отпрыск старого молдавского боярского рода Г. Балш опубликовал в печати письмо, утверждая в нем, что судьбы стран Востока, «обязанных в прошлом своим освобождением России», «их политическое и экономическое развитие нельзя себе представить вне тесного сотрудничества с великой православной державой». Борьба против этой тенденции, определяемой традиционными симпатиями народов, их инстинктивным сознанием своих интересов, вредна: случайный ветер с Запада принес им выходцев чуждых династий (намек на короля Карла), первый же порыв ветра с Востока их унесет. Россия добьется своего «в тот день, когда решит откровенно и открыто потребовать того исключительного преобладания, которое она считает вправе осуществлять по крайней мере в восточной части Балканского полуострова»⁵³.

Веса люди, подобные Г. Балшу, не имели. Впрочем, вроде бы и спорить было не о чем: «румынский МИД отрицает существование не только конвенций, но даже обмена мнениями между румынским и австро-венгерским правительствами на случай войны»⁵⁴, передавал посланник М. А. Хитрово в ноябре 1886 г.

На почве разногласий по внешнеполитическим вопросам от консервативной партии откололась группировка «младоконсерваторов», или жунимистов во главе с Т. Майореску и П. П. Карпом, представлявшая часть интеллектуальной элиты, воспитанной на германской философии, и помещиков, втягивавшихся в капиталистическое производство по юнкерскому образцу, применявших в своих хозяйствах передовую по тогдашним представлениям агротехнику и рабочие руки малоземельных, а потому привязанных к хозяйству «своего» барина крестьян. Младоконсерваторы полагали, что дружба с Германией и Австро-Венгрией благоприятно скажется и на внутренней обстановке в самой Румынии, ободряя в ней сторонников «порядка», в то время как «возмутители спокойствия» и сторонники реформ ориентировались на Францию. Впрочем, «протесты» староконсерваторов против внешнеполитического курса правительства Брэтиану носили в значительной степени показательный характер, шли по линии парламентских игр; переместившись в министерские кресла, они, слово по команде, забыли свои «принципиальные установки» и исправно проводили прогерманский курс.

Между тем в королевстве крепло чувство солидарности с трансильванскими румынами, нередкими стали проявления антивенгер-

ских настроений в прессе и на улице. Так, в мае 1884 г. толпа студентов, собравшихся перед габсбургской миссией, распевала песню «Пробудись, румын!» и скандировала лозунг «Долой Австро-Венгрию!». Власти, к которым обратился с протестом посланник, барон Мейер, попытались вывернуться, заявив, будто студенты кричали «Да здравствует Австрия! Долой Венгрию!», но тот верил собственным ушам, а не интерпретации префекта полиции⁵⁵.

По привычке румынское ведомство иностранных дел приписало все подобные проявления нервной обстановке в связи с непрекращающимися угрозами России. Чтобы развеять инсинуации, Николай Карлович Гирс выступил со специальным заявлением, заверяя что «Румыния может рассчитывать на постоянное и вековое благоволение» России и выразил надежду, что «румынские солдаты никогда не будут сражаться против Российской империи». Многозначительный намек.

В том же 1884 г. в Петербургском университете впервые начал читаться курс румынского языка. Ректор, известный славист В. И. Ламанский, извещал об этом событии посланника Н. Крецулеску в письме отнюдь не протокольного содержания: решение было принято, «имея в виду древние религиозные и исторические связи, соединяющие русский и другие славянские народы нашей церкви с румынской нацией, важную роль, уготованную ей историей в ближайшем будущем христианского Востока»⁵⁶.

В следующем, 1885 г., бухарестское правительство, раздраженное непрекращавшимися антивенгерскими проявлениями и следовавшими одно за другим протестами барона Мейера, выслало из страны 6 трансильванцев как «нежелательных иностранцев». В прессе развернулась кампания под лозунгом «Румыны из других стран — румыны и в нашей стране, а вовсе не чужестранцы». В парламенте от правительства требовали проведения «политики, свободной от какого-либо воздействия из-за рубежа»⁵⁷.

События на Балканах — восстание в Восточной Румелии, ее объединение с Болгарским княжеством и нападение на него Сербии, — отвлекли внимание румынской общественности. Брэтиану посетил Берлин и Вену, разведал намерения Петербурга и убедился, что раздувать локальный конфликт в общеевропейский никто не собирается. Во время прений в палате он заметил: «Не мы определяем ситуацию на Балканском полуострове»⁵⁸.

Румыния сохранила дружественные отношения и с Сербией, и с Болгарией. Мир между ними был подписан в Бухаресте при дружеских румынских услугах. «Сердца румын наполнились гордостью», — сообщала российская миссия⁵⁹.

Между союзниками разразилась таможенная война: австрийская сторона, действуя в интересах венгерских аграриев, под предлогом болезни скота запретила его ввоз из Румынии, что больно ударило по интересам экспортеров. Поднимавшееся же в Румынии промышленное сословие роптало в связи с австро-венгерским засильем на внутреннем рынке: ее импорт на 45 % состоял из товаров австро-венгерского происхождения. Находившаяся в колыбели отечественная обрабатывающая индустрия не имела ни малейших стимулов к росту, пока иностранные товары легко преодолевали невысокую таможенную стену⁶⁰.

Инициатива объявления таможенной войны принадлежала Вене и Будапешту: в 1886 г. были значительно повышены таможенные сборы на все, ввозимое из Румынии, а ввоз овощей, растений и древесины был вообще запрещен. Румыния в ответ немедленно ввела протекционистский тариф, установив низкие ставки лишь на продукцию тяжелой индустрии (сталь, чугун, паровозы и вагоны, парходы, станки, паровые и сельскохозяйственные орудия), крайне нужные для развития внутреннего машинного производства и для обеспечения нормальной жизни общества. Логическим последствием явилось введение в следующем году закона о поощрении национальной промышленности.

В разгар таможенных распрей в Европе разразилась очередная «военная тревога» — Бисмарк до конца своей жизни не расстался с мечтой — раздавить Францию, и в очередной раз раздул очаг напряженности. Российская дипломатия, не в первый раз и столь же исправно приложила усилия, вполне успешные, чтобы его затушить. Создается впечатление, что румынские высшие сферы столь усердно твердили об угрозах, окружающих страну, что сами в то уверовали. В Вену спешно был направлен запрос о возможности закупки большой партии винтовок Манлихер, палата депутатов безропотно вотировала 80 млн лей на военные расходы; из Бельгии спешно пригласили генерала Бриамона для приведения в порядок фортов, окружавших Бухарест, — хотя со всех сторон поступали успокоительные заявления. Г. Кальноки заверял Д. А. Стурдзу, что ни малейшей угрозы войны не существует. Поверенный в делах России Вилламов публично выразил изумление — чего это ради правительство сокрушает финансы страны ради бессмысленных вооружений?⁶¹

Во всем этом австрийская и немецкая дипломатия усматривала «руку» короля Карла, считавшего внешнюю политику своей прерогативой. Интересы Вены и Берлина в Бухаресте представляли в то время два незаурядных человека, обоим предстояло возглавить внешнеполитические ведомства своих государств: польский ари-

стократ граф Агенор Голуховский, знаток и ценитель французской культуры, женатый на принцессе Мюрат, как нельзя более подходил для общения с офрануженным бухарестским «светом»; Бернгард фон Бюлов, имевший супругу-итальянку, соперничал с ним умом и образованием.

Обоим внушала тревогу нерешенность вопроса о престолонаследии в Румынии: единственная дочь Карла и принцессы Елизаветы Вид скончалась в детстве; ему стали намекать, что пора подумать о подыскании наследника.

Беспокоило внутреннее положение в Румынии. Правительство «старого друга», И. К. Брэтиану, явно доживало последние дни. 1884—1888 гг. известны в истории страны под именем «визирата Брэтиану»: бывший участник революции 1848 г., демократ и радикал, по своему усмотрению тасовал кабинет, назначал и смещал должностных лиц; казнокрадство и взяточничество — отнюдь не диковинка в политических нравах, — достигли своего девятого вала. Государственное имущество расхищалось причастными к его сохранению и приумножению лицами. Один скандал «в верхах» сменялся другим. По словам российского посланника князя Л. П. Урусова (1884 г.), правительство присвоило себе диктаторские права; оппозиция бессильна и ограничивается бранью в печати, обвиняя кабинет «в мошенничестве, коррупции и произволе». Правя железной рукой, Брэтиану превратился в «абсолютного арбитра» во всех делах. Король доволен тем, что в стране царит «спокойствие» и антидинастических выступлений не наблюдается: монарх «питает мало уважения к своим подданным, демонстрируя безразличие к стране»⁶². Дело дошло до того, что собственный брат премьера, Думитру, выступил с призывом: «Долой режим коррупции и лжи!»⁶³.

Правительство, чтобы отвести обвинения, прибегло к истасканному приему, приписав недовольство подстрекательствам «из-за Прута». Поверить близким к кабинету газетам — так страна кишела русскими агентами, щедро рассыпавшими золото перед оппозицией, скупавшими на корню органы печати, подстрекавшими лояльных обывателей к выступлениям против короны. Поверенный в делах России А. П. Извольский, будущий министр иностранных дел, с изумлением узнал, что он «с беззастенчивостью, недопустимой в другом месте», ведет себя так, будто аккредитован не при особе короля, а при оппозиции, и подстрекает оную к неповиновению»⁶⁴. На все жалобы министр иностранных дел Д. А. Стурдза разводил руками, — пресса в Румынии свободна и никому не подконтрольна. Правда, после принятия поправок к конституции в 1884 г., несколько расширивших избирательное право, и смягчения обстановки в стране, печать, как

по команде, — по крайней мере так сочли в Петербурге, — замолкла. Там узнали, что особенно едкая и громогласная «Газетт де Румани» лишилась дотаций из Министерства иностранных дел и закрылась. Провели там и то, что германский посланник фон Саурма советовал Стурдзе прекратить кампанию в печати, вышедшую за все мыслимые рамки приличия. В том же духе подавал советы посланник в Петербурге Н. Крецулеску, — один из немногих в румынской элите, считавших необходимым поддерживать дружеские отношения с восточной соседкой⁶⁵.

Царь Александр Александрович был органически неспособен к восприятию любых проявлений демократии даже в ее ущемленном балканском варианте, а тем более ее излишеств. На полях депеш фигурируют ремарки, свидетельствующие о растущем недовольстве самодержца, переходившем в раздражение: «Это более смешно, чем грустно!», «Комедия!», «Сожалею бедного Крецулеску, который представляет собою такое жалкое и подлое правительство!». Проявления сочувствия к свергнутому болгарскому князю Баттенбергу еще больше способствовали росту монаршего раздражения (красочная помета: «Что за дрянь эти румыны!»)⁶⁶.

Существовало еще одно обстоятельство, заставлявшее правящий Петербург выходить из состояния равновесия. Румыния являлась своего рода перевалочной базой российских революционеров; здесь скапливались, а иногда и приживались беглецы из России (включая таких видных впоследствии участников румынского попоранистского (народнического) и социалистического движения как Н. П. Зубку-Кодряну, Н. К. Судзиловского-Руссея, К. Стере, З. Арборе-Ралли, К. Доброджану-Геря); через Румынию проходила одна из линий связи российской эмиграции с родиной и велась пересылка «подрывной» литературы. Много архивных дел посвящено слежке охранки за «нигилистами».

Нельзя сказать, чтобы румынские власти сквозь пальцы смотрели на подозрительную деятельность пришельцев. Напротив, за ними бдительно следили. После убийства Александра II парламент принял закон о нежелательных иностранцах, и шестеро эмигрантов было выслано в Константинополь⁶⁷. Но самодержавию этого было мало — «подрывное гнездо» не было выжжено и, под покровом конституции, провозгласившей свободу мысли и печати, российские революционеры продолжали, с точки зрения полиции, «плести свои козни» совсем близко от пределов империи. Особенно раздражали появлявшиеся в газ. «Телеграфул» корреспонденции из России, «несомненно, сфабрикованные в Бухаресте»⁶⁸. А редактором служил бывший русский народник Замфир Арборе-Ралли.

В 1888 г. И. Брэтиану вполне успешно сфальсифицировал результаты очередных выборов; однако чаша общественного терпения была переполнена. Консерваторы для борьбы с «визирем» использовали недовольство ремесленников и мелких торговцев, разоряемых крупной промышленностью, и вывели их на улицу. По Бухаресту прокатились шумные манифестации, правительство расправилось с их участниками, конные жандармы не раз открывали огонь. Король пришел к выводу, что с любимцем придется расстаться, и дал ему отставку, хотя из Берлина и Вены ему советовали «не пускаться в эксперименты с парламентскими партиями». Он заявил посланникам двух держав, что рассматривает формируемое консервативное правительство как переходное и, в случае чего (подразумевалось непослушание) «вышвырнет его за борт». В том же 1888 г. вспыхнуло восстание крестьянства, измученного малоземельем, изнуренного бедностью, приводившей в неурожайные годы к массовому голоду, задавленного тяжестью налогов и повинностей в пользу помещиков. Оно было жестоко подавлено. Большой кровью оплатило крестьянство свою попытку получить землю.

Грозные всполохи народного недовольства побудили «верхи» сплотиться вокруг трона. Да и в Вене и Берлине вежливо, но настойчиво сетовали на затянувшуюся «пассивность» Карла в вопросе о престолонаследии. Выбор семейства Гогенцоллернов пал на Фердинанда, племянника короля. В новое отечество тот не торопился, ссылаясь на необходимость завершить курс наук в Лейпцигском университете. Затем молодой принц оказался на юге Франции, в курортных Каннах, где отдыхал после трудов на поприще обучения. Оттуда он отправил письмо в Бухарест, благодаря за оказанную честь, а 1 мая 1889 г. пожаловал и сам. Незнакомому юноше были оказаны полагающиеся почести: на вокзале его встречали королевская чета, министры, депутаты и сенаторы, вдоль пути, по которому следовал кортеж, были выстроены войска, а город — празднично украшен. В миссиях Германии и Австро-Венгрии поздравили себя с окончанием затянувшихся хлопот; знали бы они, что через четверть века Фердинанда исключат из списка фамилии Гогенцоллернов за «измену», за то, что Румыния в первую мировую войну выступила на стороне Антанты и против Центральных держав!

А пока что печать всех направлений отмечала полное равнодушие в стране и сдержанность в политических кругах. Да и почему надо было радоваться появлению 25-летнего немца, не знакомого с Румынией, не знавшего ни ее языка, ни обычаев?

Король Карл обладал импозантной внешностью, сильной волей и опытом в государственных делах. Фердинанд же, после перене-

сенного тифа, здоровьем не отличался, был невзрачен; на одном из смотров его угораздило свалиться с коня, что произвело самое дурное впечатление. Что он искренно стремился слиться с принявшей его страной и проникнуться, в своем понимании, ее интересами, ускользало от внимания общественности. А что он серьезно увлекался ботаникой, был ценителем поэзии, включая восточную, знал много языков, включая иврит, — так это оставалось тайной за семью печатями. Даже его увлечение Еленой из известной своими деяниями на поприще культуры семьи Вакареску свидетельствовало о своего рода утонченности вкуса⁶⁹ (что, впрочем, не мешало Фердинанду всерьез толковать чуть ли не о каждой пуговице на мундире).

Дядя и тетка (больше даже тетка, королева Елизавета) спешили подыскать принцу невесту. Поползли слухи о возможности его брака с великой княжной Ксенией, дочерью Александра III. В Вене встревожились и поспешили отвлечь румынский королевский дом от столь «опасного» шага. Королева Елизавета отправилась в Лондон и здесь присмотрела супругу наследнику в лице красавицы Марии, внучки королевы Виктории, дочери герцога Эдинбургского. Что Мария по материнской линии приходилась внучкой Александру II, как-то просмотрели, а что она англичанка по культуре и симпатиям, в том числе политическим, и вовсе не заметили.

Консерваторы, оттеснившие в 1888 г. Брэттиану от власти, взяли в свои руки бразды правления на восемь лет. У короля не было ни малейших причин «вышвыривать их за борт», — во внутренней политике они избегали всяких «опасных экспериментов», чем порой грешили либералы, во внешней — приняли эстафету ориентации на Германию и Австро-Венгрию. Король ощущал себя здесь хозяином и не считал нужным разглашать секрет о наличии союза даже тем, кому по должности то ведать надлежало. Так, министр иностранных дел А. Лаховари заверял парламент (1890 год): «Румыния симпатизирует политике мира, осуществляемой Тройственным союзом, но не совершала шагов к заключению особого и формального союза с указанной конфедерацией держав»⁷⁰.

Другой случай, не то забавный, не то нелепый, произошел в 1891 г. с премьером очередного правительства, ген. Г. Ману: Г. Кальноки, заговорив с ним о желательности продления союза на очередной срок, обнаружил, что собеседник вообще не знает о существовании такого⁷¹.

Тем не менее договор перезаключался. Союз становился как бы делом короля. В условиях относительной стабилизации обстановки на Балканах (о чем свидетельствовала австро-русская договоренность 1897 г. о сохранении в регионе *status quo*) казус фёдерис не

маячил даже на горизонте: общественность начала забывать о тесных узах, связывавших Румынию с соседом за Карпатами. В страну мощно вторгнулся германский капитал *, что, конечно, ощущалось и в сфере политики.

В 90-е гг. в противовес блоку Центральных держав оформился франко-русский союз. Время безоговорочного преобладания австро-германской группировки на континенте подходило к завершению. На смену опытному Бисмарку и осторожному старцу Вильгельму, воспитанному в традициях дружбы с российским двором, пришли политики иной формации, взбалмошный Вильгельм II и канцлер Л. Каприви. Этот кавалерийский генерал проделал удивительную карьеру: сперва его назначили на пост морского министра, затем, сочтя, вероятно, мастером на все руки, посадили в кресло руководителя внешнеполитического ведомства. Здесь он зарекомендовал себя, в отличие от сторонника «запутанных комбинаций» Бисмарка, поборником «ясной» и определенной политики, и вместе с начальником генштаба фельдмаршалом А. Вальдерзее стал готовиться к войне на два фронта, признанной неизбежной.

В отношениях с Румынией роли как бы переменялись: теперь уже не она стучалась в берлинские двери, а посланники держав Центра хлопотали о продлении союза, — румынские войска должны были прикрывать южный фланг их Восточного фронта. В Румынии же все чаще раздавались голоса (в том числе и в парламенте) против односторонней внешней ориентации. Ощущение обиды на Россию, столь острое в 1878 и последующие годы, если не забылось, то притупилось. Реваншистские замыслы относительно Бессарабии обернулись мифом. И, главное, румынская буржуазия привыкла делать ставку на сильного и действовать наверняка. Мрачной тучей над отношениями с Австро-Венгрией нависала проблема трансильванских румын. Венгерское правительство последовательно проводило политику мадьяризации. По закону 1883 г. во всех румынских (как и других национальных) школах в качестве обязательных предметов вводились венгерский язык и литература, которыми обязаны были владеть учителя. Эта мера подлила масла в огонь недовольства, вызванного оттеснением румын на задворки политической жизни, неравным представительством в законодательном собрании, затруднениями с допуском к административным должностям. Во главе движения протеста встала Национальная партия, а его рупором стала газета «Трибуна». В Бухаресте студенты, выходцы из Трансильвании, основали «Лигу культурного единства всех румын», дея-

* Об этом см. в соответствующих разделах книги.

тельность которой воспринималась в Будапеште как вмешательство во внутривенгерские дела.

В 1892 г. был подготовлен «Меморандум» трансильванских румын с подробным перечислением переживаемых ими обид и притеснений, разоблачением несправедливого характера избирательного закона, многочисленных злоупотреблений при выборах и требованием полного национального равноправия для румын. Представительная, в 300 человек, делегация отправилась в Вену на прием к императору. Беседовать с ними Франц-Иосиф отказался. В нашумевшем «меморандум процессе» венгерский суд приговорил 13 делегатов к тюремному заключению. Вопиющая несправедливость и суда, и приговора вызвала критические отзывы во многих странах. Румынская общественность хлопотала — бурные уличные демонстрации, выступления в прессе и парламенте сменяли друг друга. Король не дрогнул и даже заслужил комплимент со стороны Кальноки за то, что его правительство отказалось от вмешательства в трансильванские дела.

Несколько смягчило обстановку окончание «таможенной войны» и переход Румынии и Австро-Венгрии к нормальным коммерческим отношениям после подписания в 1893 г. торгового соглашения. Сотрудничество по линии военно-политической продолжалось, хотя было ясно, что противоречия внутри союза обострились до степени, делавшей его непродуктивным. Тем не менее было приступлено к сооружению системы укреплений по линии Фокшаны—Намалоаса, обращенной лицом к России, хотя объединительные устремления румын были направлены в сторону Трансильвании и Баната. Но, очевидно, внешняя политика имеет свои инерционные законы. До сотрудничества с Россией, падающего на время Первой мировой войны, было еще бесконечно далеко.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Iorga N. Politica externa a regelui Carel I. Buc., 1991. P. 317.*
- ² Проблемы истории Румынии. Кишинев, 1988. С. 166.
- ³ Международные отношения на Балканах 1856—1878. М., 1986. С. 381—382. Напоминаем, что данная работа является частью серии трудов, посвященных Восточному вопросу и международным отношениям в Юго-Восточной Европе.
- ⁴ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1877. Д. 17. Л. 49.
- ⁵ *Istoria parlamentului și a vieții parlamentare în România pîna la 1918. Buc., 1983. P. 250.*

- 6 *Independența României*. IV. Buc., 1978. P. 356.
- 7 *Journal de Saint Petersburg*, 16(28).III.1878.
- 8 Поскольку речь в телеграмме шла также о коварстве англичан и австрийцев, резкое выражение царя можно отнести ко всем.
- 9 *Зеленчук В. С.* Население Бессарабии в XIX веке. Кишинев, 1979. С. 164.
- 10 *Kretzulesco N.* Reflexions sur la retrocession des trois distric de la Bessarabie. Buc., 1878. P. 11–12.
- 11 *Iorga N.* *Politica externa...* P. 289.
- 12 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 15. Л. 213.
- 13 *Iorga N.* *Politica externa...* P. 141.
- 14 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 15. Л. 141.
- 15 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 15. Л. 67.
- 16 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1878. Д. 15. Л. 157.
- 17 *Ciachir N.* Rasbolui pentru independența României în contextul european. Buc., 1978. P. 289.
- 18 Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. С. 201.
- 19 *Studii și referate de istorie moderna*. VI. Buc., 1979. P. 33, 35.
- 20 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* *România și Tripla Alianța 1878–1914*. Buc., 1979. P. 33, 35.
- 21 Проблемы истории Румынии... С. 154.
- 22 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* *Op. cit.* P. 85.
- 23 *Rădulescu-Zoner Ș.* *Poziția internațională a României după Congresul de la Berlin* // *Studii și referate de istorie moderna*. VI. Buc., 1979.
- 24 *Азаки А. С.* Присоединение Румынии к Тройственному союзу // Проблемы истории Румынии... С. 103.
- 25 *România în relațiile internaționale*. Iași, 1980. P. 305, 312–313.
- 26 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* *Op. cit.* P. 31, 96.
- 27 *Ibid.* P. 96.
- 28 *Ibid.* P. 98–99.
- 29 *Ibid.* P. 101.
- 30 Проблемы истории Румынии... С. 103.
- 31 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* *Op. cit.* P. 30.
- 32 *Ibid.* P. 92.
- 33 *Ibid.* P. 109–112.

- 34 Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. Berlin, 1926. В. 3. № 583. С. 263.
- 35 Ibid. В. 3. № 584. С. 264.
- 36 Ibid. В. 3. № 585. С. 266.
- 37 *Ерусалимский А. С.* Бисмарк. Дипломатия. Империализм. М., 1968. С. 202.
- 38 Die Grosse Politik... В. 3. № 588. С. 274.
- 39 *Ерусалимский А. С.* Бисмарк... С. 203.
- 40 Die Grosse Politik... В. 3. № 592. С. 277.
- 41 Országos leveltar. Filmtar № 1460 (Будапешт).
- 42 Die Grosse Politik... В. 3. С. 269.
- 43 Ibid. № 598. С. 281–282.
- 44 *Ерусалимский А. С.* Бисмарк... С. 203.
- 45 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1883. Д. 15. Л. 31.
- 46 АВПРИ. Отчет МИД за 1883 г. (микрофиши)
- 47 АВПРИ. Отчет МИД за 1883 г. (микрофиши)
- 48 АВПРИ. Ф. Политархив, 1884. Д. 612. Л. 13–14.
- 49 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1884. Д. 612. Л. 13.
- 50 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1883. Д. 15. Л. 32.
- 51 Там же. 1884. Д. 612. Л. 104.
- 52 АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Л. 34.
- 53 L'Independence roumaine. 12(27).08.1886.
- 54 АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Д. 318. Л. 301.
- 55 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ş.* Op. cit. P. 301.
- 56 Ibid. P. 140.
- 57 Ibid. P. 148.
- 58 *Ciachir N.* România și Țările balcanice 1878–1900 // Revista de istorie. 1980. № 2. P. 341–342.
- 59 АВПРИ. Ф. Политархив. 1886. Д. 318. Л. 41.
- 60 Там же. 1884. Д. 612. Л. 24.
- 61 *Bibesco G.* La reforme. Buc., 1884. P. 3.
- 62 АВПРИ. Ф. Политархив, 1884. Д. 612. Л. 24–26.
- 63 Там же. Л. 34.
- 64 Там же. Л. 103, 126.
- 65 Там же. Л. 53–54.
- 66 Там же. 1883. Д. 621. Л. 64.

- 67 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 57.
- 68 *Diamandi Șt. Galeria oamenilor politici.* Вус., 1993. P. 6–7; *Ерещенко М. Д.* Король Фердинанд // *Пленники национальной идеи.* М., 1993.
- 69 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 179.
- 70 *Ibid.* P. 184.
- 71 *Ibid.* P. 193.

СЕРБИЯ ПРИ ОБРЕНОВИЧАХ

Правовое положение балканских государств в рассматриваемый период было закреплено нормами Берлинского трактата 1878 г. Согласно данному документу, независимость Сербии получила свое юридическое закрепление и международное признание, а ее территория существенно увеличилась (наиболее важным приобретением для сербов был город Ниш), однако многие проблемы оставались неурегулированными. Оккупация Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины привела к тому, что Княжество с трех сторон оказалось окруженным ее владениями, что — наряду с отсутствием собственного морского порта — объективно способствовало экономической зависимости Сербии (основной экспорт которой составляли продукты сельского хозяйства, и в первую очередь, свиноводства) от монархии Габсбургов. Кроме того, правящие круги Сербии, и в особенности князь Милан Обренович, находились под сильным негативным впечатлением от попыток России на протяжении Великого восточного кризиса 1875—78 гг. добиться образования и международного признания сильного болгарского государства, призванного играть ту ключевую роль на Балканах, которая в их представлении была напрямую связана исключительно с Сербией. Однако ситуация вокруг будущей экономической и политической ориентации Белграда была далеко не однозначной. Проавстрийские симпатии Милана и его окружения и их стремление развивать тесные хозяйственные и торговые отношения с Веней встречали серьезное противодействие как со стороны либерального правительства Й. Ристича, симпатизировавшего Санкт-Петербургу и опасавшегося, в частности, что реализация запроектированного промышленными и финансовыми кругами плана железнодорожного строительства на Балканах и, в частности, в Сербии, ляжет тяжелым бременем на плечи сербского крестьянства, так и широких слоев сербского населения, уязвленного австро-венгерской оккупацией Боснии и Герцеговины. Антиавстрийские настроения в Сербии умело подогревались российскими представителями, а также торговой политикой Великобритании, на долю которой приходилась одна треть сербского импорта и которая укрепила свои экономические (и, соответственно, политические) позиции в Княжестве в результате подписания в январе 1880 г. англо-сербского торгового договора. В ходе сербо-авст-

рижских торговых переговоров в том же 1880 г. по вопросам экономических взаимоотношений между двумя странами Ристич — пользовавшийся популярностью в широких слоях сербского населения за свои антитурецкие и пророссийские взгляды, а также несомненный вклад в укрепление международных позиций Сербии¹ — занял решительную позицию, отстаивая экономические интересы своей страны, которые могли быть поставлены под угрозу протекционистскими таможенными тарифами Дунайской монархии.

Позиция главы сербского кабинета вызвала недовольство как австро-венгерской стороны — пригрозившей Белграду экономической блокадой, — так и князя Милана, который обвинил Ристича в антиавстрийских настроениях. В результате летом 1880 г. австро-венгерское правительство достигло с Миланом принципиальной договоренности относительно первоочередного сооружения железнодорожной линии, связывающей Белград с территорией Венгрии — по сравнению с аналогичной линией до Салоник, призванной служить исключительно интересам британской торговли².

Отставка Ристича в октябре 1880 г. и приход к власти партии прогрессистов³ (главой которых являлся сам Милан Обренович) явились, безусловно, фактором, способствовавшим поступательному развитию сербо-австрийских отношений в экономической области. Было заключено соглашение о постройке железнодорожных линий при участии австрийского капитала (предварительная договоренность о которой была достигнута еще в ходе Берлинского конгресса), а также подписан (6 июня 1881 г.) сербо-австрийский торговый договор, предоставлявший таможенные льготы сербскому сельскохозяйственному экспорту в монархию Габсбургов и открывавший сербский рынок для товаров австро-венгерской легкой индустрии⁴.

Вслед за торговым, 28 июня 1881 г. между двумя странами был подписан секретный политический договор, детали которого стороны обговорили в ходе визита князя Милана в Вену в июне 1881 г., стремившегося получить дипломатическую опору в условиях проболгарской ориентации России и обострения отношений Княжества с его балканскими соседями вокруг будущего раздела Македонии.

В результате заключения данного договора Сербия заручилась поддержкой своих планов территориального расширения в южном направлении («в направлении долины Вардара»⁵ — т. е. в Македонии) взамен своего отказа от претензий на Боснию и Герцеговину, а также Ново-Пазарский санджак. Сербия взяла на себя обязательство пресекать любую антиавстрийскую пропаганду на своей территории, а также не заключать соглашений с другими государствами

без предварительного одобрения Австро-Венгрии (статья 4) ⁶. Внешнеполитические прерогативы страны были тем самым урезаны. Кроме того, Милан получил поддержку своей династии, а также планов провозглашения Княжества Королевством, что и было им осуществлено 6 марта 1882 г., после того как Австро-Венгрия убедила другие великие державы одобрить этот шаг на европейском уровне ⁷.

Безусловно, ряд положений секретной австро-сербской конвенции не мог вызвать энтузиазма не только среди широких слоев сербского населения (которое о ней предусмотрительно не было оповещено), но даже и со стороны тех министров, которые владели — да и то не в полном объеме — информацией о ее содержании. Новый глава кабинета М. Пирочанац в своих переговорах с заместителем министра иностранных дел монархии Габсбургов Б. Каллаи прямо поставил вопрос о толковании наиболее сомнительной для сербов четвертой статьи документа и о подписании специального дополнения к основному тексту конвенции. В результате стороны приняли решение рассматривать ее положения лишь как обязательство сербской стороны не заключать каких-либо международных соглашений, идущих вразрез с нормами рассматриваемого соглашения; что, однако, отнюдь не могло изменить ее основной сути ⁸.

Тем не менее устойчивость позиций Австро-Венгрии в Сербии по-прежнему зависела от прочности положения Милана, поскольку договор не имел глубоких корней в сербском общественном мнении, а пропагандистские усилия Австро-Венгрии среди сербского населения не могли соперничать с аналогичной деятельностью России. Большинство населения Сербии относилось к австро-сербскому соглашению как к противоречащему национальным интересам, и их чувства позднее достаточно адекватно (хотя и в значительной степени греша против исторической правды) выразил будущий король Петр Карагеоргиевич: «Свобода не может и не должна процветать под сенью Австрии по причине феодального характера государства. Австрия устроила все по своему усмотрению в период правления Обреновичей. Сербия сделалась простым данником Австрии. Она полностью перестала быть свободной. По договору 1881 г. она отказалась от всех своих прав» ⁹.

Даже развитие сербо-австрийских экономических связей встречало серьезную оппозицию в Венгрии, считавшей продукцию сербского сельского хозяйства опасным конкурентом на рынке монархии. Сербские официальные лица подчеркивали, что в условиях отсутствия «единомыслия между Австрией и Венгрией по экономическим вопросам» трудно давать позитивные оценки перспективам австро-сербских отношений в экономической области ¹⁰.

Хотя общественное мнение Сербии и не было информировано о сербо-австрийской конвенции (ее содержание стало известно лишь в 1893 г.), общая проавстрийская ориентация Милана вызвала в стране серьезное недовольство. В октябре 1881 г. в Герцеговине вспыхнуло крупное восстание, вызванное введением австро-венгерскими властями в оккупированных провинциях воинской обязанности и подавленное лишь спустя четыре месяца ценой значительных усилий австро-венгерской армии. Данное событие не могло не сказаться негативно на сербо-австрийских отношениях. Для австро-венгерского руководства стало очевидно, что добиться реальной нормализации ситуации в Боснии и Герцеговине невозможно при сохранении над ними формального суверенитета Османской империи. Веней был подготовлен проект закона об аннексии обеих провинций; однако его принятие не состоялось, в первую очередь, вследствие противодействия венгерских политических кругов, негативно относившихся к планам присоединения и юридического закрепления новых областей со славянским населением, ибо они могли поставить под угрозу внутривосточный баланс Австро-Венгрии (в которой Венгрии принадлежала существенная роль) и, соответственно, привести к пересмотру основ конституционного строя монархии и постепенному переходу к триалистической модели построения государства — что также нанесло бы серьезный удар по статусу и роли Будапешта. Кроме того, сербский князь недвусмысленно дал понять главе внешнеполитического ведомства Дунайской монархии, что, хотя лично он и не имеет ничего против аннексии Боснии и Герцеговины, данный шаг неминуемо вызовет взрыв возмущения в Сербии, могущий поставить под угрозу правление как его самого, так и судьбу династии Обреновичей в целом. При этом сербский монарх подчеркнул, что хотя российское правительство и было связано определенными обязательствами в отношении Австро-Венгрии, общественное мнение России также встретило бы аннексию крайне отрицательно и могло побудить официальный Санкт-Петербург форсировать объединение двух болгарских государственных образований (Болгарского княжества и Восточной Румелии) под российским контролем с тем, чтобы поддержать престиж Российской империи и ее позиций на Балканах путем образования здесь крупного единого болгарского государства, способного играть ключевую роль в балканских делах по сравнению с проавстрийски ориентированной Сербией.

Со своей стороны Милан не поддержал боснийских повстанцев, а также участников акций солидарности в балканских столицах, Венгрии и Ново-Пазарском санджаке. Что же касается антиавст-

рийских демонстраций в самой Сербии, то они были прямо пресечены властями Белграда.

Столкновение двух принципиальных внешнеполитических ориентаций страны — на Австро-Венгрию и Россию — дополнялось персональным противостоянием по линии как двух династий в самой Сербии (по сути, олицетворявших оба вышеуказанных направления), так и правящих династий двух югославянских государств — Сербии и Черногории — которые обе претендовали на роль исторического флага сербской идеи. В этих условиях черногорский правитель Никола уловил подспудные настроения широких слоев сербского населения и продемонстрировал свое недоверие по отношению к Милану и в его лице всей династии Обреновичей, выдав одну из своих дочерей замуж за Петра Карагеоргиевича — героя недавнего восстания в Герцеговине и будущего правителя Сербии.

В июне 1882 г. банкротство парижского банка Женераль Юньон, который должен был финансировать строительство железнодорожных линий, нанесло сильный удар по экономике Сербии, так как означало для страны потерю 35 миллионов франков — что превышало размеры совокупного государственного бюджета — и вызвало серьезный внутривластный кризис, затронувший не только министров, но и самого Милана. К этому же году относится и конфликт в церковной области. Правительство приняло решение сместить митрополита Михайло, однако его преемник не получил поддержки со стороны части сербского клира; и в результате в стране сосуществовали, находясь во враждебных отношениях, «старая» и «новая» церковные иерархии.

Хотя молодой, прекрасно образованный и интеллектуально одаренный Милан Обренович продолжал пользоваться достаточной поддержкой внутри страны, ему не удалось нормализовать ситуацию одними политическими методами. После роспуска парламента и неудачного покушения на жизнь короля в 1883 г. в Тимокском крае вспыхнуло крупное восстание из-за отказа крестьян сдать находившееся у них оружие. На подавление выступления Белграду пришлось бросить крупные вооруженные соединения. Данное событие имело серьезные последствия для внутривластной жизни страны, ибо восстание поддерживалось Сербской радикальной партией (образование которой было юридически оформлено в январе 1881 г.) во главе с Николой Пашичем, выступавшей за смену династии. Два десятка повстанцев были казнены по приговору военно-полевого суда. Смертный приговор был вынесен и в отношении Пашича, которому пришлось покинуть страну. В результате армия стала играть роль одной из важнейших опор королевского трона.

Понимая неустойчивость своего положения внутри страны, Милан Обренович летом 1885 г. обратился к Вене с предложением дополнить сербо-австрийский договор положением, предусматривавшим возможность его отречения от престола и последующую оккупацию Королевства австро-венгерской армией в обмен на предоставление ему монархией пенсионного содержания. Однако министр иностранных дел Г. Кальноки, заинтересованный прежде всего в стабильности, решительно отклонил эту экстравагантную идею, заявив, что для интересов монархии предпочтительнее сохранение в Сербии, являвшейся «ключом к позиции монархии на Ближнем Востоке», дружественно настроенного по отношению к ней режима¹¹. По словам министра, «процветающая и независимая Сербия в дружественных отношениях с нами максимально отвечает нашим... намерениям — по крайней мере лучше, чем обладание непокорной провинцией»; если же Австро-Венгрия выпустит Белград из-под своего контроля, этим немедленно воспользуется Россия, и «то моральное окружение ведущей славянской Державой, которое всегда будет оставаться главной опасностью для Австро-Венгрии, будет тогда простираться от Черногории до берегов Вислы; Австро-Венгрия будет отсечена от Ближнего Востока»¹².

18 сентября 1885 г. произошел переворот в Восточной Румелии, в результате которого болгарский князь Александр Баттенберг провозгласил объединение обоих государственных образований и создание единого болгарского государства (см. раздел о Болгарии)¹³. Этот шаг вызвал серьезное обострение общеевропейской ситуации и, в частности, оказал непосредственное влияние и на положение Сербии, и на сербо-австрийские отношения. Первая реакция Вены показала ее глубокую озабоченность по поводу дальнейшего развития событий. Как император Франц-Иосиф, так и министр иностранных дел Кальноки подозревали Россию в подготовке переворота с целью образования на Балканах крупного болгарского государства. Одновременно австрийский император опасался выдвижения правительствами Сербии и Румынии собственных территориальных требований в порядке компенсации за нарушение status quo на Балканах, особенно в случае обострения ситуации в Македонии. Это создало бы серьезные осложнения для монархии Габсбургов, вынужденной в подобных обстоятельствах поддержать претензии Белграда и Бухареста, которые, как отмечал Франц-Иосиф в своем послании министру иностранных дел, «мы должны любой ценой держать в сфере нашего влияния и в хороших отношениях с нами»¹⁴.

Однако уже 4 октября 1885 г. российское правительство осудило акцию, предпринятую Александром Баттенбергом, и потребовало

от него аннулировать свое решение. Предложение Санкт-Петербурга, доведенное до сведения других великих держав, включало в себя проведение международной конференции в Константинополе и сообщение Александру (через специального делегата) единогласного решения европейских столиц в вышеуказанном смысле. Вторым шагом — в случае отказа болгарского правителя пойти навстречу воле Европы — должно было, по мнению Санкт-Петербурга, стать заявление, что великие державы более не могут «предохранять болгар от последствий их собственных действий»¹⁵, после чего они должны были заключить соглашение с Османской империей о возможных военных акциях. Наконец, третьим шагом, согласно российскому плану, должен был стать пересмотр тех положений Берлинского трактата, которые имели отношение к Восточной Румелии.

Обращение российского правительства было поддержано Германией и Австро-Венгрией, продемонстрировавшими тем самым единство мнений в Союзе трех императоров по данному вопросу. Для обсуждения сложившейся ситуации была созвана специальная конференция великих держав в Константинополе; однако отстоять незыблемость положений Берлинского трактата в том, что касалось Болгарии, не удалось вследствие, во-первых, негативной позиции Англии, блокировавшей все усилия Санкт-Петербурга, Берлина и Вены, и во вторых — из-за нежелания османских властей втягиваться в далеко идущий конфликт.

В ноябре 1885 г., после ряда вооруженных столкновений, имевших место на сербо-болгарской границе, Сербия осуществила военное нападение на Болгарию, стремясь своими силами достичь того, чего Союзу трех императоров не удалось добиться в Константинополе. О настроениях, господствовавших среди сербов в то время, дает представление даже следующая цитата из «Србобрана» — официального органа сербских самостальцев, издававшегося в Загребе: «Сербам сама судьба предначертала — поселив их в сердце Балкан — доминировать и в политическом, и в социальном смысле на данной территории, а их культура предоставляет на это полное право»¹⁶. Вооруженная акция Милана вызвала определенное смятение в Вене, опасавшейся возникновения кризиса в австро-российских отношениях. Однако основной поток критики Бальхаусплатца был направлен против Англии, которая не без оснований подозревалась в стремлении посорить между собой Австро-Венгрию и Россию¹⁷.

19 ноября 1885 г. Кальноки согласился с предложением российской стороны к великим державам предпринять совместные дипломатические шаги в Белграде с тем, чтобы остановить сербское наступление. Однако в тот же день болгарские войска нанесли сербам

тяжелое поражение на реке Сливница и сами вторглись на территорию Сербского княжества, заняв Пирот и вынудив Милана спешно обратиться к Австро-Венгрии за помощью. Кальноки направил 28 ноября австро-венгерского посланника в Белграде в штаб-квартиру Александра Баттенберга с настоятельным советом заключить перемирие и заявил, что он в своих беседах с болгарским монархом может использовать те доводы, которые сам сочтет нужным.

Дипломат недвусмысленно заявил ошеломленному Александру, что продолжение болгарского вторжения неизбежно вызовет революцию в Сербии, немедленную оккупацию этой страны Австро-Венгрией, последующее вторжение в Болгарию российских войск и смещение самого Баттенберга. Такие заявления вызвали недоумение и подозрения в Санкт-Петербурге и Берлине; однако Кальноки удалось погасить нарождавшийся дипломатический конфликт, заявив, что его представитель превысил данные ему инструкции.

3 марта 1886 г. в Бухаресте, при посредничестве Австро-Венгрии, был подписан мирный договор, основанный на принципе *status quo ante bellum*, между сербским королем Миланом Обреновичем с одной стороны и турецким султаном — как верховным правителем Болгарии — и болгарским князем с другой. В документе подчеркивалось, что «между Королевством Сербия и Княжеством Болгария устанавливается мир со дня подписания данного договора»¹⁸.

В условиях обострения ситуации в Сербии политическое содержание приобрела и личная жизнь короля Милана Обреновича, а именно его взаимоотношения с женой Наталией, являвшейся горячей сторонницей России, и инициировавшиеся Миланом многочисленные семейные скандалы. Объявленный королем 24 октября 1888 г. развод усилил оппозицию его власти, ибо отличавшаяся завидными внешними данными и решительным характером королева пользовалась поддержкой влиятельных кругов в стране.

В этих условиях король, опасавшийся, что Россия при поддержке его супруги может осуществить акцию по его отстранению от власти (наподобие того, как группа русофильски настроенных болгарских офицеров вынудила болгарского князя Александра отречься от престола в 1886 г.), принял решение в интересах укрепления своего положения пойти на сближение с Пашичем и возглавляемыми им радикалами (не поддержавшими военную акцию против Болгарии), осуществить реформу государственного управления, введя в действие новую конституцию. Уже 26 октября 1888 г. — через два дня после объявления о разводе — Милан Обренович обнародовал заявление о предстоящем созыве конституционной ассамблеи и образовании специальной комиссии из представителей

трех ведущих сербских политических партий — радикальной, либеральной и напредняцкой — для подготовки проекта основного закона страны.

Выборы в конституционную ассамблею принесли убедительную победу радикалам, завоевавшим 500 мест в ее составе (в сравнении с 79 мандатами у либералов и 1 у напредняков), а сам проект конституции включал в себя предложения самого Милана. Он имел целый ряд демократических черт; было значительно увеличено число граждан, обладающих избирательным правом; провозглашалась свобода личности, печати, союзов и собраний; правительство было ответственно перед скупщиной. Однако король сохранил за собой право назначать по своему усмотрению часть депутатов скупщины.

Конституционная ассамблея заседала с 21 декабря 1888 по 2 января 1889 г. и на своем последнем заседании одобрила конституцию «списком» и без обсуждения, а уже 6 марта того же года Милан Обренович, несмотря на возражения Вены, отрекся от престола в пользу своего тринадцатилетнего сына, до совершеннолетия которого власть должна была принадлежать Регентскому совету во главе со все тем же Й. Ристичем и с участием генералов Протича и Белимарковича ¹⁹.

После своего отречения Милан некоторое время продолжал оставаться в стране, предаваясь традиционным ссорам со своей разведенной супругой. Однако со временем им стала ясна пагубность подобных действий для стабильности государства, и после формального примирения экс-король и экс-королева покинули страну. Регентский совет позволил вернуться в Сербию Пашичу, и, проведя внутрипартийную реорганизацию, радикалы одержали убедительную победу на парламентских выборах, завоевав около восьмидесяти процентов голосов и сформировав правительство во главе с генералом Груичем. Определенную переориентацию в сторону России начала претерпевать и внешняя политика Королевства, свидетельством чего явилось, в частности, посещение Александром, Пашичем и Ристичем Санкт-Петербурга.

Австро-Венгрия немедленно нанесла ответный удар в самое уязвимое место Сербии — по ее экономике, введя ограничения на импорт сербской сельскохозяйственной продукции. Однако правящие круги обеих стран продолжали сохранять в тайне (вплоть до 1893 г.) смысл и содержание секретной конвенции; в Сербии она была известна лишь членам Регентского совета. В конечном итоге Австро-Венгрии удалось установить деловые отношения с Регентским советом и, главное, добиться продления срока действия сербо-австрийского договора на период до 1895 г. ²⁰.

Однако радикалам не удалось добиться существенного улучшения положения в стране. К тому же новое обострение внутриполитической ситуации было связано с внезапным возвращением в Белград сначала Наталии, а затем Милана — вопреки официальному запрету правительства. Это породило новое противостояние как в прессе, так и в политических кругах страны, разделившихся на два лагеря. В этих условиях Пашич решился на неожиданный шаг: за три миллиона франков (два из которых были получены непосредственно из королевской казны) он добился от экс-короля согласия на отказ от всех политических прав и даже сербского гражданства (последовавший 12 февраля 1892 г.) и, как следствие, его новую эмиграцию.

После смерти в 1892 г. одного из членов Регентского совета — генерала Протича — внутривнутриполитическая ситуация в стране обострилась. Скупщина должна была избрать его преемника, и ее состав не оставил сомнений относительно партийной принадлежности кандидата. В этих условиях, лидер либеральной партии Ристич (при поддержке со стороны Милана Обреновича) совершил в августе 1892 г. государственный переворот, сформировав правительство либералов во главе с Авакумовичем и Рибарацем, распустив скупщину и организовав кампанию преследований радикалов. Состоявшиеся выборы в скупщину принесли победу — хотя не такую убедительную, на какую они рассчитывали — либералам.

Тем временем повзрослевший Александр, которому оказались не по душе политические комбинации, решил взять инициативу в свои руки. 13 апреля 1893 г., семнадцати лет от роду, используя поддержку армии, он арестовал регентов и членов правительства во время устроенного им же торжественного приема, провозгласил себя совершеннолетним, сформировал коалиционное правительство с участием радикалов и напредняков во главе с Докичем (своим бывшим наставником) и королевским указом распустил скупщину.

21 января 1894 г., после отказа правительства продолжать выделение денежной субсидии бывшему монарху, Милан, несмотря на официальный запрет, вернулся в Белград, что повлекло за собой отставку кабинета и восстановление всех его гражданских прав по прямому указанию Александра.

21 мая 1894 г. сербский король заявил о прекращении действия недавно утвержденной конституции и вернул силу основному закону страны от 1869 г., одновременно организовав кампанию цензуры и преследований прессы.

На следующий год — в июле 1895 г. — формирование нового правительства было поручено одному из лидеров партии прогрес-

систов, Новаковичу. Однако внутривластный кризис в стране продолжался.

В октябре 1897 г. кабинет Новаковича подал в отставку, а в начале 1898 г. в страну возвратился Милан (в очередной раз уехавший из страны за три года до этого) и занял пост главнокомандующего сербской армией. Основным — и безусловно позитивным — итогом завершающего этапа политической биографии Милана Обреновича явилась успешная деятельность по реорганизации армии. Он заложил основы победоносной сербской военной машины, добившейся успеха в двух балканских войнах.

Однако его появление имело своим следствием кампанию преследования радикалов и пророссийски настроенных общественно-политических деятелей и движений, кульминацией которой явилась организация правительством в конце 1899 г. судебного процесса над лидерами радикалов, обвиненных в организации покушения против Милана в июле 1899 г.²¹ Сам процесс и, в частности, требование Милана о вынесении обвиняемым самого сурового приговора встретили негативную реакцию в Европе и, в первую очередь, в России (что понятно) и Австро-Венгрии, призвавших Белград проявить милосердие к обвиняемым. Санкт-Петербург отозвал своих дипломатических представителей из столицы Королевства и просил австро-венгерскую сторону предпринять самые решительные шаги против Милана Обреновича вплоть до его устранения с политической сцены. Однако австро-венгерский министр иностранных дел А. Голуховский отказался пойти на это. По его мнению, выполнение указанных требований представляло бы собой очевидное нарушение принципа невмешательства, содержащегося в австро-русском соглашении 1897 г.²² Кроме того, как неоднократно отмечал Голуховский в своих посланиях на имя А. Эренталя (дипломатического представителя Монархии в России), любое усиление позиций Санкт-Петербурга в Сербии — которое неизбежно явилось бы следствием предлагавшихся шагов — шло вразрез с принципиальными внешнеполитическими интересами монархии Габсбургов, а движение Вены в российском фарватере нанесло бы серьезный удар по ее престижу в других балканских столицах²³.

Находившееся у власти в Сербии в 1897–1900 гг. правительство Владана Джорджевича во внутренних делах стремилось достичь политической и финансовой стабильности. Во внешней политике оно продолжало ориентироваться на Австро-Венгрию, что усиливалось проавстрийской ориентацией Александра Обреновича. Его откровенные заявления о безусловной поддержке Сербии со стороны Вены подчас приводили в замешательство искушенных дипломатов

Бальхаусплатца, как это было, в частности, с его публичным заявлением в августе 1899 г., что «враги Сербии являются врагами Австро-Венгрии»²⁴.

Между тем король Александр в очередной раз шокировал общественное мнение Сербии, выбрав в качестве своей спутницы жизни Драгу Машин, служившую фрейлиной у его матери, бывшую на двенадцать лет старше его, и как женщина отличавшуюся отсутствием каких-либо ограничителей морального свойства. Ошеломленные отец и мать проявили редкостное единодушие в своем категорическом неприятии этой кандидатуры. Ответ Александра не заставил себя долго ждать. 5 августа 1900 г. он официально объявил о своей женитьбе. Этот шаг имел своим следствием падение кабинета и новую эмиграцию Милана и Наталии (Милан Обренович скончался в Вене в 1901 г. и был похоронен в Крушедолском монастыре в Среме²⁵). Против их сторонников была развернута широкая кампания по удалению последних из армии и органов государственного управления. Однако положение монарха оставалось непрочным, и радикалы использовали непопулярность среди населения новой королевы, завоевывая себе сторонников, и обличали на страницах европейской прессы «диктатуру королевских прихотей», установившуюся в Сербии²⁶.

Тем временем Россия решила использовать подходящий момент, чтобы укрепить свои позиции в Королевстве. Санкт-Петербург направил в Белград своего дипломатического представителя, который выступил свидетелем новобрачного и первым принес поздравления его жене. Спустя год после свадьбы короля Александра австро-венгерские дипломаты сообщали в Вену, что энергичный посланник России в Сербии Н. В. Чарыков по сути приобрел решающее влияние на Александра и наряду с этим налаживал конструктивные отношения с руководством Радикальной партии. Импульсивность и непоследовательность молодого короля давали о себе знать больше всего во внешнеполитических делах. Прежние заверения в своей искренней и вечной любви к Дунайской монархии оказались — как и предполагали стратеги Бальхаусплатца — забыты, и уже в 1902 г. Александр именовал Австро-Венгрию «заклятым врагом Сербии»²⁷.

Однако поворот внешнеполитической ориентации на сто семьдесят градусов — в направлении, более угодном сербскому общественному мнению — не привел к упрочению позиций самого Александра Обреновича. Неудачей окончились и попытки короля пойти на сближение с радикалами, используя, в частности, введение в действие в 1903 г. нового основного закона страны. Что же касается Австро-Венгрии, то на Бальхаусплатце отдавали себе ясный

отчет в том, что в случае падения династии Обреновичей и прихода к власти в Белграде пророссийски и панславистски настроенных кругов на повестку дня мог встать вопрос о политическом объединении Сербии и Черногории в качестве первого шага на пути образования сильного юго-славянского государства под эгидой Сербии — что несомненно имело бы негативные последствия для монархии Габсбургов. А. Голуховский утешался тем, что Сербия «благодаря географическому положению так зависит от нас финансово и экономически»²⁸.

В 1902 г. в районе Колубары вспыхнуло восстание против правления Александра Обреновича, участники которого обратили свои взоры к представителю династии Карагеоргиевичей Петру, способному, по их мнению, вернуть стране былое величие. В ответ Александр в апреле 1903 г. начал новую кампанию против радикалов, введя в стране военное положение, приостановив действие конституции и развернув преследования всех недовольных. Позднее он вновь объявил о введении конституционных основ, а также заверил сербский народ в своем стремлении руководствоваться в будущем исключительно интересами государства. Однако мало кто поверил этим посулам. В придворных кругах процветали интриги и доноительство, королеву подозревали в желании добиться от мужа передачи права престолонаследия ее брату, а любой, находившийся в оппозиции к королевскому дому, не мог чувствовать себя в безопасности.

Тем временем во внешнеполитической ориентации Сербии произошел очередной поворот. Решимость России придерживаться принципа сохранения status quo на Балканах побудила Александра — вынашивавшего планы раздела Македонии — в начале 1903 г. обратить свои взоры вновь на Вену. Он предложил императору Францу-Иосифу организовать двустороннюю встречу с тем, чтобы обсудить перспективы создания антиболгарской лиги в составе Сербии, Румынии и Османской империи. Однако Франц-Иосиф уже был сыт по горло непредсказуемыми метаниями сербского короля и отверг предложение о свидании, а Голуховский недвусмысленно заявил Белграду, что в сложившейся ситуации и Австро-Венгрия, и Россия одинаково заинтересованы в сохранении мира и спокойствия в регионе.

Через месяц после свадьбы Александр Обренович официально заявил о том, что его супруга (одного из братьев которой Александр сделал министром) собирается родить наследника. Однако его мать, зная, что ее бывшая фрейлина неспособна иметь детей, незадолго до ожидаемых родов направила к ней специально вызванного

из Санкт-Петербурга врача. Обман раскрылся, и волна возмущения прокатилась как по Сербии, так и за ее пределами.

Неудавшийся спектакль решил судьбу не только самого Александра и Драги, но и всей династии. В ночь с 10 на 11 июня 1903 г. сто двадцать заговорщиков из числа военных под руководством лейтенанта Димитриеви́ча-Аписа совершили государственный переворот, убив короля и королеву и выбросив их тела из окон дворца на мостовую. Вместе с ними также были убиты два брата королевы и два министра. Руководители европейских держав (и в первую очередь император Австро-Венгрии Франц-Иосиф) содрогнулись от ужаса, ибо жестокость заговорщиков была чрезмерной даже по балканским обычаям. Великие державы отозвали своих представителей из Белграда в знак протеста против совершенного кровопролития. К этим протестам присоединился также султан Османской империи Абдул-Хамид. Однако население самой Сербии не высказало особого сожаления по поводу бесславной кончины последнего представителя династии Обреновичей.

В первый момент после переворота Россия доверительно предложила Австро-Венгрии предпринять необходимые шаги — в том числе и военного характера — в целях восстановления законности и порядка в стране. Однако в Вене воцарились благодушные настроения. Осведомители заверяли правительство в том, что «у нас есть все основания верить в австрофильские чувства» нового сербского короля Петра Карагеоргиевича, который родился в Венгрии, был сыном отличавшегося ярко выраженными проавстрийскими симпатиями Александра Карагеоргиевича и неустанно заверял окружающих в его любви и признательности к своей родине ²⁹.

Кроме того, по мнению австро-венгерского руководства, для возможной интервенции должен был существовать благовидный предлог, и в данном случае лозунг восстановления общественного порядка — которому ничто не угрожало — явно не подходил. При этом сами военные приготовления или возможный ультиматум монархии Габсбургов мог привести к возникновению внутривнутриполитического кризиса в Сербии, в результате которого щекотливый как для Сербии, так и для Черногории вопрос правящей династии мог быть пересмотрен и к власти вместо Петра Карагеоргиевича пришел бы черногорский князь Никола Петрович с одновременным политическим объединением двух юго-славянских государств — далеко не лучшее решение для Бальхаусплатца!

Проанализировав все вышеперечисленные обстоятельства, Австро-Венгрия приняла решение проявить сдержанность и первой

из великих держав признала нового сербского монарха, направив ему официальные поздравления. Следом это сделала и Россия.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Одним из важнейших достижений в этом плане явилось также провозглашение в октябре 1879 г. независимости сербской национальной церкви.
- ² Однако и в этом вопросе сторонам приходилось преодолевать серьезные трудности. Так, подписанное сторонами еще в апреле 1880 г. предварительное соглашение о строительстве железнодорожной линии от Белграда на Ниш и Вранье (на границе с Османской империей) не удавалось ввести в действие вследствие различных экономических интересов сторон, и, в частности, отказа венгерских производителей зерна пропускать конкурирующий сербский хлеб на территорию монархии.
- ³ После отставки Ристича Милан поручил формирование нового кабинета одному из лидеров оппозиции Пирочанцу, а состоявшиеся в декабре 1880 г. выборы в скупшину завершились победой оппозиционных партий.
- ⁴ *Palotas E.* Az Osztrák-Magyar Monarchia balkáni politikája a berlini kongresszus után 1878–1881. Akadémiai Kiadó. Budapest, 1982. F. 255–256.
- ⁵ Цит. по: *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. Jovanovich Harcourt Brace. New York and London, 1976. P. 273.
- ⁶ Последнее обстоятельство было охарактеризовано министром иностранных дел Австро-Венгрии Х. Хаймерле как «наше наивысшее достижение» — *Bridge F. R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990. P. 146; Подробнее см.: *Pribram A. F.* Milan IV von Serbien und die Geheimverträge Oesterreich-Ungarns mit Serbien, 1881–9 // *Historische Blätter.* 1921.
- ⁷ *Castellan G.* History of the Balkans from Mohammed the Conqueror to Stalin. East European Monographs. Boulder. New York, 1992. P. 330. Секретная военная конвенция была заключена на срок до 1889 г. и подписана за Сербию также одним из самых талантливых и порядочных государственных деятелей страны — министром иностранных дел Чедо Миятовичем.
- ⁸ *Jovanovic S.* Vlada Milana Obrenovica. II. Beograd, 1934. S. 333–350; *Понов Ч.* Немирне године и везивање за Аустро-Угарску // *Историја српског народа.* Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 50–62.
- ⁹ Цит. по: *Petrovich M. B.* A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. Jovanovich Harcourt Brace. New York and London, 1976. P. 274.
- ¹⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд Политархив (ПА). Оп. 482. Д. 2086. Л. 210. Это дало основания венгерскому историку И. Диосеги рассматривать экономические интересы Венгрии (наряду с политическими) в качестве одной из важнейших предпосылок внешней политики Австро-Венгрии. Что же касается подхода венгерских политических кругов к оценке внешнеполитического курса Бальхаусплатца, то, по

словам Диосеги, он определялся двумя основными предпосылками: их антироссийской позицией, а также стремлением сохранить внутренний status quo, установленный австро-венгерским соглашением 1867 г. — См.: Die Habsburgermonarchie, 1848–1918. Band 6. Die Habsburgermonarchie im System der internationalen Beziehungen. Oesterreichische Akademie der Wissenschaften. Vienna, 1989.

- 11 Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Politisches Archiv, I/456.
- 12 Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Politisches Archiv, I/456.
- 13 О предыстории болгарского кризиса см., например, доклад венгерского историка И. Диосеги на международной научной конференции, посвященной проблемам народно-освободительных движений в Юго-Восточной Европе в XIX в., состоявшейся в Вене в марте 1988 г. (Nationalreodutionare Bewegungen in Süd-Osteuropa im 19. Jahrhundert & Verlag für Geschichte und Politik, R. Oldenburg Verlag. Wien; Munchen, 1992).
- 14 Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Politisches Archiv, XL/55.
- 15 Цит. по: Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements, 1806–1914. Cambridge University Press. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1991. P. 186.
- 16 Srbobran, 1885, 27.10.
- 17 В политических кругах Дунайской монархии отдавали себе отчет в истинной позиции Лондона. Как отмечал в своем донесении австро-венгерский посол в Санкт-Петербурге, Англия представляла собой более опасного противника для позиций Австро-Венгрии на Ближнем Востоке, нежели Россия, так как «она борется за ликвидацию нашей торговли» — Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Aehrenthal MSS, Karton 4.
- 18 Цит. по: Skakun M. Balkan i velike sile. Beograd, 1986. S. 277. Однако сербская пропаганда отнюдь не склонна была рассматривать результаты данной войны как свое поражение. Например, в увидевшей свет в 1915 г. в Нише книге известного сербского публициста Тодора Станковича «Записки о Старой Сербии — Македонии» (представлявшей собой, по мнению автора, южную часть Старой Сербии, названной болгарями Македонией по пропагандистским соображениям) утверждалось, что «Болгария, посредством доносов турецким властям, отправила на виселицы и в тюрьмы большое количество сербских священников, учителей и народных лидеров. И только вследствие этого и занятой ею преступной позиции, а не только из-за Восточной Румелии, вспыхнула сербо-болгарская война 1885 года. Пловдивский инцидент был только катализатором указанной войны.

И хотя Сербия вступила в войну с малочисленной армией, которую болгарская армия по численности превосходила в два с половиной раза, и хотя при заключении мира эта война была отмечена как война, в которой не было ни побежденного, ни победителя, тем не менее, болгары без стыда и совести хвастались какой-то своей «победой на Сливнице!» — Станкович Т. Белешке о Старой Србији — Македонији. Државна Штампарија Краљ. Србије. Ниш, 1915. С. 59–60. Характерно, что единственной сербской газетой, издававшейся за пределами Княжества и поддержавшей нападение

- Сербии на Болгарию, оказался уже знакомый нам «Србобран», который, впрочем, по данному вопросу в первый и последний раз солидаризировался с внешнеполитическим курсом Милана Обреновича, который подвергался на страницах издания беспощадной критике «без всякого выбора выражений» за его проавстрийскую ориентацию — *Artukovic M. Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884–1902). Naprijed. Zagreb, 1991. S. 201.*
- 19 Историк М. Б. Петрович дает следующую справедливую характеристику Милану Обреновичу в своей капитальной двухтомной монографии «Новая история Сербии»: «Он (Милан. — П. И.) описывался как человек, во всем подчинявшийся Вене, но настоящей Веней, которая его подчиняла, была не Вена Бальхаусплатца, а Вена кафе и музыкальных салонов. Его неискоренимая любовь к удовольствиям испортила его намного выше среднего уровня интеллект и нанесла большой ущерб его стране» — цит. по: *Petrovich M. B. A History of Modern Serbia 1804–1918. Vol. 2. Jovanovich Harcourt Brace. New York and London, 1976. P. 274.*
- 20 *Castellan G. History of the Balkans from Mohammed the Conqueror to Stalin. East European Monographs. Boulder. New York, 1992. P. 330–331.*
- 21 В ходе этого процесса лидер сербских радикалов, стремясь добиться смягчения своей участи, обрушился к нападками и обвинениями на своих коллег по партии, вызвав тем самым жесткую критику в свой адрес со стороны ряда сербских изданий и общественно-политических сил — *Artukovic M. Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884–1902). Naprijed. Zagreb, 1991. S. 202.*
- 22 Данное соглашение было оформлено путем обмена письмами между министрами иностранных дел Австро-Венгрии А. Голуховским (8 мая 1897 г.) и России М. Н. Муравьевым (17 мая 1897 г.). Оба правительства взяли на себя обязательство поддерживать status quo на Балканском полуострове. При этом в случае невозможности сохранения существующего положения в указанном регионе стороны предполагали позднее заключить особое соглашение, которое, однако, не должно было касаться вопроса о Константинополе, Черноморских проливах и примыкающих к ним территориях, поскольку этот вопрос имел общеевропейский характер — Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М., 1952. С. 303–308.
- 23 Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Politisches Archiv. I/475. Liasse XXXII, XXXII/h.
- 24 Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Aehrenthal MSS. Karton 2.
- 25 *Artukovic M. Ideologija srpsko-hrvatskih sporova (Srbobran 1884–1902). Naprijed. Zagreb, 1991. S. 204.*
- 26 *Castellan G. History of the Balkans from Mohammed the Conqueror to Stalin. East European Monographs. Boulder. New York, 1992. P. 332.*
- 27 Цит. по: *Glaise-Horstenau E. von. Franz Josephs Weggefahrte. Das Leben des Generalstabschefs Grafen Beck. Vienna, 1930. S. 391.*
- 28 Цит. по: *Bridge F. R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990. P. 231.*
- 29 Haus-, Hof- und Staatsarchiv. Vienna. Politisches Archiv. XL/316.

ЧЕРНОГОРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1878—1903 гг.

Из Великого восточного кризиса 1875—1878 гг. Черногория вышла с международно признанной политической независимостью и с увеличившейся территорией. К ней отошли Никшич, Колашин и Подгорица, а также выход на Адриатическое море (хотя и в урезанных размерах по сравнению с ее военными завоеваниями) с портом Бар; при этом Ново-Пазарский Санджак продолжал оставаться под суверенитетом Османской империи с предоставлением Австро-Венгрии в этой стратегически важной области Балканского полуострова, территориально разделявшей Сербию и Черногорию, особых военно-политических прав. В значительной степени Княжество было обязано своими завоеваниями России, которая, хотя и оказалась в меньшинстве на Берлинском конгрессе 1878 г., тем не менее, сумела в ходе его работы отстоять принципиальные черногорские интересы. Прежде всего, благодаря этому, а также негативной позиции, занятой по отношению к Черногории Австро-Венгрией¹, традиционная пророссийская внешнеполитическая ориентация Цетинье после 1878 г. еще более укрепилась. Особая роль отводилась России в реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения Черногории и ее соседей, которое проходило в условиях противодействия ряда государств — в первую очередь, Австро-Венгрии и Османской империи.

На протяжении еще нескольких лет после завершения работы Берлинского конгресса вопросы определения черногоро-турецкой границы находились в центре внимания европейской общественности. Константинополь выступал против реализации тех положений Берлинского трактата, которыми предусматривалась передача Черногории, наряду с Подгорицей (вопрос о которой был разрешен достаточно безболезненно), также Плава и Гусинье, находя поддержку в этом вопросе со стороны Албанской (Призренской) лиги и подчиненных ей вооруженных албанских отрядов, стремившихся не допустить вхождения в состав Княжества территорий с албанским населением; при этом местные турецкие власти оказывали содействие албанцам в организации обороны данных областей оружием и боеприпасами. Однако даже после согласия Османской империи — под дипломатическим давлением со стороны великих держав — на передачу указанных территорий проблема оставалась

открытой: национально-государственные интересы турецкого руководства и албанского национального движения принципиально расходились.

После того как албанские части не допустили на искомую территорию военную миссию Османской империи, имевшую полномочия осуществить ее передачу Черногории, и нанесли 8–10 января 1880 г. тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся своими силами установить контроль над ней, державы согласились на корректировку решений, достигнутых в Берлине. 18 апреля 1880 г. их дипломатические представители в Константинополе согласились с предложением итальянского дипломата передать Черногории вместо Плава и Гусинье округа Хот и Груда с преобладающим албанским католическим населением. Однако и здесь их ожидало разочарование.

Убедившись в готовности албанцев с оружием в руках отстаивать свои интересы, турецкие власти заключили с ними тайное соглашение об обороне округа, и, в частности, его важного стратегического центра города Тузи, и передали им большое количество оружия. Это вынудило Великобританию и Австро-Венгрию предложить в июне того же года на рассмотрение великих держав еще один план территориального разграничения, включавший в себя передачу Черногории порта Улцинь с прилегающей областью.

3 августа 1880 г. великие державы направили в Константинополь коллективную ноту, в которой содержалось требование передачи в трехнедельный срок искомых территорий Черногории под угрозой принятия ими более решительных мер; причем британское правительство предложило осуществить в целях давления на Константинополь — помимо демонстрации объединенных военно-морских сил — временную оккупацию турецкого порта Измир (Смирна) ².

В результате Османская империя согласилась передать Черногории Улциньский округ, который был занят черногорскими войсками в ноябре 1880 г., а окончательно вопросы черногоро-турецкого территориального разграничения были разрешены в 1883 г. усилиями международной разграничительной комиссии ³.

Особая роль Черногории во внешнеполитической стратегии России была связана с тем обстоятельством, что находившаяся в это время у власти в Сербии династия Обреновичей придерживалась проавстрийского курса, и эта страна не годилась на роль российского форпоста на Балканах. Впрочем, и Черногория в рассматриваемый период стремилась всеми силами избежать конфронтации с Австро-Венгрией, в частности, сохранив нейтралитет в тревожные дни антиавстрийского восстания в Герцеговине, вспыхнувшего в октябре 1881 г. ⁴.

Различная внешнеполитическая ориентация и противоречия личного характера, существовавшие между правителями двух стран, не могли не оказывать серьезного влияния и на развитие отношений между двумя родственными государствами — Сербией и Черногорией. Однако общие интересы и исторические традиции объективно играли роль связующего фактора.

Первой важной вехой на пути развития взаимоотношений между Цетинье и Белградом в рассматриваемый период стало прозвучавшее в марте 1879 г. предложение Милана Обреновича и сербского правительства об открытии в черногорской столице постоянной дипломатической миссии Сербского княжества. Однако князь Никола Петрович по сути дал негативный ответ по этому вопросу, объясняя свою позицию тем, что в условиях кризисной ситуации, сложившейся вскоре после Берлинского конгресса вокруг территориального разграничения между Черногорией и Османской империи, осложненной позицией албанской Призренской лиги, и отсутствием предпосылок для реализации собственных национальных интересов повседневная деятельность предполагаемой миссии сводилось бы к сугубо информационной службе, не оправдывающей потребные на нее расходы. Кроме того, по его словам, в черногорском руководстве существовало намерение перенести столицу государства из Цетинье в Подгорицу.

Провозглашение Сербии королевством в 1882 г. было воспринято Николой как серьезный удар и по своему личному престижу, и по международному авторитету Черногории, так как свидетельствовало о приоритетном месте Белграда в качестве выразителя сербских национальных интересов в глазах европейской общественности, что шло вразрез с его стремлением превратить свою страну в «сербский Пьемонт» и объединить под своим верховным покровительством все земли, населенные сербами — которое в значительной степени определяло его политику в отношении Сербии с момента убийства князя Михаила Обреновича в 1869 г.⁵ Между строк устного поздравления, направленного Милану Обреновичу по случаю возведения в королевское достоинство, ясно просматривались обиды и упреки сербскому монарху за то, что он принял корону из рук Австро-Венгрии и тем самым отрекся от реализации национальной идеи.

В 1883 г. Никола отдал свою старшую дочь Зорицу в жены потенциальному претенденту на сербский престол Петру Карагеоргиевичу, что породило новые трения между двумя династиями. Российское правительство дало позитивную оценку указанному браку, и российский император даже предоставил от своего имени соот-

ветствующее приданое; однако Санкт-Петербург особо подчеркнул обязанность Николы удерживать своего нового именитого родственника от каких-либо шагов, выходящих за рамки существующего государственного устройства Сербии. Аналогичные заявления были сделаны и официальными представителями Австро-Венгрии.

Восстание сербских крестьян в Тимокском крае в том же 1883 г. также сыграло негативную роль в развитии черногоро-сербских отношений. Часть сербских радикалов, подвергшихся преследованиям со стороны белградских властей после подавления поддерживавшегося ими мятежа, нашла убежище в Черногории; кроме того, сербский король Милан подозревал Николу в непосредственном участии в подготовке вооруженного выступления, несмотря на то, что последний собственноручно предупреждал Петра Карагеоргиевича (находившегося в то время в Париже) об опасности для всего «сербского племени» его какого бы то ни было личного участия в происходящих событиях⁶.

Поражение Сербии в войне с Болгарией 1885–1886 гг. оказало двойственное воздействие на Николу. С одной стороны, ему не могло не импонировать ослабление военных и политических позиций Милана. Однако с другой — беспрецедентный успех Болгарии означал укрепление ее претензий в отношении Македонии — экономически и стратегически важной области Балканского полуострова, в которой непосредственно сталкивались серьезные интересы Сербии и Болгарии (а также Греции) — единственной реальной компенсацией которых в случае дальнейшего негативного для Сербии развития событий могли стать территории в Метохии и Ново-Пазарском санджаке, на которые Черногория сама непосредственно претендовала.

После подавления Тимокского восстания и военного поражения Белграда сербские радикальные и монархические оппозиционные круги, находившиеся в эмиграции в Черногории и Болгарии, развернули широкую антиправительственную агитацию. Лидер сербских радикалов Н. Пашич и прославившийся во время восстания в Герцеговине черногорский эмигрант воевода Пеко Павлович тайно направляли своих эмиссаров из Софии в Белград, а также формировали вооруженные отряды, готовые по приказу своих руководителей осуществить вторжение в Сербию. На черногорской территории подобная роль отводилась группе, состоявшей приблизительно из ста пятидесяти вооруженных радикалов во главе с известным протоиереем из Ужице Миланом Джуричем. При этом оппозиционеры косвенно пользовались поддержкой со стороны России, которая не имела особых причин симпатизировать белград-

скому режиму. На протяжении нескольких лет король Милан Обренович и его окружение находились под непосредственным влиянием угрозы вторжения антиправительственных вооруженных отрядов на территорию Сербии, и хотя непосредственного вооруженного столкновения с оппозицией не произошло, серьезный внутриполитический кризис сыграл решающую роль в отречении Милана Обреновича от престола в феврале 1889 г., вызвавшем неофициальную позитивную реакцию среди окружения черногорского князя.

Наряду с переменами на сербском политическом Олимпе, а также усилением болгарской активности на македонском направлении (вынуждавшей Белград рассматривать Черногорию в качестве своего непосредственного антиболгарского союзника), на пользу улучшению отношений между двумя родственными государствами сыграли и погодные условия. Страшный неурожай, случившийся в Черногории летом и осенью 1889 г., вынудил Цетинье обратиться с просьбой о помощи к сербскому правительству. Белград пошел навстречу, и более тысячи беднейших черногорских семей были переселены на территорию Сербии с оказанием им необходимой помощи, что с глубокой признательностью было встречено черногорским князем, не говоря уже о простых черногорцах.

В 1890 г. Никола Петрович и черногорское правительство заключили соглашение с сербским руководством относительно «совместной национально-политической деятельности среди сербов в Турции»⁷. Она включала шаги, направленные на смещение со своих постов профанариотски настроенных епископов Призрена и Скопье и замену их сербами с тем, чтобы путем соответствующей активности в церковной и просветительской областях развернуть национальную и антитурецкую агитацию в областях, находившихся под юрисдикцией Османской империи; ибо школьное образование в Османской империи входило в сферу церковного управления, и сами школы открывались и развивались на основе льгот и привилегий, предоставлявшихся турецкими властями церкви. Сербо-черногорский проект предусматривал разрешение вопроса двумя возможными путями — либо посредством смены руководства Печской патриархии, либо путем создания самостоятельного сербского экзархата.

Вселенская патриархия в Константинополе — являвшаяся одной из опор турецких властей на Балканах — встретила предложение официальных представителей двух стран в штыки, настаивая на своем исключительном праве подбирать кандидатуры на соответствующие церковные должности. Однако, используя поддержку России, предпринявшей конкретные дипломатические шаги в Константинополе, и случившуюся весьма кстати смерть призренского ми-

трополита Милентия, Сербии и Черногории в начале 1896 г. удалось добиться от Патриархии согласия на назначение митрополитом серба Дионисия Петровича, владевшего греческим и турецким языками. Что же касается вопроса о Скопском архиепископстве, то в нем как в капле воды отразилась вся сложность и противоречивость македонской проблемы, лежавшей на перекрестке сербских, болгарских и греческих устремлений. Греческая сторона заявила о своем категорическом неприятии назначения на указанный пост серба; и заручившийся в итоге в 1900 г. принципиальным согласием Вселенской патриархии Фирмилиян долгое время не был возведен в сан епископа. В конечном итоге, при содействии российского дипломатического представителя в Константинополе Зиновьева, данное препятствие было преодолено — что, в свою очередь, породило новые взаимные обвинения вовлеченных в конфликт сторон⁸.

В 1893 г. несовершеннолетний Александр Обренович совершил государственный переворот, взяв в свои руки всю полноту государственной власти. Сразу вслед за этим он направил Николе приглашение посетить сербскую столицу с «официальным дружественным визитом». Черногорский князь был поставлен в неловкое положение. Учитывая возраст новоиспеченного сербского монарха в сравнении со своими собственными метрическими данными, он не спешил принимать приглашение. Неловкость была снята смертью российского императора Александра III осенью 1894 г., на похоронах которого в Санкт-Петербурге и произошла искомая встреча, ознаменовавшаяся взаимными заверениями в искренней преданности и готовности пресекать в своих странах какую бы то ни было агитацию друг против друга.

В начале 1896 г. стороны ратифицировали торговое соглашение между Цетинье и Белградом, имевшее своей целью значительное стимулирование товарооборота между двумя странами, который осуществлялся через территорию Австро-Венгрии и характеризовался незначительными объемами. Кроме того, в ходе визита специального королевского посланника в Цетинье был вновь поднят вопрос о необходимости организации обмена официальными визитами двух монархов. В ходе дальнейших переговоров по данному вопросу князь Никола согласился первым совершить планируемый визит исходя из своего более низкого иерархического ранга, а Александр, в свою очередь, первым заявил о своем намерении посетить Цетинье осенью 1896 г. с тем, чтобы присутствовать на торжествах, посвященных двухсотлетию юбилею черногорской династии Петровичей-Негошей.

28 июня 1896 г., в день Святого Вида, окрашенный воспоминаниями о косовской битве и (заметим в скобках) меньше чем через два десятилетия призванный сыграть роковую и/или судьбоносную роль в истории всей Европы, Никола Петрович ступил на белградскую землю. Программа визита была обширной: торжественная служба в Соборной церкви в память погибших на Косовом поле, посещение сербской Академии наук, Высшей школы, Военной академии и другие мероприятия. 29 июня в честь Петровича-Негоша был устроен торжественный прием, на котором черногорский правитель подчеркнул, что «сербский народ и сегодня стремится к свободе... а сербские правители должны поставить его на ноги и вести в направлении их справедливых устремлений»⁹. Между строк здесь явно читался намек — правители обеих стран (и, следовательно, сам Никола) должны рассматриваться в качестве равноправных партнеров в деле реализации сербской национальной идеи.

Кроме того, в ходе рассматриваемого визита (завершившегося 30 июня 1896 г.) министры иностранных дел двух стран подписали политический договор, в котором выражали свою готовность предпринять совместные действия против любого государства — будь то Австро-Венгрия, Болгария или Османская империя, — которое бы посягнуло на права и интересы сербов.

Ответный визит Александра Обреновича в Цетинье состоялся 5–8 мая 1897 г. и был приурочен к празднику святого — покровителя семьи Петровича-Негоша. Накануне этого мероприятия между двумя странами были формально установлены дипломатические отношения, сербский король назначил своим чрезвычайным и полномочным представителем в Цетинье генерала Еврема Велимировича, а сам визит прошел в чрезвычайно теплой и дружественной атмосфере.

Однако вскоре отношения между династиями и правительствами двух стран вновь вступили в период охлаждения. В октябре 1897 г. в Белград из эмиграции вернулся Милан Обренович, занявший пост верховного командующего сербской армии. Во главе всего белградского кабинета и одновременно министерства иностранных дел Королевства встал Владан Джорджевич. Оба они оказались вовлеченными в скандал, связанный с публикацией в 1897–1900 гг. в Сербии целого ряда сатирических памфлетов, направленных против личности князя Николы и его семьи — черногорская сторона обвиняла в их подготовке Милана, Джорджевича, белградскую полицию, а также главу австро-венгерской администрации Боснии и Герцеговины В. Каллаи. Кроме того, после покушения на Александра Обреновича в 1899 г. школьники и студенты, а также другие

проживавшие в Сербии черногорцы оказались жертвами кампании преследований, развернутой сербским правителем против своих политических противников, среди которых он отводил черногорцам особую роль наряду со своими традиционными противниками — радикалами. В результате отношения между Сербией и Черногорией на межгосударственном уровне в начале 1900 г. были прерваны, и сербский дипломатический представитель покинул Цетинье.

Отставки кабинета Джорджевича и Милана Обреновича с поста командующего сербской армией, последовавшие за скандальной женитьбой Александра на Драге Машин в июле 1900 г., имели своим следствием определенный поворот во внешнеполитической ориентации Сербии. В том, что касалось черногоро-сербских отношений, ситуация значительно улучшилась. Стороны договорились предпринять совместные действия с тем, чтобы воспрепятствовать планам монархии Габсбургов о строительстве железнодорожной линии из Боснии через Ново-Пазарский санджак в Салоники и реализовать собственный проект железнодорожной ветки, связывающий территории двух государств и обеспечивающей им выход на Адриатическое море. Кроме того, Цетинье и Белград возобновили шаги, направленные на назначение в Скопье сербского митрополита, что и было достигнуто в 1901 г. Однако во взаимоотношениях двух династий ситуация не только не нормализовалась, но и все более ухудшалась, ибо Александр испытывал плохо скрываемое чувство ненависти в отношении своего черногорского коллеги, который, используя связи своих дочерей, выданных за представителей российского императорского дома, плел интриги против него, вовлекая в их орбиту Россию.

Убийство Александра в 1903 г. перевело сербско-черногорские отношения в новую плоскость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Так, по инициативе Австро-Венгрии в окончательный текст Берлинского трактата была включена статья 29, согласно которой монархия Габсбургов получила право военного и санитарного контроля в отношении портового города Бар, а Черногория лишалась права держать там свой военный флот, а также сооружать транспортные пути в прибрежных районах без предварительного согласия со стороны Вены.
- ² Следует, однако, подчеркнуть, что между великими державами не было полного согласия относительно выработки и осуществления путем давления на Порту, Так, Франция, хотя и предпринимала совместные с другими европейскими государствами соответствующие дипломатические шаги в Константинополе, оговаривала свое участие в военно-морской демонстрации

(состоявшейся в конечном итоге в начале сентября 1880 г.) отказом от участия в каких-либо антитурецких акциях, которые могли рассматриваться в качестве мер прямого военного принуждения Константинополя; в противном случае французское правительство оставляло за собой право отозвать свой флот из указанного района, причем, как указывал министр иностранных дел Сент-Илер контр-адмиралу французского флота Лафонту, это необходимо сделать таким образом, чтобы «не оставить впечатления, что он полностью отделился от флота остальных держав» — *Вујовић Д.-Д.* Трећа француска република и Црна Гора 1871–1914 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 117.

Одновременно Франция отклонила английское предложение об оккупации Измира объединенными военно-морскими силами великих держав в качестве меры давления на Турцию и, кроме того, отклонила приглашение черногорского короля Николы направить своего представителя присутствовать на церемонии передачи Улциня Черногории, опасаясь негативной реакции со стороны Османской империи. Особая роль в реализации подобного взвешенного курса принадлежала, в частности, дипломатическим представителям Парижа Сент-Кантану и Монгоскону и послу Франции в Константинополе Фурнье.

Специфика позиции Франции в данном вопросе определялась, в первую очередь, отсутствием у нее каких-либо определенных интересов в Черногории — в отличие от России, Австро-Венгрии и Италии, — и одновременной заинтересованностью в поддержании внутренней и внешней устойчивости Османской империи. В частности, хотя Париж установил дипломатические отношения с Цетинье в полном объеме позднее других европейских держав — в январе 1880 г., — Франция и Россия первыми аккредитовали своих представителей при черногорском дворе (во французском случае его роль принадлежала консулу в Шкодре).

- 3 *Goršević S.* Geschichte von Montenegro und Albanien. Friedrich Andreas Perthes A.-G. Gotha, 1914. S. 455.
- 4 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. I. М., ИРИ, 1993. С. 97.
- 5 *Ражњатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 83.
- 6 *Ражњатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 84.
- 7 *Микић Ђ.* Политичка, привредна и културна стремљења // Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 303–305; *Он же.* Између балканских суседа и великих сила // Там же. С. 321–323.
- 8 Цит. по: *Ражњатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 86.
- 9 Цит. по: *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 90.

Из «СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ СЛАВЯНСТВА»

(БОЛГАРИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1879–1896 гг.)

Война 1877–1878 гг. была завершена. Болгарский народ получал долгожданное право на строительство своей государственности, хотя и в рамках Османской империи. Первым главой нового княжества стал 22-летний гессенский принц Александр Баттенберг, племянник российской императрицы Марии Александровны. Родственные узы, соединявшие его с царским семейством, позволяли надеяться Петербургу, что молодой князь будет верным и послушным исполнителем воли России.

В свою очередь Баттенберг, проявлявший явную склонность к абсолютизму, лелеял надежду, что в Северной Пальмире не будут возражать, если он «прижмет к ногтю» столь ненавистных ему либералов с их однопалатным парламентом, ущемлявшим его права.

Действительно, в Болгарии была принята довольно демократическая конституция с набором таких прав и свобод, о которых могли только мечтать российские либералы. Почему же в Петербурге, где разрабатывался проект основного закона для болгар, шли на введение конституции западноевропейского образца и не возражали против либерализации ее положений? Здесь может быть две основных причины: дух времени и желание России показать болгарам, уверить их, что она уважает и принимает в расчет их мнения, пожелания относительно государственного устройства княжества.

В той ситуации, когда болгарская политическая элита разделилась на два лагеря — либералов, группировавшихся под знаменем защиты конституции и ограничения прерогатив князя, и консерваторов — объединившихся вокруг монарха и выступавших за усиление его власти, от России требовался максимальный такт в сношениях с новорожденным государством. От российской дипломатии во многом зависела форма протекания «детской» болезни национализма, которая свойственна любому народу на определенном этапе его развития. В болгарском варианте это было особенно сложно, учитывая неразрешенность вопроса объединения с Восточной Румелией (Южной Болгарией) и Македонией, равно как и плотное политическое присутствие русских представителей в княжестве вплоть до участия их в правительстве.

В инструкции российского МИД от 7 сентября 1878 г. первому дипломатическому представителю А. П. Давыдову говорилось: его

деятельность должна быть «направлена к утверждению нашего влияния в княжестве, которое вызвано к жизни только при нашем содействии и в котором, по всем правам, господствующим влиянием должно быть наше. Весьма важно, чтобы в народе, только что призываемом к самостоятельной политической жизни, правительство его при влиянии вашем сумело поддержать и укрепить те симпатии, которые до сего времени он питал к России»¹.

Но если с народом, еще не испорченным ходульными фразами и декламациями на тему прогресса, было общаться легко, то с политиками, многие из которых прошли турецкую, европейскую и русскую политическую школу, надо было обращаться бережно и уметь рассчитывать и просчитывать политические комбинации и возможные результаты.

В сущности Россия хотела стать для Болгарии своеобразной мамкой. Однако «ребенок» оказался на редкость капризным и лукавым, прекрасно осведомленным о «слабостях» своей благодетельницы. Он явно не хотел держаться за подол русского сарафана, предпочитая учиться ходьбе самостоятельно. Уже в конституционном вопросе болгарские политические деятели показали недюжинный талант в цепкости, умении плести интриги, играть на популярно-опасной струне революционизма, т. е. в том, что зовется политикой. Русские же дипломаты, оказавшись в совершенно новой для себя ситуации, практически не имели не только возможностей превратить Болгарию в «Задунайскую провинцию», о чем упорно твердили злые языки, но и с трудом, даже в ущерб себе, поддерживали свой авторитет в княжестве.

По ходу развернувшейся борьбы по конституционному вопросу раздоры в стане русских представителей в Болгарии лишь усугубляли его разрешение. Давыдов, в частности, считал и признавал необходимым изменение основного закона в консервативно-монархическом духе, причем немедленного, с целью избежать компрометации власти князя и, соответственно, устранения угрозы «полевения» страны. Военный министр П. Д. Паренсов и «око государево» полковник А. А. Шепелев также замечали недостатки в управлении и полагали, что конституция не соответствует уровню развития крестьянской Болгарии». Осенью 1879 г. Шепелев писал Д. А. Милютину, что «необходимо предоставить ход дел естественному течению и не прибегать ни к каким чрезвычайным средствам»². Борьба мнений между военными и дипломатами по этому и другим вопросам будет продолжаться годы и годы, польза же извлекалась самими болгарами, умевшими пользоваться такими «подарками» российской аморфности. В сущности сама Россия, находясь в преддверии

новых реформ в управлении, пребывала в том же состоянии, которое как нельзя лучше характеризуется пословицей «И хочется, и колется, и болит, и матушка не велит». Поэтому в империи, еще не оправившейся после недавней военной кампании, выступали против любых внешнеполитических авантюр. Сам Александр II упорно не хотел идти на поводу родственника своей жены и не реагировал на зондаж князя в нужном для последнего направлении. В этой ситуации планы Баттенберга и его союзников консерваторов были обречены на провал. Так, например, потерпел неудачу замысел Баттенберга использовать в подготовке переворота Паренсова. Тот категорически отверг предложенную ему роль, узнав, что переворот на русских штыках замышляется без санкции царя³. Сильное разочарование испытал болгарский монарх и тогда, когда новый военный министр Г. К. Эрнрот отказался дать обещание в том, что «будет безоговорочно подчиняться всем его требованиям, даже в случае насильственного переворота»⁴.

Но все же помощь последовала из России, точнее, от народо-вольцев, сумевших в 1881 г. осуществить свой долго лелеемый план по убийству Александра-Освободителя. Свою лепту внесли и правившие тогда в княжестве либералы с их безудержной пропагандой народовластия и политикой подрыва власти монарха. Их вариации на тему «свободы, равенства и братства» заставили Эрнрота в корне изменить свою позицию. Для него — честного слуги монархии — стал неприемлем либеральный «порядок» в стране: он активно подключается к подготовке переворота. Парадоксальный дуэт народо-вольца Гриневицкого и царского генерала Эрнрота сыграл свою роль. Весной 1881 г., рассчитывая на поддержку армии во главе с Эрнротом, на смену политического курса при новом императоре, болгарский князь решился на разгон либералов. Во главе нового правительства в княжестве становится Эрнрот. В стране вводится институт чрезвычайных комиссаров из числа русских офицеров болгарской службы. Народу внушалась мысль, что только доставление князю чрезвычайных полномочий в области управления, равно как и создание Государственного совета, могут улучшить его положение, ситуацию в самой стране.

В отличие от Эрнрота, полагавшего, что предпринимаемые действия спасают болгар от произвола партий и ведут к установлению порядка, соответствующего состоянию общества, его заочный оппонент Шепелев придерживался иного мнения. В письме к Д. А. Милютину он подчеркивал, что диктатура «с помощью русских офицеров, насильно навязывающих стране князя, нарушившего торжественную клятву в верности конституции, была бы... не менее пагубна

для нашего влияния: исход один и тот же: конец русскому влиянию между балканскими славянами и возбуждение в них, нами же самими, ненависти и недоверия к русскому правительству»⁵.

Доводы Шепелева, весьма пристрастно относившегося к князю и видевшего в нем некое орудие австрийских интересов, в основном имели эмоциональный характер. Защита же либералов, даже в косвенной форме, вредила ему самому в глазах царя, знавшего о рассуждениях Шепелева. Совершенно по-иному, вернее, более политично, расценивал ситуацию новый дипломатический агент в княжестве М. А. Хитрово. В письме к Н. К. Гирсу он находил необходимым «поддерживать авторитет князя, препятствуя во что бы то ни стало тому, чтобы дело, которое нам стоило так много жертв, могло быть скомпрометировано»⁶. Под «компрометацией» он, видимо, подразумевал если не отречение, которым Баттенберг угрожал своему народу и той же России, то потерю княжеского авторитета в стране и установление в молодом княжестве верхушечного либерального парламентаризма.

Эта заочная дискуссия закончилась в пользу Хитрово. Ум возобладал над эмоциями, но ненадолго. Менее чем через год тот же Хитрово стал засыпать МИД донесениями в таком же славянско-эмоциональном духе, как и Шепелев, обвиняя князя в тайном сговоре с неприятелями славянства. Но тогда, весной 1881 г., все козыри были в руках Баттенберга. Достаточно упомянуть, что в России сторонники реформ терпят крах: в известном манифесте Александра III от 29 апреля подчеркивалась решимость «стать бодро на дело правления, с верою в силу и истину самодержавной власти, которую мы призваны утвердить и охранять для блага народного от всяких поползновений». Уже отсюда была видна предопределенность позиции императорского правительства в болгарском вопросе. Царь остался глух к предостережениям Милютина, вставшего в немилость у нового императора. Решимость Петербурга поддержать князя была не в последней степени обусловлена опасениями, что «удаление его неминуемо повлечет полную анархию в Болгарии и вызовет бесконечные дипломатические затруднения»⁷.

Благословение совершенного переворота (27 апреля) монархами великих держав облегчило утверждение Великим Народным собранием чрезвычайных полномочий князя сроком на семь лет. Но за оказанную помощь надо было платить по счетам, выставляемым Хитрово как представителем могущественной России, претендовавшей на приоритетное влияние в княжестве. В первую очередь это относилось к предоставлению подряда на железнодорожное строительство российской компании. Однако ни князь, ни поддер-

живавшие его консерваторы не спешили идти навстречу требованиям дипломата, все больше подозревавшего княжеско-консервативный блок в двойной игре. Разумеется, Баттенберг старался заставить Хитрово в том, что он сам «во что бы то ни стало желает, чтобы постройка болгарской линии попала в руки русской компании, а именно компании Гинцбурга». Но каких-либо твердых гарантий он не мог дать. Сам Хитрово писал в МИД, что имя Гинцбурга было в высшей степени непопулярным в княжестве и внушало «болгарам какой-то панический страх: им мерещится целое наводнение страны евреями и передача, в их руки финансового положения страны»⁸. Но дело было не в том или ином имени, а в стремлении самой болгарской буржуазии принять участие в строительстве и извлечь соответствующую выгоду. Сам болгарский князь обещал выполнить требуемое лишь при условии публичного заявления о том, что таково «непременное желание государя императора». Но в том же Петербурге отнюдь не хотели неминуемых в таком случае осложнений с Веной, желавшей проведения дороги в соответствии со своими планами и к своей экономической и политической выгоде. Да и само финансовое положение России не позволяло предоставить крупный заем на подобное строительство.

В этой ситуации, видя уклончивую позицию князя, Хитрово разрабатывает свой план обеспечения русского влияния и гарантий в том, что поддержка, оказываемая Баттенбергу Россией, не обернется против нее самой. Суть мыслей дипломата сводилась к назначению министров «по совету» российского правительства. Причем в новом, уже либерально-консервативном кабинете министров портфель главы ведомства внутренних дел, в чьей компетенции были вопросы железнодорожного строительства, принадлежал бы ставленнику России⁹. Здесь можно говорить и утверждать, что эти «советы» были бы равносильны по своей сути приказам, вели к вмешательству во внутренние дела княжества, чтобы еще жестче связать Болгарию с Россией. Но весь парадокс состоял в том, что этого вмешательства желали как либералы, стремившиеся не допустить господства консерваторов в управлении, так и сами консерваторы, которых серьезно тревожил рост либерального движения, приобретающего все больший размах. Хитрово рассчитывал, что бушующая в стране политическая борьба со всей ее пеной и грязью убедят Петербург в правильности его идеи. Он писал Н. К. Гирсу, что дальнейшее невмешательство лишило бы политические течения «всякого умеряющего на них влияния, способного удерживать либералов от опасных увлечений, а консерваторов от излишеств, компрометирующих князя, которому в конце концов окажется возможным

опереться лишь на русских офицеров»¹⁰. После столь «трогательной» увертюры русский дипломат подчеркивал, что Баттенберг «привык быть уверенным, что он может заставить наше императорское правительство делать все, что ему заблагорассудится, действуя на нас путем свершившихся фактов... До тех пор пока князь не потеряет этой веры, у кабинета... не будет ни минуты спокойствия: наша политика должна будет всегда быть готовою бежать вдогонку за выходками самыми неожиданными, за случайностями самыми непредвиденными»¹¹. Однако пыл Хитрово был уже нейтрализован готовностью не только политических партий, но к самого князя просить Петербург о приискании кандидатов на министерские посты.

Иного со стороны князя было трудно ожидать. Связав свою политику с консерваторами, Баттенберг вынужден был искать помощи у своего августейшего родственника, зная, что только русское имя еще раз может спасти страну от либералов. Расчет и здесь оказался верным. Ради устранения столь ненавистного ему либерализма, пустившего корни и в Болгарии, Александр III был готов снова помочь Баттенбергу.

Летом 1882 г. в Софии формируется новое правительство, где пост председателя совета министров и министра внутренних дел занял русский генерал Л. Н. Соболев, его сотоварищ генерал А. В. Каульбарс получил портфель военного министра. Любопытна программа нового главы правительства: «1. Строго стоять на почве законности и права; 2. Не склоняться на сторону ни консерваторов, ни либералов, ибо эти партии не много здесь стоят, да и не существуют в строгом смысле; 3. Не душить прессу, а давать ей высказываться; 4. Воздерживать князя от увлечения чрезвычайными полномочиями и склонять его к конституционному образу правления, добиваясь созыва Народного собрания; 5. Поддерживать, елико возможно, политическую и экономическую связь между Болгарией и Россией, нисколько не нарушая, однако, независимости княжества, которое должно выработаться в самостоятельное, крепкое государство при дружеском содействии России»¹².

Незабвенный Козьма Прутков говаривал: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить». Этот афоризм вполне можно отнести к прекраснородушной и трогательной программе Соболева. Действительность диктовала свои законы, да и сам премьер в генеральской шинели отнюдь не был настолько наивен, чтобы, играя роль человека со стороны, быть нейтральным. Для Соболева, если говорить прямо, главной целью было создание прочной материальной базы для укрепления русского влияния. И здесь не замедлили открыться старые язвы в русско-болгарских отношениях.

В первую очередь это относилось к железнодорожному вопросу, где Соболев столкнулся с консерваторами по проблеме финансового обеспечения. Как и Хитрово, генерал все больше убеждался в том, что консервативная верхушка вместе с князем преследует свои интересы и даже стремится вовлечь страну в русло австро-германской политики.

Опыт борьбы России и Запада на Балканах наводил на грустные мысли: русские не раз платили кровью за облегчение участи балканских народов, но плоды побед присваивали себе другие. Та же Австро-Венгрия, не затратив ни грамма пороха, по решению Берлинского конгресса получила Боснию с Герцеговиной и сумела укрепиться в Сербии. И равно как любое заступничество русской дипломатии в балканских делах трактовалось на страницах той же австрийской прессы как наступление панславизма, так и русские с гораздо большим основанием усматривали в любом нежелательном отклонении тех же болгар австрийскую или немецкую интригу. Только активная и тщательно продуманная политика могла сохранить Болгарию в русле русского влияния, любое проявление пассивности могло играть на руку Западу с его экономической мощью.

Экономическую карту решил разыграть и Соболев для обеспечения влияния своей страны в княжестве. Основой плана должен был послужить оккупационный долг Болгарии за прошедшую войну, составлявший примерно 50 миллионов франков для княжества и Восточной Румелия. Эти деньги он намеревался использовать для развития Болгарии в прорусском направлении. Генерал решил добиться утверждения конвенции об уплате Софией 25 млн франков. Судя по его расчетам, Россия в случае благоприятного разрешения этого финансового вопроса «будет в течение 12,5 лет получать от Болгарии по 2 000 000 фр. в год... Когда Румелия сольется с Болгарией, русское правительство предъявит новое требование на 25 000 000 фр. Это будет материальная сила в его руках. Силою этой можно воспользоваться с целью укрепить связь Болгарии с Россией. Можно будет учредить в Софии хорошие высшие школы для мальчиков и девочек и подготовить целое поколение в русском, или, вернее, в общеславянском духе. Можно развить русское и болгарское пароходство на Дунае и ослабить германизацию сей реки. Можно, наконец, на эти потребности затратить всего 15 000 000 фр., а остальные 35 000 000 фр. употребить на сооружение флота на Черном море, словом, на создание могущества близ Босфора»¹³.

План был хорош, однако он не учитывал ряда факторов. Во-первых, это традиционная бережливость болгар, унаследованная ими со времен османского владычества. Даже в вопросе железнодорож-

ного строительства правящие круги прежде всего рассчитывали на дотации из России, и вряд ли можно было предполагать, что правительство согласится на выделение из своего скудного бюджета столь значительных сумм; во-вторых, сам план можно было трактовать как исключительно прорусский, подчиненный прежде всего превращению Черного моря в Русское озеро, где болгарам отводилась бы вспомогательная роль.

Постановка вопроса о «завязывании материальных узелков» лишь усугубила трудности в отношениях Соболева с консерваторами. Взаимное недоверие и подозрительность не раз способствовали возникновению конфликтных ситуаций, вплоть до выхода из правительства в феврале 1883 г. ведущих министров. Разочарование было обоюдным.

Генералы видели в тактике консерваторов лишь одно: желание превратить Болгарию в провинцию Австрии. Их политические оппоненты, надо думать, усматривали в политике ими же приглашенных генералов стремление превратить княжество в вотчину России. Генералы искали новой опоры в либералах. Консерваторы по-прежнему делали ставку на князя. В свою очередь Александр Баттенберг видел выход в замене Соболева, как успешшего пропитаться либеральным духом, на испытанного Эрнрота. Однако опыт, приобретенный князем в деле смены российских представителей, на этот раз ему не помог. В Петербурге, где Соболев успел изрядно подпортить имидж князя, отнюдь не собирались больше потакать ему и убирать генералов.

В Софию направлялся опытный дипломат А. С. Ионин. Он должен был на месте преподать жесткий урок Александру Баттенбергу, не получившему его по дипломатическим соображениям в России.

Согласно инструкции МИД Ионин должен был приложить все усилия к сохранению — на определенный срок — Соболева и Каульбарса в правительстве, равно как и к восстановлению конституции.

Тот парадокс, что самодержавная Россия выступала защитницей конституции, имел довольно простое объяснение: император больше не верил в искренность заверений князя в своей преданности России. Но, «теряя» Баттенберга, Россия отнюдь не приобретала опоры в стане недавно гонимых либералов, раздираемом фракционной борьбой. Более того, лидер умеренных либералов Д. Цанков, обуреваемый жаждой власти, пошел на соглашение с консерваторами в вопросе формирования смешанного правительства, где русским генералам уже не нашлось места. Под благовидным предлогом восстановления конституции им было указано на дверь. По сути, Цанков в мастерстве политической игры явно превосходил Ионина.

В Петербурге отставку генералов внешне восприняли довольно флегматично, но можно думать, что она была внесена в реестр вин и прегрешений августейшего родственника, В конечном счете история с генералами заставила русскую дипломатию занимать более взвешенную позицию при выборе средств влияния в княжестве и гораздо осторожнее относиться к просьбам о присылке из России очередных кандидатов на министерские посты. Например, уже осенью 1883 г. консерваторы, схватившиеся в очередной раз с Цанковым, попытались добиться от Петербурга поставки в страну новых министров, но их просьба не увенчалась успехом.

Как писал Ионин в МИД, настоящей целью консерваторов было стремление «смутить страну возможностью появления новых генералов, а затем ловить рыбу в мутной воде»¹⁴. На Певческом мосту придерживались такого же мнения. В России совсем не хотели того, чтобы из ее подданных делали «козлов отпущения». Время короткого повода уходило в прошлое. Наступала очередь длинного.

Известно, что с именем России болгарские политические круги связывали надежды на превращение страны в независимое государство, на воссоединение с Восточной Румелией и благоприятное разрешение македонского вопроса, т. е. на воссоздание суверенной Сан-Стефанской Болгарии. Именно на этом и хотела играть русская дипломатия, чьей первоочередной задачей стала осторожная подготовка дискредитации князя и его смены на престоле. В условиях глухого соперничества между великими державами самостоятельность Александра Баттенберга была вовсе не тем качеством, которое требовалось от него. Болгарское княжество — этот поставщик сюрпризов — внушало все большую обеспокоенность. Из положения вечно догоняющей болгарские события русская дипломатия должна была стать самостоятельной силой, способной предвосхищать возможные политические кульбиты в княжестве. Из опекуна Баттенберга она превращалась в инициатора его удаления из страны руками болгар.

Одержимые идеей свержения князя, правящие круги в Петербурге не задумывались над естественным вопросом о будущем преемнике. Видимо, объяснение здесь может быть только одним: детронация Баттенберга влекла за собой установление власти русофилов, и в новых условиях кандидатов можно было подобрать в самой России довольно быстро, если бы этого потребовали обстоятельства.

Новая тактика русской дипломатии в Болгарии встретила если не одобрение, то понимание. Новый русский консул А. И. Кояндер в начале 1885 г. доносил в МИД о чрезвычайно любопытном мнении одного из видных политиков Ст. Стамболова по этому щекотливому

вопросу. Он утверждал, что «от князя можно отделаться только силой, т. е. арестовать его и выпроводить с конвоем за пределы княжества... на время междуцарствия власть должна находиться в крепких и сильных руках какого-нибудь диктатора. Но кто употребит эту силу против князя? и кто явится диктатором? — вот вопросы, на которые ответ может дать Петербург, т. к. армия в наших руках, а кандидатов в диктаторы среди болгар нет»¹⁵. Стамболов предугадал форму выдворения Баттенберга, но, видимо, не предполагал, что сам станет ярым защитником князя и более того — диктатором в стране.

Одобрив Стамболова, пришедшего к столь тешашему сердца русских патриотов заключению, Кояндер подчеркивал необходимость дать еще болгарам «некоторое время похозяйничать», чтобы они сами пришли к подобному выводу¹⁶.

Однако наметившееся взаимопонимание между Софией и Петербургом, между Кояндером и главой правительства П. Каравеловым стало таять. Заявление Каравелова о невозможности правильного развития княжества, пока Баттенберг остается на престоле, осталось только фразой. 3 июля 1885 г. русский дипломат грустно писал в Петербург, что «можно лишь пожалеть о том, что болгарская так называемая интеллигенция, забыв горькие уроки прошлого, предпочитает лучше опираться на князя Александра, чем идти об руку с ненавидимой ею в глубине души Россией. Болгары надеются, что они всегда сумеют справиться с князем, т. к. рассчитывают на невозможность его примирения с нами»¹⁷. Появление на страницах болгарской печати критики государственного устройства России, информация о якобы готовящемся устранении русских офицеров из болгарской армии — все это подтверждало мрачные строки письма Кояндера.

В этой непростой ситуации, когда рушились надежды на поддержку болгарскими русскими линиями, Кояндер не находил ничего лучшего, как «простить» князя и таким образом найти в нем опору.

Такой исход дела отвечал бы интересам и Баттенберга, чье положение стало незавидным. Примером может служить фарс с судебным процессом над редактором газеты «Свирка» в связи со статьей, где князь обвинялся «в краже отпускаемых на содержание дворца и другие подобные расходы денег». По приговору суда редактор был оштрафован на 600 франков, собранных прямо в зале заседаний, причем первый взнос сделал прокурор¹⁸.

Эта публичная пощечина, сознание шаткости своего положения заставили князя в очередной раз попробовать искать помощи у России. Рассчитывая на передачу своих слов в Петербург, Баттенберг в разговоре с военным министром М. А. Кантакузенем заявил сле-

дующее: «В Болгарии есть две силы — Россия и я, — и они должны действовать в согласии. При этом условии все здешние деятели вроде Каравелова, Цанкова, Стоилова и проч., не значат ничего... Ни России, ни мне ни на одну из так называемых партий положить нет никакой возможности; они обманывают нас и эксплуатируют наше взаимное недоверие и наши неприязненные отношения. Я вполне сознаю, что подобное положение долго продолжаться не может: нужно или чтобы меня пустили в Петербург, или чтобы я ушел из Болгарии»¹⁹.

Подобное заявление с акцентом на необходимость союза монархов представляло гораздо больший интерес, нежели прежние уверения в преданности России, перемежавшиеся колкостями в адрес императорской семьи.

Мольба о помощи была поддержана Кояндером, считавшим возможным и желательным примирение на известных условиях, как например, формирование «русского министерства», «приостановка действия конституции»²⁰. В сущности, это был бы возврат к режиму чрезвычайных полномочий в его еще более грубой форме. Видимо, печальный опыт таких рискованных предприятий и твердая решимость Александра III избавиться от князя привели к тому, что донесение Кояндера было положено «под сукно».

В таком состоянии находились отношения между двумя Александрями, российским и болгарским, когда в Петербург пришла весть о восстании в Пловдиве в ночь с 5 на 6 сентября 1885 г., быстро распространившимся на всю Восточную Румелию. Повстанцы немедленно провозгласили объединение «обоих Болгарий» под скипетром князя. Последний издал соответствующий манифест и ввел войска на юг страны. В Болгарии царил национальный подъем.

Баттенберг, видимо, считал, что император не будет предпринимать каких-либо действий против национального движения болгарского народа. Сами повстанцы были уверены в том, что дело объединения отвечает интересам России.

Безусловно и то, что воссоединение давало князю великолепную возможность упрочить свой авторитет в стране: он заявил, что готов пожертвовать короной, «лишь бы совершилось объединение обеих Болгарий». Однако это громкое заявление не произвело на Петербург впечатления. Реакция здесь была более чем прохладной.

Русская дипломатия, в целом, считала, что деятели соединения своей частной акцией нанесли ущерб славянским интересам, первую очередь России, как верховному авторитету среди славянских народов. Отчетливо об этом сказано в воспоминаниях дипломата Ю. С. Карцова: «Если и тяжело, временами, приходится славянским

народам, они, тем не менее, должны ожидать терпеливо, чтобы Россия подала им знак действовать, а не выскакать, как это сделали болгары и тем самым Россию поставили в безвыходное положение»²¹.

Доля горькой правды была в этих словах, но не следует забывать, что упомянутая «безвыходность» была вызвана прежде всего недоверием царя к Баттенбергу.

Тема русской политики в Болгарии широко освещалась в русской прессе. В числе авторов статей был и Иван Аксаков — ревностный защитник объединения и не менее ярый критик Берлинского трактата. Обвиняя русскую дипломатию в непоследовательности и забвении интересов славянства, Аксаков не останавливался и перед критикой Александра III. Известный столп славянофильства писал, что в преследовании Баттенберга царь «руководствовался не соображениями пользы России, а личными чувствами». И что же? Патриот Аксаков получил предупреждение от Министерства внутренних дел, в котором его укоряли за отсутствие «истинного патриотизма»²².

Официальная Россия была поставлена в крайне затруднительное положение в связи с нарушением *status quo* на Балканах. Безусловно и то, что «истинный патриотизм» требовал не допускать ввода турецких войск на территорию Восточной Румелии. Эту задачу взял на себя посол в Константинополе А. И. Нелидов, заявивший великому визиру Камиль-паше о катастрофических последствиях для Турции, если хоть один турецкий солдат ступит на землю Восточной Румелии. Тот же мотив обнаруживается и в поставках оружия и военного снаряжения для Болгарии осенью 1885 г. и начале 1886 г. Оружие шло не князю, а болгарскому народу, его армии. В то же время «истинный патриотизм» требовал удаления Баттенберга, столь ненавистного Александру III.

Однако эта убежденность в необходимости смены монарха как панацеи от всех неурядиц разделялась не всеми дипломатами. В их числе был и Кояндер. В своем письме Гирсу от 5 октября он грустно замечал: «Мы делали последние пять лет попытки неофициально влиять на здешнее управление и полагали, что болгары будут нам настолько признательны, что станут слушаться наших советов и руководствоваться нашими мнениями. В этом мы горько ошиблись. Поставленный нами князь не замедлил вместе с его клеветами, консерваторами, повернуться против нас, как только заметил, что наши агенты, как дипломатические, так и военные, не считают для себя обязательным служить послушными орудиями его интриг и капризов. Введенный в княжестве конституционный режим имел своим последствием то, что страна попала в руки школьных учите-

лей из недоучившихся русских семинаристов, пропитанных ненавистью ко всему русскому, но, как близко стоявших к народу, имеющих на него огромное развращающее влияние. Из этого вышла та аномалия, что в то время когда Россия, Европа и большинство здешнего населения предполагали, что Болгарией управляли мы, — на самом деле Россия имела здесь очень мало значения, и все делалось помимо, а часто и вопреки ее воле. Между тем, не имея власти, мы несли ответственность за все происходившее, т. к. все неудачные мероприятия, все ошибки правительства последнее приписывало в глазах народа русскому влиянию, тогда как заслуга всего, что делалось на благо Болгарии, всецело принадлежала стоящим у власти болгарским «государственным людям». Такой порядок вещей не мог повести ни к чему другому, кроме постепенного упадка нашего престижа и возбуждения к нам недоверия». Русский дипломат признавал, что «из настоящих затруднений для нас возможны только два выхода: или полное оставление нами Болгарии и такие же с ней сношения, какие мы поддерживаем с Румынией и Сербией, или возвращение к порядку вещей, существовавшему до прибытия сюда кн. Александра. Восстановление же того положения, в котором мы находились до переворота 6 сентября, представляется немыслимым и не отвечающим ни интересам России, ни ее достоинству»²³.

Но умозаключения Кояндера, разбавленные сентенциями об «антирусской и социалистической пропаганде», только укрепляли решимость царя рассчитаться с неверным князем и показать правящим кругам и болгарской интеллигенции всю мощь России, которую они посмели ослушаться.

Конечно, болгарские политические деятели понимали всю сложность ситуации. Но в своей массе они считали, что, защищая своего князя, они отстаивают принцип национальной самостоятельности. В одной из многочисленных политических программ подчеркивалось желание иметь свою «собственную человеческую физиономию», «мы преклоняемся перед Россией, но Болгария должна быть для болгар». В сущности, отстаивая Баттенберга на престоле, они защищали себя и свою страну, свободу действий, завоеванную ими в борьбе с князем, которой они могли лишиться в случае смены монарха. Грозный призрак «Задунайской Болгарии» как провинции России не исчезал с болгарского политического горизонта.

Самая резкая реакция на объединение последовала со стороны сербского короля Милана, усмотревшего в выходе Болгарии на второе (после Румынии) место в регионе по территории и численности населения угрозу для своих позиций, идей расширения границ своей страны, равно как возможность поправить свое внутреннее положе-

ние и авторитет. В начале ноября 1885 г. последовало нападение его армии на свою славянскую соседку. Однако блицкриг провалился. Победа обученных русскими офицерами болгарских войск повысила и международный престиж Болгарии и ее князя. По заключенному миру граница между двумя странами осталась без изменений, но конфликт воочию показал всю хрупкость мира на Балканах, представлявших своеобразный этнографический котел, где каждый хотел быть кашеваром.

«Европейский концерт» оказался в неловком положении: поощрять явное нарушение Берлинского трактата было негоже, противиться ему не было ни желания, ни сил. Изменилась позиция главного российского антагониста, Великобритании. На протяжении десятилетий она, в пику России, выступала за сохранение незыблемости европейских владений Османской империи. Однако некоторые английские политики придерживались иной точки зрения, как, например, лидер либералов В. Гладстон. Еще в 1876 г., после подавления Апрельского восстания, он выступил с громким памфлетом «Ужасы в Болгарии и Восточный вопрос», поднявшись на защиту болгарского народа. Гладстон доказывал, что упорное противодействие освобождению Балкан, чем занимались английские кабинеты разных оттенков и направлений, противоречит самим интересам Британии, ибо бросает жителей этого региона в объятия России²⁴. В 1877–1878 гг. Гладстон активно противится курсу своего старинного соперника, премьер-министра Б. Дизраэли, едва не вовлекшего Британскую империю в пучину войны с Россией. В статье под характерным заголовком «Дорога чести и дорога позора» он выступил против «пируэтов британского флота в Дарданеллах и Мраморном море» и «размахивания кулаками», чем тогда, как пишет В. Н. Виноградов, деятельно занимались английские «ястребы». Он высказался в пользу признания русско-турецкого прелиминарного Сан-Стефанского мирного договора, который предусматривал образование Великой Болгарии²⁵. В 1888–1886 гг. в Англии возобладала его точка зрения, на что, в частности, повлияла суровость суждений Александра III о деле объединения, совершившегося под скипетром князя. В условиях кризиса русско-болгарских отношений британская дипломатия считала для себя выгодным поддержать воссоединение болгарского народа. Как известно, в конечном счете великие державы согласились с назначением болгарского князя генерал-губернатором Восточной Румелии, что фактически означало признание результатов национального движения.

Правительство Александра III, осудившее акт объединения, тем не менее не хотело отдавать столь дорого доставшуюся ей Болгарию

в «чужие руки», той же Австро-Венгрии или Англии. Здесь достаточно вспомнить и об Османской империи с ее проектом договора с княжеством (1886 г.), по которому в случае нападения на Болгарию Порты посылала туда свои войска, передавая их под командование князя; если же нападение было бы совершено на европейские владения Османской империи, туда высылались бы болгарские части, поступавшие под начало турецких генералов. В этой статье договора, принятой болгарской стороной, Россия усматривала оскорбление памяти ее солдат, воевавших за свободу братского народа. Равным образом он не отвечал ее надеждам на сохранение Болгарии как своего форпоста на Балканах.

Вследствие усилий Нелидова эта статья была выброшена из текста болгаро-турецкого договора. Было отвергнуто предложение и о предоставлении князю пожизненного мандата на управление Восточной Румелией. В окончательном тексте имя Александра Баттенберга как ее правителя было заменено на безликое выражение «болгарский князь». Русская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы облегчить будущее свержение Баттенберга и расширить набор средств для управления страной в желательном для России направлении. Отвращение к Баттенбергу было настолько сильным, что даже военное поражение сербского короля Милана с его австрофильской ориентацией не внесло корректив в тактику Петербурга.

В самой Болгарии не могли не понимать, что страна с таким князем будет лишена поддержки и покровительства России, той самой самодержавной гонительницы либеральных идей, нашедших благодатную почву в княжестве. Но все же этот тезис нельзя абсолютизировать. Отстаивание князя болгарами с их слабо развитым монархическим чувством (если только оно вообще было) обуславливалось не в последнюю очередь страхом перед гражданской войной, которую могла инициировать армия, где позиции Баттенберга после победоносной войны выглядели сильными. И тем не менее именно военные составили ядро антикняжеского заговора, толчком к организации которого послужили известия о подготовке Сербии к реваншу. По их мнению, в новой войне шансы Болгарии были невелики: выход был только один — низложение князя и обретение покровительства России, способной спасти Болгарию от войны. И хотя ее угроза оказалась мнимой, тем не менее, она возымела свое действие.

9 августа 1886 г. дворец был окружен, и по требованию детронаторов в офицерских мундирах князь подписал отречение, чей текст включал в себя следующие слова: «так как болгарский народ

и войска находят, что мое дальнейшее пребывание на болгарском престоле является вредным для интересов страны, то я отказываюсь от престола».

Один из руководителей заговора Р. Дмитриев в своем заявлении для русской прессы подчеркивал: «Мы, болгары, всегда видели в России державу, которой мы обязаны всем и которая одна может обеспечить нашу национальную независимость и объединение... Наши мечты были достигнуть славянской федерации в форме объединения вооруженных наших сил под общим управлением Великого Царя. Мы сознавали, что к достижению этого идеала было много политических препятствий, и мы стремились к тому, чтоб если не формально, то по крайней мере фактически установилось это объединение. Вначале все шло как следует, и в лице Баттенберга мы видели только представителя Русского императора. Но не имея ничего общего с нами, немецкий принц не захотел служить великой идее, связующей нас с Россией... Мы ждали, что Баттенберг образумится и так или иначе возвратит нам покровительство России. Но каково было наше удивление, когда мы, вместо ожидаемого сближения, прочли турецко-болгарское соглашение, по которому в случае нужды Баттенберг был готов преподнести болгарский контингент султану для борьбы против внешних врагов, следовательно, и России. Терпению нашему настал конец, мы видели, что отечество находится на краю гибели... Спасти его, по нашим понятиям, можно было, только удалив из страны принца Баттенберга»²⁶.

Однако таких людей, как Дмитриев, позднее служивший верой и правдой в рядах русской армии в годы Первой мировой войны, насчитывались единицы. Верхушечный переворот провалился. В глазах того же Стамболова, возглавившего разгром заговорщиков, князь выступал как символ независимости Болгарии. Вернувшийся в страну князь, чувствуя шаткость своего положения, обратился за поддержкой к царю. Он получил холодный, высокомерный ответ, отрекся от престола вторично, на этот раз окончательно, и покинул Болгарию. Шока в обществе это не вызвало. В сущности, Болгария и не нуждалась в таком князе: по мнению Стамболова, возглавившего руководство страной, с Баттенбергом едва ли было возможным «привести Болгарию к благополучному исходу»²⁷.

Однако и он не мог не понимать, что с уходом Баттенберга в политическое небытие главный удар России придется держать ему, как организатору разгрома русофильских сил в стране, устройтелю заявленного судебного процесса над офицерами, замешанными в перевороте 9 августа 1886 г. Для Стамболова наступало время испытаний всех его недюжинных политических и бойцовских качеств, столь не-

обходимых, чтобы уцелеть на политическом Олимпе и не дать себя уничтожить ни России, ни своим соперникам в схватке за власть, за выбор пути Болгарии.

Время первых политических баталий, обычно связываемых с известной миссией генерала Н. В. Каульбарса, посланного осенью 1886 г. с задачей восстановления престижа России, показало, что обе стороны отнюдь не отличались ни выдержкой, ни тактом. Достаточно упомянуть появление русских военных судов на рейде Варны, с одной стороны, и преследования русофилов, с другой. И если болгарская дипломатия все же проявляла готовность к разбирательству и уступчивость в ряде вопросов, то российская не признавала паллиативов, стремясь к главному — ликвидации власти Стамболова и его сторонников и, соответственно, формированию прорусского правительства.

В подобной ситуации разрыв был неминуем, что и произошло в начале ноября 1886 г. По мысли Н. В. Каульбарса, отъезд русских дипломатов должен был послужить своеобразным уроком непокорным и упрямым болгарским политикам. В России считали, что в той ситуации, когда вопрос о кандидатуре на вакантный престол мог быть решен только при ее одобрении, правящие круги в Софии будут вынуждены пойти на поклон Петербургу.

Однако МИД явно просчитался, рассчитывая на быстрый успех. И как ни странно это звучит, болгарам в этой сложной ситуации помогал вассальный статус страны. Они могли тянуть дипломатическую игру сколько угодно времени. Разумеется, на руку Софии было и то обстоятельство, что в отпоре притязаниям России на Балканах были заинтересованы западные страны, прежде всего Великобритания и Австро-Венгрия.

Все это не замедлило обнаружиться уже в процессе выдвижения Петербургом на престол князя Н. Д. Мингрели. Эта кандидатура была в Софии встречена в штыки. Болгары в нем видели лишь «азиата», добровольно передавшего в свое время владетельные права на Мингрелию Александру II, послушного исполнителя воли российского императора, а не личность, способную проводить самостоятельную политику.

Непримиримость Софии и нежелание Константинополя использовать свое посредничество ради осуществления планов Петербурга сорвали замыслы русской дипломатии. Потерпела крах и мелькнувшая была идея занятия княжества российскими войсками. Особую активность в этом вопросе проявлял Д. Цанков — ярый соперник Стамболова. Для него (Цанкова) — рвавшегося к власти на русских штыках — восстание представляло собой удобный предлог для рус-

ской оккупации, проходившей бы под вполне благовидным предложением избавления страны от междоусобных распрей.

Однако проект так и остался на бумаге. Правительство в Софии было готово подавить в зародыше любую попытку выступления против него. Там прекрасно понимали, что только быстротой и решительностью в борьбе с оппозицией можно спасти страну от гражданской войны и, соответственно, от оккупации.

Идея о союзе России с Турцией также оказалась призрачной: Порта внимательно прислушивалась к английской дипломатии, недвусмысленно заявившей, что если «Турция дала бы России согласие на занятие Болгарии своими войсками, то этот... факт повел бы к разделу Оттоманской империи. Каждая держава взяла бы себе из ее владений наиболее подходящую себе часть, причем России достался бы Константинополь»²⁸.

Разумеется, после такого предупреждения в турецкой столице и не помышляли идти на союз с Россией.

Удача больше сопутствовала болгарам и в поиске своего князя. В 1887 г. свое согласие дал Фердинанд Кобургский. Католическая вера князя не смущала Софию. Фердинанда, в свою очередь, не стесняла мысль о своем несчастливом предшественнике. Выступая своеобразным «спасителем» от русской угрозы, он надеялся, что болгары будут отстаивать его, защищая свой суверенитет.

Теперь русская дипломатия стала прилагать усилия, чтобы побудить Османскую империю к отказу от признания князя. Однако Порта заявила, что будет следовать в этом вопросе мнению великих держав. Она ссылалась на Берлинский трактат, где говорилось, что «князь болгарский будет свободно избран населением и утвержден Портой с согласия держав». Таким образом, Россия оказывалась в плену положений Берлинского договора, за сохранение которых она же и выступала. Создавалась патовая ситуация в вопросе утверждения князя на болгарском престоле. Эта неустроенность сказывалась и на личной жизни Фердинанда: он столкнулся с трудностями в своих матримониальных планах. Непросто оказалось найти себе жену среди немецких принцесс, которых было хоть пруд пруди, да не всякая готова была связать свою судьбу с непризнанным и, казалось бы, висевшим на волоске князем.

Возникали и рушились как карточные домики разнообразные планы, идеи, проекты по урегулированию болгарского вопроса. В Петербурге отвергалось все, что вызывало хоть малейшую тень сомнения в ущемлении российских притязаний на Болгарию. В частности, было отвергнуто предложение султана о созыве международной конференции. Русская дипломатия весьма обоснованно опасалась,

что ее участники будут действовать на ней во вред интересам России. Собственно русские проекты носили весьма рискованный, если не авантюрный в своем большинстве характер. К их числу можно отнести и план Нелидова (август 1887 г.). Исходя из тезиса о признании де-юре великими державами князя, он предлагал приступить к занятию страны, чтобы «удалить оттуда укрепившееся со времени филиппопольского переворота (Филиппополь — Пловдив, где произошло восстание в 1885 г.) антирусское правительство, а равно и возвратить сам болгарский народ на путь правильного развития, с которого он был насильственно совлечен». В плане предусматривалась срочная высадка в Бургасе и Варне одной дивизии, которая могла бы обеспечить успех задуманного предприятия. За время шестимесячного пребывания русских войск назначенный в Болгарию комиссар должен был реализовать программу, по которой «свободно избранный» князь был бы признан всеми великими державами. Однако этот план не был принят императором. Александр III не мог и не хотел втягивать свою страну на путь, чреватый очередной войной для России²⁹.

Стремясь использовать любой мало-мальски серьезный шанс для организации контрпереворота в Болгарии, Россия не забывала старую идею о привлечении самих болгар — противников власти Стамболова — к этой акции. В этом ракурсе представляет интерес секретная миссия дипломата Н. Г. Гартвига по координации деятельности эмиграции. Во время своих встреч и бесед (1887 г.) с представителями эмиграции в Константинополе, Адрианополе, Бухаресте он стремился рассеять их надежды на вооруженное вмешательство России в болгарские дела. Эмигрантам внушалось, что освобождение их страны зависит только от них и рассчитывать они могут только на свои силы, на прочность создаваемой базы. Собеседники Гартвига заверяли его в том, что возбуждение населения против софийских правителей возрастает день ото дня, а крестьяне «почти всей северо-западной части княжества готовы будут восстать при первом зареве». Но оснований для подобных заявлений у эмиграции не было. Не выдерживало критики и утверждение заговорщиков о готовности крестьян к восстанию. Ни народ, терроризированный властями и апатично относившийся к насильственным переворотам, ни армия, где была проведена основательная чистка, не могли служить опорой для горстки эмигрантов. Не внушала доверия и та легкость, с которой была преодолена разрозненность и сепаратизм в эмигрантской среде. Александр III не напрасно считал, что Гартвиг «слишком успокоителен и слишком надеется на успех». Но царь здесь забывал одно: легкость была в немалой степе-

ни обусловлена надеждами эмиграции на финансирование их предприятия. Сам Гартвиг, выступая за выделение ей средств, подчеркивал, что даже при неудачном исходе вся ответственность падет на эмиграцию и сам провал будет выглядеть относительным, так как болгарский народ в своей массе сочувствует перевороту. Здесь у Гартвига наблюдалась все та же застарелая болезнь в переоценке народа. Тем не менее его доводы возымели определенное действие, так как отказ в деньгах означал бы развал всего движения на мелкие группы и заранее обрекал на провал всякую попытку восстания. Болгарская оппозиция — как внешняя, так и внутренняя — представлялась Александру III как бы мостом, открывающим путь к желанному возвращению Болгарии под крыло двуглавого орла. Отпуская деньги (очень небольшие), русская дипломатия верила или хотела верить в серьезность планов эмиграции по организации восстания в национальном масштабе.

Однако надежды Петербурга решительно не оправдывались. Полученные в декабре 1887 г. 15 тыс. фр. были израсходованы на вооружение мелких групп, чьи вылазки на территории княжества закончились провалом.

Дальнейшее финансирование было прекращено. Поставляемая Гартвигом информация уже не выглядела убедительной для руководства МИД³⁰.

К середине января 1888 г. в Петербурге разработали другой план по удалению князя. Он был связан с именем близкого друга Фердинанда, известного банкира и железнодорожного дельца Морица Гирша. Он обещал главе российского МИД уговорить Фердинанда покинуть Болгарию. Однако и здесь «счастливого конца» не получилось. Гирш отказался от своего намерения на том основании, что положение его друга — ранее славшего ему отчаянные письма — упрочилось³¹.

Горькие жалобы на своих министров во главе со Стамболовым отнюдь не мешали князю сознавать, что упорство, с каким его защищал тот же Стамболов на европейской арене, играет ему на руку. Одновременно Фердинанд методично и терпеливо старался завоевать расположение армии, раздавая награды, повышая офицеров в чинах и должностях, чтобы исключить возможность использования военных в любой направленной против него акции, тем самым укрепляя свои позиции в стране.

В ситуации, когда русская дипломатия терпела фиаско по всем направлениям, императорское правительство сочло необходимым выступить с известным заявлением от 11 февраля 1888 г. В нем подчеркивалось, что Россия оставит события в Болгарии следовать их

естественному развитию, но в то же время будет рассматривать положение в стране как незаконное до тех пор, пока Фердинанд не покинет княжества.

Но интриги продолжались. Решено было вступить в переговоры в целях удаления князя со Стамболовым, первым заявившем о своей готовности помочь России. До сих пор неясны до конца мотивы, толкнувшие его на написание известного письма от 25 февраля 1888 г., в котором он фактически предлагал сдачу князя в обмен на русского ставленника за материальное вознаграждение. 12 марта глава Азиатского департамента МИД И. А. Зиновьев пишет ответное письмо, в котором содержались следующие пункты: удаление Фердинанда, отправка депутации в Петербург для обсуждения вопросов о будущем кандидате на престол, где болгарам не будут ставиться «сколько-нибудь стеснительные условия», созыв Великого Народного собрания для избрания нового монарха будет зависеть от болгарского правительства, в которое могут войти все те, кто «готов будет отказаться от минувших заблуждений», в том числе и Стамболов. Там же подчеркивалось, что, решая в будущем воздержаться от вмешательства в болгарские дела, императорское правительство предоставляет болгарам самим решить вопрос об эмиграции.

Переговоры, несмотря на обмен письмами, не состоялись. Возможно, причина была в отказе предоставить Стамболову деньги для подготовки заговора. Очевидно лишь одно: Стамболов прекратил дальнейшие попытки по установлению прямых контактов с Петербургом. Будучи незаурядным политиком, рассчитывавшим комбинации на несколько ходов вперед, Стамболов, возможно, не захотел рисковать превратиться в козла отпущения в случае провала, в то время как Россия выглядела бы незапятнанной.

Он задумал комбинацию, надо сказать, весьма оригинальную: вассальное княжество с непризнанным князем обратило свои взоры на Турцию, пугая ее объявлением своей независимости в случае отказа в официальном признании Фердинанда. Этот смахивавший на авантюру прием основывался на страхе Константинополя перед политическими осложнениями, которые могли втянуть империю в войну.

Расчет Софии, казалось, оправдывал себя. Встревоженная Порта провела ряд совещаний и была готова уступить, но не могла, как и прежде, решиться на самостоятельную акцию. Абдул-Хамид II со своим правительством предприняли попытку склонить русскую дипломатию к признанию законности Фердинанда. Султан, объясняя Нелидову всю вынужденность будущей акции, обуславливал ее проведение интересами европейского мира. Однако Нелидов был

непреклонен, заявляя, что угождая «честолюбцам», доставившим Кобурга в Болгарию, Абдул-Хамид II забывает, что «Россия есть самая близкая и мощная соседка Турции». После столь недвусмысленной угрозы Нелидов «по-дружески» уверял султана, что уступка болгарам отнюдь не прекратит дальнейших притязаний, а наоборот, вызовет их рост: требование независимости, присоединение Македонии, что в свою очередь повлечет территориальные претензии со стороны соседних с Османской империей стран. Эта тактика запугивания — имевшая определенные основания — заставила султана уступить и заявить еще раз о непризнании Кобурга³².

И в то же время Порта пошла на назначение болгарских епископов в Скопскую и Охридскую епархии в Македонии, показав России свою заинтересованность в сохранении существовавшего порядка вещей в Болгарии. Демонстрируя свою благосклонность к Софии, Порта дала ей понять тем самым о нежелательности конфликта с империей, от которой во многом зависит распространение болгарской, греческой или сербской пропаганды в Македонии.

Не имея возможности расстроить турецкую акцию, МИД все же уполномочил Нелидова заявить Порте, что в России считают «неуместной и нелогичной с интересами Порты уступку дерзким требованиям Стамболова». Вместе с тем русский дипломат, обращая внимание турецкого правительства на необходимость нейтрального отношения к народам Македонии, подчеркивал: «В разыгрываемой там пред нами этнографической борьбе проявляется историческое движение, которое следует предоставить его собственному течению. Пусть само население разберется, кто какой народности составляет часть. Предоставьте каждой из них свободу заявлять свои права на принадлежность к тому или иному племени и требуйте от них только равномерного и мирного подчинения вашей власти. Пристрастным же отношением к делу вы только обострите борьбу и можете вызвать даже волненье»³³.

Частный успех Софии не повлиял на разрешение болгарского вопроса, а лишь осложнил его урегулирование. Тем не менее в 1891 г. появились благоприятные признаки. Вновь был начат заочный диалог Стамболова с Петербургом. В его ухудшившихся отношениях с Кобургом русская дипломатия увидела шанс для свержения князя. Переговоры велись трудно. Стамболов находил явно недостаточными устные заверения Нелидова о нежелании Александра III навязывать княжеству своего кандидата и внедрять там русское управление. Ему было необходимо письменное заявление императора, которое могло быть прочтено в Софии специальным посланцем. Говоря коротко, каждая из сторон желала обеспечить

себе твердые гарантии и не хотела первой начинать выполнять требуемые от нее действия.

Русская дипломатия считала ниже своего достоинства связывать себя письменными обязательствами, Стамболов, не получая их, опасался стать игрушкой в руках России. Переговоры и на этот раз закончились без каких-либо результатов.

Как и прежде, все, что могло послужить укреплению болгарского правительства и князя Фердинанда, вызывало соответствующие меры русской дипломатии. Так, турецкая сторона была принуждена принести свои извинения Петербургу в связи с 15-минутным приемом (лето 1892 г.) Абдул-Хамидом II Стамболова. Подобная сверхбдительность и жесткость были в духе дипломатии Александра III, надеявшегося, что рано или несколько позже его политика принесет нужные результаты.

Но существовало и другое мнение по болгарскому вопросу. Оно принадлежало В. Н. Ламздорфу, одному из влиятельных чиновников МИД, министру иностранных дел в будущем. Как и у Зиновьева, настойчивое стремление монарха разделаться со столь «незначительной фигурой, как Фердинанд Кобургский» вызывало у него недоумение. В своем дневнике от 18 апреля 1892 г. он записывал: «Нам лишь следовало в свое время протестовать против принципиальной неправомерности его прихода к власти. Разве нам не прямой расчет как-нибудь урегулировать и узаконить этот свершившийся факт? Кобурга опасались главным образом как католика; в общем мы ни в чем не можем упрекнуть этого незначительного князька, очень спокойного, безвредного и достаточно богатого, чтобы не просить у нас денег. Надо признать, что католическая пропаганда ничем не сказалась в Болгарии, что, впрочем, болгары вообще очень безразличны к религиозным вопросам и поддались бы ей очень туго. Все, чего они хотят, — это чтобы им дали возможность мирно существовать, обогащаться и заниматься своими материальными интересами. Раз это так, чем нам может помешать Кобург, который, будучи нами признан, вероятно, отделается от Стамболова и лишится главного основания для поддержки его другими державами. Мы должны лишь настаивать на постановлении о православном наследнике на основании тырновского статута и выбирать серьезного, тонкого и настойчивого представителя, чтобы потихоньку восстановить с Софией нормальные отношения»³⁴.

Эта обширная выдержка не требует каких-то особых комментариев за исключением двух моментов. Первый относится к несколько небрежной характеристике болгарского народа. Бывшему посланнику в Софии А. А. Савинскому она представлялась иной. В одной

из своих записок в МИД, относящейся ко времени Первой мировой войны, он указывал, что «среди балканских государств и народностей Болгария в силу природных средств и качеств населения — честолюбия, энергии, живучести, твердости, экономии, желания и способности совершенствоваться, а также благодаря богатству и плодородию почвы — является в этом отношении особенно опасной»³⁵.

Именно эти черты — энергия, политическая живучесть — «забывались» Александром III с его стремлением удалить, изгнать «узурпатора» — католика из православной Болгарии.

И второй момент. Размышления Ламздорфа не могли иметь какого-либо практического выхода до тех пор, пока у кормила страны находился Александр III. По меткому замечанию нового главы Азиатского департамента Д. А. Капниста, признание царем законности Фердинанда на престоле «было равносильно путешествию в Каноссу».

Внешнеполитический курс России в болгарских делах исходил из предпосылки-аксиомы, что если она может обойтись без Болгарии, то последняя не в состоянии игнорировать Российскую империю. Александр III продолжал придерживаться этого курса и после известных событий, связанных с отстранением упрочившего свои позиции князя Стамболова от власти и формированием нового правительства (весна 1894 г.). Однако правление царя заканчивалось: его здоровье стремительно ухудшалось, и 20 октября 1894 г. император скончался.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Освобождение Болгарии от турецкого ига. Документы. М., 1967. Т. 3. С. 222.
- 2 Цит. по: *Паренсов П.* Из прошлого. СПб., 1908. Ч. 4. С. 148.
- 3 *Паренсов П.* Из прошлого... С. 260–261.
- 4 *Милютин Д.* Дневник. 1878–1880. М., 1950. Т. 3. С. 230.
- 5 АВПРИ. Ф. ГА У-А2. Д. 917. Ч. 1. Л. 448–451.
- 6 Там же. Д. 189об.—193.
- 7 Там же. Ф. Политархив. Д. 5. Л. 12 и об.
- 8 Там же. Ф. ГА У-А2. Д. 920. Л. 230об.
- 9 *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии 1879–1886. М., 1991. С. 55–56.
- 10 АВПРИ. Ф. ГА У-А2. Д. 919. Л. 123.
- 11 Там же. Л. 282об.
- 12 *Шеглов А. Н.* Русское министерство в Болгарии // Исторический вестник. 1911. Т. 11. С. 554–555.

- 13 *Соболев Л. Н.* К новейшей истории Болгарии: материалы о внутренней политике 1881–1883 // Русская старина. 1886. Т. 9. С. 737–738.
- 14 АВПРИ. Ф. ГА V-A2. Д. 921. Л. 394об.–395.
- 15 Там же. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 477.
- 16 Там же.
- 17 Там же. Л. 258–259.
- 18 Там же. Л. 258–259.
- 19 Там же. Л. 499об.
- 20 Там же. Л. 500–501.
- 21 *Карцов Ю. С.* Семь лет на Ближнем Востоке. 1879–1886. СПб., 1906. С. 253.
- 22 Там же. С. 259.
- 23 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1280. Л. 389об.–391.
- 24 *Gladston W. E.* Bulgarian Horrors and the question of the East. London, 1876. P. 51.
- 25 *Виноградов В. Н.* Герои Шипки и туманы Лондона // Новая и новейшая история. 1980/1. С. 110.
- 26 Новое время. 1/13 октября 1886. № 3804.
- 27 *Радев С.* Строителите на съвременна България. София, 1973. Т. 2. С. 201.
- 28 Записка великого визиря Камиль-паши // Известия МИД. Пг., 1916. Кн. 8–9. С. 139–140.
- 29 *Косик В. И.* Время разрыва. Политика России в болгарском вопросе. 1886–1894. М., 1993. С. 24–25.
- 30 Там же. С. 32–39.
- 31 Там же. С. 39.
- 32 Там же. С. 54.
- 33 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 24. Л. 226–227.
- 34 *Ламздорф З. Н.* Дневник (1891–1892). М.; Л., 1934. С. 314.
- 35 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 5358. Л. 21.

АЛБАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ 1878—1908 гг.

В эволюции места албанского вопроса в системе международных отношений в Европе в рассматриваемый исторический период можно выделить несколько стадий, отличающихся как его внутренним наполнением, так и ролью албанских сюжетов во внешнеполитических планах балканских государств и великих держав. Первый этап охватывает период 1878—1881 гг., связанный в истории Албании с деятельностью Албанской (Призренской) лиги.

Русско-турецкий договор, подписанный в Сан-Стефано (совр. Ешилькей близ Стамбула) по итогам Великого восточного кризиса 3 марта 1878 г., не только не содержал никаких упоминаний об Албании и албанцах — в отличие от представителей других балканских национальностей, они по умолчанию могли рассчитывать лишь на ограниченную административную автономию, — но и предусматривал передачу ряда территорий с преобладающим албанским населением соседним государствам — Болгарии (которой передавалась область с важным торговым центром Корча, а также Поградец, Дибра, Гостивар и Тетово), Сербии и Черногории¹.

Это вызвало резкую негативную реакцию в рядах набиравшего силу албанского национального движения. С весны 1878 г. все большее распространение в нем стала приобретать идея образования общеалбанской лиги, призванной способствовать объединению всех албанских земель в одно государственное-политическое автономное образование, а также воспрепятствовать планам великих держав и балканских государств добиться отторжения в их пользу территорий, населенных албанцами. По последнему вопросу взгляды албанцев в принципе соответствовали интересам турецкого правительства (которое стремились использовать албанское движение в интересах сохранения территориальной целостности Османской империи), а также вписывались во внешнеполитическую стратегию некоторых великих держав, в первую очередь Великобритании и Австро-Венгрии, настаивавших на необходимости пересмотра Сан-Стефанского соглашения и планировавших использовать недовольство албанцев в качестве рычага давления на Россию.

10 июня 1878 г. в косовском городе Призрен с участием 80 делегатов состоялось первое заседание всеалбанского учредительного собрания Албанской лиги (получившей в связи с этим свое второе

название — Призренская) ². В подготовке этого форума особая роль принадлежала братьям Абдюлю (1839–1892) и Сами (1850–1905) Фрашери, а также Пашко Васе (входивших в состав Центрального (Стамбульского) комитета по защите прав албанской национальности, образованного в декабре 1877 г.) Делегаты приняли программу, написанную на турецком языке и озаглавленную «Карарнаме» («Книга решений»), которая имела достаточно умеренный характер и включала в себя следующие пункты:

1. Безоговорочная лояльность по отношению к турецкому султану.
2. Борьба до последней капли крови против какой-либо аннексии албанских территорий.
3. Объединение всех населенных албанцами территорий в одну провинцию, управляемую турецким генерал-губернатором.
4. Придание албанскому языку официального статуса.
5. Введение национальной армии под командованием турецкого офицера» ³.

Одновременно участники собрания направили специальный меморандум участникам Берлинского конгресса (открывшегося 13 июня 1878 г.), а также турецкому правительству и дипломатическим представителям великих держав в Константинополе, в котором акцентировали внимание Европы на вышеуказанных положениях. Кроме того, в Берлин отправилась полномочная делегация Албанской лиги во главе с Абдюлем Фрашери.

Однако деятелям албанского национального движения не удалось принять участие в работе европейского форума наравне с представителями их балканских соседей и даже добиться включения в повестку дня обсуждения в отдельном виде албанского вопроса; великие державы отрицали даже сам факт существования албанской нации (непосредственная фраза — «албанская нация не существует» — принадлежала председателюовавшему на Конгрессе германскому канцлеру О. Бисмарку ⁴) и рассматривали территории с албанским населением лишь в качестве географического понятия. И хотя решение Конгресса о сокращении территории Болгарии, предусмотренной договором в Сан-Стефано, объективно оказалось позитивным для Албании, так как тем самым район города Корча оставался в составе Османской империи, документы, подписанные в германской столице, предполагали передачу Черногории двух городов со смешанным албано-славянским населением — Плава и Гусинье, а Греции — значительной части Южной Албании, в том числе и районов с преобладающим албанским населением. Афинский корреспондент лондонской газеты «Таймс» сообщал о том значении, которое греческое руководство придавало «албанскому направ-

лению» своей внешней политики, рассматривая присоединение города Янина в качестве первого этапа постепенной «эллинизации» Албании⁵.

2 июля 1878 г. состоялось второе общее собрание Албанской лиги, на котором в числе основных обсуждались вопросы организации защиты албанских земель от их передачи под чужеземное господство. На основании принятых на нем решений в северных областях Албании создавались вооруженные албанские отряды, призванные оказать сопротивление возможному вторжению черногорских войск с целью оккупации присужденных Цетинье земель. При этом турецкие власти — видя в албанцах своих естественных союзников в борьбе против диктата великих держав и нарушения территориальной целостности Империи — снабжали албанцев оружием и боеприпасами. Однако руководители албанского национального движения настороженно относились к попыткам турецкой стороны использовать албанцев в своих собственных интересах, не имевших ничего общего с чаяниями албанского народа. В частности, руководство Албанской лиги отвергло предложение Константинополя направить албанские отряды в Боснию и Герцеговину для организации отпора австро-венгерским властям, оккупировавшим эти турецкие провинции с санкции остальных великих держав.

Тем временем, в сентябре 1878 г. руководство Албанской лиги разработало и приняло новую программу этого общеалбанского объединения, имевшую более радикальный характер по сравнению с предшествовавшей и предусматривавшую объединение всех албанских земель в одно автономное государственно-политическое целое с ведением делопроизводства и образования на албанском языке и формирование албанской национальной армии, при сохранении суверенитета султана (призванного отстаивать албанские интересы и неприкосновенность их земель).

6 февраля 1879 г. в городе Превета начались греко-турецкие переговоры по вопросу территориального разграничения между двумя странами, прерванные, однако, в следующем месяце по инициативе турецкой стороны, которая была осведомлена об отвечавшем ее интересам и уже принятом состоявшемся здесь же заседании отделения Призренской лиги решении оказать вооруженное сопротивление реализации любых решений, предусматривавших передачу Эпира Греции.

Весной 1879 г. Абдюль Фрашери вместе с другим видным деятелем албанского национального движения — Мехметом Али Вриони — посетили все ведущие европейские столицы (за исключением Санкт-Петербурга), а также Константинополь, стараясь ознакомить

правительства и общественность великих держав (в своем подавляющем большинстве рассматривавшие Албанскую лигу в качестве творения и политического инструмента турецких властей) с национальными интересами и требованиями албанцев⁶.

Тем временем развитие албанского национального движения в рамках Призренской лиги шло по нарастающей. Дополнительным катализатором этого процесса явился обнародованный летом 1879 г. отказ султана пойти навстречу требованиям албанцев об образовании единого албанского автономного вилайета со ссылкой на положения Берлинского трактата, предусматривавшие проведение в Османской империи ограниченных административных реформ в рамках существовавшей территориально-государственной структуры Порты.

Данный шаг Константинополя ознаменовал собой фактический раскол между албанским национальным движением в рамках Призренской лиги и турецкими властями, взаимоотношения которых и до этого времени носили противоречивый и зачастую напряженный характер вследствие объективного расхождения принципиальных целей и задач национально-освободительного движения и государственных интересов Османской империи⁷. В этих условиях отделения Лиги стали по своей собственной инициативе организовывать на местах албанские административные и судебные органы; албанское население отказывалось платить налоги Константинополю и вступало в национальные вооруженные отряды.

В июле 1879 г. в южноалбанском городе Гирокастра открылось очередное общее собрание Призренской лиги, на котором лидер радикального крыла албанского национального движения Абдюль Фрашери предложил на рассмотрение делегатов из всех албанских областей еще более прогрессивный программный документ, на деле означавший, что Лига берет на себя функции временного правительства автономной Албании, построенной на принципах равенства и гражданских свобод и располагающей собственной регулярной армией. За султаном, который должен был взять на себя обязательство защищать Албанию от внешней агрессии, оставлялось право назначать правителя албанского государственного образования, собирать ежегодную дань, а также получать в военное время в свое распоряжение ограниченный албанский воинский контингент. Данная программа была в целом одобрена делегатами общеалбанского собрания, однако, под давлением более умеренной их части, ее реализация была поставлена в зависимость от возникновения ситуации, когда Османская империя подвергнется внешней агрессии и не сможет ей эффективно противостоять.

Изменилось и отношение турецких властей к проблеме реализации решений Берлинского конгресса относительно территориального разграничения с соседними государствами. Испытывая все возрастающее давление со стороны европейских держав и понимая нежизнеспособность империи в условиях внешнеполитической изоляции и возможных военно-силовых акций, султанское правительство решило форсировать выполнение наложенных на него обязательств. В декабре 1879 г. в Призрен прибыла очередная турецкая военная миссия во главе с губернатором Битольского вилайета Ахмедом Мухтар-пашой.

Однако решительные действия албанцев, заблокировавших продвижение турецких отрядов, в очередной раз сорвали планы «цивилизованной» Европы и Османской империи. Более того, подчинившиеся Призренской лиге албанские вооруженные отряды нанесли 8—10 января 1880 г. тяжелое поражение черногорским войскам, попытавшимся явочным порядком оккупировать искомые области.

В этих условиях правительства и дипломаты великих держав признали необходимым внести коррективы в уже подписанные ими договоренности. В апреле 1880 г. посланники европейских государств в Константинополе по инициативе итальянской стороны договорились о передаче Черногории вместо Плава и Гусинье североалбанских горных округов Хот и Груда, жители которых исповедовали католицизм. И вновь попытки перекроить политическую карту Балкан без учета исторических и национальных реалий натолкнулись на решительное противодействие «несуществующей» (по мнению Европы) нации, в очередной раз получившей тайное содействие со стороны турецких властей, передавшей албанским отрядам оружие и боеприпасы и позволившей им занять оборонительные позиции турецкой армии (в частности, в городе Тузи, расположенном в районе, подлежащем передаче Цетинье).

Наконец, в июне 1880 г. Великобритания и Австро-Венгрия убедили своих коллег по «клубу великих держав» «окончательно» пересмотреть свое «окончательное» решение. Теперь разменной картой в большой европейской политике стал стратегически важный албанский портовый город Улцинь (Дульциньо) вместе с прилегающей к нему территорией, а исполнителями — турецкие войска под командованием Дервиш-паши.

В результате штурма Улциня, осуществленного значительно превосходящими по численности турецкими силами 22 ноября, героическое сопротивление защищавшего город вооруженного албанского отряда было подавлено, а через несколько дней в город были беспрепятственно пропущены черногорские войска.

Убедившись в решимости албанцев отстаивать свою землю, правительство Османской империи заняло более жесткую позицию в вопросе о греко-турецком разграничении. Оно отклонило коллективную ноту, подготовленную на состоявшейся в июне 1880 г. в Берлине конференции послов великих держав и включавшую подтверждение положения Трактата 1878 г. о передаче Греции Фессалии и Северного Эпира, указав, со своей стороны, что изменение государственной юрисдикции областей, населенных албанцами, неминуемо вызовет серьезные внутривосточные осложнения для Константинополя. Это привело к резкому обострению отношений между Турцией и Грецией, оказавшимися на грани войны.

Со своей стороны, турецкое руководство, испытывавшее все возрастающие трудности в отношениях со своими албанскими подданными и конкретно в связи с дальнейшей активизацией деятельности Призренской лиги, согласилось на передачу Греции всей Фессалийской области, а не только ее южных областей (что предполагалось ранее), в обмен на сохранение в своем составе большей части Эпира. В конечном итоге греко-турецкая конвенция по территориальным вопросам была подписана сторонами в Константинополе 2 июля 1881 г.

В октябре 1880 г. на состоявшемся в городе Дибра очередном общем собрании делегатов Албанской лиги произошел принципиальный раскол между делегатами. Группа радикалов, возглавлявшаяся Абдюлем Фрашери, призвала добиваться реализации положений программы широкой автономии Албании, принятой в Гирокастре; немного превосходившая ее по численности группа умеренных делегатов поддержала резолюцию об обращении к турецкому правительству с просьбой о предоставлении албанским землям ограниченной автономии; наконец, небольшая группа участников форума выступила против какой-либо автономии в принципе. Однако в Константинополе отказались даже обсуждать направленные туда резолюции, а султан заявил о полной неприемлемости образования отдельного албанского вилайета, пригрозив сторонникам указанной идеи репрессивными мерами.

В ответ по призыву Абдюля Фрашери в Призрене в январе 1881 г. состоялся чрезвычайный албанский съезд, собравший сторонников радикального крыла Лиги. На нем был пересмотрен состав его Генерального совета, который стал объединять в своих рядах исключительно сторонников широкой албанской автономии, а Национальный комитет Призренской лиги, возглавлявшийся Юмером Призрени, был наделен правительственными полномочиями.

С этого времени вооруженные отряды, подчинявшиеся сформированной верховной албанской власти, перешли к активным боевым действиям непосредственно против турецких войск, в том числе в Косовском вилайете, Дибрском вилайете и в Македонии (где им удалось занять город Скопье (Ускуб)). Попытки Лиги распространить вооруженную освободительную борьбу на другие албанские земли окончились неудачей.

В конце марта 1881 г. турецкие войска развернули массированное наступление против албанцев, во главе которого встал печально известный своими карательными экспедициями Дервиш-паша. Упорное сопротивление слабо организованных и плохо вооруженных албанских отрядов было сломлено; в том же месяце под контроль турецких властей перешел Скопье, в конце апреля — Призрен, а вскоре и остальные районы Косово и Дибрского вилайета. На всей территории, населенной албанцами, осуществлялись массовые репрессии против участников национального движения и депутатов Призренской лиги. Однако Дервиш-паше (остававшемуся со своими войсками в Албании вплоть до конца 1881 г.) удалось «умиротворить» лишь население городов и сел, расположенных на равнинной местности; горные же территории по-прежнему оставались вне досягаемости османских правителей⁸.

Разгром турецким правительством Призренской лиги ознаменовал собой окончание бурного и чрезвычайно важного периода в истории албанского национального движения, характеризовавшегося — в плане интересующих нас в первую очередь международных отношений — началом активной внешнеполитической деятельности албанских лидеров и пробуждением интереса к албанским сюжетам как в правящих кругах великих держав, так и, в первую очередь, в общественном мнении стран Европы. На протяжении всего рассматриваемого периода в Албании не прекращались волнения и открытые вооруженные выступления против турецких властей. Однако центр тяжести в национально-освободительной борьбе албанского народа переместился в сторону идейно-политической борьбы и разработки его руководителями и идеологами, среди которых в первую очередь следует назвать братьев Сами и Наима (1846–1900) Фрашери, Исмаила Кемали (1844–1919) и Яни Врето, теоретических проблем и программных положений, направленных в конечном итоге на достижение национального освобождения албанского народа. Важная роль в этом плане отводилась вопросам разработки единого албанского литературного языка, развитию албанской культуры и образования (7 марта 1887 г. в городе Корча открылась первая албанская школа, в связи с чем этот день впоследствии стал от-

мечаться как День учителя⁹), а также созданию в зарубежных столицах — где существовали многочисленные албанские колонии (прежде всего, в Константинополе, Софии, Бухаресте, Южной Италии, Египте) — культурно-просветительских национальных албанских обществ и клубов¹⁰.

Особо благоприятные условия для албанского национального движения в эмиграции существовали в Италии, во-первых, вследствие существования в этой стране значительной прослойки так называемых итало-албанцев — потомков двухсот тысяч албанских эмигрантов, покинувших свою страну в XV в. после подавления турецкими властями восстания Скандербега, нашедших убежище в Неаполитанском королевстве, на Сицилии и особенно в Калабрии и на протяжении веков сохранявших и развивавших родной язык и родную культуру, — а во-вторых — благодаря моральному и материальному покровительству премьер-министра Ф. Криспи — тоже итало-албанца по своему происхождению. Так, в 1900 г. в Неаполе при местном Восточном институте была открыта кафедра албанского языка и литературы¹¹.

Ключевая роль в развитии албанского движения в Соединенных Штатах Америки принадлежала священнику Фану Стилиану Ноли (1882–1965), который в 1906 г. прибыл из Египта в американский штат Массачусетс по призыву местного албанского землячества, ведшего борьбу за церковную автономию против местного греческого духовенства. 8 марта 1908 г. архиепископ русской православной церкви в Америке посвятил двадцатилетнего Фана Ноли в сан священника. В результате юрисдикция греческой Патриархии в Константинополе была заменена формальным главенством русской православной церкви в США; однако фактически албанская церковь пользовалась широкими суверенными правами, главным из которых было право использования албанского языка в церковных литургиях¹².

В 1884 г. Наим Фрашери основал албанское периодическое издание «Дрита» («Свет»), а через два года подготовил целый ряд сочинений, рассматривавшихся им в качестве учебников по истории, географии и другим наукам для будущих албанских школ. Первая из них — частная албанская школа для детей как из мусульманских, так и православных семей¹³ — была открыта по инициативе Наима и Сами Фрашери в Корче в 1887 г.; вслед за ней албанские школы появились также в городах Эльбасан, Влера, Тирана, и в ряде деревень¹⁴.

Нормы Берлинского трактата 1878 г., в целом заложившего принципиальные основы государственно-правового положения балканских народов на период до Первой мировой войны, оказались неспособными обеспечить взаимоприемлемое разрешение важнейших

противоречий на Балканском полуострове и в Европе в целом, а его положения послужили отправным пунктом для разработки балканскими государствами системы своих внешнеполитических приоритетов, распространявшихся, в частности, и на албанские земли.

Так, уже в 80-е гг. XIX в. Сербия, государственная независимость которой была подтверждена вышеуказанным актом, избрала в качестве одного из первоочередных направлений своего внешнеполитического курса освобождение из-под власти Османской империи и присоединение к Королевству так называемой «Старой Сербии», а именно Косово и Метохии, а также Ново-Пазарского санджака со смешанным православным, мусульманским и католическим — в первую очередь, сербо-албанским — населением. Первым конкретным шагом на пути реализации этого плана явилось приуроченное к годовщине Косовской битвы открытие ряда сербских консульств в европейских областях Османской империи, особая роль среди которых отводилась консульству в Приштине¹⁵.

Что же касается собственно международного аспекта албанского вопроса, то великие державы, проводившие политику поддержания status quo на Балканах, после разрешения вопроса о территориальном разграничении между балканскими государствами на основе решений Берлинского конгресса перестали открыто проявлять к нему интерес. В частности, они оставили без ответа меморандумы, содержавшие проекты будущего государственного устройства албанских земель, которые в период обострения македонского вопроса и греко-турецкой войны на рубеже XIX — XX вв. направлялись в адрес Порты и правительств великих держав албанскими организациями, действовавшими за пределами самой Албании. Албанский вопрос признавался хотя и теоретически существующим, но находящимся даже не на втором, а на третьем плане актуальной балканской политики. В дипломатических документах, относящихся к этому времени, албанские сюжеты, как правило, упоминались косвенно и применительно к тем или иным конфликтам между балканскими государствами. В частности, пристальный интерес великих держав, в первую очередь, России и Австро-Венгрии, привлек вооруженный конфликт на сербо-турецкой границе в районе села Вранье в июне 1899 г., в котором, по некоторым сведениям, с турецкой стороны принимали участие албанцы и который вызвал определенное напряжение в отношениях Сербии и Османской империи¹⁶. Однако в плане анализа перспективного изменения ситуации на Балканах албанские сюжеты все больше и больше стали занимать умы европейских дипломатов, и в первую очередь Бальхаусплатца, который отводил албанским землям роль своеобразного буфера на пути рас-

ширения как территории, так и влияния славянских государств Балканского полуострова. Как неоднократно отмечал в своих обстоятельных донесениях, относившихся к 1897–1898 гг., российский посол в монархии Габсбургов П. А. Капнист, «отказавшись от всякой завоевательной политики на Балканском полуострове и от всякого значительного расширения занятой уже на нем территории (на деле Вена и придерживалась данного принципа вплоть до начала Первой мировой войны. — *Авт.*), — австро-венгерское правительство постоянно озабочено ограждением приобретенного и не теряет из виду обеспечения своих интересов в будущем на побережье Адриатики. Самостоятельное развитие Албании и ограждение этой провинции от всякого внешнего посягательства (как со стороны Италии, так и со стороны славянских соседей. — *Авт.*) или слияния с одним из балканских государств составляет поэтому предмет постоянных забот венского кабинета»¹⁷.

Обострение восточного вопроса на рубеже веков, поставившее под сомнение действенность и незыблемость договоренностей, достигнутых в Берлине и касавшихся, в первую очередь, территориально-государственного устройства Балкан, побудили лидеров албанского национального движения предпринять активные действия с тем, чтобы не допустить нового использования своих земель в качестве разменной монеты в деле «умиротворения» и «вознаграждения» конфликтующих сторон.

В январе 1899 г. в городе Пейя состоялось собрание делегатов, прибывших из различных районов Косовского вилайета, провозгласившее создание новой Албанской лиги (во главе которой встал Хаджи Зека), призванной бороться против попыток территориального расчленения албанских земель¹⁸. В течение последующих месяцев в других районах Османской империи, населенных албанцами, проходили собрания в поддержку решений, принятых в Пейе, кое-где учреждались местные органы власти, замещавшие турецкую администрацию, и даже вооруженные отряды. Однако деятельность Лиги не приобрела столь необходимый ей для успеха албанского национального движения — из-за исторически существовавшей раздробленности албанцев по географическому, культурно-национальному и религиозному признакам — общеалбанский характер: турецким властям, используя метод «кнута и пряника», попеременно проводя военные карательные экспедиции и подкупая крупных албанских феодалов денежными суммами и высокими государственными должностями, удалось подавить разрозненные и неорганизованные выступления албанцев.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 10. В Болгарии годовщина заключения перемирия в Сан-Стефано отмечается с гораздо большей торжественностью, чем подписания Берлинского трактата, грубо поправшего национальные интересы страны. (*Poulton H.* The Balkans. Minorities and States in Conflict. Minority Rights Publications. London, 1993. P. 3–4.)
- 2 *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 10.
- 3 *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. R. Oldenbourg Verlag. München, 1982. S. 18.
- 4 *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 10.
- 5 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. I. B. Tauris. London, New York, 1995. P. 38.
- 6 В ходе этой поездки албанские делегаты имели беседы, в частности, с такими видными политическими деятелями тогдашней Европы, как министры иностранных дел Англии и Франции Р. Солсбери и В. Ваддингтон, а также глава итальянского кабинета А. Депретис.
- 7 Достаточно упомянуть, в частности, секретные контакты Абдюля Фрашери с греческим правительством в 1877 г. на предмет координации антитурецких усилий обеих сторон в военной области, а также вооруженный конфликт в Дьякове в сентябре 1878 г. между турецкой военной миссией, направленной султаном (испытывавшим постоянное давление великих держав) в этот город для организации передачи областей Плава и Гусинье Черногории, и албанскими вооруженными отрядами, подчинявшимися местному отделению Призренской лиги, завершившийся убийством руководителя миссии турецкого маршала Мехмеда Али-паши и крахом всего его предприятия.
- 8 Подробнее о деятельности Призренской лиги см.: Албания в период Восточного кризиса (1875–1881 гг.). М., 1965. О том, как оценивало деятельность Призренской лиги общественное мнение России, см.: *Маньковская Г. Л.* Албанская лига в русской печати конца 70-х — начала 80-х годов XIX в. // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и Балканы. М., 1978.
- 9 *Zlatar P.* Enver Hodza. Politicka biografija. RAD. Beograd, 1986. S. 27.
- 10 Активная деятельность албанских землячеств в различных странах — прежде всего, в Италии, Турции, США, не говоря уже о балканских государствах, — продолжается и в настоящее время. Что же касается данных о количестве албанцев, проживающих за пределами современных границ Албании, то — как отмечалось в 1976 г. на Национальной конференции этнографических наук в Тиране — оно составляло на то время порядка пяти миллионов. (*Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 19.)
- 11 *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 11.
- 12 Ibid.

- 13 Ibid.
- 14 *Norris H. T. Islam in the Balkans.* University of South Carolina Press. Columbia, S. C., 1993. P. 164, 166; *Reti Gy. Mit kell tudni Albaniarol? Kossuth Konyvkiado.* Budapest, 1981. F. 30.
- 15 *Перуничий Б.* Писма српских конзула из Приштине 1890–1900. Београд, 1985. С. 14.
- 16 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив (ПА). Оп. 482. Д. 2080. Л. 2.
- 17 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2083. Л. 153.
- 18 Вопросам территориальной целостности и неприкосновенности албанских земель отводилось первоочередное место в документах, принятых Лигой, в отличие от требований и путей достижения албанцами автономии, по которым участникам форума не удалось прийти к взаимному согласию вследствие противостояния между радикальными и консервативными элементами.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ГРЕЦИИ В КОНЦЕ XIX В.

Насущной внешнеполитической задачей греческого государства в последней четверти XIX в. по-прежнему оставалась реализация Великой греческой идеи, так называемой Мегали идея. Даже мощнейшие национальные взрывы в Османской империи в XIX в. привели балканские народы лишь к частичному успеху. Рядом с вновь созданным национальным государством оставались на турецкой территории многочисленные соплеменники, жаждавшие освобождения и присоединения к своему народу. Поэтому немедленно вслед за получением государственной независимости народы Балканского полуострова обращали внимание на освобождение своих собратьев за границей. Эта задача становилась краеугольным камнем внешней и внутренней политики страны. Все другие национально-строительные задачи — экономические, социальные и государственно-образовательные (создание парламентской системы и проч.) — были в значительной степени принесены в жертву основной национальной задаче. Сильное чувство национального самосознания, как пишет профессор Л. Ставрианос, заставляло балканские народы сразу после завоевания независимости как бы оглянуться назад, во времена имперской мощи и славы, и «представления эти оказались реальны и живучи и были вполне серьезно взяты в расчет, особенно при выдвижении территориальных претензий»¹. Опасения лорда А. Веллингтона, высказанные им еще в 1828 г., о том, что создание государств на Балканах станет длительным и мучительным процессом, в конце XIX столетия оправдывались².

Греция изначально была образована в нереальных границах. Лондонский протокол от 21 июля 1832 г., определивший пределы новогреческого государства, включил в его состав меньше 1/3 всех греков, проживающих на континенте, Ионических и Эгейских островах. Вновь созданное греческое королевство не могло не обратить свои взоры на территории Фессалии, «Южного Эпира», части Македонии и Крита. Греки начали мечтать о том счастливом дне, когда греческое население этих областей Османской империи будет присоединено к независимому национальному государству, которое, наподобие Византийской империи, станет господствующим на Балканах³. Парадокс ситуации, в которой оказалась Греция, заключался в том, что без вмешательства Великобритании, Франции и России

в борьбу греков за освобождение в 1820-х гг., Греческое королевство не было бы создано. Вместе с тем столкновение интересов самих великих держав на Ближнем Востоке и требование поддержания баланса европейских сил привели к образованию маленькой и слабой страны.

По мнению греческого историка Т. Тациоса, «близорукость великих держав... посеяла семена неизбежного будущего несчастья», а исключение Крита — этого «великого острова» — из состава новогреческого государства привело к периодически возникающим восстаниям на острове и серьезным международным осложнениям на протяжении XIX в. ⁴

Такое разграничение вело к усилению национализма и ирредентизма, которые оказывали все большее влияние на политические цели страны, толкало греков к борьбе за объединение в границах единого государства всего этнически греческого населения, что было жизненно необходимо для его экономического и политического развития. В Османской империи христианские народы опережали в своем экономическом развитии мусульман, что усиливало национальные брожения народов, живших под турецким правлением, делало, в частности, неизбежным столкновение между Грецией и Турцией в будущем. Греческий историк Спиридон Трикупис, отец будущего премьера Греции и выдающегося политика Харилаоса Трикуписа (1832—1896), говорил, что «невозможно поддерживать неизменными политические отношения между двумя нациями, которые населяют одно и то же пространство, когда подчиненная нация прогрессирует, а подчиняющая — нет» ⁵.

На протяжении XIX в. греки делали попытку объединения каждую декаду: в 1841, 1854, 1866, 1878, 1886, 1897 гг. Уже в первые годы существования греческого государства один из его политических лидеров И. Колеттис заявил о мессианской сущности Мегали идея. Началась даже дискуссия о выборе столицы будущего великого греческого государства. По мнению Колеттиса, только Константинополь отвечал возвышенным устремлениям эллинизма. В 1844 г. он же произнес речь, ставшую классическим образцом выражения сущности Мегали идея, которая заключалась в необходимости решения судьбы не только Греции, но и всей греческой нации ⁶. Идея о возрождении величия греческой нации легла в основу деятельности всех без исключения греческих политиков и правительств начиная с 40-х гг. XIX в. и вплоть до катастрофы 1922 г. в Малой Азии, хотя четкого изложения Мегали идея не было дано никогда.

В последнюю четверть XIX в. внешняя политика Греции определялась «воинствующим ирредентизмом» (по выражению греческого историка Д. Леондаридиса) еще в большей степени, чем в предше-

ствовавшие годы⁷. Однако, несмотря на упорную борьбу греков — народные восстания в Фессалии, Южном Эпире и на Крите, — Греции удалось добиться лишь присоединения Фессалии и получить округ Арта в Эпире в 1881 г., уступленные сильно ослабевшей в результате русско-турецкой войны Турцией под давлением держав. Передача этих территорий была достигнута в ходе тяжелых и длительных переговоров. Определенную роль сыграла в решении этого вопроса поддержка английской дипломатии, которая всеми силами стремилась вытеснить Россию с Ближнего Востока и Балканского полуострова и застраховать себя от русской опасности в вопросе Проливов и Константинополя. В большей степени это также была попытка Англии реабилитироваться перед общественным мнением Греции после оккупации острова Кипр, населенного, в основном, греками, в 1878 г. Районы, полученные Грецией в 1881 г., представляли собой плодородные земли общей площадью 13,2 тыс. кв. км с населением более 300 тыс. человек⁸.

Мегали идея появилась как движущая политическая и психологическая сила греческого государства в век, проникнутый духом национализма, и стала для греческой нации тем цементирующим материалом, на котором вплоть до начала Первой мировой войны прочно держалась вся внутренняя и внешняя политика страны. Эллизм, также как и иудаизм, пережил века, несмотря на тяжелую и сложную судьбу греков, подвергавшихся гонениям и разбросанных по всему свету. Где бы ни жили греки, их таланты, время и судьбы были подчинены работе над объединением собратьев, оставшихся за пределами традиционных центров экономической, церковной и культурной жизни греков.

Националистическая идеология почти безраздельно господствовала в Греции, и вся бурная политическая жизнь и борьба были так или иначе связаны с обсуждением путей осуществления Мегали идея, что вело к выдвиганию экспансионистских задач, вступавших часто в противоречие с интересами других балканских народов, стремившихся к национальному единству и вынашивавших планы создания великой Болгарии, великой Сербии и т. д.⁹ Идея о воссоздании славы и величия Византии сопрягалась с чувством культурного превосходства греков над другими балканскими христианами и вела к ужесточению межбалканского соперничества.

Мегали идея оказывала колоссальное воздействие на внутреннее развитие Греции. Ирредентизм слабо учитывал как возможности самой Греции для осуществления, так и реалии международной жизни того времени. Пылкие патриоты рассматривали новогреческое государство лишь как политическое ядро и духовную опору в мес-

сианской борьбе греков за освобождение собратьев, как базу борьбы с Османской империей и осуществления Мегали идея в ее самых широких границах, включающих даже жемчужину Турции — анатолийские земли ¹⁰.

Греческие правительства, часто сменявшие друг друга, так и не сумели четко сформулировать идеи панэллинизма, и диапазон мнений был чрезвычайно широк. Для одних венцом Мегали идея являлось воссоздание Византийской империи со столицей в Константинополе. Для других политиков, более реалистично мыслящих и считавшихся с устремлениями других христианских народов на Балканах, смысл Мегали идея заключался в расширении границ греческого государства на север в Фессалии, Эпире и Македонии, а также на юг — на острова, включая Крит. Сменявшие друг друга правительства и лидеры постоянно сталкивались с проблемой выбора направления национальных устремлений. История Греции в течение века после ее освобождения — это история борьбы между ирредентизмом и необходимостью внутренней реконструкции и модернизации страны. Чрезвычайно ограниченные ресурсы Греции, постоянная задолженность по займам, столкновения великих держав по греческому (критскому) и Восточному вопросам делали невозможным последовательное и одновременное решение этих двух проблем. Как пишет греческий историк Т. Тацис: «Настоящее греческой нации было во власти будущего, а ее активность была парализована ее надеждами» ¹¹. В то время как видный национальный лидер Х. Трикупис, глава партии «настоящего», хотел направить усилия страны на внутреннее развитие с помощью ограничения или отказа от немедленного решения Мегали идея, его постоянный оппонент и соперник Теодорос Делияннис (1820—1905), лидер партии «будущего», стремился к немедленному претворению в жизнь идеалов Мегали идея в максимальном варианте. Соперничество между этими двумя партиями продолжалось на протяжении многих лет и усугублялось взаимной неприязнью, вылившейся в личную трагедию. Обожаемая братом, красавица сестра Харилаоса Трикуписа София случайно познакомилась в Лондоне с Теодоросом Делияннисом, и они полюбили друг друга на всю жизнь. Брак их, однако, никогда не состоялся из-за политической вражды брата и любимого Софии, примирить их было невозможно. В результате никто из троих так и не создал своей семьи. София пережила и смерть брата в изгнании, и убийство Делиянниса сторонником Трикуписа. В наше время памятники двум выдающимся, но непримиримым политическим дуэлянтам, одинаково пострадавшим за судьбы эллинизма, находятся недалеко друг от друга — перед старым зданием парламента в центре Афин ¹².

Греческое общество того времени, особенно молодежь, было насквозь пронизано идеями эллинизма. Малейшая попытка достичь компромисса с Турцией воспринималось этой частью общества как отказ от исторических прав и задач эллинизма¹³. Вместе с тем вся история греческого государства начиная с революции 1821–1829 гг. и до Балканского кризиса 1870-х гг. должна была бы убедить греческих патриотов и националистов в слабости их позиции, в бесперспективности конфронтации с Оттоманской империей без внешней поддержки. Разрыв между идеалом и возможностями государства сознавали немногие политические деятели: Х. Трикупис, Г. Теотокис, Д. Раллис, А. Заимис. Трикупис понимал, что даже ограниченные цели внешней политики недостижимы без внутренней реорганизации и реконструкции всех греческих государственных институтов, с одной стороны, а с другой — без крепкой реалистической дипломатической подготовки почвы на международной арене. Первоочередную задачу греческого государства он видел в немедленном осуществлении внутренних реформ по оздоровлению политической, экономической, финансовой, военной и всех других сторон жизни страны, которые могли бы способствовать дальнейшему развитию капитализма, укреплению государственности и приданию ей современных форм наподобие западноевропейских. Трикупис, получивший юридическое образование в Афинах и Париже, был наиболее европеизированным государственным деятелем Греции своего времени.

Между маем 1875 и январем 1893 г. Х. Трикупис много раз возглавлял правительство. При нем греческое государство и общество сделали значительный шаг вперед в направлении западных идеалов и прогресса. Бурно развивались торговля и промышленность, широко внедрялась система образования, внушавшая уважение к законности и порядку.

Программы Трикуписа требовали самого широкого притока в Грецию иностранного капитала, и западные государства не без выгоды для себя использовали этот шанс. Франция, Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Россия и другие страны широко осваивали греческий рынок. Между 1879–1893 гг. было заключено шесть иностранных займов на сумму 640 млн франков, причем все на тяжелых условиях. В Греции открывались иностранные банки. Трикупису удалось навести некоторый порядок во внутренней жизни Греции, ранее просто хаотичной¹⁴.

Внешняя политика Трикуписа была направлена на поддержание мирных отношений с Турцией, что создавало благоприятные условия для решения внутренних проблем Греции и отвечало интересам великих держав, поддерживавших мир на Балканах. Но на пути ре-

лизации великогреческой идеи к концу века оказывалось все больше преград: державы стремились избежать возникновения нового балканского кризиса, южнославянские государства относились настороженно к активности мегалистов, греческие правящие круги с недоверием относились к политике России, подозревая ее в поползновениях на Константинополь и Проливы, считая ее панславистской из-за оказываемого ею покровительства Болгарии и Сербии. Тацнос, как и многие другие греческие политики и историки, обвиняет Россию в панславизме и пишет, что «Россия в 1878 г. стала адвокатом великоболгарской идеи» и противником греческой великой идеи.

В отличие от большинства греческих деятелей XIX в. Х. Трикупис признавал права других претендентов на османское наследство. «Греческая политика в отношении Восточного вопроса, — писал он в газетной статье 2 июля 1876 г., — должна быть ясна как для ее народа, так и для других... Национальная греческая идея состоит в освобождении всей греческой нации и создания объединенного греческого государства... Что же касается борьбы славянских народов, позиция Греции ясна и честна. Славяне, также как и греки, имеют свои национальные идеи, и стремление к достижению их всегда будет пользоваться уважением греков. Конфликт между греками и славянами возникает только тогда, когда мы или они чрезмерны в своих требованиях. Более того, реальные интересы греков и славян диктуют необходимость их объединения и умеренность». Трикупис предпринимал попытки создания балканской федерации, но не встретил понимания со стороны сербов и болгар, которые сочли требования греков чрезмерными¹⁵.

В конце XIX в. судьбы Мегалии идея находилась под еще большим, чем ранее, влиянием внешних факторов. Заметнее всего это проявлялось в решении тактических задач. Торгово-финансовая буржуазия активно пропагандировала тактику мирного проникновения эллинизма, что гарантировало мир и спокойное экономическое и политическое развитие Греции и соответствовало интересам великих держав, стремившихся к сохранению статус кво в регионе.

В 70-е гг. XIX столетия получила развитие идея мирного вращивания эллинизма и создания великой Греции в рамках Османской империи, которая была особенно популярна в фанариотской среде Константинополя, где обсуждались также планы создания дуалистической монархии наподобие австро-венгерской¹⁶. Фанариоты

* Фанариотами традиционно назывались богатые греческие фамилии, жившие в стамбульском квартале Фанар, связанные с османской иерархией и игравшие значительную роль в экономической и политической жизни Турции.

в этот период не только контролировали высокие и прибыльные посты в бюрократическом мире султанской Турции, но также доминировали в православном патриархате. Греки составляли в Турции одну из привилегированных групп населения и были широко разбросаны по всей империи, вдоль побережья Эгейского и Мраморного морей, а также турецкого побережья Черного моря. Они также составляли преобладающую долю населения в ряде внутренних районов Малой Азии, большинства островов, включая Крит и Кипр¹⁷.

Политика Трикуписа, которая, как казалось многим грекам, была слишком доверчива и уступчива по отношению к Турции (особенно в 1889 г., когда христианское население Крита согласилось сложить оружие в обмен на турецкие реформы, которые так и не были внедрены в жизнь) и не давала немедленного решения жгучей критской проблемы, подвергалась постоянным нападкам оппозиционеров во главе с Делияннисом. Под ее натиском правительству Трикуписа в 1893 г. пришлось уйти в отставку: в связи с огромной задолженностью Греции по займам страна была объявлена банкротом. К 1890 г. выплаты Греции по займам составляли 50 % национального бюджета¹⁸. Сам Трикупис не сдавался и продолжал политическую борьбу в течение еще почти двух лет. В январе 1895 г. Делияннис сформировал свое очередное правительство, навсегда отстранив от политической деятельности своего более молодого и выдающегося соперника, который удалился в эмиграцию и умер в Каннах в 1896 г.

Правление Делиянниса совпало с обострением Восточного вопроса, чему в немалой степени способствовала и сама политика греческого лидера. Территориальные претензии Греции в этот период распространялись на Крит, весь Эпир, Фракию, острова Эгейского моря, а при благоприятных обстоятельствах предполагалось присоединить Кипр, районы Смирны и даже сам Константинополь. Амбициозная внешняя программа, несопоставимая ресурсам и военной мощи страны, неизбежно вела к противоречиям как с «европейским концертом», заинтересованным в сохранении стабильности в пределах Османской империи, так и с балканскими соседями, что способствовало превращению Балкан в «пороховой погреб Европы».

В последнюю декаду XIX столетия, когда внимание империалистических держав было приковано к Дальнему Востоку, они стремились не допустить перекройки границ балканских государств. Греческий историк Псомиадис отмечает: «великие державы Европы верили, что в их интересах расстроить устремления новогреческого национализма», поскольку «греческий вопрос угрожал прямой конфронтацией по вопросу о существовании Оттоманской империи»¹⁹.

Поэтому они все стремились действовать с осторожностью по любой проблеме на Ближнем востоке, что грозило нарушить баланс сил на континенте и могло привести к крупному международному конфликту в этом регионе. Великобритания, естественный морской союзник Греции, — в то же время предпочитала Турцию Греции в деле сдерживания «русской экспансии». Россия же, по мнению Х. Псомиадиса, предпочитала видеть Грецию слабой в военном отношении, что было выгодно для защиты ее главных интересов в Проливах, Константинополе и на Дунае²⁰.

Иной точки зрения придерживалась известная американская исследовательница, профессор Б. Елавич.

После Берлинского конгресса было ясно, указывала она, что России опасно углубляться в балканские дела. Россия вышла из русско-турецкой войны более ослабленной и стратегически, и политически. Она оказалась изолированной, союз 3-х императоров к началу 90-х гг. был разрушен. Англия оставалась противником, а Франция была слишком слаба, чтобы оказать России действенную помощь²¹.

Ситуация осложнялась усиливавшимся соперничеством между балканскими государствами в конце XIX в. При этом Балканы стали зоной конфликта как бы на двух уровнях: местном балканским, порожденном соревнованием между различными балканскими странами, и европейским, можно сказать, традиционным, объяснявшимся столкновением интересов держав, «использовавших в своих целях разногласия и амбициозные претензии малых государств»²².

Одной из горячих точек Юго-Восточной Европы стал в 90-х гг. «великий остров Средиземноморья» — Крит, который переходил из одних рук в другие, но никак не мог присоединиться к Греции. Критская проблема в конце XIX в. составила очередную фазу в развитии Восточного вопроса, так как решение ее затрагивало жизненные интересы всех европейских держав, ибо грозило нарушением баланса сил и спокойствия на Ближнем Востоке. Вместе с тем решение его в пользу Греции рано или поздно представлялось неизбежным из-за географического положения острова, этнического состава и национальных устремлений греков-христиан на Крите и всех греков вообще, которые, по выражению одного греческого историка, «страдали тем, что можно было назвать ирридентской шизофренией»²³. Вместе с тем политика великих держав в течение всего XIX в. была направлена на сохранение острова в составе Османской империи и фактически полностью игнорировала то, что называется геополитическим фактором, — и это несмотря на разгром турецких войск на Крите в ходе восстания 1866–1868 гг.

«Действия держав в этот период были не только близорукими, но даже бессердечными. Они игнорировали устремления и принсенные в жертву жизни народа Крита, а также материальные и духовные затраты самой Греции... Они хотели очистить свою совесть с помощью громко провозглашенных фирманов о реформах, которые не проводились в жизнь официальными турецкими лицами. Западная Европа закрывала глаза даже на тот очевидный факт, что мусульманское правление и его законы не отвечали духу XIX в., не говоря уж о горячем желании критян к союзу с Грецией»²⁴, — пишет Т. Тадиос. Убежденные в коррумпированности и некомпетентности османского правления, державы, тем не менее, выдвигали все новые невыполнимые проекты реформ, однако размытость формулировок в их требованиях, оттягивание их принятия турками приводили к тому, что христиане Крита выражали все большее недоверие великим державам.

С 1824 по 1840 г. Крит находился под египетским контролем, после чего был снова возвращен Оттоманской империи. Одно восстание на острове сменяло другое. В XIX в. они происходили в 1841, 1858, 1866–1869, 1878, 1895, 1896 гг. Основной причиной этих восстаний было экономическое и социальное положение греков-христиан. Однако критяне стремились не к улучшению положения при турках, а к присоединению острова к независимому греческому королевству.

С начала 1894 г. среди христианского населения Крита резко усиливается движение против турецкого владычества, вызванное произволом турецких властей. Греческое правительство горячо поддерживало критян, а созданная в Афинах воинственно настроенная организация «Этники Этерия» находилась в постоянной связи с вождями критских повстанцев. В Афинах существовала и другая патриотическая организация «Эллинизм», которая занималась подготовкой и обучением студентов-добровольцев для отправки на остров в нужный момент. Все они верили, что Греция может, оккупировав Крит, поставить «европейский концерт» перед свершившимся фактом, как это сделали болгары в 1885 г. Обе организации недооценивали противника, игнорировали интересы великих держав в этом регионе и переоценивали возможности греков²⁵. Султанские власти боролись с растущим недовольством христиан на Крите самыми жестокими мерами — сожжением целых деревень, убийствами. В 1896 г. на острове вспыхнуло восстание, целями которого было немедленное отделение Крита от Османской империи и присоединение к Греции. По своему содержанию и характеру движение имело много общих черт с армянскими волнениями в Малой Азии и Константинополе, будучи общедемократическим²⁶. Восстание 1896 г. побудило

державы потребовать от султана внедрения совершенно новой системы управления островом, под гарантией «европейского концерта».

Греческое правительство во главе с Т. Делияннисом открыто поддержало восстание и посчитало, что настал момент для осуществления Мегали идея. Грецию охватило воодушевление, повсюду раздавались требования вмешательства в критские дела и освобождения собратьев от жестокой кабалы мусульман-помещиков и произвола властей, собирались средства на вооружение и формировались добровольческие отряды. В начале 1897 г. греческое правительство объявило о мобилизации и отправило на остров отряд во главе с адъютантом короля Георга I полковником Т. Вассосом.

Одновременно на Крите высадилось 6000 добровольцев и 120 обученных военному делу студентов. Сразу после высадки войск и добровольцев греческий генеральный консул Геннадиус поднял греческий флаг над своей резиденцией как символ греческого суверенитета над островом. В это же время повстанческие отряды нанесли первые значительные поражения турецким войскам. 15 февраля военный совет греков на Крите принял решение атаковать столицу Крита Ханью (Канею) с суши и с моря, если турецкий командующий откажется сдаться. Греческие силы начали продвижение по северному побережью Крита. Вечером турецкие власти передали грекам, что адмиралы, командовавшие эскадрами Италии, Франции, России, Великобритании и Австрии в критских водах, приняли решение высадить совместный десант во всех крупных городах острова и установить там свой контроль. Грекам было предложено немедленно прекратить продвижение. В тот же день 450 моряков высадились в Канею под командованием итальянского капитана и адмиралы заявили, что «с этого дня флот великих держав берет под свою защиту крупные города Крита — Ханью, Ретимнон, Гераклион (Ираклеон).

Цель держав — оставаясь нейтральными, решить критскую проблему без кровопролития. Любое действие со стороны греков или турок против этого отряда будет встречено ответными действиями десанта и флота держав²⁷. Греческие отряды, поставленные в шекотливое положение, отступили в горные районы и вступили там в бой с турецкими войсками, о чем Вассос рапортовал в Грецию и после чего получил поздравления наследного принца Константина. Корабли держав блокировали залив Канеи, захватили греческий пароход «Лаврион», а 21 февраля обстреляли инсургентов в то время, как те подверглись нападению турок.

Первым огонь открыл германский военный корабль «Императрица Августа». Совместные действия немцев и турок получили большой резонанс в мире.

Критский вопрос давно стал камнем преткновения для европейских держав, лавировавших между Грецией и Турцией. Германия вынашивала план международной военной интервенции против Греции, вплоть до объявления ей войны. К концу XIX в. Германия уже открыто поддерживала мусульманскую империю, и филэллинские настроения, господствовавшие там в середине века, особенно среди буржуазии и интеллигенции, испарились. Сравнительно немногочисленное купечество, торговавшее с Грецией, пользовавшееся услугами греков, державших в своих руках значительную часть левантской торговли, а также держатели бумаг по греческим займам особого влияния не имели. Кроме того, многие из них сильно пострадали от банкротства Греции в 1893 г. и также были склонны поддерживать протурецкий курс германской политики и наказать Грецию²⁸.

Характерна тональность письма Вильгельма II Николаю II, в котором кайзер неслестно отзывался о критских повстанцах: «Провались они все к черту! — писал он. — Они желают выгнать мусульман, которые такие же критские природные туземцы, как и христиане, только обращенные в ислам. Они являются землевладельцами после того, как те потеряли все, что имели. Теперь нужно передать эти имения христианам, которые до сих пор были арендаторами и рабочими у мусульман, а теперь взбунтовались против своих хозяев. Такова в кратких словах сущность критского вопроса! Это то, что я называю грабеж среди бела дня!»²⁹

Узнав о подготовке греческого отряда на помощь критским инсургентам, Вильгельм воскликнул: «Это война! Скорее послать флоты к Пирею, пока еще не поздно!» Он предлагал Великобритании, Австрии и России принять участие в военно-морской блокаде Пирея³⁰. Однако полковник Вассос успел совершить высадку на острове, объявив о присоединении Крита к Греции.

Все усилия Вильгельмштрассе были направлены на поддержку реакционной политики султана Абдул-Хамида. Другие державы не были расположены принимать столь жесткие меры против Греции, общественное мнение в большинстве из них симпатизировало грекам и сочувствовало их желаниям. Английское правительство не хотело допускать падения Греции: эта страна была как бы стратегическим плацдармом английского влияния, подвергавшегося серьезным испытаниям под натиском «Дранг нах остен»³¹, на Ближнем Востоке, в Малой Азии, Египте, Леванте. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Великобритания занимала первое место в торговле Греции, играли роль и родственные связи королевских домов. В Великобритании и королевская семья, и официальные лица выражали

симпатии к Греции. Позиция, занятая британской дипломатией в критском вопросе, вызывала у германского правительства даже подозрение: уж не хочет ли Англия прихватить еще и Крит, ведь еще свежи были воспоминания о том, как умело Великобритания присвоила себе Кипр.

Премьер-министр Р. Солсбери предлагал вести переговоры не о блокаде Пирея, а о предоставлении острову «привилегированного положения» в составе Османской империи. Италия и Франция придерживались того же мнения. Даже в Австрии проявлялось сочувствие к грекам, было даже высказано предположение о том, что инсургенты были спровоцированы агентами султана. Вена соглашалась с Лондоном в том, что остров не может более находиться в прежнем состоянии и должен получить статус привилегированной провинции наподобие Самоса. Австрия, беспокоившаяся о нарушении равновесия сил в Европе, предлагала созвать международную конференцию для обсуждения балканской проблемы. Россия поддержала австрийское предложение, и дипломатия двух стран воспользовалась визитом в Петербург Франца-Иосифа и министра иностранных дел А. Голуховского в апреле 1897 г. для того, чтобы подтвердить свое стремление поддерживать на Балканах *status quo* и избегать несвоевременных конфликтов. Планы мегалистов грозили похоронить этот принцип.

Царское правительство выступило за проведение мер в защиту мира и спокойствия в регионе и с этой целью предлагало державам отправить на Крит небольшой военный десант, что и было осуществлено; Германии не оставалось ничего, как присоединиться к другим. При создавшемся положении Россия считала невозможным присоединение острова Крит к Греции, но категорически выступала против предложенной Германией блокады берегов королевства. 24 февраля 1897 г. МИД России высказался за создание автономной администрации острова при условии вывода всех греческих сил с Крита. Таким образом, вопрос о блокаде Пирея был снят³².

Совместная нота великих держав Греции была предъявлена 2 марта 1897 г.: они заявили, что не допустят присоединения острова Крит к Греции и требуют вывести оттуда греческие отряды, но острову должно быть предоставлено самоуправление. Одновременно послы держав в Турции предложили султану гарантировать острову автономию.

Позиция держав, стремившихся к умиротворению в регионе, вызывала лишь еще большее раздражение как в Греции, так и в Турции, хотя Порты и была вынуждена принять условия держав³³. Ответ от Греции поступил лишь через шесть дней и был отрицательным, хотя

и оставлял дверь открытой для продолжения переговоров. Греческое правительство настаивало на объединении острова с Грецией, считая это лучшим решением вопроса. Греция соглашалась отозвать корабли из критских вод, но ставила преграды на пути вывода оккупационных сил. В ответном греческом послании содержалось также предложение об использовании греческих отрядов в союзе с войсками держав для умиротворения острова. Греция полагала, что проведение плебисцита по вопросу о судьбе острова было бы предпочтительнее провозглашения его автономии. В ответной ноте говорилось также, что Греция не может более выдерживать эмоциональный шок и материальные потери, к которым неизбежно приводят постоянные восстания на острове. Взывая к благородным чувствам держав, Греция выражала надежду, что «они позволят критскому народу самому решить, как он хочет быть управляем»³⁴.

Отрицательный ответ Греции до того возмутил кайзера Вильгельма, что он предложил использовать военную силу против Греции. Лишь твердая позиция лорда Солсбери, опиравшегося на филэллинские настроения английского общества, оказалась в состоянии ослабить пыл Вильгельма. Солсбери предлагал поставить греческие силы на острове под команду офицеров держав. Французское правительство под давлением филэллинских демонстраций в стране отказалось от применения силы против Греции без соответствующего одобрения парламента. Против использования греческих сил выступила вслед за Германией и Россия, западным державам пришлось на это согласиться³⁵.

Греции давалась неделя для вывода войск и кораблей, а турецкие силы должны были быть ограничены лишь небольшими гарнизонами. Более того, адмиралам, командовавшим флотом держав, было предписано подготовить план операций по блокаде Греции и Крита в случае отказа греков и приступить к ней 21 марта.

Турецкий губернатор выпустил манифест, в котором объявлял островитянам о согласии своего правительства на автономию острова под сюзеренитетом султана. Отряды европейских держав заняли города Крита. Но греческое население отказывалось принимать статус автономии и требовало союза с Грецией и заявляло, что готово подчиняться только полковнику Вассосу. Решение держав привело к усилению волнений на Крите: жестокие столкновения между мусульманами и христианами не прекращались. Поток беженцев, хлынувший в Афины, волна национализма, захлестнувшая греческую нацию, а также надежда на поддержку держав-покровительниц побудили афинское правительство оказать решительный нажим на Турцию со стороны Фессалии и Эпира. Манифест ста членов британ-

ского парламента, обещавших поддержку грекам, еще более укрепил решимость воевать с вековечным врагом эллинизма. Не испугало даже то, что соединенный флот Великобритании, Франции, России и Италии блокировал побережье Крита и обстрелял критских инсургентов³⁶.

В связи с начавшейся концентрацией греческих и турецких войск на греко-турецкой границе Россия начала действовать более активно. По мнению министра иностранных дел М. Н. Муравьева, в связи с нависшей угрозой греко-турецкой войны следовало осуществить блокаду порта Волос. Россия выражала надежду, что Великобритания и все другие великие державы поддержат эту акцию. Солсбери предлагал ограничиться разводом греческих и турецких войск на расстоянии 50 миль от границы и прибегнуть к блокаде лишь в том случае, если они откажутся отойти. Австрия и Германия были крайне недовольны позицией Великобритании³⁷. После двухнедельных переговоров державы решили ограничиться морской блокадой острова Крит и оккупировать прибрежные города и форты международными отрядами. Против самой Греции никаких акций проведено не было. Великобритания готова была послать дополнительные силы в 600 человек с Мальты на Крит. Греция отозвала свои корабли из критских вод, но немедленно приступила к вооружению всего флота и его концентрации в Эгейском море и у западного побережья Греции. В стране и слышать не хотели об отзывании греческих сил с острова. Неспособность греческих политиков сформулировать реалистические основы для урегулирования критского вопроса, провал попыток держав положительно решить критский вопрос, их нежелание оказать давление на султана, а также бомбардировка критских инсургентов привели к греко-турецкой войне.

В марте греческий король Георг I обратился к России с заявлением, в котором он подчеркивал извечный характер борьбы греков за объединение со своими братьями за пределами существующих границ. Он, Георг, более не надеется на Европу, его решение аннексировать Крит было законным, в отличие от аннексии Кипра Англией, Шлезвиг-Гольштейна Германией или Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией, ибо последние акты «не имели национальной почвы». Король храбрился: если державы применяют против него силы, «он будет иметь поддержку всей греческой нации и никогда не отдаст распоряжения об отзывании греческих войск с Крита»³⁸.

«Политика Греции в этот период, — пишет Тациос, — характеризовалась горячим патриотизмом, доходящим до крайнего национализма». Всю вторую половину XIX в. страстное желание реализовать Мегали идею было не только мечтой греков, но также и смыслом

существования маленького государства и краеугольным камнем национальной политики. Отсутствие каких-либо четких программ приводило к тому, что внешняя политика Греции страдала изменчивостью и непоследовательностью. Она постоянно игнорировала интересы великих держав и обстановку на Балканах и в Европе в целом. Это привело к неорганизованным восстаниям и вспышкам гнева, которые привели нацию к черте гибели и унижительному поражению в 1897 г.³⁹

Общественное мнение было полностью на стороне короля и премьер-министра Делианниса, и, как передавал английский посланник, «оно достигло критической точки из-за строгих мер, предпринятых адмиралами против христиан Крита и слухах о блокаде державами Греции». Воинственные речи греческих министров и монарха разжигали еще больше страсти толпы, не давали шанса для разумного и своевременного компромисса или отступления. Ни король, ни члены правительства не нашли в себе смелости вовремя объяснить нации, что Греция попросту не готова воевать. Лишь некоторые деятели в Греции, в том числе военный министр Смоленский, выступили с предостережением о возможных последствиях военных действий; Смоленский подал в отставку.

Русское правительство было крайне озабочено ситуацией в Греции, особенно в связи с приближением дня независимости Греции 25 марта, когда эмоции греков могли выйти из-под контроля. Муравьев рекомендовал представителям великих держав в Константинополе и Афинах заявить, «что в случае возникновения конфликта на греко-турецкой границе, они заставят агрессора ответить за нарушение мира», а также «считать, чтобы каков бы ни был результат борьбы, никто не получит никаких выгод». Это предложение было единодушно принято всеми великими державами⁴⁰.

В апреле 1897 г. ситуация накалилась до крайности, и греческие войска, несмотря на предупреждения держав, перешли границу и вступили на турецкую территорию. Началась 30-дневная греко-турецкая война, вину за которую греческие политики, а вслед за ними и историки с легкостью возложили на великие державы и их нежелание быстро и радикально решить критскую проблему.

Греческой армией командовал наследный принц Константин, будущий король Греции, а ударной силой греческого флота — миноносцами — принц Георг. Великобритания, Франция, Россия, Италия, Австро-Венгрия и Германия выступили с объединенным протестом против этой акции. Российское правительство считало войну преждевременной, а греческие войска неподготовленными к серьезным операциям. Оно приложило немалые усилия, чтобы удержать

от вступления в конфликт Сербию и Болгарию, что неминуемо вызвало бы подъем национальных движений в Македонии⁴¹. Балканские соседи Греции были предупреждены также и германскими дипломатами, что великие державы не допустят их выступления на помощь Греции.

Первые же дни войны показали, кто будет победителем. Сконцентрированная на границе Фессалии турецкая армия имела численное превосходство, лучшее вооружение, в том числе крупнокалиберные пушки, а во главе имела прекрасно обученных немецкими инструкторами офицеров. Уже через неделю греческие войска были не только отброшены, но турецкая армия вторглась на греческую территорию и, преследуя их, заняла Лариссу. Греческое правительство обратилось за помощью к Болгарии. Находившийся в начале греко-турецкой войны в Берлине болгарский князь Фердинанд был предупрежден, что ему не следует брать пример с Греции. «Греки, — сказали ему там, — своей авантюристической политикой не добьются ничего иного, кроме вполне заслуженных побоев. А если же вздумают выступить Сербия и Болгария, то у держав найдутся средства, чтобы их успокоить». Твердая позиция Германии, России и Австро-Венгрии заставила болгарского Кобурга отказать Греции в помощи⁴².

Делияннис подал в отставку, и новое правительство во главе с Д. Раллисом стало искать путей выхода из войны. Одновременно и державы оказали давление на Грецию и Турцию, требуя прекращения военных действий: через тридцать дней после начала операции, 19 мая 1897 г., было заключено перемирие.

Несколько месяцев продолжались переговоры об условиях мира между дипломатическими представителями великих держав и Турции в Константинополе. Предстояло умерить требования турок и согласовать противоречивые интересы собравшихся. Обсуждение территориальных вопросов возглавлял посол России. Специальная комиссия военных атташе работала над изучением границ. Турецкие представители требовали передачи Османской империи захваченной турками Фессалии. Послы отвергли эти домогательства турок, настаивая на том, что в этой войне не может быть выигравшей стороны во имя сохранения status quo. Султан пытался убедить послов путем личных переговоров с каждым из них, а затем направил послания трем императорам, прося их уступить Турции хотя бы небольшую часть Фессалии. Николай II немедленно отвечал султану, не только отказав ему в поддержке, но и подчеркнув, что «сопротивление Турции желанию Европы может иметь серьезные последствия»⁴³. Россия разослала ноту всем великим державам с предло-

жением согласиться с условиями, выработанными послами; главы Австро-Венгрии и Германии присоединились к этому пожеланию. Тем временем турки пытались укрепить свои позиции в Фессалии (конфисковалось имущество греков, покинувших регион перед началом военных действий, и проч.). Греки отвечали на это, посылая один за другим меморандумы великим державам. В результате державы, даже Германия, были вынуждены пригрозить Турции принудительными мерами, если она не согласится с мирными условиями держав.

18 ноября 1897 г. послами держав и представителями турецкого МИД были подписаны предварительные условия мира. Греция, униженная поражением, сочла условия чрезвычайно тяжелыми, особенно сумму контрибуции. Однако в действительности они были скорее благоприятными для страны, потерпевшей сокрушительное поражение в войне: ведь победительница — Турция — под нажимом держав возвращала Греции занятую ею Фессалию. Денежная контрибуция составила не десять, как того сначала требовала Порта, а четыре миллиона турецких лир⁴⁴.

В подготовке окончательных условий мира в Константинополе участвовали на этот раз также два представителя Греции. Договор был подписан 4 декабря 1898 г.

Все это время критская проблема не выходила из поля зрения держав. Основной трудностью было нежелание Греции выводить свои войска с Крита до окончательного решения вопроса о судьбе острова. В мае 1898 г. Греция все-таки согласилась на его автономию в качестве предварительного условия для урегулирования греко-турецких отношений. Немедленно после вывода греческих сил с Крита по инициативе Франции державы приняли шесть основополагающих позиций по решению критской проблемы, а именно: 1) немедленное назначение державами временного правителя острова, желательно из нейтральной страны; 2) провозглашение автономии и нейтралитета острова; 3) реорганизация финансов с помощью гарантированного великими державами займа в размере 6 млн франков; 4) немедленный набор добровольного отряда жандармерии, предпочтительно швейцарской; 5) вывод турецких войск, или, в крайнем случае, их ограничение и пребывание в отдельных фортах острова; 6) быстрый созыв критской Ассамблеи для работы с новым правителем острова⁴⁵.

Уже в начале июля Ассамблея собралась, однако ей потребовалось время для выработки решения об автономии острова.

Переговоры по критскому вопросу затянулись еще на год из-за нежелания Турции вывести войска, трудности с подбором кандидата

на пост главы критской администрации, противоречивых интересов участников европейского концерта в Греции и Турции.

Активно действовала дипломатия России, которая выдвинула обширную программу умиротворения острова и установления автономного правления. Она предложила поставить все необходимые полномочия адмиралам — командующим эскадрами, чтобы осуществить автономию острова, не дожидаясь избрания нового губернатора. Летом 1898 г. державы выработали целый план действий на острове и приступили к созданию органов временного управления. В этом вопросе ими было проявлено невиданное ранее согласие. Они разделили Крит на зоны оккупации и распределили ответственность за них между адмиралами. Россия оказала Криту значительную материальную помощь для закупки и доставки муки голодающим.

Непростым был поиск нового главы острова. Российский посол в Константинополе А. И. Нелидов предлагал три кандидатуры, но ни одна из них не была утверждена. В декабре 1897 г. Николай II вторично предложил отвергнутую ранее кандидатуру греческого принца Георга, второго сына короля Греции Георга I. Стремление русского императора добиться назначения принца Георга объяснялось не только близким родством (мать принца греческая королева Ольга Константиновна приходилась Николаю II теткой), благодарностью за спасение жизни Николая II, подвергшегося нападению фанатика во время их совместного с принцем Георгом пребывания в Японии в 1891 г., но, главное, стремлением противопоставить свою кандидатуру и не допустить усиления позиций Германии в регионе. Дипломатия Великобритании, Франции и Италии соглашалась назначить принца Георга лишь временно, до избрания постоянного главы острова. Российский МИД, пользуясь нейтральным отношением Франции, Великобритании и Италии к своему ставленнику, открыто заявил султану, что не признает другой кандидатуры и в случае отказа предпочтет выйти из «европейского концерта» и будет самостоятельно бороться за присоединение острова к Греции⁴⁶. Против кандидатуры Георга горячо выступили немцы и австрийцы, однако настойчивость России и нейтральная позиция западных держав заставили их прекратить оппозицию.

Турецкая сторона противилась выводу своих войск и просила передать их под командование держав, требовала оставить за ней право выбора христианского губернатора острова из османских подданных. Турецкие войска были умышленно рассредоточены по всему острову. Активность командующих великих держав вызвала сопротивление местных мусульман, подстрекаемых турецкими властями и войсками. Одновременно радикальные греческие круги на Крите, недоволь-

ные умеренными условиями Константинопольского греко-турецкого мира, требовали продолжения борьбы до полного присоединения Крита к Греции и выступили против военных сил союзников, находящихся на острове.

Самыми значительными были волнения в столице Крита Ханье, охватившие весь город, а также в Гераклионе 6 сентября 1898 г., поднятые мусульманами, в которых погибло более 600 человек, 14 британских моряков и британский вице-консул, были подожжены христианские кварталы, многие греки, включая женщин и детей, были зарезаны. Только высадка дополнительного десанта с судов помогла усмирить разбушевавшуюся стихию. Командующие обратились к правительствам своих стран с призывом потребовать от турецкого правительства удаления всех турецких войск с острова, а также немедленного ареста и наказания всех виновных в бесчинствах. В октябре послы четырех держав потребовали в ультимативной форме вывода турецких войск с Крита в 15-дневный срок. 15 ноября 1898 г. эвакуация турецкой армии с Крита была закончена⁴⁷. Таким образом, была поставлена точка в 2,5-вековом турецком господстве на острове. Решения держав создавали благоприятную почву для присоединения острова к Греции в недалеком будущем.

Российский МИД прибег к маневру и в октябре 1898 г. предложил назначить греческого принца Георга на пост не правителя Крита, а верховного комиссара четырех держав, что делало одобрение Порты необязательным. Никакие протесты турок не могли изменить более решения четырех великих держав, которые оказались победителями в этом сложнейшем поединке интересов. 26 ноября четыре державы запросили Георга I дать разрешение на назначение его второго сына Георга на пост верховного комиссара острова Крит на трехлетний срок и получили согласие. 30 ноября державы уведомили султана о своем решении, пообещав соблюдать его сюзеренные права на острове, а также права и безопасность мусульманского населения Крита.

Одновременно была снята блокада с острова⁴⁸. 10 декабря греческий принц направился на Крит в сопровождении военных кораблей, по прибытии ему был оказан шумный прием.

Главными задачами верховного комиссара были: умиротворение острова и организация управления, создание полиции и национальной гвардии. Георг обязался признавать сюзеренитет султана, в знак чего над одним из фортов должен был развеваться турецкий флаг. Для автономного острова был избран новый флаг: двухцветный, как и греческий, — бело-голубой с греческим крестом и турецким полумесяцем по углам.

Принц Георг, в соответствии с соглашением, назначил чрезвычайный комитет из шести известных критских политиков для решения административных проблем острова. Этот комитет стал фактически правительством Крита.

Вслед за выводом турецких войск с острова, снятием блокады и назначением верховного комиссара острова была издана прокламация чрезвычайного комитета критской Ассамблеи народу Крита, в которой содержалась просьба ко всем сложить оружие, вернуть отобранную у мусульман собственность и, забыв обиды, жить как братья⁴⁹. Впервые в это время прозвучало имя будущего премьер-министра Греции и одного из наиболее талантливых греческих политиков, Элефтериоса Венизелоса, критянина по рождению. К этому времени он уже десять лет блистал на политическом Олимпе Крита, где возглавлял наиболее разумную умеренную группу политиков, выступавших за сотрудничество с западными державами и согласных на автономию Крита, понимая, что присоединение к Греции требует времени.

9 января 1899 г. было объявлено о назначении выборов в новую критскую Ассамблею в составе 138 христиан и 50 мусульман, что соответствовало этническому составу населения. Выборы состоялись 8 февраля 1899 г., и первая автономная критская Ассамблея приступила к работе. Несмотря на половинчатость решения критской проблемы, турецкому господству на «великом острове» пришел конец, и последнее препятствие на пути векового стремления критян к объединению с матерью-родиной было устранено. Однако политические события в Европе мешали окончательному решению критской проблемы еще 15 лет. Критский народ должен был ждать более благоприятного момента, который возник в ходе балканских войн 1912–1913 гг.

Поражение в греко-турецкой войне сильно ударило по самолюбию греков и многочисленных филэллинов, послужив в то же время благотворным уроком для нации в целом. Была окончательно разрушена иллюзия насчет возможности самостоятельной победы над Османской империей с помощью восстания нескольких тысяч плохо организованных добровольцев; понята необходимость повышения боеспособности и дисциплины в армии, а также перестройки всей государственной жизни страны. Поражение в греко-турецкой войне 1897 г. способствовало уменьшению влияния группировки Делиянниса в греческой политической жизни. Националисты были в итоге вытеснены новой политической силой в лице последователей Г. Теотокиса и А. Заимиса; отражавших взгляды промышленной буржуазии Греции, завоевывавшей все более прочные экономические позиции в стране.

Расходы на военные нужды, покрытие долгов и необходимость уплаты значительной контрибуции Турции могли быть осуществлены лишь с помощью европейских займов, так как сама Греция была в то время банкротом (в 1898 г. дефицит достиг невиданных в истории Греции размеров — 207,3 млн драхм). Для обеспечения уплаты долгов и контрибуции, а также в связи с неизбежностью новых займов при полной несостоятельности Греции, великие державы учредили в Афинах Международную финансовую комиссию из представителей Великобритании, Франции, России, Италии, Австро-Венгрии и Германии, которой поручался контроль над доходами и расходами Греции⁵⁰.

Комиссия действовала независимо от греческого правительства, в ее кассы в обеспечение уплаты процентов по займам, заключенным с 1881 по 1893 г., переводились доходы пирейской таможни, поступления от государственных монополий на соль, табак, керосин, спичечную, бумажную и другую продукцию, от табачного налога и гербовых сборов, а также ввозных пошлин пяти крупнейших портов. Одновременно Греции предоставлялся новый заем для уплаты военной контрибуции. По подсчетам международной комиссии, платежи Греции только по займам увеличивались в 2,5 раза, что было особенно выгодно старым кредиторам Греции — Германии, Франции, Великобритании. В деятельности комиссии с самого начала выявились противоречия. Особую позицию заняло русское правительство, которое возражало против «финансового покорения» Греции. Так, министр финансов С. Ю. Витте еще 4 декабря 1897 г. писал министру иностранных дел графу Н. М. Муравьеву о необходимости занять самостоятельную, твердую позицию, направленную на смягчение условий экономического контроля держав в Греции «...ввиду желательности сохранения за Грецией возможности экономического развития в будущем». Он считал, что тяжелые условия Международной финансовой комиссии могут подавить греческую экономику и привести к потере независимости греческого государства. Заключенный вскоре трехпроцентный заем был выпущен по цене, близкой к нарицательной, а в конце 1898 г. по требованию России долг Греции великим державам был значительно уменьшен⁵¹.

В результате, несмотря на то, что этот контроль ограничил финансовый суверенитет греческого правительства и наносил удар по самолюбию греков, он оказался в целом выгоден для последующего развития Греции. Уже на следующий год финансовая ситуация улучшилась, был модернизирован фискальный аппарат страны, а в течение нескольких лет, с 1898 по 1907 гг., было полностью восстановлено равновесие финансов, а также курс драхмы.

Финансы Греции теперь находились в гораздо лучшем положении, чем на протяжении всего XIX в.⁵²

Затяжной финансовый кризис, неустойчивое внутривластительское положение Греции, неудачные попытки греческих правительств и короля справиться самостоятельно с решением внешне- и внутривластительских проблем, неумелое командование армией кронпринцем Константином, подчинение принца Георга требованиям держав о бездействии флота в период греко-турецкой войны, сохранение крепких позиций крупных землевладельцев в стране, нерешенность социально-экономических проблем, в том числе аграрной, вызвали новый взрыв антимоноархических настроений. 26 февраля 1898 г. было совершено первое покушение на Георга I, и только чудом король и его дочь остались живы. Для умиротворения населения король совершил длительную поездку по стране, чем снова вызвал к себе симпатии. Королева Ольга писала вскоре в письме к русскому генералу А. А. Кирееву: «Господь сжалился над нами... и из этого преступления вышло добро. Проявление преданности, любви и благодарности к королю со всех концов Греции, и где только живут греки, в высшей степени трогательно.... И здесь не будут больше забывать, что единственная цель короля и всех нас — благоденствие Греции»⁵³. После этих событий король стал выражать поддержку реформаторским начинаниям А. Заимиса, затем Д. Раллиса и Г. Теотокиса, видя, какое широкое одобрение они вызывают у населения.

В декабре 1898 г. премьер-министр Греции А. Заимис ознакомил короля с рядом новых предложений по улучшению работы государственного аппарата, суда, чиновничества, об увеличении полиции и жандармерии, реорганизации армии, по завершению работ по постройке дорожной связи между Западной Европой и Грецией и многими другими.

Греция превращалась в одно из самых динамично развивающихся балканских государств, за влияние в котором еще активнее начинают бороться великие державы⁵⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Stavrianos L. S. The Balkans Since 1453. N. Y. 1958. P. 15.*
- ² Quoted by *Seton-Watson R. W. Britain in Europe 1789–1914. Cambridge, 1938. P. 126.*
- ³ *Tatsios T. The Megali idea and the Greek-Turkish war of 1897. The impact of the Cretan problem on Greek irredentism. 1866–1897. N. Y., 1984. P. 3.*
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ *Ibid.*

- 6 Ibid. P. 138.
- 7 Ibid. P. 16.
- 8 Leon G. B. Greece and the Great Powers. 1914–1917. Thessaloniki, 1970. P. 2.
- 9 См.: История греческой нации. Афины. 1977. (На греч. яз.)
- 10 Stavrianos L. S. The Balkans. 1915–1914. N.-Y., 1965. P. 10–11.
- 11 Tatsios T. The Megali idea... P. 16.
- 12 Ibid. P. 139.
- 13 Ibid.
- 14 Ibid.
- 15 Герману Ф. Женщина в бархате. Афины. 1992. (На греч. яз.)
- 16 Dakin D. The Unification of Greece. 1770–1923. L., 1972. appendix.
- 17 Tatsios T. The Megali idea... P. 18.
- 18 Арш Г. Л., Соколовская О. В. Греция как конституционное государство в 60–70 гг. XIX в. // Формирование национальных независимых государств на Балканах (кон. XVIII — 70-е гг. XIX в.). М., 1986. С. 79.
- 19 Tatsios T. The Megali idea... P. 9.
- 20 Leon G. B. Greece... P. 2.
- 21 Psoyiades H. The Eastern Question: The Last Phase. Thessaloniki. 1968. P. 20.
- 22 Tatsios T. The Megali idea... P. 6.
- 23 Jelavich B. Russia's entanglements. 1806–1914. Cambridge, 1991. P. 205.
- 24 Tatsios T. The Megali idea... P. 19.
- 25 Ibid. P. 19.
- 26 Ibid. P. 142.
- 27 См.: Jelavich B. A century of Russian Foreign Policy. 1814–1914. N.-Y., 1964.
- 28 Ерусалимский А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в к. XIX в. М.; Л., 1948. С. 313–314.
- 29 Tatsios T. The Megali idea... P. 95.
- 30 Ibid. P. 97.
- 31 Ерусалимский А. С. Великодержавная политика... С. 313–314.
- 32 Там же. С. 324.
- 33 Jelavich B. Russia's entanglements... P. 212.
- 34 Tatsios T. The Megalis idea... P. 99.
- 35 Ibid. P. 100.
- 36 Ibid. P. 101.
- 37 Ibid. P. 101.
- 38 Адамов Е. А. Великодержавная политика Греции и великие державы // Новый Восток. М., 1922. № 2. С. 21.
- 39 Tatsios T. The Megali idea... P. 102.
- 40 Ibid. P. 40, 103.
- 41 Ibid. P. 146.

- 41 Ibid. P. 104.
- 42 История греческой нации. С. 88–150. (На греч. яз.)
- 43 *Ерусалимский А. С.* Внешняя политика... С. 332–333.
- 44 *Tatsios T.* The Megali idea... P. 124.
- 45 Ibid. P. 145.
- 46 Ibid. P. 131.
- 47 Ibid. P. 135.
- 48 Ibid.
- 49 Ibid. P. 136.
- 50 Ibid. P. 135.
- 51 История греческой нации. С. 163–165. (На греч. яз.).
- 52 ГРИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 198. С. 197–199. С. Ю. Витте — М. Н. Муравьеву. 4 декабря 1897 г.
- 53 *Greece in Transition. Essays in the History of Modern Greece. 1821–1974 / Ed. by J. Koumoulides. L., 1977. P. 49.*
- 54 Отдел рукописей Российской государственной публичной библиотеки. Ф. 126. К. 3604. Ед. хр. 35.

ДВАДЦАТЫЙ ВЕК. РОССИЯ: ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЕВРОПУ

Балканский политический небосклон на рубеже двух столетий представлялся относительно безоблачным. Самодержавие всерьез и надолго обратилось к крупномасштабным проектам на Дальнем Востоке, обернувшихся авантюрой и увенчавшихся трагедией русско-японской войны 1904–1905 гг. Вечный соперник Австро-Венгрии на какое-то время самоустранился с балканской арены. Да и намерения Вены если не поскромнели, то видоизменились: новый век выдвинул на первый план виды и формы экспансии, ранее скрывавшиеся в тени территориальных притязаний и вооруженных столкновений. Австрийская экономическая и финансовая ладья поплыла в русле, прорытом мощным германским капиталом. Да и домашние дела не оставляли поля для крупномасштабного разворота в Юго-Восточной Европе. Хрупкая конструкция дуализма трещала по всем швам, напористые мадьяры не желали пребывать на вторых ролях в монархии, славянское же население требовало преобразования Габсбургской державы на федеральных началах. Воздвигнутое в 1867 г. сооружение грозило обвалом под тяжестью трех уровней противоречий: австро-венгерских, социальных и недовольства неполноправных народов. Традиционная для Османской империи характеристика — большой человек Европы, — грозила распространиться на Австро-Венгрию.

Мадьярские земельные магнаты и крупная буржуазия не собирались выходить из-под скипетра Ференца-Йошки, как Франц-Иосиф именовался в Венгрии, но хотели превратить ее в ведущую силу Габсбургской монархии. Гамма противоречий с австрийской частью державы была широка и многообразна и простиралась от требования ввести высокие пошлины на ввоз зерна и скота (из Румынии и Сербии), что отдавало бы рынок страны венгерским аграриям, — до обособления мадьярских частей общей армии и переводы их на родной язык командования. Гонимые, по этой схеме, должны были служить только на своей территории. При этом начисто забывался национальный состав населения королевства: венгров — 48 %, славян — 26, румын — 14, немцев — 10 % (цифры 1910 г.)¹, так что половина солдат должна была изъясняться на языке господствующей нации. Трения по «армейскому» сюжету дошли до такой степени, что император Франц-Иосиф издал специальный приказ: «Я должен

и хочу и впредь сохранить существующие в армии порядки. Пусть знают все, что я не откажусь от моих прав и привилегий главнокомандующего...»².

Социальные противоречия в Австрии и Венгрии достигли высокой степени накала не без влияния русской революции 1905—1907 гг. Впервые в истории Венгерского королевства произошла массовая политическая забастовка (15 сентября 1905 г.) с требованием всеобщего избирательного права. Взрывоопасная ситуация сложилась в селах, дело доходило до вооруженной расправы с требовавшими земли крестьянами.

Но надо всем, особенно в Венгерском королевстве, довлел национальный вопрос. Хорваты, румыны, сербы, словаки, украинцы (русины), составлявшие большинство населения, не желали мириться со своим неравноправным положением. Произвольно скроенные избирательные округа плюс хитроумная механика на выборах приводили к тому, что их голос разве что звучал под сводами величественного здания парламента в Будапеште, но повлиять ни на что не мог: 393 места занимали мадьяры, 13 — немцы, всего 5 — румыны, 2 — словаки, по 1 — сербы и украинцы³. Парламентский клуб угнетенных наций осуждал «суровое и исключительное господство одной касты и одной расы» в стране, депутаты выступали с разоблачительными речами, но воз мадьяризации продвигался вперед. «Инородцев» с трудом допускали к административным должностям; права родного языка ущемлялись в образовании, так, по-румынски преподавание велось лишь в начальных школах, да и то по «закону Аппоньи» (1907 г.) во всех селениях, где венгры составляли хотя бы 20 % жителей, школы переводились в основном на венгерский язык.

Так что «дома» хлопот было хоть отбавляй, зато вовне вековечный соперник, самодержавие, «удалившийся» на Дальний Восток, повода для подозрений не давал. Мюрцштегское соглашение 1903 г. Австрии и России о проведении реформ в Македонии (с целью не дать там разгореться повстанческому движению) свидетельствовало о желании двух правительств и впредь держать Балканы «под колпаком». Правда, убийство сербского короля Александра Обреновича и его супруги Драги Машинной в том же году и восстановление на престоле династии Карагеоргиевичей предвещали переориентацию Белграда на Россию*; замаячила угроза образования большого югославянского государства, как призрак преследовавшая габсбургскую дипломатию, но пока что это был лишь фантом. А тут царизм, под-

* См. разделы о Сербии.

писав с Японией, усилиями С. Ю. Витте, Портсмутский мирный договор и преодолев самые опасные революционные рифы, объявил устами нового министра иностранных дел А. П. Извольского, что Россия возвращается в Европу.

Правда, на первых порах ничто не предвещало отказа от прежнего прогерманского и лояльного по отношению Австро-Венгрии курса; традиции монархической солидарности и консервативной сплоченности против революции себя не изжили. Сотрудничество обеспечивало спокойствие на западной границе. Вильгельм II рьяно поощрял «дальневосточные увлечения» своего «друга Никки» и служил внешней опорой в борьбе последнего с «врагом внутренним». В то же время наличие франко-русского союза действовало отрезвляюще на оголтелых немецких экспансионистов и позволяло надеяться на сохранение мира в Западной Европе.

А Франция в критическое время войны 1904—1905 гг. вела себя отчужденно, палец о палец не ударила, чтобы помочь попавшему в японский капкан союзнику, и пошла на урегулирование своих разногласий с Великобританией, заложив, по соглашению 1904 г., первый камень в здание Антанты.

Все это происходило на фоне более чем холодных отношений с Англией, много способствовавшей японской победе и возобновившей в 1905 г. союз со страной Восходящего Солнца.

В июле 1905 г. Вильгельм, воспользовавшись плаванием царской яхты «Полярная звезда» в шхерах Финского залива, приплыл туда же и навязал подавленному неудачами Николаю Бьеркский союзный договор. Царь возмущался коварством Альбиона, именовал короля Эдуарда «злодеем», «опасным и лживым интриганом». Кайзер сочувствовал и обрушил на него водопад дружеских излияний. И царь, без ведома официальной дипломатии, подмахнул поднесенную ему бумагу, содержащую обязательство России и Германии прийти друг другу на помощь, если одна из них подвергнется нападению третьей державы в Европе. Правда, специальная статья предусматривала приглашение Франции присоединиться к соглашению.

Российский министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, по его словам, «не мог поверить своим глазам и ушам», ознакомившись с детищем двух императоров. Что Франция к договору не присоединится, не вызывало ни малейшего сомнения у любого здравомыслящего политика, его антифранцузское острие выпирало. Под дружным напором С. Ю. Витте, бывшего тогда председателем Совета министров, В. Н. Ламздорфа и великого князя Николая Николаевича царь предложил Вильгельму дополнить договор декларацией,

по которой он не вступал в силу в случае франко-германской войны. Это был завуалированный отказ от Бьеркского документа, терявшего всякий смысл в немецких глазах.

При дворе и в ультраконсервативных кругах и после не угасли мечты о возобновлении Союза трех императоров. Но революция пошла на убыль, чему способствовал заключенный на парижском денежном рынке заем; а финансисты развязывали кошелек лишь при условии восстановления с Россией договорных обязательств. Это сказалось в возобновлении совещаний начальников генеральных штабов двух стран.

Произошла смена высшего звена российского МИД. Возглавивший ведомство Александр Петрович Извольский, наш «старый знакомый», не чурался связями с банкирами и предпринимателями и прислушивался к голосу либеральной общественности. Оправившись от шока, вызванного войной и революцией, самодержавие обратило свои взоры на Европу. Извольский объявил о «возвращении России» на континент, полагая совершить это в сотрудничестве с Австро-Венгрией в том, что касалось его юго-восточной части. Но легко сказать, трудно сделать. От *status quo* зафиксированного по Мюнхенгрецкому соглашению 1897 г. и вполне устраивавшего Россию, остались рожки да ножки. На Балканах и в Турции российская дипломатия столкнулась с германо-австрийским влиянием, доходившим до степени засилья. Неудачи вовне и внутренняя неустойчивость подорвали престиж официальной России в глазах балканцев. Опирающаяся на силу она не могла за отсутствием таковой. Основным внешнеполитическим постулатом в Европе на предстоящие годы, неоспоримым и безальтернативным, являлось подержание мира.

Два выдающихся государственных мужа, С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, по очереди возглавлявшие правительство и относившиеся друг к другу неприязненно, вполне сходились в жизненной необходимости обеспечить своей стране внешнее спокойствие на 20–25 лет для «внутреннего устройства» и восстановления военного потенциала⁴. На Особом совещании в январе 1908 г. П. А. Столыпин выразился энергично: «Иная политика, кроме оборонительной, была бы... бредом ненормального правительства. Новая мобилизация придавала бы силы революции, из которой мы только начинаем выходить»⁵. Сознавал это и царь. В письме к матери в 1909 г. в разгар напряженности, связанной с боснийским кризисом, он писал: «Конечно, если на нас не нападут, мы драться не будем»⁶. Поэтому русские министры излучали миролюбие, и им не раз пришлось склоняться перед ультиматумами. Стремление

сохранить мир во что бы то ни стало приводило даже трезвомыслящих и проницательных деятелей к сооружению вполне химерических схем. Так, С. Ю. Витте мечтал о создании континентального союза России, Германии и Франции против Великобритании (и это — после заключения англо-французской Антанты в 1904 г.)⁷. Балансирование между двумя лагерями, англо-французским и австро-германским, стало основой российского внешнеполитического курса в 1905—1908 гг., в то время как нарастали противоречия между Англией и Францией, с одной стороны, и Германией, с другой, из-за гонки морских вооружений и раздела сфер влияния в Африке.

Появился и фактор, которым Зимний дворец пренебрегать не мог — общественное мнение и печать. «Чистая неправда, когда говорят о незначительности русской прессы, — делился мыслями со своим правительством германский посол граф Ф. Пурталес, — более, чем где-либо, общественное мнение зависит здесь от прессы... Господин Столыпин видит себя вынужденным, из-за оглядки на общественное мнение, размахивать националистическим знаменем»⁸. Но вся печать, от крайне правой до левой, сознавала, что вынашивать великодержавные планы по крайней мере не время. Господствовало мнение, что Россия достигла естественных границ и в новых крупномасштабных приращениях не нуждается. Петербург был крайне заинтересован в разрядке напряженности в Европе, и потому с готовностью подхватил предложение президента США Теодора Рузвельта о созыве в Гааге мирной конференции, которая и состоялась в июне—декабре 1907 г. с участием 44 государств. Никаких мер по разоружению она не приняла, Россия и так разоружилась в войне с Японией, добрая половина ее флота лежала на дне Цусимского пролива, прочие державы наращивали вооружения. Но конференция приняла ряд законов о ведении морской войны и о нейтралитете.

Победоносная поступь германского капитала внушала в нашей стране глубокую тревогу торгово-предпринимательским кругам и вызывала возмущение общественности. Треть российского экспорта шла тогда через Проливы (в том числе 3/4 вывоза зерна). «Германия, обосновавшись на берегах Босфора, получала возможность в любое время перекрыть эту важнейшую для России торговую артерию... Под удар ставилось все русское Причерноморье», — констатирует И. В. Бестужев. «Русская дипломатия должна была учитывать ситуацию, когда ключи от проливов могут выпасть из старых ослабевших рук и будут подхвачены молодым хищником»⁹, — указывает Г. Е. Кострикова.

Естественным представлялось блокирование с англичанами и французами для того, чтобы воздвигнуть барьер перед немецко-австрийским натиском. Но на пути к этому предстояло разобрать немало завалов и отрешиться от укоренившихся представлений, прежде всего в отношении с Великобританией. Либеральные круги приветствовали начавшееся сближение; в октябре 1906 г. родился комитет англо-русской дружбы под председательством известного историка, руководителя кадетской партии Павла Николаевича Милюкова.

Переговоры с Великобританией шли долго и мучительно, на карту были поставлены крупные политические, торговые и финансовые интересы. И, что характерно, А. П. Извольский запрашивал мнение промышленных и финансовых воротил — шел раздел сфер влияния в Персии и Афганистане. Тем временем кадетская, октябристская и умеренно-правая печать доказывала, что «пока Англия и Россия будут ссориться между собою и интриговать друг против друга, добыча достанется в руки Германии», рассуждала об английской поддержке на Балканах и в Проливах и призывала к прочному сближению с Лондоном¹⁰.

Похоже было, что и у традиционного соперника и недруга наступило время размышлений: а не переусердствовали ли во вражде к «москвитам»? Лорду Лэнсдауну, главе Форин оффис, принадлежит признание: «Это очень узколюбая политика, которая видит в разрушении России интерес Англии»¹¹. В самом деле — к экспансии на Дальнем Востоке самодержавие охладело всерьез и надолго; тщательно взращивавшийся в течение десятилетий жупел насчет нависшей над Индией опасностью русской агрессии сгнил на корню; на фоне бурного продвижения германского капитала на Балканах и в Турции перспектива прийти здесь к согласию представлялась реальной; район соперничества сузился до Ближнего Востока.

Сторонником сближения с Россией проявил себя посол Артур Никольсон. По его оценке прогерманские настроения преобладали при российском дворе и в военных кругах, проанглийские — в торгово-промышленных сферах и среди либерально-настроенной общественности. Но основную часть работы по сближению между Великобританией и Россией проделали сами немцы, держа оппонентов в страхе перед вытеснением с Ближнего Востока.

Чуть ли не до дня подписания соглашения Зимний дворец колебался: Особое совещание 14 июля 1907 г. в обмен на отказ от продления Багдадской железной дороги в Персию выражало готовность уклониться от подписания уже сверстанного документа.

14 августа 1907 г. договор был все же подписан А. П. Извольским и А. Никольсоном. Иран поделили на три зоны: северную, сферу

русского влияния, южную, включавшую богатые нефтяные залежи, «отошедшую» к англичанам, и среднюю, «нейтральную». Россия признала Афганистан лежащим вне области своего влияния, а Британия обещала отказаться там от завоеваний.

Так узел англо-русских противоречий был если и не разрушен, то хотя бы ослаблен; по ходу дел был заложен второй камень в основание Антанты.

Кадетская и октябристская пресса, во взвинченных тонах предупреждавшая о немецкой угрозе, объясняла сближение с Англией «необходимостью найти контрбаланс» триумфу германской дипломатии на Босфоре и создания совместного с Великобританией единого фронта против Центральных держав на Балканах. А кайзер Вильгельм реагировал на последующую вскоре ревельскую (таллинскую) встречу своего друга Никки и своего дяди Эдуарда Английского со свойственной ему грубой импульсивностью: «Мы знаем теперь, чего можно ожидать от этих мерзавцев», хотя Николай специальной телеграммой успокаивал его: свидание «абсолютно ничего не изменило»¹². Правда, кадетско-октябристская печать тут же поправила царя: «англо-франко-русская антанта — перманент — реальный факт».

Тем не менее российская дипломатия делала все возможное и даже невозможное, чтобы по-доброму договориться с Германией и Австро-Венгрией. В начале 1908 г. в МИД была составлена записка относительно «Общего положения дел на Балканском полуострове». Идеал — сохранение в регионе *status quo*, и здесь балканские государства, алчущие участия в дележе турецкого наследства, — не союзники. Надежда на сохранение — лишь в согласованных с Австрией действиях¹³.

В апреле 1908 г. А. П. Извольский говорил в Думе: «Россия по-прежнему стремится к сохранению статус кво. На этом пути она готова и впредь самым лояльным образом идти как с Австро-Венгрией, так и со всеми теми державами, которые будут стремиться к одинаковой с нею цели»¹⁴. Извольский запрашивал немного — свободы прохода через Проливы русских военных судов. О том же самым твердил царь немецким дипломатам: «Моей мыслью всегда было: Проливы!.. Вы не думайте, я не претендую ни на малейший кусок (Турецкой) территории. Все, что я хочу, — это свободный выход и свободный вход. Это не причинит вреда никому»¹⁵. Призывам прессы — договориться с Англией и Францией об установлении единого фронта против Германии и Австро-Венгрии на Балканах — император и министр долго не внимали. В дополнение к условию, касавшемуся Проливов, Извольский просил отвести австрийские войска из Но-

во-пазарского санджака в предположении, что тот будет поделен между Сербией и Черногорией, и согласиться с провозглашением болгарской независимости.

Не следует думать, что в чьей-то блаженной голове бродила мысль о том, как Черноморский флот вырвется на просторы Средиземноморья. Вырваться было некому: шесть старых броненосцев, столь разномастных, что из них нельзя было составить эскадру, с вводом в строй дредноутов перешли в разряд морских корыт. Между тем Турция приступила к наращиванию морской мощи, разместив заказы на строительство линейных судов в Великобритании и даже Бразилии. Россия не могла принять вызов: во-первых, денег не было; во-вторых, Проливы были закрыты намертво и вариант с покупкой судов отсутствовал; в-третьих, Николаевский судостроительный завод обладал ограниченными возможностями по строительству судов на месте. Потенциально открытие Проливов для ввода боевых кораблей в Черное море представлялось одним из путей укрепления южных рубежей страны.

И Извольский, и царь грубо ошибались, воображая, будто с Австро-Венгрией можно договориться на основе взаимных уступок при сохранении баланса сил, как то было еще недавно. В особняк на Балльхаусплац вселился барон Алоиз Эренталь, сторонник экспансионистского курса. На путях внешних успехов он собирался преодолеть внутренние трудности, смягчить социальную обстановку, вывести монархию из тупика национальных противоречий. На повестку дня был поставлен вопрос о превращении оккупации Боснии и Герцеговины в аннексию, т. е. о прямом присоединении провинции к Габсбургской державе.

Первый же обмен мнениями с Извольским вскрыл серьезные разногласия. Эренталь ожидал от самодержавия «благожелательной и дружественной позиции» в отношении аннексии, иными словами, требовал согласия на эту меру, в обмен на пустышку с австрийской стороны, обещая, «если представится случай» (!!!) вступить в «доверительный и дружественный обмен взглядами»¹⁶ по Константинополю и Проливам.

Встреча Извольского и Эренталья состоялась 2–3 (15–16) сентября 1908 г. в замке Бухлау. Стороны горячо спорили, но итоги беседы письменно не зафиксировали, что явилось кардинальной оплошностью со стороны Извольского, воображавшего, что все еще подлежит уточнению. Не были обусловлены ни срок аннексии, ни время выдвижения российских претензий. У общественности сложилось впечатление, что санкция российского МИД на аннексию уже получена, Эренталь давал понять, что действует с его ведома и согласия.

Извольский счел поведение своего партнера «образцом иезуитства»¹⁷, но было уже поздно. Он не согласовал выданный аванс даже с собственным правительством.

Никто не протянул руку попавшему на удочку доверчивости государственному мужу. В Петербурге, писал один высокопоставленный чиновник, разразилась «буря в Совете министров и на Штандарте»*. Министр финансов В. Н. Коковцев и премьер П. А. Столыпин, «при сочувственной поддержке прочих», заявили, что России негоже выступать «пособницей или укрывательницей Австрии». Извольскому предложили самому выбираться из ловушки. Тот метнулся в Париж и Лондон, лелея мысль о поддержке. Он вынашивал планы созыва некой конференции для обсуждения вопросов, в своей решающей, «боснийской» части уже решенных. В Париже его заподозрили в совершении сделки с Австрией в ущерб союзу с Францией, в Лондоне расставили столько рогаток на пути созыва конференции, что сама эта идея завяла на корню. «Роль наша сведется к тому, что мы, как нотариусы, запротоколируем все насилия, сделанные врагами славянства», — в растерянности писала газета «Новое время»¹⁸. Извольский, по собственному признанию, осознал, что Европа разбита на две коалиции, австро-немецкую и Антанту, и время балансирования прошло.

23 сентября/6 октября 1908 г. Австро-Венгрия официально объявила об аннексии Боснии и Герцеговины. От Сербии Вена требовала, чтобы та «ясно, определенно и без посредничества объявила, что она отказывается от политических компенсаций», т. е. от планов объединения с Боснией и вообще вела себя смиренно и лояльно. На отправленный из Петербурга в Париж запрос, как поведет себя союзник в случае австро-русской войны из-за Сербии, последовал ответ: «Война, возникшая из-за подобного вопроса, не встретила бы сочувствия со стороны общественного мнения Франции»¹⁹.

В марте 1909 г. на сцену вышла тяжелая артиллерия: немецкий посол Ф. Пурталес получил указание — потребовать у российского правительства «признать совершившийся факт», иначе Берлин, разумеется, «с сожалением», предоставит Австро-Венгрии «свободу действий». Петербургу также надлежит призвать к порядку белградский кабинет и прекратить его протесты. Извольский ответил уклончиво, что в Берлине сочли «возмутительным отказом». Здесь решили стукнуть кулаком и предложили незадачливому Извольскому ясно и определенно заявить «да или нет; всякий уклончивый, казуистический и неясный ответ» будет расценен как отказ²⁰. В ав-

* «Штандарт» — яхта, на которой царская семья плывала по Балтике.

стро-венгерских войсках, сосредоточенных на границе с Сербией, было объявлено состояние тревоги.

Самодержавие капитулировало. Николай II в письме матери изъяснялся мягко: «Вопрос был поставлен ребром, пришлось отложить самолюбие и согласиться... Германия совершенно готова к мобилизации»²¹.

России пришлось испытать до дна горькую чашу поражения, сопровождавшегося унижением. Блок Центральных держав настоял на том, чтобы самодержавие публично в том расписалось, «посоветовав бурлившей от негодования Сербии смириться». «Страх в правящих кругах неделю назад, когда распространилось известие о том, что Австро-Венгрия объявит войну Сербии, не поддается описанию, — в таких выражениях информировал посланник Р. Кошутич белградское правительство 10/23 марта. — Он не мог бы быть большим даже в том случае, если бы германские войска высадились вблизи от Петербурга»²².

Сербия подчинилась. «Когда наша подготовка к войне будет завершена, мы сведем с Австро-Венгрией счеты. Не начинайте теперь войны, ибо это было бы вашим самоубийством, молчите о ваших намерениях и готовьтесь: будет и на вашей улице праздник», — утешал Кошутича лидер октябристов А. И. Гучков²³. Сербия капитулировала, сделав заявление об отказе от всех протестов и претензий.

Блок Центральных держав одержал внушительную победу. Берлин безоговорочно встал на сторону союзника; у руководителей аусамта не хватило ни политической дальновидности, ни элементарного такта как-то подсластить преподнесенную самодержавию пилюлю. Традиции Бисмарка, умело балансировавшего между Веной и Петербургом и не позволявшего загонять Россию в угол, были преданы забвению. На смену тонким маневрам пришли грубый нажим и отнюдь не дипломатический окрик.

Берлин и Вена добились оглушительного успеха, — в кратком — временном измерении. Но нет в международной практике ничего опаснее и вреднее оглушительного, рассчитанного «на публику» триумфа. Он рождает у потерпевшей стороны чувство унижения и жгучей обиды. Аусамт и Бальхаусплац явно перестарались и нанесли удар по собственным планам дальнего прицела, а именно — обеспечить нейтралитет России в предстоящей войне, — бесцеремонно поправ российские интересы и не позволив царскому правительству выбраться «с честью» из той ловушки, в которую его завел Извольский. Аннексия прозвучала похоронным звоном по тактике балансирования между блоками.

В Берлине спохватились, и близкая к ведомству иностранных дел газета «Норддойче Альгемайне Цайтунг» «опровергла», как «легенду», сведения о давлении на Россию и объявила, что происходил лишь «обмен мнениями» в «дружественной форме». Поздно. Николай II заверил союзных послов, А. Никольсона и М. Тушара, которые явились к нему с заверениями о лояльности на устах, в стремлении России укрепить Антанту²⁴.

А дипломаты и генералы «с ужасом» сигнализировали о том, что в 1913 г. Турция достигнет преобладания в силах на Черном море, и тогда над южными рубежами нависнет серьезная угроза. Сменявшие друг друга морские министры били тревогу, но дальше сочинения бумаг дело не шло, — отсутствовали необходимые ассигнования. В 1907–1911 гг., и то на Балтике, вступили в строй 9 миноносцев и 6 подводных лодок. В 1911 г. наконец-то была принята программа, предусматривавшая строительство 3-х линейных кораблей (в 4 года), а Германия спускала на воду ежегодно по 4 дредноута. Первый российский корабль такого класса появился на Черном море в 1915 году²⁵.

Новый министр иностранных дел С. Д. Сазонов и посол в Константинополе Н. В. Чарыков попытались достигнуть договоренности с младотурецким правительством о пропуске российских военных судов через проливы, надеясь, что в связи с войной с Италией оно станет сговорчивее. Учиненный в 1911 г. демарш Чарыкова потерпел полную неудачу, и МИД пришлось прибегнуть к редкой и даже в какой-то степени компромитирующей ведомство процедуре дезавуирования своего представителя (т. е. отказе от его заявлений). Подводя итоги, крайне неутешительные, многодесятилетней активности МИД, связанной с судоходством в Босфоре и Дарданеллах, Е. Г. Кострикова пишет: «Все рассуждения на эту тему оставались в области теории, так как не были подкреплены материальными и военными ресурсами»²⁶.

Радетели прогерманского курса в Зимнем дворце и вокруг него сохранились и после того, как Австро-Венгрия разбила вдребзги всякую надежду на равноправное партнерство. Сотрудничество мыслилось на явно нереальной основе: Германии надлежало для этого отказаться от поддержки Австро-Венгрии на Балканах. А на Вильгельмштрассе соглашались «сдерживать» своего венского протеже лишь в случае разрыва англо-франко-русской Антанты²⁷. Иными словами, Петербургу предлагали отказаться от всякой гарантии европейского равновесия, присутствовать при расправе над Францией, сползти с позиций великой державы и пристроиться на запятках отставрированной кареты Союзы трех императоров.

Господствовавшие в общественности настроения выразила влиятельная газета «Новое время»: «Россия не может получить лучшей и более полной компенсации, как использовав Боснийский кризис для окончательного сплочения южных славян». При этом как-то упускалось из виду, что подобный переход предполагал санкцию на передел остатков «турецкого наследства» в Европе в виде Македонии и означал конец мечтаниям о сохранении status quo. Впрочем, боснийский кризис поставил на нем крест, дав сигнал к подготовке к войне. Теперь главной задачей российской дипломатии становилось образование союза держав в регионе, да еще так, чтобы свести неизбежно возникавшие в ходе дележа взаимные претензии к минимуму с тем, чтобы избежать межбалканской войны и развала создаваемого блока. Опыт 1913 г. показал тщетность подобных усилий*.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ La desagregation de la monarchie Austro-Hongroise. Bucarest, 1965. P. 111.
- ² Краткая история Венгрии. М., 1991. С. 249.
- ³ La desagregation... P. 114, 144.
- ⁴ *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 55; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики в 1906–1910 гг. М., 1961. С. 51. В данном разделе монографии, носящем обобщающий характер, мы широко используем фактический материал, почерпнутый из высококомпетентных трудов А. В. Игнатъева и И. В. Бестужева.
- ⁵ *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 151.
- ⁶ Там же. С. 288.
- ⁷ Там же. С. 151.
- ⁸ Там же. С. 79.
- ⁹ Там же. С. 40; Россия и Черноморские проливы. М., 1999. С. 255.
- ¹⁰ *Бестужев И. В.* Борьба в России... С. 138.
- ¹¹ *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 31.
- ¹² *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 153, 155.
- ¹³ Там же. С. 182.
- ¹⁴ Там же. С. 195.
- ¹⁵ Там же. С. 260.

* Конкретные шаги российской дипломатии по образованию Балканского союза см. в соответствующих разделах работы.

- 16 *Игнатъев А. В.* Внешняя политика России 1907–1914. М., 2000. С. 76.
- 17 Россия и... С. 267.
- 18 Там же. С. 268; Бестужев И. В. Указ. соч. С. 225.
- 19 *Игнатъев А. В.* Указ. соч. С. 96, 91.
- 20 Там же. С. 92.
- 21 Там же. С. 93.
- 22 *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 287.
- 23 Там же.
- 24 Там же. С. 98, 99.
- 25 Россия и... С. 293, 303.
- 26 Там же. С. 309.
- 27 *Бестужев И. В.* Указ. соч. С. 224.

ГЕРМАНСКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Рывок германского империализма в Малую Азию был тесно взаимосвязан с активизацией германской политики на Балканах. С одной стороны, строительство Анатолийских, а затем и Багдадской железных дорог усиливало экспансионистские возможности и укрепляло позиции Германии в обширных областях Балканского полуострова, находившихся под османским суверенитетом. С другой, — преобладающее положение Германии на Босфоре и ее возрастающие экономические интересы в Османской империи придавали особое значение обеспечению надежной сухопутной связи с ней, в чем были заинтересованы крупный германский капитал и государственные структуры, связанные с ближневосточной экспансией Германии в политическом и военном отношении ¹.

Директор «Дойче банк» Карл Гельфферих писал, что «для Германии успешная турецкая политика всегда имела предпосылкой успешную политику в отношении Австро-Венгрии и Балкан» ².

В одном из своих отчетов о политической ситуации в регионе германский посол в Константинополе А. Маршалль фон Биберштайн писал 14 января 1901 г. рейхсканцлеру Б. фон Бюлову, что якобы сохраняющийся там «полный покой» объясняется пассивностью России, занятой событиями в Китае. Однако решающую причину этого он усматривал в «появлении Германии на Ближнем Востоке». «Когда мы десять лет тому назад впервые появились здесь с программой экономического развития Турции путем использования ее природных ресурсов, — писал германский посол, — мы оказались в скрытом антагонизме с Россией, которая постепенное хозяйственное обнищание Турецкой империи рассматривает как составную часть своей политики» ³.

Эти, поддержанные кайзером, высказывания примечательны в том отношении, что содержат признание заложенного в германской восточной политике с самого начала скрытого антагонизма с Россией и одновременно выражают волю и впредь, невзирая на проистекающую из этого напряженность в международных отношениях, сохранять политическую активность на Ближнем Востоке.

Тем временем в ходе переговоров между турецким правительством и германским послом в Константинополе и «Оттоманским обществом Анатолийских железных дорог» (с немецким капиталом)

21 января 1902 г. был подписан текст конвенции о концессии на Багдадскую железную дорогу. Конвенция предоставляла Анатолийскому железнодорожному обществу на 99 лет концессию на строительство и эксплуатацию магистральной линии от Коньи до Багдада, а также нескольких железнодорожных веток, и среди них — на Александретту, Ханекин и к Персидскому заливу. Окончательно договор о строительстве Багдадской железной дороги был заключен 5 марта 1903 г. в Константинополе, причем концессия охватывала железнодорожную сеть длиной 2800 км, включая магистраль от Коньи до Багдада и Басры. Для сооружения этой железнодорожной линии в апреле 1903 г. «Дойче банк», «Имперский Оттоманский банк» и «Управление оттоманского государственного долга» учредили в Константинополе «Имперское Оттоманское общество Багдадской железной дороги»⁴.

О том, что Германия оказалась самым активным образом вовлеченной в «восточные» дела, свидетельствовала и ее заинтересованность в событиях на Балканах.

В январе 1901 г. в Македонии вспыхнули волнения, что вновь привело к постановке Австро-Венгрией и Россией, а затем и Англией вопроса о македонских реформах. Германское ведомство иностранных дел и посол в Константинополе Маршалль категорически отвергли эти реформы, так как султан-де вообще испытывает отвращение к «реформам в общепринятом смысле»⁵. По мнению Маршалля, предлагаемые великими державами меры могли быть успешными только в том случае, если бы власть султана в Османской империи осталась достаточно прочной, чтобы «собственными силами удерживать в спокойствии центробежные элементы». Он настойчиво предостерегал Вену от намерения осуществить реформы в Македонии, так как авторитет монархии Габсбургов в Константинополе и без того уже сильно пострадал из-за оккупации Боснии и Герцеговины. Маршалль предупреждал: существует реальная опасность того, что пробудятся не только македонские, но и другие «большие и малые басы», сегодня еще спящие на Балканском полуострове. Это будет иметь серьезные последствия прежде всего для Австро-Венгрии и России, но и для всего равновесия европейских держав. Отсюда германский посол делал заключение: на македонском вопросе «висит всей своей тяжестью» восточный вопрос в целом⁶.

1902 год оказался в известном смысле поворотным для Тройственного союза. Положение на Балканах стало из-за восстания в Македонии критическим, и министр иностранных дел Италии Принетти, слышавший противником Тройственного союза, опасался, что Россия и Австро-Венгрия договорятся о совместной политике в регионе,

игнорируя Италию. Заключение в 1902 г. секретного соглашения между Францией и Италией привело к тому, что для последней на первый план вышли проблемы Балкан и Востока. Италия приступила к осуществлению активной политики в районе Адриатического моря и на Балканском полуострове, которая создавала серьезные трудности для экспансионистских замыслов правящих кругов монархии Габсбургов. Вена не могла допустить, чтобы Италия «обосновалась» в Албании и тем самым установила свой контроль над Адриатикой⁷.

Озабоченный тем, что Россия займет доминирующее положение на Балканах или заключит с Австро-Венгрией соглашение о разделе сфер влияния на полуострове, Принетти известил Вену, что считает необходимым усилить гарантии Германии по сохранению status quo на Балканах. Особое беспокойство у него вызывало положение в Македонии. Для предотвращения прорыва России к Константинополю и проливам в том случае, если славяне добьются господствующего положения на полуострове, страны Тройственного союза должны были, по его мнению, договориться о совместном противодействии такому развитию событий. Однако германское правительство в ответ на демарш Принетти заявило, что балканские проблемы должны обсуждаться в Вене, а Германия готова согласиться с тем решением, которое примет Венский кабинет⁸.

Когда в июле 1902 г. русский и австрийский послы повторно выступили в Константинополе с представлениями о реформах в Македонии, Вильгельм II заявил, что Германия сделает все от нее зависящее, «чтобы уничтожить эти бессмысленные планы реформ», а сам он никогда не будет участвовать в предъявлении подобных требований к Турции⁹.

Однако в ноябре–декабре 1902 г. произошло известное сближение позиций России и Германии по этому вопросу. Российский посол в Константинополе И. А. Зиновьев и германский посол А. Маршалль, сначала порознь, а затем, по-видимому, согласованно, пытались побудить султана внести изменения в свою политику в Македонии, проведя, в частности, реорганизацию полиции и реформу юстиции.

События подгоняли дипломатов. Начались восстания в Албании, вновь активизировались македонско-болгарские комитеты, деятельность которых достигла наивысшей точки в апреле–мае 1903 г., когда взрывы бомб в Салониках нанесли большой ущерб местному филиалу «Имперского Османского банка» и немецкому клубу. Как всегда в подобных случаях, в Салоники для защиты немецких интересов направилось германское военное судно с поэтическим названием «Лорелей»¹⁰.

Иностранные посольства, «Имперский Оттоманский банк» и Анатолийская железная дорога опасались действий «динамитчиков». Германское посольство обратилось к турецкому правительству с просьбой установить особую охрану возле мостов и железнодорожных тоннелей, а также в гавани Хайдар-паша. Вокруг германского посольства в Константинополе ночную вахту несли моряки из экипажа «Лорелей»¹¹.

В августе 1903 г. в округе Монастир разразилось давно готовившееся восстание¹². Хотя это и являлось грозным предвестником краха выдвинутого Австро-Венгрией и Россией плана реформ в Македонии, германский кайзер категорически выступил против предложенного Петербургом срочного созыва конференции послов в Константинополе. Принятая на встрече царя и австрийского кайзера 2 октября 1903 г. Мюрцштегская программа урегулирования македонского вопроса предусматривала введение поста генерал-губернатора при австро-венгерском и русском участии и уже благодаря этому, по словам Маршалля, являлась серьезным посягательством на суверенитет султана¹³. Бюлов и Вильгельм II решительно высказались против идеи привлечь к реорганизации жандармерии какого-нибудь немецкого офицера, находящегося на турецкой службе. Вместе с тем германское правительство настоятельно рекомендовало султану Абдул-Хамиду немедленно принять программу реформ «в целом и в принципе», что оставляло ему возможность оказывать влияние на ее конкретизацию. Не в последнюю очередь под германским нажимом Турция приняла Мюрцштегскую программу «в принципе»¹⁴, но стала затягивать ее проведение в жизнь. Таким образом в последующие годы в Македонии не только не произошло стабилизации обстановки, но национальные противоречия здесь даже обострились.

Оказывать давление на султана в пользу принятия программы реформ в Македонии Вильгельма II побуждала возможность прямого вмешательства держав в ход событий, что ставило под угрозу уже завоеванные Германией позиции на Ближнем Востоке. Поэтому германское правительство проявляло большой интерес к македонскому вопросу, но по-прежнему утверждало, что не собирается «выходить из традиционной сдержанности, которая вытекает из географического положения Германии в отношении Турции»¹⁵.

Между тем острота противоречий между Австро-Венгрией и Италией достигла такого уровня, что осенью 1903 г. австро-венгерский министр иностранных дел А. Голуховский в беседах с немцами выражал сомнения в дальнейшем существовании союзных отношений с Италией. В сентябре того же года германский канцлер фон Бюлов

вынес из своего визита в Вену впечатление, что Голуховский вполне определенно проявил «стремление заменить Тройственный союз союзом трех императоров»¹⁶.

Итак, в «браке по расчету» Тройственного союза в отношениях между Австро-Венгрией и Италией противоречия явно брали верх над общностью интересов, а соперничество между ними на Балканах оказалось судьбоносным для Тройственного альянса. «Союзники» оставались вместе не для того, чтобы оказывать взаимную поддержку, а чтобы следить друг за другом и из опасения, что в случае разрыва союзнических отношений дело может дойти до открытого конфликта¹⁷.

Осуществлявшаяся германским империализмом железнодорожная политика в Малой Азии и на Балканах способствовала дальнейшему экономическому проникновению германского финансового капитала в страны Балканского полуострова. Лидер пангерманцев Э. Хассе, развивая планы создания Таможенного союза «Срединной Европы» под германским руководством, отмечал, что он «сплотил бы экономически область, которую когда-то политически объединяла старая Германская империя. Присоединение Румынии объединит бассейн Дуная с областями Рейна, Эльбы и Одера и создаст для средневропейского Таможенного союза оплот как на Северном и Балтийском, так и на Адриатическом и Черном морях...»¹⁸. «Срединную Европу» Хассе рассматривал как плацдарм для осуществления германской мировой политики. Следующим шагом к завоеванию Германией мирового господства он считал установление контроля над всем Балканским полуостровом, Дунайским бассейном и Малой Азией — до Персидского залива¹⁹.

Идеолог и организатор созданных в 1904–1905 гг. «средневропейских экономических союзов» проф. Юлиус Вольф, отмежевываясь от пангерманского экстремизма и максимализма, выступил за образование объединения государств «Срединной Европы» под германской эгидой. В своей работе «Германская империя и мировой рынок», изданной в 1901 г., он писал, что речь может идти только о сближении государств Центральной и Юго-Восточной Европы, включая Германию, Австро-Венгрию и Балканские страны²⁰. Проекты создания «Срединной Европы» надолго овладели вниманием влиятельных германских государственных и политических деятелей, финансистов, промышленников и интеллектуальной элиты, принимавших участие или являвшихся сторонниками развития германской экспансии в юго-восточном направлении.

Основой германского проникновения в страны Балканского полуострова служил экспорт капитала. В 1916 г. ценные бумаги стран

Восточной и Юго-Восточной Европы составляли 57,2 % принадлежавших немцам иностранных ценных бумаг. Накануне мировой войны первое место по величине размещенных германских капиталов занимала Османская империя, за ней следовали Румыния и Австро-Венгрия ²¹.

Германское внедрение на Балканах осуществлялось в большой мере и косвенными методами. Важную роль здесь играл германский капитал, инвестированный в экономику Австро-Венгрии. Вена являлась крупным центром международных финансовых транзакций, осуществлявшихся европейским капиталом на Балканах, особенно в Турции, Румынии и Сербии. При проникновении на Балканский полуостров немецкий капитал нередко использовал посредничество Австро-Венгрии, обладавшей значительным влиянием в балканских странах. Однако вследствие своей экономической слабости она не могла там «управиться» одна. Возможности вывоза австро-венгерского капитала были весьма ограниченными, все заграничные инвестиции Дунайской монархии составляли лишь 0,5 млрд крон ²². Поэтому австрийский банковский и промышленный капитал часто выполнял функции посредника или форпоста более мощного германского, а также французского или английского капитала. Германский капитал превратился в главного кредитора австро-венгерского государства. Германия располагала самой большой долей в его внешней торговле (в среднем 39 % от общего торгового баланса страны) ²³.

С начала XX в. экспорт капитала из Австро-Венгрии, являвшейся великой державой второго ранга, направлялся в экономически слабые страны Балканского полуострова — в Сербию, Болгарию, Румынию, Албанию и Турцию, но отчасти также в Италию и Россию. Среди крупных экспортеров австро-венгерского капитала на Балканы были тесно связанные с германским капиталом «Венский банковский союз», «Кредит-Анштальт», «Нижнеавстрийское учетное общество» и другие банки. Австро-венгерский капитал участвовал в основании или увеличении акционерного капитала ряда балканских и ближневосточных банков, таких, как «Дойче Ориент-банк», «Салоникский банк», «Балканский банк», «Банк Восточных железных дорог», «Марморощ, Бланк и К^о» и др. Но и в этих случаях австро-венгерский капитал выступал обычно как посредник более мощного германского или французского капитала ²⁴.

Нередко трудно провести грань между интересами австро-венгерского и германского капиталов на Балканах, тесно взаимосвязанных и зачастую производивших свои зарубежные инвестиции совместно. Так, «Австрийский торговый и промышленный кредитный банк» и «Венский банковский союз» играли важную роль в проник-

новении германского и австрийского капитала в румынскую нефтяную промышленность. Значительная часть австро-венгерских капиталов, экспортировавшихся в страны Балканского полуострова, фактически переходила под контроль «Дойче банк», «Берлинер хандельсгезельшафт» и других немецких банков. Венские и будапештские банки, располагавшие прочными связями с крупными банками Германской империи, посредничали при выпуске государственных займов Турции, Сербии, Румынии и Болгарии, участвовали в финансировании банков этих стран, производили инвестиции в промышленные предприятия и железные дороги балканских государств. Зависимость Дунайской монархии от Германии стала столь сильной, что немецкий капитал смог участвовать почти в половине всех зарубежных австро-венгерских инвестиций²⁵.

С начала XX в. стала быстро возрастать роль Юго-Восточной Европы как рынка сбыта германской промышленной продукции. Германский экспорт в Румынию, Болгарию, Сербию, Грецию и Турцию увеличился с 1901 по 1912 г. на 242 % и превзошел уровень экспорта во все другие регионы мира. При этом сильнее всего возрос экспорт в Болгарию, увеличившийся на 385 %. Вывоз товаров в Румынию за те же годы возрос на 287 %, в Турцию — на 203 %, Грецию — на 186 % и Сербию — на 157 %. Экспорт в Австро-Венгрию, традиционный рынок германского сбыта, увеличился на 111 %²⁶.

Экспорт Германии в государства Балканского полуострова нельзя недооценивать. Если в начале 90-х годов XIX в. Германия в импорте Болгарии стояла на шестом месте, то в 1912 г. она переместилась со своими 20 % на второе место, после монархии Габсбургов. В Румынии ввоз из Германии достиг в 1913 г. 40,3 %. В турецком импорте германская доля возросла с 1887 по 1910 г. с 6 до 21 %. В Сербии импорт из Германии увеличился с 14,9 % в 1884 г. до 41,3 % в 1910 г. Германия по ввозу товаров в Сербию в 1911 г. стояла на втором месте, после Австро-Венгрии²⁷.

Характер растущих хозяйственных связей Германии с государствами Балканского полуострова определялся не потребностями их экономического развития, а стремлением германских монополий и правящих кругов к получению прибыли и к укреплению германских политических позиций в регионе. В то время как из балканских стран в Германию вывозились непереработанные дешевые сельскохозяйственные продукты и сырье, в эти страны Германия экспортировала главным образом дорогие потребительские товары, сельскохозяйственную технику, строительные материалы и эксплуатационное оборудование для железных дорог, а также оружие и боеприпасы. Такие торговые отношения осложняли индустриа-

лизацию этих стран, обрекая их на исполнение роли прибыльного объекта эксплуатации²⁸.

Таким образом, Германия осуществляла проникновение в страны Балканского полуострова, не считаясь со своим менее индустриализованным партнером по союзу, монархией Габсбургов, испытывавшей острую нехватку денежных средств. В то время как относительная доля Австро-Венгрии в импорте и экспорте этих стран сокращалась или по меньшей мере находилась в состоянии стагнации, участие Германии в торговле балканских стран резко возрастало. В монархии Габсбургов с большой озабоченностью следили за развитием этого процесса, а австро-венгерские торговцы и консулы жаловались на вторжение немцев на «свои» рынки. Расширению торгово-политической экспансии Германии в регионе соответствовала растущая финансовая зависимость Австро-Венгрии от монархии Гогенцоллернов.

Младотурецкая революция 1908 г. временно приостановила чрезвычайно благоприятное для Германии развитие взаимоотношений с Турцией. Однако, когда осенью 1910 г. турецкий заем в Англии и Франции потерпел неудачу вследствие предъявленных кредиторами чрезмерных экономических и политических требований, германо-австрийский банковский консорциум ринулся в образовавшуюся брешь, открыв тем самым возможность для нового договора о строительстве Багдадской железной дороги, остановившемся в 1905 г.²⁹

В 1909–1910 гг. в Турцию вновь был приглашен генерал фон дер Гольц. Его влияние на подготовленных им ранее турецких офицеров содействовало тому, что дружественные отношения между Турцией и Германией стали восстанавливаться³⁰. Этому благоприятствовало и то обстоятельство, что в июне 1910 г. бывший посланник в Бухаресте Альфред фон Кидерлен-Вехтер возглавил ведомство иностранных дел Германии. За ним стояли влиятельные круги крупной германской буржуазии, и среди них директор «Дойче банк» Карл Гельфферих и генеральный директор акционерного пароходного общества «Гамбург–Америка» Альберт Баллин.

В качестве государственного кредитора Германия накануне Первой мировой войны стояла в Турции и Сербии на втором месте, после Франции, в Румынии и Болгарии — на первом и в Греции — на четвертом месте, причем экспорт капитала в Турцию был выше среднего уровня всей экспансии германского капитала в Юго-Восточной Европе и на Переднем Востоке. В соответствии с проведенным в 1913 г. германским посольством в Константинополе исследованием все инвестированные в Турцию германские капиталы составляли в общем 1242 млн марок, из них 520 млн марок приходилось на частные пред-

приятия и 722 млн — на турецкие государственные займы и авансы. По сравнению с 1904 г. германские капиталовложения в Турции возросли с 0,4 до 1,2 млрд марок, т. е. на 200 %. Самые большие суммы были вложены в строительство железных дорог (368 млн марок)³¹. На турецком рынке сбыта особенно велики были интересы германских военных фирм, прежде всего акционерного общества Ф. Круппа, которое в сотрудничестве с «Дойче банк» и другими крупными германскими банками извлекало высокие прибыли из поставок вооружения и боеприпасов в жесткой конкуренции с французскими и английскими военными концернами, прежде всего «Шнейдер-Крезо» и «Армстронг, Виккерс и К^о»³².

Все же с конца 1911 г. позиции германского финансового капитала в Турции вновь стали ухудшаться. Это объяснялось ограниченными возможностями германского денежного рынка и активным наступлением французского капитала. В сентябре 1913 г. Г. фон Ягов заявил руководителю отдела австрийского министерства иностранных дел, что переговоры о Багдадской железной дороге с Турцией и Францией проходят неудачно из-за «могущественности» французского капитала, осознающего это, и что главный общий германо-австрийский интерес состоит в «обеспечении транзита на Салоники и соответствующих тарифов». Ягов выразил сожаление, что Австро-Венгрия ни в 1909 г., ни теперь не нашла «никакого прочного насильственного решения» сербского вопроса, и заверил собеседника, что Австрия может «во всех албанских и сербских вопросах рассчитывать на полную поддержку Германии»³³.

Вторым по значению объектом германской экспансии в Юго-Восточной Европе была Румыния. В конце XIX в. германские банки являлись самыми крупными заимодавцами этого государства, но с 1895 г., когда их доля в румынских займах составляла 64,4 %, она, прежде всего из-за значительного увеличения французских кредитов, уменьшилась к 1915 г. до 54,3 %. В первые годы XX в. почти половина германских капиталов на Балканах была размещена в Румынии, что содействовало усилению германского политического влияния в стране³⁴.

«Дисконто-гезельшафт» и банкирский дом С. Блейхрёдера продолжали контролировать созданный ими «Всеобщий Румынский банк». Косвенным проводником германского влияния в Румынии стал «Банк румынского кредита», созданный в 1904 г. «Австрийским земельным банком» и «Нижнеавстрийским учетным обществом», тесно связанным с «Дисконто-гезельшафт»³⁵. Банкирский дом «Марморощ, Бланк и К^о» стал важной опорой германского капитала в Румынии. Он основал в Салониках дочернее общество — «Ком-

мерческий и депозитный банк», которое содействовало проникновению германского капитала на Балканы³⁶.

К началу XX в. «Дисконто-гезельшафт» и «Дойче банк» располагали самыми значительными инвестициями в железных дорогах, а затем и в нефтяном деле Румынии. В 1903 г. при поддержке королевского двора и румынского правительства «Дойче банк», действуя совместно с «Венским банковским союзом», завладел крупнейшим нефтяным предприятием Румынии «Стяуа ромыне». В том же году румынский министр финансов Э. Костинеску, «по совместительству» представлявший консорциум германских банков во главе с «Дисконто-гезельшафт», завершил переговоры о новом румынском займе, содействовавшем дальнейшему расширению германского экспорта в Румынию³⁷. По некоторым оценкам, накануне мировой войны доля германского капитала в румынской нефтяной промышленности составляла 36,9 %; затем следовали Англия (30,7 %) и Нидерланды (11,5 %) ³⁸.

Румыния была ареной острой конкурентной борьбы между оружейными фабрикантами Европы. На румынском рынке сталкивались друг с другом Крупп и Шнейдер—Крезе, энергично поддерживаемые своими правительствами. Одновременно немецкие и французские банки боролись за размещение румынских займов. Если на рубеже веков «Дисконто-гезельшафт» и С. Блейхрёдер по существу были монополистами в предоставлении займов Румынии, то с 1905 г. одну треть во всех румынских займах уже составлял французский капитал. Однако весенний заем 1913 г. на сумму 150 млн франков снова полностью достался Германии, так как французская банковская группа не участвовала в нем по политическим соображениям. Зато из-за ограниченности финансовых возможностей Германии осенний заем 1913 г. на сумму 250 млн франков должен был быть по желанию Бухареста целиком размещен во Франции. В то же время выдвинутое Парижем условие, чтобы в ближайшие два года все государственные поставки в Румынию осуществлялись Францией, заставило Бухарест, не желавший ссориться с Германией, отказаться от французского займа. Германия, со своей стороны, была вынуждена, преодолевая большие финансовые трудности, согласиться на реализацию румынского займа³⁹.

В результате столкновения германских и французских интересов в Румынии накануне Первой мировой войны доля немецкого капитала в общей сумме иностранных инвестиций заметно уменьшилась. Все же он не утратил своего доминирующего положения, удержавшись на уровне 47 %, в то время как доля Франции составила 32 %, а Бельгии и Великобритании вместе — 7 %⁴⁰. Среди континенталь-

ных должников Германии Румыния занимала одно из первых мест, после Австро-Венгрии, России и Турции. На эти страны приходилась половина всех германских заграничных инвестиций⁴¹.

Несмотря на активные действия в Румынии Круппа, «Рейнметалла», фирмы «Маузер-Роттвайль» и «Дойче банк» на обхаживание Вильгельмом II короля Кароля и попытки ведомства иностранных дел воздействовать на румынских политических деятелей эта страна, стремясь использовать большие возможности французского денежного рынка и следуя своим национальным интересам в Трансильвании, все больше сближалась с Антантой.

Чтобы преодолеть эту опасную для германских правящих кругов тенденцию во внешнеполитической ориентации Румынии, Вильгельм II пытался убедить венгерского министра-президента И. Тису пойти на уступки румынам в Трансильвании. Демонстрируя свое расположение к румынскому Гогенцоллерну, германский кайзер рассчитывал уравновесить неудачную, по его мнению, политику Австро-Венгрии в отношении Румынии. Однако там усиливались антигерманские настроения, а относительная величина немецких капиталов, инвестированных в румынской экономике, постепенно уменьшалась⁴².

В Болгарии в конце XIX в. французский капитал был преобладающим в государственных займах и в поставках вооружения. Однако и здесь германские банки активно включились в процесс финансирования. Экономический кризис, разразившийся на рубеже веков, неурожай, борьба с Обществом эксплуатации Восточных железных дорог и иностранные займы оказали серьезное негативное влияние на состояние болгарских финансов⁴³.

В 1902 г. «Парижский и Нидерландский банк» и «Русский государственный банк» предоставили Болгарии заем в 106 млн франков, в котором участвовали, среди прочих, и многочисленные германские банки. Этот заем нанес особый ущерб болгарской экономике, поставив страну под международный финансовый контроль⁴⁴.

Правительство Болгарии вскоре вновь обратилось к услугам «Парижского и Нидерландского банка», получив от него крупные займы в 1904 и 1907 гг. Позиции французского капитала в Болгарии особенно усилились в начале XX в., когда Париж становится ее главным кредитором⁴⁵.

В сложившейся ситуации германский капитал искал иных путей для укрепления в Болгарии своего влияния. 10 октября 1905 г. «Дисконто-гезельшафт», «Северогерманский банк» (Гамбург) и С. Блейхрёдер основали в Софии «Кредитный банк», который имел целью развитие торговых связей между Германией и Болгарией и активно

участвовал в болгарских займах и финансировании торговых и промышленных предприятий⁴⁶. Образование «Кредитного банка» не на шутку встревожило конкурентов германского капитала, поспешивших принять контрмеры. В декабре 1905 г. в Софии был основан «Генеральный банк», 90 % капиталов которого внесли «Парижский и Нидерландский банк» и «Пештский Венгерский коммерческий банк»⁴⁷. Но наступление германского капитала, начавшего с 1905 г. организованное проникновение в экономику Болгарии, продолжалось.

«Кредитный банк» основал горнорудное акционерное общество «Великая Болгария» и общество для эксплуатации сахарного завода в Русе (при участии бельгийского капитала). В 1907 г. немецкий капитал приступил к финансированию машиностроительных и металлургических предприятий. В 1911 г. было учреждено болгаро-германское акционерное «Общество химической промышленности» с резиденцией в Берлине и фабрикой в Бургасе. Берлинское горное акционерное общество «Балкан» владело в Болгарии концессиями на рудники⁴⁸.

Германские и венгерские капиталисты создали пароходную компанию на Дунае, а также особое транспортное, торговое и коммиссионное общество, которые использовали прежде всего для ввоза техники. Подвижной состав для болгарских железных дорог поступал из Мюнхена, Касселя и Ганновера. Электрооборудование в Болгарию поставляли германские фирмы АЭГ и Сименс-Шукерт, основавшие в Софии свои филиалы⁴⁹.

Германские инвестиции в болгарской промышленности были незначительными, зато германские предприятия являлись немецкими как по форме, так и по существу. По мнению болгарского экономиста С. Бочева, германское проникновение в страну имело «все признаки колониального проникновения»⁵⁰.

Связи «Дойче банк» с «Балканским банком» и заем на сумму 100 млн франков, предоставленный Болгарии в 1909 г. «Венским банковским союзом», укрепили германские позиции в этой стране⁵¹. Общая доля Австро-Венгрии в заграничных капиталовложениях, размещенных в Болгарии до 1910 г., возросла до 40 %. Принимая во внимание немецкое влияние в «Венском банковском союзе», можно полагать, что значительная часть этих капиталов представляла интересы германских монополий⁵².

После своего поражения во второй Балканской войне в конце 1913 г. Болгария остро нуждалась в иностранной финансовой помощи. Когда Франция предложила заем Софии, министр иностранных дел Австро-Венгрии Леопольд фон Берхтольд призвал Ягова оказать давление на германские банки, побудив их предоставить

заем Болгарии, чтобы с его помощью привлечь ее к Тройственному союзу. Однако ввиду ограниченности средств германского денежного рынка в 1913–1914 гг. «Дойче банк», как и прусское министерство торговли, сдержанно отнеслись к этой идее. «Дойче банк» как главный представитель германских экономических интересов в Турции опасался, что благодаря такому займу германский денежный рынок еще больше сузится, что приведет к ослаблению позиций Германии в Османской империи. Так как размещение займов для слаборазвитых стран является в первую очередь мерой, направленной на поощрение экспорта в эти страны промышленных товаров, «Дойче банк» был заинтересован в концентрации усилий немецкого рынка капиталов именно на займах для Османской империи. К тому же этот банк уже произвел крупное финансирование дальнейшего строительства Багдадской железной дороги⁵³.

Это объясняет отсутствие «Дойче банка» в составе руководимого «Дисконто-гезельшафт» германского консорциума, предоставившего Болгарии крупный заем в соответствии с договором от 12 июля 1914 г. Австро-венгерская группа, возглавлявшаяся «Венским банковским союзом», располагала квотой в 25 % займа. Консорциум предоставлял Болгарии срочную ссуду, с помощью которой производилось погашение текущих долгов болгарского государства русским, австро-венгерским и французским банкам, и заем на сумму 500 млн франков, который должен был служить консолидации срочной ссуды, а также финансированию промышленных заказов немецким фирмам. Эти средства были предназначены также для модернизации болгарских копей бурого угля и расширения железнодорожной сети страны⁵⁴. Своим займом Германии удалось потеснить позиции французского капитала в Болгарии. Германский заем Болгарии сыграл свою роль в решении ставшего актуальным после Балканских войн вопроса о том, какому из двух военно-политических блоков удастся перетянуть эту страну на свою сторону.

Германия добивалась усиления своего влияния в Греции, но ее успехи в этой стране были незначительными. Определенными позициями в греческой экономике обладал «Национальный банк Германии», участвовавший в нескольких греческих займах, в том числе в займах 1903 и 1904 гг.⁵⁵ Этот банк вместе с «Национальным банком Греции» основал в 1904 г. в Афинах «Восточный банк», что многие политические комментаторы считали прямым результатом поездки кайзера «по святым местам». Банк приобрел широкую клиентуру не только в Греции, но также в Германии и Австро-Венгрии. Позднее было налажено тесное сотрудничество между «Восточным банком» и созданным в 1906 г. «Дойче Ориент-банк»⁵⁶.

В строительстве железных дорог в Греции главную роль играл французский и английский капитал. Однако накануне первой мировой войны сооружение линий Кассан—Верла и Калабака—Серович удалось захватить германской железнодорожной строительной фирме. Правительство Греции заключило соглашение с «Обществом эксплуатации Восточных железных дорог» о прокладке железнодорожной линии Салоники—Анжиста (132 км), имевшей большое стратегическое значение⁵⁷.

К началу мировой войны по величине инвестированных в Греции капиталов первое место занимала Франция (600 млн франков). За ней следовали Великобритания (250 млн франков), Россия (70 млн франков) и Германия (20 млн франков)⁵⁸. Из всех стран Балканского полуострова Греция была меньше всего заинтересована в торговых связях с Германией. Основным торговым партнером Греции была Великобритания, а на долю Австро-Венгрии и Германии вместе приходилась лишь 1/4—1/5 всего объема греческой внешней торговли⁵⁹.

Успешные действия греческих войск в Балканских войнах 1912—1913 гг. как во Франции, так и в Германии объясняли своими заслугами в усилении их боеспособности. Так, в Париже ссылались на то, что греческую армию с 1908 г. обучали французские инструктора. Когда в разгар военных действий, 18 марта 1913 г., в Салониках, занятых греческими войсками, был убит король Георг I, на престол взошел его старший сын Константин. В отличие от своего отца, ориентировавшегося на Англию, он придерживался прогерманского курса. Военное образование он получил в Берлинской военной академии и был женат на прусской принцессе Софии, сестре кайзера. Вильгельм II присвоил ему звание генерал-фельдмаршала. В своей речи, произнесенной по этому поводу в Берлине в сентябре 1913 г., Константин заявил, что своими победами греческая армия обязана тем принципам, которые он и его офицеры усвоили в Германии. Однако, оказавшись вскоре после этого в Париже, он под давлением греческого правительства уже говорил об «исконной и неизменной дружбе Греции» с Францией⁶⁰.

Между тем кайзер надеялся, что сможет в Греции, как и в Румынии, усилить влияние Германии посредством династической политики и использовать оба эти «неславянские» балканские государства для укрепления позиций Тройственного союза в Восточном Средиземноморье. Однако в случае с Грецией Германия ничего подобного не могла добиться хотя бы потому, что не хотела из-за своих особых отношений с Турцией решительно выступить в поддержку греческих притязаний на острова в Эгейском море. Из-за финансовых трудностей на германском денежном рынке потерпело неудачу предло-

жение, сделанное в апреле 1913 г. германским посланником в Афинах А. Квадтом, с помощью германского займа побудить Грецию примкнуть к Румынии и Турции и тем самым создать противовес Сербии, Черногории и Болгарии. Ведомство иностранных дел Германии не поддержало просьбу Константина о германском участии в новом греческом займе в 500 млн франков, высказанную им во время пребывания в Берлине в сентябре 1913 г. Даже обращение Вильгельма II к Паулю фон Швабаху из банкирского дома С. Блейхрёдера и к Саломонзону от «Дисконто-гезельшафт» ни к чему не привело. Германия в тот момент была просто не способна принять на себя новые финансовые обязательства. Весной 1914 г. Греция заключила договор о займе в Париже, а Франция в качестве ответной услуги получила монополию на все поставки оружия в Грецию, а также концессию на строительство соединительной линии от Лариссы к Восточной железной дороге и на расширение вновь приобретенной Грецией гавани Салоники. Протесты германского посланника, высказанные в связи с фактическим «отлучением» германской промышленности от греческого рынка, оказались тщетными. Напрасно Германия в первой половине 1914 г. пыталась добиться соглашения между Грецией и Турцией в споре из-за островов в Эгейском море, чтобы таким путем вовлечь Грецию в комбинацию Турция—Болгария—Румыния—Тройственный союз⁶¹. Греция в финансовом отношении и благодаря присутствию французской военной миссии была уже прочно связана с Парижем и являлась объектом далеко идущих экономических, политических и стратегических притязаний британского империализма в Восточном Средиземноморье.

В наступившем столетии финансисты Германии и Австро-Венгрии по-прежнему вынуждены были осуществлять основные кредитные транзакции в Сербии совместно с французским капиталом. Так, заем 1902 г. на сумму 60 млн франков был предоставлен Сербии франко-германским консорциумом при участии австрийских банкиров⁶².

Вплоть до 1902 г. отношение Франции и Германии к сербским займам определялось в основном финансовыми соображениями. В политической сфере эти страны уступали пальму первенства своим союзникам — России и Австро-Венгрии. Дунайская монархия тогда уже утрачивала статус великой финансовой державы. Поэтому Вена была склонна действовать в Сербии при содействии парижской, берлинской и лондонской бирж. С другой стороны, хотя немецкие финансисты и стремились идти на Балканах своим путем, напряженное состояние германского денежного рынка не позволяло «Берлинер хандельсгезельшафт» оспаривать ведущую роль французских

банков в консорциуме. Более того, сербские ценные бумаги начинали перемещаться из Берлина в Париж. Французский финансовый рынок становился главным держателем сербских фондов⁶³.

В 1903 г. после государственного переворота в Сербии, приведшего к свержению династии Обреновичей, тесно связанной с монархией Габсбургов, австрийские милитаристы призывали совершить интервенцию в Сербию, а военный атташе Германии в Вене, брат германского канцлера Карл фон Бюлов, считал, что нужно ввести в Сербию австрийские войска или «по меньшей мере» аннексировать Боснию и Герцеговину. Эту точку зрения разделял и германский посол в Австро-Венгрии Ведель⁶⁴.

Восшествие на престол Петра Карагеоргиевича означало не только перемену во внешнеполитической ориентации Сербии, но и поражение австрийской военной промышленности, так как военный министр убитого монарха собирался заказать пушки на заводах «Шкода». Новая же династия предпочла для избавления Сербии от австрийского засилья французскую фирму «Шнейдер–Крезю». Вена пригрозила Сербии, что в случае срыва поставок артиллерийских орудий из Австрии она прибегнет к жестким торгово-политическим репрессиям⁶⁵.

В ожидании таможенного конфликта с Австро-Венгрией сербское правительство вступило в переговоры с одним из германских вагоностроительных заводов о значительных поставках вагонов. Деятельность немецких эмиссаров в Сербии стала столь беззастенчивой, что Голуховский обратился в Берлин с жалобой на германского посланника в Белграде Гейкинга, который в интересах немецкой торговой политики поддерживал антиавстрийские действия сербов. Как писал Дж. Хальгартен, «поскольку Сербия не купила пушек, сербскую свинину не разрешили ввозить в Австрию, так что Вена осталась без мяса, зато венгерские аграрии потирали руки»⁶⁶.

Во время аннексионистского кризиса 1908–1909 гг. Германия выступила решительно в поддержку своего партнера по союзу, все же не упустив шанс укрепить свои торговые позиции в Сербии. Из австро-сербской таможенной войны, продолжавшейся до 1911 г., Германия извлекла наибольшие выгоды. После ее окончания она заняла второе — после Австро-Венгрии — место в сербской внешней торговле, причем обе державы сохранили свое лидерство в торговых оборотах с Сербией вплоть до Первой мировой войны⁶⁷.

Между тем в отношении великих держав к Сербии возрастала роль политических мотивов, к которым непосредственное отношение имел вопрос о поставках оружия этой стране. В острой конкурентной борьбе за сербский рынок активно участвовали фирмы Круппа,

Эрхардта (Германия), Шкоды (Австро-Венгрия), Шнейдера (Франция). Переговоры о сербских займах стали затяжными и очень сложными. Однако французские банкиры все же посчитали нужным пойти на компромисс со своими германскими и австрийскими коллегами.

Заключение займа 1906 г. явилось решающим моментом в борьбе французского финансового капитала за преобладающее влияние в сербской экономике. Правда, франко-германское финансовое сотрудничество в Сербии продолжалось до 1909 г., когда был заключен последний перед первой мировой войной заем, в котором доля германского капитала была значительной, составляя 25 %. Заказы на вооружение были разделены между французскими и германскими концернами в соотношении 75 % к 25 %⁶⁸.

Государственные займы на сумму 250 млн франков, необходимые Сербии для покрытия расходов, связанных с Балканскими войнами, были предоставлены ей в 1913 г. крупными французскими банками⁶⁹. Таким образом, ни немецкому финансовому капиталу, ни германской промышленности так и не удалось поколебать доминирующее положение Франции в Сербии.

Перед началом и во время Балканских войн Австро-Венгрия, колебавшаяся между возможным использованием вооруженной силы против Сербии и дипломатическо-экономическим давлением на нее, вознамерилась вновь вступить с королевством в деловые отношения, выдвинув предложение об образовании таможенной унии между двумя странами или по меньшей мере о заключении торгового договора со значительными преимуществами для монархии Габсбургов. Однако эти планы не удалось реализовать не только потому, что Сербия им воспротивилась, но и Германия отнюдь не была расположена позволить Австро-Венгрии вытеснить себя с завоеванных позиций в сербской экономике⁷⁰.

Одним из главных направлений в деятельности барона Алоиза фон Эренталя, возглавившего в 1906 г. Министерство иностранных дел Австро-Венгрии, стало стремление соединить боснийскую железную дорогу, доходившую до Увача, с сербской железной дорогой Белград—Ниш—Салоники. Благодаря этому Австро-Венгрия получала выход к Эгейскому морю в главном опорном пункте британской торговли в регионе. Это должно было, по расчетам Эренталя, вдохнуть «новую жизнь» в Дунайскую монархию, создавая для нее возможность установления контроля над западной частью Балканского полуострова. Международно-правовой основой для этого проекта служила ст. 25 Берлинского трактата, в которой говорилось о праве Австро-Венгрии содержать на территории санджака Нови-Пазар гарнизоны и владеть военными и торговыми путями⁷¹. Санд-

жакская железная дорога должна была также перерезать коммуникации между Сербией и Черногорией и стать серьезным препятствием для возможного объединения этих стран в едином славянском государстве.

Высшие военные чины монархии Габсбургов в своих оценках исходили из того, что эта дорога в случае необходимости обеспечит быструю переброску войск в Македонию. Санджакская железная дорога призвана была также воспрепятствовать итальянскому проникновению на Балканы ⁷².

Германское правительство, поставленное в известность о планах Эренталя, не в последнюю очередь из-за возобновления Россией «традиционной восточной политики» проявило готовность, как это сформулировал Маршалль, осторожно поддержать австро-венгерский образ действий. Хотя этот шаг Австро-Венгрии и вызовет в известных кругах раздражение, писал Маршалль, однако подобная «диверсия» едва ли нежелательна в тот момент, когда державы совершенно увязли в проблеме македонских реформ. Здесь весьма отчетливо звучит основной мотив отношения Германии к австро-венгерским планам на Балканах, которые в перспективе могли оказаться не только сомнительными, но и опасными. В Берлине рассматривали Австро-Венгрию как представителя германских интересов на Балканах ⁷³.

В своей речи 27 января 1908 г. Эренталь нарисовал грандиозную картину австрийских железнодорожных планов на Балканах, которые создавали в перспективе возможность установления прямого железнодорожного сообщения Вена—Будапешт—Сараево—Афины—Пирей и, более того, «самого короткого пути из Центральной Европы в Египет и Индию» ⁷⁴. Давая согласие на строительство Санджакской железной дороги, султан Абдул-Хамид по праву ожидал, что этот проект осложнит отношения, прежде всего, между Австро-Венгрией и Россией и тем самым приведет к краху реформ в Македонии ⁷⁵.

Характерно, что как в английской, так и в русской прессе высказывалось мнение, что германское правительство «загнало Венский кабинет в предприятие Санджакской железной дороги». В некоторых российских газетах утверждалось, что план Эренталя имеет «конечной целью германизацию Ближнего Востока» и «служит созданию большой восточно-германской железной дороги к Средиземному морю, выгодной только для Германии и Австро-Венгрии и опасной для всех остальных» ⁷⁶.

Не будучи инициатором проекта Санджакской железной дороги, германская сторона давала ему вполне позитивную оценку. Германский посол в Лондоне П. фон Меттерних писал в феврале 1908 г.: «Распространение австро-венгерского влияния на Балканах может

быть нам само по себе только приятно. Нам не нужно слез, чтобы оплакивать разрушение великосербских мечтаний и разочарование панславистских воздыханий»⁷⁷. Нельзя не заметить, что в своих рассуждениях германский дипломат, по существу, отводил монархии Габсбургов роль проводника германской восточной политики.

Предпринимавшиеся Австро-Венгрией «на свой страх и риск» экспансионистские действия на Балканах принесли в последующие годы большие затруднения Германии, постоянно опекавшей своего союзника. С одной стороны, здесь просматривается противоречие, заключающееся в том, что оцениваемое в Берлине как слабое и несамостоятельное государство Дунайская монархия в то же время должна была служить оплотом германских интересов на Балканах в противостоянии притязаниям российского соперника в регионе. С другой стороны, в Петербурге были убеждены в том, что одна двуединая монархия была бы не способна к проведению активной политики на Балканах и что барона Эренталья подталкивают к действиям германские союзники⁷⁸.

Проект Эренталья российский министр иностранных дел А. П. Извольский характеризовал, как разрыв с Мюрцштегским соглашением 1903 г. «Это была бомба, которую он бросил мне под ноги», — заявил он германскому послу Ф. Пурталесу. Замыслу Эренталья осуществить стратегический прорыв Австро-Венгрии к Салоникам Извольский противопоставил проект строительства «балканской поперечной железной дороги». Она должна была соединить нижний Дунай с побережьем Адриатики, что могло создать серьезные трудности для Австро-Венгрии в отстаивании ее интересов в юго-западной части Балканского полуострова⁷⁹. Опасные приметы грядущего международного кризиса нарастали.

Учитывая усиление международной изоляции («окружения») Берлина, Эренталь не упускал случая отметить, что австро-германский союз нужен Австро-Венгрии не больше, чем Германии. Являясь сторонником ориентации на Германию, Эренталь, как и ряд других государственных деятелей монархии Габсбургов, стремился добиться максимальной самостоятельности Австро-Венгрии в составе Тройственного союза. Вена вообще была не прочь потеснить Германию на завоеванных ею позициях на Балканах. В 1907–1908 гг. главным партнером Эренталья в осуществлении экспансионистских замыслов на Балканах был начальник Генерального штаба австро-венгерской армии генерал Франц Конрад фон Гетцендорф, занявший этот пост в 1906 г.⁸⁰ Освободительное антигабсбургское движение славянских народов, охватившее Хорватию, Далмацию и Боснию, определило направление первого удара правящих кругов монархии Габсбургов.

Сохранявшаяся острота македонского кризиса не случайно привела к тому, что младотурецкая революция 1908 г. началась именно в Македонии, в расположенном в Салониках турецком гарнизоне. После введения в действие приостановленной Абдул-Хамидом конституции младотурки назначили выборы в турецкий парламент и для обеих, уже почти утраченных, провинций Боснии и Герцеговины, т. е. косвенно заявили о своих намерениях «возродить» в них османский суверенитет. Угроза потерять обе оккупированные провинции побудила Австро-Венгрию осуществить лишь отложенный в 1878 г. на Берлинском конгрессе план аннексии Боснии и Герцеговины. Так Вена спровоцировала второй большой международный кризис XX в. — Боснийский аннексионистский кризис 1908—1909 гг.⁸¹ По существу он был вызван длительным воздействием восточного вопроса и младотурецкой революцией, но только германское вмешательство в марте 1909 г. подняло региональный кризис до мирового уровня.

Аннексия Боснии и Герцеговины не могла быть неожиданной для Германии, так как она уже давно была извещена об экспансионистских замыслах Эрентала. Германскому правительству было известно о подготовленном им предложении Францу-Иосифу вывести австро-венгерские войска из Ново-Пазарского санджака, окончательно отказаться от его оккупации, но одновременно объявить об аннексии Боснии и Герцеговины как о «совершившемся факте»⁸².

«Наше положение, — писал Бюлов 5 октября 1908 г. Вильгельму II, — стало бы действительно рискованным, если бы Австро-Венгрия утратила к нам доверие и отошла от нас. Пока обе (державы) вместе, мы образуем... блок, к которому никто так легко не рискнет приблизиться. Именно в больших восточных вопросах мы не должны вступать в противоречие с Австро-Венгрией, которая имеет на Балканском полуострове более близкие и важные интересы, чем мы. Австро-Венгрия нам никогда не простила бы отрицательной или даже только робкой и мелочной позиции в вопросе об аннексии Боснии и Герцеговины»⁸³. 6 октября 1908 г. аннексия была осуществлена монархией Габсбургов. В этот день кайзер начертал на послании Бюлова свое «заключение»: «Само собой разумеется, что мы ничего не предпримем против аннексии!»⁸⁴.

Германский посол в Петербурге граф Ф. Пурталес в декабре 1908 г. дал общую оценку германской позиции по вопросу об аннексии Боснии и Герцеговины, отметив, что на карту поставлены «значительные германские интересы», так как по существу речь идет «о положении Германии как великой державы в Европе». Если Дунайская монархия, а вместе с ней и Германия будут поставлены «на колени» созданной Англией Антантой, то «Германия—Австрия»

во всех европейских вопросах будет задавлена большинством и таким образом окажется в Европе в униженном положении, из которого не будет «в конце концов больше никакого спасения, кроме войны»⁸⁵. Как и в вопросе о Санджакской железной дороге, в Берлине большую роль играло восприятие Австро-Венгрии как оплота германских интересов в Турции. Статс-секретарь ведомства иностранных дел барон В. Шён писал в своих мемуарах, что для Германии Австро-Венгрия имела значение «и как страж на пути к Востоку», где германская экономическая мощь располагала «широким полем для развития»⁸⁶.

И внутри дуалистической монархии, и вне ее аннексия Боснии и Герцеговины вызвала сильное возбуждение южных славян, прежде всего Сербии, претендовавшей на обе провинции и возлагавшей надежды на поддержку со стороны России.

Принимая во внимание вероятность войны с Сербией и Черногорией, Конрад уже после аннексии, 22 октября 1908 г., разработал «Основы конкретных военных приготовлений на 1909 г.». Но и германская сторона не исключала возможности вооруженного столкновения, далеко выходящего за рамки локального конфликта. В переписке начальников Генеральных штабов Австро-Венгрии и Германии, Конрада и Мольтке, были согласованы конкретные меры на этот случай. В послании Конраду от 21 января 1909 г., обсужденном с кайзером и канцлером, Мольтке заверял своего партнера, что если вступление австрийских войск в Сербию вызовет активное вмешательство России, это будет означать для Германии «казус федерис»⁸⁷.

Однако Россия после поражения в войне с Японией и революции не могла оказать Сербии эффективную помощь. Австро-Венгрия в одиночку тоже не отваживалась прибегнуть к военной силе, чтобы преодолеть сопротивление Сербии. Мучительно тянувшийся кризис был внезапно прекращен Б. Бюловым в марте 1909 г. Противодействие аннексии Боснии и Герцеговины со стороны Сербии Германия сломала, прибегнув к мощной, хотя дипломатически завуалированной и косвенной, угрозе войны против России. Пребывая в состоянии военной слабости, Россия вынуждена была отступить перед фактическим ультиматумом и, со своей стороны, принудила Сербию к уступке Австро-Венгрии⁸⁸. При своей отставке через несколько месяцев после завершения боснийского кризиса фон Бюлов считал нужным предупредить своего преемника Бетман-Гольвега от повторения подобного образа действий против России⁸⁹. Однако дело уже было сделано. Публичное унижение побудило Россию ускорить свои вооружения на суше и на море, и при сходной ситуации в будущем она уже не стала бы отступать.

По мнению Ф. Феллнера, осуществление аннексии Боснии и Герцеговины доказывает, сколь мало Эренталь был озабочен тем, создают ли его действия трудности для союзников монархии Габсбургов или нет; он приходит к выводу, что время активной внешней политики Эренталя (1906–1911 гг.) было также временем самой большой независимости Австро-Венгрии от Германии. Более того, он утверждает, что в эти пять лет судьба Тройственного союза решалась в Вене, а не в Берлине, как это было раньше⁹⁰. Несомненно, что аннексия Боснии и Герцеговины, осуществленная все же при твердой поддержке Германии, была наиболее ярким и весомым примером проявления такой «независимости» Австро-Венгрии. Вместе с тем, развязав боснийский кризис, монархия Габсбургов оказалась не в состоянии самостоятельно выбраться из него, а Германия сыграла решающую роль в его завершении.

Воодушевленная австро-венгерским планом аннексии Боснии и Герцеговины, Болгария 5 октября провозгласила свою независимость от Османской империи.

Последним крупным международным кризисом перед первой мировой войной стали Балканские войны 1912–1913 гг., результаты которых оказали сильное влияние на германскую политику в Юго-Восточной Европе. К этому времени центр тяжести в противостоянии Тройственного союза и Антанты переместился на Балканы и Ближний Восток.

В Берлине вначале не придавали должного значения созданию Балканского союза, в котором Сербия, Черногория, Болгария и Греция объединились с целью окончательного изгнания Османской империи из Европы⁹¹. Встреча германских и австрийских дипломатов 7 и 8 сентября 1912 г. в Бухлау, посвященная сложившейся на Балканах ситуации, окончилась безрезультатно. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Леопольд фон Берхтольд был обескуражен мнением Бетман-Гольвега, считавшего, что до войны на Балканах дело не дойдет и поэтому отвергавшего возможность совместных с Австро-Венгрией дипломатических ходов⁹².

В Берлине исходили из того, что балканские государства не решатся на войну против воли России. Наоборот, в Вене считали положение угрожающим, а начальник Генерального штаба австро-венгерской армии фельдмаршал-лейтенант Шемуа в составленной для Франца-Иосифа докладной записке предлагал в случае мобилизации в Сербии усилить пограничные войска Австро-Венгрии, а при возникновении военных действий Сербии против Турции занять Ново-Пазарский санджак⁹³.

Германия в ответ на военные мероприятия Австро-Венгрии через своего посла в Вене Г. фон Чиршки сообщила Берхтольду, что она

вместе с другими великими державами настаивает на локализации возможной войны между балканскими странами и Турцией. Это ставило Австро-Венгрию в изоляцию, фактически лишая ее всякой возможности занять санджак Нови-Пазар или атаковать Сербию. Между тем Вильгельм II занимал особую позицию. Он писал Кидерлен-Вехтеру: «Восточный вопрос должен быть решен железом и кровью! Но только в благоприятный для нас период! Именно теперь!»⁹⁴.

Во время первой Балканской войны, разразившейся в октябре 1912 г., возник так называемый мобилизационный кризис в международных отношениях, реально угрожавший возникновением общеевропейской войны. В октябре–ноябре в Австро-Венгрии была проведена почти полная мобилизация армии. К границам Сербии и России перебрасывались войска и доставлялась военная техника. В свою очередь, Россия задержала увольнение в запас нижних военных чинов. Наступление сербских войск в Албании велось с целью приобрести порт на Адриатическом побережье. Однако правящие круги монархии Габсбургов были полны решимости не допустить этого. В Германии Т. фон Бетман-Гольвегу удалось убедить кайзера, что отказ от поддержки Вены невозможен, так как Германия утратила бы из-за этого «всякий кредит» и с Тройственным союзом было бы покончено⁹⁵.

В разговоре с начальником генштаба австро-венгерской армии Шемуа 22 ноября 1912 г. Вильгельм II заявил, что Дунайская монархия «при всех обстоятельствах может полностью рассчитывать на поддержку Германии». Точно так же шеф германского Генерального штаба граф Г. фон Мольтке обещал австрийскому коллеге провести «энергичную наступательную акцию» параллельно с австро-венгерской. В тот же день кайзер заявил эрцгерцогу Францу Фердинанду, что Германия активно поддержит Австро-Венгрию, если из-за балканских неурядиц дело дойдет до столкновения с Россией⁹⁶. Со своей стороны, Бетман-Гольвег накануне перемирия между Турцией и государствами Балканского союза предостерег в рейхстаге Россию от военного вмешательства на стороне Сербии против Дунайской монархии⁹⁷.

В итоге российский император принял решение воздержаться от частичной мобилизации, а Сербия согласилась передать вопрос о получении порта на Адриатике на рассмотрение конференции послов великих держав. Франц-Иосиф отменил вторжение австро-венгерских войск в Сербию. Это был самый угрожающий момент австро-сербского конфликта, который пошел на убыль после преодоления мобилизационного кризиса⁹⁸. Однако уже в декабре 1912 г.

Мольтке писал Конраду фон Гётцендорфу, вновь ставшему начальником генштаба австро-венгерской армии, что австрийцам нужно дожидаться распада Балканского союза, и выражал уверенность в неизбежности большой войны: «Рано или поздно должна вспыхнуть европейская война, в которой борьба будет в конечном счете вестись между германизмом и славянством»⁹⁹.

К концу 1912 г. Австро-Венгрия блокировала продвижение сербов через Косово к Адриатике. Однако Германия охладила воинственный пыл Вены, так как еще не была готова воевать. В противодействии прорыву Сербии к Адриатическому побережью Италия солидаризировалась с монархией Габсбургов, ибо сама претендовала на соответствующие территории. Тогда это сделало возможным очередное продление становившегося все более неустойчивым Тройственного союза¹⁰⁰.

Во второй Балканской войне летом 1913 г. Болгария выступила против своих бывших союзников, к которым примкнула Румыния. Обещав оказать Софии военную помощь, Австро-Венгрия активно готовилась к нападению на Сербию и известила об этом Германию и Италию. Однако в Берлине сочли выступление Дунайской монархии несвоевременным. Оно могло привести к европейской войне, которая для Германии была тогда нежелательна. Вена получила предупреждение, что не должна рассчитывать на поддержку Берлина. Италия также предостерегла монархию Габсбургов от «опасной авантюры»¹⁰¹.

В основе балканской политики монархии Габсбургов лежало стремление держать Сербию под контролем и в возможно более ослабленном состоянии. Чтобы создать противовес Сербии, Берхтольд добивался «изъятия» Болгарии из Балканского союза и ее сближения с Австро-Венгрией. Напротив, германские правящие круги и кайзер считали более соответствующими интересам Тройственного союза, как и самой Австро-Венгрии, изоляцию Болгарии и сближение альянса с Грецией, Румынией и Сербией¹⁰².

Неизменной почвой для конфликтов во взаимоотношениях между Германией и Австро-Венгрией было оказываемое ими предпочтение тем или иным союзникам на Балканах. Так, Берлин приветствовал Бухарестский мир 1913 г. как благополучное урегулирование территориальных споров на Балканах. Напротив, в Вене Берхтольд и военные верхи выступили за пересмотр условий Бухарестского мирного договора в пользу Болгарии, добивались привлечения этой страны к Тройственному союзу и стремились преодолеть глубоко укоренившееся недоверие германских правящих кругов и кайзера к Болгарии и королю Фердинанду¹⁰³. Однако наследник габсбург-

ского престола Франц Фердинанд полностью придерживался политики Вильгельма II, имевшей целью укрепление союза с Румынией. Между тем румынский король был убежден, что без вмешательства Германии и особенно кайзера отношения Румынии с Австро-Венгрией «пришли бы к полному разрыву»¹⁰⁴.

Балканские войны привели к обострению русско-австрийских противоречий, продемонстрировали безусловную поддержку Германией австрийской экспансии на Балканах, но показали и известную несогласованность позиций стран Тройственного согласия. Сдерживающее воздействие Германии на Австро-Венгрию и, соответственно, Великобритании на Россию предотвратило перерастание Балканских войн в европейскую, а затем и в мировую войну¹⁰⁵.

Если для Австро-Венгрии Сербия была самым опасным противником, особенно после ее усиления в результате Балканских войн, то, напротив, в Берлине Сербию рассматривали прежде всего под углом зрения грядущей большой войны. Поэтому правящие круги Германии постоянно советовали Вене пойти на соглашение с Белградом, лучше всего путем уступок в экономической области. В Берлине опасались, что в случае континентальной войны основные силы Дунайской монархии будут связаны войной с Сербией. Этого хотели избежать посредством экономической и финансовой поддержки Сербии и ее привлечением к Тройственному союзу, а если это не удастся, то путем молниеносной войны с ней. В Австро-Венгрии же верили только в военное решение проблемы¹⁰⁶.

Существенное ослабление Турции в результате Балканских войн вызывало обоснованное беспокойство в германских правящих кругах, рассчитывавших использовать ее в качестве своего союзника и как плацдарм в вероятной войне против держав Тройственного согласия, прежде всего против России. Угроза распада Османской империи вновь подняла две взрывоопасные проблемы: более старую — Черноморских проливов, связанную со стремлением России к Константинополю, и новую — Багдадской железной дороги. Оба вопроса имели отношение к Германии, первый — косвенное, второй — непосредственное. Германская заинтересованность в Багдадской магистрали предполагала целостность, по меньшей мере азиатской, Турции в границах 1912 г. и требовала отражения возрастающего давления России на Константинополь и проливы.

Если в отношении Багдадской железной дороги стала вырисовываться возможность соглашения между Англией и Германией, то для вопроса о проливах никакого компромиссного решения не нашлось. Военный крах Османской империи в первой Балканской войне поколебал престиж Германии в этой стране, в которой она около

20 лет осуществляла вооружение и обучение турецкой армии. Однако после понесенного поражения младотурки, по инициативе Берлина, вновь предложили Германии провести модернизацию своих вооруженных сил¹⁰⁷. Немецкий генерал-лейтенант Лиман фон Сандерс был приглашен на должность генерального инспектора турецкой армии, а также начальника всех военных училищ и командующего 1-м армейским корпусом, на который была возложена оборона Константинополя и проливов. Назначение немецкого генерала по существу командующим всей османской армией создало для России новую ситуацию. Российский экспорт зерна, осуществлявшийся из Одессы через Черноморские проливы, оказался в косвенной зависимости от воли Германии, располагавшей реальной возможностью закрыть проливы. После бурных споров между Россией и Германией был, наконец, найден компромиссный вариант. Лиман фон Сандерс был произведен в маршалы Османской империи и из-за повышения в чине больше не мог быть командиром корпуса. Кризис был преодолен, но в результате газетной войны сложившийся в Германии образ России колебался между страхом перед ее явно преувеличенным стремлением к агрессии и доставлявшим удовольствие изображением ее как «колосса на глиняных ногах»¹⁰⁸.

Хотя слова австро-венгерского посла в Константинополе Й. фон Паллавичини, произнесенные в 1916 г., что своей восточной политикой Германия «вызвала мировой пожар», едва ли приемлемы в своей односторонности, все же политика Берлина в Юго-Восточной Европе действительно привела к обострению соперничества империалистических держав именно на Балканах и Ближнем Востоке, что сыграло роковую роль в возникновении мировой войны¹⁰⁹. Когда Вильгельм II в своей «воинственной фазе» накануне июльского кризиса 1914 г. обдумывал подходящий сценарий начала войны с Сербией, в своей заметке на полях телеграммы германского посла в Вене Чишки от 10 июля он дал монархии Габсбургов такую рекомендацию: «Санджак занять! Тогда там поднимется крик! Его (санджак) Австрия должна безусловно тотчас же получить обратно, чтобы воспрепятствовать объединению Сербии и Черногории и выходу сербов к морю!»¹¹⁰.

Возникавшие в Юго-Восточной Европе международные кризисы оказывали огромное влияние на формирование внешнеполитического курса Германии в регионе, почти постоянно поддерживавшей свою союзницу Австро-Венгрию и в конечном счете ставшей открыто подталкивать монархию Габсбургов к агрессии. Нового отступления Сербии и России перед германской военной угрозой, как это было в конце Боснийского кризиса, в будущем нельзя было больше ожи-

дать, как и повторения «сдержанности» Австро-Венгрии в отношении Сербии во второй Балканской войне вследствие германского давления, ибо Германия тогда была еще недостаточно подготовленной к большой европейской войне. Все предвоенные кризисы, способствовавшие росту международной напряженности, оказались отлаживанием механизмов действий обоих военно-политических блоков к предстоявшей континентальной войне, что во всю силу проявилось в июльском кризисе 1914 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Gutsche W.* Zur Südosteuropapolitik des deutschen Imperialismus vom Ende des 19. Jahrhunderts bis zum Ende des ersten Weltkrieges // *Jahrbuch für Geschichte*. Bd. 15. Studien zur Geschichte des deutschen Imperialismus von der Jahrhundertwende bis 1917. Berlin, 1977. S. 239–240.
- 2 *Helfferrich K.* Die deutsche Türkenpolitik. Berlin, 1921. S. 8.
- 3 Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Berlin, 1922–1927 (äffell — GP). Bd. 1–40. Bd. 18/1. Dok. № 5444. Marschall an Bülow, 14. Jan. 1901.
- 4 *Туполев Б. М.* Германский империализм в борьбе за «место под солнцем»: Германская экспансия на Ближнем Востоке, в Восточной Африке и в районе Индийского океана в конце XIX — начале XX вв. М., 1991. С. 69–71; см. также: GP. Bd. 17. Dok. № 5240–5242, 5247; *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914*. L., 1927. Vol. 2. № 207. P. 180; № 212. P. 184; № 218. P. 190; *Thobie J.* Les intérêts économiques, financiers et politiques français dans la partie asiatique de l'Empire Ottoman de 1895 à 1914. Lille, 1973. T. 1. P. 650, 653, 655.
- 5 GP. Bd. 18/1. Dok. № 5458.
- 6 GP. Bd. 18/1. Dok. № 5482.
- 7 *Fellner F.* Der Dreibund. Europäische Diplomatie vor dem ersten Weltkrieg. Wien, 1960. S. 51, 54, 57, 61.
- 8 Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns 1879–1914 nach den Akten des Wiener Staatsarchivs / Hrsg. von A. F. Pribram. Wien; Leipzig, 1920. S. 246–247.
- 9 См.: GP. Bd. 18/1. Dok. № 5469.
- 10 *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 194; *Lamouche.* Quinze ans d'histoire balkanique (1904–1918). Paris, 1928. P. 33–34.
- 11 GP. Bd. 18/1. Dok. № 5552; *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма в Юго-Восточной Европе в конце XIX — начале XX в. М., 1970. С. 238–239.
- 12 *Adanir F.* Die Makedonische Frage. Ihre Entstehung und Entwicklung bis 1908. Wiesbaden, 1979.
- 13 GP. Bd. 18/1. Dok. № 5618.

- 14 GP. Bd. 18/1. Dok. № 5616; GP. Bd. 18/1. Dok. № 5627.
- 15 *Schöllgen G.* Imperialismus und Gleichgewicht. Deutschland, England und die orientalische Frage 1871–1914. München, 1984. S. 139–140.
- 16 *Fellner F.* Op. cit. S. 63–64.
- 17 Ibid. S. 63.
- 18 *Hasse E.* Weltpolitik, Imperialismus und Kolonialpolitik. München, 1908. S. 49–50.
- 19 *Деборин А. М.* К характеристике идеологии германского империализма до прихода Гитлера к власти // Славяно-германские исследования. М., 1963. С. 56; *Hasse E.* Op. cit. S. 65–67.
- 20 *Wolf J.* Das Deutsche Reich und der Weltmarkt. Jena, 1901. S. 48; *Туполев Б. М.* «Срединная Европа» в экспансионистских планах германского империализма накануне и во время первой мировой войны // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 106–121.
- 21 *Gutsche W.* Op. cit. S. 243; *Jindra Z.* Der Plan der deutschen Hegemonie in Mitteleuropa // *Jindra Z., Křifžek J.* Beiträge zur neuesten Geschichte der mitteleuropäischen Völker. Prag, 1960. S. 58f.
- 22 *Sándor V.* Der Charakter der Abhängigkeit Ungarns im Zeitalter des Dualismus // Studien zur Geschichte der Österreichisch-Ungarischen Monarchie. Budapest, 1961. S. 322; *Brusatti A.* Die wirtschaftliche Situation Österreich-Ungarns am Vorabend des ersten Weltkrieges // Österreich am Vorabend des ersten Weltkrieges. Graz; Wien, 1964. S. 67.
- 23 *Křifžek J.* Die Wirtschaftlichen Grundzüge des österreichisch-ungarischen Imperialismus in der Vorkriegszeit (1900–1914). Praha, 1963. S. 56–57; *Pistor E.* Die Volkswirtschaft Österreich-Ungarns und die Verständigung mit Deutschland. Berlin, 1915. S. 120, 123; *Schubert E.* Deutschlands Brücke zum Orient (Österreich-Ungarn, Balkanstaaten, Türkei). Berlin, 1915. S. 18–19.
- 24 *Křifžek J.* Op. cit. S. 58–59.
- 25 *Reimann P.* Die grundlegenden Entwicklungstendenzen des Imperialismus in Österreich-Ungarn // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. Berlin, 1960. Bd. 4. S. 154–155; *Виноградов К. Б., Писарев Ю. А.* Главные направления внешней политики Австро-Венгрии // Вопросы истории. 1966. № 6. С. 88.
- 26 *Gutsche W.* Op. cit. S. 240–241.
- 27 Ibid. S. 242; *Schubert E.* Op. cit. S. 17–19; *Paskaleva V.* Über den wirtschaftlichen Einfluß Österreich-Ungarns in Bulgarien 1878 bis 1918 // Österreich-Ungarn in der Weltpolitik 1900–1918. Hrsg. von F. Klein. Berlin, 1965. S. 188 ff.
- 28 *Gutsche W.* Op. cit. S. 242.
- 29 *Fischer F.* Krieg der Illusionen. Die deutsche Politik von 1911 bis 1914. Düsseldorf, 1978. S. 426.
- 30 *Силин А. С.* Экспансия германского империализма на Ближнем Востоке накануне первой мировой войны (1908–1914). М., 1976. С. 323.

- 31 *Gutsche W.* Monopole, Staat und Expansion vor 1914. Zum Funktionsmechanismus zwischen Industriemonopolen, Grossbanken und Staatsorganen in der Aussenpolitik des Deutschen Reiches 1897 bis Sommer 1914. Berlin, 1986. S. 274–275.
- 32 *Силин А. С.* Указ. соч. С. 153–164.
- 33 *Gutsche W.* Monopole, Staat und Expansion vor 1914. S. 279; *Klein F.* Politische und wirtschaftliche Interessen in der Balkanpolitik Deutschlands und Österreich-Ungarns 1912 // Neue Studien zum Imperialismus vor 1914. Hrsg. von F. Klein. Berlin, 1980. S. 109ff.
- 34 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 215.
- 35 *Bonafous A.* Les grandes banques d'affaires de Roumanie // Revue d'économie politique. 1922. № 3. P. 329; *Dertilis P. B.* Le Problème de la Dette publique des états Balkaniques. Athènes, 1936. P. 227; *Савин Т.* Иностраный капитал в Румынии (с 1859 по 1945 г.). М., 1950. С. 73.
- 36 *Brüning A. P.* Die Entwicklung des ausländischen, speziell des überseeischen deutschen Bankwesens. Borna; Leipzig, 1907. S. 30; *Diouritch G.* L'expansion des banques allemandes à l'étranger. Ses rapports avec le développement économique de l'Allemagne. Paris; Berlin, 1909. P. 697; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 228.
- 37 *Haase F.* Die Erdöl-Interessen der Deutschen Bank und der Direction der Diskonto-Gesellschaft in Rumänien. Berlin, 1922. S. 46–48; *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.; Л., 1965. С. 283; *Раваш Г.* Из истории румынской нефти. М., 1958. С. 34; *Савин Т.* Указ. соч. С. 53; *Diouritch G.* Op. cit. P. 326; *Grabska W.* Ekonomiczna ekspansja niemiec na wschód w latach 1870–1939. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1964. S. 69.
- 38 *Grünberg K.* Wirtschaftszustände Rumäniens vor dem Kriege // Balkan und Naher Orient. Hrsg. von L. Cwiklinsky. Wien; Leipzig, 1916. S. 54–55; *Раваш Г.* Указ. соч. С. 59.
- 39 *Fischer F.* Op. cit. S. 418.
- 40 Die rumänische Volkswirtschaft. Ein Handbuch, hrsg. im Auftrage der Militärverwaltung in Rumänien. Berlin, 1917. S. 11, 12; *Grabska W.* Op. cit. S. 69–70.
- 41 *Strasser K.* Die deutschen Banken im Ausland. Entwicklungsgeschichte und wirtschaftliche Bedeutung. München, 1924. S. 18.
- 42 *Fischer F.* Op. cit. S. 418–419; *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 218.
- 43 *Balkan-Review.* H. 4–5. 1914. S. 355.
- 44 *Бочев С.* Чуждите капитали в България // Списание на Българското икономическо дружество. София, 1921. Кн. 4–5. С. 28; *Daskaloff R. J.* Das ausländische Kapital in Bulgarien. Berlin, 1912. S. 87; *Diouritch G.* Op. cit. P. 426; *Balkan-Review.* H. 4–5. 1914. S. 352; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 51–52.
- 45 *Бочев С.* Указ. соч. С. 28; *Popoff K. G.* La Bulgarie économique. 1879–1911. Études statistiques. Sofia, 1920. P. 492; *Diouritch G.* Op. cit. P. 426, 441, 460.
- 46 *Hauser H.* Les méthodes allemandes d'expansion économique. Paris, 1916. P. 92; *Mendel J.* Die deutschen Auslandsbanken am Balkan // *Balkan-Review.* H. 1. 1914.

- S. 24; *Dejanowa M.* Das ausländische Kapital // Mittel- und Südost-Europäische Wirtschaftsfragen. Wirtschaftsstruktur und Wirtschaftsbeziehungen / Hrsg. von H. Gross. Leipzig, 1931. S. 119; *Diouritch G.* Op. cit. P. 700; *Хаман Ж.* История экономического развития Болгарии. М., 1961. С. 326; *Daskaloff R. I.* Op. cit. S. 150–151.
- 47 *Strasser K.* Op. cit. S. 82; *Daskaloff R. I.* Op. cit. S. 136–137.
- 48 *Бочев С.* Указ. соч. С. 31; *Бехар А.* Германският империализъм и отражение тому в България. София, 1949. С. 177; *Grabska W.* Op. cit. S. 72.
- 49 *Dantschoff J.* Das Eisenbahnwesen in Bulgarien. Leipzig, 1917. S. 67; *Daskaloff R. I.* Op. cit. S. 216–217.
- 50 *Бочев С.* Указ. соч. С. 33.
- 51 *Кесяков Б.* Принос към дипломатическата история на България 1878–1925. София, 1925. С. 197; *Grabska W.* Op. cit. S. 71.
- 52 *Grabska W.* Op. cit. S. 71–72.
- 53 *Fischer F.* Op. cit. S. 420.
- 54 *Ibid.* S. 420–421; *Jindra Z.* K otázce pronikání německého imperialismu na jiho-východ v období před rokem 1918 // Acta Universitatis Carolinae. Philosophica et Historica. Praha, 1961. № 2. S. 35; *Grabska W.* Op. cit. S. 91.
- 55 *Strasser K.* Op. cit. S. 89.
- 56 *Riesser J.* Die deutschen Grossbanken und ihre Konzentration im Zusammenhang mit der Entwicklung der Gesamtwirtschaft in Deutschland. Jena, 1912. S. 370; *Hauser H.* Op. cit. P. 91; *Hoffmann W.* Deutsche Banken in der Türkei // Weltwirtschaftliches Archiv. Jena, 1915. Bd. 6. H. 2. S. 413; *Strasser K.* Op. cit. S. 100.
- 57 *Balkan-Revue.* H. 8–9. 1914. S. 566; H. 4–5. 1914. S. 439.
- 58 *Боев Ю. А.* Ближний Восток во внешней политике Франции (1898–1914). Киев, 1964. С. 69; *Dertilis P. B.* Op. cit. P. 138.
- 59 *Basch A.* The Danube Basin and the German Economic Sphere. N. Y., 1943. P. 13.
- 60 *Монархи Европы. Судьбы династий.* М., 1996. С. 347–348.
- 61 *Fischer F.* Op. cit. S. 416–417.
- 62 *Poidevin R.* Les intérêts financiers français et allemands en Serbie de 1895 à 1914 // Revue historique. Paris, VII–IX, 1964. T. 232. P. 50, 54; *Serbien.* Wirtschaftliche Verhältnisse 1912. Nach den Berichten der K. u. K. österr.-ungar. Konsularämter in Belgrad, Nisch und Schabatz. Wien, März 1914. S. 5; *Dertilis P. B.* Op. cit. S. 326.
- 63 *Милич Д.* Чуждестранният капитал в Сърбия до първата световна война // Исторически преглед. 1965. Год. XXI. Кн. 4. С. 60; *Markov W. M.* Serbien zwischen Österreich und Russland. 1897–1908. Stuttgart, 1934. S. 21, 22; *Poidevin R.* Op. cit. P. 54.
- 64 *Виноградов К. Б.* Боснийският кризис 1908–1909 г. — пролог первой мировой войны. Л., 1964. С. 28; см.: *Данченко С. И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903 г. М., 1996.

- 65 *Хальгартен Г.* Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до первой мировой войны. М., 1961. С. 409.
- 66 *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 410.
- 67 *Grabka W.* Op. cit. S. 73–74; Serbien. Wirtschaftliche Verhältnisse 1912... S. 31, 42.
- 68 *Туполев Б. М.* Экспансия германского империализма... С. 295; *Poidevin R.* Op. cit. P. 49–66.
- 69 *Fischer F.* Op. cit. S. 414.
- 70 Ibidem.
- 71 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 248; *Markov W. M.* Op. cit. S. 50.
- 72 *Виноградов К. Б.* Указ. соч. С. 63–66; *Хальгартен Г.* Указ. соч. С. 411–413; *Gross H.* Mitteleuropäische Handelspolitik 1890–1938 und der Donaauraum // Der Donaauraum. Wien, 1962. H. 2–3. S. 103.
- 73 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 249.
- 74 GP. Bd. 25/2. S. 297 (Anm).
- 75 *Carlgren W. M.* Iswolsky und Aehrenthal vor der bosnischen Annexionskrise. Russische und österreichisch-ungarische Balkanpolitik 1906–1908. Uppsala, 1955. S. 218ff.
- 76 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 250.
- 77 GP. Bd. 25/2. Dok. № 8699.
- 78 GP. Bd. 25/2. Dok. № 8739. Pourtalès an Bülow. 16. März 1908.
- 79 Die politischen Geheimverträge Österreich-Ungarns... S. 269. Возможным вариантом Дунайско-Адриатической магистрали считалось направление Прахово–Ниш–Митровица–Скутари. *Markov W. M.* Op. cit. S. 13.
- 80 *Виноградов К. Б.* Указ. соч. С. 46, 49.
- 81 *Geiss I.* Der lange Weg in die Katastrophe. Die Vorgeschichte des Ersten Weltkriegs 1815–1914. München; Zürich, 1991. S. 236–237.
- 82 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 254.
- 83 GP. Bd. 26/1. Dok. № 8939. Bülow an Wilhelm II. 5. Okt. 1908.
- 84 Ibidem.
- 85 GP. Bd. 26/1. Dok. № 9148. Pourtalès an Bülow. 9. Dez. 1908.
- 86 *Schoen W.* Erlebtes. Beiträge zur politischen Geschichte der neuesten Zeit. Stuttgart; Berlin, 1921. S. 74.
- 87 *Schöllgen G.* Op. cit. S. 266.
- 88 *Geiss I.* Op. cit. S. 250–251.
- 89 *Bülow B. von.* Denkwürdigkeiten. Berlin, 1930. Bd. II. S. 513.
- 90 *Fellner F.* Op. cit. S. 68.

- 91 Писарев Ю. А. Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 17.
- 92 Fischer F. Op. cit. S. 223.
- 93 Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des österreichisch-ungarischen Ministeriums des Äusseren / Hrsg. von L. Bittner und H. Uebersberger. Wien; Leipzig, 1930. Bd. 4. № 3836. Legationsrat Flotow an das öst.-ung. Auswärtige Amt. 24.9.12; Ibid. Bd. 4. № 3869. Denkschrift von Schemua an den Kaiser. 28.9.12.
- 94 GP. Bd. 33. Dok. № 12225; Kiderlen-Wächter, der Staatsmann und Mensch. Briefwechsel und Nachlass / Hrsg. von E. Jäckh. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1924. Bd. 2. S. 189f.
- 95 Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. На путях к мировой войне 1914–1918 гг. М., 1940. С. 131–133; Fischer F. Op. cit. S. 227; Österreich-Ungarns Aussenpolitik... Bd. 4. № 4959. Szögyény an Berchtold. 22.11.12; Ibid. № 4571. Erzherzog Franz Ferdinand an Berchtold. 22.11.12.
- 96 Fischer F. Op. cit. S. 228.
- 97 Geiss I. Der lange Weg in die Katastrophe... S. 268.
- 98 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1999. С. 331–332.
- 99 Conrad von Hötzendorf E. Aus meiner Dienstzeit. Bde. 1–5. Wien, 1921–1925. Bd. 3. S. 144–147.
- 100 История внешней политики России. С. 335–336; Могилевич А. А., Айрапетян М. Э. Указ. соч. С. 147.
- 101 Conrad von Hötzendorf E. Op. cit. Bd. 3. S. 322, 332, 353; Туполев Б. М. Происхождение первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 43.
- 102 Fischer F. Op. cit. S. 300.
- 103 Ibid. S. 591.
- 104 Покровский М. Н. Балканские войны XX в. (1912–1913 гг.) // Его же. Империалистская война. Сб. статей. М., 1934. С. 56; GP. Bd. 39. Dok. № 15794. Beldiman an Jagow. 17. März 1913.
- 105 Geiss I. Op. cit. S. 265–266; История внешней политики России. С. 345–346.
- 106 Fischer F. Op. cit. S. 595, 596.
- 107 Аветян А. С. Германский империализм на Ближнем Востоке: Колониальная политика германского империализма и миссия Лимана фон Сандерса. М., 1966. С. 59–60; Conrad von Hötzendorff F. Op. cit. Wien, 1922. Bd. 2. S. 40.
- 108 Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны 1910–1914. М., 1985. С. 225–231; Geiss I. Op. cit. S. 270–271.
- 109 Gutsche W. Zur Südosteuropapolitik des deutschen Imperialismus... S. 235.
- 110 Geiss I. Op. cit. S. 238.

МАКЕДОНИЯ В 1878—1912 гг.

На Берлинском конгрессе великих держав был подвергнут пересмотру Сан-Стефанский мирный договор, согласно условиям которого бóльшая часть Македонии была включена в состав Болгарии. В результате македонские земли остались в рамках Османской империи. По условиям Берлинского договора, подписанного на Конгрессе 1/13 июля 1878 г., Турция должна была провести в европейских вилайетах (т. е. и в Македонии) определенные реформы. В частности, статья 23 Договора указывала: «Блистательная Порта обязуется ввести добросовестно на острове Крите органический устав 1868 г. [По которому Криту была предоставлена частичная административная автономия, на деле не реализованная. — *Авт.*] с изменениями, которые будут признаны справедливыми.

Подобные же уставы, примененные к местным потребностям, за исключением, однако, из них льгот в податях, предоставленных Криту, будут также введены и в других частях Европейской Турции, для коих особое административное устройство не предусмотрено настоящим трактатом». Статья 62 провозглашала равноправие различных вероисповеданий в Османской империи ¹.

Решения Берлинского конгресса вызвали массовые протесты в Болгарии, где стали создаваться комитеты «Единство», выступавшие за пересмотр Берлинского трактата и, в частности, за освобождение Македонии из-под турецкой власти. Осенью 1878 г. послам великих держав в Константинополе депутацией болгарских государственных деятелей была вручена петиция от имени народа Болгарии с протестом против Берлинского договора.

Непростое положение Македонии, вдруг снова оказавшейся под османской властью, осложнялось тем, что на ее территорию хлынул поток мусульманских беженцев из Болгарии, Сербии, Боснии и Герцеговины. Их число достигало нескольких десятков тысяч. Многие из них присоединились к действовавшим в Македонии бандам, грабившим христианские села и усилившим теперь террор в отношении христианского населения. Только с июля до конца сентября 1878 г. в ходе набегов разбойничьих шаек было сожжено 12 сел в Битольском вилайете и 30 сел в пограничных с Болгарией районах ².

В Болгарии оставалось немало добровольцев из Македонии, воевавших на стороне русской армии во время войны 1877—1878 гг.

Они активно включились в подготовку восстания в Македонии, проводимую комитетами «Единство». В его организации приняли участие и македонские воеводы — Стоян Карастоилов (Стоян Воевода) и др., два митрополита Болгарского экзархата — Натанаил Охридский и Кирилл Скопский (Ускюбский), представители интеллигенции (В. Диамандиев и др.).

5 октября 1878 г. отряды повстанцев во главе со Стояном Воеводой, Атанасом воеводой, Д. Беровским и др. перешли демаркационную линию. Отряд Стояна Воеводы напал на турецкий гарнизон, расположенный в Кресненском ущелье. Повстанцы сломили сопротивление турок и захватили ущелье. Вдохновленные успехами, увлекая за собой местных жителей, восставшие за короткое время освободили ряд сел по течению реки Струмы.

В начале ноября восстание охватило Банско-Разложскую котловину. Число освобожденных сел достигало 40.

Однако стала сказываться нехватка оружия. Относительно дальнейших действий у руководства восстанием проявились разногласия. Жертвой последних пал Стоян Воевода, что нанесло невосполнимый урон восстанию. В декабре турецкие войска и башибузуки разбили повстанцев, проявив обычную в таких случаях жестокость по отношению к мирному населению. Восстание продолжало тлеть до апреля 1879 г. В Болгарию бежало 25 тысяч человек³.

Весной 1879 г. была предпринята попытка засылки большой четы из Болгарии в центральные и западные районы Македонии, закончившаяся ничем — население не поддержало четников.

На юго-западе Македонии, в Охриде, велась подготовка к восстанию (т. н. Охридский заговор 1880 г.), которое должно было охватить окрестности Охрида, Ресена, Демир Хисара, Крушево и Прилепа. Костяк заговорщиков составляли участники Кресненского восстания. В результате предательства заговор провалился. Его участники получили длительные сроки заключения, немногие в составе чет ушли в горы.

Годы с 1880 по 1893 были годами относительного «спокойствия» в Македонии. Правда, весной 1886 г. снова были предприняты попытки засылки болгарских чет из Сербии и Болгарии, но только одной из них удалось проникнуть на территорию Македонии, где она и была уничтожена⁴. Районы Македонии, граничащие с районами расселения албанцев, подвергались бесконечным грабежам албанских шаек. Христианские села в этих местах были обложены данью. Особенно страдало население Битольского вилайета. В 1887 г. вали (губернатор) этого вилайета Халил Рифат предпринял удачную попытку противодействия бандам. Была создана организация типа на-

родной милиции, состоявшая из представителей христианских народностей, так называемых «фарий». Их задача состояла в вооруженной защите крестьян и путников от албанских разбойников. В течение двух лет в Битольском вилайете наблюдалось заметное спокойствие. Но в результате интриг врагов Халил Рифата он был смещен, его нововведения отменены. Албанские банды возобновили свои набеги⁵. Великий русский византинист академик Н. П. Кондаков по возвращении из археологического путешествия в Македонию (конец XIX — начало XX в.) писал об албанской угрозе славянству: «...Вековое нашествие албанцев может кончиться полной албанизацией страны. Пора перестать вместе с парижскими туристами, ищущими сильных и красивых впечатлений, восхищаться живописными костюмами албанцев и рыцарским гостеприимством их бегов [вождей. — *Авт.*] за счет несчастной славянской расы, ими жестоко эксплуатируемой и от них вымирающей»⁶. (Заглядывая немного вперед, скажем, что одной из причин смут конца XIX — начала XX в. в Македонии Кондаков считал действия албанцев, «покровительствуемых не только высшими турецкими властями в Стамбуле и местной администрацией, но и самой европейской дипломатией...»⁷.)

В 80-е гг. были увеличены многие налоги, а их сбор откупщиками сопровождался притеснениями и насилиями (в результате такой системы размер десятины доходил до трети урожая.). Ремесленное производство не могло конкурировать с европейской продукцией. Безработица и обнищание заставляли жителей Македонии искать работу в соседних странах. Каждую весну десятки тысяч македонцев отправлялись на заработки за границу.

В Македонии укреплял свои позиции Болгарский экзархат, учрежденный султанским фирманом в 1870 г. (В 1879—1880 гг. многие болгарские школы и церкви здесь были закрыты. Болгарские митрополиты в Скопье (Ускюбе) и Охриде покинули свои епархии. Велесская епархия также оставалась без митрополита — прежний умер.) Теперь же сеть болгарских школ значительно расширилась. Солунское (Салоникское) болгарское училище (школа) получило в 1881 г. статус гимназии. Эта гимназия (Солунская мужская гимназия «Святые Кирилл и Мефодий») сыграла важную роль как в культурно-просветительском, так и в национально-революционном движении в Македонии. Все основоположники Внутренней македонской революционной организации (о ней чуть ниже) так или иначе были связаны с этим учебным заведением. В 1890 г. Высокая Порты выдала первые (после изгнания болгарских митрополитов по завершении русско-турецкой войны) бераты экзархату на Охридскую

и Скопскую (Ускюбскую) епархии. (В 1894 г. экзархат получил бераты на Велесскую и Неврокопскую епархии, а в 1897 г. — на Битольскую, Струмицкую и Дебарскую.)

Тем временем в Македонии все более явно нарастало соперничество Болгарии, Сербии и Греции. Все три страны так или иначе претендовали на владение Македонией или ее частью.

Македония еще в первой половине XIX в. стала ареной греко-болгарской церковной борьбы. По сути, это была борьба национальных пропаганд за умы и души местного христианского населения. Греция, претендуя на часть территории Македонии, обосновывала подобные претензии своей национальной программой — «Великой идеей», суть которой заключалась в планах создания новогреческого государства в границах бывшей Византийской империи. «В 1844 г. „Великая идея“ была провозглашена официальной программой греческого национального движения тогдашним премьер-министром И. Колеттисом... В частности, Колеттис заявил тогда, что „греком является не только тот, кто живет в королевстве... но и тот, кто населяет любое место, связанное с историей греческого племени“». В Греции территорию Македонии условно делили на три зоны — Северную, Центральную и Южную. В Южной, как представляли в Греции, жили в большинстве греки, в Центральной население было смешанным — греко-славянским, а в Северной — славянским. К последней трети XIX в. греческие претензии на Македонию ограничивались только Южной и Центральной зонами (ранее греки претендовали на всю Македонию). Но, в общем, «до 1896 г. Греция воздерживалась от каких-либо активных действий в Македонии»⁸. В 60-е гг. Сербия и Греция поделили Македонию на сферы влияния по линии Охрид — Горна Джумая, что было зафиксировано в сербо-греческом союзном договоре и военной конвенции 1868 г. Известие об условиях Сан-Стефанского мирного договора вызвало в Греции бурю протестов. Русский посланник в Афинах А. П. Сабуров вспоминал, что «в течение нескольких недель это была демонстрация неистовой злобы», а все общество находилось в состоянии «массового психоза». И если славянское население Македонии восстало после подписания Берлинского договора, то греки Македонии подняли восстание после Сан-Стефано. Оно носило ярко выраженный антиболгарский характер. Происходили стычки между греческими и болгарскими отрядами. Повстанцы создали «Временное правительство Македонии» в местечке Литохоро. Движение пошло на убыль лишь после того, как стал очевидным пересмотр условий прелиминарного договора. После присоединения к Греции в 1881 г. Фессалии и округа Арта в Эпире македонский вопрос

наряду с критским выходит на первый план в греческой внешней политике⁹.

В 1868 г. в Сербии создается специальный «Комитет школ и учителей в Старой Сербии и Македонии», деятельность которого сосредоточилась в северо-западных районах Македонии. Он просуществовал до 1876 г. В 1886 г. было учреждено «Общество Святого Саввы», взявшее на себя функции «Комитета». «Общество» издавало и распространяло в Македонии сербские учебники, занималось обучением находящихся в Сербии выходцев из Македонии. В 1887 г. в Министерстве просвещения Сербии создается «Отделение школ и церквей вне Сербии», называемое также «Политико-просветительским отделением» при МИД, ставшее вскоре руководящим органом всей сербской пропаганды в Македонии. Главными ее проводниками стали сербские консульства, открытые в 1887 г. в Скопье (Ускюбе) и в Солуни, а в 1888 г. в Битоле. (Абсолютно аналогичной, но в другом — соответствующем направлении, была деятельность греческих консулов и болгарских торговых агентов.)

В 1889 г. премьер-министр Сербии Н. Пашич во время своего визита в Болгарию предложил болгарскому премьеру Станчеву идею балканского союза с антитурецкой направленностью на базе предварительного соглашения о разделе Македонии. Болгарское правительство отказалось вести переговоры на такой основе¹⁰, исходя из того, что, с его точки зрения, Македония являлась безусловно болгарской землей и не могло быть и речи о ее разделе.

В 1902 г. в Сербии был создан Главный комитет четнической организации. Но его деятельность проявилась уже после Илинденского восстания 1903 г.

О том, как далеко простирались сербские интересы, говорит следующий факт. В декабре 1902 г. генконсул Сербии в Солуни Ненадович в частной беседе с русским генконсулом А. А. Гирсом признался, что хоть в Солуни и ряде других пунктов Солунского вилайета открыты сербские гимназии и школы, там «настоящих сербов не имеется»¹¹.

В октябре 1893 г. в Солуни были заложены основы Внутренней македонской революционной организации. На первом заседании присутствовали Д. Груев, Х. Татарчев, И. Хаджиниколов, П. Попарсов, А. Димитров, Х. Батанджиев. Председателем ЦК был избран Х. Татарчев, секретарем Д. Груев. (В следующем году к организации присоединились Г. Делчев и П. Тошев.) После долгих дискуссий целью организации было провозглашено «осуществление Берлинского договора», т. е. реализация его 23-й статьи. В первые месяцы 1894 г. цель была конкретизирована — достижение автономии Ма-

кедонии. Х. Татарчев вспоминал, что основоположники Организации не могли провозгласить ее целью «непосредственное присоединение Македонии к Болгарии», т. к. осознавали, что это вызовет множество дополнительных осложнений из-за противодействия великих держав и амбиций соседних государств. Они решили, что автономной Македонии в будущем будет проще объединиться с Болгарией, а если это станет недостижимым, то Македония «может послужить объединительным звеном федерации балканских народов». Существенным является признание основателей Организации того факта, что непосредственным толчком к ее созданию стало усиление иностранной, особенно сербской, пропаганды в Македонии. Так, по воспоминаниям Д. Груева, еще когда в 1891 г. группа студентов из Македонии задумывала в Софии создать революционную организацию, они имели ввиду необходимость противодействия сербской пропаганде, желая поставить на повестку дня идею освобождения Македонии, «прежде чем сербская пропаганда усилится и раздробит народ»¹².

До 1896 г. организация, созданная в Солуни, носила название Македонской революционной организации, затем, по 1902 г. называлась Болгарские македонско-одринские революционные комитеты, с 1902 г. по 1905 г. — Тайная македонско-одринская революционная организация, а в 1905 г. получила название Внутренней македонско-одринской революционной организации¹³.

Согласно первому из известных уставов революционной организации (Устав 1894 г. не сохранился. Так утверждает болгарская историография. Македонская приводит свои доводы, оспаривающие такую точку зрения. Это тема отдельного исследования.) — По уставу БМОК 1896 г. — членом организации мог стать «любой болгарин, ничем себя не скомпрометировавший,.. который обещает быть полезным революционному освободительному движению». Позднее это положение было изменено в том смысле, что членом Организации может быть «любой македонец или одринец [т. е. житель Адрианопольского вилайета. — *Авт.*]» (Устав ТМОРО 1902 г.), а затем — «любой живущий в Европейской Турции» (Устав ВМОРО 1905 г.)¹⁴.

Вслед за созданием Солунского комитета его руководители приступили к организации местных революционных комитетов по всей Македонии. На съезде Организации в 1896 г. Солунский комитет был признан Центральным, а территория Македонии разделена на революционные округа. Было принято решение об учреждении Заграничного представительства Организации в Софии для связи с международной общественностью и поставок в Македонию лите-

ратуры, финансовых средств и оружия. Первыми заграничными представителями стали Г. Делчев и Г. Петров.

Основные поставки вооружения для чет Организации поступали из Болгарии, что облегчалось тем фактом, что четыре из шести революционных округов Организации — Скопский, Струмицкий, Сересский и Одринский (Адрианопольский) — граничили с Болгарией. Оружие поставляли также греческие, албанские и турецкие контрабандисты. Большую помощь в вооружении чет оказывал Верховный Македонский Комитет в Софии (см. о нем ниже). Важным источником снабжения чет боеприпасами была и болгарская армия — вынос оружия из казарм и с армейских складов был постоянным явлением. Кроме того, болгарское правительство выделяло деньги для Организации. Так, в 1906 г. Болгарский народный банк выделил Организации два займа¹⁵.

В Болгарии в 1893 г. возникли военные македонско-одринские братства. Как руководящий орган легальной организации македонских обществ в Болгарии в марте 1895 г. был создан Македонский Комитет (После Второго съезда в том же 1895 г. получил название Верховный македонский комитет, а в 1900 г. — Верховный македонско-одринский комитет.) под руководством Т. Китанчева. ВМК своей целью также провозглашал достижение автономии Македонии. В армии его создание было встречено с энтузиазмом, офицеры сдавали деньги в его фонд, заявляли о готовности добровольцами отправиться в Македонию. Военные братства под руководством Комитета начали готовить засылку в Македонию вооруженных отрядов, которая вошла в историю как «Четническая акция 1895 г.». К подготовке были привлечены известные македонские воеводы, ранее промышлявшие, в основном, грабежами богатых турок. Воеводы прекрасно знали приграничную македонскую территорию, где должны были развернуться события. Воеводы дали клятву, что будут придерживаться данных им инструкций: не допускать самовольных действий и поборов, не посягать на мирное турецкое население, оплачивать продукты, забираемые в случае необходимости у сельских жителей, и т. д.¹⁶ Было организовано четыре больших отряда и несколько малых чет общим числом около 800 человек.

Первый отряд — «Струмицкая дружина» — под командованием поручика Начева состоял из 160 человек. Его задачей было напасть на Струмицу и уничтожить небольшую артиллерийскую батарею (отделение), расположенную там. Но уже в первую ночь отряд лишился командира. Произошло несколько кровопролитных столкновений с турецкими военными подразделениями. В результате, так и не выполнив задачу, отряд вернулся в Болгарию. В живых осталось 75 человек.

Вторая дружина — «Пирин-планина» — также действовала неудачно.

Самым многочисленным — 200 человек — был отряд воеводы дедо Стою, действовавший без полномочий Комитета. Дедо Стою вывел свой отряд к селу Доспат, населенному помаками (болгарами-мусульманами). Отряд дедо Стою напал на село и сжег его. Затем он перебрался в район города Драма, где напал на владение богатого турка, но в ходе завязавшейся стычки воевода был убит. Товарищи дедо Стою разрубили его тело на мелкие куски и разбросали по полю, чтобы не было известно о смерти их воеводы, наводившего ужас на турецкое население этих краев¹⁷.

29 июня подпоручик Б. Сарафов во главе 45 человек перешел границу и двинулся в направлении города Мелник. Большого труда Сарафову стоило заставить воевод «старой закалки» воздерживаться от поборов, дабы начатое «дело оставалось чистым, патриотическим, политическим». Но разбойное прошлое воевод дало о себе знать — пострадало несколько мирных греков, греческий священник едва спасся бегством. Акция по взятию Мелника прошла успешно. В отряде Сарафова было всего два легко раненых бойца. Спустя непродолжительное время четники Сарафова покинули город.

Болгарское общество было разочаровано результатами «четнической акции». От нее ожидали совершенно иного масштаба и продолжительности. Все происшедшее было простым вторжением извне без какой-либо подготовки на местах. Больше всего обескуражили действия воевод. Турки проводили анкетирование жителей с. Доспат и предъявили Европе неприглядную картину произошедшего. У Т. Китанчева случился сердечный приступ, и вскоре он умер¹⁸.

Действия «верховистов», как стали называть сторонников ВМК, сказались на активности греков в Македонии. Летом 1896 г. греческая национальная организация «Этники этерия» сформировала вооруженные отряды, вступившие на территорию Македонии. Но это было пока, так сказать, «заочное» противостояние, т. к. основной целью греков в этот раз было все же постараться отвлечь внимание турок от Критского восстания 1896 г. Лишь в 1902 г. в Афинах будет создан Македонский комитет для организации вооруженной борьбы в Македонии¹⁹.

В 1893–1896 гг. Внутренняя организация развивалась довольно успешно. Аресты отдельных ее членов не приводили к крупным разоблачениям. В 1895 г. было захвачено два курьера Организации, перевозивших значительное количество оружия. Но даже и под пытками они никого не выдали.

Первым серьезным провалом в деятельности революционных комитетов Организации стало т. н. «Виницкое дело» («Винишка афера»).

В ноябре 1897 г. болгарская разбойничья банда по пути из Болгарии остановилась в македонском селе Винаца, ограбила в нем богатого турка и убила его. На следующий день в село прибыли официальные турецкие лица, полиция и солдаты. Было арестовано 8 соучастников бандитов и руководитель местного революционного комитета. В силу ряда обстоятельств, практически случайно, туркам удалось найти склад оружия Комитета. Всего было обнаружено 50 ружей, 20 бомб, патроны и порох. Под пытками некоторые из арестованных заговорили. Обыски и аресты перекинулись на соседние районы. Несколько сот человек было подвергнуто пыткам, арестовано 528 и 300 бежало в Болгарию²⁰.

Следующий крупный провал — «Солунское дело» («Солунска афера») — случился в 1901 г. Все началось с ареста в январе 1901 г. двух людей Организации — А. Никова, секретаря ЦК, и М. Михайлова, у которых нашли револьверы. Ников смог бежать, а Михайлов, не выдержав пыток, рассказал все, что знал об Организации. В результате начавшихся обысков были обнаружены списки членов Организации. Последовали массовые аресты ее видных деятелей, в т. ч. Х. Матова, Х. Татарчева и др. Туркам удалось найти план подкопа под здание Оттоманского банка для подрыва. Всего подверглись арестам 188 человек, 101 был осужден, из них 9 — на смерть²¹.

«Виницкое дело», усиление преследований со стороны турецких властей были одними из причин создания первых постоянных нелегальных боевых единиц Организации — чет — весной 1898 г. Однако первые террористические группы «для наказания уличенных шпионов» были созданы по решению ЦК еще в конце 1895 г. В 1896 г. городской комитет Организации в Крушево создал террористическую группу, которая наказывала «провинившихся перед организацией без различия их веры и народности, собирала средства на нужды организации, помогала ее вооружению». Подобные группы существовали во многих районах Македонии. Солунский съезд Организации 1896 г. официально классифицировал эти группы как «тайную полицию организации», задача которых состоит в слежке за делами внутренних и внешних врагов, а также в защите от них. В 1897 г. в Македонии было убито несколько «сербских агентов». Убийства продолжились и в последующие годы. Между тем сербское противостояние болгарам в Македонии до 1902 г. носило мирный характер²². В 1899 г. ЦК Организации постановил, что во всех районах Македонии должны быть созданы небольшие четы из революционных деятелей, находящихся на нелегальном положении. В 1897–1899 гг. в Македонии действовало более 20 чет под руководством революционных деятелей-нелегалов, или под командованием

бывших разбойников (харами), перешедших на сторону Организации²³. От деятельности таких чет страдало прежде всего мирное сельское население — и христианское, и мусульманское. Об этом говорит множество фактов из консульских донесений. К тому же четы старательно избегали столкновений с регулярными частями турецкой армии и полиции. Все стычки были вынужденными, как результат засад, погонь и т. п. Volens poles, деятельность чет была одной большой провокацией, призванной разбудить мусульманский фанатизм и вызвать резню христиан в Македонии с тем, чтобы «привлечь внимание» международной общественности к положению дел в этой области, заставить Европу воздействовать на Турцию, чтобы та ввела-таки автономию Македонии. (Ведь подобный опыт уже имелся. Зверская расправа в 1876 г. не только над участниками восстания, но и над мирным населением Болгарии всколыхнула общественное мнение Европы. Хорошо известно об искренних чувствах солидарности и сочувствия простых жителей России, несших «последнюю копейку» в поддержку «братьев-славян»... Дело разрешилось русско-турецкой войной 1877–1878 гг. «200 тысяч жизней сыновей и дочерей положила Россия на алтарь победы в освободительной войне...»²⁴. И что же? Результаты войны представлялись сомнительными. Не обошлось без «доброй союзницы»-Европы. Создано государство с невероятными амбициями... Все произошло, как и предсказывал Ф. М. Достоевский — вплоть до «клеветников» и «явных врагов»²⁵.) Формально же, основной задачей чет провозглашалась организация и непосредственная подготовка населения к предстоящей вооруженной борьбе. Неудивительно, что организацией чет занимался Г. Делчев — единственный из руководителей Организации получивший военное образование. (Впрочем, так же неудивительно, что люди, не имевшие такого образования, т. е. дилетанты, примут в январе 1903 г. решение о вооруженном восстании, не сообразуясь ни с реальной обстановкой, ни с соотношением сил противоборствующих сторон и т. д.) Не подлежит сомнению факт, что Делчев стремился создать отряды, подчиняющиеся строгой дисциплине, со всеми атрибутами, отличающими регулярную армию от «разбойных шаек» (последнее — термин из донесений русских консулов в Македонии, касающийся чет). Но что можно было ожидать от вчерашних разбойников, пусть и заявивших о переходе на сторону революционной организации? Инструкции Организации прямо предписывали вербовать «разбойников» в ряды организации, казнить не только провинившихся перед Организацией, но и просто «неудобных людей» и т. п.²⁶ (Методы, да и, вообще, образ мыслей — «менталитет» — присущий всем без исключения революционерам. Так,

один из вождей Великой французской революции Сен-Жюст обращался к соратникам: «Вы должны карать не только предателей, но и равнодушных; вы должны карать всякого, кто пассивен в республике»²⁷. Недаром существует несколько избитая фраза о том, что «после революции революционеры отстреливают как бешеных собак». Неслучайна потому, но об этом ниже, возникшая в Организации война на взаимоуничтожение.)

«Сбор денежных средств» представлял собой обыкновенные поборы, как правило, с более-менее состоятельных людей, нередко приводившие к убийству ни в чем не повинных людей. Так, члены Организации убили священника(!) Ставре, который не сумел сразу уплатить названную сумму и попросил подождать. Но его заподозрили в предательстве (коего он не совершал, как выяснилось впоследствии) и подписали смертный приговор²⁸.

Четы перешли к похищению людей с целью получения выкупа. Особо буйные головы замыслили даже похитить кого-нибудь из европейских консулов. Например, в 1898 г. планировалось похитить русского консула в Битоле А. А. Ростовского²⁹. Тогда это не удалось. Слухи о возможных попытках похищений европейских консулов поползли в начале XX в. (но, возможно, деятели Организации вовремя осознали все последствия такого безумного шага)³⁰. И вот 21 августа 1901 г. чета Я. Санданского и Х. Чернопеева похитила на пути из Банско в Горну Джумаю американскую протестантскую миссионерку Элен Стоун. (Этот случай вошел в историю македонского революционного движения как «Дело Мисс Стоун»/«Афера Мис Стоун».) Та же участь постигла ее спутницу-болгарку, оказавшуюся беременной и родившую уже во время пребывания у четников. Сначала речь шла о 25 тыс. турецких лир, которые похитители намеревались под угрозой смерти похищенной выудить у американской организации Главного миссионерского управления. Американцы собрали требуемую сумму, но никак не хотели с ней расставаться. Упорно торгуясь, американцам удалось снизить сумму выкупа до 14,5 тыс. турецких лир. В феврале Э. Стоун была освобождена (с ней и болгарка с ребенком). У самой же американки выработался, по всей видимости, комплекс заложника — вернувшись на родину, она в своих статьях и интервью с необыкновенной симпатией отзывалась о своих похитителях и их деятельности.

По мере развития и укрепления Организации выявлялись ее разногласия с экзархатом, глава которого Иосиф I был убежденным сторонником исключительно легальных методов деятельности в Македонии. Сторонники линии экзархата создали свою организацию. Весной 1897 г. группа учителей и состоятельных граждан Солуни во

главе с И. Гарвановым основали Болгарское тайное революционное братство, известное как Революционное братство. Оно выступало против революционной деятельности Внутренней организации, которая (деятельность) была, как считали члены Братства, слишком поспешной, а потому опасной для освободительного дела в Македонии. Сторонников линии экзархата называли также эволюционистами. Их программа заключалась в следующем: укреплять церковно-просветительское дело, сплотиться вокруг экзархата, сосредоточив народные силы против инациональных пропаганд, а остальное «сделает Болгария своими 200 000 штыков». Неудачи в работе Братства привели к его самороспуску в 1899 г., а его члены перешли в Революционную организацию. (Правда, этому предшествовал период, когда едва не дошло до взаимных убийств. Мирному урегулированию способствовало посредничество ВМК.) И. Гарванов, включенный в местный комитет революционной организации в Солуни, в 1901 г. возглавил ЦК Организации и был одним из тех, кто в январе 1903 г. самым активным образом выступал за принятие решения о восстании ³¹.

После смерти Т. Китанчева ВМК стал претендовать на руководящую роль в македонском освободительном движении, на право определять время и характер восстания, подготавливаемого Внутренней организацией. Между тем, после того как в 1899 г. ВМК возглавил Б. Сарафов, две организации установили самое тесное сотрудничество, продолжавшееся полтора года. В состав Комитета неофициально, без избрания на съезде, были включены заграничные представители Внутренней организации — Г. Делчев и Г. Петров ³².

Но разногласия все-таки возникли. Возникли они между заграничными представителями и руководством ВМК по поводу предстоящего восстания. Офицеры из ВМК считали, что после прихода к его руководству Сарафова проведенная подготовительная работа вполне достаточна и настало время объявлять восстание. Так что в начале 1901 г. отношения между заграничными представителями и руководством ВМК ухудшились. Но по-настоящему они обострились летом 1901 г., когда во главе ВМК встали С. Михайловский и генерал И. Цончев, стремившиеся вызвать выступление в Македонии как можно скорее. Против этого выступали Г. Делчев и Г. Петров, вскоре к ним присоединился Б. Сарафов.

Новое руководство ВМК стало засылать в пограничные районы Македонии свои четы («вооруженная пропаганда»), агитирующие против Внутренней организации и за немедленное восстание под руководством ВМК. Населению пытались внушить, что за действиями чет и правящих кругов Болгарии стоит Россия, готовая в любой

момент подняться на защиту восставших. Управляющий болгарским торговым агентством в Солуни докладывал о том, что агитация верховистов имела большой успех у жителей приграничных районов, которым обещалась скорая свобода без больших жертв. Кроме того, верховисты не собирали денег с крестьян в отличие от четников Организации. Контакты между Внутренней организацией и ВМК были прерваны. Последовали взаимные преследования и убийства. Происходили прямые вооруженные столкновения чет двух организаций. Четы верховистов изгонялись из Македонии. По замечанию Х. Силянова, султан, якобы, даже хотел предоставить самим противоборствующим четам истребить друг друга, не применяя для этого армию³³. Наибольшую активность в противодействии верховистам проявляли Я. Санданский, Х. Чернопеев, С. Михайлов и др. Летом 1902 г. произошел раскол в ВМК. Образовался второй ВМК во главе с Х. Станишевым, стоящий на позициях Внутренней организации.

Осенью 1902 г. ВМОК Цончева отправил в район Горна Джумай несколько сот четников, втянувших в «восстание», названное Горноджумайским, несколько десятков приграничных сел. Достаточно быстро выступление было подавлено. В итоге — сотни жертв среди мирного населения, три тысячи беженцев в Болгарию.

Сам факт «восстания» и, особенно, его подавление вызвали широкий резонанс в европейских столицах и привлекли внимание дипломатии России и Австро-Венгрии. Еще в 1897 г. обе державы заключили соглашение, предусматривающее поддержание status quo на Балканах. Россия в это время проводила активную политику на Дальнем Востоке и ей ни к чему были осложнения на Ближнем, что совсем не означало отказа от русских интересов на Балканах и в районе Проливов. У Австрии были свои причины пойти на подобное соглашение, как внутренние, так и внешние. Соглашение носило сугубо «отрицательную» смысловую нагрузку — державы договаривались ничего не предпринимать на Балканах — пресловутое поддержание status quo. Соглашение вообще представляло из себя обмен нотами, имевшими значительные расхождения, открывавшими пути для различной трактовки соглашения. Под нажимом Европы султан в конце 1902 г. объявил о намерении провести реформы в европейских владениях. В конце концов, в феврале 1903 г. послы России и Австро-Венгрии в Константинополе вручили турецкому правительству ноту с перечислением реформ (одобренных всеми великими державами), которые Турция должна была реализовать (т. н. «Венская программа»). Среди основных мер, предусмотренных реформами, были — допуск христиан в полицию и жандармерию,

политическая амнистия, назначение сельских (полевых) сторожей (стражников) в христианских селах из христиан, замена десятины поземельным налогом, учреждение для македонских вилайетов поста специального Генерального инспектора (его занял Хильми-паша) и т. д. В сущности, эта программа так и не была реализована (политзаключенные все же были освобождены) из-за противодействия албанцев, саботажа местных властей и подстрекательства революционных комитетов.

Оживление европейской дипломатии после Горно-джумайского «восстания» (в частности, активизация России и Австро-Венгрии в деле принуждения Турции к проведению реформ) создало у верховистов («цончевистов») и части деятелей Внутренней организации впечатление, что складывается благоприятная обстановка для нового восстания, которое заставит европейские державы еще активнее вмешаться в македонский вопрос и вынудить Турцию ввести автономию Македонии. Позицию «цончевистов» в руководстве Внутренней организации поддерживал, в частности, председатель ЦК И. Гарванов (тот самый Гарванов, который еще несколько лет назад выступал за исключительно легальные средства борьбы), некоторые руководители Битольского революционного округа, а также вернувшиеся из заключения и назначенные новыми заграничными представителями в Софии Х. Матов и Х. Татарчев.

Со 2 по 4 января 1903 г. в Солуни прошел съезд Революционной организации, принявший решение о восстании. Присутствовало 17 делегатов, на деле плохо осведомленных о реальной обстановке на местах. Создатели и руководители Организации — Д. Груев, Г. Делчев, П. Тошев и др. — на съезд не были приглашены или физически не могли на нем присутствовать. Их участие в заседаниях и дискуссиях могло помешать двум главным персонажам этого съезда — И. Гарванову и председателю Битольского окружного революционного комитета А. Лозанчеву — навязать известное решение. Восстание, согласно протоколу съезда, мотивировалось необходимостью предупредить новое вмешательство верховистов, благосклонным «расположением» европейской дипломатии к македонскому освободительному движению. Восстание назначалось на весну и должно было быть «повсеместно-стратегическим»³⁴.

Между тем серьезное сопротивление противников восстания заставило инициаторов принятия решения о нем несколько изменить постановление съезда, в частности, под влиянием только что вышедшего из заключения Д. Груева и Г. Делчева, специально прибывшего в Салоники. В итоге было решено, что восстание будет массовым только в Битольском революционном округе (он был разделен

на 7 повстанческих районов), а в остальных округах ограничится только акциями четников (по сути — терактами). Сроки восстания отодвигались на несколько месяцев. Как представляется, подобное решение вряд ли было более разумным, чем принятое на съезде. Восстание в любом случае в тех конкретных условиях не могло быть успешным. Много лет спустя идейные наследники руководителей Ильинденского восстания А. Протогеров (член ЦК ВМОРО с 1915 г.) и П. Чаулев (в ходе восстания — воевода одного из отрядов, член ЦК ВМОРО с 1911 г.) укажут в известном «Майском манифесте» ВМОРО в 1924 г.: «Даже Ильинденское восстание 1903 г., самое большое и массовое восстание, не могло рассчитывать само завоевать свободу Македонии, а имело целью принудить общеевропейское общественное мнение и международную дипломатию разрешить македонский вопрос»³⁵.

Что говорить о каких-то перспективах восстания, если по некоторым данным, имеющимся по 73 четах в период с 1897 по 1903 гг., только 22,55 % из них были вооружены современным оружием, а остальные устаревшим, уже не применяемым в современных тем событиям армиях. Только после восстания началось перевооружение³⁶.

В апреле 1903 г. в Смилево (Битольский вилайет) состоялся съезд ТМОРО, избравший Главный штаб восстания в составе Д. Груева, Б. Сарафова и А. Лозанчева.

Обстановка в Македонии значительно накалилась после того, как 15–17 апреля 1903 г. болгарские террористы (их организация поддерживала определенные контакты с Революционной организацией и Б. Сарафовым. Последний, в частности, отправил им динамит, присвоенный, в итоге, И. Гарвановым³⁷) осуществили серию взрывов в Солуни. Уже 17 апреля нагнетаемый мусульманский фанатизм вылился в болгарский погром в Солуни. В течение двух дней происходили повальные убийства. Официально было объявлено о 35 убитых. По неофициальным данным число убитых достигало 200–300 человек³⁸. Сообщение о взрывах дошло и до Битоли — 23 апреля здесь начался христианский погром, продолжавшийся два дня. Погибло 25 человек, множество было ранено. В Ускубе погрома едва удалось избежать.

Вечером 20 июля (Ильин день) 1903 г. началось восстание в Битольском вилайете. Повстанцы напали на турецкие части, расположенные в селах и небольших городках, взорвали телеграфные линии и железнодорожные пути. Русское консульство в Битоли доносило в Константинопольское посольство: «Все население с трепетом ждало 20 июля, которое, однако, прошло спокойно, но в ночь на 21-е инсургенты перерезали все телеграфные провода... и банды

напали на мусульманские села,.. жители коих пользовались... дурной репутацией. Нападения эти не увенчались особенным успехом. [...] Дороги шоссейные разрушены, мосты взорваны...»³⁹. В некоторых населенных пунктах была установлена власть повстанцев (например, «Крушевская республика» в г. Крушево.). В районе Пиринских гор вместе с силами Внутренней организации действовали отряды ВМОК под командованием генерала Цончева и полковника Янкова.

В Декларации ЦК Революционной организации, врученной дипломатическим агентам великих держав в Софии и опубликованной в печати, были изложены требования повстанцев: автономное правление Македонии, во главе которой должен стоять управляющий-христианин, не служивший в турецкой администрации и независимый от Турции в исполнении своих обязанностей, учреждение международного контроля за проведением реформ.

В сентябре Главный штаб восстания обратился к Болгарии с просьбой о помощи путем прямого военного вмешательства. Болгарское руководство сознавало военную слабость страны и сложность международной обстановки. Вооруженное вмешательство было бы чистой авантюрой с непредсказуемыми последствиями. Поэтому никакого ответа на призыв Главного штаба не последовало. Собственно, в штабе знали, что правительство не в состоянии прийти на помощь. Поэтому через два дня после упомянутого обращения штаб принял решение прекратить восстание⁴⁰.

Столкновения между повстанцами и турецкими войсками длились два с половиной месяца.

В Битольском вилайете за время восстания произошло 150 боевых столкновений между повстанцами и турецкой армией. Погибло 746 четников. В Солунском вилайете — 38 столкновений, 109 погибших. В Косовском вилайете — 15 столкновений, 93 убитых⁴¹.

В результате турецких репрессий только в Битольском вилайете было полностью или частично сожжены 122 села с 8646 домами. Без крова осталось 51606 человек. Убито 1779 сельских жителей⁴². Всего же было сожжено более 200 сел, число убитых составляло несколько тысяч, а беженцев — около тридцати тысяч.

Осенью 1903 г. Россия и Австро-Венгрия заключили в Мюрцштеге соглашение, предусматривавшее расширенную программу реформ для Македонии. Данный проект предполагал прикомандирование сроком на два года двух гражданских агентов из России и Австро-Венгрии к главному турецкому инспектору Хильми-паше, реорганизацию турецкой жандармерии, новое административное деление Македонии, преобразование ее административных и су-

дебных учреждений и т. д.⁴³. Реализация проекта натолкнулась, как обычно, на глухой саботаж местных властей и деятелей Организации.

После подавления восстания ситуация в Македонии стала еще более сложной и запутанной. Случаи проникновения на ее территорию греческих и сербских отрядов заметно участились (несмотря на то, что Сербия и Болгария заключили в 1904 г. тайный договор, поддерживающий мюрцштегские реформы, обязывающий оказывать сопротивление акциям, связанным с разделом Македонии⁴⁴). Греческое правительство направило в феврале 1904 г. в Македонию специальных агентов-офицеров для ознакомления с обстановкой на месте с точки зрения перспектив подготовки нового — греческого восстания — антитурецкого и антиболгарского одновременно. Вернувшись, греческие офицеры рекомендовали правительству создавать отряды добровольцев под командованием кадровых военных для засылки в Македонию. Один из офицеров — П. Мелас — был назначен греческим Македонским комитетом «верховным главнокомандующим». В сентябре 1904 г. он во главе отряда из 35 человек отправился в район Битоли — Кастории (Костура). Через три месяца Мелас со своими людьми погиб в стычке с турецким отрядом. Это известие всколыхнуло Грецию. П. Мелас стал национальным героем наряду с А. Ипсиланти. Греческое правительство стало открыто содействовать созданию партизанских (андартских) отрядов, деятельность которых охватила практически всю территорию Центральной и Южной зон Македонии (т. е. вплоть до линии Охрид — Горна Джумая). В 1905 г. только в Битольском вилайете действовало от 800 до 1000 андартов⁴⁵. По сведениям австро-венгерского гражданского агента в Македонии, с 14 марта 1906 г. по 14 марта 1908 г. андарты убили 531 и ранили 175 македонских славян⁴⁶. Греческие отряды придерживались той же тактики, что и болгарские — они старались избегать стычек с подразделениями турецкой армии и полиции. Если болгарские четы заставляли села, находящиеся под ведомством Константинопольского патриархата, переходить под начало Болгарского экзархата, то андарты заставляли «экзархистов» записываться в «патриархисты».

В 1905 г. греческое правительство предприняло ряд шагов в Константинополе, убеждая турецкие власти в том, что деятельность андартов направлена исключительно против болгар и «не посягает на целостность османских владений в Македонии». В итоге турецкое правительство уведомило Афины, что турецкие войска будут стараться избегать столкновений с греками⁴⁷. В результате греческим отрядам удалось прочно утвердиться в южных районах Македонии

и некоторых центральных. Превосходство чет Македонской Революционной Организации закончилось.

Начиная с 1904 г. в северные районы Македонии участились проникновения сербских чет. В 1906 г. сербы прочно утвердились в районах Куманова, Прилепа, Велеса и др. В период 1903–1908 гг. в ведение Патриархии перешли 152 села⁴⁸.

Македония превратилась в поле кровавой битвы между четами Революционной организации, отрядами из соседних стран и турецкими подразделениями.

Провал восстания вызвал кризис внутри Организации. Наметился раскол по важнейшим идейным и организационным вопросам. Камнем преткновения стали вопросы оценки итогов деятельности Организации, но главное, определения перспектив дальнейшего развития ее и македонского освободительного движения. Так выделились два крыла Организации — левые и правые.

Левые группировались вокруг руководителей Сересского и Струмицкого революционных округов — Я. Санданского и Х. Чернопеева. Идеологом левых стал Д. Хаджидимов. Левые отстаивали принципы демократизма и интернационализма Организации. Они видели ее задачу в объединении всех угнетенных и недовольных в Македонии для работы по созданию Балканской федерации. Будущая автономия, по мнению левых, должна основываться на принципах политического сепаратизма, т. е. не могло и быть речи о присоединении к Болгарии. Они отказывались идти на контакты с официальными кругами Болгарии. Левые полагали, что только федерация балканских народов может обеспечить им свободу и равенство. Строгую централизацию в Революционной организации левые считали главной причиной неудач освободительного движения⁴⁹.

Правые — члены ЦК Х. Матов, Х. Татарчев, И. Гарванов — считали, что надо продолжать работу в избранном направлении, ничего не менять в устройстве и управлении Организации. Они настаивали на тесных контактах с официальными кругами Болгарии, т. к. движение зависело от поставок оружия.

Кроме того, самостоятельно действовали сторонники Б. Сарафова во главе со своим лидером.

ВМОК был распущен властями еще в январе 1903 г., поэтому правые были названы своими противниками «неоверховистами», или «внутренними верховистами».

В 1907 г. к правым присоединились сторонники Б. Сарафова. Последний был убит вместе с И. Гарвановым по приказу Я. Санданского, что было, в определенной мере, реакцией на неудавшийся заговор против лидера левых. Так началась война на самоистребление внутри ВМОРО.

В сентябре 1905 г. состоялся Рильский съезд ВМОРО (проходил в Рильском монастыре) — первый общий съезд после поражения Ильинденского восстания. Преобладали левые делегаты, которым удалось провести свои решения, осуждавшие политику балканских государств в Македонии, позицию великих держав и т. п. Последовали известные события 1907 г. (убийство Б. Сарафова и И. Гарванова). И в 1908 г. правые созвали съезд в Кюстендиле, на котором не присутствовали делегаты Сересского и Струмицкого округов. Левые были объявлены вне рядов Организации. В уставе были усилены централистские положения.

Последняя попытка держав мирным путем разрешить македонский вопрос в рамках Османской империи приходится на 1908 г., когда Россия и Англия попытались посредством совместных шагов перед Портой добиться автономии для Македонии.

Этому предшествовали следующие события. Россия в 1907 г. обратилась к Австро-Венгрии с предложением о подписании нового (взамен соглашения 1897 г.) договора, с тем чтобы уточнить позиции двух стран по Балканам. Предложение было отвергнуто — Двудинная монархия стремилась к «свободе рук» в этом регионе. Воспользовавшись моментом, в марте 1908 г. Великобритания обратилась к державам с предложением о постановке перед Турцией вопроса о реформах в Македонии.

Предполагалось сохранить лишь номинальную власть султана над Македонией, уменьшить количество турецких войск, увеличить численность местной жандармерии, которую поставить под командование европейских офицеров, ввести контроль держав над финансами и судебными органами в крае, «обезвредить разбойничьи четы» и др.

В июне 1908 г. в г. Ревель состоялась встреча императора России Николая II и короля Великобритании Эдуарда VII. Стороны договорились о совместных действиях в деле введения реформ⁵⁰.

Дабы предотвратить подобное развитие событий — потерю европейских владений и вообще вмешательство европейских государств в дела Турции, — в июле 1908 г. члены младотурецкого комитета «Единение и прогресс» свергли абсолютистский режим в Константинополе, восстановили конституцию 1876 г. и провозгласили равенство всех народов империи.

Противникам младотурок удалось организовать контрпереворот и изгнать их из Константинополя в апреле 1909 г. Младотурки сконцентрировали свои силы в европейской части Турции с центром в Солуни. Отсюда при поддержке 1200 четников Я. Санданского, Т. Паницы и Х. Чернопеева они совершили новый победоносный поход на столицу империи⁵¹.

После восстановления конституции сложились условия для легальной политической деятельности македонских организаций. Четы ВМОРО были расформированы, сама Организация приостановила свою деятельность. На основе двух ее «фракций» — правого и левого крыла — возникли политические партии, попытавшиеся вести национально-освободительную борьбу мирным средствами.

В сентябре 1908 г. правые учредили Союз болгарских конституционных клубов (СБКК). Его основное политическое требование — «группирование отдельных национальностей в новые административные единицы, как можно более однородные, с областным самоуправлением». Но уже после второго съезда СБКК турки приняли против него меры. В ноябре 1909 г. было принято решение о самороспуске Союза.

В августе 1909 г. левые основали Народную федеративную партию (НФП). Изначально она задумывалась как партия, включающая представителей разных народностей, объединенных на федеративных началах. В руководство вошли люди с разными идейно-политическими взглядами — Я. Санданский, Д. Влахов, Х. Чернопеев, Х. Янков. НФП также выдвигала требование областного самоуправления в рамках исторически сложившихся провинций со сравнительно однородным населением. Подразумевалось, однако, что решение вопроса об освобождении от политического и экономического угнетения произойдет в рамках турецкого государства, не нарушая его целостности.

Между тем различия во взглядах руководителей НФП привели к ее расколу. Например, Х. Чернопеев, разочарованный политикой младотурок, перешел на нелегальное положение и перебрался в Болгарию для возобновления революционной деятельности. Я. Санданский был исключен партийным советом из НФП. Деятельность партии замерла, а в августе 1910 г. она была запрещена младотурками, открыто перешедшими к политике османизации.

Возникли также Организация сербских политических клубов, находившаяся в Скопье (Ускюбе) (расформирована в начале 1910 г.), и Организация греческих политических клубов (вскоре также запрещенная).

В 1910 г. в Македонии была проведена широкомасштабная акция по изъятию оружия у местного населения, сопровождавшаяся, как обычно, насилиями над мирными жителями. Кроме того, активное недовольство встретила т. н. «мухаджирская» (переселенческая) политика младотурок — заселение Македонии мусульманами-беженцами. Все это привело к возобновлению деятельности Революционной организации, а весной 1910 г. группа деятелей Солунского,

Струмицкого и Сересского округов (без сторонников Я. Санданского) попыталась создать новую революционную организацию. Она получила название Болгарской македонско-одринской революционной организации (Санданский, в свою очередь, создал Болгарскую народную македонско-одринскую революционную организацию) и начала этническую деятельность в Македонии. Руководители новой организации провели переговоры с деятелями других революционных округов и прежними руководителями ВМОРО. В итоге в 1911 г. организация была воссоздана под прежним названием — ВМОРО — и с прежним уставом. В ЦК вошли Т. Александров, П. Чаулев, Х. Чернопеев.

Восстановленная ВМОРО перешла к откровенно террористической деятельности — к взрывам на железнодорожных линиях, в правительственных учреждениях и в общественных местах.

Стремясь к созданию «Великих» Болгарии, Сербии или Греции путем территориальных приобретений в Македонии, политики этих стран обосновывали свои амбиции этническим родством населения Македонии, «историческим правом», экономико-политической необходимостью и другими причинами. У болгар существовал непосредственный прецедент, который застали жившие тогда поколения — «Сан-Стефанский сон» — Сан-Стефанская Болгария. Куда там сербам с «Державой Душана» и грекам с Византией или, тем более, с Александром Македонским! Но на большем протяжении XIX в. (т. е. до 70-х гг.) в Македонии в культурном отношении сильнее было влияние Греции, ранее других балканских государств получившей независимость (1830 г.) и потому естественно привлекавшей единое, пусть и иноязычное, население Македонии — имевшие возможность давать своим детям образование славянские жители Македонии старались отдать их в греческие школы. Однако с появлением Болгарского экзархата (1870 г.), распространившего свою юрисдикцию на ряд македонских епархий, и возникновением автономного Болгарского княжества (1878 г.) стало нарастать влияние Болгарии, распространяться сеть болгарских школ.

Население внутренних сельских районов Македонии было далеко от всех международных кризисов, политических потрясений и войн. Набеги разбойничьих албанских шаек — вот, пожалуй, что их больше всего касалось. Вопрос о национальной самоидентификации просто не стоял. «Самый искренний ответ македонского славянина на вопрос, кто он, это „я христианин“», — писал в начале XX в. побывавший в Македонии А. Амфитеатров⁵². (Ничего удивительного. В XIX в. необразованный русский крестьянин ответил

бы приблизительно так же: «Рязанские (тамбовские и т. д.) мы. Православные мы». Так было бы в любой другой стране, с присущей лишь ей спецификой.)

По сути, вовсе не являются преувеличением слова Г. Н. Трубецкого о том, что население Македонии являлось «тестом, из которого можно было вылепить и сербов, и болгар»⁵³. И в констатации этого факта не содержится ни отрицательной, ни положительной оценки. Естественно, получившие образование в болгарских школах македонцы воспитывались и становились болгарами, стремились продолжить обучение в княжестве. Несомненно, созданная в 1893 г. ВМОРО изначально носила ярко выраженный болгарский характер. Но нельзя уйти от одного факта, особо выделенного выше. Организация была создана, прежде всего, в противовес сербской пропаганде. (Можно даже сказать, она была изначально антисербской.) Успехи сербов на этом поприще были едва ли не главной причиной ее создания. Не парадоксально ли?

Еще в 1861 г. русский консул в Битоли М. А. Хитрово отмечал: «На пути от Солуны до Вардара я встретил смешанное население болгар и албанцев [вероятно, описка — имеются в виду греки. — *Авт.*], между которыми преобладает греческий язык; далее за Вардаром греческий элемент совершенно исчезает, деревни населены исключительно болгарами, и общеупотребительный язык — славянский, и чем более удаляешься от моря и вдаешься внутрь страны, тем язык этот становится шире и более переходит к сербскому наречию»⁵⁴.

Уже к концу XIX в. национально-конфессиональная ситуация в Македонии была настолько запутанной (в результате действий различных «пропаганд»), что побывавший здесь в 1897–1899 гг. П. Н. Милюков поразился тому, как порой члены одной и той же семьи называли себя «одни „экзархистами“, другие „патриархистами“, а третьи „грекоманами“»⁵⁵. («Экзархисты» — принадлежащие к ведомству Болгарского экзархата — считались болгарами, «патриархисты»-славяне — относящиеся к Константинопольской патриархии — сербами.)

Жестокости противоборствующих «комитетов» вели к отторжению македонцами всех пропаганд. Это проявлялось, с одной стороны, в согласии «записываться» в кого угодно — в греки, болгары, сербы — за материальную поддержку (и переписываться несколько раз по-разному), а, с другой стороны, к осознанию собственной самобытности. В 1903 г. журналист «Русского вестника» отмечал, что некоторые «именитые люди» в Битоли заявили, что «знать не хотят о Болгарии, т. к. они македонцы, а не болгары»⁵⁶.

Безусловно, указанная тенденция была выгодна Сербии в ее противостоянии Болгарии за македонские территории, а потому на определенном этапе нашла ее активную поддержку (отброшенную сразу после раздела Македонии после Второй балканской войны и смененную активным насаждением сербизма).

В самой ВМОРО крыло Я. Санданского не желало иметь ничего общего с официальной Болгарией и выступало за независимую Македонию в составе Балканской федерации.

Часть македонской интеллигенции заявила о себе как о «славяномакедонцах» и «македонцах» (К. Мисирков, Д. Чуповский и др). Неудивительно, что они были вынуждены эмигрировать (в Македонии они были бы стерты «жерновами» противостоящих пропаганд) и создали македонские национальные общества в России.

Один из основоположников ВМОРО Д. Груев не раз говорил применительно к Македонии: «Лучше ужасный конец, чем ужасы без конца»⁵⁷. (Какая безысходность в этих словах!) Раздел Македонии в результате Балканских войн не явился ужасным концом. Ужасы продолжались.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М., 1952. С. 192, 205–206.
- 2 История македонского народа. Скопье, 1986. С. 152.
- 3 *Куманов М.* Македония. Кратък исторически справочник. София, 1993. С. 131; *Първанов А.* Македонският въпрос от освобождението 1878 г. до Балканската война 1912 г. // Изследвания по македонския въпрос. Книга първа. София, 1993. С. 365.
- 4 Британски дипломатически документи по българския национален въпрос. София, 1993. Т. 1. С. 8.
- 5 История македонского народа... С. 156; *Петров Т.* Нелегалната армия на ВМОРО в Македония и Одринско (1899–1908). София, 1993. С. 94.
- 6 *Кондаков Н. П.* Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909. С. 2.
- 7 Там же. С. 213.
- 8 *Цехмистренко С. П.* Греция и македонский вопрос // Очаги тревоги в Восточной Европе. М., 1994. С. 195–196, 201.
- 9 Там же. С. 200–201.
- 10 Британски... С. 11.
- 11 Архив внешней политики Российской Империи (далее — АВПРИ). Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Д. 2298. Л. 117–117об.
- 12 *Пандев К.* Националноосвободителни борби на българите в Македония и Одринско след Берлинския конгрес от 1878 // Борбите в Македония и Од-

- ринско. 1878–1912. Спомени. София, 1981. С. 9; *Он же*. Национално освободително движение в Македонија и Одринско. 1878–1903. София, 1979. С. 67–70; *Силянов Х*. Освободителните борби на Македонија. София, 1983. Т. 1. С. 39–40.
- 13 *Пандев К*. Национално... С. 77, 129, 204.
- 14 *Он же*. Националноосвободителни... С. 11.
- 15 *Петров Т*. Указ. соч. С. 93–96.
- 16 *Силянов Х*. Указ. соч. С. 56.
- 17 Там же. С. 57–58.
- 18 Там же. С. 58–59.
- 19 *Цехмистренко С. П.* Указ. соч. С. 202, 206.
- 20 *Петров Т*. Указ. соч. С. 16; *Силянов Х*. Указ. соч. С. 73–76.
- 21 *Силянов Х*. Указ. соч. С. 112–113.
- 22 *Гоцев С*. Борби на българското население в Македонија срещу чуждите аспирации и пропаганда 1878–1945. София, 1991. С. 77; *Дюлгерова Н*. Является ли болгарская «Мегали идея» вариантом болгарского панславизма? // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1996. № 3. С. 81; *Лалков М*. ВМОРО и балканските държави (1893–1918) // 100 години ВМОРО. София, 1994. С. 86–87; *Петров Т*. Указ. соч. С. 11–12, 16–18.
- 23 *Петров Т*. Указ. соч. С. 25–26.
- 24 *Косик В. И*. Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997. С. 85.
- 25 Цит. по: *Косик В. И*. Указ. соч. С. 128.
- 26 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2021. Л. 189об.–190.
- 27 Цит. По: *Кожинев В*. Россия. Век XX-й (1901–1939). М., 2001. С. 205.
- 28 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1453. Л. 20–21; *Константинов Д*. Битола и Битолско во Илинденската револуција на македонскиот народ — 1903. Битола, 1983. С. 48.
- 29 *Димевски Д*. Македонското националноосвободително движење во Битолскиот вилает (1893–1903). Скопје, 1981. С. 253.
- 30 АВПРИ. Ф. 180. Д. 1453. Л. 14, 43об.–44.
- 31 *Пандев К*. Националноосвободителни... С. 12; *Силянов Х*. Указ. соч. С. 123–127.
- 32 *Панайотов Л*. Вътрешна Македоно-Одринска револуционна организација // 100 години ВМОРО. София, 1994. С. 14–15; *Пандев К*. Националноосвободителни... С. 13–14.
- 33 *Силянов Х*. Указ. соч. С. 163–164.
- 34 *Пандев К*. Националноосвободителни... С. 18–19.
- 35 Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. М., 2000. Ч. 1. С. 272.
- 36 *Петров Т*. Указ. соч. С. 97–99.
- 37 *Димитров Г*. Солунски атентати през април 1903 г. // Осемдесет години Илинденско-Преображенско встание. София, 1988. С. 131.

- 38 АВПРИ. Ф. 180. Д. 2299. Л. 73об.–74.
- 39 *Струкова К. Л.* Новые документы о положении в Битольском вилайете в 1903 г. (Из донесений русских консулов) // Славянский архив. М., 1963. С. 272–273.
- 40 *Владева Л.* Официална България и Илинденско-Преображенското въстание 1903 г. // 90 години Илинденско-Преображенско въстание. София, 1994. С. 81.
- 41 *Силянов Х.* Указ. соч. С. 409.
- 42 Там же. С. 425.
- 43 История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 635. См. также подробную статью по данному вопросу: *Исаева О. Н.* Мюрцштегский опыт «умиротворения» Македонии // Македония: вопросы истории и культуры. М., 1999. С. 72–99.
- 44 *Карасев А. В., Косик В. И.* Этапы борьбы македонского народа за самостоятельность // Македония: Путь к самостоятельности. Документы. М., 1997. С. 15.
- 45 История македонского народа... С. 198.
- 46 Австриски документи за историјата на македонскиот народ 1907–1908. Скопје, 1981. Т. 2. С. 110–111.
- 47 *Цехмистренко С. П.* Указ. соч. С. 206–208.
- 48 *Петров Т.* Указ. соч. С. 170–174, 176.
- 49 *Пандев К.* Националноосвободителни... С. 23.
- 50 *Първанов А.* Указ. соч.
- 51 История македонского народа... С. 203.
- 52 *Амфитеатров А.* Страна раздора. Балканские впечатления. СПб., 1907. С. 17.
- 53 *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983. С. 39.
- 54 *Сенкевич И. Г.* Новые материалы по истории южных славян (Из рукописного наследия М. А. Хитрово) // Славянский архив. М., 1963. С. 240.
- 55 *Милуков П. Н.* Воспоминания. М., 1991. С. 128–129.
- 56 Русский вестник. 1903. № 4. С. 831.
- 57 *Панайотов Л.* Указ. соч. С. 14.

БОСНИЯ И ГЕРЦЕГОВИНА: ИХ МЕСТО И РОЛЬ В ЕВРОПЕЙСКИХ КОНФЛИКТАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

Этой небольшой балканской стране суждено было в канун Первой мировой войны сыграть роль несоизмеримую с ее размерами и потенциалом. Как и почему это произошло, по какой причине она стала невольным участником столь серьезного европейского кризиса, переросшего во всеобщий военный конфликт, нижеследующий рассказ.

В июле 1878 г. вооруженные силы Австро-Венгерской монархии приступили к оккупации Боснии и Герцеговины, двух самых западных, далеко вклинившихся вглубь европейского континента провинций Османской империи, населенных славянами трех конфессий. Местное население, изнывавшее в течение 4-х столетий под игом османского деспотизма, вопреки ожиданиям, оказало ожесточенное сопротивление войскам христианских оккупантов-избавителей. Боснийцы не пожелали беспрекословно покориться воле великих держав и допустить замену одной чужеземной власти на другую, пусть и на европейско-цивилизированную и многообещающую. После четырехмесячных ожесточенных стычек неорганизованное сопротивление разрозненных отрядов боснийцев было сломлено. В Боснии и Герцеговине установился оккупационный режим. Началась новая эра в истории многострадального края.

Оккупация Боснии-Герцеговины (в рассматриваемую эпоху чаще употреблялось именно это название, в котором вместо «и» фигурировал простой дефис) произошла юридически на основании оформленного постфактум договора между Австро-Венгрией и Османской империей, а фактически — по сговору великих держав.

Мандат, выданный Австро-Венгрии Берлинским конгрессом по предложению британского министра иностранных дел сэра Роберта Артура маркиза Солсбери, налагал определенные обязательства на его получателя. На том же конгрессе новая миссия династии Габсбургов на Балканах была кратко и четко сформулирована германским канцлером князем Отто фон Бисмарком в его знаменитом заявлении, категоричном, как изречение оракула: «Только могущественное государство, которое располагает в пределах досягаемости очага беспокойства необходимыми силами, может восстановить здесь (т. е. в Боснии и Герцеговине. — *Авт.*) порядок, а также гарантировать судьбу и будущее этого населения»¹.

Активное неприятие чужеземной оккупации, стимулировавшее рост этнического самосознания боснийского населения, в начале 1880-х гг. вызвало к жизни различные формы активного и пассивного сопротивления: от эмиграции до вооруженного восстания. Эмиграция затронула все три боснийских этноса, но самый большой урон от нее понесли мусульмане. Точных цифр мы не знаем, поскольку ценз и нормальную статистику Босния узнала лишь начиная с 1891 г. По некоторым данным, число покинувших страну и уехавших в Турцию мусульман достигало 300 тыс. Но специалисты считают эту цифру преувеличенной, по меньшей мере, вдвое². Среди уехавших в Турцию были, естественно, и чиновники-турки, но их было не так много, чтобы повлиять на этнодемографический баланс провинций. Меньше всего эмиграцией были затронуты хорваты и евреи, ибо католическая по преимуществу империя славилась еще толерантностью к иудаизму. Изменение баланса было нежелательным также и для австро-венгерских властей, опасавшихся, не без основания, усиления удельного веса сербско-православного элемента. Поэтому в октябре 1883 г. были в срочном порядке ужесточены правила выезда из страны.

Ровно через год после начала оккупации и спустя 8 месяцев по завершении военных действий, в июле 1879 г. в Боснии была введена гражданская администрация, громко названная «правительством» (Kaiserlich-königliche Landes Regierung), которая, однако, функционировала параллельно с военной (General Commando). Одновременно была проведена перепись населения, которая показала следующие результаты: общая численность населения — 1 млн 140 тыс., из которых 486 тыс., т. е. 42 %, были православные (сербы), 442 тыс. (39 %) — мусульмане, 209 тыс. (17,5 %) — хорваты-католики, и 3 тыс., 2,5 % — евреи³. Незначительное преимущество сербов в 3 % перед мусульманами образовалось, вероятно, в результате упомянутой выше массовой эмиграции мусульман. Быстрое проведение переписи наряду с введением гражданской администрации характеризовало европейский стиль управления в азиатской, в сущности, стране. Возможно, чересчур быстрое и даже несколько поспешное, или преждевременное. В первые годы после оккупации Босния-Герцеговина продолжала жить своей прежней беспокойной жизнью, в которой доминировали турецкие порядки и балканские нравы. Сидевший в Сараево русский консул в своих донесениях Н. К. Гирсу подробно, с некоторой долей удивления, рассказывал о хозяйничанье в стране многочисленных банд, укрывавшихся в горах и лесах Боснии-Герцеговины, с которыми оккупационная армия, размещенная в гарнизонах, явно не справлялась. В порядке вещей, как и в осман-

ские времена, были грабежи, убийства и др. преступные действия. «В течение восстания и первое время по вступлении австро-венгерцев во всех округах, — писал консул, — происходили убийства, грабежи, воровства, кражи, угон скота и поджоги»⁴. Из этого красочного описания следует, что на Балканах национально-освободительное движение в XIX в. принимало порой причудливые формы. Впрочем, бесконечные македонские беспорядки 1900-х гг. свидетельствовали о живучести этой региональной специфики времен османского владычества.

Для борьбы с бандитизмом — можно его квалифицировать и как движение за свободу и национальную независимость народов Боснии-Герцеговины, потому, что здесь имело место и то, и другое, — новой власти пришлось в срочном порядке создавать жандармерию. При этом оккупационная власть проявила изобретательность с достаточной долей здравого смысла. Жандармский корпус комплектовался по принципу целесообразности и прагматизма. Отнюдь не представители господствующих наций, немцы или мадьяры, составляли его костяк, а местные кадры-профессионалы, т. е. преимущественно славянский элемент. В состав корпуса численностью в 3200 человек вошли 200 жандармов, служившие ранее в Хорватии и Военной Границе, остальные 3 тысячи были в основном бывшие турецкие жандармы, оказавшие, как говорилось в донесении русского консула, «весьма полезными своей добросовестностью и знанием страны и жителей»⁵.

Правда, начальниками были офицеры австро-венгерской армии, а бывшие турецкие офицеры служили только унтер-офицерами.

Вообще нельзя сказать, чтобы имперская власть была одержима страстью круто и поскорее навязать стране европейские порядки и европейскую систему правления, ломать и крушить все, что напоминало «проклятое» османское прошлое. Она оставила нетронутой старое административное деление — Босния-Герцеговина, как и прежде, состояла из 6 санджаков (округов, *Bezirk*), 49 каз (от турецкого слова «каза») (уездов, *Kreis*) во главе которых стояли соответственно — мутассафиры и каймакамы. Но из 49 каймакамов только 13 были из местных мусульман, остальные были, как писал русский консул, «австро-венгерцы», т. е. представители любой национальности империи⁶.

Поводом и причиной как массовой эмиграции, так и неудачного восстания боснийского населения против оккупантов было введение в провинциях всеобщей воинской повинности. Принуждение служить в армии Франца-Иосифа возмутило как сербов, так и мусульман. Но мотивы были разные: в первом случае национально-по-

литические, а во втором конфессионально-политические. Сербь ссылались на султанский фирман от 1868 г., который освободил от воинской службы в османской армии всех немусульман, т. е. боснийских сербов и хорватов также. Кроме того, австро-венгерский закон в противоположность более гуманному в этом отношении османскому не предусматривал никаких исключений для семей крестьян-бедняков, которые ввиду отсутствия средств не могли заметить ушедшего в армию сына. Мусульмане же считали недостойным для себя и несовместимым со своей совестью служить в вооруженных силах гяуров-христиан. Впоследствии исламская догматика не помешала боснийцам служить трону и воевать за дело гяуров-Габсбургов. Восстание 1882 г. начали сербы Герцеговины, после чего оно охватило другие районы обеих провинций ⁷.

Ловким ходом властям удалось вывести из игры мусульман и изолировать сербов. По просьбе земельного правительства сараевский муфтий издал специальную фетву, в которой разъяснил правоверным, что служба в армии его императорско-королевского величества несколько не противоречит Корану, что, воюя за Австро-Венгрию, они тем самым защищают свою родину Боснию-Герцеговину, а это согласно шариату является честью и религиозным долгом мусульманина. Говорилось, кроме того, в фетве и о том, что боснийцы не должны покидать родину и отправляться на чужбину ⁸.

Наряду с созданием жандармского корпуса одним из самых важных достижений оккупационных властей явилось завершение в мае 1879 г. разоружения боснийского населения. Но при этом, проявив завидное понимание местной специфики и уважение к традициям Востока, власть сделала исключение для «пожилых мусульман, не принимавших участия в противодействии австро-венгерским войскам» — «...им дозволялось сохранить семейное наследственное оружие» ⁹.

Все же, несмотря на все эти меры, предотвратить новое вооруженное выступление в Боснии не удалось. Причина — нерешенность остро актуального социального вопроса боснийской деревни, нерешительность и медлительность новых властей в устранении пережитков османского феодализма. В 1882 г. в Боснии-Герцеговине вспыхнуло очередное восстание, оказавшееся последним в XIX в. Основную массу повстанцев составляли кметы, сербские крестьяне в большинстве, но участвовали в восстании также мусульмане-крестьяне и даже землевладельцы. Восстаний Босния и Герцеговина знали множество, но такое происходило впервые в истории. На эту особенность событий 1882 г. обратил внимание видный боснийский историк Милорад Экмекчич, подчеркивающий, что

сербские крестьяне и мусульманские землевладельцы *впервые* совместно участвовали в восстании¹⁰. Сотрудничество с мусульманами в дальнейшем, в последующие годы станет одним из фундаментальных принципов сербского национального (автономистского) движения в Боснии и Герцеговине.

1882-м годом завершился начавшийся в 1878 г. репрессивно-карательный этап пацификации мятежных провинций. Впервые за многие десятилетия в крае воцарился мир с элементами нового, европейского порядка. И это было самым главным, важнейшим, пожалуй, достижением австро-венгерской власти в Боснии-Герцеговине¹¹.

Нерешенным, однако, остался вопрос о месте вновь приобретенных провинций в дуалистической системе Австро-Венгерской монархии. Правительства Цислейтании (Австрии) и Транслейтании (Венгрии) не смогли договориться о том, кому из них быть хозяином новых земель. Венгрии они были не нужны, поскольку новые славянские территории могли лишь создать новые проблемы ее внутренней устойчивости. Но она не могла допустить присоединения Боснии-Герцеговины к Австрии, поскольку это привело бы к нарушению баланса сил в двуединой державе в пользу соперницы. Спор двух половин монархии не могла решить и династия в лице императора-короля Франца-Иосифа I. Но выход был все же найден. В феврале 1879 г. провинции были переданы в ведение (в управление) общему австро-венгерскому Министерству финансов, которое само финансировалось обоими государствами. Уже в 1880 г. парламентами Австрии и Венгрии был принят закон о финансировании управления провинциями и инвестициях. Разумеется, парламентарии обоих государств отнюдь не были в восторге от необходимости приносить материальные жертвы во имя благополучия Боснии. Более того, в 1900-х гг. с резким скачком бюджетных расходов на боснийские реформы в министерских канцеляриях обеих столиц широкое хождение получил популярный лозунг «Страна (т. е. Босния. — *Авт.*) должна содержать себя сама!»¹². Однако с хозрасчетом ничего и у австро-венгерских реформаторов так и не получилось.

При Министерстве финансов было создано специальное «Бюро по делам Боснии и Герцеговины» с четырьмя отделами — президиумом, внутренних дел, финансов, лесного хозяйства и горнорудной промышленности. Отсутствие в аграрной стране органа по управлению сельским хозяйством и наличие последнего четвертого департамента свидетельствовало о приоритетности развития сырьевых отраслей с самого начала австро-венгерского владычества в этой балканской стране. Принципиальные вопросы управления Бос-

нией-Герцеговиной также решались на заседаниях общих министров с неперменным участием глав обоих правительств. Функции местной власти в провинциях, составлявших единое целое, осуществлялись Земельным правительством — *Landes Regierung*, в системе которого были также четыре отдела — в отличие от венского Бюро в местном правительстве 4-й отдел занимался строительством местной исполнительной власти. Его возглавлял «глава земли» — *Landeschef* (или *Landeshauptmann*), генерал, фактически генерал-губернатор с заместителем по гражданским делам *Zivil-Adlatus* (до 1908 г.)

К началу мировой войны сложился довольно многочисленный бюрократический аппарат (свыше 14 тыс. чиновников), в котором подавляющий перевес имели славяне — 86 %! И лишь 11 % чиновников были немцы и 2,4 % мадьяры. Однако более половины боснийских чиновников были выходцами из других славянских земель Австрии и Венгрии. Поэтому лишь 24% чиновников были представлены местными сербами, 11,5 % — мусульмане. Значительной в аппарате была доля католиков, грекокатоликов (униатов) и иудеев ¹³.

В 1910 г. Босния получила собственный статут и законодательный орган (ландтаг, сейм) с сильно урезанными полномочиями, избираемый по куриальной системе, а в структуре Земельного правительства появился новый отдел — образования и культов.

Вооруженное выступление боснийцев 1882 г., в ходе которого наметилось сотрудничество, по крайней мере, двух из трех ведущих этносов Боснии и Герцеговины, еще раз убедило правителей монархии в необходимости, дабы закрепиться в провинциях надолго, позитивной политики и конструктивных реформ. И нет ничего удивительного в том, что Австро-Венгрия к выполнению своей боснийской миссии приступила с «европеизации» школьного образования с целью повышения культурного уровня населения. Заметим: на всю эту гигантскую работу по модернизации застрявшей в средневековые страны историей было отпущено практически менее четырех десятилетий всего-навсего — позитивную, созидательную работу пришлось проводить в промежутке между военной оккупацией и пацификацией края в 1878—1882 гг. и началом Первой мировой войны. Созданное при Министерстве финансов Австро-Венгрии Бюро по Боснии и Герцеговине поставило себе задачу «немедленно и одновременно начать решать задачу распространения более высокой культуры и цивилизации» ¹⁴.

Несколько по-иному смотрелось все это цивилизаторство, несомненно достаточно эффективное, с мусульманской стороны. В многочисленных обращениях и петициях, направлявшихся в Вену, Сараево и даже в Стамбул, раздавались жалобы на то, что мусульмане

изгонялись из органов местного самоуправления, их женщин похищали и принуждали к перемене религии, а детей мусульман силой вынуждали посещать католические школы; что мечети превращались в церкви, в жилые дома, или их просто сносили, сравнивая с землей¹⁵. Справедливость этих обвинений отчасти подтверждается свидетельством независимого источника — обстоятельными донесениями русского консула в Сараево, внимательного наблюдателя, отнюдь не настроенного враждебно к монархии и австро-венгерской администрации в Боснии-Герцеговине. Вот как описывается «цивилизаторская деятельность» последней в первые полтора года после занятия провинций в серии донесений Н. К. Гирсу консула Ладжинского. (Все они датированы 29 февраля 1880 г., поскольку у него еще не была налажена почтовая связь с центром.) Во-первых, отметил консул, за время австро-венгерского владычества благосостояние и жизненный уровень населения «значительно понизились». Стараясь быть объективным и чтобы не вводить в заблуждение петербургское начальство без нужды, он называет как объективные причины, так и причины субъективные, вызванные искусственно самой властью и ее политикой. К первым относились стихийные бедствия, постигшие край в 1879 г.: наводнение, засуха, неурожай, падеж рогатого скота, а также причинивший городу колоссальный ущерб «великий сараевский пожар» 27 июля 1879 г. Ко второй группе причин, приведших к «прискорбному результату», относились «собственные меры оккупационного правительства», в первую очередь его налоговая политика. Сохранив в целом прежнюю османскую податную систему, новая администрация внесла в нее «коррективы», которые в итоге существенно увеличили налоговое бремя боснийцев. Так, оккупанты заменили натуральную десятину денежной, что поставило налогоплательщика со скудной мошной в невыносимо трудное, а порой просто безвыходное положение; увеличилась «штемпельная пошлина», т. е. гербовый сбор; значительно возросла сумма государственного городского налога. Короче говоря, тот, кто платил османской казне 1000 гульденов в год государственных налогов и прочих поборов, после оккупации должен был выложить сумму, в 20 раз превышавшую прежнюю, т. е. 20 000 гульденов¹⁶. Не менее негативными последствиями сопровождалось включение страны в австро-венгерский таможенный союз. Прогрессивная сама по себе мера эта привела к резкому повышению ввозных пошлин, многократно превышавших прежние османские. С введением новых тарифов резко подскочили цены на колониальные товары — рис, кофе, сахар. Эти продукты каждодневного потребления боснийской семьи внезапно стали предметами недоступной роскоши.

Труднодоступными стали для большинства боснийцев хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, изделия из них, а также ковры, сравнительно дешевые и в большом количестве ввозившиеся в страну через Салоники и Триест из Болгарии, Аравии, Сирии и других уголков обширной империи османов. Были установлены высокие пошлины на дешевые промышленные изделия Англии и Франции, чтобы сделать конкурентоспособными на боснийском рынке менее качественную и более дорогую продукцию промышленности Вены, Праги, Будапешта, «не имевшую хода в Европе»¹⁷.

Разорившиеся торговцы-сербы закрывали свое дело и переселялись в соседнюю Сербию. «А на место выселяющихся — православных коренных жителей являются сюда „пионеры европейской цивилизации“, так они сами себя называют, — австро-венгерские евреи. (Подчеркнуто, возможно, самим Н. К. Гирсом. Думается, нет оснований считать, что этот пассаж в донесении был продиктован предрасположенностью его автора антисемитизму.) Но всех тяжелее теперь приходится низшему слою мусульманского населения. В Турецкое время они жили в собственных небольших домах, честно содержали себя ручным ремеслом и при тогдашней дешевизне сводили концы с концами. Никто здесь не помнит, чтобы когда бы то ни было для постояя оттоманских войск выгоняли жителей из их домов. Австро-венгерцы именно с этого и начали»¹⁸.

Эти цивилизованные «постояльцы», уходя, оставляли после себя руины — все деревянные перегородки, подпорки, рамы, двери, окна солдатами императорской и королевской армии безжалостно срывались, сжигались, шли на дрова. «Но из всех последствий, — повествует далее наш рассказчик, — одно для чувства мусульман всего ужаснее: они его считают просто божьим наказанием. Это — внесение австро-венгерским пришельцами, офицерами, солдатами, чиновниками, публично разврата в их семьи, доньше оставшиеся чистыми и невредимыми от этого общественного яда»¹⁹.

Цивилизаторская миссия монархии дала сбой в самой ни на есть цивилизаторской сфере — в сфере просвещения. Как ни странно, оккупационная власть, желая как можно скорее покончить с действительно архаичной системой образования, проявила меньше всего понимания и уважения к боснийской национальной специфике. Только в Сараево были закрыты офицерское реальное училище, гражданское училище «рушди» для мальчиков всех конфессий, сиротский ремесленный пансионат, 40 мусульманских мужских и женских начальных «школ грамотности». Не посмели тронуть оккупанты только медресе — высшее духовное училище при главной мечети. Перестало существовать большинство «школ грамотности» по всей

Боснии. В освобожденных помещениях разместились казармы, госпитали, склады, канцелярии²⁰. Одновременно новая власть сразу же, буквально с первых же шагов четко обозначила свои конфессионально-языковые пристрастия. Во вновь открывшемся офицерском училище обучение велось на двух языках — немецком и хорватском. Почему именно на хорватском — толком мало кто понимал тогда²¹. Однако ввиду бурных протестов общественности власти пришлось идти на попятную и объявить о том, что «преподавание в казенных учебных заведениях будет производиться на местном языке, латинскими и кирилловскими буквами»²² (выделено мною. — *Авт.*). То, что монархия делала ставку на хорватов-католиков, однозначно подтверждается подбором учащихся: из 38 учеников первого набора было 25 католиков, 8 мусульман, 4 православных и 1 (один) иудей. В четырехклассной реальной гимназии с немецким и хорватским языком обучения обучалось 29 католиков, 14 иудеев, 11 православных и 10 мусульман. Состав учениц городского женского училища выглядел так: 28 иудеев, 3 православных, 4 мусульманки, 1 католичка²³. Следует, однако, иметь в виду, что все отмеченные особенности оккупационной политики в Боснии относятся к начальному этапу, военно-оккупационному этапу австро-венгерского владычества в Боснии. В дальнейшем, в эру Каллая в частности, она приобрела большую гибкость, осмотрительность, стабильность, в большей мере считалась со сложной этноконфессиональной спецификой страны.

Определенную роль в осуществлявшейся оккупационными властями культурно-цивилизаторской миссии, в восприятии последней местной общественностью, играла дифференцированное отношение боснийских мусульман к боснийской политике двух половин дуалистической монархии. Так и новейшая турецкая историография отмечает «большую толерантность и примерную беспристрастность в отношении мусульман Боснии мадяров, одной из двух господствующих наций австро-венгерской империи»²⁴.

Проникнувшись доверием к венграм, делегации боснийских мусульман, одна за другой, отправлялись в Пешт, чтобы изложить свои пожелания и жалобы, ища защиту у венгерского парламента. Жаловались они на «зло», причиняемое мусульманам Боснии католиками-хорватами. Австрийцы в ответ ссылались на цивилизаторскую деятельность австро-венгерской администрации, на успехи в строительстве современных школ, дорог, мостов, которые действительно имели место²⁵.

На рубеже двух веков все более отчетливо стало проявляться нарастающее недовольство оккупационным режимом различных слоев боснийского общества. Примечательно, что и мусульманская оппо-

зиция, несмотря на ее ярко выраженный, преимущественно конфессиональный характер, принимает вполне европейско-цивилизированные формы. При этом по инерции сохраняют свое значение и действенность традиционные религиозно-культурные ценности и соответствующие им цели и лозунги. В 1900-х гг. центральное место в арсенале средств общественно-политической борьбы занимают петиции и меморандумы, т. е. такие методы и средства политической борьбы, которыми широко пользовались гораздо более в организационном и политическом отношении развитые национальные движения народов Австрии и Венгрии. Своими корнями конфессионально-политическая оппозиция мусульман к австро-венгерскому режиму восходит ко времени оккупации и вооруженной борьбы против оккупантов, и явилась, в сущности, ее логическим продолжением в мирных условиях. Это обстоятельство уже само по себе, объективно придавало оппозиции национально-политический характер, делая ее двигателем и мотором национального самосознания на конфессиональной основе.

Важным моментом внедрения инновационных элементов в традиционные структуры мусульманской системы общественной организации под контролем имперской власти явилось создание в 1882—1884 гг. центральной вакуфной комиссии — *Zemaljska vakufska komisija*. Комиссию возглавлял президент, назначаемый императором-королем, а окружные комиссии — шариатские судьи. Устав шариатских судов, их компетенция и персональный состав утверждался властями, что говорило в пользу гибкости режима, сумевшего как-то совместить римское право с мусульманским правом и адатом.

Таким образом, произошло дальнейшее сращивание религиозных институтов с учреждениями социального и делового назначения. Централизацией излишков доходов и модернизацией финансовой деятельности 622 вакуфов с помощью земельного правительства и общего Министерства финансов уже к концу 1880-х гг. удалось упрочить материальную базу вакуфов и создать солидный земельный фонд. В 1905 г. в стране функционировало уже 955 вакуфов, а общее состояние их еще в конце XIX в. оценивалось в кругленькую сумму в 9 млн крон, приносившую ежегодный доход свыше полумиллиона крон²⁶.

О таких доходах и капиталах две другие соперничавшие с исламом церкви и мечтать не могли в то время. Общая сумма капиталов даже преуспевавших сельских кредитных товариществ едва превышала 150 тыс. крон²⁷.

Реорганизация вакуфской системы, превратившая ее в успешно функционировавшую современную капиталистическую структуру,

сопровождалась установлением эффективного государственного контроля над управлением вакуфов и расходованием их средств. Последнее обстоятельство, однако, понравилось далеко не всем и было воспринято некоторыми кругами боснийского общества как вмешательство в чисто исламские дела. Создалась типичная и не так уж редко встречающаяся в истории ситуации, когда общество оказалось психологически неподготовленным к тому, чтобы принять прогрессивные, на его же благо направленные реформы только потому, что они исходили от людей иной веры.

Над общественным мнением мусульманской Боснии довели традиционные подозрительность и недоверие малообразованной и простодушной массы к чужеземной власти «неверных» и к ее деяниям, невзирая на то, насколько они были разумны или, наоборот, достойны хулы и осуждения. Мусульманскими предрассудками в своих корыстных корпоративных целях воспользовалась сравнительно узкая прослойка крупных землевладельцев — беги и ага, чьи экономические интересы действительно ущемлялись проводимыми австро-венгерской властью реформами. Последние ограничивали помещичий произвол в отношении кметов, ставили под вопрос право собственности бегов на леса и т. п.

Урегулирование властью архаичных аграрных отношений и некоторое улучшение полукрепостного статуса сидевших на чифтликах кметов выдавалось мусульманскими помещиками в качестве покушения на ислам и права мусульманского народа. Вот на такой «идейной» базе и образовалась так называемая «бегская партия». Исчерпывающе точную и интересную характеристику этой консервативной группировки дал проникательный правитель оккупированных провинций, общий министр финансов монархии Б. Каллай. «Эта бегская партия — писал он незадолго до своей смерти 2 февраля 1902 г., — никак не может пережить боль утраты совершенно исключительного своего привилегированного положения, которое она имела при турецком господстве, в особенности же она хотела бы вновь получить возможность творить произвол над христианскими кметами»²⁸.

21 год управлял Боснией и Герцеговиной в качестве общего министра финансов Бенямин Каллай, венгерский политический деятель, самый долголетний общий министр дуалистической монархии. В боснийскую историю годы его правления (1882–1903) вошли как «эра Каллая».

На «эру Каллая» приходится самый динамичный период многовековой боснийско-герцеговинской истории, когда значительные сдвиги произошли во всех сферах жизни провинций. Б. Каллай был

не только политиком, государственным деятелем. Он выступал и в качестве историка, писал книги по истории Балкан, был, по словам современника русского дипломата, «выдающимся знатоком балканских дел»²⁹.

Министром финансов Австро-Венгрии Каллай был назначен в начале июня 1882 г., в самый разгар уже описанного нами восстания. Поэтому начинать свою деятельность в Боснии и Герцеговине поневоле ему пришлось с пацификации восставших провинций, и только после этого заняться позитивной, созидательной работой, разумеется, с поправкой на уроки восстания. Именно уроки восстания, по-видимому, убедили министра в том, что хозяйственные вопросы, и прежде всего улучшение бедственного материального положения масс, и являются тем звеном в цепи, при помощи которого можно и должно вытащить страну из трясины, в которой она оказалась по причине господства вековой отсталости.

Каллай считал, что повышение жизненного уровня населения есть моральный долг Австро-Венгрии, взятый ею на себя по условиям Берлинского договора, и что монархия может и обязана этот долг выполнить³⁰. Помимо всего прочего, в улучшении материального положения народов Боснии и Герцеговины Каллай видел наилучшую гарантию пресечения просербских настроений в провинциях, равно как тенденций и устремлений, направленных на объединение провинций с королевством Сербия³¹.

Цель могла быть достигнута, как полагал министр, созданием в Боснии современной фабрично-заводской промышленности. Стратегически верно были определены им конкретные пути и средства модернизации провинций с упором на развитие добывающих отраслей промышленности, развитие сети железных дорог, переработки местных сырьевых ресурсов — леса и залежей железной руды. Полному успеху программы имперского министра препятствовали отсталые аграрные отношения (и в первую очередь нерешенность вопроса о выкупе кметов), скудость источников финансирования, а также острая конкуренция между Венгрией и Австрией за утверждение своего влияния в провинциях³².

Тем не менее, а может благодаря соперничеству обеих метрополий, министру удавалось «выбивать» кредиты в Вене и Будапеште и частично решить проблему финансирования за счет внутренних ресурсов провинций, и значительно продвинуться в реализации своих планов. Обильные денежные вливания венских и пештских банков позволили в короткие сроки создать в Боснии металлургическая промышленность, которая смогла составить конкуренцию венгерской металлургии, а деревообрабатывающая отрасль — авст-

рийской лесной промышленности. Да так успешно, что скоро австрийские фабриканты-деревообрабочники заговорили о «боснийской угрозе» своему бизнесу. Самым большим достижением «эры Каллая» в экономической сфере явилось создание современной сети железных дорог, телефонной и телеграфной связи и кредитно-банковской системы. До оккупации провинция имела всего одну железнодорожную линию длиной в 194 км, построенную, кстати, на деньги и по инициативе одного австрийского финансиста. К началу войны было возведено 1391 км!³³ Так что новой Югославии, получившей в наследство от ненавистных оккупантов готовую инфраструктуру, не пришлось ломать голову над поисками ресурсов для создания железнодорожной сети. Разумеется, военно-стратегические соображения играли при этом не последнюю роль. Но в целом план индустриализации Каллая был ориентирован на решение экономической задачи освоения природных богатств страны³⁴. За время австро-венгерского управления в стране было основано по данным югославской статистики 1941 г. 138 промышленных предприятий, в которых было занято почти 52 тыс. человек³⁵. Целью создания новых рабочих мест для городской бедноты империя поощряла традиционное ковроткачество, производство табачных изделий, ряд других отраслей. Тем не менее индустриализация была односторонней и недостаточной для абсорбции избыточной рабочей силы. Недостаточной была и инвестиционная активность имперских центров. Но самым главным недостатком австро-венгерской политики, ее ахиллесовой пятой являлась нерешенность проблемы освобождения кметов.

Впечатляющие успехи были достигнуты в развитии боснийских городов и их благоустройстве, в качественном улучшении санитарно-гигиенических условий. Водопровод получили 26 городов Боснии и Герцеговины; в Сараево трамвай появился на четыре года раньше, чем в имперской столице Вене.

Результатом индустриализации и урбанизации явились радикальные изменения в социальном и этническом составе городского населения: города европеизировались, теряя свой восточный колорит, разрушался не только старинный безмятежный, спокойно-медлительный уклад жизни; быстро разрушались условия существования старинных ремесел, которыми так славились Мостар, Травник, Сараево. Высокохудожественные изделия боснийских мастеров из кожи, меди, железа, дерева — ножи, кинжалы, сабли, обувь и т. д. — вытеснялись с рынка незатейливыми, зачастую примитивными, но зато намного более дешевыми поделками заводов и фабрик Австрии, Чехии и Венгрии. Массовое производство, как и повсюду, побивало индивидуальное мастерство. Конкуренция больно задела интересы

мусульман в первую очередь, так как именно они доминировали в городском ремесле. В меньшей мере от нее пострадали сербы, которые были заняты не в ремесле, а преимущественно в торговле, менее подверженной давлению извне³⁶.

Упадок мусульманского ремесла, отток мусульман в результате эмиграции в Османскую империю, а также иммиграция из Австрии и Венгрии в Боснию и Герцеговину немцев, чехов, евреев, мадьяр, итальянцев, поляков, русин и т. д. вызвали резкие сдвиги в этно-конфессиональной структуре городского населения. Вследствие указанных процессов доля мусульман в городском населении обеих провинций, составлявшая в 1879 г. около 70 %, упала до 50, 76 % в 1910 г.³⁷ За этот же период времени доля мусульман во всем населении Боснии и Герцеговины в целом снизилась с 36,88 % до 32,25 %³⁸. В абсолютных цифрах картина выглядела иначе: за несколько десятилетий естественный прирост мусульманского населения превысил сто тысяч человек, благодаря чему численность мусульман в стране в начале XX в. перевалила за 600 тыс.

Относительное уменьшение удельного веса мусульманского населения в демографической структуре страны в целом и городов в частности, не сопровождалось падением их социального престижа и влияния. Смена режима и утверждение австро-венгерского господства нисколько не поколебало мусульманскую гегемонию в городском самоуправлении. Как и в османские времена, мусульмане продолжали удерживать в своих руках большинство постов бургомистров Боснии и Герцеговины. По данным на 1906 г. из 61 населенного пункта, официально имевшего статус города, в 55 из них магистраты возглавлялись бургомистрами-мусульманами, в 4-х — римскими католиками и лишь в двух православными сербами³⁹. Сербам и хорватам оставалось довольствоваться постами вице-бургомистров. Мусульман среди последних было всего десять.

Такое положение вещей объяснялось не только численным перевесом мусульман, но также и более высоким их имущественным статусом. Введенная в 1906 г. австро-венгерская избирательная система, отдававшая предпочтение состоятельным подданным с высокими доходами, закрепила преимущество мусульман в качестве избирателей и избираемых, т. е. как в отношении пассивного избирательного права, так и активного.

Страной управляли, однако, не вице-бургомистры и даже не бургомистры, а государственный аппарат и армия австрийских и венгерских чиновников, заполонивших провинции после 1878 г. Последнее обстоятельство сыграло, как мы увидим ниже, немаловажную роль в усилении национального самосознания каждого из трех наро-

дов, а также в их взаимоотношениях друг с другом. Оккупационная власть по стародавней имперской традиции возлагала большие надежды на образцово организованное и вышколенное, а главное — национально индифферентное чиновничество в осуществлении собственной цивилизаторской миссии на Балканах. Уже в 1885 г. государственных чиновников в Боснии было свыше 2-х тысяч — из них местных жителей всего 70. К началу Первой мировой войны численность бюрократического аппарата достигла 14 тыс.⁴⁰.

Причину стремительного роста государственного аппарата надо искать в специфике положения провинций в составе дуалистической монархии, а также и особенностях венской политики в провинциях. Нерешенность статуса провинций, разгоравшееся с каждым годом соперничество между двумя государствами империи, соперничество, которое в итоге сделало невозможной интеграцию провинций ни в одной из двух половин монархии. Существенным препятствием на пути интеграционных стремлений было сохранение султанского суверенитета над провинциями. Помимо многостороннего Берлинского договора он дополнительно был закреплен двусторонним международным договором — так называемой Енипазарской конвенцией («*Yeni-pazar-Konvention*»), заключенной в апреле 1879 г. между Османской империей и Австро-Венгрией. В ней помимо официального признания Боснии и Герцеговины как части Османской империи и временного характера оккупации провинций Австро-Венгерской монархией, особо оговаривались права султана-халифа в качестве верховного духовного главы мусульман-суннитов, а также права боснийских мусульман и исламской религии, равно как обязательства по отношению к ним оккупирующей державы.

Конвенция гарантировала постоянное, пусть символическое присутствие бывшей метрополии в Боснии и Герцеговине тем, что подтвердила права мусульман вывешивать османские флаги на многочисленных минаретах и упоминать султана в публичных молитвах (по меньшей мере в каждую пятницу). В толковании положения о султанской молитве между мусульманами и австро-венгерской властью позднее возникли серьезные расхождения. Правительство, не скрывавшее своего ревнивого отношения к формальным проявлениям османского суверенитета над провинциями, настаивало на том, что мусульмане были вправе упоминать султана, но называя его при этом по имени! И из-за этого крючкотворства в Боснии не раз возникали конфликтные ситуации. Военные и гражданские власти согласно статье второй конвенции должны были «с величайшей заботливостью следить за тем, чтобы каким-либо образом не был нанесен ущерб чести, достоинству, обычаям мусульман, равно как их ре-

лигиозной свободе, свободе личности и личной собственности». Любое покушение на перечисленные права мусульман должно было строжайшим образом наказываться⁴¹.

Все это вместе взятое способствовало укреплению обособленности провинций, их относительной независимости от обеих половин Австро-Венгрии. В свою очередь тенденция к централизации вела к резкому возрастанию роли местного провинциального бюрократического аппарата в общественной и политической жизни Боснии и Герцеговины. К тому же отнюдь не безоблачными были отношения между венским общим Министерством финансов, лично между министром и главой правительства Боснии. Местную элиту всех трех конфессий засилье чужеземного чиновничества, естественно, раздражало тем больше, чем больше становилось число чиновников и расширялась их компетенция, а заодно также воображаемые, мнимые или реальные возможности вторжения «чужаков» во внутреннюю жизнь боснийского общества.

Неудивительно поэтому, что в 1900-х гг. борьба против пришельцев, которых с оттенком презрения и упорно называли, вернее, обзывали «швабами» (в том числе и чехов), а то и похлеще — «куфераши» («мешочниками») и «дошляками», — стала одной из центральных проблем политической жизни. Карьера имперского чиновника была престижна, высоко оплачиваема и гарантирована от случайностей. Хорошая пенсия обеспечивала государственному служащему и его семье безбедное существование и после выхода в отставку. Сербь, мусульмане и, в меньшей мере, хорваты, которых больше прельщала хозяйственная деятельность, стали энергично добиваться чиновничьих мест в австро-венгерской вертикали исполнительной власти.

Назначение чиновниками местных жителей с последних десятилетий XIX в. стало все чаще фигурировать в жалобах, петициях и меморандумах сербов и мусульман, направлявшихся общественными организациями в различные инстанции, вплоть до Блистательной Порты. Так, в меморандуме боснийских мусульман, врученном султанскому правительству в 1894 г., содержалась жалоба не только на дискриминацию местных мусульман, но даже оспаривалось право австро-венгерских властей увольнять османских чиновников. Авторы меморандума при этом ссылались на Енипазарскую конвенцию, подписанную Австро-Венгрией и Османской империей в 1879 г., квалифицируя подобные действия как прямое нарушение конвенции. Интересно, что на эту же конвенцию неоднократно ссылались также и сербские политические деятели Боснии, выступая с требованием расширения представительства местных этнических групп в бюрократическом аппарате⁴².

Их усилия не пропали даром. В предвоенные годы (в 1905—1914 гг.) число чиновников из аборигенов почти удвоилось. Сербам, благодаря более высокому образовательному уровню, успех сопутствовал больше, чем мусульманам. Но мусульманам также удалось значительно улучшить свои позиции в государственном аппарате. В современной литературе успех мусульман на этом поприще расценивается как «признак прогресса процесса модернизации мусульманского городского населения» и формирования национальной буржуазии⁴³.

Прямое отношение к указанным процессам имело создание на рубеже веков материальной базы современных средств информации. При османах Босния располагала всего четырьмя типографиями, в 1910 г. их было уже 25. Резко возросло количество периодических изданий: в 1905 г. выходило 19 названий наименований газет и журналов (14 из них в Сараево), против четырех в 1878 г. Почти все газеты, за исключением одной — официоза «Sarajevski List», печатавшегося на двух языках, немецком и местном, издавались на сербско-хорватском. Преобладал латинский шрифт, но в достаточной мере учитывались вкусы и привычки православно-сербской читающей публики: 6 газет набирались на кириллице, 7 на латинице и 8 на обоих шрифтах⁴⁴. Для страны, где читать и писать умели даже в 1910 г. всего около 14 % населения (у мусульман — менее 6 %!)⁴⁵, это было немало⁴⁶. К тому же общественно-активная часть боснийцев была достаточно сильно политизирована. Указанное обстоятельство имеет прямое отношение к интересующему нас сюжету, ибо в центре внимания боснийской общественности стояли, разумеется, не глобальные вопросы мироздания и международных отношений, а местные, сугубо локальные национально-конфессиональные проблемы. Показательно в этом отношении, что по уровню популярности среди боснийских читателей почетное второе место занимали политические издания (5421 абонент⁴⁷), уступая по числу абонентов лишь периодическим изданиям развлекательного, литературно-художественного и дидактического жанра (содержания), у которых подписчиков было всего на 200 больше.

Вокруг газет и журналов сплачивались национально-политические силы боснийцев. Выходивший с 1906 г. в Сараево журнал «Мусават» («Равенство») стал органом Мусульманской народной организации — первой в Боснии и Герцеговине политической партии. Журнал «Zemalj» («Время») с 1911 г. представлял Объединенные мусульманские организации. Целеустремленно пропагандировали идеи культурного обновления газеты «Бошняк» (1891—1910) и «Бехар» («Весна», 1900—1911), журнал «Бисер» (1912—1914), культурно-про-

светительное объединение «Гайрет» («Мужество», 1903—)⁴⁸. Они ориентировали своих читателей и сторонников на восприятие европейской образованности и культурных ценностей, не отказываясь при этом от собственных мусульманских традиций и образа жизни.

Появление на арене общественной жизни в начале XX в. периодических общественно-политических изданий свидетельствовало об оживлении национально-политической жизни всех трех общин, в том числе мусульман. По крайней мере, на уровне общественного сознания. Исследователь вопроса Айдын Бабуна квалифицирует описанные нами явления как «новую попытку конституирования нации, которая происходила уже при австро-венгерской власти»⁴⁹. Именно в этот период национальная идея у боснийских мусульман обрела некоторую самостоятельность, не отрываясь, однако, от своей деноминационной первоосновы. Сохранив свои корневые генетические связи с исламом, национальная идея и национализм перестали быть отныне понятиями, всецело отождествляемыми с конфессией.

«С поворотом 1903 г. (имеется в виду переход Сербии после убийства короля Милана от тесных связей с Австро-Венгрией к резко враждебной к последней политике. — *Авт.*) и образованием политических партий национальный вопрос в мусульманской прессе стал обсуждаться отдельно; правда, мы подходим к нему немного по-другому, чем в Европе, так как для нас религиозный вопрос и религиозные чувства играют главную роль»⁵⁰. Так охарактеризовал складывавшуюся в начале 1900-х гг. новую парадигму этничности и религиозности боснийских мусульман орган Мусульманской народной партии «Мусават». Мусульманин-босниец, оторванный вследствие австро-венгерской оккупации от большой религиозной общности Османской империи, вынужден был, по образному выражению Фердо Хауптманна, «пуститься в поиски нации»⁵¹.

На исходе XIX в. в связке этничность — конфессия наблюдалось постепенное перемещение центра тяжести с религиозных моментов на национальные. Почти до самого конца 1890-х гг. национально-политически ангажированную часть боснийско-мусульманского общества продолжали волновать преимущественно проблемы, связанные с церковными делами, с положением ислама в оккупированной христианами Боснии. В 1895 г. мусульмане Травника сначала протестовали против католическо-хорватской пропаганды в городской гимназии, а в конце 1896 г. группа почтенных граждан Сараево вручила муфтию целый ряд требований, в числе которых были: строгое соблюдение исламских догм в городской гимназии и в школах для девочек, расширенное применение османской письменности и языка в реальных училищах («рушди») и педагогических училищах и ряд других⁵².

Рубежом, обозначившим эволюцию этноконфессионального самознания в национальное самосознание, стал 1899 г., когда в масштабах всей страны развернулось организованное движение за культурно-религиозную автономию. Но любопытно, что поводом и к этому чисто светскому, политическому оппозиционному движению послужил незначительный в общем-то инцидент сугубо религиозного характера. Он случился в одной деревне недалеко от Мостара, где была похищена, якобы, и обращена в христианство девушка-мусульманка. Неважно, что историку Мухаммеду Хаджияхичу спустя четыре десятилетия удалось неопровержимо установить, что Фата Оманович, как звали оную девицу, сама, по собственной доброй воле, из-за семейных неурядиц покинула отчий дом и добровольно, без всякого принуждения приняла христианство⁵³.

Не важно было, что ажиотаж, поднятый вокруг мнимой угрозы обращения мусульман в христианство, не имел под самой никакой реальной почвы, и это легко подтверждается статистикой. Статистика же свидетельствует о том, что в течение двадцати лет, с 1879 по 1899 г. во всей Боснии поменяло религию 144 человека, причем из православной церкви вышло 29 человек (перешло в православие 58), из мусульманской — 32 (перешло 29), из католической, соответственно 79 и 46 человек⁵⁴. Из приведенных цифр следует, что нетто потери ислама в последние два десятилетия XIX в. составили скромную цифру — всего 3, в то время как католицизм, протектируемый государственной властью, понес наибольшие потери.

Таким образом, ни о каком массовом отказе от мусульманства, ни о какой, следовательно, угрозе позициям ислама в Боснии не могло быть и речи. Важен был общественный резонанс, который имел место в наэлектризованной конфессионально-национальными страстями атмосфере, легко превращающей любой вздорный слух в сенсацию государственного масштаба. Именно по этой причине случай с Фатой вызвал сильнейшее возбуждение во всей мусульманской Боснии, положив начало оппозиционному политическому движению национального масштаба.

Движение протеста возглавил влиятельный и энергичный муфтий Мостара Али Фахми-эффенди Джабич, который был избран руководителем комитета действия. Меньше чем за год, с февраля по декабрь 1900 г., «мусульмане сумели организовать политическое движение в масштабах всей страны, создать политическую структуру, которой предстояло сыграть значительную роль в последующие 40 лет»⁵⁵.

Правительству пришлось идти на попятную, искать компромисс с движением мусульман. В декабре 1900 г. в Сараево приехал сам Каллай и принял делегацию комитета во главе с Джабичем. Ему был

вручен меморандум, первый программный документ национального движения боснийских мусульман, и проект устава Боснии и Герцеговины. Меморандум, полагает исследователь, «был ясным признаком политизации мусульманской этничности»⁵⁶. Суть обоих документов (меморандума и устава) сводилась к требованию предоставления стране автономного статуса. Но в документах содержались теоретические положения, важные с точки зрения теории и идеологии движения мусульман. В них неоднократно применялся термин «исламский народ» и «исламская нация» («islamski millet»), но неизменно в тесной связи с мусульманской религией⁵⁷.

Меморандум содержал целый ряд специфических религиозных требований и жалоб. На одну из последних стоит обратить особое внимание. В меморандуме указывалось, что земельное правительство «оказывает меньше влияния на католические элементы, в то время как ислам и православие, исповедуемые большинством населения, находятся под строгим контролем, что создает привилегированное положение для католической религии, которая является одновременно религией и самого правительства, вследствие чего возникает несправедливая ситуация»⁵⁸. Приведенный отрывок ясно указывает на наступившее сближение между национальными движениями сербов и мусульман. Он также свидетельствует об определенном успехе усилий сербских политических лидеров наладить сотрудничество двух народов в борьбе за автономию Боснии и Герцеговины⁵⁹.

Со ссылкой на статью вторую Енипазарской конвенции от 21 апреля 1879 г. авторы меморандума требовали беспрепятственной реализации полной свободы религии для мусульман, а также права на свободное общение с верховными церковными инстанциями мусульман в Стамбуле. Целый ряд положений меморандума относительно языка и шрифта указывал на стремление тесно увязать этничность с конфессией, инновации с традиционализмом, архаичность с веяниями современности. Так, мусульманско-боснийский национализм нового образца горячо ратовал за расширенное применение в общественной жизни «османского языка», под которым подразумевался живой язык, которым они пользовались — язык с арабским шрифтом и славянским содержанием⁶⁰.

Каллай был готов идти на существенные уступки в школьных делах, в вопросах управления вакуфами, но решительно отказался допустить образование автономной национально-политической административной единицы мусульман, т. е. «политического фактора, равнозначного государству в государстве», министр был полон решимости «избегать всего того, что могло бы привести к созданию политической мусульманской нации, „Narod“»⁶¹. Каллай решительно

противился этим устремлениям и потому, что они шли вразрез с его собственным представлением о будущем Боснии и Герцеговины, о путях развития народов страны. В течение всей своей двадцатилетней деятельности Каллай руководствовался идеей создания единой боснийской политической нации трех населявших страну народов.

Начавшиеся в 1900 г. трудные переговоры продолжались в течение всего 1901 г., но ощутимых результатов не дали. В январе 1902 г. Джабич с группой своих сторонников отправился в Стамбул, чтобы заручиться поддержкой правительства Османской империи. Лидер боснийской оппозиции при этом исходил из того, что ухудшение отношений между Россией и Австро-Венгрией создает более благоприятную почву для оказания давления на монархию Габсбургов⁶².

Переговоры с Каллаем по проекту устава мусульманской автономии потерпели неудачу; не удалось осуществить и более масштабную концепцию «боснийской нации» Беньямина Каллая, самого «далекосмотрящего» и «концептуального» государственного деятеля Австро-Венгерской монархии на Балканах. Очевидно, что Каллай искренно и честно стремился к сотрудничеству с мусульманами, хотя бы для того, чтобы предотвратить создание устойчивого союза национальных движений двух ведущих народов Боснии и Герцеговины — сербов и мусульман. Его политика в отношении мусульман, как полагает знаток боснийской истории Смаил Балич, была действительно «великодушна и благоприятна для мусульман»⁶³.

Однако воодушевленная национальной идеей оппозиция добивалась по меньшей мере культурно-национальной автономии и была близка к тому, чтобы преступить границы самой же ею провозглашенной лояльности. В 1902 г. она рискнула направить в Стамбул представительную делегацию во главе с Джабичем. От имени султана депутация официально была приглашена во дворец Йылдыз-Киоск. Узнав об этом, Каллай немедленно распорядился установить через дипломатические органы и агентурным путем тщательное наблюдение за действиями делегации. Благодаря этому в Венском архиве отложились некоторое количество документов, дающих представление о характере и результатах дипломатической акции боснийско-мусульманской оппозиции⁶⁴. Турки, конечно, не могли упустить такого случая, чтобы отказать себе в удовольствии досадить Вене и заодно добиться от нее определенных уступок в свою пользу, расширить свое влияние на конфессионально-политическую жизнь мусульман Боснии и Герцеговины, на фактическую институционализацию вмешательства стамбульского шейх-уль-ислама на назначение должностных лиц мусульманской церкви в провинциях.

Поощряя боснийскую оппозицию, Стамбул, однако, не собирался довести дело до открытой ссоры с империей Габсбургов, в которой он нуждался в качестве противовеса могущественной Российской империи, а также Сербии с Черногорией. Когда делегация приняла попытку заручиться поддержкой Порты в приобретении «автономного самоуправления под протекторатом султана», то она получила ясный и однозначный ответ личного представителя султана Эджем-паши: «При существующих условиях вмешательство султана в управление оккупированными странами было бы неуместно...». В заключение турок указал на то, что ослабление Австро-Венгрии в результате «введения автономии под султанским протекторатом, в силу численного превосходства сербско-ортодоксального населения, приведет к включению страны в состав будущей Великой Сербии»⁶⁵.

Угрожавшие стабильности провинций и самой империи тенденции нашли дальнейшее развитие и углубление после аннексии их в 1908 г.

Аннексия, как известно, сделала невозможным какое-либо компромиссное решение сербского национального вопроса в рамках монархии. Резко усилилась поощряемая правительством в Белграде подрывная деятельность легальных и полунелегальных сербских организаций на территории Австрии, Венгрии и, в особенности, Боснии и Герцеговины. Сбылось предсказание российского посла в Вене о трудностях, ожидающих Австро-Венгрию в оккупированных провинциях, который указывал на неизбежность «подстрекательства агентов Сербии»⁶⁶. Хорошо понимая угрозу внутренней стабильности монархии, исходившую от южного соседа, австро-венгерские секретные службы внимательно следили за деятельностью легальных и полунелегальных террористических сообществ сербов королевства в предвоенные годы⁶⁷.

Нарастающее воздействие открыто враждебного империи Габсбургов внешнеполитического курса Белграда, также как влияние неуклонно радикализировавшегося в 1908–1914 гг. национального движения сербов Австрии и Венгрии на сербский народ Боснии и Герцеговины, мотивировали столь же последовательно стремление правящих кругов дуалистической империи покровительствовать национально-конфессиональному сплочению боснийско-мусульманского народа Боснии и Герцеговины с тем, чтобы создать в его лице сильный противовес сербско-православному элементу.

Таким образом, не будет преувеличением тезис о том, что в австро-венгерский период истории Боснии и Герцеговины произошел резкий скачок в становлении и развитии этнонационального сознания боснийских мусульман. Хотя оно, вероятно, не достигло той степени зрелости и организованности, что характеризовали сербскую

и хорватскую общины Боснии и Герцеговины, имевшие перед мусульманами преимущество в уровне социально-экономического и культурного развития европейской модели.

В буржуазно-либеральных условиях Австро-Венгерской монархии сербы и хорваты сумели быстрее и органичнее вписаться в процесс модернизации общества, нежели их мусульманские соплеменники, создать широкую сеть просветительских и образовательных учреждений и политических организаций, работавших так или иначе на национальную идею — сербскую и хорватскую. Кроме всего этого, национальная идея прямо или косвенно поддерживалась за пределами Боснии и Герцеговины по церковной линии наличием независимых государственных образований в лице Сербии и Черногории и, в определенной мере, также Хорватии-Славонии, — автономного образования в составе королевства Венгрии.

Очень точно и исчерпывающе полно очерчены роль и место православной церкви в общественно-политической жизни сербов Османской империи в одном из новейших исследований В. М. Хевролиной. «Православная церковь в славянских землях Османской империи, — говорится в нем, — выполняла важнейшую политико-пропагандистскую и культурно-образовательную миссию, была фактором, во многом определявшим развитие политического и национального самосознания населения»⁶⁸.

Необходимо, вместе с тем, иметь в виду, что масштабность, глубину и размах общественных, точнее национально-политических функций ортодоксия приобрела после того, как Босния и Герцеговина, выйдя из состава исламского теократического государства, каковым халифат продолжал оставаться и после реформ Мидхата-паши, оказались под властью христианской династии Габсбургов, исторически имевшей не меньше оснований считать себя покровительницей христианской веры на Балканах, чем дом Романовых.

Попытки обрести влияние на боснийскую православную церковь предпринимались монархией еще задолго до завоевания османских провинций. Так, в 1853 г. специально для боснийцев и черногорцев внешнеполитическое ведомство империи открыло вакансии в далматинской духовной школе в г. Зара (Задар). Четыре года спустя школы по подготовке православного духовенства были открыты в самой Боснии и Герцеговине — в городах Сараево и Зворник. А несколько позже также и городе Баня Лука. Католическая держава оказывала покровительство не только единоверцам-католикам вне пределов своих границ, но и своим собственным православным подданным⁶⁹. Австрийская же казна в первой половине 70-х гг. XIX в. начала субсидировать реставрацию православных храмов в Сараево⁷⁰.

И в этом плане Австрия имела давнюю и освященную силой законов и императорских дипломов традицию.

После оккупации Боснии и Герцеговины в правовом отношении положение ортодоксии осталось прежним. Сохранилось подчинение трех ее епархий — мостарской, зворникской и сараевской — от константинопольского патриархата, что имело весьма негативные последствия.

Енипазарская конвенция, заключенная между Портой и монархией 1879 г., закрепила за Стамбулом верховную духовную власть не только над боснийскими мусульманами, но над православным населением провинций. Православная церковь осталась в подчинении константинопольского патриарха, которым распоряжались греки-фанариоты и эллинизированные болгары, обращение которых с сербами-ортодоксами было, мягко говоря, не совсем корректным. Выпавшие на долю сербов унижения, оскорбительные всякого рода стеснения, вплоть до вымогательств денег и прочих материальных благ, ярко описаны В. М. Хевролиной⁷¹.

Подспудно, однако, во взаимоотношениях православной митрополии и светской власти произошли существенные перемены. Они касались всего балканского православия, которое начиная с 1830-х гг. стремительно теряло свой универсализм. С обретением Грецией независимости в 1833 г. процесс «национализации» ортодоксии на Балканах приобрел необратимый характер. А в 1870–1872 гг. последовало учреждение Болгарского экзархата.

Перед властями империи Габсбургов встала задача определения места православных епархий обеих провинций в церковной иерархии ортодоксии. Самым простым, логичным, а также желанным для многих верующих казалось присоединение к могущественному Карловацкому патриархату.

Белград и Санкт-Петербург, однако, настаивали на автономии православной церкви в Боснии и Герцеговине, отдавая предпочтение далекому Константинополю перед близким Карловацем, присоединение к которому должно было неминуемо привести к усилению влияния империи и в церковно-духовной сфере. Габсбургам пришлось в этом вопросе уступить, оговорив себе лишь право предварительной санкции на назначение митрополитов. После длительных переговоров и согласований в марте 1880 г. родился конкордат (соглашение) между империей и патриархатом, формально подтвердивший иерархический старый порядок вещей, гарантировавший боснийской православной церкви достаточно широкую автономию⁷².

Пользуясь этой автономией, православная церковь сумела за сравнительно короткий срок, последовавший за конкордатом, значитель-

но развить свою инфраструктуру. Так, в 1901 г. была основана новая, четвертая по счету епархия, а также высшая судебная инстанция по церковным делам. Целых четыре митрополии на 800 тысяч верующих православных обеих провинций было не так уж плохо. Для ведения епархиальных дел в Сараево и Мостаре были учреждены консистории, которые финансировались за счет австро-венгерской казны, так же как теологическое учебное заведение в Сараево с интернатом и полным материальным обеспечением на 50 послушников. Только за двадцать лет оккупационного режима (1878—1898 гг.) земельное правительство потратило 2,5 млн флоринов на строительство и реставрацию более двухсот православных церквей и монастырей⁷³.

В первые годы XX в., однако, боснийско-православная община стала добиваться расширения сербской церковной автономии до уровня самоуправления, которым пользовались сербы королевства Венгрии, закрепления за боснийскими сербами формулы о «сербско-ортодоксальной национальности». Естественно, что не только правительство Венгрии, но и австрийский кабинет, также как и венский двор, категорически отвергли эти домогательства. Не желали они признавать боснийских сербов частью сербской нации. Путь к этому признанию был закрыт, собственно говоря, отказом самой ортодоксальной общины перейти под руку патриарха Карловацкого, что распространением на них прав и привилегий сербской ортодоксии Венгрии автоматически снимало всю проблему. Потерпело неудачу православное духовенство также в своей попытке монополизировать школьное дело сербов в Боснии и Герцеговине. В своем ответе на эту просьбу австро-венгерские чиновники из общего Министерства финансов не без ехидства заметили, что «веление времени заключается в том, чтобы отобрать у церкви школы и передавать их государству, а не общинам»⁷⁴. И патриархату в Константинополе, и боснийским митрополитам пришлось проглотить пилюлю и признать несовместимость расширения светских компетенций церкви с ее каноническими установлениями. В результате к 1905 г. удалось согласовать и с санкции константинопольского патриархата утвердить Организационный статут православной церкви сербов Боснии и Герцеговины, который и формально допускал вмешательство светских властей в дела церковные⁷⁵.

Утверждение австро-венгерскими властями Автономного сербского статуса открыло новую фазу в национальном движении боснийских сербов. Спустя два года после этого, а именно в 1907 г. у них появилась своя политическая партия — «Српска народна организација»⁷⁶. Аннексия страны в 1908 г. привела к дальнейшей радикализации сербского национального движения. Возникла экстремистская

«Млада Босна», сыгравшая роковую роль в сараевском убийстве и, в конечном счете, и в развязывании Первой мировой войны ⁷⁷.

Вслед за тем, в 1907–1908 гг. была основана также первая политическая партия хорватов в Боснии и Герцеговине — «Хрватска народна заедница» (Хорватская национальная общность). Однако поскольку католический клир во главе с епископом Сараевским Штадлером претендовал на то, чтобы быть единственным не только духовным пастырем, но и политическим представителем хорватов в Боснии, то он считал необходимым создать собственную чисто клерикальную партию, назвав ее «Хрватска католическа удруга» ⁷⁸.

Лишь социал-демократическая партия Боснии и Герцеговины, возникшая в 1906–1909 гг., строилась не на конфессионально-национальной основе, а на принципах интернационализма. В ее организациях насчитывалось 2030 хорватов, 1619 сербов и 737 мусульман ⁷⁹. Религиозный критерий в качестве принципиальной основы политического движения отрицала и партия Хорватской национальной общности, которая отрицала отождествление хорватской национальности с католицизмом, ратуя за создание «интерконфессиональной хорватской национальности» ⁸⁰.

Рост политической активности трех боснийских этносов и их общественно-политических организаций, равно как сама логика официального упразднения османского суверенитета над провинциями из-за опасения распространения на них младотурецкой конституции, вынудили имперские власти искать выхода из боснийского тупика на почве конституционности и парламентаризма. В феврале 1910 г. Босния и Герцеговина получили квазиконституцию и собственный законодательный орган — сабор (ландтаг), формируемый в основном, за исключением пожизненно назначаемых членов (вирилистов), из депутатов, избираемых этноконфессиональными общностями ⁸¹.

Численное соотношение, а также, соответственно, общественно-политический удельный вес и влияние трех этносов в период оккупации и аннексии существенно не менялись. Незначительные сдвиги, хотя и были, но они имели постоянную тенденцию к росту в пользу христианского населения, в особенности сербско-православного. Но не в таких пропорциях, как это представлено в нашей литературе со ссылкой на известного боснийского историка Тепича — соотношение 45 % православные сербы против 35 % мусульман явно завышено в пользу первых ⁸². Австро-венгерская статистика — кстати, не самая худшая в Европе и вполне достоверная — по результатам 4-х цензов дает следующую картину динамики движения населения Боснии и Герцеговины по конфессиональному принципу в абсолютных цифрах и в процентах ⁸³:

Ортодоксы,	1879 г. — 496485 (42,8 %); 1885 г. — 571250 (42,7 %); 1895 г. — 673246 (43 %); 1910 г. — 825418 (43,5 %)
Мусульмане,	1879 — 448613 (38,7 %); 1885 — 492710 (36,8 %); 1895 — 548632 (35 %); 1910 — 612137 (32,2 %)
Католики,	1879 — 219391 (18,08 %); 1885 — 265788 (20 %); 1895 — 334142 (21,3 %); 1910 — 434061 (22,8 %)
Другие,	1879 — 3675 (0,31 %); 1885 — 6343 (0,47 %); 1895 — 12072 (0,76 %); 1910 — 26428 (1,39 %)

Общая и основная тенденция абсолютного и относительного роста христианского населения при одновременном уменьшении доли мусульманского элемента объясняется главным образом сокращением естественного прироста у последних, а также характером миграционных движений. Добавим к сказанному более благоприятные социально-экономические условия, а также и более комфортный для католиков и православных психологический климат христианской империи.

Сравнительному благополучию ортодоксии и успеху православного дела объективно способствовала сложность взаимоотношений между двумя половинами двуединой империи, их заметное соперничество в боснийских делах и, не в последнюю очередь, личные политические пристрастия причастных к управлению провинциями государственных деятелей Австрии и Венгрии, австрийских и венгерских чиновников. Существовал определенный раздел полномочий. Исполнительную власть в Боснии возглавлял военный, как правило, австрийский генерал. Ответственность за общее руководство боснийскими делами и боснийской политикой была возложена на общего министра финансов, обычно представителя Венгрии. Отношения между венгерским министром и австрийским генералом, фактически генерал-губернатором, никогда особой сердечностью не отличались ни до, ни после аннексии. И это отчетливо проявилось в ходе Боснийского аннексионистского кризиса 1908–1909 гг.

Указом императора-короля Франца-Иосифа I от 5 октября 1908 г. бывшие османские провинции Босния и Герцеговина были объявлены неотъемлемой частью территории Австро-Венгрии. Начался новый этап не только и не столько в жизни провинций, сколько в развитии европейской политики. Внезапно по незначительному, в сущности, поводу мир оказался на волоске от большой европейской войны, к которой ни Австро-Венгрия, ни тем более Россия еще не были готовы.

Из острейшего международного кризиса, поставившего Европу на грань военного конфликта, монархия вышла, на первый взгляд, победительницей. Последующие события показали, однако, что мнимая победа была чистой иллюзией. Иллюзорной было само признание Европой факта формальной аннексии. Она не приобрела ни вершка земли. Более того, она была вынуждена покинуть стратегически важный Санджак, с которым был связан амбициозный проект строительства железнодорожной линии к Салоникам. Никаких новых дополнительных прав не получили Вена и Будапешт и в отношении управления провинциями. Австро-Венгрия и до аннексии беспрепятственно хозяйничала в Боснии, и ни одна из подписавших Берлинскую конвенцию держав, включая Россию, за все время оккупации ни разу в ее боснийские дела не вмешивалась⁸⁴. Более того, Вена вынуждена была пойти на серьезные уступки Османской империи и подписать новый договор с Портой. Согласно Протоколу от 26.II.1909 г. «Об урегулировании между Австро-Венгрией и Османской империей» дуалистическая монархия отказалась от всех своих прав на Санджак Енипазар, предусмотренных Берлинской конвенцией и договором с Портой от 21 апреля 1879 г., подтвердила свободу отправления культов мусульман, допустила упоминание в публичных молитвах имени султана-халифа. Австро-Венгрия заявила, что не будет чинить никаких препятствий связям мусульман с их верховными церковными авторитетами; было зафиксировано прямое подчинение мусульман шейх-уль-исламу в Константинополе⁸⁵. Конвенция включала положение о неприкосновенности института вакуффов. Это означало, что права вакуффов будут соблюдаться, как и раньше, а движение боснийского общества к модернизации будет по-прежнему замедленным и затруднительным. Турецкие уступки носили чисто формальный характер. Порта отказалась от всех своих претензий к Австро-Венгрии в связи с аннексией и сняла все свои возражения и по устройству провинций⁸⁶.

Вряд ли Вене пришлось бы принять столь унижительные условия договора, если бы не резкий отпор со стороны России и ее союзников односторонней акции кайзера Франца-Иосифа и вызванный аннексией острый международный кризис. Скорее всего, надо полагать, не было бы самого договора и с Портой. По установившейся с давних времен в османо-европейских отношениях традиции, Вене было бы не слишком церемониться с Высокой Портой, тем более считаться серьезно. В конечном счете, аннексия оказалась чистой авантюрой, в результате которой монархия, ничего не выиграв практически, проиграла очень многое, как в плане международном, так и внутривосточном.

Аннексия усугубила напряженность во взаимоотношениях двух половин империи тем, что вновь актуализировала вопрос о принадлежности аннексированных провинций, «пльвших в воздухе, — по образному выражению сербского депутата парламента Венгрии, — подобно гробу Мухаммеда». Будапештская пресса вновь заговорила об «исторических правах» королевства на Боснию-Герцеговину. Не осталась в долгу, естественно, и пресса венская. К полемике с обеих сторон с энтузиазмом подключились законодатели, а также министры во главе с премьерами. Козырной картой мадьяр было, помимо событий седой старины, действующее австро-венгерское соглашение 1867 г., статья 2-я которого включала текст инаугурационного диплома короля. Он гласил: «Все те части и провинции Венгрии и присоединенных к ней стран, которые уже возвращены ей (т. е. Банат и южные комитаты, находившиеся в созданной в 1849 г. имперской провинции «Сербская Воеводина и Темешварский Банат». — *Авт.*), и те, которые еще с божьей помощью должны быть ей возвращены (подразумевалась территория Военной Границы, а не Босния, о которой с 1867 г. мало кто вспоминал. — *Авт.*), в смысле коронационной клятвы реинкорпорируем в состав этой страны и присоединенных к ней стран (т. е. Хорватии-Славонии. — *Авт.*)». В 1867 г. король Франц-Иосиф торжественно и прилюдно поклялся стоять на страже территориальной целостности королевства Св. Иштвана и по возможности даже приумножать его: «Мы клянемся, что мы не позволим отчуждать и сокращать территорию Венгрии и присоединенных к ней стран, вне зависимости от того, по какому праву и под каким титулом они ей принадлежат, более того, мы клянемся, насколько это возможно, увеличивать ее и расширять ее»⁸⁷.

Австрийскую позицию, скорее умеренную, чем агрессивную, достаточно твердую в то же время, изложил от 21 февраля 1909 г. в статье «Закон об аннексии и государственном-правовом статусе Боснии и Герцеговины» известный правовед Э. Бернатцик: Берлинский договор отдал Боснию не Венгрии, а Австро-Венгрии, и обе страны признали это. Король Венгрии не имеет права односторонне решать судьбу Боснии-Герцеговины. Ученый автор напомнил своим венгерским оппонентам: согласно действующему закону об управлении Боснией от 1880 г. «...Всякое изменение отношения этих провинций к Монархии нуждается в согласовании и одобрении законодательствами обеих частей Монархии»⁸⁸.

Из-за разногласий между Венгрией и Австрией достичь консенсуса о судьбе аннексированных провинций не удалось, и неопределенное «висячее» положение Боснии в качестве аппендикса-привеска дуалистической системы сохранилось вплоть до крушения

двуетной империи. Таким образом, в плане внутривладеитическом боснийская акция графа А. Эренталя потерпела полный крах. Исчез последний шанс структурной перестройки монархии в духе планов триализма. Без Боснии-Герцеговины нечего было и думать о создании вокруг католической Хорватии третьего мощного компонента, блока в противовес Венгрии, ориентированного на Вену и преданного династической идее в духе бана Елачича. Вот какие надежды возлагали на аннексию рввавшаяся к власти влиятельная группа наследника престола Франца-Фердинанда и его «интернациональная» бельведерская клика, составленная в основном из оппозиционных к Венгрии политических деятелей славян и румын Австро-Венгрии.

Аннексия представляла тот редкий в практике международных отношений случай, когда она не была непосредственно связана с территориальной экспансией, поскольку акт захвата был совершен еще в 1878 г., причем вполне «легально» по господствовавшим тогда понятиям. Она была рассчитана в первую очередь на радикальную структурную реформу монархии, с тем чтобы вывести ее из тупика дуализма.

Между тем в самой Боснии как аннексия, так и связанные с нею планы триализации Дунайской монархии вызвали противоречивую реакцию. Реакция боснийских сербов была естественна и логична. Аннексия перечеркивала их давние надежды на воссоединение с Сербией, присоединение же провинций к Хорватии было неминуемо сопряжено с потерей того относительно благоприятного статуса и положения, которым они пользовались при дуалистической системе управления провинциями.

Боснийские сербы выступали за неограниченную автономию края, поскольку выступление под лозунгом «Великой Сербии» было бы равносильно по законам империи государственной измене. Сербь категорически возражали против любых вариантов присоединения провинций в какой-либо части империи.

Оригинальную позицию заняли лидеры боснийцев. Они воспротивились планам присоединения к Хорватии, не без оснований опасаясь чрезмерного усиления влияния католицизма. Но не возражали против присоединения Боснии к Далмации, которой управляли австрийцы. Та часть мусульман, которая примирилась с аннексией, предпочитала иметь над собой власть австрийцев, а не хорватов⁸⁹.

Но все же далматинский вариант у большинства мусульман не вызывал особого восторга. Для боснийцев-мусульман, как и сербов, оптимальным решением была бы автономия, ибо в автономной Боснии они имели бы больше шансов на реализацию своих национальных интересов, чем в провинции с подавляющим перевесом хри-

стианского населения. Автономия в глазах сербов являлась не самоцелью, а лишь промежуточным решением, оставлявшим более благоприятные шансы на присоединение к Сербии в будущем. Позиции сербов и мусульман были достаточно близки, поскольку и мусульмане предпочтению отдавали автономному статусу. Хорт Хазельштайнер, большой знаток балканских проблем, сам выходец из Воеводины, одинаково хорошо владеющий и мадьярским, и сербским языками, выражая точку зрения современной австрийской историографии, подчеркивает: «Лишь в одном полностью совпадали желания трех боснийских народов: это в единодушном нежелании присоединиться к Венгрии»⁹⁰.

Решительно не хотели включения провинций в состав Венгрии сербы, отчасти и мусульмане. Сложнее обстояло дело с хорватами: боснийские хорваты могли рассчитывать на присоединение страны к Хорватии только через Венгрию, посредством и через инкорпорации Боснии-Герцеговины в королевство Св. Иштвана. В целом же народы Боснии-Герцеговины в отличие от держав Антанты были озабочены не аннексией в первую очередь, а будущим устройством своей страны.

Босния-Герцеговина заметно спокойнее восприняла аннексионистский указ Франца-Иосифа, чем Россия и ее союзники, не говоря уже о Сербии.

Генеральный инспектор офицерских школ общей армии фельдмаршал Мориц фон Ауффенберг-Комаров, будущий военный министр Австро-Венгрии, по долгу службы часто навешавший Боснию, побывавший там в разгар аннексионистского кризиса со специальным поручением военного министра монархии, а также и начальника генштаба генерала Конрада установить подлинную картину происходящих в провинциях событий, был поражен «удивительным спокойствием», которое царило в Боснии-Герцеговине в самый разгар «Боснийского кризиса»⁹¹. От того, видимо, что в условиях жизни населения ничего ровным счетом не изменилось. К худшему, во всяком случае. Наоборот, провинция получила конституцию, хотя и куцую, но достаточно либеральную, чтобы обеспечить более или менее нормальное функционирование самоуправления на муниципальном уровне и деятельность политических партий, в том числе и оппозиционных.

Трансформация этноконфессионального сознания в сознание национальное получила существенное ускорение на рубеже двух веков. Особенно интенсивно этот процесс происходил в канун Первой мировой войны. Зримыми его вехами стали боснийский (аннексионистский) кризис 1908–1909 гг., две балканские войны 1912–1913 гг.,

июльский 1914 г. Сараевский кризис, т. е. международно-политические события исторической значимости, прямо либо косвенно связанные с боснийскими делами и со всем комплексом югославянской и южнославянской проблем вообще.

Аннексионистский кризис выдвинул Боснию-Герцеговину на авансцену международной политики. Она стала объектом внимания обоих военно-политических блоков, готовившихся к «переделу уже поделенного мира», а также и двух соседних королевств, боснийские амбиции которых могли иметь шанс на реализацию лишь в случае крупного военного конфликта с участием Австро-Венгрии. Для монархии Босния стала экспериментальным полем для подтверждения ее статуса великой державы и жизнеспособности как таковой. Для Сербии и Черногории — предметом вожделений, связанных с осуществлением великосербской идеи. Либерализм австро-венгерского режима и практическая прозрачность границ империи позволяли великосербской агитации, в сущности, беспрепятственно распространяться среди югославян провинции. Не помешали ей и усилившиеся после аннексии репрессии со стороны оккупационных властей и несколько проведенных показательных процессов против участников радикальных организаций. Постоянное воздействие внешнего фактора усиливало внутреннюю напряженность в боснийском обществе, разделенном на три конфессии-национальности.

Этот боснийский кризис в отличие от прежних и будущих был чисто международным, не имевшим существенной внутривосточной или межрегиональной подоплеки. Смею высказать предположение, что «пороховым погребом» Боснию сделало соперничество держав, пытавшихся использовать аннексию для решения собственных проблем в резко обострившемся противостоянии двух империалистических блоков. Внутривосточные и межрегиональные противоречия в самой Боснии не носили тогда непримиримого антагонистического характера и не могли создать критическую ситуацию и превратить страну в тлеющий очаг континентального пожара.

В сложившейся вокруг Боснии обстановке страна превратилась в очаг международной напряженности, в котором любой международный инцидент, любая мало-мальски заметная террористическая акция могла стать детонатором общеевропейского взрыва. Так и случилось летом 1914 г. Детонатором взрыва, искрой, который зажег мировой пожар, явилась акция сербских террористов, совершивших убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда и его ни в чем не повинной супруги 28 июня 1914 г. Местом семейной трагедии династии Габсбургов, переросшей в трагедию мировую, стал главный город Боснии — Сараево. Акт международного терроризма положил начало Сараевскому кризису.

Когда Австро-Венгрия развалилась на куски, в Боснии-Герцеговине, вопреки ожиданиям ее зарубежных благодетелей, вовсе не царил повсеместная всеобщая радость. Кое-кто из не искушенных в высокой политике боснийцев даже выражал сожаление и опасение в «светлом завтра» освобожденной от австро-венгерского ига страны: «Nesta Frane, nesta brane» («Нет Франца-Иосифа, нет еды», или «Ode švabo, ode bábo» — «Ушел шваб, ушел отец») ⁹².

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Der Berliner Kongreß 1878. Protokolle und Materialien / Hrs. v. Imanuel Geiss. Boppard am Rhein, 1978. S. 242—243.
- ² А. С. Ионин, консул России в Янине, приложивший во время Восточного кризиса много сил для того, чтобы провинции достались Сербии и Черногории, в сложившихся тогда условиях считал передачу их Дунайской монархии, по меньшей мере, рациональным выходом из сложившейся тогда ситуации: «Это прибавит элемент брожения плюс цивилизации», — полагал сведущий в балканских делах дипломат. Правда он надеялся, что в дальнейшем Россия вернула бы Боснию и Герцеговину в сферу своего влияния. См.: *Де-Воллан Г. А.* Очерки прошлого // Русская старина. 1916. № 6. С. 140—144.
- ³ *Hadžijahić M.* Uz Prilog Prof. Vojislava Bogicevića // Historijski zbornik. 1950. № 3. S. 191—192. Тот же Мухамед Хаджияхич называет более правдоподобную цифру, а именно 140 тыс.
- ⁴ АВПРИ. Ф. Главный Архив. У-А2. Оп. 181. 1880. Сараево. Д. 830. Донесение консула от 29 февраля 1879 г. № 2. Л. 12.
- ⁵ Там же. Л. 5—6.
- ⁶ Там же. Л. 6.
- ⁷ Там же. Донесение № 3 от 39 февраля 1879 г. Л. 9.
- ⁸ *Kapidžić H.* Der Aufstand... S. 78.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. Главный Архив. У-А2. Оп. 181. 1880. Сараево. Д. 830. Донесение консула от 29 февраля 1879 г. № 3. Л. 7.
- ¹¹ *Ektekčić M.* Ustanak u Hercegovini 1882. Sarajevo, 1983. S. 14.
- ¹² «В османские времена, — вспоминал, выступая на 1-й сессии (Ландтага, сабора) сейма в 1910 г., высокопоставленный чиновник гражданской администрации, — в округе Бихач текла кровь ежедневно, не было безопасности жизни, сегодня этого нет. Бургомистр рассказывал: когда мой отец собирался из Nevesinje в Мостар, предварительно тщательно готовился, пускался в путь со всеми своими слугами, причем вооруженными. Теперь он берет в руки шток и совершает прогулку в Мостар». См.: ННStA. Wien Militärkanzlei. (МК). fasz. 181.b. Militärpolitische Referate 1911—1912: f. 1083.
- ¹³ Противоположное мнение высказал генерал Шемуа, командир дивизии в Мостаре, в донесении эрцгерцогу Францу-Фердинанду: «Монархия должна быть готова принести также материальные жертвы в осознание того, что Босния и Герцеговина совершенно необходимы для поддержания авст-

- ро-венгерской мощи на Балканах». Генерал требовал облегчения налогового бремени бедняков, «вынужденных содержать многоголовый дорогостоящий аппарат, предназначенный для того, чтобы держать их в нашей власти... Короче говоря, мы тоже должны что-то дать стране, за то, что мы у нее берем». См.: *Wesely Kurt. Die wirtschaftliche Entwicklung von Bosnien und Herzegowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Wien, 1973. Bd. 4. Die Konfessionen. S. 545.*
- 13 *Haselsteiner H. Bosnien-Herzegowina. Orientkrise und Südslawische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 89.*
- 14 Проект письма Бюро генералу Вюртембергу от 12.III.1879. Цит. по: *Haselsteiner H. Op. cit. S. 78.*
- 15 *Bosna-Hersek Bibliyografyası. Ankara, 1997. S. XI.*
- 16 АВПРИ. Ф. 181. Д. 830. Сараево, 1880. П. 29. Донесение № 5. Л. 17.
- 17 Там же. Л. 18–19.
- 18 Там же. Л. 21.
- 19 Там же. Л. 23.
- 20 Там же. Донесение № 7. Л. 32.
- 21 «Указ об открытии новых казенных училищ гласил: преподавание будет на „кroatском“ языке. В Боснии-Герцеговине о кроатском языке никто доньше понятия не имел. Знали языки: турецкий, арабский, сербский, итальянский». Там же. Л. 34. Такое мнение о неудачной в конечном счете попытке навязывания хорватского языка боснийскому обществу высказал консул в Сараево. Мнение, быть может, чересчур категоричное. Хорватский конечно существовал и функционировал в провинциях, но он был языком меньшинства. Он навязывался в то самое время, когда официальная газета «Босна» издавалась на двух языках — немецком и сербском, когда высшее мусульманское дворянство в домашнем обиходе пользовалось сербским языком!
- 22 Там же. Л. 44.
- 23 Там же. Л. 33. Комментируя политику империи в сфере образования в начале оккупации, консул в Сараево подчеркивал: «Учебное дело послужило оккупационному правительству поводом для национальной агитации. В духе великохорватской партии, именно среди здешнего чиновничества многих представителей и пользующегося большим влиянием на начальника управления края».
- 24 *Bosna-Hersek Bibliyografyası. Ankara, 1997. S. XI–XII.*
- 25 *Bericht über die Verwaltung Bosnien und der Herzegowina / Hrsg. v. K. u. k. Gemeinsamen Finanzministerium 1906. Wien, 1906 (Далее: Bericht 1906). S. 125.*
- 26 *Ibidem.*
- 27 *Haus-Hof- und Staatsarchiv. Wien (далее: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 1902.*
- 28 *Haus-Hof- und Staatsarchiv. Wien (далее: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c / Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 1902.*

- 29 *Zaitsev V. V.* Russian Diplomats on the Future of the European Possessions of the Ottoman Empire: A Document of September/October 1903 // Oxford Slavonic Papers. Oxford, 1995. Vol. 26. P. 74.
- 30 Haus-Hof- und Staatsarchiv.Wien. (далее: HHStA) BA. 444. Bosnien. B3E. Konstantinopel.c/ Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerden-schriften. 1902.
- 31 Die Ergebnisse der Volkszählung in Bosnien und der Hercegowina vom 10. Oktober 1910. Sarajevo, 1910. S. XXXIX.
- 32 *Hadžibegović J.* Marginalije o gradjanstvu i gradjanskoj politici u Bosni i Hercegovini za vrijeme austrougarske uprave // Prilozi Instituta za istoriju. 11–12. Sarajevo, 1975–1976. S. 62.
- 33 *Hauptmann F.* Die österreichisch-ungarische Herrschaft in Bosnien und der Hercegowina 1878–1918. Wirtschaftspolitik und Wirtschaftsentwicklung. Gray, 1983. S. 227–233.
- 34 *Babuna A.* Op. cit. S. 171; *Hauptmann F.* Privreda... S. 200–201.
- 35 *Kruševac T.* Sarajevo pod austro-ugarskom upravom 1878–1918. Sarajevo, 1960. S. 27.
- 36 *Šehić N.* Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u BiH. Sarajevo, 1980. S. 36.
- 37 Bericht 1906. S. 664–665.
- 38 *Hauptmann F.* Op. cit. S. 701.
- 39 *Babuna A.* Op. cit. S. 25.
- 40 «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 156.
- 41 *Hauptmann F.* Op. cit. S. 700.
- 42 *Babuna A.* Op. cit. S. 25.
- 43 «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 156.
- 44 *Hauptmann F.* Op. cit. S. 700.
- 45 *Kraljačić T.* Kalajev Režim u Bosni i Hercegovini 1882–1903. Sarajevo, 1987. S. 400–402.
- 46 *Šehić N.* Autonomni pokret Muslimana za vrijeme austrougarske uprave u BiH. Sarajevo, 1980. S. 36.
- 47 Bericht 1906. S. 664–665. См. также: *Hauptmann F.* Op. cit. S. 694.
- 48 *Babuna A.* Op. cit. S. 125.
- 49 *Babuna A.* Op. cit.
- 50 «Musavat». 13.XI.1906. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 156; Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. 1670/1900. S. 6–26. Цит. по: *Babuna A.* S. 126.
- 51 *Hauptmann F.* Borba Muslimana... S. 122.
- 52 *Kraljačić T.* Kalajev Režim u Bosni i Hercegovini 1882–1903. Sarajevo, 1987. S. 400–402 (Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 76/1900. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 147).
- 53 *Hadžijahić M.* Borba bosanskih Muslimana za vjersko-prosvjetnu autonomiju // Pregled. 1968. № 3. S. 295–298; Ibid. S. 122.

- 54 *Hauptmann F.* Borba Muslimana... S. 694; Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 140; Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. 1670/1900. S. 29. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 119–120.
- 55 *Babuna A.* Op. cit. S. 114. «Хочешь ли ты остаться мусульманином, или стать христианином?», «Хочешь ли ты жить как подданный султана или же кайзера Франца Иосифа?», «Ислам в опасности!» — такими далеко не безобидными приемами агитации пользовались боснийские оппозиционеры в своей агитации.
- 56 Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. 1670/1900. S. 29. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 119–120.
- 57 ННStA. BA. Berichte. № 26 res. Указывалось при этом срастание конфессии с этносом в период 400-летнего османского господства: «Islamski narod sa islamom srašao vec više od 400 godina». Агитаторы оппозиции чаще пользовались другим лозунгом: «islamski din (религия, по-турецки), islamska vjera je u pogibelji, moramo nju osigurati».
- 58 ННStA BA. 444. Bosnien. ВЗЕ. Konstantinopel.c/ Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. В. Н. Каллай — Голуховскому, 11.II.1902.
- 59 Ibid. № 26 res. Донесение консула Австро-Венгрии в Ускюбе от 5 марта 1902 г.
- 60 См.: Sammlung der für Bosnien und Hercegowina erlassenen Gesetze, Verordnungen, und Normalweisungen 1878–1880. Wien, 1881. Bd. 1. S. 3.
- 61 Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 140.
- 62 Arhiv Bosne i Hercegovine. ZMF. BH. Pr. 1100/1901. Цит. по: *Babuna A.* Op. cit. S. 140.
- 63 ННStA BA. 444. Bosnien. ВЗЕ. Konstantinopel.c/ Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. В. Н. Каллай — Голуховскому, 11.II.1902.
- 64 ННStA BA. 444. Bosnien. ВЗЕ. Konstantinopel.c/ Bosnische Malcontenten — Agitationen, Informationen, Beschwerdeschriften. 173 / Pr. В. Н. Каллай — Голуховскому, 11.II.1902.
- 65 ННStA. Wien. Berichte № 26 res. Донесение консула Австро-Венгрии в Ускюбе от 5 марта 1902 г.
- 66 АВПРИ. Ф. Главный Архив. У-А2. Оп. 181. Д. 829. Л. 41. В частном письме от 3/15 июня 1878 г. Н. К. Гирсу посол в Вене Новиков, перечисляя проблемы и трудности, с которыми Австро-Венгрия столкнется в оккупированных провинциях, назвал и «неизбежное подстрекательство Сербских агентов и если не самой Порты, то, наверное, турецких чиновников...».
- 67 В 1908–1913 гг. в Военную канцелярию эрцгерцога Франца-Фердинанда поступало множество подобных донесений секретных служб. В одном из них сообщалось о создании «в Сербии тайных организаций („Черная рука“, „Единение или смерть“) с программой устранить всех лиц, выступающих против осуществления „великосербской идеи“, создания „Великой Сербии“. Особую тревогу у властей вызывало „участие многих офицеров“ королев-

- ской сербской армии в этих организациях». См.: ННStA. МК Franz Ferdinand. Fasz. 181.b. Militärpolitische Referate. Referat «Balkan»: Miramare fasc. 18/a. 19. 1914. f. 13.
- 68 См.: *Хевролина В. М.* Православная церковь в Боснии и Герцеговине в 50–70-х годах XIX в. и Россия // Церковь в истории славянских народов / Отв. ред. И. В. Чуркина. М., 1997. С. 195.
- 69 Австрийская же казна в первой половине 70-х гг. XIX в. начала субсидировать реставрацию православных храмов в Сараево. ННStA. Wien. Berichte. Generalkonsul Theodorovich, Sarajevo, 10.V.1875.
- 70 *Slijepčević D.* Istorija srpske pravoslavne crkve. München, 1965. Bd. 2. S. 540. К подобного рода пропагандистским акциям можно отнести, пожалуй, принятые монархией еще задолго до завоевания османских провинций попытки обрести влияние на боснийскую православную церковь. Учитывая бедность ортодоксальной общины и отсутствие у нее возможности подготовки образованных служителей церкви, в 1853 г. внешнеполитическое ведомство империи открыло вакансии специально для боснийцев и черногорцев в далматинской духовной школе в г. Зара (Задар). Четыре года спустя с австрийской помощью школы по подготовке православного духовенства были открыты в самой Боснии и Герцеговине — в городах Сараево и Зворник. А несколько позже также и в городе Баня Лука. ННStA.Wien, Thun an Buol, 17.II.1854. См. также: *Turczynski E.* Ortodoxe und Unierte // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985.
- 71 См.: *Хевролина В. М.* Цит. соч. С. 195. Конечно, следуя логике изложения, можно предположить, что сербы-священнослужители, будь они хозяевами положения, в аналогичных условиях вели бы себя совершенно иначе, не так, как их греческие коллеги с их красочно описанными автором дурными наклонностями и нехристианскими пороками.
- 72 *Slijepčević D.* Istorija srpske pravoslavne crkve. München, 1965. Bd. 2. S. 540. См. также: *Turczynski E.* Ortodoxe und Unierte // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985. S. 446–447.
- 73 ННStA. P. A. Türkei. Karton 307. F. 98–100. Berichte. Calice an Goluchowski, 27.VII.1898.
- 74 66 Ibid. Karton 311. F. 23–25. Kállay an Goluchowski, 21.IV.1904; *Turczynski E.* Op. cit. S. 447–448.
- 75 *Imatović M.* Osnivanje i program Srpske narodne organizacije u Bosni i Hercegovini 1907 godine // Istorija XX veka. Zbornik radova. 1972/12.
- 76 *Turczynski E.* Op. cit. S. 446–447. Из огромного количества работ, написанных на эту тему в бывшей Югославии и за ее пределами, фундированностью и убедительной продуманностью концепции выделяются хорошо известные специалистам публикации покойного Ю. А. Писарева.
- 77 *Daković L.* Politički organizacije bosansko-hercegovačkih katolika Hrvata. Ljubljana, 1985. S. 250–270.
- 78 *Purivatra A.* Jugoslovenska muslimanska organizacija u političkom životu Kraljvine Srba, Hrvata i Slovenaca. Sarajevo, 1977. S. 15.
- 79 *Daković I. L.* Formiranje Hrvatske katoličke udruge // Istorija XX. veka. Zbornik radova. 1972/12.

- 80 ННStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1284.
- 81 ННStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1284; *Хевролина В. М.* Цит. соч. С. 196.
- 82 *Hauptmann F.* Die Mohammedaner in Bosnien und Hercegowina // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. 4. Die Konfessionen. Wien, 1985. S. 675.
- 83 Ibidem.
- 84 Захваченная врасплох громким международным скандалом Вена недоумевала по поводу неожиданно резкой реакции европейских держав: «Австро-Венгрия управляла этими провинциями, как управляют собственной территорией... — жаловался венский видный чиновник-правовед. — Политические соображения мешали правительству превратить оккупацию в аннексию, хотя Россия неоднократно предлагала это. В течение всего периода оккупации Австрия и Венгрия осуществляли неограниченное управление провинциями, осуществляли суверенное право, и ни одно иностранное правительство не вмешивалось». ННStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 481.
- 85 Ibid. F. 1276.
- 86 Ibid. Ff. 1278–1279.
- 87 ННStA. Wien Nachlass Baernreither. K. 41. Bosnien f. 1285. См. также: *Steinbach G.* Die bosnische Verfassung. Tübingen, 1911.
- 88 *Bernatzik E.* Das Annexinggesetz u. die staatsrechtlichen Verhältnisse Bosniens und der Herzegowina // N. Fr. Presse, 21.XII.1909.
- 89 *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 105: «Najbolje nam je ispod Švabe», говаривали босняки.
- 90 *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 105.
- 91 ННSA KA. (Kriegsarchiv) 1909. Jänner 1. Fedmarschallleutnant Moritz von Auffenberg Memorandum über die politische und und militärische Situation im Südosten der Monarchie. См.: *Haselsteiner H.* Bosnien-Hercegowina. Orientkrise und Südslavische Frage. Wien; Köln; Weimar, 1996. S. 96–97. Составленные им обстоятельные отчеты-меморандумы были представлены кайзеру Францу-Иосифу. Эренталь со своей стороны перед поездкой генерала в Сараево просил его «основательно выяснить настроения» боснийцев.
- 92 *Balić S.* Das unbekannte Bosnien. Op. cit. S. 38.

Румыния: МЕДЛЕННЫЙ ДРЕЙФ К АНТАНТЕ

В Румынии с традиционной подозрительностью следили за каждым шагом самодержавия. Серия поражений в войне с Японией вызвала здесь, как и во всем мире, изумление, а затем и что-то вроде растерянности: румынские правящие сферы были заинтересованы в сохранении равновесия на Юго-Востоке Европы, а не в австрийском либо германском всевластии. Румыния была здесь самым крупным государством и по территории, и по населению; она смыкалась с Габсбургской монархией в стремлении не допустить образования сильного славянского государства; российский курс на сохранение в регионе status quo отвечал этим устремлениям. Да и противоречия с Австро-Венгрией постепенно выходили на первый план, трансильванская проблема начала доминировать.

Национальная партия румын Трансильвании выработала программу реформ, предусматривавшую перестройку избирательных округов и введение национального языка в районах с преимущественно румынским населением; говорилось о введении всеобщего избирательного права, прогрессивно-подоходного налога и продаже земель из государственного фонда крестьянам мелкими участками. По сути речь шла об административно-культурной автономии. В то же время наиболее влиятельные круги румынско-трансильванской буржуазии, занявшие прочные позиции в банковском деле, и национальная интеллигенция в большинстве своем не помышляли о развале Австро-Венгрии. Преимущества обширного государства с емким рынком были очевидны. Низкий жизненный уровень в братской Румынии не вдохновлял. Депутат Юлиу Маниу говорил с трибуны венгерского парламента: «Сохранение Венгрии и Австро-Венгерской монархии в целом является политической и международной необходимостью...»¹. Аурел Попович выпустил в 1906 г. книгу под красноречивым заголовком «Соединенные Штаты Великой Австрии», ратуя за преобразование двуединой державы в конфедерацию национальных государств². Руководители Национальной партии возлагали надежды на наследника престола Франца-Фердинанда, который слыл сторонником реформы в желательном направлении, хотя на самом деле помышлял лишь об укреплении власти Габсбургов в противовес строптивым мадьярам. Однако переговоры по конкретным вопросам приходилось вести именно с этими мадьярами,

и результаты оказывались плачевными. Но распада монархии не предвиделось.

В итоге мысли об объединении с Трансильванией таились где-то в душевных тайниках, в реальности же союзный договор с Австро-Венгрией был продлен 4(17) апреля 1902 г.

В румынской историографии в объяснение этой акции ссылаются на финансовую зависимость страны от Центральных держав. Так, из государственного долга в 1,45 млрд лей (франков) 1,2 млрд было размещено на германском рынке. Ежегодные выплаты поглощали 90 млн лей³. Немцы доминировали в стремительно развивавшейся нефтяной промышленности. Румыния была кровно заинтересована в немецком рынке, товарном и денежном. В наказание за «непослушание» в виде выхода из блока немецкий кошелек зашелкнудся бы автоматически.

Нельзя, конечно, ставить знак равенства между финансовой зависимостью и политической ориентацией; во время Первой мировой войны та же Румыния сперва повернулась спиной к союзникам, а потом обратила против них оружие. Но тогда наступило время смены вех и больших ожиданий в виде объединения с Трансильванией. Пока же такой великий акт даже не грезился.

Хотя трезвый учет долговременной стратегической ситуации должен был бы привести к выводу, что никакой «угрозы с севера» не существует и причин для тревоги нет, румынские государственные мужи по привычке бродили в тумане антирусской подозрительности.

В памяти того поколения были живы впечатляющие победы прусского оружия в войнах 1866 и 1870—1871 гг. На фоне вторжения германского капитала в Юго-Восточную Европу и Османскую империю они у многих рождали мысль о военном, экономическом и организационном превосходстве Второго рейха, а румынская буржуазия привыкла ориентироваться на сильного. Король, — а российский посланник М. Н. Гирс писал о его «вполне немецкой природе»⁴, — до конца дней своих оставался верен отечеству, а его влиянием пренебрегать не следовало, и он крепко держал бразды внешней политики. У него были сторонники в лице крупных аграриев, сбывавших зерно в Германию. Они занимали прочные позиции в консервативной партии. Нельзя пренебрегать и культурно-идеологическими связями. Немало румынских политиков прошло школу немецких университетов и считало Германию державой, счастливо сочетающей высокий образовательный и научный потенциал с экономической мощью и всепобеждающей, — по крайней мере так представлялось, — военной силой.

Равновесие сил в Европе серьезно пошатнулось в результате несчастной для России войны с Японией и революции 1905–1907 гг. Отступала она и по балканской линии. Казалось, возвращается ситуация 80-х гг. XIX в. с полным преобладанием германо-австрийского блока на континенте, а от сильного не бегут; в ответ на верность младшего партнера можно было, эвентуально, надеяться на учет его интересов. Шарахаться от такого союзника и бросаться в зыбкое море внешнеполитических комбинаций представлялось более чем рискованным.

С великим соседствовало малое в виде личного материального интереса: немецкие и австрийские компании продуманно и целеустремленно вовлекали в сферу своих интересов румын с именем; по словам полковника Занкевича, русского военного атташе в 1908 г., они, «за малым исключением», состояли в административных советах или числились адвокатами разных фирм, получая «крупные подачки»⁵.

Был выработан стратегический курс на получение компенсаций (подразумевались территориальные) в случае нарушения равновесия в Юго-Восточной Европе со стороны будь то Болгарии, будь то Сербии с тем, чтобы не сойти с пьедестала первой в регионе державы. Король и министры менявшихся кабинетов, не таясь, говорили об этом партнерам. Архиосторожный курс России встречал в Бухаресте одобрение, напряженность в отношениях с Петербургом отошла в область предания, тем более, что неоднократные попытки кайзера Вильгельма заманить «кузена Никки» в свои сети не оставляли надежд на приобретение Бессарабии в обозримом будущем.

Немецкая и еще в большей степени австрийская дипломатия жонглировали на Балканах несколькими шарами. Серьезная ставка делалась на Болгарию, стремившуюся порвать узы вассалитета, все еще связывавшие ее с Турцией, и превратиться из княжества в королевство. В Вене полагали, что не худо было бы изменить направление румынского ирредентизма с трансильванского на дунайское, поддерживая румыно-болгарские отношения в слегка накаленном состоянии.

Боснийский кризис 1908 г. положил конец относительно спокойствию на Юго-Востоке Европы. Россия понесла тяжелое дипломатическое поражение согласившись на аннексию Боснии и Герцеговины; ей же пришлось «посоветовать» Сербии смириться со свершившимся*. Одновременное, можно сказать, синхронизированное провозглашение Болгарией полной государственной независимости и разрыв последних связей с Турецкой империей свидетельствовали о тесной координации действий между Софией и Веней.

* См. раздел: Россия возвращается в Европу.

Правда, завоеывая очки в Софии, Центральные державы отнюдь не улучшали взаимопонимания со Стамбулом; вообще, роль «дамы, приятной во всех отношениях», которую стремились играть Вена и Берлин по отношению к Турции, Болгарии и Румынии, чрезвычайно трудна, а порой и неисполнима. В образовавшуюся щелку сумел пробраться российский министр иностранных дел А. П. Извольский; он смягчил Порту, предложив оплатить болгарскую независимость, и сделал приятное болгарам, освободив их от уплаты, списав еще оставшуюся за Турцией задолженность по войне 1877–1878 гг. Дело не ограничилось ощущениями, в Софии почувствовали дружескую российскую поддержку и оценили ее.

Румыния «при сем присутствовала». Status quo был нарушен, но не так чтобы внушить глубокую тревогу. Страна была явно не заинтересована в разжигании сербско-австрийской войны, за которой могло последовать вмешательство России, — а тут уж, не дай Бог, мог возникнуть казус федерис, — и это в условиях бушевавших в стране антиавстрийских страстей. Принятая на митинге в зале Дачия (1 ноября 1908 г.) резолюция гласила: «Ныне соседняя монархия, одновременно с поглощением двух чужих провинций, подвергает нас новому унижению, нас, чьи братья страдают под австро-венгерским игом и стонут в темницах соседнего государства. Мы протестуем и хотим, чтобы наш протест был услышан и внят». Культурная лига требовала проведения политики, основанной на «сознании единства народа и его интересов»⁶. В отличие от прошлых лет, недовольство охватило парламентские круги, и обсуждение ответа на тронную речь короля позволило ему вырваться наружу. Правительство (либеральное) защищалось вяло. Оно приветствовало независимость Болгарии и выразило мнение, что аннексия Боснии и Герцеговины прямо интересов Румынии не затрагивает, поскольку последняя «ни географически, ни политически» к балканским странам не относится и стремится лишь к сохранению равновесия на полуострове «на основе территориального status quo». И. К. Брэтиану, выступавший от имени кабинета, лукавил, на самом деле «в верхах воцарилась тревога, премьер Д. А. Стурдза выражал надежду на то, что „Европа“ защитит Добруджу от „болгарских поползновений«, да и сам Брэтиану, приветствуя рождение независимой Болгарии, многозначительно добавлял — „в пределах ее границ«⁷. «Все ораторы выступали против нас», — подводил итоги памятным прениям австро-венгерский посланник⁸. Откровенная враждебность общественности дополнялась начавшейся отчужденностью властей предрержавших.

Высокопоставленные военные не считали себя связанными обетом молчания. Начальник генштаба Крэйничану заметил в беседе с российским военным агентом: «Если Австрия займет Сербию, это

будет началом окружения нас австрийским кольцом»⁹. А ведь к тому делу шло, в августе 1908 г. А. Эренталь заявлял в узком кругу: он — за создание Великой Болгарии за сербский счет¹⁰.

Но капитуляция покинутого союзниками царизма, коей канцлер Бюлов придал унижительную форму, продемонстрировала всему миру слабость самодержавия и показала в то же время Бухаресту, что чувства пора унять и трезво поразмыслить, куда и с кем идти, — с уподобившейся Лебедю, Раку и Щуке из крыловской басни Антантой или со сплоченным Тройственным союзом. А тут еще кайзер в знак внимания преподнес королю Карлу по случаю 70-летия фельдмаршалский жезл своей армии. Правда, выполнявший высокую миссию кронпринц вернулся из Румынии с невеселыми впечатлениями: при наступлении войны Румыния «в лучшем случае откажется выполнить союзнические обязательства, если не присоединится к противной стороне»¹¹, что делало честь его проницательности.

На Балхгаусплац отчетливо представляли себе, что Сербия смирилась лишь наружно. По справедливому мнению К. Б. Виноградова, одной из целей австрийского ведомства являлся «раскол между небольшими балканскими государствами и в особенности натравливание Болгарии на Сербию»¹².

Пора, однако, расстаться с представлением об этих странах, как о пешках на шахматной доске большой европейской дипломатии. Обретшая независимость Болгария расправила плечи; македонский синдром до крайности обострил ее отношения с Турцией; ждали войны и связанных с нею территориальных перемен. В июле—сентябре 1909 г. новый румынский премьер И. К. Брэтиану совершил вояж в Берлин и Вену. Смысл его осторожного зондажа сводился к тому, что в случае округления болгарских владений за счет македонских земель взоры Румынии устремятся к Южной Добрудже. Результат был разочаровывающим: и в Берлине, и в Вене советовали даже не думать о подобной эвентуальности¹³.

Именно боснийский кризис подтолкнул разработчиков внешней политики и в Петербурге, и в Бухаресте погрузиться в серьезные размышления насчет ее стратегических приоритетов. А. П. Извольский с похвалой отзывался о румынской сдержанности. Непривычные в прошлом дружеские заверения раздавались с берегов Дымбовицы. Премьер-министр Д. А. Стурдза — тот самый, что в 1883 г. подписывал договор с Австро-Венгрией, — с горячностью «опровергал» в 1909 г. сведения печати о наличии военной конвенции, призывая «раз и навсегда покончить с баснею»¹⁴.

Общественное мнение стало в России фактором, коим пренебрегать было опасно при проведении внешнеполитического курса.

Газеты не чурались и румынских дел, причем вели себя не всегда тактично. Посланник Н. Н. Шебеко выражал пожелание, чтобы «печатать наша... вместо того, чтобы ругательными статьями толкать Румынию в распростертые объятия Австрии и Германии, шадить самолюбие небольшого государства, старалась привлечь ее к нам всеми способами»¹⁵. Сам он использовал все доступные ему каналы, убеждая собеседников в том, что России чужды агрессивные замыслы, и она стремится лишь к сохранению спокойствия в регионе. В отечественной историографии правомерно указывалось, что в ведомстве на Певческом мосту склонны были преувеличивать роль короля в формировании внешней политики, хотя она и в действительности была значительной. Тот же Шебеко льстил себя надеждой, что «достиг очень сердечных и даже интимных отношений с ним»¹⁶, что более чем сомнительно, ибо опытный политик и лицедей, каковым был румынский монарх, умел за внешней приветливостью скрывать подлинные чувства.

Однако, при всем при том, права была газета «Новое время», полагавшая, что при всех возможных комбинациях нельзя отбрасывать Румынию «в ряды наших политических противников»¹⁷. На случай войны следовало учитывать ее антагонизм с Австро-Венгрией. Совершенно так же оценивал ситуацию Н. Н. Шебеко, прибывший летом 1912 г. в Бухарест: «Нельзя сказать, что на Румынию надо смотреть ныне как на вражескую страну, преданную нашим врагам и стремящуюся войти во всяческую комбинацию, направленную против России. Отнюдь нет»¹⁸. А ведь Румыния загораживала русским армиям путь вглубь Балканского полуострова; на чьей стороне окажутся полмиллиона ее штыков — об этом стоило задуматься.

Отечественная наука уделила немало внимания русско-румынским отношениям в интересующий нас период (отметим прежде всего труды Б. Б. Кросса и А. С. Агаки). Был поставлен вопрос и о времени смены румынского внешнеполитического курса: «Накануне первой мировой войны назревало коренное изменение внешнеполитической ориентации Румынии»¹⁹. В этой формуле Б. Б. Кросса, на наш взгляд, удачно слово «назревала», ибо трудно оперировать категорическими понятиями и определять точные сроки в отношении страны, которая не желала связывать себя конкретными обязательствами и была готова склониться на сторону сильного, чтобы достичь территориального расширения то ли в сторону Трансильвании, то ли в сторону Бессарабии. Отсюда — кажущаяся непоследовательность в ее действиях и противоречивые заявления ее политиков, которые могли сбить с толку хоть кого. В конце 1910 г. видный консерватор и без пяти минут премьер-министр П. П. Карп декларировал в беседе

с корреспондентом газеты «Нойе фрайе прессе»: «Румыния при всех обстоятельствах и всегда будет на стороне Тройственного союза»²⁰. Но таких непоколебимых, как король и Карп, насчитывалось раз-два и обчелся. В самой консервативной партии единства не было. «Наиболее политически зрелый, умный и популярный в стране деятель Таке Ионеску держался осторожно», Румынии следовало, по его мнению, находиться «вне политической зависимости и каких-либо обязательств от ее соседок и великих держав, как Австрии, так и России»²¹.

В русских военных кругах упорно не верили в возможность не только переманить Румынию на свою сторону, но даже нейтрализовать ее. Даже в 1912 г. штаб Одесского военного округа с полной определенностью полагал: «Не подлежит сомнению, что в случае войны с Россией Австрия и Румыния будут действовать заодно»²². Штаб верил в святость международных обязательств и явно недооценивал возможную «гибкость» в их трактовке. По нашему мнению, начался медленный дрейф к Антанте, и Балканские войны явились важным этапом на этом пути.

Бухарест встретил их дипломатически неподготовленным. В Бухаресте не скрывали, что не будут взирать на раздел остатков турецкого наследства из прекрасного задунайского далека. Даже король Карл, непоколебимо верный Тройственному союзу, обмолвился в беседе с М. Н. Гирсом, что в этом случае бросит саблю на чашу весов (со всеми вытекающими в отношениях с Австро-Венгрией осложнениями). Дипломат счел, что Румыния обрела известную свободу действий. В октябре 1912 г. вспыхнула война, вошедшая в историю под именем первой Балканской. Румынская декларация о нейтралитете сопровождалась оговоркой: в случае территориальных изменений (а как же без них!) «Румыния скажет свое слово». Неожиданно быстрый успех союзников заставил торопиться. Глава правительства, известный критик и историк культуры, убежденный германofil Титу Майореску возлагал надежду на поддержку Центра в приобретении полосы земли вдоль южного берега Дуная с крепостью Силистрия. Венское ведомство иностранных дел шло навстречу, но хотело уладить дело компромиссом с болгарами, а те, упоенные победами, «советам» не внимали и не проявляли желаний расстаться со своими землями.

Министр иностранных дел Таке Ионеску, в отличие от премьера, был известен своими проанглийскими симпатиями и налаживал контакты с Антантой. Дипломатия последней не упускала из виду непрекращавшийся венгеро-румынский конфликт в Трансильвании, а этому искушению, с досадой констатировал немецкий посланник, «не способен сопротивляться ни один политик в стране»²³. В Бухарест

прибыл великий князь Николай Михайлович, вручивший королю Карлу российский фельдмаршалский жезл; монарх этой страны достиг высшей ступени воинской иерархии... за воздержание от участия в боях. В румынских же правящих сферах полагали, что, быть может, болгары будут податливы к русским демаршам — как-никак Николай II числился официальным покровителем Балканского союза.

Вслед за великим князем в Бухарест прикатил начальник генштаба австро-венгерской армии Конрад фон Гетцендорф (ноябрь 1912 г.), к чему побудила серьезная тревога за «румынское звено» Тройственного союза. В отчете он свидетельствовал: «У меня сложилось безусловное впечатление, что король нестигаемо верен союзным обязательствам». Монарх выразил готовность выставить против России 15 дивизий, оговорившись, правда, что не верит в стремление последней развязать войну.

Глава правительства Титу Майореску казался обеспокоенным размахом королевских обещаний. «В Румынии большая партия боится конфликта с Россией», — с озабоченностью отмечал Конрад. Все же он добился фиксации на бумаге союзнических обязательств, подписав со своим румынским коллегой ген. А. Авереску протокол на случай «кооперации против России» с указанием, какие части и какими путями будут маршировать на Кишинев²⁴. Приятным чаепитием с королевской четой завершился визит.

За румынами ухаживали со всех сторон; возникла перспектива продать свое невмешательство в Балканскую войну как можно дороже. Правда, воз румынских требований с места никак не сдвигался; болгары не желали расставаться с Силистрией и окружавшим ее хинтерландом. Не очень ко времени российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов в резкой форме потребовал у румын сохранить нейтралитет (январь 1913 г.), что усилило позиции сторонников ориентации на Центральные державы. В феврале союз был продлен. Король и Титу Майореску вздумали было повысить свои шансы, попридержав ратификацию договора, однако заявления австрийского посланника князя Фюрстенберга, — монархия может «проводить и иную, не румынофильскую политику», — оказалось достаточно, чтобы прекратить королевскую «оппозицию»²⁵. Проантантовски настроенный Таке Ионеску, подозрительно долго, с точки зрения дипломатии Центра, застрявший в Париже, был спешно вызван на родину. Глава Форин оффис сэр Эдуард Грей предложил обсудить румыно-болгарский конфликт на конференции послов великих держав. Последние, собравшись в Петербурге (апрель—май 1913 г.), «присудили» Силистрию Румынии, причем благожелательнее всего держались немец и австриец. Румынские экспансионисты в ответ заворчали,

недовольные размерами передаваемого: по словам Н. Филипеску, обещанной территории достаточно лишь для того, чтобы «похоронить там достоинство нации», а П. Карп заметил, что она меньше его поместья Цибэнешть²⁶.

Петербургский протокол в силу не вступил — между вчерашними балканскими союзниками вспыхнула война (июнь). Разгром Сербии перевернул бы вверх тормашками весь баланс сил в регионе. Поэтому румынские политики разных направлений высказывались за вмешательство. Против выступали лишь социал-демократы, организовавшие собрания протеста и выпустившие несколько манифестов, из которых наиболее известен составленный Штефаном Георгиу манифест «Война войне» с осуждением «гнусной дипломатии великих держав». Досталось и «собственным» правителям: «Когда нам будут петь: „Родина требует... Родина хочет«, давайте раз и навсегда заткнем шарлатанам рот словами: „Родиной являемся мы, рабочие: и мы лучше всех знаем, что нужно делать«²⁷.

Российские дипломаты с ног сбились, уговаривая румын не выступать: «Румыния не может не понять глубокой тождественности ее интересов с нашими в настоящую минуту»²⁸, — взывал Сазонов. Но в Бухаресте полагали, что сами лучше разберутся в ситуации; 10 июля война Болгарии была объявлена.

Мобилизация послужила толчком к взрыву антиавстрийских (а не антиболгарских!) настроений. Консулы двуединой монархии не успевали передавать информацию о митингах и манифестациях в Бухаресте, Крайове, Констанце, Джурджу, Галаце, Плоешти, Сулине, Бырладе, Яссах, Брэиле... Французский посланник Э. Блондель заметил: «Если бы кто-нибудь не знал о цели мобилизации, он мог бы поверить, что Румыния идет на войну с Австрией»²⁹. Раздавались призывы: «Долой коварную Австро-Венгрию!», «Довольно нам австрийской опеки!».

Поход на Балканы обернулся для румынской армии военной прогулкой. Царь Фердинанд, вдруг «осознав», в какую пропасть он вовлек страну, просил Николая II «положить как можно скорее конец ужасной резне»³⁰. Против румын неприятель огня не открывал, их кавалерия ворвалась в Силистрию с шашками наголо. Болгарские резервисты в старых казармах завтракали. В городе «царила могильная тишина, улицы — пусты, лавки — закрыты»³¹, — свидетельствовал очевидец. Единственно, чего удалось добиться «миротворцам» из великих держав — так это обещания, что София не будет занята.

С поверженной Болгарией победители обошлись круто; от посредников-держав они отказались; Македония была переделана, львиную долю забрали себе Греция и Сербия, оставив побежденному

незначительную ее часть с городом Струмица. Румыния приобрела Южную Добруджу по линии Тутракан—Балчик площадью в 80 тыс. кв. км. Неудачей завершились попытки болгар удержать за собой порт Каваллу; они лишились выхода к Эгейскому морю.

Демонстрируя возросшую самостоятельность, союзники не допустили прямого вмешательства держав в урегулирование, да и трудно было ожидать какого-либо эффекта от их участия, ибо они разделились не по коалиционному признаку: так, Россия и Австро-Венгрия выступали за сохранение Каваллы в составе Болгарии, хотя и по разным мотивам. Петербург рассчитывал, что тогда можно будет привлечь царя Фердинанда к Антанте, Вена, напротив, надеялась своей поддержкой побудить Софию ко вступлению в Тройственный союз. Германия и Франция выступили на стороне Греции, и Кавалла отошла к ней.

В условиях полной разногласии в «европейском концерте» шансы на ревизию Бухарестского договора, — на что надеялись болгары, даже обусловившие его подписание обращением к державам, — были равны нулю. Карта полуострова была перекроена, причем Румыния начисто забыла о своем курсе на сохранение здесь равновесия сил. Ущемленная в своих интересах, лишенная выхода к Средиземному морю Болгария не забыла и не простила нанесенной обиды. Бухарестский мир продемонстрировал наличие в регионе двух уровней противоречий — между «великими» и между государствами самого полуострова, которые, переплетаясь, превратили его в «пороховой погреб Европы». Румынская историография именует «лето 1913 года триумфом точки зрения ответственных лиц в ... столице»³². Вряд ли с подобной хвалебной оценкой можно согласиться. Румыния встала на страже сделки, которая по сути своей не могла быть долговременной и прочной, ибо прочертила на полуострове глубокую линию размежевания. А в Бухаресте с высоты трона последовало заявление, что страна будет противиться изменениям, откуда бы они ни последовали.

Вена пребывала в раздражении: румынская армия двинулась совсем не в том направлении, о котором толковал генерал Ф. Конрад во время приятных бесед с королем Карлом. «Нападение на Болгарию объяснялось возможностью большого грабежа», — изливал генерал досаду в дневнике: «Нить, связывавшая Австро-Венгрию и Румынию, порвана», и лишь немецкое вмешательство может удержать ослушницу в союзе³³. Усиление Сербии в итоге войны глава австрийских «ястребов» воспринимал как вызов и предлагал, не мешкая, разгромить ее. Немедленного отклика его призыв не нашел, — не по принципиальным соображениям, просто момент сочли неподхо-

дящим. Как заметил венгерский премьер Иштван Тисса, «весь мир будет на стороне Сербии».

По «трансильванской линии» румыно-венгерский раздор шел вовсю. В здание на Баллаусплац пачками поступала информация о митингах и демонстрациях протеста в Бухаресте, Турну-Северине, Фокшанах, Констанце, Сулине... Новый посланник, проникательный и умный граф Отто Чернин сочинил специальный доклад о влиянии внутривосточной ситуации в Румынии на ее положение в Центральном союзе. Он пришел к печальному выводу — договор с нею стоит немногим больше той бумаги, на которой написан. На собраниях наряду с привычными призывами «Долой Австрию!», «Долой Венгрию!» порой звучал уж совсем необычный: «Да здравствует Россия!». «Мало иметь трактат, нужно еще, чтобы он был популярен»³⁴, — изливал свою досаду король Кароль. В условиях, когда союз распался по всем швам, в Вене возникла незадачливая мысль поставить ослушницу на место оригинальным способом, а именно — побудив ее опубликовать архисекретный договор, — что свидетельствовало о крайней наивности. Когда Чернин, повинуясь инструкции, намекнул на это королю, тот потерял дар речи...

В 1911–1913 гг. правительство возглавляли консерваторы П. П. Карп и Т. Майореску, слывшие и бывшие германофилами. В январе 1914 г. председателем Совета министров стал либерал И. К. Брэтиану-младший, не столь прочно ангажированный в отношении военно-политической ориентации. Королю он сказал: «Сир! Сомневаюсь, чтобы нашлось румынское правительство, которое смогло бы осуществить трактат»³⁵. Он полагал, что конец Австро-Венгерской монархии близится, что поставит в повестку дня и объединение с Трансильванией, но считал нужным осуществить этот акт в удобный момент и в подходящей обстановке. Эмоциональная взвинченность антивенгерских проявлений, с точки зрения этого человека железной воли и холодного рассудка, могла лишь помешать взвешенному, без промаха, подходу к вопросу. Поэтому он настойчиво советовал трансильванским националистам достичь соглашения с графом Иштваном Тиссом, используя в качестве посредника близкого ему Константина Стере, бывшего российского народника. Великому князю Николаю Михайловичу он заявил: «Когда мы придем к власти, то выдвинем проблему Трансильвании и сделаем все для сближения с Россией». Будучи еще в оппозиции, он говорил на заседании сената: «Существуют великие интересы народа и интересы королевства. Хотя в душе нашей они располагаются в указанном порядке, с точки зрения рассудка интересы королевства доминируют над всеми другими, ибо королевство является гарантом существ-

вованя народа, осью всего его развития». По концепции Брэтиану, замечает Ш. Радулеску-Зонер, для реализации идеала следовало идти путем, который не ставил бы под угрозу безопасность государства³⁶. Видимо, инженер по образованию И. К. Брэтиану догадался, что время распада Австро-Венгрии с математической точностью предсказать нельзя.

Последняя перед мировой войной разведка намерений Румынии произошла во время визита Николая II, по ходу прогулки по Черному морю в Констанцу (июнь 1914 г.). Фотография запечатлела беседу двух монархов: Карла в русском фельдмаршалском мундире и царя в кителе с погонами полковника. А министр иностранных дел С. Д. Сазонов заехал в Бухарест. Отдохнуть от переговоров он и Брэтиану решили в прохладе Карпатских гор. Во время автомобильной прогулки именитые экскурсанты пересекли границу и прокатились по Трансильвании. Вена оцепенела...³⁷

Встреча в Констанце и последовавший многозначительный вояж в горах оставили не документы, а впечатления. Брэтиану заверял Сазонова: «Румыния никоим образом не обязана принять участие в какой-либо войне без того, чтобы ее личные интересы были прямо затронуты». Сазонов пришел к выводу: «Румыния постарается присоединиться к той стороне, которая будет в состоянии посулить ей наибольшие выгоды»³⁸. А Оттокар Чернин счел свидание «распутьем», на котором внешняя политика страны приняла новое направление.

Брэтиану предстояло изъясниться с ним и немецким посланником. Обоим он заявил, что царь и король, он и Сазонов были объяты стремлением во что бы то ни стало сохранить мир на Балканах и не допустить закрытия Черноморских проливов (чего опасались ввиду обострившихся грецко-турецких отношений). Суть разговоров он скрыл, свои многозначительные намеки утаил. Впрочем, в огласке не было надобности; Чернин счел: никакого документа не подписано, «но вся Румыния», будучи убеждена в наступивших «сумерках» Австро-Венгрии, предвещающих ее распад, думает о смене курса, — что и составляло расчет России³⁹.

А российские представители сообщали о желании «значительной части общества... уклониться от политики Тройственного союза». Исключение составляли крайне правые, консервативно настроенные пронемецкие круги и социалисты, которым не вмоготу было видеть не то что сближение, а просто потепление отношений с восточным соседом. Последние попытались «отметить» свидание демонстрацией и заблокировать российскую миссию, но полиция оказалась на высоте и быстро их рассеяла. Военный атташе Семенов

обращал внимание на крутой поворот в настроениях: «В этом приходится видеть доказательства каждый день как при сношениях с представителями правительства и армии, а также слышать, пожалуй, даже слишком восторженные изъявления симпатий со стороны румынского общества столицы. Увлекающийся характер румынского народа, конечно, достаточно объясняет такой крутой поворот симпатий к России и ко всему русскому, но главную причину установившихся наших добрых отношений следует искать в том обстоятельстве, что события прошлого года рассеяли в известной степени кошмар „славянской опасности«. Все же иллюзиям полковник не поддавался: «Переходя теперь к реальным последствиям в области политики, которые могли бы быть результатом констанцских событий, к сожалению, нужно сделать заключение, что таковых не было»⁴⁰.

Пожалуй, полковник даже переосторожничал в конечном выводе. Смена настроений — ведь тоже реальность. Оказалось, что в 1913 г. была продлена жизнь дышавшего на ладан союза с Австро-Венгрией, а в 1914 г. он испустил дух, и в Констанце это было зафиксировано (что вовсе не означало перехода Румынии к Антанте. Просто ее правители решили действовать смотря по обстоятельствам). Собственно, к такому же заключению приходил и Семенов: в случае войны Румыния окажется нейтральной, на союз с ней надежд нет, уж очень привержены румыны принципу «свободы рук» и очень поднаторели в тактике лавирования между противоборствующими державами: «Румыния действительно будет сохранять нейтралитет до исхода решительных столкновений воюющих сторон, после чего примкнет к сильнейшему»⁴¹. А пока видные военные проявляли к Семенову знаки внимания, выходявшие за рамки корректности: к «некоторому моему удивлению», сообщал он в Генеральный штаб, комендант Бухареста ген. Сочек пустился с ним в объяснения насчет австро-румынского договора, само существование которого официально отрицалось; Сочек заявил, что 80 % офицерского состава — на стороне России, остальные же — или проавстрийски, или нейтрально настроенные. Мысли румын, по словам генерала, обращены не столько в сторону Бессарабии, «откуда до них не доходят изъявления недовольства и чувства сепаратизма, как в сторону Трансильвании, где живет сплошное трехмиллионное население родных им по крови и языку румын»⁴².

Весной и летом 1914 г. один за другим следовали инциденты, взятые по отдельности и не столь значительные, но подливавшие масла в огонь венгеро-румынского раздражения: переговоры мадьярского премьера с Национальной партией румын зашли в тупик; были сняты с постановки и запрещены пьесы «Да будет день!» и «Господин

нотариус», автор которых, Октавиан Гога, угодил под суд; в Крайове были арестованы шпионы, засланные соседней и союзной державой.

В такой накаленной атмосфере пришла весть о вспыхнувшей войне. Коронный совет 24 июля (4 августа) высказался, — против воли короля, — за вооруженное выжидание. На другой день самая распространенная газета «Адеверул» («Правда») приветствовала решение: «Вся страна без различия классов, партий, верований со вздохом душевного облегчения встретила решение Коронного совета...»⁴³. Правда, на другой же день на ее страницах появился традиционный призыв «Долой Австрию!». Но владелец газеты, известный публицист Константин Милле разъяснял, что спешить не следует, а нужно набраться терпения и ждать⁴⁴, — пока не выяснится, когда и на чьей стороне можно выступить бесприорно.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Istoria Transilvaniei*. București, 1961. V. 1. P. 293.
- 2 *Popovici A. C. Die Vereinigte Staaten von Grossosterreich*. Leipzig, 1906.
- 3 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș. România și Tripla Alianța, 1878–1914*. București, 1979. P. 293.
- 4 *Агаки А. С. Русско-румынские межгосударственные отношения в конце XIX — начале XX в. Кишинев, 1976. С. 44.*
- 5 *Кросс Б. Б. Предпосылки русско-румынского сближения накануне первой мировой войны // Уч. записки пед. института им. А. И. Герцена. Псков, 1971. С. 128.*
- 6 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș. Op. cit. P. 284.*
- 7 *Ibid. P. 287.*
- 8 *Ibid. P. 289.*
- 9 *Агаки А. С. Указ. соч. С. 59.*
- 10 *Conrad von Hoetzendorf F. Aus meiner Dienstzeit*. Wien, 1922. B. 1. S. 138–139.
- 11 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș. Op. cit. P. 293.*
- 12 *Виноградов К. Б. Боснийский кризис 1908–1909 гг. Л., 1964.*
- 13 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș. Op. cit. P. 295; Die Grosse Politik der Europaischen Kabinette 1871–1914. B. 27(1). № 9761, 9766.*
- 14 *Агаки А. С. Указ. соч. С. 60.*
- 15 Там же. С. 114.
- 16 *Кросс Б. Б. Указ. соч. С. 119, 120.*
- 17 *Агаки А. С. Указ. соч. С. 62.*
- 18 Там же. С. 63.
- 19 *Кросс Б. Б. Указ. соч. С. 123.*

- 20 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Д. 3093. Л. 21.
- 21 Там же. Д. 3092. Л. 72.
- 22 Там же. Л. 42.
- 23 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 329.
- 24 *Conrad von Hoetzendorf F.* Op. cit. Wien, 1922. B. 2. S. 354, 355, 359.
- 25 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 35.
- 26 *Кросс Б. Б.* Вступление Румынии во вторую балканскую войну и румынская дипломатия // Уч. зап. ин-та им. А. И. Герцена. Псков, 1971. Т. 502. С. 151.
- 27 *Мошану А. К.* Борьба двух тенденций в рабочем движении Румынии накануне первой мировой войны // Балканский исторический сборник. 1. Кишинев, 1966. С. 141.
- 28 *Кросс Б. Б.* Указ. соч. С. 157.
- 29 *România în relațiile internaționale.* Iași, 1980. P. 370.
- 30 *Кросс Б. Б.* Указ. соч. С. 157.
- 31 *Petrescu C. M.* Istoricul campaniei militare din 1913. Bucuresti, 1914. P. 60.
- 32 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 423.
- 33 *Conrad von Hoetzendorf F.* Op. cit. Wien, 1922. B. 3. P. 384, 391.
- 34 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 366–369.
- 35 *România în relațiile...* P. 373.
- 36 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 396, 397.
- 37 *Кросс Б. Б.* Констанцское свидание // Уч. зап. Шуйского гос. пед. ин-та. Шуя, 1959.
- 38 *Международные отношения в эпоху империализма.* Сер. III. М.; Л., 1931. Т. 3. С. 221, 224, 338.
- 39 *Căzan Gh., Rădulescu-Zoner Ș.* Op. cit. P. 375–378.
- 40 РГВИА. Ф. 2000. Д. 3130. Л. 73, 77.
- 41 Там же. Л. 119.
- 42 Там же. Д. 3126. Л. 13–15.
- 43 *Adevărul.* 25.07(05.08).1914.
- 44 *Adevărul.* 01.07(14.07).1914.

СЕРБИЯ ПРИ КАРАГЕОРГИЕВИЧАХ

Переворот 1903 г., смена династии повлекли за собой и перемену внешнеполитического курса. Ситуация для Австро-Венгрии стала стремительно меняться к худшему. Пожилой король Петр, в первую очередь озабоченный тем, как не повторить судьбу своего предшественника, фактически переложил все властные функции на руководство Радикальной партии и военную верхушку, одинаково антиавстрийски ориентированные¹. Уже в сентябре 1903 г. австро-венгерский посол в Белграде граф Константин Теодор Думба сообщал в Вену, что ситуация в сербо-австрийских отношениях является «настолько плохой, насколько это может быть... Вся наша работа и добрая воля (в том, что касается переворота) оказались потраченными впустую»². Особая роль в этом принадлежала газетной войне между двумя странами, вспыхнувшей вскоре после переворота — во многом по инициативе австро-венгерской печати. При этом особая роль в антисербской кампании принадлежала руководителю соответствующего департамента на Бальхаусплатце барону Э. Эттелю фон Эттернаху, который подчеркивал необходимость придерживаться более «гуманистической» точки зрения в оценке июньских событий в Сербии по сравнению с более сдержанной позицией министра иностранных дел Габсбургской монархии Голуховского. В ноябре этого же года начальник отдела министерства иностранных дел Дунайской монархии граф К. Мерей фон Капош-Мерей отмечал: «король представляет собой пустое место..., во главе всего находятся люди 11 июня (дата переворота. — *Авт.*)»³.

Сложившаяся кризисная ситуация в отношениях между Веной и Белградом была сполна использована Санкт-Петербургом. Российские дипломатические представители убеждали сербское правительство в том, что основной сферой жизненных интересов королевства являются территории, лежащие к западу от него, и в первую очередь, — на адриатическом побережье, а в том, что касается политики Сербии в отношении Венy, настоятельно советовали ему не заключать с Австро-Венгрией даже торгового соглашения и экспортировать сельскохозяйственную продукцию на германский рынок.

Ответ Бальхаусплатца не заставил себя долго ждать, однако его характер объективно исключал возможность рассчитывать на укрепление позиций Дунайской монархии в Сербии: Вена возобновила

бойкот сербского королевского двора под предлогом тех же обвинений морального свойства, которые уже звучали сразу же после июньского переворота. Напрасно Мерей убеждал австро-венгерское руководство в бессмысленности самого морального осуждения спустя полгода после осуждаемых событий и в опасности новой смены правящего режима в Белграде, ибо в результате к власти там могли прийти еще более нежелательные и опасные для интересов Австро-Венгрии силы. И император Франц-Иосиф, и министр иностранных дел Голуховский, и даже барон Алоис Лекса фон Эренталь — посол монархии в России и будущий преемник Голуховского — были убеждены в необходимости подобного давления на сербское руководство — давления тем более бесперспективного, что возможности Австро-Венгрии предпринять более жесткие меры против Белграда были в значительной степени ограничены ее же стремлением не ставить под угрозу поступательно развивавшиеся австро-русские отношения.

Очередным элементом в сотрудничестве двух великих держав по балканским вопросам явилось подписанное 3 октября 1903 г. в Мюрцштеге (Австрия) соглашение о проекте реформ в трех вилайетах Европейской Турции, явившееся непосредственной реакцией на события в Македонии, вошедшие в историю под названием Ильинденского восстания против османского гнета.

На заседании Главного штаба восстания, состоявшемся 26 июля 1903 г. в селе Буф (Леринско), было принято решение начать восстание 2 августа 1903 г., т. е. в день Святого Ильи. Основными лозунгами восстания, центром которого стал город Крушево в Битольском округе, были: «Долой Турцию!», «Долой тиранию!», «За Автономную Македонию!». Позднее восстание охватило Лозенградский район Адрианопольского вилайета, а также Пиринский край, однако к октябрю 1903 г. восстание в целом было подавлено регулярными турецкими войсками и отрядами башибузуков⁴.

Вышеуказанное соглашение, оформленное в виде инструкции российскому и австро-венгерскому послам в Османской империи, предусматривало совместное предъявление комплекса требований султанскому правительству. Оно включало следующие пункты: назначение при турецком главном инспекторе особых гражданских представителей России и Австро-Венгрии для наблюдения за проведением реформ; реорганизация турецкой жандармерии; изменение территориального разграничения административных единиц с учетом интересов христианского населения; преобразование административных и судебных учреждений; создание в административных центрах смешанных комиссий, состоящих из равного числа христиан-

ских и мусульманских делегатов для разбора политических и уголовных дел при участии консульских представителей России и Австро-Венгрии; временное освобождение сожженных турецкими войсками христианских сел от уплаты налогов⁵.

На развитие отношений Сербии с Австро-Венгрией в экономической области серьезное влияние оказывали взаимоотношения монархии Габсбургов с Германией. После того как германское правительство в 1902 г. повысило импортные пошлины на сельскохозяйственную продукцию, Вена стала скептически оценивать перспективы экономического сотрудничества между двумя странами и возможность заключения выгодного для интересов Австро-Венгрии торгового договора. Более того, в октябре 1904 г. австро-венгерский посланник в Белграде Думба недвусмысленно предупредил своего германского коллегу, что возможный срыв заключения торгового договора поставит под угрозу само существование австро-германского союза. Посол Германии в Австро-Венгрии обратился за разъяснениями и желательным дезавуированием данного заявления к министру иностранных дел монархии, однако Голуховский присоединился к словам своего подчиненного, отметив, что Австро-Венгрия придает серьезное значение австро-германским экономическим отношениям и с подозрением наблюдает за стремлением Берлина завоевать балканские рынки (в том числе сербский) в обход Австро-Венгрии⁶. Досталось в этом конфликте и сербам. Думба предупредил Белград, что заключение Сербией торгового договора с Германией в первоочередном порядке по сравнению с аналогичным документом между королевством и монархией Габсбургов неминуемо повлечет за собой ответные жесткие действия Вены, в частности закрытие транзитного сообщения между Сербией и Германией через территорию Австро-Венгрии.

1903–1906 гг. явились «звездным часом» австро-российской Антанты (как в западной историографии традиционно обозначается сближение между двумя государствами, имевшее место во второй половине 90-х гг. XIX — 900-х гг. XX вв.). К этому времени обе великие державы столкнулись с серьезными проблемами: Австро-Венгрия — внутривосточного и межнационального характера, а также связанными с проблемой устойчивости союзнических обязательств ее внешнеполитических партнеров (в первую очередь, Италии), а Россия — по причине войны с Японией, начавшейся в феврале 1904 г.

Австро-российское сближение получило свое дальнейшее воплощение в подписанной 15 октября 1904 г. в Санкт-Петербурге двусторонней тайной декларацией о взаимном нейтралитете. Принятием данной декларации, закреплявшей основные положения Мюрц-

штегского соглашения, российское правительство стремилось в условиях русско-японской войны закрепить сложившееся соотношение сил на Балканах и избежать возможных осложнений в этом регионе. Согласно документу, в основу которого был положен принцип соблюдения *status quo*, обе великие державы обязались соблюдать нейтралитет в случае войны Австро-Венгрии или России с третьим государством. Однако, если дело касалось балканских стран, договоренность о нейтралитете теряла свою силу. В этом случае стороны должны были специально координировать свои действия. Декларация также предусматривала, что принятые обязательства остаются в силе до тех пор, пока державы «будут следовать согласованной политике в делах Турции»⁷.

В конце 1905 г. австро-венгерское правительство оказалось застигнутым врасплох известием о том, что Сербия и Болгария заключили секретный таможенный союз. Оно ясно увидело в этом факте два негативных момента для своих интересов на Балканах. Во-первых, оба государства тем самым получали взаимную поддержку в ходе их будущих торговых переговоров с монархией Габсбургов, что позволяло им занять на них более жесткую и независимую позицию, а во-вторых — с более важной в данном случае политической точки зрения — таможенный союз Белграда и Софии являлся не чем иным, как первым шагом к образованию Балканского союза, способного нанести сокрушительный удар принципиальной политике Вены на Балканах, заключающейся в поддержании состояния равесия и скрытого соперничества между балканскими странами, и поставить под угрозу внутреннюю стабильность и территориальную целостность самой Австро-Венгрии. В начале 1906 г. этот вопрос явился предметом специальных обсуждений на уровне правительства Австро-Венгрии, в результате которых было принято решение отказаться от каких-либо решительных шагов в Белграде и Софии (способных лишь побудить их к еще большему сближению друг с другом)⁸.

Однако в вопросе об отношении Австро-Венгрии к указанному соглашению и необходимой корректировке ее политики в Вене существовали серьезные разногласия. Как в австрийском, так и в венгерском правительствах существовало твердое убеждение в необходимости оказания жесткого давления на Софию (действия которой в том, что касалось характера сербо-болгарского соглашения, находились в явном противоречии с положениями Берлинского трактата) и продолжения конструктивного диалога с Белградом. Однако сам министр иностранных дел указывал, что монархия располагает гораздо более эффективными средствами давления как раз на Сербию, нежели на ее балканскую соседку в силу того, что сербский экс-

порт в Австро-Венгрию намного превосходит по своим объемам импорт, в то время как ситуация с Болгарией являлась прямо противоположной, и в случае возможной болгаро-австрийской таможенной войны именно Вена окажется в проигрыше. Кроме того, по мнению министра, именно Болгария являлась наиболее перспективным балканским государством с точки зрения ее будущей силы и влияния, и в интересах монархии было включить ее в орбиту своего политического влияния — тем более, что она (в отличие от Сербии и Румынии) объективно не могла явиться причиной возникновения каких-либо внутривосточных осложнений ирредентистского характера — на территории Дунайской монархии болгары не составляли этнической общности. Поэтому, как отмечал Голуховский, «хорошие отношения с Болгарией в любом случае должны быть более предпочтительными по сравнению с Сербией, которая вот уже несколько лет непрерывно плетет интриги против Монархии, подстрекая сербо-хорватское население и агитируя против Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине»⁹.

В итоге главе внешнеполитического ведомства монархии Габсбургов удалось добиться согласия на реализацию своей политики, и переговоры с Болгарией получили свое конструктивное развитие, что же касается Сербии, то ее правительство было предупреждено о возможности распространения на сербские экспортные товары жесткого ветеринарного регулирования (тяжесть которого сербы уже имели возможность ощутить на себе). Это произвело должное впечатление на Белград, и уже в марте 1906 г. правительство королевства начало смягчать свою позицию, отодвигая на второй план нормы таможенного союза с Болгарией и стимулируя переговорный процесс с Веней по вопросу заключения между двумя сторонами торгового договора.

Однако в этот момент новое обстоятельство серьезно осложнило сербо-австрийские отношения. Белград разместил крупный заказ на приобретение вооружений во французской фирме «Шнайдер-Крезо», а не в «Шкоде» (Чехия), как это происходило ранее. Торговые переговоры между двумя странами вновь оказались прерванными, и Вена распорядилась о закрытии границы для сербского скота, поставлявшегося в монархию.

Так называемая «свиная война» между Сербией и Австро-Венгрией продолжалась в течение четырех лет — с 1906 по 1910 гг. Она привела к значительному укреплению как экономических, так и политических позиций Белграда, которому удалось с лихвой компенсировать потерю австро-венгерского рынка аналогичными приобретениями в России, Турции, Египте и даже Германии. Сербия

в значительной степени освободилась от прежней своей экономической зависимости от Австро-Венгрии, куда она теперь вывозила 30 % своей экспортной продукции — в отличие от 80–90 %, характерных для сербского внешнеторгового оборота «предвоенного образца».

Тем временем относительно благоприятный период в развитии австро-российских отношений также стремительно клонился к закату. 28 сентября 1907 г. в Вене министрами иностранных дел двух стран А. П. Извольским и А. Эренталем было подписано дополнительное соглашение, предусматривавшее дальнейшее осуществление программы, содержащейся в Мюрцштегском соглашении, на период до 1914 г., в связи с чем Османской империи предлагалось продлить полномочия военных и гражданских чинов европейской администрации в трех вилайетах Европейской Турции еще на семь лет ¹⁰.

Однако фактически данный документ и связанный с ним принцип поддержания status quo на Балканах утратили свою силу уже в следующем году — после заключения австро-турецкого соглашения о постройке Австро-Венгрией железнодорожной линии от Сараево (Босния и Герцеговина) через Ново-Пазарский санджак с выходом на Салоники. Уже в начале 1908 г. «отход Австро-Венгрии от политики „совместных действий“ с Россией на Балканах стал очевиден». Дело в том, что Вена отказалась поддержать уже согласованный с Россией проект судебных реформ в Македонии именно в ответ на получение от Константинополя односторонних преимуществ в трансбалканском железнодорожном строительстве ¹¹.

Тем не менее заключительной вехой австро-российского сотрудничества явилось предварительное секретное соглашение по балканским вопросам, достигнутое 15 сентября 1908 г. во время встречи Эренталя и Извольского в замке Бухлау (Чехия). Соглашение предусматривало, что Австро-Венгрия не будет препятствовать изменению международного режима Черноморских проливов с предоставлением России права проводить свои военные суда через Проливы поодиночке, а Россия даст согласие на осуществление Австро-Венгрией аннексии Боснии и Герцеговины, оккупированных ею на основании Берлинского трактата 1878 г. Министры договорились также об эвакуации австро-венгерских войск из Ново-Пазарского санджака, о согласии на провозглашение Болгарии независимым королевством, о передаче Греции острова Крит и о допуске Сербии и Болгарии в Дунайскую комиссию прибрежных держав ¹². Однако для окончательного разрешения возникающих проблем Россия считала необходимым созвать общеевропейскую конференцию. Извольский, кроме того, поставил вопрос о территориальных компенсациях в пользу

Сербии и частичном пересмотре в пользу Черногории ограничительных положений Берлинского трактата.

Аннексия Боснии и Герцеговины, объявленная австро-венгерским правительством 7 октября 1908 г. и повлекшая за собой отказ российского правительства от достигнутой в Бухлау договоренности, фактически поставила крест на продолжавшемся более десяти лет австро-российском сотрудничестве по балканским вопросам (см. раздел «Россия: возвращение в Европу»). Кроме того, она закономерно привела к резкому обострению отношений между монархией Габсбургов и Сербией, которая рассматривала указанные области в качестве составной части будущего югославянского государства и поэтому видела в данном акте прямое нарушение своих национальных интересов. Она потребовала предоставления Боснии и Герцеговине автономии, а также осуществления раздела Ново-Пазарского санджака между Белградом и Цетинье в целях установления между ними общей границы и предупреждения дальнейшего продвижения на юг Австро-Венгрии. По всей стране прокатились митинги и демонстрации протеста; по инициативе учащейся молодежи создавались пункты по записи добровольцев, готовых с оружием в руках отправиться на защиту сербских интересов в Боснию и в саму Австро-Венгрию¹³. О настроениях, господствовавших в тот период в сербском руководстве, красноречиво свидетельствует следующий отрывок из выступления на заседании скупщины 2 января 1909 г. тогдашнего министра иностранных дел Сербии М. Миловановича, который заявил: «Для всех поборников балканской свободы, для всех, кто сегодня выдвигает в качестве основы для решения балканского вопроса принцип — „Балканы — балканским народам“, — ясно, что для этого принципа и данного решения не существует другой опасности, кроме Австро-Венгрии. Балканская проблема сегодня сводится к тому, чтобы балканские свободы, и вместе с балканскими свободами интересы равновесия в Европе были защищены от Австро-Венгрии. Австро-Венгрии сегодня необходимо преградить путь к Эгейскому морю, между тем это может быть полностью достигнуто лишь в том случае, если Австро-Венгрия перестанет быть балканским государством. В противном случае, пока Австро-Венгрия будет оставаться балканским государством, она будет, в силу обстоятельств, фатально, и даже помимо своей воли, представлять опасность для всех балканских государств и народов, а в первую очередь, для своих непосредственных соседей»¹⁴. Одновременно, Сербия обратилась за содействием к России, которая поддержала ее требования и предложила обсудить ситуацию на конференции держав — участниц Берлинского трактата, посоветовав сербскому пра-

вительству не предпринимать никаких самостоятельных действий до окончания работы данного форума.

Однако вследствие противодействия со стороны Австро-Венгрии и Германии и отказа Франции оказать безусловную и действенную поддержку России конференция не была созвана. 14 марта 1909 г. правительство Германии, принимая во внимание экономические трудности России и неподготовленность к войне, предложила ей санкционировать акцию Австро-Венгрии, а 21 марта 1909 г. предъявило ультимативное требование о немедленном ответе на данное предложение, одновременно дав понять, что отрицательный ответ повлечет за собой вооруженное нападение Австро-Венгрии на Сербию при поддержке со стороны Германии. В результате Россия была вынуждена отказаться от своих первоначальных требований и посоветовала Сербии не противодействовать аннексии. Аналогичную позицию заняли и другие европейские государства ¹⁵.

В итоге, хотя боснийский кризис был разрешен мирным путем, однако он имел серьезные последствия для балканских народов. Резко обострились сербо-австрийские отношения вследствие того, что Сербия окончательно стала рассматривать Австро-Венгрию в качестве непосредственной угрозы для своего существования и территориальной целостности, а Вена опасалась роста антиавстрийских выступлений в своих областях, населенных югославянскими народами. Это обусловило окончательный отказ сербского руководства от существовавшей в конце прошлого столетия внешнеполитической ориентации на монархию Габсбургов и переход к устойчивой и всесторонней ориентации на Россию. Кроме того, к балканским сюжетам было теперь постоянно приковано внимание великих держав, стремившихся в условиях прогрессирующего ослабления экономической и военно-политической мощи Турции, усилившейся политической борьбы в турецком руководстве (свидетельством которой явилась младотурецкая революция 1908 г. и последовавшая вслед за этим вооруженная борьба за власть) и роста национально-освободительных выступлений в ее европейских областях — прежде всего в Албании — укрепить свои экономические и политические позиции в отдельных государствах региона, которому придавалась исключительная роль в стратегических планах обеих европейских группировок — Антанты и Тройственного союза.

В сложившихся условиях балканские государства приступили к подготовке создания военно-политического союза, направленного против Турции и ставившего своей целью освобождение областей со славянским населением. Важную роль в процессе заключения данного союза сыграли государства Антанты, в первую очередь Россия.

Переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора начались непосредственно после начала итало-турецкой войны и проходили при активном участии российской дипломатии. В результате, 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе, к которому прилагалось секретное приложение, предусматривавшее совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Согласно утвержденной сторонами карте территориальных приращений, граница между двумя государствами в этой области должна была проходить по линии, начинающейся к северу от города Крива Паланка и заканчивающейся у города Струга на Охридском озере, оставляя Сербии Скопье, и одновременно доводя пределы Болгарии до албанских земель¹⁶.

Одновременно Болгария и Сербия гарантировали друг другу государственную независимость и территориальную целостность. Стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу максимальную поддержку в случае нападения на одну из них, а также в случае, если какая-либо третья держава попытается присоединить или оккупировать какую бы то ни было часть балканской территории, находящейся под турецким контролем, и если одна из сторон сочтет это посягательством на свои жизненные интересы. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родопов и р. Струмы, а Болгария за Сербией — права на территорию к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора. Вслед за договором между двумя государствами была подписана 12 мая 1912 г. военная конвенция, дополненная затем двумя соглашениями болгарского и сербского генеральных штабов от 2 августа и 28 сентября 1912 г.

Осенью 1911 г. начались аналогичные переговоры между Болгарией и Грецией, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного болгаро-греческого оборонительного договора. Стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать соответствующее содействие всеми своими вооруженными силами и не заключать при этом сепаратного мира. Приложенная к договору декларация предусматривала, что статья о взаимопомощи не относится к случаю возникновения войны между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент депутатов с о. Крит вопреки воле Константинополя. В данной ситуации Болгария брала на себя обязательство сохранять по отношению к Греции благожелательный нейтралитет. 5 октября 1912 г. была подписана болгаро-греческая военная конвенция.

Наконец, в сентябре 1912 г. было заключено устное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции (см. раздел, посвященный Балканским войнам).

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 По воспоминаниям одного из лидеров межвоенной Хорватии, В. Мачека, «новая антиавстрийская политика Королевства Сербии начала оказывать сильное влияние не только на сербов в Хорватии и в Боснии, но и на многих хорватских интеллектуалов, ориентированных прославянски и антиавстрийски. Так как и венгерская оппозиция воспринимала Австрию в штыки, то последней — так называемым коштуовцам — было несложно добиться согласия всех сербских партий в Хорватии, а также часть хорватских партий, например, Партию права и прогрессистов, объединить с ними свои усилия в этой антиавстрийской борьбе» (*Macek V. Memoari. Hrvatska seljaska stranka. Zagreb, 1992. S. 33*).
- 2 Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Vienna, Aehrenthal MSS. Karton 1.
- 3 Цит. по: *Bridge F. R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990. P. 248–249*.
- 4 Документы за борбата на македонскиот народ за самосталност и за национална држава. Том први. Скопје, 1981. С. 396–399.
- 5 Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М., 1952. С. 329–332. Османская империя приняла указанные требования, однако они так и не были проведены в жизнь, за исключением назначения гражданских агентов обоих государств сроком на два года при главном инспекторе и организации жандармерии.
- 6 В конечном итоге австро-германский торговый договор был подписан в 1906 г.
- 7 Сборник договоров России с другими государствами, 1856–1917. М., 1952. С. 333–334.
- 8 Как неоднократно указывал Голуховский в ходе развернувшихся дебатов, «в политике законы логики не всегда превалируют». (Цит. по: *Bridge F. R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990. P. 261*.)
- 9 *Bridge F. R. The Habsburg Monarchy among the Great Powers, 1815–1918. Berg; New York; Oxford; Munich, 1990. P. 261–262*.
- 10 Россия, 1907, 1 окт.
- 11 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 224–225.
- 12 Исторический архив. 1962. № 5. С. 121–124.
- 13 *Rusija i aneksiona kriza 1908–1909. Knjiga 1. Titograd, 1904. S. 473–474*. Аналогичные настроения были распространены и в России, что нашло свое отражение не только на страницах публицистических изданий, но и в научных трудах. В частности, видный русский исследователь А. Л. Погодин подчер-

кивал, что судьба Боснии и Герцеговины должна была быть решена в ходе начавшейся Первой мировой войны, однако «справедливым решением было бы только присоединение их к Сербскому королевству». (Погодин А. Л. Славянский мир. Политическое и экономическое положение славянских народов перед войной 1914 г. М., 1915. С. 332.)

- 14 Рад Народне Скупштине сазване у редован сазив за 1908. годину. Стенографске белешке. Београд, 1909. Књ. I. С. 311. Именно после аннексии Боснии и Герцеговины сербские тайные общества и организации, действовавшие как в этих провинциях, так и собственно в Сербии, и финансировавшиеся политическим и военным руководством Белграда, а также Санкт-Петербургом, во главу угла своей деятельности стали ставить террористические методы, направленные против австрийских функционеров и высших должностных лиц, апофеозом которых стало убийство 28 июня 1914 г. эрцгерцога Франца-Фердинанда. (Ferro M. The Great War 1914–1918. Routledge. London and New York, 1987. P. 17.)
- 15 Подробнее см.: Извольский А. П. Воспоминания. Пг.; М., 1924.
- 16 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 195.

ЧЕРНОГОРИЯ В 1903—1914 гг.

Приход к власти в Сербии 4 июня 1903 г. в результате государственного переворота Петра Карагеоргиевича — внука руководителя Первого сербского восстания Карагеоргия и зятя самого Николы Петровича Негоша, был с оптимизмом встречен черногорским общественным мнением, видевшим в нем залог коренного улучшения отношений между двумя государствами. Однако этот же акт нанес удар по надеждам черногорского монарха воспользоваться ширившимся в среде сербского населения недовольством покойным Александром Обреновичем и при соответствующих благоприятных условиях добиться провозглашения своего сына Мирко королем Сербии. Да и первый конкретный шаг нового сербского руководства по отношению к Черногории был окрашен в негативные цвета: в июле 1903 г. из Цетинье был отозван сербский посланник (отсутствие которого имело место быть вплоть до осени 1913 г.).

Ильинденское восстание в Македонии и последовавшее за ним заключение австро-российского соглашения по балканским вопросам в Мюрцштеге подтолкнули обе стороны к обсуждению путей и методов взаимного сближения. Уже в сентябре того же года в Константинополе состоялся неофициальный обмен мнениями на эту тему между сербским посланником в Османской империи и министром иностранных дел Черногории воеводой Г. Вуковичем, а в конце 1903 г. последний направил специальное послание в Белград, призвав сербский кабинет заключить двустороннее соглашение «по всем деталям совместной позиции» на случай войны, представлявшейся неизбежной¹. Одновременно князь Никола призвал к этому же Петра Карагеоргиевича, выразив пожелание, чтобы обе страны в будущем двигались по одной политической колее; черногорский правитель опасался что дальнейшие беспорядки в европейских областях Османской империи дадут монархии Габсбургов повод — под предлогом защиты принципа *status quo*, закрепленного в австро-российских соглашениях — установить непосредственный контроль над теми областями Балканского полуострова, которые как в Цетинье, так и в Белграде относили к сфере сербских жизненных интересов (Косово, Метохия, Македония и т. д.).

Сербское правительство позитивно отреагировало на черногорскую инициативу и в апреле 1904 г. направило в черногорскую сто-

лицу проект документа, озаглавленного «Союзный договор между королевством Сербией и княжеством Черногорией»; однако вскоре переговоры застопорились: стороны обменивались проектами, поправками и контрпроектами, — и в конечном итоге в первой половине 1905 г. были прерваны вследствие отказа Сербии согласиться на требования черногорского князя предварительно разграничить сферы влияния двух государств в Ново-Пазарском санджаке, Метохии и Албании и сообщить содержание договора российскому императору. Кроме того, к этому времени опасность возникновения нового кризиса на Балканах в значительной степени сошла с повестки дня и уже не могла играть роль побудительного мотива к заключению соглашения.

Влияние России на черногорского князя Николу Петровича (сосредоточившего в своих руках практически все властные функции в стране) было определяющим. Дипломатическому представителю Санкт-Петербурга в Цетинье фактически принадлежала роль важнейшего внешнеполитического советника Николы.

Помимо политических связей между своей страной и Россией, Никола придавал особую роль в развитии российско-черногорского сотрудничества и «человеческому фактору» в самом прямом смысле этого определения. Две его дочери были замужем за членами российского императорского дома. В глазах черногорцев данное обстоятельство имело не только моральное, но и сугубо практическое значение, так как, по их мнению, российский император тем самым брал на себя непосредственную обязанность оказывать всемерную поддержку родственному в прямом и переносном смысле этого слова государству. По словам князя Николы, являвшегося, как отмечалось выше, главной опорой и проводником российского влияния в Черногории («абсолютного» по терминологии черногорских историков), его страна «обязана всем, что она имеет, своему самому благородному добродетелю»².

И российское руководство отвечало ему взаимностью. На торжественном приеме в Санкт-Петербурге, состоявшемся в 1889 г., император Александр III произнес тост, нашедший живой отклик в сердцах черногорцев и еще более укрепивший их веру в «большого брата»: «Я пью за здоровье князя черногорского, единственного искреннего и верного друга России»³. Между строк данного тоста отчетливо слышались намеки на правителей Сербии и Болгарии, в то время изменявших России с Австро-Венгрией.

Однако не моральная поддержка и торжественные речи были в первую очередь жизненно необходимы молодому независимому государству. Экономическое сотрудничество — в первую очередь, в виде безвозмездной материальной и финансовой помощи — вот

что ожидали черногорский двор и широкие слои населения княжества от России. И Санкт-Петербург, понимая важность сохранения хотя бы одного политического и, в первую очередь, военного форпоста на Балканах, исправно выполнял свою «почетную обязанность».

Ежегодная российская субсидия Черногории после 1878 г. (как и до этого) составляла 46000 рублей на нужды правительства и лично князя, 88000 — Духовной семинарии, 5000 — Женскому институту и около 3000 рублей — на нужды церкви. Кроме того, в общий объем денежной субсидии на включались денежная помощь цетиньской больнице, составлявшая 2000 рублей. С 1889 г. российская субсидия была увеличена до 100000 рублей, из которых половина приходилась княжескому двору.

Начиная с 1896 г. Россия дополнительно выделяла 82000 рублей в год на содержание регулярной черногорской армии, а со следующего года Санкт-Петербург стал перечислять еще по 20000 рублей в год на нужды двора черногорского престолонаследника Данилы, и таким образом ежегодные расходы России непосредственно на княжеский дом стали составлять 70000 рублей, а всего — и другие, более мелкие статьи расходов, самый надежный в тот период времени балканский союзник «стоил» Санкт-Петербургу более 220000 рублей (по цифрам 1896 г.).

Начиная с 1902 г. размеры российской субсидии Черногории были вновь пересмотрены и стали составлять 500000 рублей в год (вместе с некоторыми параллельными выплатами — 560000 рублей). Шесть лет спустя, в 1908 г. правительство России приняло решение выплачивать князю Николу 80000 рублей в год, наследнику престола — 30000; кроме того, 100000 рублей были выплачены правителю страны единовременно. С 1911 г. были увеличены размеры российской военной субсидии Черногории до 600000 рублей, и таким образом, с этого времени совокупные цифры безвозмездной денежной помощи Черногории стали составлять 921500 рублей. Кроме того, на протяжении рассматриваемого периода Россия несколько раз предоставляла Черногории крупные займы на благоприятных условиях.

Помимо этого, Санкт-Петербург на протяжении рассматриваемого периода оказывал своей союзнице материальную поддержку и в других формах. В 1879 г., когда Черногория непосредственно столкнулась с проблемой голода, Россия предоставила ей средства, на которые та смогла приобрести 15000 тонн пшеницы. Черногорское правительство имело возможность использовать российские деньги на выплаты по своим задолженностям Австро-Венгрии (чему, в частности, служил заем в 750000 рублей на условиях продолжительного срока возврата и низких процентов, предоставленный Княжеству в 1900 г.).

В 1882 г. Черногория смогла приобрести в Вене артиллерийские орудия для своей армии — также на российские деньги. В 1895 г. Россия безвозмездно передала Черногории 30000 винтовок. На российские деньги была построена казарма в Цетинье и функционировали военные школы. В 1909 г. императорское правительство в очередной раз передало в распоряжение черногорской армии значительный объем оружия, боеприпасов и иных материалов⁴.

Однако в отношениях между двумя государствами не обходилось и без коллизий и столкновений. Прежде всего, высокая степень экономической зависимости от Санкт-Петербурга и, в связи с этим, чувство моральной обязанности следовать в фарватере его политики не могли не уязвлять самолюбивого и амбициозного черногорского князя. Однако помимо этого, на рубеже XIX — XX вв. ряд конфликтов заставили черногорское правительство несколько по-иному взглянуть на место своей страны во внешнеполитической стратегии «славянской Матицы-России». Так, в 1898 г. российское правительство способствовало назначению представителя династии Петровичей-Негошей воеводы Божо Петровича генерал-губернатором Крита в качестве полномочного представителя великих держав для разрешения кризисной ситуации, сложившейся вокруг острова. Это было сделано без ведома князя Николы и вызвало его недовольство. Еще более серьезное дипломатическое столкновение между Черногорией и Россией произошло в 1905 г., когда на повестку дня встал вопрос экономического и политического проникновения Италии на Балканы и, в частности, в Черногорию. Непреклонная позиция, занятая Россией, свидетельствовала о том, что ее правительство не собирается позволять ни одной державе в той или иной степени вовлечь Черногорию в орбиту влияния.

Однако экономические реалии в стране всякий раз заставляли Николу Петровича идти на уступки. Более того, после 1903 г. в силу вступил еще один важный фактор, вынуждавший черногорское правительство быть покладистее с Санкт-Петербургом. Государственный переворот в Сербии и приход к власти в этой стране пророссийски и антиавстрийски ориентированной династии Карагеоргиевичей означал, что Черногория отныне уже не могла стричь политические и экономические купоны со своего статуса единственного балканского союзника России. Для российского же правительства первостепенное значение в сложившейся ситуации играли добрососедские отношения между двумя родственными государствами — Сербией и Черногорией — факт, достаточно неприятный для подозрительного и самолюбивого Николы, стремившегося единолично играть роль флагмана сербской идеи. Данное обстоятельство было особенно

ясно продемонстрировано черногорскому князю в ходе его посещения Санкт-Петербурга в 1908 г.

Кроме того, в условиях новой расстановки сил, сложившейся в Европе после 1878 г., Певческий мост отводил гораздо большую роль в плане реализации своих внешнеполитических приоритетов в Юго-Восточной Европе укреплению отношений с великими державами (в первую очередь с Австро-Венгрией), нежели политическому и военному укреплению маленькой Черногории. Понимая это, а также наблюдая неудачи России в войне с Японией 1904–1905 гг., и сталкиваясь со все возрастающей активностью Австро-Венгрии (на которую приходилась одна треть сухопутных рубежей княжества) и Италии, черногорский правитель с конца 1904 г. стал все больше отдавать предпочтение умелому лавированию между двумя полюсами австро-российского магнита, продолжая заверять Санкт-Петербург в своей традиционной и неизменной преданности и одновременно все больше скрывая от него конкретные аспекты своей внешнеполитической деятельности, что вызывала растущее недоверие к его персоне в коридорах и кабинетах российского внешнеполитического ведомства⁵.

В 1904–1905 гг. между Черногорией и Австро-Венгрией проходили двусторонние переговоры по вопросу о взаимной выдаче преступников. Однако они зашли в тупик вследствие решительного отказа черногорской стороны согласиться на предложение Вены распространить действие соглашения на территорию Боснии и Герцеговины, оккупированных монархией Габсбургов на основании решения Берлинского конгресса, но продолжавших находиться под формальной юрисдикцией Османской империи⁶.

В начале 1908 г. на повестку дня в отношениях между Черногорией и Австро-Венгрией встал вопрос железных дорог. В январе 1908 г. министр иностранных дел Австро-Венгрии А. Эренталь обнародовал специальное заявление, в котором говорилось о намерении его страны построить железнодорожную линию через черногорскую территорию на основании 29 статьи Берлинского трактата. Стремление Вены получить право на строительство данной линии было в значительной степени связано с активным проникновением в Черногорию итальянского капитала, который получил от Цетинье концессию на использование государственной табачной монополии; кроме того, между двумя странами проходили переговоры относительно участия итальянской стороны в строительстве железнодорожной линии Бар-Вирпазар и портовых сооружений в городе Бар. Сами же проектируемые линии имели для австро-венгерского руководства в первую очередь политическое и военно-стратегическое

значение, ибо они должны были играть важную роль в укреплении позиций монархии в Албании, а также служить составным звеном в будущем политическом и экономическом освоении Боснии и Герцеговины, конечная аннексия которых уже ни для кого не была секретом в ведущих европейских столицах. Вслед за этим австро-венгерское министерство иностранных дел направило Николе памятную записку, в которой говорилось, что монархия Габсбургов имеет закрепленное в Берлинском трактате право соорудить и эксплуатировать за свой счет железнодорожную линию, которая связывала бы черногорское побережье через Бар и Улцинь со Шкодрой или другим пунктом в Албании.

Князь Никола скептически отнесся к австро-венгерскому предложению, опасаясь, что его реализация приведет к тому, что Черногория в случае возможного в будущем вооруженного конфликта окажется взятой в клещи двумя проектируемыми австро-венгерскими железнодорожными линиями — от черногорского побережья до Шкодры и от Боснии через Ново-Пазарский санджак в Косово и Македонию; и со своей стороны выдвинул проект постройки указанной линии самой Черногорией с использованием предоставляемой Австро-Венгрией на эти цели финансовой помощью. Однако Вена в свою очередь его отклонила, ссылаясь все на ту же 29 статью Берлинского трактата, и предложила на рассмотрение черногорской стороны новые варианты, включавшие в себя проведение железнодорожной линии либо до Подгорицы, либо до Цетинье, однако их основным условием оставались исключительные полномочия Австро-Венгрии на выбор территории, по которой будет проходить искомая линия, а также ее конечного пункта, который в перспективе мог находиться на австро-венгерской территории, в частности, в Которе, что также было неприемлемым для Николы.

В конце июня 1908 г. австро-венгерский военный агент передал черногорскому правительству два новых предложения Вены. Одно из них включало строительство железной дороги между городами Вир-Пазар и Никшич, которая бы позднее вышла на Плевле или была бы соединена с боснийской линией в районе Требинье, а второе — конструирование аналогичного транспортного пути Котор — Цетинье. Однако и они были отклонены княжеством.

После введения в Черногории 19 декабря 1905 г. конституции, разработанной по инициативе и под присмотром Николы, последовавшего вслед за этим во многом неожиданного для черногорских властей и европейских наблюдателей подъема политической активности населения, страна вступила в длительный период внутривнутриполитических осложнений и противоречий, наложивших серьезный не-

гативный отпечаток на ее отношения с ближайшими соседями, в первую очередь, Сербией и монархией Габсбургов. В этих условиях Австро-Венгрия, разочаровавшаяся в пришедшем к власти в Сербии в результате государственного переворота 1903 г. короле Петре Карагеоргиевиче, стала внимательнее присматриваться к ситуации на черногорской политической сцене, ища возможных союзников и пути для укрепления своих позиций в княжестве. Ее дипломаты, в частности, обращали внимание цетиньского руководства на деятельность представителей зарождавшегося в стране либерального гражданского движения, а также политическую активность черногорских студентов и эмигрантов, обвиняя их в связях с сербскими придворными, правительственными и военными кругами.

Деятельность избранной в 1906 г. народной скупщины, направленная на ограничение абсолютной власти князя, вызвала резкое недовольство Николы. В апреле 1907 г. он поручил сформировать кабинет преданным ему консерваторам во главе с Лазарем Томановичем, а в июле 1907 г. издал распоряжение о роспуске скупщины о об объявлении выборов депутатов нового созыва, после чего запретил деятельность недавно образованной Народной партии (сторонники которой не могли принимать участия в будущих выборах), ее печатного органа газеты «Народная мысль» (вместе с разрушением типографии, в которой она издавалась) и начал кампанию преследований ее сторонников. Эти меры вызвали крайне негативную реакцию в Сербии, в среде черногорских эмигрантов и студентов, обучавшихся и проживавших в Белграде; в Черногорию было переправлено 15 бомб, обнаруженных черногорской полицией.

Черногорское правительство и лично князь Никола выступили с жесткими обвинениями в адрес Сербии, заявив, что в Белграде был разработан заговор, направленный на физическое уничтожение черногорского князя и совершение в стране революции. Цетинье потребовало от белградского кабинета немедленно арестовать и передать Черногории всех подозревавшихся лиц, поставив в зависимость от выполнения данных условий дальнейшие отношения между двумя странами и заявив, что для Сербии настало время на деле продемонстрировать свою приверженность принципам добрососедства. Однако та отклонила эти лишённые правовой основы требования и вновь отозвала из черногорской столицы своего посланника, только-только прибывшего на место своей службы.

Одновременно, на основании проведенного расследования черногорские власти пришли к заключению, что ряд лиц, причастных к осуществлению данной операции, находятся на австро-венгерской территории — в Боке Которской — и министерство иностран-

ных дел княжества передало австро-венгерскому посланнику требование правительства провести соответствующие аресты. Однако полиции монархии удалось арестовать лишь четверых, в то время как главным обвиняемым (по словам черногорской стороны) удалось скрыться.

Тем не менее Черногория обратилась к монархии Габсбургов с предложением передать арестованных в ее руки на основании двустороннего соглашения от 1872 г. о взаимной выдаче преступников; однако министерство юстиции Вены отказалось удовлетворить указанное ходатайство, заявив, что судебный процесс будет проведен надлежащими австро-венгерскими властями. 30 июня 1908 г. в Которе состоялся суд, вынесший оправдательный приговор.

7 октября 1908 г. австро-венгерское правительство объявило об аннексии Боснии и Герцеговины. Этот шаг вызвал волну негодования и антиавстрийских настроений и демонстраций в Черногории и заставил забыть инцидент с заговором, поставив на повестку дня не просто нормализацию отношений с Сербией, но и заключение между двумя странами союзного договора. В тот же день князь Никола обнародовал специальное воззвание к своим подданным, в котором, подчеркивалось, что данная акция монархии Габсбургов рассматривается его страной как «самовольное нарушение Берлинского договора», в связи с чем его пресловутая 29 статья больше не имеет для Цетинье юридической силы ⁷.

Сербское правительство передало черногорскому меморандум, в котором изложило свое видение совместных действий двух стран в сложившейся ситуации, включая территориальные компенсации за нарушение балканского статус-кво. Ответным шагом Николы явилось направление в Белград его личного посланника бригадира Янко Вукотича.

24 октября 1908 г. в Белграде состоялось подписание сербо-черногорского договора, в которой приняли участие с черногорской стороны Вукотич, а с сербской — председатель правительства П. Велимирович. В документе отмечалось, что Сербия и Черногория «полностью согласны в оценке ситуации, созданной аннексией Боснии и Герцеговины» и констатируют, что данная акция Австро-Венгрии нанесла «тяжелый ущерб» интересам сербского народа и поставила под угрозу дальнейшее развитие и самостоятельность «обоих Сербских самостоятельных государств», в связи с чем обе стороны достигли «полного и самого тесного согласия» в защите общих интересов всеми возможными средствами, включая — в случае такой необходимости — и военные ⁸.

Вслед за юридическим закреплением своих прав на Боснию и Герцеговину и получением согласия других великих держав Австро-Венг-

рия вывела свои гарнизоны из трех городов Ново-Пазарского санджака — Плевле, Преполье и Прибой — которые были закреплены за ней Берлинским трактатом 1878 г. Однако она твердо дала понять Черногории, что та (как и Сербия) не может рассчитывать на какие-либо территориальные компенсации. 5 апреля 1909 г. Австро-Венгрия и Черногория заключили соглашение по неурегулированным вопросам. Вена согласилась на отмену тех положений 29 статьи Берлинского трактата, «которыми ограничиваются права полного суверенитета Черногории»⁹. Однако Бар по-прежнему должен был сохранять характер исключительно торгового порта; в нем было запрещено возводить сооружения, которые могли бы быть использованы в военных целях. Кроме того, черногорское правительство заявило о своей согласии с происшедшими изменениями на Балканах (Сербия сделала это 31 марта) и обязалось в будущем поддерживать с Австро-Венгрией добрососедские отношения. Тем не менее справедливым представляется мнение российского историка Н. И. Хитровой, отмечающей, что именно боснийский кризис 1908–1909 гг. «ускорил создание Балканского союза», направленного как против Австро-Венгрии, так и против Османской империи¹⁰.

Однако несколько месяцев спустя после завершения боснийского кризиса отношения между двумя государствами в очередной раз ухудшились. Неудачная попытка находившихся в подполье активистов Народной партии организовать восстание в Колашинском округе и организованный над ними судебный процесс были использованы Николой и его придворными кругами для обвинений сербских официальных кругов во вмешательстве во внутренние дела Черногории. В свою очередь, смертный приговор, вынесенный пятерым обвиняемым, и приведение его в исполнение вызвали бурные протесты в Сербии, хотя белградский кабинет официально никак не прореагировал на указанные события.

Вслед за этим черногорское правительство потребовало от Белграда выслать из Сербии несколько черногорских студентов и эмигрантов, на что сербское правительство дало свое согласие в конце февраля 1910 г. (по совету России и Франции и в интересах улучшения сербо-черногорских отношений).

В этих условиях князь Никола взял курс на нормализацию отношений с Веной как в политической, так и в экономической области. В глазах самолюбивого черногорского князя важнейшее значение приобрел еще один фактор, говоривший в пользу дальнейшего сближения с Австро-Венгрией, а именно его страстное желание приурочить к пятидесятой годовщине своего вступления на престол в 1910 г. провозглашение своего государства королевством, что на деле было

невозможно без одобрения данного шага великими державами, в первую очередь, Австро-Венгрией.

1 марта 1910 г. состоялось посещение австро-венгерской эскадрой Бара по личному приглашению князя Николы. Командир соединения в сопровождении офицеров нанес визит в столицу Черногории Цетинье, где они были приняты князем. Однако широкие слои черногорского населения оказали весьма прохладный прием австро-венгерским военным (в отличие, в частности, от офицеров французского флота, посетившего их страну незадолго до этого — во второй половине декабря 1909 г.).

28 августа 1910 г. Черногория была провозглашена королевством. На церемонии не присутствовал ни один представитель австрийского императорского дома, и участие Вены ограничилось поздравительным письмом, направленным Францем-Иосифом Николе за несколько дней до даты. Отсутствовал и сербский король Петр, направивший в Цетинье делегацию во главе с престолонаследником Александром, что отражало двойственную реакцию на этот шаг черногорского князя сербских кругов, сомневавшихся в его обоснованности и позитивном характере.

С весны 1910 г. на развитие черногорско-австрийских отношений стал оказывать все более активное влияние албанский фактор, ибо оба государства стремились использовать поднимавшееся албанское национальное движение и вооруженную борьбу албанцев против Османской империи в целях укрепления своих позиций в этой стратегически важной области Балканского полуострова.

Никола каждый год наносил официальные визиты в австро-венгерскую столицу. Однако после провозглашения Черногории королевством перед новоиспеченным королем встал вопрос весьма деликатного свойства: какую из двух столиц — Вену или Санкт-Петербург — посетить первой в своем новом качестве. Решающую роль в этом плане сыграло пророссийски ориентированное черногорское общественное мнение, и в январе 1912 г. выбор был сделан в пользу России.

Спустя полгода — 6 июня 1912 г. — Никола посетил Вену, где он был встречен с максимальными почестями. На железнодорожном вокзале черногорского монарха встречал лично император Франц-Иосиф с высшими политическими и военными руководителями монархии Габсбургов. Глава австро-венгерского государства назначил Николу почетным командиром одного из полков императорско-королевской армии. Данная акция приобрела особый смысл в условиях аналогичного по содержанию шага Николая II, который по случаю провозглашения черногорского монарха королем возвел

его в чин фельдмаршала российской армии. Это явилось наглядным свидетельством напряженной борьбы между двумя великими державами за привлечение на свою сторону молодых, но самолюбивых и претенциозных балканских государств.

Значимость Черногории в глазах российского правительства тем временем все более окрашивалась в военные тона. В 1903 г. в Цетинье был направлен российский военный агент Н. М. Потапов, располагавший весьма широкими полномочиями в области организации черногорской армии. Российские офицеры принимали непосредственное участие в подготовке черногорских военных кадров, а в 1911 г. в Цетинье на российские средства был открыт кадетский корпус, преподавание в котором в основном было поручено российским военным специалистам, использовавшим в своей работе военные уставы и регламенты, действовавшие в российской армии. Наконец, в 1910 г. Никола заключил с Россией секретную военную конвенцию, согласно которой за Россией фактически закреплялось верховное командование вооруженными силами княжества¹¹.

В конце 1910 — начале 1911 г. вновь активизировались контакты Черногории и Сербии на предмет заключения военного союза, направленного против Турции в условиях обострения ситуации в ее европейских областях (прежде всего в Албании) и активного участия в событиях черногорской стороны. Однако лишь в конце сентября 1912 г. в Люцерне состоялись непосредственные переговоры полномочных делегаций двух стран, в результате которых 3 октября 1912 г. ими были подписаны два документа — политическая и военная конвенции. В сентябре же было заключено устное соглашение о совместных действиях против Турции между Черногорией и Болгарией. Тем самым фактически оформился Балканский союз, о создании которого как важнейшей задаче в российском внешнеполитическом ведомстве говорили еще с конца 1908 г. Однако на деле оказалось, что в Санкт-Петербурге и в балканских столицах по-разному рассматривали его цели и задачи. Певческий мост видел в военно-политическом сплочении балканских стран важнейшее средство противодействия австро-германской экспансии в регионе, в связи с чем «в Петербурге долгое время тешили себя тщетной надеждой привлечь к этому союзу Турцию»¹². Союзники же с самого начала видели перед собой совсем другого неприятеля, что противоречило курсу российского МИД на поддержание status quo на Балканах.

1 октября 1912 г. Никола Петрович Негош издал указ о мобилизации черногорской армии. 8 октября черногорский посланник в Константинополе передал турецкому правительству ноту об объявлении войны, а 9 октября обнародована военная прокламация Николы.

Одним из основных вопросов, вставших на повестку дня в Черногории после окончания успешной для нее эпохи Балканских войн¹³, явилось окончательное определение и юридическое закрепление новых границ государства, что подразумевало в качестве своей важнейшей составной части сербо-черногорское территориальное разграничение.

Первоначально в сербских правительственных кругах преобладало убеждение, что в ходе переговоров не должно возникнуть серьезных затруднений¹⁴. Эта уверенность еще больше возросла после получения из Цетинье сообщения о том, что король Никола отказывается от своего требования об уступке Черногории Призрена¹⁵. 28 августа 1913 г. сербское правительство передало находившимся в Белграде черногорским делегатам — председателю совета министров Черногории генералу Я. Вукотичу и начальнику политического отдела министерства иностранных дел Черногории Матановичу — предложение о возможном направлении пограничной линии, согласно которому Ново-Пазарский санджак должен был быть поделен приблизительно на две равные по площади части с включением в состав Черногории г. Плевле; кроме того, Черногории должен был быть передан город Дьяково¹⁶.

Вукотич, имевший широкие полномочия для решения указанных вопросов, сразу же заявил о неприемлемости для его страны указанного предложения (названного им «поразительным») вследствие недостаточно обширных территорий, передаваемых Черногории. Одновременно австро-венгерское правительство заявило через своего представителя в Цетинье о готовности «жить в тесной дружбе с Черногорией, оказывая ей возможное содействие во всех возникающих вопросах», но вместе с тем, поставило свои отношения с ней в зависимость от тех отношений, которые Черногория установит и будет поддерживать с Сербией¹⁷.

2 сентября 1913 г. переговоры между Сербией и Черногорией были прерваны. Сербские представители отвергли предложения, сообщенные Вукотичем и касавшиеся главным образом областей в Метохии.

Сербский посланник в Черногории М. Гаврилович подчеркивал, что сербское правительство с тревогой наблюдало за положением дел в Черногории и настроениями населения и полагало, что в ходе двусторонних переговоров могли резко обозначиться принципиальные разногласия между населением и королем Николой и возобновиться его давние спекуляции на австро-венгерских настроениях по отношению к Сербии, в связи с чем «единоплеменное соседнее государство, при усвоенных его властителем полити-

ческих приемах, может явиться для Сербии не надежным союзником, а тяжелым балластом»¹⁸.

Более месяца вопрос о сербо-черногорском разграничении оставался открытым, вызывая резкую критику в адрес правительства Пашича со стороны сербской оппозиции и недовольство общественного мнения двух стран. Наконец правительство Сербии выработало новый проект соглашения о сербо-черногорской границе, включавшее в себя некоторые дополнительные уступки Черногории, и предложило своему посланнику в Цетинье довести его до сведения черногорской стороны с предложением принять данный проект без каких-либо оговорок. В ответ король Никола сообщил в Белград, что он направляет туда для возобновления переговоров министра народного просвещения Черногории Мирко Миюшковича¹⁹.

Однако переговоры по-прежнему продвигались с трудом, вследствие несогласия черногорской стороны пойти на серьезные территориальные уступки. Оказавшись перед лицом возможного нового срыва переговоров, Пашич, несмотря на бескомпромиссную позицию остальных членов сербского кабинета, решил сделать еще одну уступку, касающуюся разграничения в Метохии, заявив одновременно, что дальше этого предложения Сербия ни при каких условиях не пойдет. Подготовленный сербской стороной окончательный вариант границы между двумя государствами был передан Миюшковичу²⁰.

5 ноября 1913 г. Миюшкович сообщил в Белград, что черногорское правительство согласилось на предложенный вариант соглашения и поручило ему приступить к составлению соответствующего протокола²¹. 12 ноября 1913 г. состоялось торжественное подписание протокола о сербо-черногорском разграничении, согласно которому Черногория получила около 5000 квадратных километров территории, которая теперь составляла 14443 квадратных километра²².

Сербо-черногорские консультации об установлении более тесных экономических, культурных, военных и иных отношений, начавшиеся после подписания протокола о территориальном разграничении, проходили в весьма непростых условиях. Помимо существовавших между обоими государствами — и прежде всего, между их правительствами и династиями — разногласий и взаимных претензий, значительное влияние на отношения между ними оказывал внешний фактор в виде переплетения интересов различных великих держав. Особую роль в этом плане играла Австро-Венгрия.

Подход монархии Габсбургов к трактовке сербо-черногорских отношений был изложен С. Д. Сазонову новым австро-венгерским послом в России графом Ф. Сапаром фон Сапаром. Дипломат подчеркнул, что обнаруживающаяся в Сербии и Черногории склон-

ность к взаимному сближению и, в конечном итоге, слиянию, вызывает серьезное беспокойство с точки зрения как интересов Австро-Венгрии, так и в целом общеевропейского мира. Он указал, что «в случае, если бы слияние это осуществилось, Австро-Венгрия не могла бы остаться спокойной зрительницей событий. Интересы монархии на Адриатическом море не позволяют ей допустить какого-либо нарушения равновесия. Адриатическое море для Австро-Венгрии то же, что Черное море для России»²³.

Позиция по данному вопросу России — в целом сочувственно относившейся к указанной перспективе — определялась двумя основными обстоятельствами. С одной стороны, нежелание короля Николы обсуждать какие-либо вопросы, в той или иной мере затрагивавшие его верховную власть как монарха суверенного государства, практически сводили на нет любые попытки осуществить политическое объединение двух государств на принципах единой государственной власти — по крайней мере, при его жизни. С другой стороны, негативная позиция, занятая другими европейскими государствами, в первую очередь, Австро-Венгрией и Италией, обуславливала настоятельную потребность избегать ускорения событий и соблюдать величайшую осторожность в столь деликатном вопросе²⁴. В связи с этим Россия придерживалась точки зрения, что «наиболее целесообразным выходом является хотя бы временное поддержание Черногории в качестве самостоятельной политической единицы, под традиционным покровительством России»²⁵.

15 марта 1914 г. Никола направил сербскому королю собственноручное письмо²⁶. В нем он отметил знаменательные для обоих государств итоги Балканских войн и указал на необходимость немедленно приступить к созданию прочных основ для дальнейшего сотрудничества двух стран в военной, дипломатической и финансовой областях — при одновременном признании независимости и равноправия обеих династий. Мы должны, продолжал Никола, оставить «нашим сыновьям единодушное сербство, земли, богатые плодородными полями, орошенные реками, украшенные лесами, изобилующие рудниками, омываемые синим морем, нашим свободным сербским морем...»²⁷.

После получения в Белграде данного письма Пашич тотчас же посетил, вместе с черногорским посланником в Сербии, российскую миссию и ознакомил Гартвига с содержанием королевского письма. На заседании совета министров Сербии был выработан согласованный проект ответного письма черногорскому монарху, которое, за подписью короля Петра, было отправлено по назначению²⁸.

В этом письме, датированном 2 апреля 1914 г. и составленном в более умеренных и осторожных выражениях, король Петр с радо-

стью отметил общность взглядов обоих монархов на историческое значение военных успехов Сербии и Черногории и необходимость установления возможно более тесных связей между двумя государствами²⁹. В послании выражалась надежда на то, что совместная деятельность обоих государств в указанных областях будет способствовать их дальнейшему поступательному развитию и, кроме того, «встретит сочувствие великой славянской России», которая всегда предоставляла Сербии и Черногории «доказательства своей драгоценной благосклонности»³⁰.

В конце апреля 1914 г. черногорский дипломатический представитель в Сербии Лазар Миюшкович был вызван в Цетинье, где в течение двух недель проводил интенсивные консультации с официальными лицами и с самим королем Николой, от которого он должен был получить особые полномочия для выработки совместного сербо-черногорского соглашения³¹. Основные положения данного документа, сообщенные Пашичем черногорскому дипломату перед его отъездом в Черногорию, включали в себя сохранение «обоих династий и политической индивидуальности каждой из договаривающихся сторон», объединение армий с сохранением верховного командования в руках обоих монархов над частями, расквартированными в пределах каждого королевства, учреждение одного общего генерального штаба, который должен взять на себя выработку всех основных мероприятий в плане военной реорганизации, осуществление согласованной внешней политики, которая должна обеспечивать защиту неприкосновенности территории и населения двух стран, с установлением общих для обоих государств заграничных представительств; организацию общего типа судебных и административных учреждений, а также объединение финансовой системы и таможенных, почтовых и телеграфных служб³².

Перед своим возвращением в Белград Миюшкович посетил российскую миссию в Цетинье и ознакомил российского посланника А. А. Гирса с ходом и перспективами переговоров. Он высказал серьезные сомнения в их скором и успешном завершении вследствие позиции короля Николы, «помыслы которого по-прежнему направлены в сторону более резкого обособления от Сербии»³³.

В создавшейся обстановке обе делегации приняли решение включить в выработываемое соглашение лишь те условия и взаимные обязательства, против которых черногорский монарх не имел бы ни повода, ни основания возражать, в надежде, что он в конце концов проникнется важностью задачи и, в более широком плане, окончательно поймет жизненную необходимость объединения различных сфер государственной жизни двух стран, без которого «Черногория

не может и помышлять о каком-либо экономическом или политическом укреплении, а в частности закреплении за собой доставшихся ей в удел новых земель»³⁴.

Убийство эрцгерцога Франца-Фердинанда 28 июня 1914 г. и последовавший вслед за ним резкий всплеск антисербских настроений в Австро-Венгрии негативным образом сказались на сербо-черногорских переговорах. 7 июля министерство иностранных дел России направило секретную телеграмму своему дипломатическому представителю в Белграде, в которой содержалось указание обратиться к сербскому правительству с настоятельным советом «с крайней осторожностью относиться к вопросам, способным еще более усилить его (негативное отношение к Сербии. — *Авт.*) и создать опасное положение», и в связи с этим временно приостановить вышеуказанные переговоры, которые уже обратили на себя внимание австро-венгерского и германского правительств³⁵. Глава сербского кабинета с пониманием отнесся к советам России и заверил Санкт-Петербург, что он уже отдал распоряжение о приостановке консультаций³⁶. Данный шаг был тем более оправданным в сложившихся обстоятельствах, когда слухи о возможном в ближайшем будущем объединении Сербии и Черногории в одно государство с единой правящей династией дошли уже и до парижских политических и финансовых кругов³⁷.

Еще более непростой этап накануне первой мировой войны переживали и черногоро-российские отношения. В центре их оказалось возобновление военной конвенции 1910 г., приостановленной российской стороной после начала Первой балканской войны (начатой Черногорией без предварительного согласования этого вопроса с Санкт-Петербургом, как то обязывал документ)³⁸. Не вселяли оптимизма и внутренние реалии Черногории, в которой на «легионы» совершенно лишних чиновников правительство порой тратило почти весь государственный бюджет — пополняемый в том числе и за счет России, — а «разбухание» госаппарата превысило все разумные границы³⁹.

Впервые вопрос о целесообразности продолжения военной помощи Черногории был поставлен в донесении российского военного агента в этой стране генерал-майора Н. М. Потапова от 17 марта 1913 г., в котором указывалось на все более определяющуюся вероятность заключения сербо-черногорского соглашения о проведении ими совместной военной политики. В связи с этим Потапов предлагал немедленно приступить к подготовке вывода российских военных инструкторов из Черногории, «дабы сама ликвидация произошла впоследствии незаметно, иначе единовременное отозвание всех ин-

структоров после войны может принять вид или враждебной демонстрации нашей по отношению к Черногории, или же обидного для нас отказа Черногории иметь наших инструкторов»⁴⁰.

Более подробный анализ истории и настоящего положения российско-черногорского военного сотрудничества с точки зрения командования российской армии был дан в послании военного министра В. А. Сухомлинова на имя министра иностранных дел России Сазонова от 18 мая 1913 г. Автор указывал, что приостановка со стороны военного ведомства выдачи Черногории ежегодной военной субсидии, а также фактическое прекращение деятельности российских офицеров-инструкторов были вызваны началом военных действий между Черногорией и Турцией и происшедшими вследствие этого нарушениями условий данного соглашения со стороны черногорского правительства⁴¹. В этих условиях, исходя из близкого окончания войны, а также выясняющейся возможности реализации на практике объединения Черногории и Сербии в военном отношении, министерство, по словам Сухомлинова, поддерживало точку зрения своего агента.

Председатель совета министров России В. Н. Коковцов находил целесообразным сохранение военного соглашения, тем более, что «наблюдаемое ныне сближение между Черногорией и Сербией в значительной степени устраняет невыгодное для нас подчинение Черногории австрийскому влиянию»⁴². При этом, по его мнению, было бы желательно предусмотреть определенные гарантии добросовестного выполнения черногорской стороной его условий, «дабы соглашение это не только обеспечивало серьезные преимущества Черногории, но отвечало бы и интересам русской политики на Балканском полуострове»⁴³.

Несколько иных взглядов придерживался российский посланник в Черногории Гирс. Он отмечал, что «ввиду племенных особенностей сербов Черногории, образующих скорее клан, чем государство, мы вряд ли добьемся образования из них боевой единицы, отвечающей всем современным требованиям военной техники и нашим военно-политическим задачам, существенно изменяющимся с удалением турецких войск из пограничных с Черногорией областей, и с новой разверсткой сербских земель»⁴⁴. В этих обстоятельствах, при усилившемся стремлении черногорского населения к скорейшему политическому объединению с Сербией, а также продолжавшемся подспудном общественном недовольстве действиями короля Николы в период войны, черногорцы, по мнению посланника, не будут сожалеть об уходе российских инструкторов. Россия же, со своей стороны, избавится от «задачи самой по себе трудной и неблагодар-

ной, которая при изменившемся положении вещей в этих краях и при невыяснившемся еще ближайшем будущем их, могла бы создать нам всякого рода осложнения, не исключая и таких, которые возбудились бы на почве возможных расчетов короля Николы и его династии с его подданными»⁴⁵.

Иной была позиция по данному вопросу поверенного в делах России в Черногории Обнорского. Он подчеркивал, что полезная для Черногории деятельность России могла бы быть продолжена. Конвенцию, по его мнению, следовало бы заменить на простое техническое соглашение о статусе российских инструкторов, лишенное какой бы то ни было политической окраски, учитывая то обстоятельство, что «при более продолжительной и поставленной в более практические условия инструкторской деятельности русских офицеров, могут быть нами достигнуты полезные результаты»⁴⁶. Иное решение имело бы серьезные негативные последствия для самой России. Не говоря о потере многих миллионов рублей, уже вложенных в дело реорганизации армии, данный факт был бы воспринят как бегство русских, пришедших к убеждению о провале своей миссии, и имел бы крайне негативные последствия для авторитета России в балканских государствах вообще и в Черногории в особенности⁴⁷.

23 июня 1913 г. Обнорский имел беседу с королем Николой, который попросил довести до сведения русского правительства следующее: «Король черногорский выражает искреннее сожаление, что под влиянием не зависевших от его воли причин его величеству пришлось начать войну вопреки советам России, но... на будущее время его величество твердо намерен в точности следовать советам и указаниям государя императора и императорского правительства, памятуя, что Черногория может быть сильной лишь в единении с Россией»⁴⁸. Одновременно король просил Обнорского ходатайствовать от его имени о возобновлении военной субсидии и восстановлении деятельности российских инструкторов, «в которых Черногория будет нуждаться еще в течение долгого времени»⁴⁹.

К августу 1913 г. в ситуации, возникшей вокруг российско-черногорского военного соглашения, появился фактор сербско-черногорского территориального размежевания, до решения которого не могло быть речи не только о заключении новой военной конвенции, но и о какой-либо материальной помощи со стороны России на военные нужды Черногории, а также о продолжении инструкторской деятельности российских офицеров.

В октябре 1913 г. король Никола предпринял очередную попытку сдвинуть вопрос с мертвой точки. Он провел две аудиенции с российским поверенным в делах в Цетинье Обнорским для обсуждения

основных вопросов черногоро-российских отношений. Король подчеркнул, что сознавая допущенные им прискорбные недоразумения в отношениях с российским правительством, он стесняется о чем-либо просить его, но с искренней благодарностью примет все, что Россия нашла бы необходимым сделать для его страны. При этом, подчеркнул Никола, его единственным ответом на любые советы и указания России будет слово «слушаюсь»⁵⁰.

Российский поверенный в делах имел также встречи по данному вопросу с дипломатическими представителями Австро-Венгрии и Сербии. Барон Гизль сообщил Обнорскому, что для Австро-Венгрии представляется более желательным продолжение деятельности в Черногории российских военных инструкторов, нежели прибытие туда, в случае их ухода, сербских специалистов. В деятельности российских инструкторов, по его словам, правительство Австро-Венгрии усматривает «залог более спокойного развития политической жизни в Черногории, в особенности ввиду существующего в среде черногорского народа недовольства результатами управления династии Петровичей Негошей и обнаружившейся среди некоторых слоев населения тенденции к слиянию обоих сербских государств»⁵¹.

Сербский посланник в Черногории М. Гаврилович в беседе с Обнорским высказался в том плане, что истощенная двумя, хотя и победоносными, войнами, Сербия не располагает необходимыми материальными ресурсами для осуществления какой-либо организаторской и инструкторской деятельности в черногорской армии, и одновременно отдает себе полный отчет в противодействии, которое данный шаг вызвал бы со стороны как австро-венгерского правительства, так и самого короля Николы. С другой стороны, будучи искренно заинтересованной в мирном и поступательном политическом развитии Черногории, Сербия видит лучшее средство к этому в продолжении деятельности российских офицеров-инструкторов и вообще в нормализации российско-черногорских отношений⁵².

После изучения рассматриваемого вопроса С. Д. Сазонов направил письмо на имя военного министра, в котором подчеркнул необходимость продолжения военного сотрудничества России с Черногорией, но высказался за изменение условий его осуществления в направлении большей самостоятельности российских офицеров-инструкторов. Кроме того, по мнению Сазонова, российско-черногорское соглашение должно включать в себя перечень условий, неисполнение которых черногорской стороной автоматически будет иметь следствием немедленное, полное и окончательное прекращение всякой военной помощи этой стране⁵³. Данная позиция встретила одобрение Николая II⁵⁴, и тогда министр иностранных дел дал

указание поверенному в делах в Черногории заявить королю, что Россия, «быть может не откажет в этой помощи при непременном однако изменении нынешних ее условий»⁵⁵.

В ответной депеше от 28 декабря 1913 г. Обнорский подчеркнул, что король Никола выразил полную готовность подчиниться тому решению, которое руководству России будет угодно принять относительно формы военной помощи и условий деятельности инструкторов⁵⁶.

3 февраля 1914 г. в российском Генеральном штабе состоялось совещание, посвященное обсуждению вопросов российско-черногорского военного сотрудничества, в котором принимали участие, помимо представителей военного ведомства, товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов и начальник Ближневосточного отдела МИД князь Г. Н. Трубецкой.

На совещании были обнародованы расчеты, согласно которым, в случае продолжения участия России в реорганизации черногорской армии, представлялось необходимым образовать в Черногории шесть дивизий общей численностью 60000 человек; что же касается денежных расходов, то они составили бы 2 миллиона рублей на содержание армии, 2 миллиона на военно-техническое снабжение и ежегодно — 400–500 тысяч рублей на оплату офицерам-инструкторам. Кроме того, данными расчетами предусматривалось единовременное выделение еще 15 миллионов рублей на создание артиллерийской базы. Признавая, однако, невозможность получения согласия Государственной Думы на выделение столь значительных сумм, представители военного ведомства высказали сомнения в целесообразности вообще оказания какой-либо военной помощи Черногории⁵⁷.

Со своей стороны, участвовавшие в работе совещания представители министерства иностранных дел отметили, что создание черногорской армии в 60000 человек не оправдано и соответствует пожеланиям самой Черногории. С точки же зрения интересов России, предпочтительнее поставить черногорскую армию «в возможно более тесную связь с сербской армией, совместно с которой она только и способна была бы к сколько-нибудь значительным военным операциям»⁵⁸. Такая постановка вопроса позволила бы значительно уменьшить размеры российской военной помощи Черногории и продолжать оказывать ее приблизительно в тех же масштабах, что и ранее. С другой стороны, представители внешнеполитического ведомства поставили вопрос о том, что в случае отказа России продолжать военное сотрудничество с Черногорией, ее правительство может обратиться с аналогичным ходатайством к какой-либо другой державе, что могло быть невыгодно для интересов России⁵⁹.

13 апреля 1914 г. в Генеральном штабе состоялось еще одно совещание, посвященное вопросу о возобновлении Россией военной помощи Черногории. В результате длительного обсуждения его участники пришли к выводу о необходимости, для обеспечения военных интересов России на случай возникновения военного столкновения с Австро-Венгрией, наличия в Черногории сильной и боеспособной армии. К этому мнению в итоге присоединился и представлявший МИД А. А. Нератов, первоначально отстаивавший «малый вариант» военной помощи Черногории⁶⁰.

Тем не менее конкретное решение вопроса затянулось и не получило своего действительного наполнения вследствие происшедших в конце июня 1914 г. событий, приведших к началу Первой мировой войны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Цит. по: *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 90.
- 2 *Јовановић Р.* Црногорско-руски политички односи 1711–1917 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 42. В конце 1910 г. Никола прямо заявил российскому посланнику в ответ на предостережение последнего о возможности прекращения финансовых субсидий: «Перестанет или не перестанет Россия давать помощь Черногории, последняя в любом случае останется ей верной и преданной, так как чувства, которые ее с ней связывают, и вековые предания представляют собой самые прочные связи — связи расы и веры, а не денег... Горе тебе, Черногория, горе и мне, если мы дошли до того, что наша давняя верность и преданность России измеряется рублем». (*Јовановић Р.* Црногорско-руски политички односи 1711–1917 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 44–45.
- 3 Цит. по: *Јовановић Р.* Указ. соч. С. 42.
- 4 Цит. по: *Јовановић Р.* Указ. соч. С. 43.
- 5 Уже в 1911 г. Никола недвусмысленно дал понять своему окружению: «Я предпочту скорее голодать, нежели дальше терпеть подобные рабские отношения... Вы знаете мои сегодняшние отношения с Россией, и я сейчас решил освободиться от их зависимости» — какой контраст с вышеприведенным заявлением этого же персонажа российскому посланнику! (*Јовановић Р.* Указ. соч. С. 48.)
- 6 *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Аустро-Угарске 1777–1914 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 59.
- 7 Цит. по: *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 63.
- 8 Цит. по: *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 94.
- 9 Цит. по: *Ракочевић Н.* Указ. соч. С. 63.
- 10 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. II. М., ИРИ, 1993. С. 308.

- 11 Сам князь Никола и два его сына являлись почетными офицерами российской армии, а в 1912 г. черногорскому монарху было присвоено звание фельдмаршала.
- 12 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. М., «Международные отношения», 1997. С. 321.
- 13 О ходе Балканских войн 1912–1913 гг. см. соответствующий раздел настоящей коллективной монографии.
- 14 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив (ПА). Оп. 482. Д. 530. Л. 147.
- 15 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 324. Вопрос о будущей судьбе Призрена обсуждался сторонами еще в ходе визита Александра Обреновича в Цетинье в 1897 г.; при этом князь Никола утверждал, что указанный населенный пункт представлял собой сферу интересов его собственных «дедов и прадедов», на что его собеседник возражал, указывая на то обстоятельство, что с Призреном связаны «самые светлые воспоминания бывшего сербского государства» — Цит. по: *Ражьатовић Н.* Политички односи Црне Горе и Србије у XIX вијеку // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 87.
- 16 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 147; Д. 531. Л. 328.
- 17 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 329.
- 18 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 41.
- 19 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 198–199.
- 20 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 199; Д. 531. Л. 394.
- 21 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 394.
- 22 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 199–200; Л. 531, Д. 404; *Ракочевић Н.* Односи Црне Горе и Србије 1903–1918 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 90. Как сообщал в Санкт-Петербург российский поверенный в делах в Цетинье Обнорский, в результате переговоров практически все требования черногорской стороны были удовлетворены в широких пределах, причем наиболее важным приобретением для Черногории являлся богатый и плодородный Метохийский округ. (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 75.) Следует отметить, что данное соглашение касалось лишь территориальных сюжетов, в то время как связанные с ними другие вопросы, в частности, касавшиеся приграничного товарообмена, должны были быть обсуждены отдельно. (Политика, 1913, 7. нов.)
- 23 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 3.
- 24 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 3–4, 8.
- 25 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 3, 8.
- 26 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 102–103, 108–109.
- 27 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 108–109.
- 28 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 104.
- 29 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 106.
- 30 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 106.

- 31 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 10.
- 32 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 10, 12.
- 33 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 10.
- 34 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 10.
- 35 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 16.
- 36 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2909. Л. 17.
- 37 Kolnische Zeitung, 1914, 28 Jun.
- 38 По вопросу о характере русско-черногорского военного сотрудничества и перспективах его возобновления после Балканских войн в историографии существуют различные точки зрения. По мнению черногорского исследователя Н. Шкеровича, инициатива в вопросе о возобновлении действия конвенции принадлежала российскому Генеральному штабу, а не черногорскому правительству или королю. (См.: *Шкеровић Н.* Из односа Црне Горе и Русије: Војна конвенција 1910 // Историјски записи. 1959. Књ. XVI. Св. 3–4.) В то же время сербский историк Й. Йованович указывает на определяющую роль в этом отношении Николая II, утверждая, что руководящие военные круги России занимали как раз противоположную позицию. (См.: *Јовановић Ј.* Русија и Црна Гора // Записи, 1933. Књ. XII.) Иных взглядов придерживался Ю. А. Писарев, полагавший, что впервые вопрос о возобновлении действия российско-черногорской конвенции был поставлен королем Николом в ноябре 1913 г.; однако российский Генеральный штаб также положительно отнесся к необходимости оказания Черногории материальной помощи — *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- 39 *Хитрова Н. И.* Россия и Черногория в 1878–1908 годах. П. М., ИРИ, 1993. С. 294.
- 40 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 1.
- 41 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 4. Российско-черногорская военная конвенция, подписанная 30 ноября 1910 г., предусматривала оказание Россией содействия в развитии черногорских вооруженных сил путем предоставления ей ежегодной военной субсидии, военных материалов, а также непосредственного направления российских военных специалистов. Согласно статье седьмой данной конвенции, черногорское правительство взяло на себя обязательство «не предпринимать никаких военных действий без предварительного соглашения с императорским правительством, а также не заключать военные соглашения с каким бы то ни было иным государством без согласия его императорского величества» (Историјски записи. Титоград, 1959. Књ. 16. Св. 3–4. С. 115.)
- 42 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 8.
- 43 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 8.
- 44 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 12.
- 45 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 12.
- 46 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 14.
- 47 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 14.
- 48 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 26.

- 49 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 26.
50 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 71.
51 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 72.
52 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 73.
53 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 85.
54 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 157.
55 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 157.
56 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 90–91.
57 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 98.
58 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 98–99.
59 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 98–99.
60 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 131–134.

БОЛГАРИЯ: ПРИМИРЕНИЕ С РОССИЕЙ И ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ НЕЗАВИСИМОСТИ

Смерть непримиримого противника князя Фердинанда, царя Александра III, убила начавшийся процесс нормализации отношений. Для Болгарии сохранение существующего положения означало усиление накала политической борьбы между сторонниками, примирения и его противниками. Сам князь был готов пойти навстречу России вплоть до перехода своего первенца Бориса в православную веру, лишь бы добиться утверждения своей династии на болгарском престоле. Примирение с Россией внушало надежду на ее помощь в решении одной из важнейших для Болгарии задач — македонской (в болгарском варианте). Для русской дипломатии, сломившей упорство молодого императора Николая II, вознамерившегося было продолжить политику своего отца, примирение означало путь к восстановлению влияния в славянской стране, занимавшей важную роль в стратегических планах России.

В начале 1896 г. после приема болгарской делегации в Петербурге новым царем и перехода маленького Бориса в православие болгарский вопрос в его старой, конфликтной форме перестал существовать. После восстановления дипломатических отношений Болгарии с Россией Турция и другие великие державы признали законность Кобурга на престоле. Многолетняя тяжба кончилась. Польза возоблудала над идеей. Здравый смысл победил.

Первые годы, казалось, подтверждали вновь незыблемость русско-болгарских отношений и определенную общность их интересов в создании православного бастиона на Балканах. Однако единство славянских стран — как показали дальнейшие события — было практически недостижимо. Македонская язва разъедала любое соглашение, ни одно из государств не желало упускать своих интересов.

Судьба Македонии рассматривалась в разное время с самых различных точек зрения, за исключением одной — голоса самого македонского народа. Этому были свои причины. Ветры войн, революций, мятежей, сотрясавших Европу, не достигали македонской глубинки. Вопросы гражданских прав, строительства национальной государственности практически не находили отклика в патриархальной Македонии. Если Балканы были периферией Европы, то Македония была периферией Балкан. Этнографическая пестрота населения в сочетании с еле теплыми ростками национального самосознания и в то

же время свирепой конкуренцией, соперничеством, враждой между сербами, болгарами, греками за обладание Македонией — все это позволяет сравнить македонский вопрос с ящиком Пандоры. Находясь в составе Османской империи, Македония могла быть освобождена только с помощью войны, как это было с Грецией, Болгарией, Сербией. Однако та же Россия, включенная в систему международных обязательств по сохранению status quo на Балканах, не могла — да и не была готова — выступить своими армиями за освобождение православных братьев, которые к тому же не могут разобраться и договориться по национальному вопросу.

И в то же время не следует забывать, что, выступая в роли старшего брата, Россия не забывала и считала своей обязанностью оказывать покровительство и заступничество населению Македонии от притеснений турецких властей. Выступая защитником македонского славянства, Россия видела дальнейшую судьбу Македонии связанной с одной из стран, чьи соплеменники проживали в этом своеобразном этнографическом котле. Во всяком случае так думали в 1886 г., когда Нелидов в своей известной программе, одобренной царем¹, писал, что в случае русско-турецкой войны или осложнений на Балканах вопрос о Македонии будет служить для «приобретения содействия той или другой народности». В сущности, эту «торговлю» Македонией — точнее, македонской территорией, не обладающей той суммой признаков, которые позволяли бы трактовать ее как субъект международных отношений, — нужно воспринимать как один из старых приемов не только русской, но и любой дипломатии какой-либо страны, стремящейся удержать за собой влияние путем обещания передачи той или иной территории определенному государству.

Патриархальность уклада в сочетании с вариативным патриотизмом (здесь речь идет не столько о патриотизме болгар, греков, сербов, сколько о том, что вопрос принадлежности к той или иной нации решался, бывало, политическими средствами), нередко интроецированным видением македонской проблематики — все это чрезвычайно запутывало ситуацию.

Тем временем борьба за Македонию обострилась с появлением на политической сцене Македонской революционной организации, ядро которой было заложено в Салониках в 1893 г. (Разнообразие названий этой революционной структуры, действовавшей на территории Македонии, вынудило автора во избежание путаницы пользоваться лишь одним наименованием, а именно — Внутренняя организация). На территории Болгарского княжества равным образом закладывались основы для будущей деятельности Верховного македонского комитета (Далее — ВМК).

Работа этих организаций уже с самого начала отличалась разным подходом к решению македонского вопроса. Внутри самих названных структур также были сложности в выработке единой линии. Так, например, в их среде наблюдалась борьба между сторонниками революционного разрешения проблемы и приверженцами легальных методов. По мысли деятелей ВМК, не отрицавших необходимость революционной работы, последняя была нужна лишь как средство принудить Европу к активным действиям в деле проведения реформ, обещанных еще Берлинским конгрессом. Иной точки зрения придерживались члены Внутренней организации, делавшие ставку на сознательное и массовое участие населения в восстании.

В самой Софии не стремились к тому, чтобы вновь ухудшать свои только что налаженные отношения с Петербургом, где, как и в остальных столицах великих держав, отрицательно относились к планам революционного характера. Болгарские политики считали, что в целях достижения политической автономии Македонии необходима поддержка великих держав, для чего надо использовать прежде всего мирные средства. Однако для этого требовалось создание единого центра, где каждая из сторон — Внутренняя организация и ВМК — претендовала на эту роль. Вопрос о том, какая из двух организаций должна «играть первую скрипку», нередко приводил к охлаждению отношений между ними.

Критское восстание 1897 г. и последующая греко-турецкая война усложнили ситуацию вокруг Македонии, куда перебрасывались греческие отряды. Над Балканами и Европой вставала грозная тень Восточного вопроса. И здесь великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Россия, приложили максимум усилий к локализации конфликта, добившись согласия от Сербии и Болгарии на соблюдение нейтралитета с условием выполнения Портой их требований в македонском вопросе. Запросы Софии и Белграда относились к открытию учебных заведений в некоторых вилайетах и учреждению епископских кафедр, где проживало славянское население.

В Константинополе пошли на уступки, причем Болгария сумела извлечь, даже находясь в формальном подчинении султанской Турции, больше выгоды, нежели независимое Сербское королевство.

Развивая свою активность в Македонии, болгарская дипломатия не раз ставила в трудное положение Белград. В частности, предложение Сербии «прекратить соперничество между сербской и болгарской пропагандами» натолкнулось на отказ Софии, подчеркнувшей, что свою борьбу «болгарский народ ведет самостоятельно»². Это было близко к истине уже потому, что лидер ВМК Борис Сарафов проявлял все большую независимость от правящих кругов Болгарии.

В начале века в Македонии значительно возросла деятельность соперничающих между собой болгар и сербов, хотя организации последних выглядели гораздо слабее. Тревожность ситуации заставляла Петербург и Вену настаивать перед Портой на необходимости проведения реформ в Македонии и Косово и одновременно сдерживать Болгарию и Сербию от выступлений, чреватых балканским пожаром.

Однако это было не просто. В 1901 г. во главе ВМК вместо «неудобного» Сарафова был поставлен И. Цончев. Новое руководство восстановило отношения с Внутренней организацией и при негласной помощи князя Фердинанда начало активную подготовку к восстанию. Но старое стремление ВМК подчинить себе Внутреннюю организацию вызвало очередной конфликт. Отсутствие единого центра, разногласия по вопросу восстания привели к разгрому инспирированного ВМК Горно-джумайского повстанческого движения в сентябре 1902 г.

Неудача не остановила ВМК, где теперь возлагали надежды на новое восстание, планируемое на весну 1903 г. Однако 31 января 1903 г. болгарское правительство принимает решение о запрете действий в стране македонских организаций и ВМК, демонстрируя Европе и Турции свое стремление к миру. Этот маневр был обусловлен интересами безопасности княжества, на чьих границах начали сосредотачиваться части Османской империи.

В этой ситуации подготовку восстания взяла на себя Внутренняя организация, не желавшая растерять свой авторитет среди населения и одновременно нейтрализовать обвинения в пренебрежении народными интересами. В том же январе 1903 г. было решено поднять восстание летом, но «только в подготовленных для массового движения районах», в остальных же ограничиться терактами и четническими акциями³.

Русская дипломатия пристально следила за македонскими делами. 23 мая / 5 июня 1903 г. Н. В. Чарыков в своей секретной телеграмме сообщал в МИД: «По сведениям агентуры, Сарафов и девять других македонских революционеров постановили и подписали 7 мая следующую резолюцию: Если Европа и Болгария останутся все еще безучастными и не дадут Македонии прав по статье 23 Берлинского трактата, произвести в Македонии и Адрианопольском вилайете поголовное восстание болгар, взорвать динамитом правительственные учреждения, казармы, арсеналы, склады, некоторые железнодорожные станции, в особенности Салоникские... разрушить телеграфные линии и взорвать артиллерийский арсенал и другие постройки в Константинополе. Если и это не вызовет вмешательства, то распространить в Турции и Европе чуму чрез заготовленных бацилл

прививкой их к крысам, чтобы отомстить Европе. Это сведение, если оно справедливо, дает повод думать, что македонские революционеры уже близки к отчаянию и что при надлежащей бдительности их деятельность скоро перестанет быть опасной. Но казалось бы тем необходимее обеспечить мирное население безотлагательным осуществлением обещанных преобразований». Николай II, прочитав это тревожное донесение, оставил на нем следующую помету: «Людей, прибегающих к таким способам мести, следует уничтожить как собак»⁴.

В качестве комментария к политике России в македонском вопросе можно привести суждение посланника в Софии И. П. Бахметьева. В разговоре с военным министром Болгарского княжества Р. Петровым он подчеркнул, что как бы в России «ни соболезиновали тем, которые действительно безвинно страдают», «своя рубашка ближе к телу» и русский народ несравненно дороже государю, нежели все другие славянские, взятые вместе; что македонцы могут найти спасение только в терпении и восстанием они не только ничего не возьмут, а только испортят и затянут дело, и что надежды руководителей комитетов, как Михайловский, Ризов, Цончев, Сарафов, своей кровью, или скорее кровью своих братии, — разжалобить цивилизованный мир есть только заблуждение и самообольщение, как я в протяжении шести лет твердил этим самым Ризовым, Сарафовым и Цончевым»⁵.

Этот разговор состоялся 2 августа 1903 г. в день начала Ильинденского восстания в Македонии, результаты которого были довольно плачевными, о чем и предупреждал Бахметьев.

Европа была уже утомлена балканскими неурядицами и не хотела нового кризиса. Известно, что она добилась от Порты принятия обязательства провести реформы в Македонии по улучшению положения христианского населения. Однако реализация этих реформ, предусмотренных Мюрцштегским соглашением между Австро-Венгрией и Россией (осень 1903 г.) проваливалась, как это бывало со многими турецкими обещаниями. Мюрцштег не удовлетворял ни македонских революционеров, ни Болгарию, ни Сербию.

И хотя София и Белград внешне поддержали европейскую инициативу, но на практике в обеих странах шла лихорадочная закупка оружия для будущей войны, которая должна была покончить с Восточным вопросом, натянувшим в XX в. на себя македонское платье. Взрыв был неминуем. Стрелки в «адской машине» хотя и были остановлены, но механизм продолжал работать.

И хотя страницы дипломатических депеш из столиц балканских государств были полны сведений о приближавшейся кровавой раз-

вызке македонского вопроса, способах, часто взаимоисключающих, его урегулирование, в Петербурге не решались рисковать. Разрегулирование отношений с Европой и с соперничавшими балканскими странами не отвечало интересам русской дипломатии, возвращавшейся на Балканы после поражения в войне с Японией. России нужна была передышка. Балканские народы должны были сами решать, не привлекая к прямому участию Россию, свои архисложные взаимоотношения.

Младотурецкая революция 1908 г. приблизила войну с Османской империей за македонское наследство. Безропотность, с какой Константинополь уступил все права на Боснию и Герцеговину Австро-Венгрии, согласие Порты на независимость вассальной Болгарии (признание суверенитета было в значительной степени облегчено Россией, списавшей с Порты долги за кампанию 1877–1878 гг.), — все это не могло не внушать Софии и Белграду (расширение Сербии после захвата Габсбургами Боснии и Герцеговины могло идти только в направлении Македонии), что Турция будет принуждена уступить и Македонию — этот лакомый кусок, столь необходимый для собирания Великой Болгарии или Великой Сербии.

С установлением независимости Болгарии, провозгласившей себя царством, Россия считала свою задачу по освобождению христианских народов в основном выполненной. Завершение этой работы, как подчеркивал С. Д. Сазонов, «могло быть предоставлено усилиям самих освобожденных народов. „Балканский полуостров — для балканских народов“ была той формулой, — как указывал в своих воспоминаниях русский министр иностранных дел, — в которую вмещались стремления и цели русской политики, и которая исключала возможность политического преобладания, а тем более господства, на Балканах враждебной балканскому славянству и России иноземной власти»⁶.

В 1912 г. Россия поддержала союз между Сербией и Болгарией, заключенный для защиты своих интересов и оказания взаимной помощи в случае нарушения status quo, нападения третьей державы на одну из сторон-участниц договора. В сущности, эти высокие слова были лишь ширмой: в секретных протоколах к договору речь шла о войне с Османской империей и разделе ее европейских владений.

В Петербурге надеялись, что соединенными усилиями этих государств будет, естественно, легче вести будущие военные действия «ради вскрытия македонского нарыва, а может быть и против Австро-Венгрии, — в случае всегда возможном, — дальнейших попыток ее продвижения на Балканах»⁷.

Тучи над балканскими землями сгущались. Султанская власть в Македонии должна была быть разрушена.

Сама русская дипломатия практически подталкивала к войне. Здесь наблюдалась старая картина двойной игры: для публики — призывы к осторожности, на деле — подготовка сил на случай войны с Германией и Австро-Венгрией, одним из предварительных этапов которой было создание балканского союза и война с Турцией с целью создания прочного антиавстрийского бастиона.

Сам Сазонов признавал неизбежность европейской войны. Так, судя по воспоминаниям Ю. Я. Соловьева, российский министр в 1912 г. был обеспокоен «появившейся в венской „*Нейе фрейе прессе*“ заметкой о данном им проездом в Варшаве интервью. В нем он якобы заявил, что, по его мнению, война в течение двух ближайших лет невозможна. Министр поспешил опровергнуть это интервью через наше посольство в Вене»⁸.

Исходным пунктом в формировании Балканского союза, сыгравшего решающую роль в коренном изменении геополитической ситуации на Балканах в преддверии Первой мировой войны, явились переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора. Они начались непосредственно после начала итало-турецкой войны и проходили при активном участии российской дипломатии. В результате 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе, к которому прилагалось секретное приложение, предусматривавшее совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Согласно утвержденной сторонами карте территориальных приращений, граница между двумя государствами в этой области должна была проходить по линии, начинающейся к северу от города Крива Паланка и заканчивающейся у города Струга на Охридском озере, оставляя Сербии Скопье, и одновременно доводя пределы Болгарии до албанских земель⁹.

Одновременно, Болгария и Сербия гарантировали друг другу государственную независимость и территориальную целостность. Стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу максимальную поддержку в случае нападения на одну из них, а также в случае, если какая-либо третья держава попытается присоединить или оккупировать какую бы то ни было часть балканской территории, находящейся под турецким контролем, и если одна из сторон сочтет это посягательством на свои жизненные интересы. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родопов и р. Струмы, а Болгария за Сербией — права на территорию к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора.

Вслед за договором, между двумя государствами была подписана 12 мая 1912 г. военная конвенция, дополненная затем двумя соглашениями болгарского и сербского генеральных штабов.

Осенью 1911 г. начались аналогичные переговоры между Болгарией и Грецией, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного болгаро-греческого оборонительного договора. Стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать соответствующее содействие всеми своими вооруженными силами и не заключать при этом сепаратного мира. Приложенная к договору декларация предусматривала, что статья о взаимопомощи не относится к случаю возникновения войны между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент депутатов с острова Крит вопреки воле Константинополя. В данной ситуации Болгария брала на себя обязательство сохранять по отношению к Греции благожелательный нейтралитет. 5 октября 1912 г. была подписана болгаро-греческая военная конвенция.

Наконец, в сентябре 1912 г. было заключено устное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции; и 1 октября 1912 г. Николай Петрович Негош издал указ о мобилизации черногорской армии.

Балканские союзники были настроены на победу. «Остановить их порыв, — как писал Сазонов, — обещанием новой коллективной попытки держав принудить Турцию провести, наконец, в жизнь много раз обещанные и никогда не выполненные реформы... было чрезвычайно трудно».

Россия и другие великие державы с большим беспокойством наблюдали за сползанием Балкан в пучину войны. Помимо нарушения status quo, эти события могли привести к резкой дестабилизации всей международной обстановки в Европе, поскольку в них легко могли быть втянуты практически все ведущие европейские государства. Однако убедить балканских правителей решать проблемы мирным путем не удалось.

Последней попыткой предотвратить эскалацию военных действий между балканскими союзниками и Портой стало их совместное заявление, разработанное при непосредственном участии С. Д. Сазонова и премьер-министра Франции Р. Пуанкаре и сообщенное от имени шести государств российским и австро-венгерским представителями соответствующим лицам в Белграде, Софии, Афинах и Цетинье. Оно гласило:

«1) Державы порицают всякий шаг, могущий привести к нарушению мира, 2) На основании статьи 23-ей Берлинского договора державы, в интересах христианского населения, возьмут в свои руки

проведение административных реформ в Европейской Турции, сохраняя неприкосновенными права султана, а равно и территорию Оттоманской империи, 3) Если бы, тем не менее, между Балканскими государствами и Портой возникла война, то державы не допустят, по ее окончании, никакого изменения территориального статус-кво Европейской Турции»¹⁰.

Однако балканская военная машина уже была запущена. По воспоминаниям Сазонова, «достигшие полного объединения в военном отношении, Балканские союзники горели желанием помериться силами о исконным врагом и свести о нем окончательные счета за вековое и безжалостное угнетение»¹¹.

8 октября 1912 г. в 10 часов утра Черногория первой из балканских государств объявила войну Турции; а уже через час король Никола принимал в Цетинье дипломатических представителей России и Австро-Венгрии — Арсеньева и Гизля, которые предприняли последнюю безуспешную попытку убедить монарха приостановить военные действия и добиваться от Турции проведения требуемых реформ в ее европейских областях мирным путем, опираясь на коллективную волю великих держав. На следующий день в стране был обнародован королевский манифест, в котором говорилось, что целью войны является освобождение все еще находящейся под турецким господством части сербского народа, а также присоединение к Черногории Шкодринской Малесии; и тогда же были начаты боевые действия на черногоро-турецком фронте. Одновременно союзники направили в Константинополь ноты, в которых потребовали скорейшего проведения в Македонии реформ под их контролем, а в Болгарии и Сербии была проведена спешная мобилизация вооруженных сил с прицелом на скорейшее развертывание наступательных операций в Македонии¹².

Не получив ответа от турецкого правительства, армии союзников перешли 18 октября турецкую границу.

События развивались на трех основных театрах боевых действий:

Болгарская армия развивала наступательные операции в направлении Фракии и Константинополя, греческие войска сконцентрировали свои усилия на занятии территорий в Македонии и Эпире, а интересы Сербии и Черногории распространялись на Ново-Пазарский санджак, Албанию и Македонию. Согласно плану, разработанному сербским Генеральным штабом, Первая сербская армия под верховным командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича начала продвижение в направлении Куманово и Скопье, операции Второй армии под командованием генерала (а позднее воеводы) Степы Степановича осуществлялись в направлении Кюс-

тендила. Третья армия Божы Янковича наступала на Косово, а части так называемой Ибарской армии вступили в Ново-Пазарский санджак, стремясь соединиться с действовавшими там же черногорскими войсками.

После вступления в войну всех «заинтересованных» государств, общее соотношение сил оказалось в пользу Балканского союза: 578000 солдат против 420000 с турецкой стороны¹³.

Военное сотрудничество балканских союзников находилось на достаточно высоком уровне, при этом на Первую сербскую армию возлагалась особая задача осуществления непосредственной координации действий сербских и болгарских вооруженных сил.

В ходе продолжавшегося два дня — 23–24 октября 1912 г. — сражения за Куманово Первая сербская армия нанесла тяжелое поражение турецким войскам и 26 октября вошла в Скопье. Одновременно Третья армия 30 октября заняла Призрен, а затем — Дьяково.

Болгарская армия, действовавшая во Фракии, нанесла противнику поражение в битве под Кирк-Килисе, окружила Адрианополь (совр. Эдирне) и повела успешное наступление по направлению Чаталджийских укреплений и самого Константинополя. Что же касается Греции, то ее войска нанесли поражения туркам под Сарантапором и Селфидже, осадили Янину и предприняли успешное наступление в направлении Битоли и Салоник — которые были заняты 8 ноября 1912 г.

Положение турецких войск стало критическим. Сербские войска в ходе продолжавшихся несколько дней — с 13 по 18 ноября — кровопролитных боев в районе города Битоль разгромили противостоявшие им турецкие силы и соединились с греческими частями в районе Флорины. Это означало окончательное военное поражение Турции, правительство которой уже 4 ноября — меньше чем через месяц после начала боевых действий — обратилось к великим державам с просьбой оказать посреднические услуги при заключении мира.

Однако сербское руководство отнюдь не считало, что ему удалось добиться реализации всех военных задач. В полном соответствии с планом Генерального штаба, после освобождения от турецких войск Косово, сербские части, сформированные в две колонны, начали соответственно 9 и 10 ноября 1912 г. военную экспедицию вглубь албанской территории, стремясь «явочным» порядком добиться для Сербии выхода на Адриатику. 18 ноября сербские войска, преодолевая упорное сопротивление слабо вооруженных и организованных албанских отрядов, вышли на Адриатическое побережье севернее города Леш. Одновременно премьер-министр Королевства Пашич в получившем широкий резонанс интервью газете «Таймс» сделал достоянием международной общественности план значитель-

ного территориального расширения страны, включая пятидесятикилометровую полосу албанского побережья между городами Леш и Дуррес, а также район между Охридским озером и городом Дьяков ¹⁴.

25 ноября 1912 г. турецкое правительство запросило перемирия. 3 декабря оно было подписано; Турция признала территориальные изменения, явившиеся следствием военных успехов балканского блока. В этой церемонии приняли участие представители всех воюющих государств, за исключением Греции, которая выставила в качестве предварительного условия подписания документа передачу осаждавшегося ее войсками города Янина — одного из важнейших пунктов албано-греческого территориального спора. Тем не менее Афины согласились направить своих делегатов на мирные переговоры, начавшиеся 16 декабря в Лондоне и проходившие параллельно с конференцией послов великих держав.

Тем временем 23 января 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, и новое руководство страны — в значительной степени под влиянием позиции, занятой по отношению к территориальным притязаниям Сербии и Черногории представителями европейских государств в британской столице, а также первых заметных трещин и противоречий, возникших внутри Балканского союза в вопросе о разделе завоеванных территорий — прервало переговоры и 3 февраля 1913 г. возобновило военные действия.

5 марта 1913 г. греческие войска наконец овладели Яниной, а болгарская армия при поддержке сербских частей вошла 24 марта в Адрианополь и продолжила свое наступление в направлении Чаталджийских укреплений, непосредственно угрожая Константинополю. Однако уже не дожидаясь данных военных успехов союзников, турецкое правительство, лишённое какой-либо возможности сопротивления, уже в конце февраля вновь обратилось к европейским правительствам о просьбой о посредничестве.

Итоги первой Балканской войны явились предметом всесторонних обсуждений на двух международных форумах — конференции балканских стран по заключению мира с Турцией (с участием делегаций Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Турции) и совещании послов шести великих держав, начавших свою работу в Лондоне соответственно 16 и 17 декабря 1912 г. Ключевая роль в этом плане принадлежала, безусловно, совещанию представителей ведущих европейских государств (проходившей по председательством министра иностранных дел Великобритании Э. Грея), на котором развернулись ожесточенные дебаты как между двумя военно-политическими группировками — Тройственным союзом и Антантой — так и между отдельными странами. В состав участников данного форума

входили — помимо Грея — А. Менсдорф (Австро-Венгрия), К. Лихновский (Германия), А. ди Сан-Джулиано (Италия), А. К. Бенкендорф (Россия) и П. Камбон (Франция). Основное внимание сторон было привлечено к таким вопросам, как политический статус и границы новообразованного Албанского государства, территориальное разграничение Македонии, государственная принадлежность Эгейских островов, а также ряд вопросов экономического характера (в частности, проблема оттоманского долга и создание международной комиссии по контролю над турецкими финансами)¹⁵.

Серьезные противоречия в ходе работы конференции выявились и между союзниками. Основными узлами внутривосточных противоречий (помимо взаимоотношений государств Балканского союза с Турцией) являлись сербо-болгарские, греко-болгарские и сербо-черногорские отношения относительно дележа оккупированных областей.

Согласно договору, закреплявшему территориально-политическое устройство на Балканах после первой Балканской войны, Турция уступала балканским государствам вою свою европейскую часть к западу от линии Мидия — Энос, а также остров Крит; вопрос о других турецких островах в Эгейском море передавался на решение великих держав.

Петербург был поставлен в весьма затруднительное положение; кого следует поддерживать, на кого делать ставку? Если посланник в Белграде Н. Г. Гартвиг был решительным защитником сербских интересов, считая, что именно Сербия является надежным оплотом России на Балканах, то его коллега в Софии Н. А. Неклюдов с не меньшим жаром выступал на укрепление связей с Болгарией. Одной из возможных гарантий по предотвращению надвигающейся межсоюзнической войны он видел в браке болгарского престолонаследника Бориса с одной из русских великих княжон¹⁶. Подобный брак уменьшил, если не нейтрализовал бы, опасность новой войны. Однако в Петербурге этот несомненно удачный ход не получил одобрения. В столице уже делали ставку на Сербию, все решительнее поворачивавшую к России, нежели на Болгарию с ее подозрительным заигрыванием с Веней.

Первая победоносная балканская война привела к фактическому расколу балканского мира, к взаимной вражде между недавними союзниками в вопросе дележа территорий.

Сербское руководство осталось неудовлетворенным достигнутыми результатами. Получить выход на Адриатическое море через албанские земли не удалось, а предусматривавшийся сербо-болгарским договором 1912 г. порядок раздела македонских земель в тепе-

решных условиях означал территориальное соседство Болгарии с Албанией и, следовательно, возникновение еще одного объективного препятствия на пути получения косвенного выхода к морю (на этот раз через эгейский порт Салоники на основе специального сербо-греческого соглашения) в лице укрепившейся в результате войны и ориентировавшейся на государства Тройственного союза Болгарии.

Однако высшие политические и особенно военные круги страны — находившиеся под впечатлением достигнутых побед над вековым неприятелем и количеством освобожденных областей — отнюдь не собирались выполнять «территориальные» положения вышеуказанного договора. Аналогичные устремления преобладали и в софийских и афинских властных коридорах. Сильного внешнего неприятеля в лице Османской империи больше не существовало, и вместе с концом турецкого владычества в Европе пришел конец идеям балканского союза и славянской солидарности.

Уже в феврале 1913 г. сербское правительство заявило болгарскому кабинету, что оно считает необходимым пересмотреть статьи договора между двумя странами от 1912 г., в которых речь шла о территориальном разграничении. В качестве обоснования подобного требования были выдвинуты два основных довода. Во-первых, по мнению Сербии, фактическая капитуляция Сербии перед лицом военно-политического давления со стороны монархии Габсбургов в албанском вопросе автоматически возлагала на Болгарию обязанность предоставить ей соответствующие территориальные компенсации, ибо согласно вышеуказанному документу София должна была в случае сербо-австрийской войны оказать своей союзнице военное содействие силами двухсоттысячной военной группировки.

Во-вторых, официальный Белград обвинил болгарскую сторону в том, что последняя не направила свои вооруженные силы в помощь сербам, сражавшимся на македонском театре военных действий (как это предусматривалось соглашением), в то время как сама Сербия оказала ей военное содействие при осаде Адрианополя — хотя это и не было предварительно зафиксировано на бумаге.

Болгария отвергла идею корректировки задним числом предвоенного соглашения, указав в своем ответе, что она вынесла основную тяжесть борьбы на Константинопольском фронте — сыгравшем решающую роль в капитуляции Турции. Одновременно софийское правительство выдвинуло территориальные претензии к Греции, поставив под сомнение ее права на овладение юго-восточной Македонией, а также Салониками. 9–10 мая 1913 г. между двумя сторонами произошел серьезное вооруженное столкновение у Нигрите, а вскоре после этого — в районе Кавалы. Кроме того, стали стреми-

тельно ухудшаться болгаро-румынские отношения из-за добруджанского вопроса, причем позицию болгарского правительства негласно поддерживала Австро-Венгрия.

В середине апреля 1913 г. Сербия предложила Румынии заключить формальный союз. Бухарест — находившийся в союзнических отношениях с монархией Габсбургов — отклонил эту идею, однако два месяца спустя — 10 июня — заявил, что в случае межсоюзнической войны Румыния не останется нейтральной.

Тем временем в первых числах мая греческое правительство предложило Сербии заключить отдельное соглашение, направленное против недавней союзницы, и 5 мая 1913 г. в Афинах были подписаны предварительные условия греко-сербского союзного договора. В протоколе отмечалось, что оба государства обязуются заключить двусторонний договор о дружбе и союзе, которым бы гарантировались территориальные приобретения обеих стран, а также греко-сербская граница.

Сам договор был подписан 1 июня того же года в Салониках. Его положения предусматривали совместное ведение военных действий против Болгарии в случае нападения или существования угрозы нападения о ее стороны в целях нанесения ей военного поражения и раздела Македонии между Грецией и Сербией, что на деле означало отход белградского правительства от норм болгаро-сербского договора 1912 г. Оба государства-участника договора взяли на себя обязательство оказывать друг другу всестороннюю дипломатическую поддержку. При этом греческое правительство обещало открыть для своего союзника свободную торговую зону в порту Салоники сроком на 50 лет, а также предоставить право беспошлинного провоза сербских товаров по железнодорожной линии Салоники — Скопье (Ускюб) и Салоники — Битоль (Монастырь).

Одновременно стороны заключили 14 мая двустороннюю военную конвенцию, которая предусматривала, что Сербия в случае войны с Болгарией должна была выставить армию численностью в 150000 человек, а Греция — 90000 человек. При этом, единоличное — без предварительных консультаций — выступление одного из государств-участников договора против Болгарии не обязывало его союзника принимать участия в войне, но требовало от него сохранения благожелательного нейтралитета¹⁷.

Процесс фактического распада балканского союза встретил негативную реакцию в Санкт-Петербурге. 1 мая 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов призвал Сербию и Болгарию передать все спорные вопросы на верховный арбитраж своей страны — как это было предусмотрено статьей IV союзного договора.

Однако и в Белграде, и в Софии не собирались идти на уступки. Болгарское правительство не видело никаких оснований для пересмотра прежних договоренностей, а сербский кабинет был не намерен садиться за стол переговоров без предварительного согласия Болгарии именно на их изменение. Скупщина Сербии приняла специальную резолюцию, в которой решительно отвергался вывод сербских войск из занятых ими македонских областей. В военных кругах страны все большее распространение приобретала идея государственного переворота — в случае, если правительство Пашича пойдет в этом вопросе на уступки болгарской стороне, а наиболее решительно настроенные члены вооруженных отрядов, действовавших в Македонии, пригрозили физически устранить главу кабинета. Что же касается Болгарии, то здесь наиболее жесткую позицию занимал генерал М. Савов, призывавший — в противовес более умеренному премьер-министру страны И. Гешову — правительство и царя Фердинанда осуществить стремительную военную операцию против Сербии и Греции и тем самым поставить Европу перед свершившимся фактом.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить Балканский союз, Сазонов 1 июня 1913 г. направил главам правительств Болгарии, Греции, Румынии и Сербии специальные приглашения прибыть в Санкт-Петербург на многосторонние переговоры. Однако его идея оказалась реализованной лишь отчасти. Опасаясь необъективности и прософийских симпатий российского правительства, Пашич в ходе состоявшейся у него встречи со своим болгарским коллегой в Цариграде предложил организовать упомянутый форум в Салониках.

Тем временем позиции Гешова в болгарском руководстве окончательно ослабли, и 6 июня 1913 г. его кабинет подал в отставку. Новое правительство страны было сформировано 15 июня С. Даневым. В самый разгар этого внутривластного кризиса, 8 июня, в Софии — а также в Белграде — было получено личное послание Николая II, в котором тот еще раз призвал стороны сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий.

Сербский король Петр Карагеоргиевич дал в целом позитивный ответ на данное обращение, хотя и подчеркнул, что требования, которые предъявит его страна в ходе намечавшихся переговоров, не могут быть ограничены нормами сербо-болгарского договора 1912 г. Что же касается болгарского монарха Фердинанда Кобурга, то он указал, что ранее уже прибегал к посредническим услугам России, и еще раз повторил, что Болгария не позволит своей вче-

рашной союзнице лишить ее плодов военных побед. 25 июня 1913 г. болгарский посланник в России сообщил Сазонову, что его правительство — уже принявшее решение отозвать своего посла из Белграда — может согласиться на российское посредничество лишь на основе соглашения 1912 г.

Данный шаг Софии встретил негативную реакцию российского кабинета, который в свою очередь заявил об отказе России от русско-болгарского договора, которым она гарантировала неприкосновенность болгарской территории. Это произвело определенное впечатление на болгарское руководство, и несколько дней спустя оно согласилось на посредническую роль Санкт-Петербурга без всяких предварительных условий; однако в последний момент поездка делегатов на переговоры в российской столице была отменена по инициативе Болгарии.

Следует отметить, что переговоры вокруг российского посредничества проходили в сложной внутривнутриполитической обстановке, сложившейся не только в Болгарии, но и в Сербии. В мае депутаты от Либеральной партии подвергли резкой критике внешнюю политику старорадикального кабинета Пашича, потребовав от него занять более решительную позицию в отношении болгарских требований¹⁸. Спустя некоторое время, 30 июня 1913 г. на заседании скупщины депутаты-либералы прямо обвинили Пашича и его правительство в чрезмерной уступчивости в том, что касалось сербо-болгарских отношений, и одновременно осудили позицию по указанному вопросу России, которая, по их мнению, всегда покровительствовала Болгарии в ущерб Сербии¹⁹.

В конечном итоге Пашичу удалось добиться согласия законодательного органа на его поездку на переговоры в российскую столицу; однако оно уже опоздало. В ночь на 30 июня 1913 г. болгарские войска осуществили нападение на сербские позиции на реке Брегалница. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, а также Турция. Военные силы оказались слишком неравными, и поражение Болгарии было еще более стремительным, чем военные неудачи Константинополя периода первой Балканской войны. Как и тогда, ход военных действий оказался достаточно неожиданным для европейских военно-политических кругов и общественного мнения. В военном руководстве России существовало мнение, что болгарская армия по своим характеристикам настолько превосходит вооруженные силы ее новых противников, что сможет нанести им поражение, даже действуя в одиночку, что ставило российские правительственные сферы в затруднительное положение. С одной стороны, быстрая победа Болгарии могла быть выгодна для России

тем, что снимала возможность вмешательства в конфликт Австро-Венгрии. Однако с другой стороны, чрезмерное укрепление позиций Болгарии вызывала серьезные опасения в Санкт-Петербурге, не имевшем особых оснований доверять Фердинанду. В этих условиях Николай II и С. Д. Сазонов оказали радушный прием прибывшему в столицу греческому принцу Николаю, имевшему поручение заручиться согласием России предпринять дипломатические шаги в Бухаресте с тем, чтобы подтолкнуть Румынию к скорейшему вступлению в войну на сербо-греческой стороне. Более того, российский и румынский монархи обменялись личными посланиями, в которых заверили друг друга в общности интересов двух стран (в Петербурге рассчитывали, содействуя Румынии, способствовать изменению ее внешнеполитической ориентации). Одновременно российское правительство отклонило просьбу о помощи, поступившую из Софии.

В результате военных операций турецкие войска вновь заняли Адрианополь, а также часть Фракии, румынская армия воспользовалась тем, что болгарское командование не ожидало нападения с севера и держало на границе с Румынией незначительные гарнизоны, практически беспрепятственно продвигалась на софийском направлении, создав непосредственную угрозу Софии²⁰, а сербские части нанесли болгарам тяжелое поражение на реке Брегалница. Что же касается ближайшей сербской союзницы — Черногории — то ее правительство без колебаний откликнулось на призыв Белграда и направило в помощь сербским войскам Дечанский отряд под командованием генерал Вукотича, насчитывавший около 13000 человек личного состава. 10 июля 1913 г. было обнародовано заявление короля Николы об объявлении войны Болгарии. Обращаясь к черногорским частям, направлявшимся на македонский фронт, он призвал их совместно с сербскими братьями исполнить свой долг «по защите наших сербских интересов», а остальных черногорцев — быть готовыми исполнить свой долг «по отношению к Отечеству и сербству»²¹. Однако у черногорского руководства существовали и конкретные цели, оправдывавшие участие страны во второй Балканской войне. Оказывая вооруженную поддержку Сербии, оно рассчитывало на определенные территориальные компенсации в ходе сербо-черногорского разграничения в Ново-Пазарском санджаке, а также в Метохии.

15 июля 1913 г. кабинет Данева подал в отставку, и 20 июля Болгария передала союзникам просьбу о перемирии, которая была принята победителями не в последнюю очередь благодаря настоятельным советам России.

В ходе мирных переговоров, проходивших в Бухаресте, основным камнем преткновения стало определение направления сербо-болгарской границы в том, что касалось территорий, лежавших на левом берегу реки Вардар с городами Штип, Кочаны и Струмица, а также греко-болгарского разграничение во Фракии. В конечном итоге Болгарии (при поддержке Санкт-Петербурга, не желавшего чрезмерного ее ослабления) удалось отстоять Струмицу.

Мирный договор был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Условия данного документа оказались крайне невыгодными для Болгарии. К Румынии отошла Южная Добруджа. Болгария обязывалась в двухлетний срок нейтрализовать существующие военные крепости и не возводить новые на румыно-болгарской границе. Освобожденная от турецкого господства Македония была разделена между Грецией (Эгейская Македония с портами Салоники и Кавала), Сербией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринский край)²². Между Болгарией и Турцией был заключен Константинопольский мирный договор, подписанный 29 сентября 1913 г. Турция вступила в войну против Болгарии 21 июля и вскоре захватила Восточную Фракию. Согласно данному документу, граница во Фракии, определенная Лондонским договором по линии Унос—Мидия, ликвидировалась. От Болгарии отходила Восточная Фракия о Лозенградом (Кирк-Килиосе), Люле-Бургасом и Адрианополем (совр. Эдирне). За ней оставалась часть Западной Фракии о поселками Дедеагач и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря. Таким образом, хотя Болгария и сохранила выход к Эгейскому морю, у нее не осталось ни одного более или менее значительного порта.

Данный договор фактически подвел черту под продолжавшимся почти год Балканским кризисом, в связи с чем становится понятной позитивная оценка самого факта его появления, содержащаяся в передовой статье французской газеты «Тан», которая указывала, что, «оставляя в стороне вопрос о справедливости конкретных положений Константинопольского мирного договора для подписавших его сторон, все же следует приветствовать его заключение, так как им ликвидировался длительный период „балканской смуты“, представлявший собой постоянную угрозу для мира и спокойствия в Европе»²³.

Балканские войны нанесли серьезный удар по экономике всех участвовавших в них государств. По оценкам австро-венгерских финансовых экспертов, обе войны обошлись балканским странам в общей сложности в 3 миллиарда франков, причем на долю отдельно взятых государств пришлось следующие затраты и потери: Турция — 900 миллионов, Болгария — 670 миллионов, Сербия —

450 миллионов, Греция — 380 миллионов, Румыния — 250 миллионов и Черногория — 50 миллионов франков²⁴.

Потерпев поражение, болгарские правящие круги не замедлили обвинить в нем Россию. Апофеозом русофобских настроений стало стихотворение, каждая строфа которого заканчивалась проклятием на голову „братской России“²⁵. И хотя номер газеты «Дневник», где оно было помещено, подвергся конфискации, и правительство выразило свое сожаление Неклюдову, тем не менее эти зарифмованные проклятия можно было считать первыми горькими плодами настроений в славянстве, результатом «игры на качелях», уже принесшей немало бед в русско-болгарских отношениях в прошлом.

Прежние клятвы в «вечной благодарности» России были забыты. Слишком свежи были воспоминания о позорном Бухарестском мире (1913 г.), по которому Болгария из обширных македонских земель сохранила лишь Пиринскую Македонию, а Южная Добруджа была присоединена к Румынии. Как вспоминал Сазонов, «Бухарестский мир был только пластырем, наклепленным на незалеченные балканские язвы, которым было суждено снова вскрыться не далее как через год... Для Болгарии Бухарестский мир запечатлевал крушение честолюбивой мечты Фердинанда Кобургского о создании болгарского царства от пределов Албании и до Мраморного моря. Горечь обманутых надежд и затаенная злоба против тех, кого они считали виновниками испытанных ими разочарований, поставили судьбы болгарской политики в тесную связь с венским кабинетом, как это наглядно доказала мировая война 1914 года»²⁶.

Итак, Россия, как считали болгарские национал-патриоты, стала ответчицей за их неудачи, при этом забывая, что Россия не всемогуща и не могла позволить себе ссору с державами, поддерживавшими болгарских оппонентов. Ревизия договора была явно России не под силу, как и сохранение подобия равновесия на Балканах.

Болгарское правительство начинает открытую политику сближения с Германией и Австро-Венгрией. Наглядным свидетельством этого курса было заключение займа в Германии, чего так упорно не хотела допускать русская дипломатия. Предлагаемое ею посредничество по получению кредита во Франции было отвергнуто. В разговоре с Савинским (июль, 1914 г.) премьер-министр В. Радославов подчеркнул, что «народ уже не так верит России, что он чувствует себя оставленным, и оставленным всеми: теперь мы восстановили против себя Россию, в лице Австрии и Германии мы имеем только врагов славянства, с соседями мы со всеми в ссоре; мы не славяне, — мы монголы, и ничего у нас нет общего ни с сербами,

ни с русскими»²⁷. Ясно было одно, что болгарское правительство готово к заключению союза даже с неприятелями России, лишь бы добиться реванша в македонском вопросе.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 27. Л. 269–271.
- 2 *Јовановић С.* Влада Александра Обреновића. Београд, 1936. Књ. 3. С. 191.
- 3 *Пандев К.* Националноосвободителното движење во Македонија и Одринско 1878–1903. Софија, 1979. С. 213.
- 4 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 500. Ч. 1. Л. 361.
- 5 Там же. Д. 1319. Л. 47.
- 6 *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 58–59.
- 7 Там же. С. 64.
- 8 *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. М., 1959. С. 254.
- 9 Историја српског народа. Књ. 6. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења — 1878–1918. Београд, 1983. С. 195.
- 10 *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- 11 Там же.
- 12 Там же. С. 79–80.
- 13 История на България. Софија, 1981. Т. 2. С. 260.
- 14 *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 125–126.
- 15 Подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985.
- 16 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1351. Л. 62.
- 17 *Ключников Ю. В., Сабанин А. В.* Международная политика. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 366–368.
- 18 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 183.
- 19 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 240.
- 20 История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964. С. 121–122.
- 21 Историја српског народа. Књ. 6. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 191.
- 22 *Стефанова С.* Международни актове и договори, 1648–1918. Софија, 1958. С. 330–332.
- 23 Temps, 1913, 20 sept.
- 24 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1914. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.
- 25 Там же. Л. 123об.
- 26 *Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 120–121.
- 27 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1353. Л. 194об.

РОЖДЕНИЕ АЛБАНСКОГО ГОСУДАРСТВА

К лету 1908 г. относится начало нового этапа в развитии албанского национального движения, происходит его сближение с турецким революционным движением, возглавлявшимся комитетом «Единение и прогресс» и получившим впоследствии название младотурецкого. Младотурки, выдвинувшие в качестве своих основных программных требований восстановление конституции, равенство и гражданские свободы для всех народов Османской империи, сумели привлечь на свою сторону значительную часть албанского населения, а один из признанных лидеров албанского движения, Исмаил Кемали, находясь в эмиграции во Франции, принимал в 1902 г. непосредственное участие в состоявшемся в Париже младотурецком конгрессе¹. Данное обстоятельство сыграло существенную роль в победе младотурок в июле 1908 г., в результате которой в стране было восстановлено действие конституции 1876 г. Следует отметить, что против султана Абдул-Хамида выступили даже албанцы Косовского вилайета, традиционно являвшиеся его опорой и служившие в дворцовой гвардии и отрядах башибузуков. Еще раз албанцы встали на защиту конституционного строя в апреле 1909 г., когда солдаты константинопольского гарнизона подняли 13 апреля 1909 г. мятеж с требованием отставки правительства. Широкие слои албанского населения не поддержали призывы придворных кругов, а также оппозиционной партии «Ахрар» («Либералы») оказать поддержку в восстановлении прежнего режима. Две недели спустя город был занят революционными войсками, Абдул-Хамид низложен, и с середины 1909 г. власть в стране полностью перешла в руки младотурок².

К этому же времени относится новая крупная веха в истории собственно албанского национального движения. На состоявшемся в ноябре 1908 г. в Битоле всеалбанском конгрессе (формально посвященном обсуждению вопроса о разработке и внедрении в Албании единого алфавита, что было чрезвычайно актуально для объединения усилий двух культурно-национальных общностей, существовавших в рамках единой албанской нации — гегов и тосков) была принята развернутая программа действий, включавшая в себя как положения о признании и использовании реформированного албанского языка в государственной и образовательной деятельности, так и требования выборности местных органов власти из числа представите-

лей албанцев, стимулирования хозяйственного развития региона, развития торговой деятельности и т. д.

Однако революция не привела к существенному улучшению положения широких масс населения, а после подавления контрреволюционного мятежа младотурецкое руководство не только не пошло навстречу чаяниям албанцев, но и стало проводить репрессивную политику в отношении их национального движения. К лету того же года относятся первые вооруженные выступления албанцев против нового режима, которые весной следующего года переросли в массовое вооруженное восстание албанцев Косовского вилайета, что вызвало ответные вооруженные действия Константинополя, направившего на борьбу с албанскими отрядами крупные соединения регулярной турецкой армии во главе с Шевкетом Торгут-пашой и введение в конце лета осадного положения на всей территории Албании. Как указывал в своем донесении от 4 мая 1910 г. российский представитель в Призрене Разумовский, «албанское движение, начавшееся из-за неудачного по времени введения городского налога, приобрело за последнее время чисто принципиальный характер борьбы против младотурок»³.

Одновременно положение турецких властей осложнялось тем обстоятельством, что, как справедливо отмечалось в обстоятельной статье в газете «Новое время» от 30 мая 1910 г. под заголовком «Значение албанского движения», территориальные границы распространения албанского вопроса охватывали в той или иной мере все вилайеты Европейской Турции, и ареал восстания легко мог расширяться, вовлекая в свою орбиту многочисленные албанские племена как католического, так и мусульманского вероисповедания⁴.

Изменилось и отношение к албанской проблеме со стороны европейских государств. Албанские сюжеты, взаимоотношения руководителей движения с представителями турецкой администрации в центре и на местах, а также влияние этих событий на внешнеполитическую обстановку на Балканском полуострове с начала 1910 г. стали занимать важное место в донесениях дипломатических представителей держав как в Турции, так и в столицах других балканских государств.

С одной стороны, опасения в европейских столицах вызывало стремление ряда балканских политических деятелей использовать события в Албании в целях укрепления там своих политических позиций. Особую активность в этом плане проявлял черногорский князь Никола, ближайшие сподвижники которого разработали далеко идущую программу действий, рассчитанную на переход приграничных албанских племен под юрисдикцию Черногории. Как от-

крыто признал в своей беседе с российским военным агентом в Черногории Н. М. Потаповым военный министр Черногории М. Мартинович, «взгляды великих держав на желательность скорейшего обновления Турции и закрепления в ней нового политического строя совершенно не совпадают теперь с нынешними видами и помыслами Черногории», и что не исключена возможность того, что пока Турция еще не окрепла, княжество «попытается заварить кашу на Балканах, дабы затем вознаградить себя прилегающими частями Албании и старой Сербии за потерю надежд на восприсоединение к нему Боснии и Герцеговины»⁵.

По свидетельству российского поверенного в делах в Черногории Н. С. Дьяченко, расчеты Мартиновича строились следующим образом: «Арнаулы (албанцы. — *Авт.*), теснимые младотурками, страшась введения всеобщей воинской повинности, охотно войдут, на известных условиях, в состав Черногории, население которой сохранило однородное с албанцами племенное устройство и поныне пользуется правом носить оружие.

Кроме того, немалые надежды возлагаются на родственные связи, сохранившиеся, будто бы, до сих пор между отдельными арнаутскими кланами и черногорскими племенами. Щедрая раздача оружия и денег должны довершить успех широкого плана, задуманного и разрабатываемого бригадиром Мартиновичем.

Что касается до отношения великих держав к подобной аванюре и тех последствий, которые она может иметь для Черногории, то здешние скороспелые политики считают, что — по примеру Австро-Венгрии и Болгарии (речь идет об аннексии Боснии и Герцеговины и провозглашении независимости Болгарии. — *Авт.*) — все сойдет им благополучно с рук, и Европа не только преклонится, по обыкновению, перед совершившимся нарушением status quo, но из боязни общего пожара на Балканах сама поможет Княжеству уладить дело в желаемом для последнего смысле»⁶.

С другой стороны, великие державы, прежде всего Австро-Венгрия и Италия, формально входившие в один военно-политический блок, укрепляя свои экономические позиции в Албании, стали отводить этой области все более важное место в своих внешнеполитических планах. В том, что касается Италии, албанское направление впервые стало рассматриваться Римом в качестве самостоятельного и перспективного уже с начала 80-х гг. XIX в. (а точнее — с оккупацией Францией Туниса в апреле—мае 1881 г., в результате которой Италия не только потеряла существовавшие у нее серьезные надежды на его приобретение или какие-либо компенсации, но и поняла свою дипломатическую изоляцию и определенную «ущербность»

своего статуса великой державы ⁷), когда проблема места Италии в системе международных отношений в Европе и ее стратегической роли на Средиземном море стала особенно актуальной для итальянского руководства ⁸. Основной смысл и содержание борьбы двух держав за экономический и политический контроль над Албанией достаточно четко еще в 1904 г. раскрыл министр иностранных дел Италии Т. Титтони: «Албания сама по себе не имеет никакой важности, все ее особое значение заключается в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволит ни Австрия — Италии, ни Италия — Австрии, и если одна стремится к этому, другая всеми силами должна этому сопротивляться» ⁹.

Эта характеристика непосредственно перекликалась с мнением австро-венгерского коллеги Титтони А. Голуховского, заявившего тогда: «Австрия не имеет никаких видов на эту провинцию, но не может допустить захвата ее другой Державой. Адриатическое море должно остаться свободным» ¹⁰.

Что же касается России, то она, также руководствуясь в своей внешнеполитической деятельности собственными геополитическими интересами, рассматривала в качестве традиционных союзников на Балканах Сербию и Черногорию, в связи с чем с опасением относилась к развитию албанского национального движения, видя в нем угрозу как для стабильности общей ситуации на полуострове, так и для безопасности и территориальной целостности славянских государств. Одновременно она выступала с осуждением экспансионистских устремлений черногорского руководства, которые могли привести к резкому обострению отношений и даже военному конфликту между Черногорией и Турцией и коллективному вмешательству великих держав. В частности, в секретной телеграмме министра иностранных дел России А. П. Извольского российскому поверенному в делах в Цетинье от 13 мая 1910 г., подчеркивалась необходимость дать королю Николе настоятельный совет отказаться от своих замыслов в отношении Албании и «прекратить всякие в этом направлении действия» ¹¹.

Осмысление албанских проблем в международных кругах поднялось на новую ступень в 1911 г. Это было связано, во-первых, с тем, что новое албанское восстание, вспыхнувшее в марте, имело более широкий размах и к лету того же года распространилось на всю Албанию. Как отмечал в своем донесении российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг, оно «видимо организовано опытной рукой и направляется с необычной тактической последовательностью»;

кроме того, «несмотря на значительное сосредоточение правительственных войск, турки в борьбе с албанцами испытывают серьезные затруднения, осложняемые к тому же общим внутренним кризисом»¹². Лидерам албанского национального движения удалось установить устойчивые контакты с различными общественно-политическими кругами и движениями в других государствах, в частности, в Италии, Болгарии и Черногории. 23 июня 1911 г. в Подгорице членами местного Албанского комитета был подготовлен меморандум, получивший название «Красная книга», ставший первой целостной программой борьбы за широкую территориально-административную и экономическую автономию албанских земель и доведенный до сведения как турецкого руководства, так и правительств ведущих европейских держав.

Как указывал в своем донесении от 24 июля 1911 г. сербский консул в Приштине М. Ракич, «самой значительной отличительной чертой сегодняшнего движения является стремление к автономии»¹³. Одновременно, по мнению сербского консула, это объективно способствовало обострению сербо-албанских отношений в указанных областях, поскольку проживавшие там сербы были вынуждены занимать выжидательную и во многом нейтральную позицию, чтобы не давать повода для каких-либо репрессивных мер по отношению к себе как со стороны самих албанцев, так и со стороны турецких властей. К тому же, по его наблюдениям, значительная часть сербов прямо выступила против устремлений и требований албанцев, что находило свое выражение в проведении сербами митингов протеста против идеи автономии Албании и в сборе подписей под петициями и телеграммами протеста¹⁴.

Во-вторых, более активной стала поддержка, оказывавшаяся албанцам оружием, деньгами и добровольцами со стороны Черногории, что привело к осложнению как черногорско-турецких отношений, так и общей международной ситуации на Балканах. Великие державы в этот период уже предполагали возможность обсуждения в той или иной форме албанского вопроса на международном уровне. Об этом, в частности, свидетельствует телеграмма временно управляющего министерством иностранных дел России А. А. Нератова от 27 июля 1911 г. российскому послу в Константинополе, в которой сообщение о беседе с представителем Австро-Венгрии в России графом Турном завершилось выводом: «Само собою разумеется, что вопрос об улажении Албанского кризиса, входящий в область внутренних дел Турции, не должен исключаться из программы предстоящих обсуждений, поскольку это будет приемлемо для Турции»¹⁵.

События в Албании стали принимать в расчет при разработке своих внешнеполитических курсов и балканские государства. Двойственное отношение к ним Греции определялось тремя обстоятельствами. С одной стороны, как указывал в своем обстоятельном сообщении от 28 июля 1911 г. российский поверенный в делах в этой стране Татищев, «всякое внутреннее замешательство в Оттоманской Империи встречается греками с чувством нескрываемого удовольствия. Это, впрочем, вполне понятно, ибо означенные смуты служат очевидным доказательством шаткости ненавистного грекам младотурецкого режима»¹⁶. С другой стороны, обострение вследствие восстания в Албании турецко-черногорских отношений могло поставить под угрозу глобальный политический курс греческого правительства, рассчитанный на поддержание существующего положения на Балканах, по крайней мере до тех пор, пока не завершится начатая под руководством английских и французских инструкторов реорганизация греческой сухопутной армии и флота. Наконец, очень существенное, если не решающее, значение для Греции имело обострение ситуации в тех областях Южной Албании (Северный Эпир по греческой терминологии), на которые Греция сама претендовала. Подъем албанского национального движения в этих областях мог помешать осуществлению планов Афин. Поэтому, сообщал Татищев, греческие правящие круги и общественное мнение предпочитали «продолжение нынешнего владычества турок в Эпире, нежели захват его албанской пропагандой», а правительство, «через своих агентов в Эпире, делает тамошнему греческому населению самые усиленные внушения относительно необходимости соблюдать полное спокойствие и строго воздерживаться от содействия, а тем паче от участия в революционном движении»¹⁷.

Отличительная особенность позиции Румынии определялась двумя обстоятельствами. С одной стороны, румынское правительство не препятствовало деятельности существовавших здесь с конца XIX в. нескольких албанских обществ и клубов как культурно-просветительного, так и более радикального направления. Албанская колония в Бухаресте была достаточно многочисленной и поддерживала тесные контакты с национальным движением в самой Албании. В начале XX в. ведущая роль среди них принадлежала двух организациям — «Дрита» («Свет») и «Башким» («Союз»).

Первое из них было основано в 1887 г. на основе распавшегося за год до этого культурно-просветительного общества с аналогичным названием. В качестве цели своей деятельности его руководство во главе с преуспевающим торговцем хлебом и активным деятелем албанского национального движения уроженцем Горицы Ни-

колой Начо ставило развитие албанской культуры, а также содействие установлению автономии Албании мирными средствами. Одно время общество издавало собственную газету, однако к данному моменту оно переживало сложные времена.

Второе — во главе которого встал крупный албанский фабрикант Тома Чама — организовалось в 1908 г. В отличие от предыдущей организации, оно располагалось значительными денежными средствами (его членом был, в частности, банкир Коста Евтимиу) и ставило перед собой более широкие задачи, выступая за независимость Албании в широких территориальных границах. «Башким» поддерживал через специальных эмиссаров тесные контакты с руководителями албанского восстания и оказывал им серьезную материальную поддержку¹⁸.

С другой стороны, Румыния не желала обострять отношения с другими балканскими государствами, рассчитывая, в случае будущих осложнений, получить для себя определенные компенсации, в том числе и территориальные, используя тот факт, что, как подчеркивал министр иностранных дел этой страны Т. Майореску в беседе с российским посланником М. Гирсом 25 июля 1911 г., Албания населена не только албанцами, сербами, болгарами, греками, «но и куцо-влахами»¹⁹.

Вполне определенные планы существовали у Болгарии, которая стремилась использовать албанское национальное движение в интересах борьбы против Турции. Они, однако, не афишировались и не являлись предметом обсуждения внешнеполитических ведомств других стран. Так, в ходе продолжительной беседы с российским посланником в Софии А. В. Неклюдовым, состоявшейся 23 июля 1911 г., болгарский царь Фердинанд заверил российского представителя в том, что «Болгария останется совершенно спокойной в настоящем албанском кризисе и вообще по отношению к Турции, разве что там наступят исключительные события, чего он впрочем не ожидает в близком будущем»²⁰.

Что же касается политики Сербии, то она определялась ее негативным отношением к развитию албанского национального самосознания и к подъему национально-освободительного движения. Как указывалось в секретной телеграмме российского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига от 11 мая 1912 г., «сербское правительство, отклонившее ходатайство албанских главарей о помощи, крайне встревожено тем обстоятельством, что... восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»²¹.

Данный курс сербского руководства объективно оказывал негативное воздействие на развитие сербо-албанских отношений, ибо

албанское движение связывало определенные надежды с поддержкой со стороны Сербии и созданием единого антитурецкого блока в составе Албании, Сербии, Болгарии, а также, возможно, и Черногории²².

Рассматриваемое восстание — прежде всего, вследствие нерешительной и соглашательской позиции крупных албанских феодалов, связанных экономическими интересами с турецкой властью (которым в целом по-прежнему принадлежала руководящая роль в албанском национальном движении), и политикой невмешательства, проводившейся великими державами, также не увенчалось принципиальным успехом, приведя лишь к некоторым уступкам со стороны Турции (снижение налогов, сокращение сроков военной службы, открытие нескольких школ на албанском языке, а также амнистия для участников восстания). Тем не менее оно свидетельствовало об определенном изменении характера борьбы и взглядов руководителей албанского освободительного движения.

К весне 1912 г. относится самое значительное албанское восстание рассматриваемого периода, начавшееся в условиях углублявшегося социально-экономического и политического кризиса в Турции, возраставшего влияния оппозиционных сил, установивших контакты с некоторыми лидерами албанского национального движения, в частности, Исмаилом Кемали и Хасаном Приштиной, а также неудачной для Турции Триполитанской войны.

В феврале 1912 г. в российском вице-консульстве в Шкодре (также как и в дипломатических представительствах великих держав в этом городе) было получено обращение за подписью пятидесяти видных албанцев, в котором они «обвиняют турок в неисполнении данных малиссорам (албанцам. — *Авт.*) обещаний и слагают с себя ответственность за беспорядки, которые возникнут, если их требования не будут исполнены немедленно же»²³.

Одновременно с этим руководители албанского движения пытались договориться о совместных антитурецких действиях с сербским населением албанских вилайетов. Кроме того, они обратились к правительству Сербии с просьбой оказать повстанцам материальное содействие.

Однако Пашич, крайне встревоженный, по словам Гартвига, «тем обстоятельством, что на сей раз восстание организуется в Косовском вилайете, в непосредственной сфере влияния Сербии»²⁴, отклонил эти предложения и, более того, направил специальных представителей в Албанию с целью попытаться «убедить албанских вождей в несвоевременности затеваемого ими движения»²⁵. Однако эти попытки окончились провалом.

Центром восстания вновь стал Косовский вилайет; позднее оно распространилось на центральные и южные районы Албании, причем имели место многочисленные случаи отказа частей и соединений турецкой армии принимать участие в военных действиях против повстанцев²⁶.

16 июля 1912 г. в г. Влера состоялось собрание лидеров албанского движения, которое направило турецкому правительству требования восставших; причем, как указывал в своем донесении сербский генеральный консул в Салониках Ж. Балугджич, несмотря на то, что их «подписали албанские лидеры с юга», в разработке данной программы «принимали участие и делегаты из Старой Сербии»²⁷.

Наиболее важными из этих требований были следующие: признание законной силы за всеми старыми албанскими обычаями, которые не противоречат интересам государства и положениям конституции и других законов; назначение в Албанию специального, периодически сменяемого турецкого представителя, который должен следить за деятельностью чиновников и поддержанием порядка; признание албанского языка в качестве официального в Албании, в том числе и в сношениях с правительством (фактически данные положения означали предоставление Албании автономии), а также закрепление за албанскими военнообязанными права служить в своих областях, в том числе в пограничных с соседними государствами районах, и возвращение населению отобранного оружия. В меморандуме, подписанном руководителями революционного комитета Влеры и направленном во внешнеполитические службы Англии, Франции и России, а также в ряд европейских средств массовой информации, содержалось обращение к турецким властям в кратчайшие сроки удовлетворить требования албанцев. В противном случае, указывали авторы документа, «мы предпочли бы скорее умереть в борьбе за защиту нашего достоинства и репутации, чем вести жизнь, пригодную для животных»²⁸.

В июле 1912 г. специальный корреспондент санкт-петербургской газеты «Речь» В. Викторов (выделявшийся среди своих коллег объективностью, интересом и познаниями в области албанских сюжетов) посетил штаб-квартиру одного из руководителей восстания Риза-бея, с которым имел беседу в присутствии других албанских лидеров, в частности, Байрама Цурри и Асан-бея. В ходе продолжительного разговора, Риза-бей заявил: «Мы боремся за то, чтобы великий албанский народ получил принадлежащие ему права. Мы не мятежники. Мы желаем, чтобы во всей Оттоманской империи наступил мир. Мы желаем, чтобы наш падишах жил в согласии

с Россией, потому что мы знаем только два великих народа: наш народ и русский народ (*Sic! — Авт.*)»²⁹. «Наша теперешняя борьба, — продолжал он, — это только первый этап. Мы требуем особых прав для четырех вилайетов: Шкодринского, Янинского, Битольского и Косовского. относительно пятого — Салоникского — мы еще не пришли к определенным выводам. В этом вилайете тоже живут албанцы. В этой борьбе весь албанский народ с нами. Это — борьба против издевательств комитета (младотурок. — *Авт.*) над нашими справедливыми и законными требованиями»³⁰.

7–8 августа 1912 г. на совещании руководителей восстания в Приштине были еще раз обсуждены и конкретизированы албанские требования. Они были переданы специальной комиссии, направленной в Албанию турецким правительством, для сообщения их в Константинополь.

В данных условиях турецкая оппозиция добилась отставки младотурецкого правительства и передачи власти новому кабинету во главе с Гази Мухтар-пашой, который, в свою очередь, распустил палату депутатов, имевшую младотурецкий состав, и тем самым удовлетворил основное требование Хасана Приштины — одного из руководителей албанского движения.

В итоге, несмотря на то, что ряд требований восставших не были приняты, Хасан Приштина подписал в Скопье соглашение с правительством Мухтар-паши и добился прекращения восстания, которое в конечном счете не привело к завоеванию национальной автономии, но ослабило позиции Турции в Албании и на Балканском полуострове в целом.

Однако окончательно из внутритурецкого в межгосударственный албанский вопрос трансформировался в конце 1912 г., когда в результате нового подъема освободительной борьбы албанского народа, 28 ноября 1912 г. была провозглашена независимость этой страны, и на открывшейся 17 декабря того же года конференции дипломатических представителей великих держав в Лондоне началось всестороннее обсуждение албанских сюжетов.

Лондонское правительство рассчитывало, что албанское движение ослабит Турцию и ее контроль над арабскими областями — представлявшими одно из основных направлений колониальной политики Великобритании. Оно высказывалось в поддержку требований повстанцев и неоднократно обращалось к другим европейским столицам с предложением совместно потребовать от турецкого правительства их выполнения. При этом на позицию Англии и, в частности, министра иностранных дел Э. Грея, оказывало влияние убеждение, что албано-турецкий спор может быть разрешен

только военным путем — ввиду «невозможности для Черногории оставаться долгое время нейтральной»³¹.

Особое место на совещании заняло обсуждение двух проблем, приобретших международный характер и вызванных проведением в период первой Балканской войны правительствами Сербии и Черногории военных операций, выходящих за рамки собственно освобождения славянских областей Турции и вошедших в историю под названием Адриатического и Шкодринского кризисов.

В основе первого кризиса лежало стремление Сербии получить выход к Адриатическому морю. С этой целью была организована специальная военная экспедиция, в результате которой в ноябре 1912 г. сербские войска заняли значительную часть албанской территории и ряд морских портов. На этих землях было создано новое административное управление, а сами они включены в состав Сербии.

Единственной политической партией Сербии, выступившей в защиту албанских интересов и с резким осуждением политики кабинета Пашича (также как и ранее турецких властей) в албанском вопросе, стала Сербская социал-демократическая партия, возглавлявшаяся ведущим теоретиком и практиком сербского социал-демократического движения и одним из крупнейших знатоков албанских сюжетов не только в рядах ССДП, но и в Сербии в целом, Димитрие Туцовичем.

Отличительной особенностью программы сербских социал-демократов в национальном (и, следовательно, албанском) вопросе — ибо им был присущ комплексный подход к данной проблеме — являлась идея так называемой Балканской федерации (федерации балканских республик) — политического объединения, в которое вошли бы на правах автономных членов все балканские народы, в том числе и албанцы.

В феврале 1913 г. им была написана пространная статья под названием «Работа с албанцами», опубликованная в газете «Радничке новине», в которой он обосновал резко негативную позицию своей партии в отношении военной экспедиции сербских войск на адриатическое побережье. По его словам, это был завоевательный военный поход, против которого «должно восставать всякое здоровое сознание», а кроме того, вооруженная акция Сербии должна была иметь пагубные последствия для будущего, ибо она «роет бездну между двумя народами, живущими совместно в ряде областей, вызывает вражду, которая будет очень дорого нам стоить»³². Он подчеркивал, что антиалбанская политика сербского правительства, контрастировавшая с позицией Австро-Венгрии (выступавшей за предоставление Албании автономии и обширных территориальных

пределов) сеяла семена ненависти и будущей сербо-албанской вражды, одновременно способствуя укреплению в этой области Балканского полуострова позиций монархии Габсбургов (а также Италии), хотя на протяжении предшествовавших десятилетий (начиная со времени Первого сербского восстания 1804—1813 гг.) албанцы со своей стороны предпринимали неоднократные попытки заключить длительный и прочный союз именно с Сербией. И именно в данный момент, по мнению Туцовича, когда Албания в качестве отдельного государства представляет собой свершившийся факт, сербское руководство должно не только увидеть свою непростительную ошибку, но и попытаться «создать условия для сближения Сербии и Албании, приступить к совместной деятельности, создать тесный экономический и политический союз»³³.

Шкодринский кризис продолжался с октября 1912 (более точно — с 21 октября — когда черногорские войска начали обстрел горы Тарабош, на которой располагался форт, господствовавший над городом³⁴) по май 1913 г. и имел своей причиной попытку Черногории захватить сильно укрепленную албанскую крепость Шкодра (Шкодер, Скутари)³⁵. Турецкое военное командование придавало важнейшее значение обороне этой стратегически важной и способной выдержать длительную осаду крепости. Уже 9 октября — т. е. на следующий день вслед за объявлением Черногорией войны — в город из Тираны прибыл вооруженный отряд под командованием Эссад-паши³⁶.

В конечном итоге черногорским войскам удалось — ценой значительных потерь в живой силе, составлявших до одной трети личного состава армии — занять крепость.

Кроме того, высшее черногорское руководство и, в первую очередь, король Никола продолжали вынашивать планы установления своей юрисдикции над албанскими племенами, причем, если в предыдущие годы речь, как правило, шла о приграничных районах, то теперь интересы Черногории распространялись на всю Албанию. Так, в беседе с российским посланником в Цетинье Гирсом, состоявшейся в ноябре 1912 г., черногорский монарх прямо заявил, что «простейшим выходом» из сложившейся ситуации вокруг Шкодры, выхода на Адриатическое море Сербии и государственно-политического статуса албанских земель явилось бы «признание Короля Черногории суверенным Государем автономной Албании», причем, как указывал дипломат, он «подробно перечислил мне все имеющиеся у него документальные и иные данные, свидетельствующие, по его мнению, о том, что Албанцы охотно признают его своим Королем»³⁷.

Германия и Италия резко осудили действия Сербии и Черногории; в вопросе о Шкодре к ним присоединились также Англия и Франция, а Австро-Венгрия недвусмысленно выступила с угрозой начать военные действия как против балканских монархий, так и против России, если та будет оказывать им поддержку.

Безусловно, для Санкт-Петербурга особенно важным явилась определенная корректировка балканской политики Франции, связанная с персональными изменениями в министерстве иностранных дел этой страны: в марте 1913 г. высший пост на Кэ д'Орсэ занял С. Пишон, который в свою бытность на указанном посту (до декабря 1913 г.) относился настороженно — в отличие от своих предшественников и преемников, в первую очередь, Р. Пуанкаре и Г. Думерга — к внешнеполитическим приоритетам и конкретным шагам России на Балканах и, более того, в рамках проводившейся им политики дистанцирования от балканских проблем, подчеркивал необходимость сохранения жизнеспособной Турции³⁸.

Это вынудило Россию оказать дипломатическое воздействие на своих союзников, вследствие которого Сербия вывела свои войска из Северной Албании, передав рассмотрение вопроса о границах Лондонской мирной конференции, а черногорская армия оставила занятую ею ценой значительных потерь крепость, в которую 14 мая 1913 г. был введен международный гарнизон, состоявший из военных частей великих держав.

Но если отношение ведущих европейских государств к указанным агрессивным действиям балканских союзников оказалось в целом однозначным, в том числе и со стороны России, то вопрос о границах Албании вызвал ожесточенные дебаты между представителями великих держав, в первую очередь, Австро-Венгрии и России. Руководствуясь прежде всего собственными внешнеполитическими и стратегическими интересами, Австро-Венгрия (при поддержке Италии) выступала за более широкие границы для Албании, а Россия — вместе с Францией (П. Камбон недвусмысленно называл Албанию «австрийским предприятием»³⁹) — настаивала на их сужении. Агрессивные действия Греции, войска которой заняли значительные области Южной Албании, также не встретили противодействия со стороны великих держав, не желавших обострять отношения с Афинами в преддверии вероятного в будущем европейского конфликта, в ходе которого каждый из военно-политических блоков был заинтересован иметь Грецию в своих рядах.

Негативную позицию в отношении Албании демонстрировали и некоторые российские дипломаты, в частности, российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг, отрицавший саму правомерность

существования отдельного албанского государства и отказывавший албанскому народу в праве на цивилизованность и самостоятельное развитие. Однако основной задачей российской дипломатии на «албанском направлении» являлось не только и не столько защита интересов Сербии и Черногории, а противодействие попыткам Австро-Венгрии «добиться преобладающего влияния в Албании»⁴⁰.

Позиция же Австро-Венгрии по албанскому вопросу с самого начала указанных событий во многом определялась ее нежеланием допустить усиление Сербии. Опираясь на поддержку Германии, она разработала проект предоставления Албании автономии. По словам начальника Генерального штаба австро-венгерской армии генерала Конрада фон Гетцендорфа, эта страна «должна быть принята во внимание не только как сила, противостоящая Италии, но и как союзник против Сербии и Черногории»⁴¹. Италия, со своей стороны, также выступила с поддержкой указанного плана, опасаясь нежелательного для ее стратегических интересов в регионе выхода Сербии на Адриатическое море.

Тем временем во Влере был созвана Национальная Ассамблея с участием 83 делегатов, представлявших все албанские районы и вероисповедания, а также эмигрантские круги, которая 28 ноября 1912 г. провозгласила Албанию независимой; а неделю спустя было образовано Временное албанское правительство, состоявшее из семи министров — мусульман и христиан — которое возглавил сам Исмаил Кемали⁴².

На следующий день после провозглашения независимости Исмаил Кемали направил телеграммы правительствам ведущих европейских государств, а также Турции, в которых он проинформировал их о принятых во Влере решениях, а также заверил в том, что Албания будет строить свои взаимоотношения со всеми государствами на основе принципа мира, добрососедства и невмешательства. Однако великие державы проигнорировали это обращение, и ответ поступил лишь от турецкого правительства, но совсем не тот, на который втайне рассчитывали албанские патриоты. Уже 3 декабря греческий флот атаковал Влеру, однако Австро-Венгрия и Италия предупредили Афины о недопустимости захвата порта — явив таким образом очередное свидетельство сложного переплетения интересов великих держав и балканских стран вокруг Албании, где взаимодействие сменялось враждой и наоборот⁴³.

В результате длительного обсуждения совещание послов великих держав отвергло планы Турции сохранить Албанию в качестве своей провинции, но наряду с этим оно отказалось признать ее независимым государством. Согласно принятому 29 июля 1913 г. на форуме

решению, Албания провозглашалась «суверенным, наследственным и нейтральным княжеством под протекторатом великих держав»⁴⁴. Указанный протекторат должна была осуществлять специальная комиссия в составе семи членов — шесть от великих держав и один от Албании, на которую возлагалась обязанность расформировать существующие органы власти, разработать для страны «Органический статут» и организовать международный корпус жандармов.

Весомый вклад в обеспечение в целом благоприятной для Албании позиции великих держав внесла активность самих албанцев, которые организовали в своей стране массовые акции протеста против действий сербских и черногорских войск. Так, 18 апреля 1913 г. российским консульством в Янине было получено официальное сообщение председателя организационного комитета одного из подобных митингов, в котором подчеркивалось, что «захват Черногорией Скутари идет вразрез с волей великих держав, представляя собой смертельный удар для Албании», и содержался призыв к мировой общественности не допустить осуществления черногорским королем Николой «вопиющего завоевания на глазах у всей Европы двадцатого века»⁴⁵.

Что же касается границ нового европейского государства, то компромисс был достигнут путем, с одной стороны, сохранения за Албанией Шкодры, на которую претендовало черногорское руководство (территория Албанского государства в результате составила 28000 кв. км с населением приблизительно 800000 человек), а с другой — передачи Сербии и Черногории обширных территорий со значительным албанским населением, в том числе Косово и плато Дукагин с городами Призрен, Дибра, Печ и Дзяковица (Сербии) и городов Плав и Гусинье (Черногории), что имело негативные последствия для дальнейшего развития ситуации на Балканах и в Европе в целом⁴⁶.

Что же касается албано-греческой границы, то она после долгих дискуссий между странами Тройственного соглашения и примкнувшей к ним Германией с одной стороны и Австро-Венгрией и Италией с другой (Рим выступал против чрезмерного расширения территории Греции в северном направлении, которое могло привести к установлению Афинами своего контроля над проливом Корфу) была установлена Международной разграничительной комиссией, работавшей на месте в течение полутра месяцев, и зафиксирована во Флорентийском протоколе 17 декабря 1913 г. Согласно этому документу, за Албанией сохранялись Корча и Гирокастра, однако Янина и большая часть области Чамерия с преобладающим албанским населением закреплялись за Грецией⁴⁷.

Наконец, заключительным этапом в эволюции места Албании в системе международных отношений в Европе перед первой мировой

войной следует считать сербо-албанский конфликт осенью 1913 г., когда сербские войска, используя в качестве предлога необходимость защиты безопасности страны и подавления албанского восстания в приграничных районах (вызванного оккупационным режимом и массовыми репрессиями в присоединенных к Сербии областях) вновь оккупировали ряд областей Северной Албании, а в Косово еще больше ужесточили введенный там полицейский режим.

По свидетельству управляющего министерством иностранных дел Сербии М. Спалайковича, имевшего в этот период неоднократные беседы с российским поверенным в делах В. Н. Штрандтманом, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях изменения в свою пользу сербо-албанской пограничной линии и прихода к власти в самой Албании ориентированного на Сербию правительства. С этой целью оно решило оказать (и в действительности оказывало) моральную и материальную поддержку крупному албанскому землевладельцу и политическому авантюристу Эссад-паше (с которым сербское правительство поддерживало тесные контакты) в его борьбе против центрального албанского правительства. Что же касается сербских войск, то они были выведены из Албании лишь после решительных дипломатических выступлений великих держав. Особую роль в этом сыграл ультиматум, предъявленный Сербии Австро-Венгрией 18 октября 1913 г., в котором Белграду предлагалось в восьмидневный срок очистить албанскую территорию под угрозой принятия Австро-Венгрией более решительных мер⁴⁸.

Тем не менее сербо-албанские отношения продолжали оставаться напряженными. Находившиеся в окрестностях Шкодры албанцы — уроженцы областей, отошедших к Сербии, — отказывались возвращаться на родину без получения гарантий безопасности со стороны сербского правительства. В связи с этим Австро-Венгрия и Италия решили обратиться к кабинету Пашича с официальным представлением о необходимости обеспечения свободного допуска албанского населения на места его постоянного проживания на основании постановлений Лондонского совещания, предусматривавших доступ албанцев на рынки Дибры и Дьяково, а также равное положение албанцев с представителями других народов с точки зрения их гражданских прав. Это требование также было поддержано российским правительством с традиционной оговоркой, что албанцы, находящиеся на сербской территории, должны подчиняться законодательным положениям, установленным сербским правительством⁴⁹.

3 декабря 1913 г., после довольно длительного обсуждения различных кандидатур, великие державы (а фактически Австро-Венг-

рия и Италия) согласовали имя устраивавшего их обоих албанского князя. Им стал Вильгельм Вид (1876–1945) — капитан прусской армии, племянник румынской королевы Елизаветы, двоюродный брат короля Швеции, сын принцессы Марии Нидерландской и родственник германского императора Вильгельма II. Сообщая о принятом решении 24 декабря 1913 г. на заседании комиссии по иностранным делам Франции, премьер-министр этой страны П. Думерг заявил: «Все великие державы согласились вручить албанскую корону принцу Виду, находящемуся в родственных отношениях с румынской королевской семьей.

Франция тем охотнее солидаризировалась с этим назначением, что она находит в нем возможность отметить позитивную роль, которую играет румынский народ в качестве фактора равновесия между балканскими народами и его умиротворяющую роль в последнем конфликте...»⁵⁰.

После определенных колебаний Вид согласился принять предложение, и 7 марта 1914 г. на австрийском судне в сопровождении итальянского, французского и английского эскорта прибыл в Дуррес.

Массовые репрессии против албанского населения в отошедших к Сербии районах привели к крупному вооруженному выступлению в Косово в марте 1914 г. Оно было подавлено лишь после вмешательства значительных регулярных соединений сербской армии, направленных из Скопье⁵¹.

Аналогичную антиалбанскую политику осуществляли и правящие круги Греции, войска которой, вопреки решениям великих держав, оккупировали значительные территории Южной Албании, а в мае 1914 г. начали новое наступление вглубь албанской территории. Одновременно в этих областях с начала марта 1914 г. действовало самопровозглашенное правительство «Автономной республики Северного Эпира», возглавлявшегося бывшим министром иностранных дел Греции М. Зографосом.

После ряда столкновений между войсками эпиротов (при поддержке вооруженных отрядов из Греции) и жандармами центрального албанского правительства стороны приняли решение сесть за стол переговоров. В мае того же года было подписано соглашение, включавшее в себя следующие положения и привилегии, предоставлявшиеся региону:

«Местная жандармерия; полная религиозная свобода; преподавание греческого и албанского языков в трех начальных классах школы; разрешается использование греческого языка административными и судебными органами Эпира; переписка с центральным правительством в Дурресе осуществляется на албанском языке. Ад-

министративные округа Корицы и Гирокастры будут управляться христианскими губернаторами, назначаемыми албанским правительством. Два административных совета избираются на основе всеобщего избирательного права. Возможно, что вышеуказанные губернаторы будут ответственны перед данными советами.

Требования жителей Химары будут представлены на рассмотрении великих держав.

Албанское правительство объявляет о всеобщей амнистии.

Члены вооруженных эпиротских отрядов, происходящие родом из данного региона, сохраняют право носить оружие вплоть до создания основы новой жандармерии под командованием их офицеров. Иностранные добровольцы покидают страну.

Данные мероприятия будут осуществляться и контролироваться международной комиссией, находящейся в Химаре.

Выполнение и поддержание в силе вышеуказанных положений будут гарантированы великими державами»⁵².

По сути, «выполнение вышеуказанных положений» означало возникновение в Южной Албании государства в государстве. Тем не менее правительство Вида, находившееся в «кольце фронтов», было вынуждено пойти на уступки, не имея ни сил, ни средств для успешной борьбы с греческими сепаратистами и стоявшей за их спиной регулярной греческой армией. Выступая вскоре после этих событий перед иностранными журналистами, премьер-министр центрального албанского правительства Турхан Паша заявил, что «теперь он спокоен; поскольку эпироты, которые получили удовлетворение по всем своим требованиям, образуют область наиболее гомогенную и наиболее развитую во всей Албании и смогут также послужить на пользу стране, так как греческий элемент, составляющий большинство, отличается высокой степенью образованности»⁵³.

Наконец, свои интересы, как говорилось выше, были и у Болгарии. По негласным сведениям, полученным российским представителем в албанской Контрольной комиссии А. М. Петряевым в начале декабря 1913 г., болгарское правительство поручило своему генеральному консулу в Албании установить контакты с албанскими лидерами в Дибре и Люме на предмет тайного направления болгарских офицеров в качестве инструкторов с целью организации добровольческих иррегулярных полков на территориях, прилегающих к сербской границе⁵⁴.

Кроме того, согласно секретным сведениям, полученным в Сербии, болгарское правительство предпринимало усилия, направленные на подготовку антисербского восстания в Западной Македонии при непосредственном участии в нем албанцев, в связи с чем в декабре

1913 г. усилился приток болгарских эмиссаров в крупнейшие центры Албании, и в особенности в Дуррес, куда прибыл, в частности, майор болгарской армии Д. Атанасов (под видом корреспондента софийской газеты «Вечерняя почта»). Он имел несколько встреч с Эссад-пашой, которому — опять же по данным, сообщенным сербским правительством Гартвигу, — предложил для обсуждения следующую программу:

Интересы Болгарии и Албании требуют осуществления совместных действий с тем, чтобы не оставлять в покое Сербию и Грецию, ибо в противном случае они сумеют укрепить свои позиции на занятых ими территориях, и тогда будет практически невозможно вынудить их оставить данные области. Военные действия должны были быть начаты не позднее, чем через шесть месяцев; причем по сигналу Австро-Венгрии. Болгария к этому времени успеет предпринять дипломатическое сближение с Румынией, которое, по словам Атанасова, могло бы быть достигнуто значительно ранее, если бы не препятствия, создаваемые Россией. Албанцы, со своей стороны, должны были поставить под ружье не менее 30000 человек, причем Болгария обязывалась предоставить им необходимое оружие и боеприпасы. В заключение, болгарский представитель заверил Эссад-пашу в том, что примирение между Болгарией и Сербией не может быть достигнуто ни при каких условиях, несмотря на все старания России.

Тем не менее Атанасову не удалось в полной мере убедить в необходимости реализации указанного плана Эссад-пашу, который, правда, дал понять болгарскому представителю, что албанцы примут предложения Болгарии, если та предварительно сумеет заключить соглашения с Румынией и Турцией⁵⁵.

В заключение следует отметить, что анализ дипломатических документов, относящихся ко второй половине 1913 — первой половине 1914 г., показывает, что обсуждение любого более или менее значительного вопроса, касающегося ситуации на Балканах накануне первой мировой войны, в той или иной степени затрагивало албанские сюжеты.

В то же время позиции самих великих держав в албанском вопросе и видение ими перспектив его разрешения далеко не всегда определялись их принадлежностью к тому или иному военно-политическому блоку, что лишний раз свидетельствовало о его сложности и важности. Помимо уже упоминавшегося соперничества Австро-Венгрии и Италии, следует указать, в частности, на деятельность Международной разграничительной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании, созданной по

решению Лондонской конференции. Входящий в ее состав английский делегат зачастую при решении тех или иных принципиальных вопросов отстаивал позиции, аналогичные взглядам представителей Тройственного союза.

Наконец, при рассмотрении на международном уровне перспектив дальнейшего развития общей ситуации на Балканском полуострове, расстановки военно-политических сил и системы стратегических и тактических приоритетов в регионе и в Европе в целом также нельзя было не учитывать положения в албанских землях.

Таким образом, албанский народ всего за несколько десятилетий прошел сложный и героический путь национального самоопределения, превратив свою землю из окраинной провинции Османской империи, находившейся вне поля зрения европейских столиц, в провозгласившее независимость государство. Связанные с этим процессом неразрешенные проблемы стали одной из причин возможного крупного военного конфликта, а албанский вопрос перед первой мировой войной играл заметную роль в развитии ситуации на Балканском полуострове.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 12.
- ² Подробнее см.: *Сенкевич И. Г.* Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959; *Алиев Г. З.* Турция в период правления младотурок (1908–1918). М., 1972.
- ³ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2082. Л. 45.
- ⁴ Новое время. 1910. 30 мая.
- ⁵ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2082. Л. 60.
- ⁶ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2082. Л. 52.
- ⁷ Подробнее о Тунисском инциденте см.: *Серова О. В.* От Тройственного союза к Антанте. М., 1983. С. 57–60.
- ⁸ *San Giuliano A. di.* Briefe uber Albanien. Dieterichsche Verlagsbuchhandlung (Theodor Weicher). Leipzig, 1913. S. 9.
- ⁹ Цит. по: *Ариш Г. Л., Сенкевич И. Г., Смирнова Н. Д.* Краткая история Албании. М., 1965. С. 125.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2081. Л. 21.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2082. Л. 75.
- ¹² АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 152.
- ¹³ *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 270.
- ¹⁴ *Ракић М.* Конзулска писма 1905–1911. Београд, 1985. С. 271.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 231.

- 16 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 232.
- 17 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 233.
- 18 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2083. Л. 115.
- 19 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 219.
- 20 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 211.
- 21 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 353.
- 22 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 247.
- 23 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 326.
- 24 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 353.
- 25 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 366.
- 26 Так, в ходе боевых действий в районе города Призрен пять турецких батальонов во главе с офицерами отказались вести боевые действия против осаждавших город албанских вооруженных отрядов (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 521).
- 27 Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Београд, 1985. Књ. 5. Св. 3. С. 179.
- 28 АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 22. Л. 65.
- 29 Речь. 1912. 28 июля.
- 30 Речь. 1912. 28 июля.
- 31 Цит. по: *Галкин И. С.* Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции в 1905–1912 гг. М., 1960. С. 149.
- 32 *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 72.
- 33 *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 76.
- 34 *Peacock W.* Albania. The Foundling State of Europe. Chapman & Hall, Ltd. London, 1914. P. 34.
- 35 Подробнее см.: *Војводић М.* Скадарска криза 1913. године. Београд, 1970; *Tharaud J. et J.* La Bataille à Scutari d'Albanie. Emile-Paul frères, éditeurs. Paris, 1913. P. 8.
- 36 *Facin Domenico P.* I frati minori e le suore stimate durante l'assedio di Scutari del 1912–1913. Quaracchi presso firenze, 1913. P. 89.
- 37 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2086. Л. 77.
- 38 *Hayne M. B.* The French Foreign Office and the Origins of the First World War 1898–1914. Clarendon Press. Oxford, 1993. P. 248–251.
- 39 Цит. по: *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 24.
- 40 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., 1997. С. 334.
- 41 Цит. по: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне первой мировой войны. М., 1985. С. 150.
- 42 *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 21; *Grothe H.* Das albanische Problem. Gebauer-Schwetschke Druckerei und Verlag

m. b. H. Halle (Saale), 1914. S. 12–13. Подробнее о деятельности Ассамблеи см.: Краткая история Албании. М., 1992.

- 43 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. I. B. Tauris. London, New York, 1995. P. 69.
- 44 Цит. по: *Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 23.
- 45 АВПРИ. Ф. Консульство в Валоне. Оп. 600 (603). Д. 21. Л. 81.
- 46 В целом, по примерным оценкам, в 1913 г. в состав Албании вошла в лучшем случае лишь половина собственно албанских земель, если рассматривать территории и албанское население, проживавшее в прежней Османской империи (*Castellan G.* L'Albanie. Presses universitaires de France. Paris, 1980. P. 23; *An Outline of the PSR of Albania.* The «8 Nentori» Publishing House. Tirana, 1978. P. 31; *Reuter J.* Die Albaner in Jugoslawien. R. Oldenbourg Verlag. München, 1982. S. 26).
- 47 *Constantopoulos D. S.* Zur Nationalitätenfrage Südosteuropas. Konrad Tritsch Verlag Würzburg. Aumühle, 1940. S. 12.
- 48 Подробнее см, раздел настоящей коллективной монографии, посвященной Сербии.
- 49 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 428.
- 50 Цит. по: *Borchgrave Bon de.* Albanie et Albanais // *La Revue Générale.* 1914. juillet. P. 61.
- 51 Другой наглядной иллюстрацией решительной позиции, занятой албанским населением в вопросе защиты своего суверенитета, может служить инцидент, происшедший в середине марта 1914 г. в районе города Подградец, когда подошедший туда из Корицы отряд голландских жандармов численностью около ста человек, встретил вооруженное сопротивление местных албанцев, заявивших, что они сами будут управлять своим краем. В результате столкновения отряд жандармерии вынужден был отступить, понеся потери убитыми и потеряв имевшиеся на его вооружении пулеметы (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 533. Л. 39). Данное событие приобрело столь широкий резонанс, что потребовало личного вмешательства Петряева (являвшегося одновременно и российским генеральным консулом в Дурресе) с целью улаживания конфликта между голландскими офицерами и албанским правительством (АВПРИ. Ф. Генконсульство в Дураццо. Оп. 1036. Д. 3. Л. 2).
- 52 *Borchgrave Bon de.* Albanie et Albanais // *La Revue Générale.* 1914. juillet. P. 66.
- 53 *Borchgrave Bon de.* Albanie et Albanais // *La Revue Générale.* 1914. juillet. P. 66.
- 54 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2908. Л. 30.
- 55 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2908. Л. 56. Говоря же о македонской проблеме, хотелось бы привести следующее историческое свидетельство. По данным известного французского политолога и специалиста в области международных и межгосударственных отношений Г. Луи-Жарэ, полученным им в ходе неоднократных поездок по региону как до младотурецкой революции, так и в последующие годы, Скопье в эти годы представлял собой «настоящий перекресток народов, расположенный в слиянии направлений сербской, болгарской и албанской экспансий. Представляется несомненным, что в настоящее время в данном смысле берет верх последняя. Соглас-

но наблюдениям хорошо осведомленным местным наблюдателям, Ускюб (Скопье. — *Авт.*) насчитывает около 45000 душ; среди этого числа, количество мусульман — почти все из которых албанцы — можно оценить в 25000, болгар — в 10000 или 15000, сербов — 3000, евреев — 2000 и, если не забывать все разнообразие вариантов, которые можно там встретить, необходимо еще указать цыган, греков, итальянцев... В его окрестностях же смешение национальностей еще большее: если посетить деревни в долине Ускюба и порасспрашивать местных жителей, обнаружится еще большее разнообразие, способное опровергнуть все существующие теории: вот христианская деревня; в ней говорят на албанском диалекте; ее поп — православный и подчиняется экзарху; если спросить у жителей этой деревни о том, кем они являются, они отвечают, что они болгары. Вот другая деревня: крестьяне являются мусульманами; их язык — славяно-болгарский; их физический тип — албанский, и они называют себя албанцами; рядом другие земледельцы также называют себя албанцами, но они в свою очередь православные, зависят от экзархата и говорят по-болгарски» (*Louis-Jaray G. L'Albanie inconnue. Librairie Hachette et Cie. Paris, 1913. P. 9–10.*)

ГРЕЦИЯ В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 1897–1913 гг. и РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Несмотря на то, что именно российский ультиматум Турции оставил победоносное продвижение на Афины Эдем-паши и спас королевство от позора и ужасов турецкого вторжения¹, с конца XIX в. в Греции все более росло раздражение против России из-за ее покровительства славянским народам Балкан, охранения православия и поддержания мира на Востоке. Не спасали ни тесные династические связи, ни щедрая помощь голодающему Криту.

Как и раньше, в начале XX в. православие составляло основу внутренней жизни России, но в международных отношениях роль православия как связующего начала между Россией и балканскими народами ослабло и не смогло стать эффективным противоядием против усиления национализма во всех вновь созданных государствах. В России с беспокойством наблюдали за деятельностью Греции, все более откровенно «преследующей исключительно своекорыстные политические цели в ущерб истинной пользы церкви», за стремлением превратить Представителей восточных православных церквей «в орудие политических происков» ... «к достижению лишь целей эллинизма». Беспокоило, что Константинопольская церковь, «подчиняясь внушениям, получаемым из Афин..., пользуется своим духовным авторитетом лишь как орудием борьбы с православными учреждениями и населением Востока, не желающими подчиняться эллинизации и отстаивающими свои национальные права» и своею национальной самобытностью².

«Константинопольская церковь, — писал российский посол в Константинополе И. А. Зиновьев в Петербург, — продолжает пребывать в забвении своего высокого призвания и, подчиняясь внушениям из Афин, пользуется своим духовным авторитетом лишь как орудием борьбы с православными учреждениями и населением Востока, не желающими подчиняться эллинизации и отстаивающими свои национальные права». Греки не пытались оправдываться, более того, на одной из конференций «Лиги для защиты прав эллинизма» в Афинах говорилось о «неразрывных узах, связывавших Греческую церковь с эллинизмом». Греческой называлась в докладах Вселенская церковь. Профессор из Сорбонны Г. Диль доказывал восторженным слушателям, что Вселенский патриарх есть истинный глава греческой национальности и высший носитель народной греческой идеи,

и что по своей деятельности Константинопольская церковь является «более греческой, более национальной, чем клерикальной», так как «всю свою энергию, все существование она посвятила служению народной идее и быть может об эллинизме заботилась более, чем о самой религии»³.

С самого начала XX в. российская дипломатия забила тревогу по поводу положения на Балканах. События показывали, что, как только новое государство освобождалось от османского ига, оно направляло свои усилия на борьбу со своими балканскими соседями — соперниками за контроль над территориями и дипломатическими преимуществами. Как отмечала Б. Елавич, «ни православие, ни славянское единство не могли стать альтернативой воинствующему национализму»⁴. С конца XIX в., особенно после создания независимых балканских государств, началась, как писал впоследствии российский посланник в Афинах в 1912–1914 гг. Е. П. Демидов, «упорная, кровавая, — крестом, школой и оружием — борьба национальностей, в которой протекало все царствование Абдул-Хамида»⁵.

С 1890 по 1910 гг. державы, в том числе Россия, имели веские основания для того, чтобы поддерживать мир и спокойствие на Ближнем Востоке, однако сами балканские державы стремились к активной антитурецкой деятельности. «Настоящее положение дел на Балканском полуострове, — передавал в 1902 г. российский посол в Константинополе И. А. Зиновьев, — в высшей степени серьезно и требует от нас бдительности»⁶.

Российская дипломатия стремилась в этой непростой и противоречивой ситуации найти правильный подход к балканским делам, понимая в то же время опасность погружения в балканский круговорот. «Весь XIX век, — пишет Елавич, — показал огромную опасность, с которой столкнулась лицом к лицу Россия, выбрав путь активной политики на Балканах»⁷. Занятость российского МИД дальневосточными делами требовала большой осторожности в балканских делах.

С самого начала своей службы на Балканах (с 1901 г.) российский посланник в Афинах барон Роман Романович Розен (затем посол в Японии и последний царский посол в США) подчеркивал опасность активного вмешательства России в балканские дела и стал ярким противником российской активной политики в этом регионе. Тем не менее Р. Р. Розен, получивший впоследствии от своих коллег дипломатов еще один титул — «дипломатической Кассандры», — писал в 1901 г. в конфиденциальном письме министру иностранных дел России В. Н. Ламздорфу, что эллинизм представляет силу, с которой необходимо считаться. Он писал, что «наши политические интересы не могут быть обеспечены образом действий, которые от-

чуждают от нас греческую нацию»⁸. Он смотрел значительно дальше своих петербургских руководителей, даже дальше министра, каким был в то время В. Н. Ламздорф (1900—1906).

Барон Розен настойчиво призывал отказаться от охранительной политики России в отношении владений султана, еще раз провозглашенной в австро-венгеро-российском соглашении от 1897 г., которое только замораживало балканскую проблему, но не давало пути к ее разрешению. Он прекрасно видел, что вопрос о разделе Турции все равно будет поставлен на очередь, что стремление греков «естественное и потому законное, и в конце концов неуправляемое». Он предлагал лишь направить это устремление в менее опасную для России сторону. «Стараясь же создавать преграды для этого стремления со всех сторон, — заключал он, — мы лишь укрепили бы в умах греков уже ныне составившееся убеждение, что единственный их враг — Россия». Русский дипломат призывал подумать о будущем, когда роли славянских государств и Греции в отношении России могут и поменяться и эллинизм перестанет быть враждебен ей, как это было при Екатерине Великой и в годы Греческой революции 1821—1829 гг. Он делал смелое предположение, что может настать день, когда Россия будет приветствовать эллинизм как своего союзника против болгарского господства на Балканском полуострове⁹. «Да и наша политика на Ближнем Востоке не является тем стройным, на столетия вперед определенным планом действий, — писал Розен в очередной записке в министерство на Певческом мосту, — каким любят его себе представлять наше общественное мнение, когда речь идет о наших „исторических задачах“ и о нашей „традиционной политике“»¹⁰.

Усиление вражды между балканскими нациями, особенно из-за европейских территорий Османской империи, особенно Македонии, создание военизированных организаций и усиление партизанских действий на Балканах заставили Россию поделить внимание между Дальним Востоком и Балканами, несмотря на то, что большинство действий балканских государств в Македонии носили образовательный, религиозный и культурологический характер. Стали учащаться случаи террора и насилия над мирным населением: болгарами, греками, сербами, албанцами, влахами, евреями, киприотами и людьми, которые просто отождествляли себя с местом их проживания и не более.

Постепенно нарастала борьба, носившая характер столкновения различных «банд», составленных по национальному признаку. Кульминацией этого процесса стало Ильидентское восстание в Македонии в 1903 г., с этого времени Россия была окончательно вовлечена в македонскую проблему и в процесс территориального раздела ев-

ропейской Турции между балканскими государствами, в создании которых она принимала самое активное участие. С этого момента и до 1908 г. македонский вопрос стал центральным в балканской политике великих держав.

8 октября 1903 г. Николай II и его министр иностранных дел В. Н. Ламздорф встретились с Францем-Иосифом и Голуховским в Мюрцштеге, где была согласована программа реформ для Македонских провинций Османской империи. Через месяц султан Абдул-Хамид дал свое согласие на начало реформ¹¹. Однако российская дипломатия с беспокойством замечала, как это сделал И. А. Зиновьев, что «Революционные комитеты... домогаются не улучшения положения христиан в Турции, а автономии Македонии...» «Всякая новая попытка комитетов вызвать беспорядки повлечет за собою новый взрыв мусульманского фанатизма»¹². Начались длительные переговоры с западными державами об условиях проекта реформ в македонских провинциях Турции. В. Н. Ламздорф писал И. А. Зиновьеву: «Нет сомнения, что почин в каких бы то ни было предложениях по вопросам, касающимся Балканского полуострова, должен исходить исключительно от России... Быстрые успехи германизма на Балканском полуострове» заставляют всерьез задуматься о неизбежности распада османского колосса»¹³. Не менее пугало и чрезвычайно быстрое политическое проникновение Австрии на Балканы, подкрепленное ее экономическим внедрением.

Так, другой дипломат Н. В. Чарыков (будущий посол в США), российский посланник в Белграде, который, подобно барону Розену, понимал необходимость ломки российской политики на Балканах, сообщал: «Германское правительство старается, в согласии с Австро-Венгрией, пользоваться слабостью Турции и подчинением ее германскому влиянию, чтобы отнять у России первенствующую роль в деле преобразований в Македонских вилайетах и придать реформам неблагоприятное для местных славян направление»¹⁴. Мнение Чарыкова полностью разделял посланник России в Софии Г. П. Бахметев, согласившийся, что «турецкая администрация сделалась угрозой для мира» и вслед за А. И. Нелидовым, послом в Париже, замечал, что «каковы бы ни были замыслы мелких балканских государств, это брожение в Турции происходит непосредственно от крайне неудовлетворительного положения христиан и что устранить это брожение возможно только изменением основных условий существования этих стран, и это может быть достигнуто только помимо турецкой администрации...»¹⁵.

В российском МИД в это время начинают прислушиваться к голосу посланника России в Белграде Н. В. Чарыкова и передают пред-

ставителям в балканские столицы его мнение о том, «что разрешение Македонского вопроса находится в тесной связи с разрешением более общего вопроса о будущем Османской империи». По мнению Н. Чарыкова, имелись основания полагать, что державы все более и более склоняются к разрешению этого последнего вопроса «в том направлении, которое вместе с тем является... и наиболее соответствующим интересам России, а именно — к разделу Европейской Турции между балканскими государствами, при условии поддержания между ними возможного политического равновесия». Обеспечение стратегических и экономических интересов великих держав на Балканах могло бы быть при этом достигнуто путем заключения особого предварительного соглашения¹⁶.

Распределение территорий Европейской Турции между балканскими государствами могло бы, по его словам, совершиться на нижеследующих основаниях: «Сербы могли бы получить давно желаемый ими выход к морю по линии Белград—Ниш—Ристовац—Ускюб—Салоники, заняв расположенные по указанной линии части турецкой территории. К Болгарии отошла бы вся нынешняя турецкая территория к югу и востоку от границы княжества, как она имела в виду Сан-Стефанским договором, а также и Халкидонский полуостров, причем Афонский монастырь был бы подчинен непосредственно Константинопольской администрации. Греция получила бы южную часть Македонии между вновь установленной болгарской границей и Янинским вилайетом. Из последнего, вместе со Скутарийским вилайетом, могло бы быть образовано отдельное Албанское государство, о создании которого упоминается в недавнем Австро-итальянском соглашении. С распределением таким образом между балканскими государствами территорий Европейской Турции, могло бы окончательно состояться присоединение к Австро-Венгрии Боснии и Герцеговины. Таковой исход вряд ли встретил бы возражения со стороны Сербии в случае получения ею вышеуказанных земельных приращений и выхода к морю»¹⁷.

Революционное движение в Македонии тем временем нарастало, множилось число воюющих между собой «банд», особенно болгарских и греческих. Руководители эллинского движения в Македонии во главе с духовенством обращались к Вселенскому патриарху с требованием «безотлагательно доставить более могущественное оружие для успешной борьбы с двумя нашими врагами: славянами и румынами». «Иначе, — писал 13 мая 1904 г. Битольский греческий митрополит Вселенскому патриарху, — все здесь безвозвратно погибнет для нас»¹⁸. Особенно испугала греков самостоятельная позиция куцо-влахов, которые до сих пор считались их верными союзниками.

Еще громче зазвучали голоса, призывавшие к борьбе против славянства в Македонии. В свою очередь, греческая пропаганда поднимала шум о том, что Россия оказывает поддержку болгарским и сербским революционным силам, что не отвечало действительности.

Не меньшее возмущение вызвала у России деятельность болгарских революционных комитетов. Требования прекратить помощь им со стороны княжества поступали правительству Болгарии одно за другим.

В Македонии было создано и успешно действовало российское Гражданское агентство, следившее за правильностью проведения реформ и за истинным положением вещей во всех провинциях Македонии. В инструкциях русским офицерам, служившим в Македонии, многократно подчеркивалась необходимость «выказывать желание покровительствовать всем христианам одинаково, без различия вероисповедания», и ни в коем случае не давать повода грекам уличить их в «предпочтении и покровительстве болгарам (экзархистам) перед греками (патриархистами)»¹⁹.

Несмотря на то, что до 1908 г. Россия как бы устранилась от балканских дел и все внимание сосредоточила в Персии и на Дальнем Востоке, она постоянно держала балканскую ситуацию под контролем. После русско-английского соглашения от августа 1907 г. и разграничения сфер влияния в Маньчжурии с Японией российская дипломатия вновь возвращается к активной ближневосточной и балканской политике, той, которая, по выражению Елавиц, «вела в прошлом к ее катастрофе»²⁰. Созданные после русско-японской войны и первой революции в России Государственный совет и Дума уделяли большое внимание балканским вопросам.

Особую озабоченность России и западных держав вызывало неконтролируемое успешное продвижение Германии, ставшей уже индустриальным гигантом, на Балканы, в Турцию и к проливам. Германские и австрийские экономические и дипломатические успехи, влияние в Константинополе и на Ближнем Востоке представляли немалую опасность. Недалек был час, когда германскую мощь Россия могла встретить и в проливах.

Проблема проливов была самым тесным образом связана с южнорусской торговлей (прежде всего с экспортом зерна), которая, в свою очередь, играла первостепенную роль в экономике России. Между 1903—1913 гг. 37 % русского экспорта шло через порты Черного моря (в том числе 50 % экспорта зерна). Главными перевозчиками российского экспорта были суда, ходившие под греческим флагом (75 %), т. к. Россия в то время не имела еще достаточно развитого торгового флота²¹.

Защита Черного моря и черноморской, а также азовской торговли и статуса проливов были жизненно важны для бурно развивавшейся российской экономики. В связи с этим в российских политических и военных кругах обсуждались различные решения проблемы проливов — изменения режима плавания и др. Однако политика в вопросе о проливах находилась как бы в противоречии с общей балканской стратегией России: контроль над проливами невозможно было бы осуществить без тесных связей с Портой и учетом ее международных интересов, которые требовали сохранения *status quo*. С другой стороны, покровительство балканским государствам означало неизбежность отказа от существующего положения дел, поскольку сами эти народы главной своей целью ставили дальнейший раздел Османской империи.

После событий в Македонии стало понятно, что балканская проблема, если ее не взять под контроль, разрешится самым неблагоприятным для России способом — неизбежной кровавой бойней. Более того, все балканские страны рассчитывали на покровительство России и даже на ее военную поддержку в случае, теперь реальном, начала балканской войны за дальнейший раздел европейских территорий Османской империи.

В 1908 г. новый министр иностранных дел А. П. Извольский предложил австрийской дипломатии, казалось бы, выгодную сделку — за признание аннексии Боснии и Герцеговины и санджака Новый-Пазар получить одобрение в деле изменения режима проливов (открытие проливов только для кораблей Черноморских держав) — и потерпел полный провал, который западная пресса окрестила как «дипломатическая Цусима»²². Усиление влияния Германии в Турции после младотурецкой революции и стремление габсбургской династии к доминированию на Балканах вынуждало Россию к более активной политике в балканском регионе и на Ближнем Востоке в целом.

После дипломатического провала в боснийском вопросе российская дипломатия взяла курс на сближение балканских народов под руководством России. Елавич пишет: «Необходимо подчеркнуть, что цели русской политики в это время носили оборонительный характер. Осознавая, что их армия была бы не готова столкнуться лицом к лицу с военными действиями на Балканах политические лидеры боялись каких-либо опрометчивых шагов со стороны балканских народов»²³. После 1909 г. Россия пытается сблизить балканские народы, чтобы защитить прежде всего *status quo* в этом регионе, поставить преграду от проникновения центральных держав и обеспечить себе наиболее благоприятные условия на Балканах и на Ближнем Востоке, опираясь на Белград.

Позиции русской дипломатии, однако, не были подкреплены экономическим влиянием России в балканских странах, и это было самым уязвимым ее местом. Несмотря на то, что балканские государства рассчитывали получить военную помощь от России, как пишет Елавич, «ни один балканский режим или, тем более, политический деятель, которые столкнулись уже с европейским образом жизни, не испытывали восхищения ни от российской политической модели, ни от образа жизни и не относились с уважением и благодарностью к ее представителям»²⁴. Россия, пишет американский исследователь, «была великой державой, у которой помощь могла быть получена самым простым путем, и все балканские политические лидеры обращались к ней, используя выражения и эпитеты, которые могли помочь в этом деле («Святая славянская Русь», «Белый царь», и т. д.). К сожалению, многие российские официальные лидеры относились к этим словам всерьез»²⁵.

События в Греции 1909–1910 гг. также способствовали осуществлению идеи балканского объединения.

Восстание Военной лиги в Греции в 1909–1910 гг. и приход к власти одного из наиболее видных греческих государственных деятелей новой истории страны Э. Венизелоса привел к значительному изменению политики Греции на Балканах в целом и в Македонском вопросе в частности. Одним из его первых дипломатических успехов было прекращение вражды между Вселенской патриархией и Болгарским экзархатом и, в целом, греко-болгарской вражды, что имело громадное политическое значение. Русские дипломаты не сомневались, что «примирение это изменило бы коренным образом взаимное отношение национальных сил на Балканском полуострове вообще и, в частности, в Македонии, на пользу интересам православия и России»²⁶.

Сокрушительное поражение Греции в греко-турецкой войне в 1897 г. произвело настоящий переворот в сознании греков, заставив их трезво оценить свой военный потенциал и приступить к реорганизации не только армии и флота, но и всех сторон государственной и экономической жизни, которые были проведены под руководством премьер-министра Венизелоса. В согласии с Георгом I ему удалось в кратчайший срок вывести страну из глубокого политического и духовного кризиса и объявить о начале нового исторического периода в истории Греции, объединить практически все слои греческого общества на основе идеалов эллинизма²⁷.

Внезапно обрушивавшаяся война Италии с Турцией послужила как бы толчком, выведшим из состояния неустойчивого равновесия внутреннюю и внешнюю жизнь османской империи. Все балкан-

ские государства желали использовать нестабильность в Турции в своих интересах, оживились претензии в отношении Македонии. На Балканах оживился и ускорился процесс сближения различных христианских национальностей на почве защиты своих церковно-политических и экономических интересов на случай нападения со стороны Турции или ее распада. Турция посчитала виновницей движения Россию, однако обещало открыть Дарданеллы, которые были закрыты на время из-за военных действий, отчего страдала русская экспортная торговля и экономика юга России, а русская казна недосчиталась крупных сумм ²⁸.

Огромным сдерживающим фактором для России всегда было то, что любые военные действия в проливах грозили ей огромными убытками (как это было в 1820-х, 1853–1855, 1877, 1911 гг.), так как на иностранных, а в основном на греческих, судах шло из портов Черного и Азовского морей три четверти экспорта русского хлеба — основной статьи ее экспорта. Призывы России к европейским великим державам приложить общие усилия, чтобы положить конец войне из-за Триполитании прежде, чем разгорится пожар на Балканах, не дали результат. Вернувшись домой из турне по европейским столицам, новый министр иностранных дел России С. Д. Сазонов (1910–1916) писал: «Все действия Англии ныне подчинены одной главной заботе: не направлять на себя неудовольствия мусульманского мира, ввиду необходимости для обеспечения своего владычества в Индии опираться там на магометанскую часть населения. Отсюда ее кажущееся равнодушие к судьбе подвластных Турции христиан...» ²⁹. Россия посчитала невозможным поддержать предложение Англии прибегнуть к силе против христиан Крита, возбужденных против Турции, и установить блокаду, чтобы прекратить сношения острова с Грецией, и предложила «предоставить остров его собственной судьбе» ³⁰.

После многих сомнений Россия взяла на себя почин поддержки балканских государств в защите их законных прав перед Турцией и помогла Сербии, Греции, Болгарии и Черногории заключить в марте 1912 г. союз, который был направлен четко против Османской империи. Одновременно она давала надоедливые для балканских руководителей, готовых к вооруженной борьбе, советы проявлять благоразумие и терпение, говорила, что «хлопоча о «Балканском союзе» имела в виду мирную солидарность балканских государств» ³¹. Державы также беспокоились о возможности возникновения войны на Балканах и поддержали обращение России и Австро-Венгрии к балканским государствам, в котором еще раз пытались удержать народы Балкан от решительных действий, обещая заставить Турцию провести до конца все реформы в Македонии.

Российское правительство в очередной раз обратилось к Греции и к славянским народам, осуждая всякие попытки к насильственному изменению существующего на Балканском полуострове порядка вещей, напоминала, что они все обязаны ей своей свободой и самостоятельностью, грозила им «утратой нравственной и материальной поддержки». Россия обращала внимание также на тот факт, что «всякое несогласие в среде православных элементов создает благоприятную почву для развития иноверной пропаганды, принявшей уже... значительные размеры»³². Справедливые упреки балканским странам не были, однако, услышаны. Тем более, что именно тот факт, что за спиной балканской лиги в 1912 г. стояла великая держава — Россия, позволял балканским народам приступить к разделу оставшихся европейских провинций Турецкой империи. Декларация была оглашена 8 октября в день, когда Черногория объявила войну Турции. Через десять дней Болгария, Греция и Сербия присоединилась к Черногории.

Реакция российской дипломатии и ведущих политиков на начавшийся конфликт была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте. Одним из первых на балканскую войну откликнулся барон Розен, не перестававший даже из Японии следить за балканскими делами. Он считал, что Россия не должна вмешиваться в этот конфликт ни при каких условиях. Он направил царю меморандум, в котором, в частности, указывал: «Что касается материальной культуры, то Россия нуждается гораздо менее в славянстве, чем славянство в России!»³³ Газеты публиковали интервью с различными государственными мужами России, которые также были против участия в балканском конфликте. Так, 1/14 октября крупнейшая столичная газета «Новое время» брала интервью у члена Государственного совета г-на Авдакова. Беспokoясь о влиянии закрытия проливов на хлебный экспорт России Авдаков с возмущением говорил «о забывчивости русской дипломатии, которая в ответ на обещание Турции сохранять status quo забыла получить обещание, что проливы не будут закрыты для прохода коммерческих судов». Он говорил далее, выражая мнение русских промышленников: «Сердце каждого русского человека нервно бьется за судьбу балканских славян, с мечом в руках выступивших за своих братьев, но, несмотря, однако, на глубокие чувства, на искренние симпатии, существующие между нами и балканскими народами, мы, как я полагаю, не должны принимать активного участия в происходящей кровавой расправе.

Мы достаточно полили нашей кровью Балканы, и теперь более, чем когда-либо, на завтра после пережитых тревог, мы должны подумать о себе и продолжить работу в смысле развития нашей эконо-

мики...». Авдаков полагал, что войну «следует предоставить самим балканским народам, которые сумеют сосчитать с Турцией!»³⁴.

Начавшийся 18 октября 1912 г. «турецко-балканский поединок» был назван новым российским посланником в Афинах Е. П. Демидовым (1912–1924) «каким-то несовременным крестовым походом против неверных». Демидов воздавал должное «удивительному чувству солидарности и патриотизма», проявленному греками в этой войне. Со всех концов земного шара в Афины ежедневно прибывало множество греков-добровольцев, «покинувших свои занятия и заработок для защиты отечества». «С таким убежденным всеобщим подъемом несомненно придется Европе считаться и было бы... крупной ошибкой игнорировать его нравственную силу или умалять его значение». Он призывал Россию воспользоваться созданными совершенно новыми условиями на Балканах и направить их в выгодном для нее направлении³⁵.

Греческое правительство 17/30 сентября 1912 г. объявило всеобщую мобилизацию, а уже 25 октября — 7 ноября 1912 г. греческая армия достигла желанных Салоник, а еще через два дня после подписания Турцией капитуляции вошла в столицу Македонии³⁶.

Россия оказала многостороннюю помощь воюющим балканским государствам, в том числе грекам. Но самой большой поддержкой была дипломатическая: согласие на передачу Греции островов — Лемноса, Имброса (Гекчеада), Тенедоса (Возджаада) и Самофракии и многих других³⁷.

Поощряя Россию к оказанию помощи, Э. Венизелос использовал, как и другие балканские лидеры, лестные выражения. В беседе с российским посланником не раз говорил о необходимости тесного единения Греции с великой православной Россией, от чего, по его словам, «зависело и все будущее развитие разрастающейся Греции», высказывал убеждение, что «Россия по необходимости должна обладать ключом от своего дома — Константинополем и через проливы подать руку своей младшей сестре — Греции»³⁸. Его беспокоило то, что болгары получат вскоре широкий доступ к открытому морю и возможно окажутся вскоре у стен Константинополя, а Турция обладает всем Малоазиатским полуостровом. Поэтому он призывал как можно скорее приступить к осуществлению этой российско-греческой задачи. Е. П. Демидов, вдохновленный перспективой значительного улучшения отношений между двумя православными народами — Россией и Грецией — писал: «Установившиеся с Грецией новые доверчивые отношения не вызывают сомнения в том, что, чем больше достанется ей побережья, тем для нас выгоднее, не говоря уже о нежелательности... нареканий со стороны „не освобожденного»

греческого населения»³⁹. «Россия, — пишет Елавич, — создав балканские государства, теперь была убеждена, что она ответственна за их судьбу и силу»⁴⁰.

Греческие деятели заявляли, «что политика, вдохновленная Православием, под высшим покровительством России, должна явиться заветным стремлением всякого здравомыслящего грека». После заключения мира задача греческого правительства, по словам министра иностранных дел Греции Коромиласа, должна состоять в том, чтобы не затруднять деятельность России, которой опять пришлось бы поневоле колебаться в ее содействии тому или другому балканскому государству. «Отныне все они должны пользоваться равными симпатиями России, причем ей легко будет в скором времени выяснить, кто настоящие ее друзья». Чрезмерное усиление Болгарии, по его мнению, не могло отвечать ничьим интересам, в том числе России, которая всегда заботилась об установлении прочного балканского равновесия⁴¹.

По мере успешного хода войны аппетиты греков, как сообщал посланник из Афин и убедительно показывала пресса, постепенно разыгрывались и многие депутаты, недовольные умеренностью Венизелоса, уже стали обвинять его в недостатке патриотизма. На это Е. П. Демидов остроумно замечал: «Человека, поднесшего грекам луну, обвиняют в том, что он не поднес им и солнца, что, впрочем, еще не исключено»⁴². Это было пророческое замечание! Болгарские требования в Восточной Македонии и укрепление ее военной мощи доставляли Венизелосу массу беспокойства. Более всего он опасался «задержек в миротворческой деятельности Европы»⁴³. Поскольку Великобритания и Франция всячески уклонялись от участия в арбитраже, он просил взять на себя эту роль дипломатию России и Германии. Обсуждая условия Лондонского мирного договора Демидов писал в Петербург: «...Греческие притязания не столь чрезмерны, а даже весьма, — ради идеи Венизелоса о дальнейшем сохранении союза, — умеренные, ибо завоевание занятой ими ныне доли полуострова они начали уже с давних пор и потратили на нее огромное количество духовных, культурных и материальных средств, не говоря о бесчисленном множестве человеческих жизней» и посылал карту, где были обозначены многочисленные греческие школы и церкви в этих районах⁴⁴.

Сокрушительное поражение османской армии поставило на повестку дня пересмотр Берлинского трактата, в который были втянуты все подписавшие его в свое время державы. 8 декабря 1912 г. конференция послов в Лондоне начала обсуждение балканского вопроса, которое длилось почти год. Лондонским договором завершилась

первая балканская война, но не завершился балканский поединок в споре за османское наследство. Уже через несколько месяцев желание болгар заручиться более благоприятным для себя стратегическим положением толкнуло их в июне 1913 г. на военные действия в Македонии, разрушив тем самым балканский союз. В военные действия во второй балканской войне вновь были вовлечены силы Болгарии, Сербии, Греции, Румынии, Черногории, а также Турции.

Малочисленные греческие отряды в Пангеоне, Негрите, Гевгели и других районах греческой части Македонии, подвергшиеся болгарскому нападению, оказались не в силах оказать им сопротивление и отступили к окрестностям Салоник, оставив в руках болгар почти все земли, которые по недавнему взаимному соглашению составляли бесспорную зону греческой оккупации. Сербы также оказались застигнутыми врасплох.

Во время первой и второй Балканских войн дипломатия России делала все, что было в ее силах, чтобы снять напряжение между балканскими странами, но эта политика не принесла желаемых результатов. Болгария надеялась заполучить почти всю Македонию и район Салоник. Дипломатическая служба России пыталась урезонить болгар и греков разрешить спорные вопросы мирным путем. В результате в Афинах лишь усилилось раздражение. Тем временем греческие войска двинулись в бой и провели первое победоносное сражение при Килкисе 19–21 июня, ставшего началом их победоносного вытеснения болгар с территории Македонии. 10 июля была оккупирована Кавала, еще через две недели Александруполис и многие другие территории. В декларации греческого правительства говорилось: «Мы поставлены ныне перед необходимостью принять военный вызов, который состоялся без всякого предварительного объявления: но мы имеем твердую веру в святость борьбы, в ее справедливость и неизбежность, ибо мы боремся не для того, чтобы завоевывать чужие территории, а для сохранения того, что нам принадлежит»⁴⁵. Даже прорусски настроенная греческая вдовствующая королева Ольга (урожденная великая княжна Ольга Константиновна Романова) писала в личном послании сразу после второй балканской войны: «Ни жадности, ни шовинизма не было с греческой стороны, а самозащита и защита соплеменников, освобождение их от ига, несравненно худшее, чем турецкое»⁴⁶.

Русское правительство пыталось сбалансировать соперничавшие претензии всех балканских держав, сохранив при этом в неприкосновенности требования Болгарии. Поддержка вслед за Австрией притязаний Болгарии на крупнейший порт в Эгейском море — Кавалу практически навсегда лишили русско-греческие отношения той вза-

имной теплоты и искренности, какими они отличались в годы Греческой революции и в период первой Балканской войны. Попытка, сделанная Россией сохранить после войны балканский союз, была совершенно нереальной в новых условиях.

Наиболее острым вопросом был раздел Македонии и Фракии, где сталкивались интересы сербов, греков и болгар, а также при создании албанского государства, чему противились все остальные балканские страны, несмотря на законность требований албанцев.

Желая оставаться покровительницей православия на Востоке, Россия не доглядела за «рыцарскими» выступлениями императора Вильгельма в пользу Греции, которые усилили германофильские настроения афинского двора и многих политиков типа Коромиласа, «которые, несомненно, восстали бы против Греции общественное мнение Европы, не будь сильного сдерживающего фактора в лице г-на Венизелоса»⁴⁷.

Бухарестский мир стал для греков их триумфом, который они, «опьяненные льстивыми приемами могущественной монархии (германской. — *Авт.*) и ловким, дешевым заступничеством ее», готовы были приписать одной Германии. Получив богатые земли Южной Македонии, включая «лучший европейский порт на Эгейском море» — Салоники, часть Западной Фракии с Кавалой, Драмой, Серре, Южным Эпиром с г. Янина и большинство островов в Эгейском море, а затем и Крит, Греция увеличила свою территорию и население почти в два раза. Триумфальная встреча короля Константина в Афинах 10 августа 1913 г. в день подписания Бухарестского мира, превратилась в национальный праздник. По всему пути следования его кортежа не смолкало «зито» восторженной толпы. На главных площадях были расставлены взятые у турок и болгар пушки и весь город был разукрашен триумфальными арками, на которых выделялись надписи завоеванных областей. На здании парламента красовался византийский орел. Демидов писал далее об истерическом восторге, которым был окружен в этот день король: «Толпа раненых, выписанных из госпиталей, поджидала его на всех перекрестках и ринулась за автомобилем, чуть не поднимая его на руках и кричала: „Бери нас, веди нас куда хочешь, мы твои“»⁴⁸.

Общественное мнение в России считало результаты войн и Бухарестского мира поражением национальных интересов России и победой центральных держав. Силы славянских государств были разделены враждой и только Сербия оставалась верным другом России. Отношения с Грецией были лучше, чем со славянской Болгарией.

Однако уже вскоре после подписания мира, как писал Е. П. Демидов, «аппетиты греков... сильно разыгрались. И самые крупные

приобретения им показались недостаточными». Сбывалось его пророчество о том, что скоро им понадобится не только луна, но и солнце. Даже Венизелос в разговоре с друзьями, состоявшемся после подписания мира, воскликнул: «А теперь обратим наши взоры на Восток!», о чем немедленно стало известно журналистам. Русскую дипломатию не могло не беспокоить также, что в статьях наиболее шовинистических органов, появившихся сразу после Бухарестского триумфа и подхваченных вскоре многими более умеренными газетами, высказывалась надежда, что греко-германские отношения не ограничатся одними родственными узами, что «Греция под покровительством Германии найдет защиту против общей опасности „распространения славянства“»⁴⁹. Демидов, стараясь нейтрализовать «ловкую подпольную деятельность Германии... по проникновению в Грецию», убеждал греков, что Россия руководствовалась в своей политике лишь желанием обезопасить Балканы от новых осложнений в будущем. В личных беседах он убеждал греческих руководителей, «что едва ли в интересах Греции лишиться поддержки России, столь упорно и бескорыстно ее оберегавшей в продолжение всего балканского кризиса и могущественное влияние коей может еще оказать Греции, при разрешении многочисленных вопросов, остающиеся еще открытыми, неоценимые услуги»⁵⁰. Однако «бесспорно одно: — доносил в Петербург Е. П. Демидов, — что непоправимые и преступные ошибки Болгарии создали нам положение, где волей-неволей приходится открыто препятствовать чрезмерному развитию эллинизма, успешно распространявшегося как масляное пятно по всему побережью Эгейского моря и тем самым восстанавливать против нас, во вред новым прекрасным взаимоотношениям, Грецию, легко усматривающую в нашем действии стремление во что бы то ни стало поддержать утерянные с войной притязания Болгарии»⁵¹.

Оплошность была исправлена в деле присоединения Крита к Греции, но радикального потепления не произошло из-за сильной активизации накануне войны английской и французской дипломатии, стремившейся привлечь Грецию к Антанте в грядущей мировой войне, дыхание которой с каждым днем ощущалось все более и более.

Уже к началу второй Балканской войны стало очевидным, что влияние Франции и Англии в греческих делах значительно возрастает, и, несмотря на то, что Венизелос, успешно лавируя между двумя европейскими военно-политическими блоками, вел переговоры о румыно-греко-турецком альянсе под эгидой Германии, его проантантовские симпатии были очевидны. В декабре 1913 г. в Грецию прибыли французская и английская эскадры. «В приеме, оказанном Грецией морякам Англии и Франции, — доносил российский послан-

ник Е. П. Демидов, — отражалось упование на их поддержку в вопросах, исход коих зависит от дипломатической тяжбы по их поводу между обеими группировками великих держав»⁵².

Связующим звеном между Грецией и Антантой была, без сомнения, Англия, чье влияние, утерянное было в период обострения критского вопроса, начинало вновь возрастать. В период месячного турне Венизелоса по европейским столицам, предпринятого им в январе 1914 г., во время которого он собирался выяснить «путем личных свиданий с государственными деятелями настоящее отношение держав к интересам Греции»⁵³. 21 января им было сделано предложение заключить англо-греческий союз с целью сохранения status quo в Средиземноморье⁵⁴. Англия, отклонив в то время этот союз, вынашивала идею превращения греческого флота во вспомогательную силу британских военно-морских сил в Средиземноморье, прислала в Грецию военно-морскую миссию во главе с адмиралом Марком Кером⁵⁵.

В Петербурге зимой 1914 г. Э. Венизелосу был также оказан весьма радушный прием, но также было сделано все, чтобы избежать возможности заключения какой-либо военно-морской конвенции. По мнению министра иностранных дел России С. Д. Сазонова, «заключение с Грецией каких-либо обязательств, связывающих Россию, повлекло бы несомненно за собою принятие нами на себя гарантии новых территориальных приобретений Греции». Это могло, по его мнению, «лишь вызвать усиление авантюристической политики Болгарии». Тем не менее и Венизелоса, и его помощников Какламаноса и Антонаки, сопровождавших его в поездке, наградили русскими орденами. Со своей стороны, Венизелос, будучи в Петербурге, внушал российским политическим деятелям мысль о том, что Греция стремится прежде всего к тому, чтобы удержать уже приобретенное, и что «Греция считала бы себя вполне удовлетворенной, если бы к моменту окончания великого мирового конфликта ее теперешние владения остались бы нетронутыми»⁵⁶. Он настаивал на необходимости «установления наилучших отношений с балканскими государствами для многолетней мирной внутренней работы и для политического и экономического развития завоеванных областей». Венизелос заверял, что греческое правительство готово поступиться своими вожделениями в Южной Албании в случае перехода к Греции занятых ее войсками островов. Венизелос посетил за время турне Рим, Париж, Лондон, Берлин, Вену, Петербург, Бухарест и Белград, и производя почти везде впечатление «человека здравого смысла, умеренных взглядов и понимающего реальность». Он получил во всех столицах устные гарантии неприкосновенности условий Бухарестского мира и даже выторговал некоторые его улучшения.

Российское правительство, тем не менее, высказало серьезную озабоченность по поводу проводимой Грецией политики эллинизации славянского населения во вновь приобретенных областях, «проникнутой духом шовинизма», и просило греческое правительство избегать «всякого противопоставления славянства эллинизму»⁵⁷. Если в вопросах албано-греческого разграничения и греко-турецких споров об островах Эгейского моря первую скрипку играли западные державы, то российская дипломатия сосредоточила свое внимание на миротворческой роли в восстановлении греко-болгарских отношений, которые представлялись ей не менее важным фактором сохранения мира на Балканах. Венизелос также считал их возобновление необходимым.

Территориальные разграничения между Грецией и Болгарией проходили в исключительно тяжелых условиях. Нередко дело доходило до кровавых столкновений. Политика Греции в новых областях, факты «об ужасающих гонениях и истязаниях, коим подвергались греческие мирные жители со стороны болгарских четников и регулярных войск во главе с офицерами»⁵⁸ делали эту миссию чрезвычайно важной и трудной одновременно. Греко-болгарские отношения, как писал С. Урусов, «были проникнуты столь нескрываемой ненавистью, что трудно было бы себе представить, как возобновятся нормальные дипломатические отношения»⁵⁹. Вплоть до начала Первой мировой войны Россия боролась за урегулирование греко-болгарских отношений, выдвигая различные планы обмена военнопленными, политического и экономического сотрудничества.

Греко-турецкие отношения с конца 1913 г. и до июля 1914 г. можно было охарактеризовать как взрывоопасные. Ситуация усугублялась еще и тем, что с конца 1913 г. оба государства усилили перевооружение армии и военно-морских сил.

Еще в ноябре 1913 г. греческая либеральная газета «Скрип» писала, что «победоносная вторая балканская война дала греческой нации сильный толчок в сторону дальнейшей милитаризации». Войска были распущены по домам лишь для кратковременного отдыха, так как, по инициативе греческих правящих кругов, счеты с Турцией и Болгарией не были еще сведены. Предполагалось, что Греция, присоединившая новые провинции, будет в состоянии выставить 500-тысячную армию. В школах повсеместно вводилось преподавание военного дела⁶⁰. С осени 1913 г. Турция предпринимала усилия по покупке у Великобритании дредноута «Рио-де-Жанейро», построенного английской фирмой «Амстронг-Викерс» для Бразилии.

В апреле 1914 г. турецкое правительство предложило грекам обменять греческое население Фракии и Смирнинского округа на мусуль-

ман Македонии и Эпира. Венизелос, понимая, что отказ приведет к принудительному выселению греков, немедленно согласился обсудить это предложение. С этой целью была создана смешанная комиссия, однако выработанные ею условия были отвергнуты, когда Турция вступила в мировую войну⁶¹.

Резкое обострение греко-турецких отношений весной 1914 г. и возможность возникновения войны между ними создавало в очередной раз угрозу безопасности юга России и ее хлебного вывоза через черноморские порты. Непрочность общего политического положения в Европе, неустойчивое положение на Балканах, помощь германских военных советников в реорганизации турецкого флота и армии заставляло Россию обеспечить свои права и интересы в Малой Азии, прежде всего выдвигало пресловутый вопрос о проливах. Россия продолжала искать пути изменения статуса проливов. Во «всеподданнейшем докладе» российскому императору Николаю II Сазонов писал еще в декабре 1913 г., что Россия «не может допустить разрешения вопроса вопреки своим интересам», что проливы в руках сильного государства — это полное подчинение экономического развития всего юга России этому государству. Кто «завладеет проливами, получит в свои руки не только ключи морей Черного и Средиземного. Он будет иметь ключи для поступательного движения в Малую Азию и гегемонии на Балканах». Слабость военной и морской силы на Черном море диктовали России необходимость делать все возможное, чтобы оттянуть неизбежную развязку. Поэтому министр иностранных дел обращался к Николаю II с призывом не только готовиться к возможным операциям в проливах, но активнее участвовать в балканских делах, так как «предоставленные сами себе балканские государства обречены на междоусобия, которые могут быть предотвращены только присутствием России как руководящей активной силы». Он призывал царя подумать обо всех этих условиях не отвлеченно, как это водится, и без увлечения миссией России, но подумать о завтрашнем дне страны. Подумать, как активизировать свою подготовку к неизбежной войне, «дабы не оправдать столь часто делаемого упрека в том, будто русский государственный корабль плывет по ветру и относится течением без твердого руля, направляющего его путь»⁶². Слабые попытки русской дипломатии вернуть свой былой авторитет на Балканах не были подкреплены ее четкой политической линией и военной мощью.

В феврале 1914 г. Совет министров обсуждал вопрос о проливах, но, как писал С. Д. Сазонов, «было принято решение, что Россия не располагает средствами, чтобы предпринять быструю и решительную акцию, и пройдут годы, пока мы будем в состоянии исполнить намеченные планы»⁶³.

Вопрос Эгейских островов был использован младотурками как удобный повод для осуществления политики «Турция — туркам». Сразу после второй Балканской войны началось массовое изгнание греков из Европейской Турции и с побережья Эгейского моря, где они составляли подавляющую часть населения. Официальные власти, как сообщал российскому консулу в Измире (Смирне) А. Калмыкову Эфесский митрополит Иоаким, убеждали, что бойкот греческого населения «является результатом патриотического воодушевления мусульман, вызванного захватом островов греками». В действительности гонения были организованы по указанию комитета «Единение и прогресс» и с молчаливого одобрения местных властей. Впрочем, и многие члены правительства не скрывали своей цели — подорвать благосостояние греческого населения, все еще составлявшего около 1,5 млн человек, которое поддерживало вооружение Греции против Турции. Смирненский вали говорил летом 1914 г. одному из консулов: «Турция должна принадлежать только туркам, мы очистим Фракию и Малую Азию от греков»⁶⁴. Под угрозой депортации греческое население заставляли переходить в мусульманство, что вызывало массовое бегство греков из Турции. Российский консул в Эдирне (Адрианополе) описывал жестокие картины изгнания греков из Кирк-Килиссе, Визы, Муратли. Он считал, что «усиливавшаяся со дня на день эмиграция грозила поголовным изгнанием из вилайета христиан». Целые греческие колонии жестоко изгонялись из своих домов: их жилища, земли и недвижимое имущество захватывалось турками, многие были убиты⁶⁵. Как писал американский посол в Турции Г. Моргантау, «это был самый простой способ для турок снизить процент греческого населения», чего и желало османское правительство.

Угроза решения эгейского вопроса силой, на что явно рассчитывала Турция, заставила греческое правительство пойти на покупку двух американских линейных кораблей, «Айдахо» и «Миссисипи», и китайского крейсера, строившегося в Англии. Кроме того, греческое правительство заказало крейсер в Англии, эскадренный миноносец во Франции и линкор в США. На греческих судовой верфях был отменен обеденный перерыв. С помощью западных держав, как доносил А. А. Макалинский, были пополнены запасы топлива, военного снаряжения и провианта на греческом флоте, который в середине июля 1914 г. был приведен в боевую готовность⁶⁶.

В июне Порты открыто угрожала войной. Морской министр Турции Джемаль-паша говорил британскому послу в Константинополе, что Турции, вступающей в войну, нечего терять, но у нее в руках есть оружие против Греции — выселение греков из османской империи⁶⁷.

Директор афинского телеграфного агентства А. И. Троицкий говорил, что, если Э. Венизелос даст туркам время подготовить свой флот к войне, с ним расправятся. «Слово „подемос“ (война. — *Авт.*) не сходит с уст», — передавал Троицкий⁶⁸. По его мнению, немедленное выступление Греции имело бы то неоспоримое преимущество, что «болгары никогда не пошли бы на авантюру, пока не убедились бы в перевесе турецких сил над греческими». Греческий король Константин категорически заявил, что, пока вопрос об островах не будет решен окончательно, Греция ни под каким видом не допустит усиления турецкого флота, и, объявив Турции войну, приложит все усилия для уничтожения новых дредноутов до их прибытия в турецкие порты, даже если они пойдут под английским или французским флагом. Планировалось, что все греческое население Малой Азии, снабженное контрабандным путем оружием из Греции, в случае высадки греческих войск на Малоазиатском побережье немедленно присоединится к ним. «Все местное греческое население, — передавал А. Калмыков, — в душе ждет этой войны и громко говорит, что Малая Азия скоро вся будет принадлежать Греции»⁶⁹.

Единственный выход из создавшегося положения державы, прежде всего Великобритания, видели в том, чтобы Греция пошла на отдельные уступки Турции, и предложили провести греко-турецкие переговоры. С этой целью на Балканы был послан известный английский журналист, старинный друг Э. Венизелоса Э. Диллон (впоследствии получивший прозвище «честный маклер»), который, встретившись по дороге из Дураццо (Дуреса) в Измир (Смирну) с Венизелосом, убедил его в необходимости задуманной Форин-оффис встречи. Греческое правительство вручило Диллону проект греко-турецкого договора, за что было осуждено всеми оппозиционными партиями страны. Была проведена серия неофициальных встреч Венизелоса с турецким послом в Афинах. Румыния также оказала давление на Турцию с целью обуздать ее агрессивные намерения. Английский посол в Турции Л. Маллет и Э. Диллон посетили также великого визиря Порты принца Мехмеда Саида Халима-пашу, который одобрил идею встречи с греческим премьер-министром для выработки окончательного решения вопроса о статусе Эгейских островов. Уменьшение греческого населения на побережье Малой Азии уменьшало угрозу Турции, которая могла представлять проблема Самоса, Хиоса и Митилены. Однако до самого начала мировой войны встреча оттягивалась, и война застала греческих представителей в дороге.

Начавшаяся мировая война, названная в России Великой, стоившая ей невероятных усилий, политические события внутри страны

и многие другие факторы сделали греческие вопросы второстепенными, даже великогреческие мечтания не могли вызвать серьезного беспокойства у российского правительства, которое уступило пальму первенства в греческих делах своим союзникам по Антанте.

Россия вступала в Первую мировую войну, имея на Балканах союзников в лице Сербии и Черногории. Российская дипломатия тяжело изживала наивную веру в то, что с освобождением балканских народов она получит благодарных союзников на международной арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 *Baron Rozen*. Forty years of diplomacy. N.-Y., 1922. V. 1. P. 185.
- 2 Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Политархив, 1901. Д. 3532. Л. 122–124; Ф. Миссия в Афинах, 1903. Д. 1342. Л. 6об.
- 3 АВПРИ. Ф. Политархив, 1907/8. Д. 3549. Л. 12.
- 4 *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements, 1806–1914. Cambridge, 1991. P. 196.
- 5 АВПРИ. Ф. Политархив, 1913. Д. 332. Л. 32.
- 6 АВПРИ. Ф. Политархив, 1902. Д. 2629. Л. 21об.
- 7 *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements... P. 196.
- 8 *Baron Rosen*. Forty years... P. 186.
- 9 *Ibid.* P. 185–186; АВПРИ. Ф. Политархив, 1901. Д. 3532. Л. 46–46об., 65–67.
- 10 Там же.
- 11 *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements... P. 214.
- 12 АВПРИ. Ф. Политархив, 1902. Д. 2629. Л. 21об.
- 13 Там же. Л. 19–20.
- 14 АВПРИ. Ф. Политархив, 1903. Д. 2633. Л. 38.
- 15 АВПРИ. Ф. Политархив, 1902. Д. 2629. Л. 269.
- 16 АВПРИ. Ф. Политархив, 1903. Д. 2633. Л. 37.
- 17 Там же. Л. 37об.
- 18 АВПРИ. Ф. Гражданское агентство в Македонии, 1904–1909. Д. 14. Л. 15.
- 19 АВПРИ. Ф. Гражданское агентство в Македонии. Д. 41. Л. 191.
- 20 *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements... P. 196.
- 21 *Ibid.* P. 205.
- 22 *Ibid.* P. 225.
- 23 *Ibid.* P. 228.
- 24 *Ibid.* P. 203, 269–270.
- 25 *Ibid.* P. 269.

- 26 См. статью: *Никитина Т. В., Соколовская О. В.* Социально-политический кризис и «Великий бросок» в Греции в 1909–1912 гг. // Балканские исследования. М., 1993. Вып. 12. «Реформы и революции на Балканах»; *Dakin D.* The Diplomacy of the Great Powers and the Balkan States. 1908–1914. «Balkan Studies». 3. № 2 (1962). АВПРИ. Ф. Политархив, 1910. Д. 3551. Л. 78об., 79.
- 27 АВПРИ. Ф. Политархив 1910/11. Д. 3552. Л. 7, 7об.
- 28 Там же. Л. 9об.
- 29 Там же. Д. 1034. Л. 463.
- 30 Там же. Д. 1020. Л. 447.
- 31 Международные отношения в эпоху империализма. Т. 20. Ч. II. Д. 683. Л. 209.
- 32 Правительственный вестник. № 200. ноября 1902 г.
- 33 *Baron Rozen.* Forty years... P. 93.
- 34 Новое время, 1/14 октября 1912 г.
- 35 АВПРИ. Ф. Политархив, 1912. Д. 330. Л. 215.
- 36 Замечательные документы. Балканские войны 1912–1913. Афины. С. 19 (на греч. яз.).
- 37 Там же. Л. 296.
- 38 АВПРИ. Ф. Политархив, 1913. Д. 332. Л. 52об.
- 39 Там же. Л. 160об.
- 40 *Jelavich B.* Russia's Balkan entanglements... P. 274.
- 41 АВПРИ. Ф. Политархив, 1912. Д. 332. Л. 161.
- 42 Там же. Л. 58об.
- 43 Там же. Л. 277об.
- 44 Там же. Л. 32.
- 45 Там же. Л. 303об.
- 46 Центральный государственный архив Российской Федерации. Ф. 686. Оп. 1. Д. 62. Л. 53.
- 47 АВПРИ. Ф. Политархив, 1913. Д. 332. Л. 308об.
- 48 Там же. Л. 395об–396.
- 49 Там же. Л. 380–381. Л. 59об.
- 50 Там же. Л. 334об., 339об.
- 51 Там же. Л. 403, 330об.
- 52 Там же. Л. 403об.
- 53 Там же. Л. 473об.
- 54 АВПРИ. Ф. Политархив. Д. 1774. Л. 74, 80.
- 55 *Leon G. B.* Greece and the Central Powers, 1913–1914. The Origins of the National Schism // *Sudost-Forschungen. Internationale Zeitschrift für Geschichte, Kultur und Landeskunde Südosteuropas* begründet von Fritz Valjavec. Im Auftrage des Sudost — Instituts München geleitet und herausgegeben von Mathias Bernath. Band XXXIX. 1980; R. Oldenburg (München). P. 121.

- 56 АВПРИ. Ф. Секретный архив. Д. 722/781. Л. 2–3.
- 57 АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 38186. Л. 186.
- 58 АВПРИ. Ф. Канцелярия 1914. Д. 26. Л. 5–5об.
- 59 Там же. Л. 7об., 9.
- 60 ЦГАВМФ. Ф. Генмор. Оп. 1. Т. 3. Д. 3771. Л. 7.
- 61 *Petsalis-Diomidis N.* Greece at the Paris Peace Conference 1919. Thessaloniki, 1978. P. 30–31.
- 62 АВПРИ. Ф. Политархив, 1913. Д. 332. Л. 444об.
- 63 *Sazonov S.* Fateful years. N.-Y., 1928. P. 126.
- 64 *Theodoulou C.* Greece and the Entente. Aug. 1. 1914 — Sept. 25. 1916. Thessaloniki, 1971. P. 7.
- 65 *Toynbee A.* The Western Question in Greece and Turkey. Boston, 1923. P. 140.
- 66 ЦГАВМФ. Ф. Генмор. Д. 4764. Л. 23, 43; Д. 3763. Л. 6, 26, 77, 82.
- 67 *Kondis B.* The Problem of the Aegean islands on the eve of World War I and Great Britain // Greece and the Great Britain during the World War I. First symposium. Thessaloniki, 1985. P. 57.
- 68 ЦГИА СПб. Ф. ПТА. Д. 947. Л. 20.
- 69 Там же. Л. 29, 30.

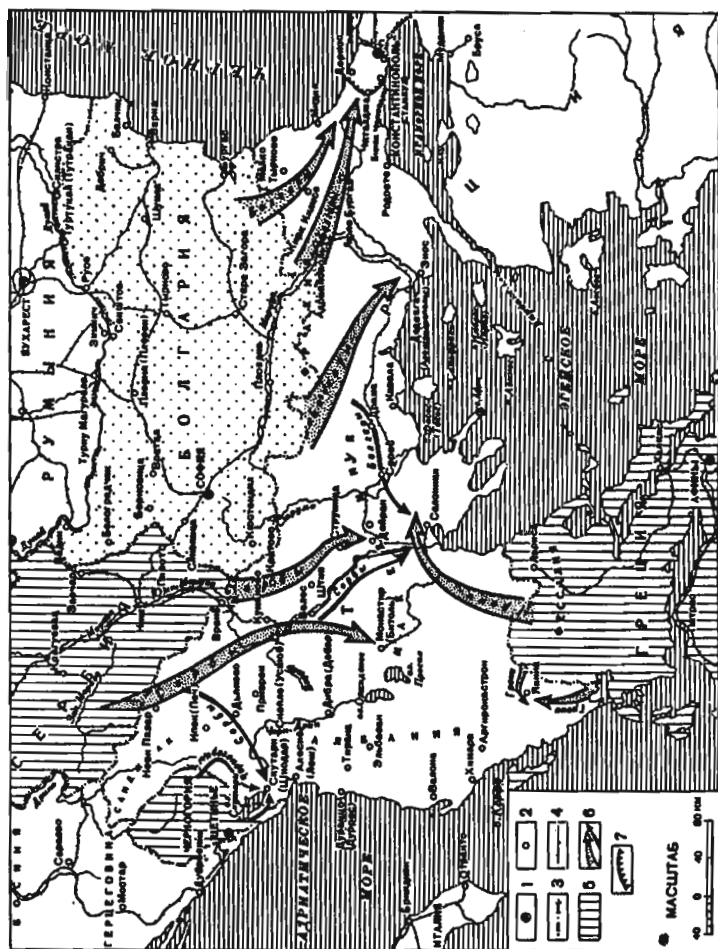
БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 гг.

Исходным пунктом в формировании Балканского союза, сыгравшего решающую роль в коренном изменении геополитической ситуации на Балканах в преддверии Первой мировой войны, явились переговоры между Сербией и Болгарией о заключении союзного договора. Они начались непосредственно после начала итало-турецкой войны и проходили при активном участии российской дипломатии. В результате 13 марта 1912 г. был подписан сербо-болгарский договор о дружбе и союзе, к которому прилагалось секретное приложение, предусматривавшее совместное вооруженное выступление Болгарии и Сербии против Турции и последующий раздел Македонии. Согласно утвержденной сторонами карте территориальных приращений, граница между двумя государствами в этой области должна была проходить по линии, начинающейся к северу от города Крива Паланка и заканчивающейся у города Струга на Охридском озере, оставляя Сербии Скопье, и одновременно доводя пределы Болгарии до албанских земель¹.

Болгария и Сербия гарантировали друг другу государственную независимость и территориальную целостность. Стороны брали на себя обязательство оказывать друг другу максимальную поддержку в случае нападения на одну из них, а также в случае, если какая-либо третья держава попытается присоединить или оккупировать какую бы то ни было часть балканской территории, находящейся под турецким контролем, и если одна из сторон сочтет это посягательством на свои жизненные интересы. Сербия признавала за Болгарией права на территорию к востоку от Родопов и р. Струмы, а Болгария за Сербией — права на территорию к северу и западу от Шар-Планины. Разрешение всех возможных спорных вопросов возлагалось на верховный арбитраж российского императора.

Вслед за договором, между двумя государствами была подписана 12 мая 1912 г. военная конвенция, дополненная затем двумя соглашениями болгарского и сербского генеральных штабов от 2 августа и 28 сентября 1912 г.

Осенью 1911 г. начались аналогичные переговоры между Болгарией и Грецией, и 29 мая 1912 г. состоялось подписание союзного болгаро-греческий оборонительного договора. Стороны обязались в случае нападения Турции на одну из них оказывать соответствующую

Первая Балканская война 1912—1913 гг.

1. Столица
2. Прочие города
3. Государственные границы
4. Железные дороги
5. Государства Балканского союза, кроме Болгарии.
6. Важнейшие направления ударов союзных войск.
7. Турецкие провинции на Чаталджинских высотах.

щее содействие всеми своими вооруженными силами и не заключать при этом сепаратного мира. Приложенная к договору декларация предусматривала, что статья о взаимопомощи не относится к случаю возникновения войны между Турцией и Грецией вследствие принятия в греческий парламент депутатов с о. Крит вопреки воле Константинополя. В данной ситуации Болгария брала на себя обязательство сохранять по отношению к Греции благожелательный нейтралитет. 5 октября 1912 г. была подписана болгаро-греческая военная конвенция.

Наконец, в сентябре 1912 г. было заключено устное соглашение между Болгарией и Черногорией о совместных действиях против Турции; и 1 октября 1912 г. Никола Петрович Негош издал указ о мобилизации черногорской армии.

Однако, наряду со стратегическими целями общего характера, связанными со стремлением покончить с многовековым турецким господством на Балканах и расширить свои территориальные пределы, в качестве катализатора первой Балканской войны выступило одно обстоятельство тактического характера, связанное с новым и наиболее значительным албанским восстанием, достигшим своей кульминации летом 1912 г. Успешные действия повстанцев вынудили Константинополь впервые за все время развития албанского движения всерьез заговорить о необходимости осуществления политико-административных реформ в Албании, что, в свою очередь, насторожило балканских союзников, видевших в албанском национальном движении непосредственную угрозу своим жизненным интересам и ревниво относившимся к возможным уступкам по отношению к нему со стороны турецких властей. Подобная позиция находила понимание и поддержку во внешнеполитическом ведомстве Санкт-Петербурга. В этой связи хотелось бы сослаться на обстоятельное донесение российского посла в Константинополе М. Н. Гирса от 29 июля 1912 г. на имя управляющего Министерством иностранных дел России. Излагая содержание своей беседы с министром иностранных дел в новом турецком кабинете Габриэлем Эфенди Норадунгьяном, российский дипломат пишет: «На мой вопрос, насколько справедливы ходящие по городу (Константинополю. — *Авт.*) слухи о намерении Правительства предоставить албанцам широкие льготы и едва ли не некоторую автономию (а почему нет? — *Авт.*), Габриэль Эфенди ответил, что, будучи всего второй день у власти, Кабинет не выяснил еще вполне определенно свой образ действий по отношению к Албании.

Я воспользовался этим обстоятельством, чтобы высказать ему, что я вполне понимаю шекотливость положения Порты в этом деле,

так как в Турции много национальностей, и они будут вполне естественно с напряженным вниманием следить за политикой, применяемой Правительством к албанцам, и рассчитывать, что предоставляемые последним льготы распространятся и на них.

Мне казалось необходимым ныне же в вполне дружеской форме привлечь на это обстоятельство внимание Порты, так как здесь, действительно, вследствие общего стремления скорее покончить с албанским движением, пропагандируется идея о создании какой-то полуавтономной Албании, выкроить какую-то можно лишь в ущерб славянским элементам, имеющим исторически обоснованные притязания на большую часть территории, населенной албанцами»².

6 августа 1912 г. управляющий Министерством иностранных дел России А. А. Нератов направил секретную телеграмму М. Н. Гирсу, в которой говорилось: «Из сообщаемых Вам телеграмм Представителям в Балканских странах Вы осведомлены об усилиях, которые мы делаем для успокоения местных прав и предотвращения активных с их стороны выступлений. В этих выступлениях несомненно кроется серьезнейшая опасность для общего мира. Но они могут быть вызваны стечением таких обстоятельств, которые сделают неизбежным общее движение. К числу таких обстоятельств нужно отнести характер соглашения, могущего установиться между Турецким Правом и Албанцами. В случае дарования последним широкой автономии и с включением в Албанскую территорию округов со смешанным населением несомненно возникнут все сложные национальные вопросы Македонии и может быть единоличные выступления отдельных Держав, претендующих на исключительную роль в той или другой Турецкой области»³.

Руководствуясь вышеприведенными соображениями, российский дипломат в ходе своих бесед с представителями правительства в Константинополе оказывал постоянное давление на турецкое руководство, обращая «его внимание на опасность для общего мира, кроющуюся в том или ином способе разрешения ныне турками албанского вопроса» и предостерегая его — в конечном итоге, безрезультатно — от каких-либо уступок в отношении албанцев⁴.

Все беспокойнее становилось в балканских столицах. По словам русского поверенного в делах в Афинах князя С. Л. Урусова, «здесь правительством очень озабочено последствиями албанского восстания, о чем свидетельствуют как мысли, высказанные эллинским Министром Иностранных Дел..., а также статьи, появившиеся в афинской прессе. Воинственный пыл некоторых из этих статей, хотя и не представляет важного значения, служит однако мерилем тех пертурбаций, которые могут возникнуть при первом же удобном

случае. Таковой может представиться в любой момент в виду озлобления, вызванного среди эпириотов, македонцев болгар и прочих соседей разбушевавшейся Албании грабежами, убийствами и захватами последней. Здешние Сербский и Болгарский Посланники говорили мне, что они крайне обеспокоены тем оборотом, который могут принять дальнейшие события. Сербский Посланник говорил, конечно, об австрийской опасности. Он старался доказать мне, что положение его Государства таково, что если защиты сербам от России не будет, то им волей неволей придется, после неравной борьбы, перейти под австрийское владычество и работать годами и десятилетиями над соединением всех сербов Двуетиной Монархии. Такое присоединение Сербского Королевства к Австрии, удовлетворяющее ее вожделям, представляется для интересов России в будущем настолько губительным, что сказанный дипломат не допускает и мысли, чтобы она не сделала всего возможного для воспрепятствования ему.

Болгарский Посланник, Г-н Хаджи-Мишев, не пропускал случая повторять мне, что Болгария ничего без поддержки России не предпримет, и что раз до сих пор лозунг остается прежний — соблюдение статус-кво, то и Болгарское Правительство, — правда, скрепя сердце, — не будет его нарушать. Но вчера Посланник высказал мне, что события в Албании и Македонии поведут, по его мнению, к такому нарушению статус-кво, что о дальнейшем соблюдении его кем бы то ни было из Балканских Государств не может быть и речи»⁵.

12 августа 1912 г. российский дипломатический представитель в Софии А. В. Неклюдов имел разговор с И. Гешовым, в ходе которой глава болгарского кабинета попросил своего собеседника: «не скрывать от Императорского Правительства, что дарование албанцам Портой известных прав, как то территориальной воинской повинности, назначения администрации из албанцев и других приближающихся в сущности к автономии, а в особенности расширение этих прав на все четыре вилайета — представилось бы совершенно нестерпимым для болгарского, сербского и греческого населения этих вилайетов. В Македонии, Старой Сербии и Эпире начались бы самая страстная агитация и возобновление усиленной деятельности революционных комитетов и банд, дабы добиться распространения этих прав и на неалбанское христианское население. Болгарское Правительство наряду с Сербией и Грецией поставлено было бы в самое безвыходное положение и при нужде поэтому заранее установить обеспечение и болгарском населению тех же прав, которые будут предоставлены Порто албанцам»⁶.

Российский поверенный в делах в Сербии В. Н. Штрандтман предупреждал: проявляемая турками «по отношению к албанцам крайняя уступчивость будет иметь последствием предъявление и со стороны христиан Македонии повышенных требований, до автономии включительно, которые, как известно Императорскому Правительству, могут встретить в Болгарии только сочувственный отклик, но вместе с тем явятся новой серьезной угрозой для мира на Балканском полуострове»⁷.

Помимо России, другие великие державы также с большим беспокойством наблюдали за сползанием Балкан в пучину войны. Помимо нарушения установленного международными договорами и соглашениями *status quo* на Балканах, эти события могли привести к резкой дестабилизации всей международной обстановки в Европе, поскольку в них легко могли быть втянуты практически все ведущие европейские государства. Однако убедить балканских правителей решать проблемы мирным путем не удалось.

Последней попыткой великих держав предотвратить эскалацию военных действий между балканскими союзниками и Портой стало их совместное заявление, разработанное при непосредственном участии министра иностранных дел России С. Д. Сазонова и премьер-министра Франции Р. Пуанкаре и сообщенное от имени шести государств российским и австро-венгерским представителями соответствующим лицам в Белграде, Софии, Афинах и Цетинье. Оно гласило:

«1) Державы порицают всякий шаг, могущий привести к нарушению мира, 2) На основании статьи 23-й Берлинского договора державы, в интересах христианского населения, возьмут в свои руки проведение административных реформ в Европейской Турции, сохраняя неприкосновенными права султана, а равно и территорию Оттоманской империи, 3) Если бы, тем не менее, между Балканскими государствами и Портой возникла война, то державы не допустят, по ее окончании, никакого изменения территориального статус-кво Европейской Турции»⁸.

Однако балканская военная машина уже была запущена. По воспоминаниям Сазонова, «достигшие полного объединения в военном отношении, Балканские союзники горели желанием помериться силами с исконным врагом и свести с ним окончательные счёты за вековое и безжалостное угнетение», и побудить их согласиться на очередную коллективную попытку великих держав добиться выполнения Турцией много раз обещанных и никогда не выполнявшихся до конца реформ не представлялось возможным»⁹.

Иным по форме, но аналогичным по существу образом причины войны были изложены в воззвании Балканского комитета, действо-

вавшего в Лондоне, которое было опубликовано на страницах британской прессы 12 октября 1912 г. Основные положения документа сводились к следующему:

«Война, стоящая на пороге, не будет рядовой войной между одетыми в униформу армиями цивилизованных государств, а станет ожесточенной борьбой между соперничающими расами, ненавидящими друг друга на протяжении веков, и от ее ужасов больше всех будет страдать женщины и дети несчастного населения»;

«История свидетельствует, что ответственность за эту войну падает на великие державы, и в наибольшей степени на Великобританию. Эта война была подготовлена Берлинским конгрессом, который, по настоянию Великобритании, возвратил под непосредственное управление Турции области, которые были освобождены русским оружием. С этого дня осталось выбирать между новой войной за освобождение или действительными реформами. Поскольку реформы вечно откладывались, настало время войны»;

С 1880 по 1902 гг. «европейский концерт» сидел сложа руки, в то время как несчастное положение угнетенных народов становилось все хуже. Шесть лет было потеряно в попытках ввести в действие пустую и маловажную Мюрцштегскую программу. Затем произошла младотурецкая революция, и Европа по праву предоставила новому движению свободу рук. Но поспрание конституции, нападения на церкви, на школы, на христианские общины, бойкотирование греческой торговли, упразднение албанского языка, различные насилия и, наконец, случаи прямой резни — все это доказало, что младотурецкий режим, несмотря на надежды, которые он внушал, все-таки оказался неспособным по своей инициативе осуществить реформы»;

«Отсутствие реакции со стороны великих держав на неопределенное австрийское предложение о „децентрализации“ предоставило еще одно доказательство, что балканские народы должны полагаться только на себя, если желают положить конец невыносимому положению их соотечественников в Турции»¹⁰.

8 октября 1912 г. в 10 часов утра Черногория первым из балканских государств объявила войну Турции; а уже через час король Никола принимал в Цетинье дипломатических представителей России и Австро-Венгрии Арсеньева и Гизля, которые предприняли последнюю безуспешную попытку убедить монарха приостановить военные приготовления и добиваться от Турции проведения требуемых реформ в ее европейских областях мирным путем, опираясь на коллективную волю великих держав¹¹. На следующий день в стране был обнародован королевский манифест, в котором говорилось, что целью войны является освобождение

все еще находящейся под турецким господством части сербского народа, а также присоединение к Черногории Шкодринской Малесии; и тогда же были начаты боевые действия на черногоро-турецком фронте¹². Одновременно союзники направили в Константинополь ноты, в которых потребовали скорейшего проведения в Македонии реформ под их контролем, а в Болгарии и Сербии была проведена спешная мобилизация вооруженных сил с прицелом на скорейшее развертывание наступательных операций в Македонии¹³.

Не получив ответа от турецкого правительства, армии союзников перешли 18 октября турецкую границу.

События развивались на трех основных театрах боевых действий: болгарская армия развивала наступательные операции в направлении Фракии и Константинополя, греческие войска сконцентрировали свои усилия на занятии как можно более обширных территорий в Македонии и Эпире, а интересы Сербии и Черногории распространялись на Ново-Пазарский санджак, Албанию и Македонию. Согласно военному плану, разработанному сербским Генеральным штабом, Первая сербская армия под верховным командованием престолонаследника Александра Карагеоргиевича начала продвижение в направлении Куманово и Скопье, операции Второй армии под командованием генерала (а позднее воеводы) Степы Степановича осуществлялись в направлении Кюстендила, Третья армия Божы Янковича наступала на Косово, а части так называемой Ибарской армии вступили в Ново-Пазарский санджак, стремясь соединиться с действовавшими там же черногорскими войсками.

Черногорская армия была разделена на три отряда. Приморский отряд находился под командованием генерала М. Мартиновича — главы кабинета и одновременно военного министра страны — и базировался в районе Бара. Зетский отряд — которому вменялось в задачу занятие албанской крепости Шкодра — располагался в районе Подгорицы; командовал им престолонаследник Данила. Наконец, Восточный отряд под командованием генерала Я. Вукотича был призван обеспечить безопасность черногоро-турецкой границы, а при благоприятных условиях развернуть наступление в направлении городов Плевле, Мойковац, Бераны и Плав и далее в пределах Ново-Пазарского санджака и Метохии. Вооруженные силы Черногории включали в себя 35.600 человек и 106 артиллерийских орудий российского и итальянского производства — в основном устаревшего типа, — а также 12 пулеметов¹⁴. Верховным командующим черногорской армии являлся король Никола.

После вступления в войну всех «заинтересованных» государств, общее соотношение сил оказалось в пользу Балканского союза: 578000 солдат против 420000 с турецкой стороны ¹⁵.

Военное сотрудничество балканских союзников находилось на достаточно высоком уровне, при этом на вышеупомянутую Первую сербскую армию возлагалась особая задача осуществления непосредственной координации действий сербских и болгарских вооруженных сил.

О необычайном патриотическом подъеме, охватившем самые широкие слои сербского общества, свидетельствует, в частности, тот факт, что представитель правящей династии князь Арсен Карагеоргиевич (брат Петра I Карагеоргиевича), имевший воинское звание генерала сербской армии, после объявления мобилизации прибыл из Парижа в Белград и лично возглавил кавалерийскую дивизию, действовавшую в составе Первой армии ¹⁶.

Уже в первые дни войны Зетский и Приморский отряды черногорской армии достигли серьезных успехов в приграничных боях, однако не сумели воспользоваться благоприятным развитием ситуации. Вместо того, чтобы осуществить стремительный бросок на Шкодру и занять крепость в результате атаки с двух направлений, Верховное черногорское командование и командующий Зетским отрядом отдали предпочтение постепенному продвижению вперед. Помимо губительной в военных условиях потери времени, подобная осторожность была неоправданной и из тактических соображений, ибо сосредоточенные на момент начала боевых действий в районе Шкодры турецкие силы составляли 7000 человек личного состава и 5000 башибузуков — местных албанских добровольцев; путь на город был открыт, местные албанские католические племена груди, хотя и кастрати перешли на сторону черногорских войск, и таким образом, тылы последней находились в безопасности.

Черногорские войска начали обстрел горы Тарабош, на которой располагался форт, господствовавший над городом, 21 октября 1912 г. ¹⁷ Турецкое военное командование придавало важнейшее значение обороне этой стратегически важной и способной выдержать длительную осаду крепости ¹⁸. Уже 9 октября — т. е. на следующий день вслед за объявлением Черногорией войны — в город из Тираны прибыл вооруженный отряд под командованием Эссад-паши ¹⁹. Эта колоритная фигура крупного землевладельца, военачальника и политического авантюриста по праву занимает важное место на страницах нашего исследования. Достаточно упомянуть организованное им убийство коменданта Шкодры Хуссейна Ризы-паши, заместителем которого он являлся. Этот акт был совершен в лучших

восточных традициях после совместного ужина убийцы и жертвы. В результате Эссад-паша стал фактическим правителем города²⁰.

Как результат вышеуказанного промедления, начальник шкодринского гарнизона получил в свое распоряжение еще 24000 солдат регулярной турецкой армии и более 5000 добровольцев, что в конечном итоге сыграло ключевую роль в определении судьбы города.

Тем временем части Восточного отряда черногорской армии развивали успешное наступление на все протяжении фронта и, преодолевая сопротивление турецких войск и добровольческих соединений, заняли Мойковац, Бело Поле, Плевле, Бераны, Рожай, Плав, Гусинье и 4 ноября 1912 г. — одновременно с сербскими отрядами — вошли в Дьяково. Тем самым Восточный отряд полностью выполнил боевую задачу, поставленную перед ним накануне войны Верховным военным командованием; его подразделения были переброшены под Шкодру для поддержки завязнувших там черногорских войск, а его командир Я. Вукотич был назначен на пост начальника Верховного командования.

18 ноября 1912 г. сербские части, осуществлявшие экспедицию в направлении Адриатического моря через Северную Албанию, встретились с соединениями черногорского Приморского отряда в районе Леша. Как сообщал командир последнего в своем донесении королю Николе, «встреча двух сербских армий в городе Леш оказалась чрезвычайно восторженной и трогательной»²¹.

В ходе продолжавшегося два дня — 23–24 октября 1912 г. — сражения за Куманово Первая сербская армия нанесла тяжелое поражение турецким войскам и 26 октября вошла в Скопье. Одновременно Третья армия 30 октября заняла Призрен, а 4 ноября 1912 г. — Дьяково.

Болгарская армия, действовавшая во Фракии, нанесла своему противнику поражение в битве под Кирк-Килисе, окружила Адрианополь (совр. Эдирне) и повела успешное наступление по направлению Чаталджийских укреплений и самого Константинополя. Что же касается Греции, то ее войска нанесли поражения туркам под Сарантапоросом и Селфидже, осадили Янину и предприняли успешное наступление в направлении Битоли и Салоник — которые были заняты 8 ноября 1912 г.

Положение турецких войск стало критическим. Сербские войска в ходе продолжавшихся несколько дней — с 13 по 18 ноября — кровопролитных боев в районе города Битоль разгромили противостоявшие им турецкие силы и соединились с греческими частями в районе Флорины (ныне на северо-западе Греции). Это означало окончательное военное поражение Турции, правительство которой

уже 4 ноября — меньше чем через месяц после начала боевых действий — обратилось к великим державам с просьбой оказать посреднические услуги при заключении мира.

Однако сербское руководство отнюдь не считало, что ему удалось добиться реализации всех военных задач. В полном соответствии с планом Генерального штаба, после освобождения от турецких войск Косово, сербские части, сформированные в две колонны, начали соответственно 9 и 10 ноября 1912 г. военную экспедицию вглубь албанской территории, стремясь «явочным» вооруженным порядком решить вопрос получения Сербией выхода на Адриатику. 18 ноября сербские войска, преодолевая упорное сопротивление слабо вооруженных и организованных албанских отрядов, вышли на адриатическое побережье севернее города Леш. Одновременно премьер-министр королевства Пашич в получившем широкий резонанс интервью газете «Таймс» сделал достоянием международной общественности план значительного территориального расширения страны, включая пятидесятикилометровую полосу албанского побережья между городами Леш и Дуррес, а также район между Охридским озером и городом Дьяково²².

Данные акции привели к серьезному обострению как сербо-австрийских отношений, так и общей ситуации в Европе. После вступления сербских войск в важный албанский портовый город Дуррес, последовавшего на следующий день после провозглашения 28 ноября 1912 г. независимости Албании на всеалбанском конгрессе во Влере, в Белграде ожидали скорого начала военной операции австро-венгерских войск против Сербии — тем более катастрофической по своим возможным последствиям, ибо наиболее боеспособные сербские части находились на обширных фронтах Балканской войны, и в случае нападения двухсоттысячной императорской армии австро-сербскую границу прикрывала бы двадцатипятитысячная сербская группировка²³. В монархии Габсбургов была объявлена частичная мобилизация, в Сараево были уже отпечатаны прокламации о войне против Сербии, дипломатические представители монархии в Белграде и Цетинье получили указания предать огню документы миссий, как только начнется война, а австро-венгерские военные суда барражировали в водах Савы и Дуная с включенными прожекторами, направленными на сербскую столицу.

Тем не менее, — во многом благодаря умеренной позиции России (настоятельно советовавшей своей союзнице соблюдать благоразумие), — австро-сербского вооруженного столкновения удалось избежать. Сербское руководство приняло решение отказаться от решения проблемы выхода к морю «явочным порядком» и согла-

ситься на вывод своих войск с побережья, а также на передачу указанного вопроса на рассмотрение великих держав; а коронный совет в Австро-Венгрии, проходивший под председательством императора Франца-Иосифа, отклонил предложение высших военных кругов монархии об осуществлении военной акции против Сербии.

25 ноября 1912 г. турецкое правительство запросило перемирия соответствующие переговоры увенчались подписанием 3 декабря того же года соглашения, построенного на основе признания Константинополем территориальных изменений, явившихся следствием военных успехов балканского блока. В этой церемонии приняли участие представители всех воюющих государств, за исключением Греции, которая выставила в качестве предварительного условия подписания документа передачу осаждавшегося ее войсками города Янина — одного из важнейших пунктов албано-греческого территориального спора. Тем не менее Афины — наряду со своими союзниками — согласились направить своих делегатов на мирные переговоры, начавшиеся 16 декабря в Лондоне и проходившие параллельно с конференцией послов великих держав.

Тем временем 23 января 1913 г. в Турции произошел государственный переворот, и новое руководство страны — в значительной степени под влиянием позиции, занятой по отношению к территориальным притязаниям Сербии и Черногории представителями европейских государств в британской столице, а также первых заметных трещин и противоречий, возникших внутри Балканского союза в вопросе о разделе завоеванных территорий — прервало переговоры и 3 февраля 1913 г. возобновило военные действия.

5 марта 1913 г. греческие войска наконец овладели Яниной, а болгарская армия при поддержке сербских частей вошла 24 марта в Адрианополь и продолжила свое наступление в направлении Чаталджийских укреплений, непосредственно угрожая Константинополю. Однако, уже не дожидаясь данных военных успехов союзников, турецкое правительство, столкнувшееся с отсутствием каких-либо возможностей продолжать военные действия, уже в конце февраля вновь обратилось к европейским правительствам с просьбой о дипломатическом посредничестве.

Вопрос о государственной принадлежности Шкодры обсуждался в ходе непосредственных переговоров между Черногорией и Австро-Венгрией, проходивших еще в ноябре 1912 г. на уровне австро-венгерского посланника в Цетинье и личного представителя короля Николы. Предложенная Веней программа предусматривала передачу крепости Черногории при одновременном выполнении последней следующих условий: заключение с монархией Габсбургов таможен-

ного союза; разрешение ее гражданам беспрепятственно заниматься рыболовством в прибрежных черногорских водах; возможность свободного плавания судов под австрийским флагом по Скадарскому озеру и реке Бояна; строительство железнодорожной линии, проходящей по черногорской территории вдоль побережья; осуществление черногоро-австрийского разграничения в районе Ловчена таким образом, что под юрисдикцию Австро-Венгрии переходит стратегически важный пункт Крстац²⁴.

Король Никола отклонил данное предложение, и с этого момента Австро-Венгрия заняла непримиримую позицию в вопросе о Шкодре. Со своей стороны, черногорский правитель решил как можно скорее овладеть городом с тем, чтобы поставить Вену и другие великие державы перед свершившимся фактом. На заседании Верховного командования черногорской армии в качестве даты решающего штурма крепости было выбрано 4 декабря 1912 г. Однако в последний момент, под влиянием рекомендаций дипломатических представителей в Цетинье не предпринимать активных наступательных действий и дожидаться благоприятного для его страны разрешения указанного вопроса на общеевропейском уровне, Никола отложил операцию.

В этой связи хотелось бы остановиться на одной внешнеполитической инициативе черногорской стороны, наглядно демонстрирующей сущность военно-политических расчетов ее руководства.

24 декабря 1912 г. одна из дочерей Николы при дворе российского императора — жена великого князя Петра Николаевича великая княгиня Милица — имела (в присутствии своего мужа) продолжительную беседу с председателем Совета министров В. Н. Коковцовым, в ходе которой она передала ему записку с изложением принципиальных «пожеланий» черногорского короля, адресованных российскому правительству и включавших в себя следующие пункты:

«1. Россия должна дать совершенно определенные указания нашему Лондонскому послу не подписывать никакого соглашения по ликвидации Балканского вопроса, если только Скутари не будет признано за Черногорию...;

2. Северная граница Албании должна быть проведена так, чтобы Ипек (Пейя. — *Авт.*) и Дьяково отошли непременно к Черногории».

В записке говорилось также о помощи хлебом и кукурузой и присылке пушек и снарядов²⁵.

Коковцов дал позитивный ответ лишь относительно поставок продовольствия; его мнение было поддержано Сазоновым и самим царем. Коковцов заметил, что предъявление ультимативного требования о передаче Шкодры «было бы равносильно полному уничтожению того согласия, которое существует до сих пор между госу-

дарствами, взявшими на себя тяжелый труд по разрешению балканского вопроса, еще так недавно казавшегося всем почти безнадежным»; что же касается конкретного определения черногоро-албанской границы, то этот вопрос явится предметом отдельного обсуждения на уровне великих держав. Наконец, по мнению российского правительства, снабжение Черногории боеприпасами в том виде, в каком на это рассчитывал Никола, представляло бы грубое нарушение принципа нейтралитета²⁶.

В январе 1913 г. черногорское правительство направило Лондонской конференции послов великих держав специальное обращение, в котором подчеркивалась необходимость передачи его стране Шкодры, Пейи и Дьякова и приводились многочисленные аргументы в пользу подобного решения исторического, национального, политического, экономического и географического характера. В том, что касалось Шкодры, основной упор делался на принцип исторического права, и утверждалось, что город несколько раз входил в состав сербской державы и всегда находился в сфере влияния Сербии, — представленной в рассматриваемый период Черногорией. Кроме того, в обращении напрямую утверждалось, что в случае негативного для Черногории разрешения данного вопроса королевство будет обречено на экономическую зависимость, «которая является лишь скрытой формой политической зависимости»²⁷.

После возобновления в начале февраля 1913 г. боевых действий, командование черногорской армии приняло решение осуществить давно запланированный генеральный штурм крепости. Он продолжался в течение трех дней — с 7 по 9 февраля. Черногорские войска понесли тяжелые потери во время атаки на прикрывавшие город укрепления, но взять Шкодру не удалось. Король Никола был вынужден скрепя сердце обратиться за помощью к Белграду. Сербское правительство дало утвердительный ответ и незамедлительно распорядилось образовать отдельный Приморский корпус в составе 30 тыс. человек под командованием генерала Петара Бойовича, в распоряжение которого перешли и действовавшие в районе Шкодры черногорские части²⁸.

Новый штурм Шкодры — на этот раз совместный сербо-черногорский — был назначен на 10 апреля 1910 г.; однако события стали стремительно развиваться в ином ключе. 28–29 марта 1913 г. великие державы предприняли дипломатические демарши соответственно в Черногории и Сербии, потребовав от них снятия осады с крепости и вывода своих войск из албанских пределов. 6 апреля цетинское правительство отклоняет данное требование. 8 апреля на рейде черногорского порта Бар появились корабли объединенной военно-мор-

ской эскадры великих держав, а министр иностранных дел Великобритании Э. Грей (председательствовавший на конференции в Лондоне) заявил, что город может быть оккупирован международными силами в случае, если указанная демонстрация силы не возымеет действия. В тот же день лондонский форум принял решение осуществить военно-морскую блокаду черногорского побережья от Бара до устья Дрина. Сербия последовала настоятельным советам России и согласилась вывести свои войска из Албании. Одновременно российское правительство резко осудило позицию короля Николы, который не прислушался к требованию «отказаться от своих личных интересов и не обрекать черногорцев на бессмысленные жертвы»²⁹.

Осада крепости не прекратилась, однако Верховное командование черногорской армии — располагая данными, что гарнизон исчерпал возможности для дальнейшего сопротивления, — приняло решение не осуществлять наступательных операций, а ограничиться продолжением артиллерийских обстрелов города.

Оно не ошиблось в своих расчетах. Начальник шкодринского гарнизона генерал турецкой армии Эссад-паша 22 апреля 1913 г. предложил черногорской стороне начать переговоры о капитуляции³⁰. 23 апреля было заключено соответствующее соглашение, предоставлявшее всем турецким подразделениям покинуть город в полном боевом снаряжении и с оружием в руках. На следующий день в Шкодру вошли черногорские войска.

Тем временем 27 апреля дипломатические представители великих держав в Цетинье передали черногорскому правительству коллективное письменное требование в кратчайшие сроки передать город под международный контроль. Одновременно Санкт-Петербург и Белград постоянно призывали Николу проявить уступчивость и не подвергать свою страну новым тяжелым испытаниям. Тем не менее черногорское руководство вплоть до 3 мая продолжало надеяться на благоприятное для страны разрешение вопроса.

В этот день короля Николу посетили представители Германии, Италии, Англии, Франции и России и передали обращение своих правительств, в которых содержался призыв вывести черногорские войска из города, иначе вооруженная акция Австро-Венгрии будет неизбежной. Монарх немедленно поставил об этом в известность своего сербского коллегу, от которого получил рекомендацию исполнить вышеуказанное требование.

В тот же день в Цетинье было созвано заседание Коронного совета, на котором развернулась острая дискуссия по рассматриваемому вопросу. Большинство присутствовавших придерживались мнения, что хотя черногорская армия и готова начать военные действия, от-

стаивая Шкодру, тем не менее, не сможет вынести тяготы двух непрерывных войн. Что же касается членов правительства и престолонаследника Данилы, то они выступили против оставления города, заверяя присутствовавших, что в случае вооруженного нападения со стороны Австро-Венгрии Черногория не останется в одиночестве. В результате конкретное решение принять не удалось, и на заседании был объявлен перерыв до следующего дня.

Тем временем Никола получил послание от главы сербского кабинета Пашича, в котором тот (опираясь на поддержку России) обращал внимание черногорского правителя на то, что его страна находится перед лицом огромной опасности и призывал его — во имя интересов всего сербства — завтра же заявить о своем согласии подчиниться воле Европы. Оно произвело впечатление на короля, который наконец принял решение оставить Шкодру; с ним согласилось и большинство членов Коронного совета.

В то же день — 4 мая 1913 г. — Никола Петрович направил соответствующую телеграмму английскому министру иностранных дел, в которой, в частности, подчеркнул: «Мое достоинство и достоинство моего народа не позволяют мне выносить односторонние угрозы, и именно поэтому я передаю судьбу города Скадар (Шкодра. — *Авт.*) в руки Великих Держав»³¹.

6 мая кабинет М. Мартиновича, не согласившийся с данным решением, подал в отставку. Главой нового состава правительства, назначенного королем, стал генерал Я. Вукотич.

Принимая 8 мая 1913 г. депутатов черногорской скупщины в своем дворце, Никола заявил: «Столкнувшись с реальной опасностью гибели Моей страны, я придерживался мудрой, спасительной для всего сербства и отвечающей интересам всеобщего мира позиции уступить объединенной Европе, передав в ее руки Скадар»³².

Договор о передаче Шкодры под контроль великих держав был подписан на следующий день — 9 мая 1913 г., — а 14 мая в город вошел отряд международных сил. В тот же день была прекращена и блокада черногорского побережья.

Потери Черногории в первой Балканской войне убитыми на фронте, ранеными и умершими в тылу составили около 9500 человек, или четвертую часть численности ее армии³³.

Международно-правовые аспекты первой Балканской войны явились предметом всесторонних обсуждений на двух международных форумах — конференции балканских стран по заключению мира с Турцией (с участием делегаций Болгарии, Сербии, Черногории, Греции и Турции) и совещании послов шести великих держав, начавших свою работу в Лондоне соответственно 16 и 17 декабря

1912 г. Ключевая роль в этом плане принадлежала, безусловно, совещанию представителей ведущих европейских государств (проходившей под председательством министра иностранных дел Великобритании Э. Грея), на которой развернулись ожесточенные дебаты как между двумя военно-политическими группировками — Тройственным союзом и Антантой — так и между отдельными странами. В состав участников данного форума входили — помимо Грея — А. Менсдорф (Австро-Венгрия), К. Лихновский (Германия), А. ди Сан-Джулиано (Италия), А. К. Бенкендорф (Россия) и П. Камбон (Франция). Основное внимание сторон было привлечено к таким вопросам, как политический статус и границы новообразованного Албанского государства, территориальное разграничение Македонии, государственная принадлежность Эгейских островов, а также ряд вопросов экономического характера (в частности, проблема оттоманского долга и создание международной комиссии по контролю за турецкими финансами)³⁴.

Серьезные противоречия в ходе работе конференции выявились и между союзниками. Основными узлами внутривосточных противоречий (помимо взаимоотношений государств Балканского союза с Турцией) являлись сербо-болгарские, греко-болгарские и даже отчасти сербо-черногорские отношения относительно дележа оккупированных областей.

Наиболее решительную позицию занимала греческая делегация во главе с премьер-министром Э. Венизелосом. В сферу территориальных претензий Афин входили Фракия, Эпир, южная часть Македонии, острова Эгейского и Мраморного морей, остров Кипр и западное побережье Малой Азии. Как отмечалось в письме российского посланника в Греции Е. П. Демидова на имя министра иностранных дел России С. Д. Сазонова от 21 мая 1913 г., — когда работа мирной конференции вступила в завершающую стадию, — «греческое правительство возлагает все надежды свои на Державы Тройственного Соглашения, дабы выговорить себе право защитить свой тезис перед Совещанием Послов (к участию в котором балканские представители не допускались. — *Авт.*) по столь насущным для Греции вопросам, как южно-албанское разграничение и принадлежность Эгейских островов»³⁵.

Демидов имел специальную беседу по данному вопросу с министром иностранных дел Греции Коромиласом, в ходе которой он пытался убедить своего собеседника «не медлить заключением предварительного мира». Однако позиция афинского кабинета осталась непоколебимой. Как отмечал российский дипломат, «ни опасения за целостность союза, ни утрата Грецией симпатий Держав, желающих

во что бы то ни стало скорейшего заключения мира, ни отчуждение от нее европейского общественного мнения, — не подействовали на Г. Коромиласа. Он твердо стоял на своем: Греция не может добровольно передать в полное распоряжение и ведение Держав вопросы первостепенной для нее важности. Европа вольна приступить к экзекутивным мерам против Греции, что не обойдется без затруднений и во всяком случае оправдает, в глазах страны, упорство Правительства». Об этом же заявил Демидову в ходе продолжительной беседы и сам Венизелос, подчеркнувший, что «отстраниться от столь насущных для нее интересов, как юго-албанский и эгейский, она не может, ибо «всякое Правительство в Греции сметено было бы на месте, а популярность Династии крайне скомпрометирована подобной непростительной ошибкой; в этом недостаточно отдают себе отчет в Европе»³⁶.

Особо жесткую позицию в отношении греческих требований относительно греко-албанского разграничения занимала Италия, стремившаяся не допустить чрезмерного расширения греческой территории в северном направлении, способного подставить под контроль Афин Корфский пролив. Итальянское правительство пользовалось безоговорочной поддержкой со стороны Германии. По словам статс-секретаря иностранных дел последней Г. фон Ягова, «владение Грецией всем проливом у Корфу закрывает и по мнению Германского Морского Штаба выход из Отрантского пролива», и «Берлинский Кабинет не может не поддержать в этом вопросе свою союзницу»³⁷.

В результате, после того как 30 мая 1913 г. представителям балканских государств был представлен окончательный текст мирного договора, подготовленный Греем и Камбоном и сопровождавшийся предупреждением о невозможности дальнейшего затягивания переговоров, прозвучавшим из уст председательствующего, премьер-министр Греции отказался принимать участие в его подписании, и со словами «лучше война, чем позорная капитуляция» покинул заключительное заседание конференции; а сам документ был подписан за Грецию тремя остальными членами ее делегации³⁸.

Согласно договору — закреплявшему территориально-политическое устройство на Балканах после первой Балканской войны, — Турция уступала балканским государствам всю свою европейскую часть к западу от линии Мидия-Энос, а также о. Крит; вопрос о других турецких островах в Эгейском море передавался на решение великих держав³⁹.

Данный документ не распутал — да и не мог распутать — сложный и запутанный клубок внутривалканских и околбалканских проблем, зачастую имевших глубокие исторические корни. И глав-

ной причиной последующих конфликтов явилось то обстоятельство, что ни одно из государств региона, укрепившихся политически и расширившихся территориально, тем не менее, «не охватывает всей территории, на которой проживает соответствующая нация»⁴⁰, а исчезновение с балканской сцены кровного неприятеля в лице Османской империи, служившего для них объединяющим началом, позволяло спрогнозировать будущее развитие событий.

Сербское руководство осталось неудовлетворенным достигнутыми результатами. Получить выход на Адриатическое море через албанские земли не удалось, а предусматривавшийся сербо-болгарским договором 1912 г. порядок раздела македонских земель в теперешних условиях означал территориальное соседство Болгарии с Албанией и, следовательно, возникновение еще одного объективного препятствия на пути получения косвенного выхода к морю — на этот раз через эгейский порт Салоники на основе специального сербо-греческого соглашения — в лице укрепившейся в результате войны и ориентировавшейся на государства Тройственного союза Болгарии.

Однако высшие политические и особенно военные круги страны — находившиеся под впечатлением достигнутых побед над вековым неприятелем и количеством «освобожденно-присоединенных» областей — отнюдь не собирались выполнять «территориальные» положения вышеуказанного договора. Аналогичные устремления преобладали и в софийских и афинских властных коридорах. Сильного внешнего неприятеля в лице Османской империи больше не существовало, и вместе с концом турецкого владычества в Европе пришел конец идеям балканского союза и славянской солидарности.

Уже в феврале 1913 г. сербское правительство заявило болгарскому кабинету, что оно считает необходимым пересмотреть статьи договора между двумя странами от 1912 г., в которых речь шла о территориальном разграничении. В качестве обоснования подобного требования были выдвинуты два основных довода. Во-первых, по мнению Сербии, фактическая капитуляция Сербии перед лицом военно-политического давления со стороны монархии Габсбургов в албанском вопросе автоматически возлагала на Болгарию обязанность предоставить ей соответствующие территориальные компенсации, ибо согласно вышеуказанному документу София должна была в случае сербо-австрийской войны оказать своей союзнице военное содействие силами двухсоттысячной военной группировки.

Во-вторых, официальный Белград обвинил болгарскую сторону в том, что последняя не направила свои вооруженные силы в помощь сербам, сражавшимся на македонском театре военных действий (как это предусматривалось соглашением), в то время как сама

Сербия оказала ей военное содействие при осаде Адрианополя — хотя это и не было предварительно зафиксировано на бумаге.

Болгария отвергла идею корректировки задним числом предвоенного соглашения, указав в своем ответе, что она вынесла основную тяжесть борьбы на Константинопольском фронте — сыгравшем решающую роль в капитуляции Турции. Одновременно софийское правительство выдвинуло территориальные претензии к Греции, поставив под сомнение ее права на овладение юго-восточной Македонией, а также Салониками. 9–10 мая 1913 г. между двумя сторонами произошел серьезное вооруженное столкновение у Нигрите, а вскоре после этого — в районе Кавалы. Кроме того, стали стремительно ухудшаться болгаро-румынские отношения из-за добруджанского вопроса, причем позицию болгарского правительства негласно поддерживала Австро-Венгрия.

В середине апреля 1913 г. Сербия предложила Румынии заключить формальный союз. Бухарест — находившийся в союзнических отношениях с монархией Габсбургов — отклонил эту идею, однако два месяца спустя — 10 июня — заявил, что в случае межсоюзнической войны Румыния не останется нейтральной.

Тем временем в первых числах мая греческое правительство предложило Сербии заключить отдельное соглашение, направленное против недавней союзницы, и 5 мая 1913 г. в Афинах были подписаны предварительные условия греко-сербского союзного договора. В протоколе отмечалось, что оба государства обязуются заключить двусторонний договор о дружбе и союзе, которым бы гарантировались территориальные приобретения обеих стран, а также греко-сербская граница.

Сам договор был подписан 1 июня того же года в Салониках. Его положения предусматривали совместное ведение военных действий против Болгарии в случае нападения или существования угрозы нападения с ее стороны в целях нанесения ей военного поражения и раздела Македонии между Грецией и Сербией, что на деле означало отход белградского правительства от норм болгаро-сербского договора 1912 г. Оба государства-участника договора взяли на себя обязательство оказывать друг другу всестороннюю дипломатическую поддержку. При этом греческое правительство обещало открыть для своего союзника свободную торговую зону в порту Салоники сроком на 50 лет, а также предоставить право беспрошльного провоза сербских товаров по железнодорожной линии Салоники—Скопье (Ускюб) и Салоники—Битоль (Монастырь).

Одновременно стороны заключили 14 мая двустороннюю военную конвенцию, которая предусматривала, что Сербия в случае вой-

ны с Болгарией должна была выставить армию численностью в 150000 человек, а Греция — 90000 человек. При этом единоличное — без предварительных консультаций — выступление одного из государств-участников договора против Болгарии не обязывало его союзника принимать участия в войне, но требовало от него сохранения благожелательного нейтралитета ⁴¹.

Процесс фактического распада Балканского союза встретил негативную реакцию в Санкт-Петербурге. 1 мая 1913 г. министр иностранных дел России С. Д. Сазонов призвал Сербию и Болгарию передать все спорные вопросы на верховный арбитраж своей страны — как это было предусмотрено статьей IV союзного договора. Однако и в Белграде, и в Софии не собирались идти на уступки. Болгарское правительство не видело никаких оснований для пересмотра прежних договоренностей, а сербский кабинет был не намерен садиться за стол переговоров без предварительного согласия Болгарии именно на их изменение. Скупщина Сербии приняла специальную резолюцию, в которой решительно отвергался вывод сербских войск из занятых ими македонских областей, в военных кругах страны все большее распространение приобретала идея государственного переворота — в случае, если правительство Пашича пойдет в этом вопросе на уступки болгарской стороне, а наиболее решительно настроенные члены вооруженных отрядов, действовавших в Македонии, пригрозили физически устранить главу кабинета. Что же касается Болгарии, то здесь наиболее жесткую позицию занимал генерал М. Савов, призывавший — в противовес более умеренному премьер-министру страны И. Гешову — правительство и короля Фердинанда осуществить стремительную военную операцию против Сербии и Греции и тем самым поставить Европу перед свершившимся фактом.

Стремясь во что бы то ни стало сохранить Балканский союз, Сазонов 1 июня 1913 г. направил главам правительств Болгарии, Греции, Румынии и Сербии специальные приглашения прибыть в Санкт-Петербург на многосторонние переговоры. Однако его идея оказалась реализованной лишь отчасти. Опасаясь необъективности и прософийских симпатий российского правительства, Пашич в ходе состоявшейся у него встречи со своим болгарским коллегой в Царибродо предложил организовать упомянутый форум в Салониках.

Тем временем позиции Гешова в болгарском руководстве окончательно ослабли, и 6 июня 1913 г. его кабинет подал в отставку. Новое правительство страны было сформировано 15 июня С. Даневым. В самый разгар данного внутривосточного кризиса, 8 июня, в Софии — а также в Белграде — было получено личное послание россий-

ского императора Николая II, в котором тот выражал свое удивление и озабоченность в связи с тем, что его предложение о созыве в российской столице конференции лидеров правительств четырех государств не было услышано и еще раз призвал стороны сохранить союзнические отношения и согласиться на его арбитраж, указав, что в случае, если на Балканах вспыхнет братоубийственная война, Россия оставляет для себя полную свободу действий.

Сербский король Петр Карагеоргиевич дал в целом позитивный ответ на данное обращение, хотя и подчеркнул, что требования, которые предъявит его страна в ходе намечавшихся переговоров, не могут быть ограничены нормами сербо-болгарского договора 1912 г. Что же касается болгарского монарха Фердинанда Кобурга, то он указал, что ранее уже прибегал к посредническим услугам России, и еще раз повторил, что Болгария не позволит своей вчерашней союзнице лишиться ее плодов военных побед. 25 июня 1913 г. болгарский посол в России сообщил Сазонову, что его правительство — одновременно принявшее решение отозвать своего посла из Белграда — может согласиться на российское посредничество лишь на основе соглашения 1912 г.

Данный шаг Софии встретил негативную реакцию российского кабинета, в свою очередь заявившего об отказе России от русско-болгарского договора, которым она гарантировала неприкосновенность болгарской территории, служившей яблоком раздора между Болгарией и Румынией. Это произвело определенное впечатление на болгарское руководство, и несколько дней спустя оно согласилось на посредническую роль Санкт-Петербурга без всяких предварительных условий; однако в последний момент поездка делегатов на переговоры в российской столице была отменена по инициативе Болгарии.

Следует отметить, что переговоры вокруг российского посредничества проходили в сложной внутривосточной обстановке, сложившейся не только в Болгарии, но и в Сербии. В мае депутаты от Либеральной партии подвергли резкой критике внешнюю политику старорадикального кабинета Пашича, потребовав от него занять более решительную позицию в отношении болгарских требований⁴². Спустя некоторое время, 30 июня 1913 г., на заседании скупщины депутаты-либералы прямо обвинили Пашича и его правительство в чрезмерной уступчивости в том, что касалось сербо-болгарских отношений, и одновременно осудили позицию по указанному вопросу России, которая, по их мнению, всегда покровительствовала Болгарии в ущерб Сербии⁴³.

В конечном итоге Пашичу удалось добиться согласия законодательного органа на его поездку на переговоры в российскую столицу; однако оно уже опоздало. В ночь на 30 июня 1913 г. болгарские вой-

ска осуществили нападение на сербские позиции на реке Брегалница. На стороне Сербии выступили Черногория, Греция, Румыния, а также Турция. Военные силы оказались слишком неравными, и поражение Болгарии оказалось еще более стремительным, чем военные неудачи Константинополя периода первой Балканской войны. Как и тогда, ход военных действий оказался достаточно неожиданным для европейских военно-политических кругов и общественного мнения. В военном руководстве России существовало мнение, что болгарская армия по своим характеристикам настолько превосходит вооруженные силы ее новых противников, что сможет нанести им поражение, даже действуя в одиночку. Предвидя такой исход нового столкновения на Балканах, российские правительственные сферы оказались в двойственном положении. С одной стороны, быстрая победа Болгарии могла быть выгодна для России тем, что полностью ликвидировала возможность вмешательства в конфликт Австро-Венгрии. Однако с другой стороны, чрезмерное укрепление позиций Болгарии вызывала серьезные опасения в Санкт-Петербурге, не имевшем особых оснований доверять Фердинанду. В этих условиях Николай II и министр иностранных дел России Сазонов оказали радушный прием прибывшему в столицу греческому принцу Николаю, имевшему поручение заручиться согласием России предпринять дипломатические шаги в Бухаресте с тем, чтобы подтолкнуть Румынию к скорейшему вступлению в войну на сербо-греческой стороне. Более того, российский и румынский монархи обменялись личными посланиями, в которых заверили друг друга в общности и интересах двух стран (рассчитывая оказанием содействия Румынии содействовать изменению ее внешнеполитической ориентации). Одновременно российское правительство отклонило просьбу о помощи, поступившую из Софии.

В результате военных действий турецкие войска вновь заняли Адрианополь, а также часть Фракии, румынская армия — начавшая боевые действия несколько позже других членов антиболгарской коалиции — воспользовалась тем обстоятельством, что болгарское военное командование не ожидало нападения с севера и держало на болгаро-румынской границе незначительные гарнизоны, практически беспрепятственно продвинулась на софийском направлении, создав непосредственную угрозу Софии⁴⁴, а сербские части нанесли болгарам тяжелое поражение на реке Брегалница. Что же касается ближайшей сербской союзницы — Черногории, — то ее правительство без колебаний откликнулось на призыв Белграда и направило в помощь сербским войскам Дечанский отряд черногорской армии под командованием генерал Вукотича, насчитывавший около 13000 че-

людей личного состава. 10 июля 1913 г. было обнародовано заявление короля Николы об объявлении войны Болгарии. Обращаясь к черногорским частям, направлявшимся на македонский фронт, он призвал их совместно с сербскими братьями исполнить свой долг «по защите наших сербских интересов», а остальных черногорцев — быть готовыми исполнить свой долг «по отношению к Отечеству и сербству»⁴⁵. Однако у черногорского руководства существовали и конкретные цели, оправдывавшие участие страны во второй Балканской войне. Оказывая вооруженную поддержку Сербии, они рассчитывали впоследствии получить от нее определенные территориальные компенсации в ходе сербо-черногорского разграничения в Ново-Пазарском санджаке, а также в Метохии.

15 июля 1913 г. кабинет Данева подал в отставку, и 20 июля Болгария передала союзникам просьбу о перемирии, которая была принята победителями не в последнюю очередь благодаря настоятельным советам России.

В ходе мирных переговоров, проходивших в Бухаресте, основным камнем преткновения стало определение направления сербо-болгарской границы в том, что касалось территорий, лежавших на левом берегу реки Вардар с городами Штип, Кочаны и Струмица, а также греко-болгарского разграничения во Фракии. В конечном итоге Болгарии (при поддержке Санкт-Петербурга, не желавшего чрезмерного ее ослабления) удалось отстоять Струмицу.

Мирный договор был подписан в Бухаресте 10 августа 1913 г. Условия данного документа оказались крайне невыгодными для Болгарии. К Румынии отошла Южная Добруджа. Болгария обязывалась в двухлетний срок нейтрализовать существующие военные крепости и не возводить новые на румыно-болгарской границе. Освобожденная от турецкого господства Македония была разделена между Грецией (Эгейская Македония с портами Салоники и Кавала), Сербией (Вардарская Македония) и Болгарией (Пиринский край)⁴⁶. Взаимоотношения между Болгарией и Турцией нашли свое выражение в Константинопольском мирном договоре, подписанном 29 сентября 1913 г. Турция вступила в войну против Болгарии 21 июля и вскоре захватила Восточную Фракию. Согласно данному документу, граница во Фракии, определенная Лондонским договором по линии Энос–Мидия, ликвидировалась. От Болгарии отходила Восточная Фракия с Лозенградом (Кирк-Килиссе), Люле-Бургасом и Адрианополем (совр. Эдирне). За ней оставалась часть Западной Фракии с поселками Дедеагач и Порто-Лагос на берегу Эгейского моря. Таким образом, хотя Болгария и сохранила выход к Эгейскому морю, у нее не осталось ни одного более или менее значительного порта.

Кроме того, стороны достигли договоренности о восстановлении дипломатических отношений⁴⁷.

Данный договор фактически подвел черту под продолжавшимся почти год балканским кризисом, в связи с чем становится понятной позитивная оценка самого факта его появления, содержащаяся в передовой статье швейцарской газеты «Тан», которая указывала, что, оставляя в стороне вопрос о справедливости конкретных положений договора для подписавших его сторон, все же следует приветствовать его заключение, так как им ликвидировался длительный период «балканской смуты», представлявший собой постоянную угрозу для мира и спокойствия в Европе⁴⁸.

Вторая Балканская война и ее итоги были неоднозначно встречены правящими кругами и общественным мнением России. Газета «Новое время» отмечала, что, несмотря на несовершенство отдельных положений Бухарестского договора и на неудовлетворенность им внешнеполитических ведомств ряда государств, нельзя не признать целесообразным и спасительным для всей Европы и для самих балканских народов отказ европейской дипломатии от немедленного пересмотра его положений⁴⁹. «Свет» в передовой статье, озаглавленной «Великая Румыния и ее вассалы», проанализировав изменившееся в результате второй Балканской войны военно-политическое положение Румынии и Турции, указал на необходимость добиться полного ухода последней из пределов Фракии⁵⁰. Более решительную позицию заняла газета «Современное слово», отмечавшая, что в Бухаресте пострадали интересы не только Болгарии; ибо Бухарестский мирный договор представлял собой акт «чрезмерного умаления и унижения», помимо Болгарии, также и всей Европы⁵¹. Одновременно ряд российских газет, в частности, «Современное слово» и «Речь», подчеркивали, что межсоюзническая война представляла собой дипломатическое поражение России, покровительствовавшей славянским государствам Балканского полуострова, и на основании этого охарактеризовали Бухарестский мир как результат ослабления позиций Санкт-Петербурга на международной арене, неуклонно происходившего на протяжении всего периода после неудачной русско-японской войны 1904–1905 гг.⁵². «Современное слово» указывало, что урегулировать спорные вопросы во взаимоотношениях балканских государств не удалось. Балканы, по мнению газеты, были далеки от полного успокоения⁵³.

Отрицательную оценку итогам последних балканских событий дал и большевистский орган — газета «Рабочая правда», — указавшая, что ни одна из первоначальных целей войны не была достигнута, Македония оказалась не освобожденной, а вновь поделенной на не-

сколько частей и подчиненной чужому господству, а Сербия как была, так и осталась без выхода к Адриатическому морю. Газета подчеркивала: «Освободившись от турок, — говорит балканская буржуазия, — мы раз навсегда обеспечим мир на Балканах. И это оказалось ложью. Разорвав на части Македонию и получив австрийскую Албанию, балканские правительства создали два постоянных источника всяческих внутренних осложнений и постоянный предлог для иностранного вмешательства»⁵⁴.

Однако в целом можно констатировать, что комплексные результаты Балканских войн несли для России как плюсы, так и минусы. К первым можно отнести значительное усиление Сербии и создание единого территориального барьера в лице Сербии, Черногории и Греции на пути австрийской экспансии к югу, сохранение за Турцией устойчивого контроля над Проливами при одновременном ее военно-политическом ослаблении, а также укрепление проантантовских настроений в усилившейся территориально Румынии. Несомненным минусом стал распад Балканского союза и резкий всплеск сербо-болгарских взаимных территориальных претензий, открывавших широкий простор для интриг и вмешательства государств Тройственного союза. Глава МИД Сазонов сразу же по итогам Балканских войн сделал неутешительный для России вывод, что в случае глобального общеевропейского конфликта Болгария, скорее всего, «окажется в австро-германском лагере»⁵⁵.

Следует также отметить, что, хотя в целом европейская общественность и политические круги выступили с осуждением Болгарии, развязавшей вторую Балканскую войну, тем не менее, по адресу Сербии и Греции также раздавались серьезные обвинения в преднамеренной провокации и нежелании путем переговоров урегулировать существовавшие между недавними союзниками спорные вопросы. Глава Генерального штаба австро-венгерской армии генерал Конрад фон Гетцендорф подчеркивал, что Бухарестским мирным договором Болгария пожала все плоды противоречивого Балканского союза, и лишь монархии Габсбургов, неудовлетворенной его положениями, удалось добиться определенной корректировки текста документа в пользу Болгарии⁵⁶. Рихард фон Мах, являвшийся признанным специалистом в балканских делах, прямо указал, что нападение болгарской армии на Сербию явилось логическим следствием нарушения Белградом сербо-болгарского союзного договора 1912 г.⁵⁷ По словам английского посла в России Дж. Бьюкенена, «начало второй Балканской войны создало совершенно новое положение и показало уже не в первый раз, как мало в Софии и Белграде считались с приказами из Петербурга. Опьяненные свои-

ми победами и страдая острой формой мании величия, все балканские союзники были намерены удержать в своих руках все области, которые их армии захватили у Турции»⁵⁸. По свидетельству английского дипломата, греческий принц Николай во время своего пребывания в Санкт-Петербурге уговаривал его убедить английское правительство попытаться, используя свое влияние, вовлечь в войну, которую он считал неизбежной, Румынию и Турцию. Это дало основания Бьюкенену сделать вывод о том, что «то обстоятельство, что Греция, которая в первой Балканской войне играла бы очень печальную роль, если бы Болгария не победила турок, была готова призвать старого врага балканских христиан против своего прежнего союзника, выявляет общий дух беззастенчивой жажды захватов, который вызвал вторую Балканскую войну»⁵⁹.

Таким образом, с наибольшими территориальными приобретениями из двух войн вышли Сербия и Греция. Первая сохранила за собой все территории, занятые ею в ходе первой Балканской войны (в том числе, естественно, и вопреки положениям сербо-болгарского договора), Греция получила Кавалу и расширила свои границы на восток вплоть до устья реки Нестос, а ее население увеличилось более чем в полтора раза — с 2,7 до 4,6 миллиона человек. Кроме того, за Румынией закреплялась Южная Добруджа с городом Силистрия⁶⁰.

2 сентября 1913 г. король Никола лично приветствовал в Колашине части черногорской армии, принимавшие участие в боях. Потери Дечанского отряда составили около 950 человек, а вопросы сербо-черногорского разграничения стали предметом отдельных переговоров между двумя странами⁶¹.

Что же касается отдельного сербо-турецкого мирного договора, то он, после долгих и трудных переговоров — не раз находившихся на грани срыва — был подписан в Константинополе 14 марта 1914 г. и предусматривал восстановление дипломатических отношений между двумя государствами, прерванных с началом первой Балканской войны⁶².

Балканские войны нанесли серьезный удар по экономике всех участвовавших в них государств. По оценкам австро-венгерских финансовых экспертов, обе войны обошлись балканским странам в общей сложности в 3 миллиарда франков, причем на долю отдельно взятых государств пришлись следующие затраты и потери: Турция — 900 миллионов франков, Болгария — 670, Сербия — 450, Греция — 380, Румыния — 250 и Черногория — 50 миллионов франков⁶³.

Кроме того, они поставили перед балканскими государствами целый ряд вопросов, осложнявших их взаимоотношения, а также

общую международную ситуацию в Европе, и требовавших к себе постоянного пристального внимания. Помимо уже упоминавшейся албанской проблемы, особое место в этом плане занимал македонский вопрос. Данная область после освобождения из-под власти Турции оказалась фактически поделенной между союзниками, что было в конечном итоге закреплено Бухарестским договором. При этом каждая из сторон рассчитывала на будущее увеличение своей доли, используя для обоснования своих претензий исторические, этнографические, политические и иные аргументы, — зачастую трактовавшиеся весьма произвольно.

О том, какие последствия данная ситуация имела для населения Македонии, может свидетельствовать — в качестве лишь одного из примеров — массовая эмиграция греческого и мусульманского населения из тех ее областей, которые первоначально были заняты греческими войсками, а впоследствии отошли к Болгарии. Общее число переселившихся в Грецию выходцев из Македонии уже к концу августа 1913 г. составило 150000 человек. Данная эмиграция имела под собой две основные причины. Во-первых, она объяснялась испытывавшимся переселенцами страхом перед болгарскими властями и нежеланием находиться под юрисдикцией Болгарии (это прежде всего относилось к греческому населению Македонии). С другой стороны, греческие власти сами сознательно создавали объективные условия, толкавшие население на подобный шаг, прилагая немалые усилия к разжиганию антиболгарских настроений среди мусульман. В этих целях они прибегали и к насильственным методам, сжигая целые турецкие села вместе с собранным урожаем. Большое количество сожженных греками сел находилось, в частности, в окрестностях Струмицы и Неврокопа. Что же касается лиц, уже переселившихся в Грецию, то им запрещалось возвращаться на прежние места проживания.

Данной политикой греческое правительство преследовало одновременно несколько целей, начиная с увеличения собственного населения и заканчивая созданием препятствий для экономического и политического развития Болгарии, лишавшейся значительной части трудовых ресурсов, а также компрометацией болгарских властей в глазах европейского общественного мнения при параллельном росте симпатий к Греции ⁶⁴.

Подобная картина была в целом характерной для политики всех трех заинтересованных балканских государств в македонском вопросе. Кроме того, ситуация осложнялась тем, что в данной области продолжали действовать местные революционные организации и вооруженные формирования, боровшиеся за создание единого македонского государства ⁶⁵.

Две кровопролитные войны завершились. Балканы стояли на пороге новых конфликтов вокруг передела «земельной собственности»...

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 195.
- 2 Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив (ПА). Оп. 482. Д. 2084. Л. 550–551.
- 3 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 582.
- 4 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 588.
- 5 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 592.
- 6 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 607.
- 7 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2084. Л. 612.
- 8 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- 9 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 80.
- 10 Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914. Књ. V. Све-ска 2. Београд, 1985. С. 873–874.
- 11 Mantegazza V. L'Albania. Bontempelli & Invernizzi editori. Roma, 1912. P. 262.
- 12 Первый выстрел первой Балканской войны был произведен с черногорских артиллерийских позиций в районе Подгорицы.
- 13 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 79–80.
- 14 Уже в ходе войны черногорская армия пополнилась за счет сербов, проживавших на освобожденных территориях, а также 4500 добровольцев, прибывших из югославянских областей Австро-Венгрии, и вернувшихся в страну черногорских рабочих. Кроме того, к концу 1912 г. Черногория закупила в Германии 50 пулеметов. — Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 248.
- 15 История на България. С., 1981. Т. II. С. 260.
- 16 Впоследствии Арсен Карагеоргиевич вместе со своей дивизией отличился в боях под Куманово, Битолю (первая Балканская война) и на реке Брегалница (вторая Балканская война), а в годы Первой мировой войны воевал на польском фронте, особо отличившись в сражениях под Варшавой и Ригой. — Политика, 1938, 20 окт.
- 17 Peacock W. Albania. The Foundling State of Europe. Chapman & Hall, Ltd. London, 1914. P. 34.
- 18 Подробнее см.: *Војводић М.* Скадарска криза 1913. године. Београд, 1970; *Tharaud J. et J.* La Bataille à Scutari d'Albanie. Emile-Paul frères, editeurs. Paris, 1913. P. 8.
- 19 *Facin Domenico P.* I frati minori e le suore stimate durante l'assedio di Scutari del 1912–1913. Quaracchi presso firenze, 1913. P. 89.
- 20 *Vickers M.* The Albanians. A Modern History. I. B. Tauris. London, New York, 1995. P. 71–72.

- 21 Записи. 1935, апрел. С. 240.
- 22 *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 125–126.
- 23 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгресса до ујединења 1878–1918. Београд, 1983. С. 191.
- 24 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгресса до ујединења 1878–1918. Београд, 1983. С. 250.
- 25 При этом изложение первого пункта сопровождалось примечанием, что «если это условие не будет принято, Черногория готова ринуться на Австрию и предпочитает погибнуть в неравном бою, лишь бы не лишиться плодов своих побед» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 124).
- 26 *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. М., 1992. Кн. 2. С. 126. Что же касается оказания Россией Черногории столь необходимой ей продовольственной помощи, то уже в начале 1913 г. Черногория получила от России в качестве личного подарка от императора Николая II 10000 тонн пшеницы и муки (*Јовановић Р.* Црногорско-руски политички односи 1711–1917 // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 43).
- 27 Глас Црногорца. 1913, 26. фебруара.
- 28 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгресса до ујединења 1878–1918. Београд, 1983. С. 251.
- 29 Цит. по: Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгресса конгресса до ујединења 1878–1918. Београд, 1983. С. 251.
- 30 Albanien. Vandenhoeck & Ruprecht in Göttingen. Göttingen, 1993. S. 35.
- 31 Глас Црногорца. 1913. 8 маја.
- 32 Глас Црногорца. 1913. 10 маја.
- 33 Први балкански рат. Београд, 1960. Књ. 3. С. 405–408.
- 34 Подробнее см.: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985.
- 35 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2089. Л. 24.
- 36 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2089. Л. 24.
- 37 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2089. Л. 53.
- 38 Цит. по: *Писарев Ю. А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1985. С. 156–157.
- 39 *Стефанова С.* Международни актове и договори, 1648–1918. С., 1958. С. 327.
- 40 Манчев К. Великите сили и националният въпрос на Балканите между двете световни войни // Великите сили и Балканите в ново и най-ново време. София, 1985. С. 190.
- 41 *Ключников Ю. В., Сабанин А. В.* Международная политика. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 366–368.
- 42 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 183.

- 43 Данные заявления были сделаны еще до получения сообщения о нападении болгарской армии на сербские передовые посты на Овчем поле, которое, в свою очередь, придало им дополнительный вес и привело к еще большему обострению прений (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 240).
- 44 История Румынии нового и новейшего времени. М., 1964. С. 121–122.
- 45 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгресса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 191.
- 46 Стефанова С. Международни актове и договори, 1648–1918. Софија, 1958. С. 330–332.
- 47 Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. М., 1925. Ч. 1. С. 373–375.
- 48 Temps. 1913. 20 sept.
- 49 Новое время. 1913. 15 авг.
- 50 Свет. 1913. 15 авг.
- 51 Современное слово. 1913. 15 авг.
- 52 Современное слово. 1913. 16 авг.; Речь. 1913. 16 авг.
- 53 Современное слово. 1913. 13 сент.
- 54 Рабочая правда. 1913. 27 июля.
- 55 История внешней политики России. Конец XIX — начало XX века. М., «Международные отношения», 1997. С. 345.
- 56 Ostrymiac A. U. v. Conrad von Hotzendorf. Soldat und Mensch. Graz, Leipzig, Wien, 1938. S. 203–204.
- 57 Mach R. v. Aus bewegter Balkanzeit, 1879–1918. Berlin, 1918. S. 179–180.
- 58 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 108.
- 59 Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. М., 1991. С. 109. Подобная метаморфоза была для европейского общественного мнения тем более показательной, что в период первой Балканской войны, в частности, отдельная сербская армия под командованием генерала (а позднее — воеводы С. Степановича) отвечала за осуществление непосредственной координации действий сербских и болгарских вооруженных сил (Политика. 1939. 28 апр.).
- В этой связи заслуживает быть отмеченным мнение российского поверенного в делах в Черногории Н. А. Обнорского, изложенное им в донесении от 30 июня 1913 г., в котором дипломат, анализируя перспективы российско-черногорского военного сотрудничества, подробно излагал свои соображения относительно принципов взаимоотношений России со своими балканскими союзниками, в том числе с Черногорией. Он указывал, что Россия на собственном горьком опыте последних лет убедилась в том, насколько можно придавать веры заявлениям как самого черногорского короля, так и «прочих, более или менее случайных руководителей ее политики». Безусловно, продолжал автор, российское правительство в целом могло рассчитывать на координацию своих дипломатических усилий с союзными балканскими государствами, однако нельзя сбрасывать со счета тот факт, что «если балканские славяне и являются солидарными с Россией в основных чертах своей внешней политики, то в отдельных ее задачах они, как государства

молодые и еще далеко не завершившие своего естественного развития, долго еще будут склонны ко всякого рода политическим авантюрам и, следовательно, уклонениям от твердого курса славянской политики, руководимой Россией».

Вот почему всякие политические и в особенности военно-политические соглашения между нашим великим, уже давно сложившимся и ведущим мировую политику отечеством и еще развивающимися отдельными славянскими государствами на Балканах представляются, по моему скромному мнению, весьма для нас неудобными и едва ли целесообразными.

Установившийся среди хорошо сложившихся культурных наций принцип международной этики по отношению к договорам, формулированный в свое время одним из величайших исторических народов — римлянами — «*pacta servanda sunt*» (договоры должны соблюдаться. — *Авт.*), — по-видимому, долго еще будет чужд культурно слабым и не особенно твердым в морали народам Балканского полуострова.

Убедительной иллюстрацией того, как балканские государства и руководители их политики расправляются с заключаемыми ими договорами, является, помимо интересующего нас в данном случае примера Черногории, и пример Сербии, открыто отрицающей силу бесспорного союзного договора, столь недавно заключенного ею с Болгарией (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3341. Л. 27).

- 60 О второй Балканской войне подробнее см.: *Белић А.* Срби и Бугари у Балканском савезу и међусобном рату. Београд, 1913; *Гиргинов А.* Народната катастрофа, Войните 1912–1913. София, 1926; *Лазаревић М.* Други балкански рат. Београд, 1955; *Скоко С.* Други балкански рат 1913. Београд, 1968.
- 61 Подробнее см.: *Божовић В.* Црна Гора у Другом балканском рату са Бугарском 1913. Београд, 1932.
- 62 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 75–91.
- 63 АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1914. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.
- 64 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 134. Л. 53–54.
- 65 Подробнее см.: *Стојанов П.* Македонија во политиката на големите сили во времето на Балканските војни 1912–1913. Скопје, 1979.

СЕРБИЯ ПЕРЕД ПОКУШЕНИЕМ НА ЭРЦГЕРЦОГА ФРАНЦА-ФЕРДИНАНДА

Сербия торжественно отмечала победу в Балканских войнах. 10 августа 1913 г. в честь победы в столице королевства был произведен салют 101-м орудийным выстрелом. Однако главные торжества состоялись на следующий день. 11 августа в Соборной церкви в Белграде был отслужен молебен в присутствии короля и королевицы Георгия, всех министров, высших военных и гражданских должностных лиц, а также всех членов российской миссии в Белграде и греческого и румынского посланников. В тот же день был обнародован указ монарха, в котором он высоко оценил героические подвиги сербской армии, выразил искренние соболезнования родным погибших и дал обещание осуществить в самое ближайшее время массовую демобилизацию¹.

Итоги Балканских войн оказались в целом благоприятными для Сербии. Ее территория увеличилась с 48,3 до 95 тыс. кв. км, а население — с 2912 до 4444 тысяч человек². В ее состав по Бухарестскому мирному договору были включены важные в стратегическом отношении и выгодные с точки зрения хозяйственного использования земли в Македонии и Старой Сербии. Значительно вырос международный авторитет Сербии и особенно ее армии — прежде всего, в глазах других югославянских народов.

Однако войны легли тяжелым бременем на все стороны экономической и политической жизни Сербии. По оценкам австро-венгерских финансовых экспертов, они стоила сербской экономике 450 миллионов франков³. Ее потери в живой силе только за период первой Балканской войны составили 22000 человек убитыми. Мобилизация 402000 человек означала сильнейший удар по ее экономике; совокупный национальный доход страны, составлявший перед войной около одного миллиарда франков в год, уменьшился приблизительно в два раза. Расходы на содержание армии и вооружение составили 590 миллионов франков. Государственный бюджет страны, составлявший 130 миллионов, остался непокрытым более чем наполовину вследствие того, что экспорт фактически был прекращен, а стоимость ввозимых товаров увеличилась в два раза вследствие военных поставок. При этом необходимо принять во внимание в целом недостаточно развитое промышленное производство и упадок сельского хозяйства вследствие значительных людских по-

теперь, что делает понятным отсутствие в Сербии реальных условий для быстрого восстановления экономического потенциала страны. В целом же общая цена Балканских войн для Сербии в денежном выражении составила около одного миллиарда франков ⁴.

Чреватым международными осложнениями являлся вопрос о сербо-албанской границе. Австро-венгерская дипломатия выдвинула требование о присоединении к Албании Дьяковского и Дибрского округов, глава правительства Никола Пашич заявил в ответ: «Ни армия, ни сербский народ никогда не согласятся очистить земли, занятые ценой неисчислимо тяжелых жертв, и ни одно правительство не в силах будет противиться патриотическому народному движению». Одновременно российский посланник в Сербии Н. Г. Гартвиг сообщал 8 февраля 1913 г. из Белграда, что и в сербской армии, и в политических кругах все более проявляется недовольство правительством Пашича из-за его уступчивости, в связи с чем, по мнению российского дипломата, удержаться у власти оно может лишь при условии благоприятного для Сербии разрешения сербо-албанского пограничного вопроса. В противном случае, по его наблюдениям, существовала вероятность возникновения в стране серьезных внутривнутриполитических осложнений и перехода власти от радикалов к военной партии, которая будет вооруженными методами бороться против реализации постановлений Конференции, идущих, по мнению ее представителей, вразрез с сербскими национальными волеизъявлениями ⁵.

В соответствии с постановлениями Лондонской конференции представители великих держав обратились к правительствам балканских государств с коллективным обращением, в котором подчеркивалась необходимость принятия ими всех надлежащих мер к ограждению прав и интересов национальных меньшинств в присоединенных к ним новых областях, — что прямо относилось к Сербии, в новых границах которой проживало несколько сот тысяч албанцев. В том, что касается Сербии, дипломатические представители великих держав в Белграде сделали 17 августа 1913 г. официальные представления в вышеуказанном смысле, а также особо подчеркнули факт продолжавшегося нахождения сербских войск на албанской территории, вопреки соответствующим постановлениям Лондонской конференции. В ответ Пашич в циркулярной ноте, направленной европейским правительствам, а также в личных объяснениях по этому вопросу с их дипломатами указал на беспочвенность подобных требований по отношению к его стране, так как Сербия уважает все положения Берлинского трактата, касающиеся прав национальных меньшинств и вероисповедальных групп, а кроме того,

в стране действует «одна из самых либеральных в мире» конституций, которая обеспечивает в полном объеме политические и иные права всех граждан несербской национальности, при условии соблюдения ими законов страны⁶. Он сперва заверил иностранных представителей, что сербские войска уже покинули Албанию, но затем последовало разъяснение, что данная операция еще не завершена, так как ее осуществление требует определенного времени⁷.

Вывод из Северной Албании остававшихся там сербских войск явно затягивался. На неоднократные благожелательные указания со стороны России сербское руководство отвечало уклончиво, оправдывая свои действия постоянными грабежами и другими насильственными акциями со стороны самих албанцев, подстрекаемых Австро-Венгрией, и невозможностью обеспечить полноценную защиту сербской территории вследствие включения в состав Албании на Лондонской конференции важных стратегических пунктов, защищающих горные проходы. Высказывавшиеся в ответ представителями России доводы о желательности, в интересах самой Сербии, избегать обострения отношений с Австро-Венгрией встречали со стороны сербских официальных лиц указания на отсутствие в Сербии всякого страха перед соседней монархией, а в ответ на напоминание о том, что зимой 1913 г. та не начала военные действия против Сербии в первую очередь благодаря позиции, занятой Россией, Спалайкович упорно утверждал, что и ныне Австро-Венгрия не предпримет никаких решительных действий, «упустив слишком много удобных случаев причинить серьезный вред Сербии во время Балканского кризиса»⁸.

На экстренном заседании Совета министров было принято решение о частичном отводе сербских войск с албанской территории (в том числе и из Ороши), с сохранением, однако, позиций, преграждавших албанцам доступ на сербскую территорию, вплоть до нормализации положения внутри Албании. По окончании заседания Спалайкович встретился с Штрандтманом и на его замечание о возможности для Сербии защитить свои границы и со своей территории вдоль намеченной сербо-албанской пограничной линии возразил, что «ключи проходов, ведущих в Сербию, лежат в Албании»⁹.

Однако после дополнительных консультаций с итальянским поверенным в делах, убедившись в реальности возникновения серьезных осложнений в случае отказа Сербии считаться с требованиями европейского сообщества, Спалайкович признал желательность для своей страны полного освобождения албанской территории и пообещал вновь обсудить этот вопрос на заседании Совета министров. После указанного обсуждения Пашич обратился к Штрандтману

с просьбой довести до сведения министерства иностранных дел России следующее заявление кабинета: «Сербское правительство, желая, в согласии с дружественными указаниями России, избежать нареkania со стороны держав, выражает готовность отозвать свои войска из Албании, в каковом смысле завтра будут отданы соответствующие приказания. Вместе с тем оно, однако, не может еще раз не отметить то состояние анархии, которое ныне царит в Албании и следствием коего, по всей вероятности, явится возникновение новых беспорядков с уходом сербских войск, а равно вынуждено предвидеть необходимость для последних, в видах обеспечения сербской окраины от нападений, принимать и в будущем обусловливаемые обстоятельствами меры»¹⁰.

Тем не менее, сообщив о принятом на заседании кабинета решении, Спалайкович еще раз повторил оговорку о неизбежном, по мнению сербского правительства, возникновении новых беспорядков в Албании и о вероятном новом занятии сербскими войсками тех же позиций, что позволяло реально оценить отношение Пашича к принятому им же самим решению.

Однако внешнеполитические планы сербского правительства распространялись не только на Люмский округ. Управляющий Министерством иностранных дел в своих беседах со Штрандтманом постоянно возвращался к вопросу о Люмском округе и Охридском озере, которое державами было частично присуждено Албании. В ответ товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов телеграфировал о незыблемости установленной великими державами пограничной линии, пересекающей озеро от деревни Лин до монастыря Св. Наума. Спалайкович в ответ твердил о «гибельных последствиях» доведения албанской границы до Охридского озера, которое таким образом будет служить исключительно удобным местом для совершения албанцами всякого рода разбоев»¹¹. Он намекал на готовящееся албанским населением прилегающих к сербо-албанской границе округов, а также Ново-Пазарского санджака, антисербское восстание¹².

Действительно, 20 сентября 1913 г. албанские вооруженные отряды пересекли намеченную Лондонскими соглашениями сербо-албанскую границу в направлении Дибры с тем, чтобы оказать поддержку местным албанским повстанцам. Находившиеся на границе гарнизоны понесли серьезные потери и были вынуждены отступить. 22 сентября Дибра — город с пятнадцатитысячным населением — был занят шеститысячным албанским отрядом, а сербские силы численностью в две роты отступили к Кичеву¹³. В тот же день Совет министров Сербии издал распоряжение о дополнительной мобили-

зации резервистов и направлении практически всех находившихся в Южной Сербии сербских войск к Дибре, а также для занятия стратегических пунктов на албанской территории. По словам военного министра М. Божановича, имевшего встречу со Штрандтманом, обстановка в районе боевых действий сложилась весьма серьезная, и она может потребовать новой крупномасштабной экспедиции в Северную Албанию. Он, также как и ранее Спалайкович, выразил уверенность в том, что Австро-Венгрия воздержится от каких-либо враждебных в отношении Сербии шагов, также как и ослабленная недавней войной Болгария¹⁴.

Албанские отряды были остановлены у села Маврово прибывшими сюда сербскими войсками, а затем вытеснены за пределы королевства. Аналогичные попытки вторжения были предприняты в районе Охридского озера и по направлению к Призрену и Дьяково, однако задействованные в них албанские формирования также были остановлены, а затем вытеснены на территорию Албании превосходившими их по численности сербскими силами. Тем не менее потери сербской армии оказались значительными, вследствие высокой технической оснащенности албанских отрядов, имевших на своем вооружении артиллерию и пулеметы. По мнению сербского правительства, в подготовке вооруженных албанских выступлений принимали участие представители ряда иностранных государств, в первую очередь, Австро-Венгрии и Болгарии, о чем свидетельствовали перехваченные сербскими представителями зашифрованные телеграммы, направлявшиеся болгарскими офицерами, находившимися в Албании (в частности в Дурресе).

В беседе с представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства Сватковским, состоявшейся в Вене 4 октября 1913 г., Пашич следующим образом недвусмысленно резюмировал позицию своего правительства в отношении событий на сербо-албанской границе: «Во всяком случае стратегические пункты мы займем, а там увидим»¹⁵.

Помимо негативной реакции в правительственных кругах великих держав, в первую очередь в Австро-Венгрии, резкое обострение ситуации на сербо-албанской границе вызвало новую волну критики в адрес Сербии на страницах европейской, прежде всего, австро-венгерской и германской, печати. По словам центрального органа австрийской Христианско-социальной партии, газеты «Райхспост», «порядки на сербо-албанской границе царят возмутительные, если великие державы не заступятся заблаговременно за неприкосновенность Албанского государства, то кровопролитие примет угрожающие размеры. Ведь нельзя же признать уничтожение албанцев сербами

за нормальный порядок в Албании»¹⁶. Через несколько дней, в номере от 27 сентября 1913 г., тот же печатный орган еще раз привлек внимание своих читателей к проблеме сербо-албанских отношений, подчеркнув, что «во вновь завоеванных сербами областях господствует небывалое и возмутительное отношение к католическому населению»¹⁷. По мнению газеты, которое имело достаточно широкое распространение в общественных и политических кругах Австро-Венгрии, сербское правительство стремилось заключить соглашение с Ватиканом исключительно в целях борьбы с австро-венгерским покровительством по отношению к католическому населению присоединенных к королевству областей¹⁸.

По мере развития кризиса на сербо-албанской границе, в Белград стали поступать неблагоприятные для Сербии известия из соседней Болгарии, где была проведена частичная мобилизация, повышена боеготовность войск, находящихся на сербо-болгарской границе, а также активизирована деятельность болгарских агитаторов среди населения Македонии, которое предупреждалось о вероятном новом вооруженном столкновении двух государств и побуждалось к восстанию в случае появления болгарских войск на территории Сербии. В результате сербское правительство было вынуждено, предвидя выступления протеста в присоединенных к стране областях, помимо направления подкреплений на сербо-албанскую границу, еще больше увеличить количество мобилизованных воинских частей и разместить отдельную дивизию на оборонительных позициях на Овчем Поле, приведя в полную боевую готовность в общей сложности более 75000 человек¹⁹.

В то же время значительно усилились антисербские настроения в Турции, на что сербскому поверенному в делах в Берлине указал германский имперский канцлер Т. Бетман-Гольвег, еще раз настоятельно посоветовавший Белграду не вмешиваться в албанские дела²⁰.

В самой Сербии, в связи с вышеуказанными событиями, общественное мнение и политические круги пришли в сильное возбуждение и призвали правительство предпринять самые решительные меры против албанцев, что привело к возникновению серьезного внутривластного кризиса. Представители оппозиции в скупшине потребовали от кабинета Пашича представить всесторонний отчет о своей деятельности и наказать тех должностных лиц, по вине которых безопасность государства была поставлена под угрозу. Правительство нашло, однако, возможным возложить всю ответственность за кризис на бывшего ближайшего помощника воеводы Путника генерала Ж. Мишича, будто бы нерационально разместившего гарнизоны вдоль сербо-албанской границы²¹. Король Петр

издал указ о его увольнении, что, в свою очередь, вызвало новую волну протестов и нападков на кабинет Пашича ²².

В самом сербском правительстве существовали два взгляда на стоявшие перед страной насущные задачи. С одной стороны, оно понимало необходимость использовать мирную передышку, наступившую после двух Балканских войн, для того, чтобы организовать административное управление, судебные власти, пограничную и иные службы в присоединенных к Сербии областях, а с другой стороны, — и этот взгляд превалировал, — существовало твердое убеждение в том, что «Австро-Венгрия и Италия не дадут порядку водвориться в Албании, и что, следовательно, необходимо теперь же добиваться исправления установленной на Лондонской конференции послов, невыгодной для Сербии в стратегическом и экономическом отношении, границы» ²³.

Тем временем итальянский поверенный в делах в Сербии, по поручению маркиза А. ди Сан-Джулиано, передал сербскому правительству настоятельное требование итальянского кабинета соблюдать крайнюю осмотрительность в албанских делах, ибо военная партия в Австро-Венгрии оказывает энергичное давление на свое правительство с целью побудить его предпринять решительные действия против Сербии. Аналогичные советы сербское руководство получило и от Германии. Бетман-Гольвег заявил сербскому поверенному в делах в этой стране, что Австро-Венгрия ищет удобный повод для вмешательства в балканские дела, и что Россия в данных условиях не окажет поддержку сербским устремлениям ²⁴.

В это время российский поверенный в делах в Сербии Штрандтман передал в МИД России изложение той программы, которую кабинет Пашича решил взять на вооружение в албанском вопросе.

По его сведениям, сербское правительство пришло к выводу о возможности использования внутренних неурядиц в Албании в целях разрешения двух задач: добиться пересмотра в свою пользу пограничной сербо-албанской линии, намеченной решениями Лондонского совещания послов великих держав, и содействовать приходу к власти в Албании правительства, не находящегося под влиянием Австро-Венгрии и проявляющего дружественное расположение по отношению к Сербии. В этой связи оно решило оказать посильное содействие Эссад-паше, боровшемуся против Влерского правительства, поставив условием получение Сербией, в случае его прихода к власти, соответствующего увеличения сербской территории.

Штрандтман обратил внимание Спалайковича на серьезные негативные последствия, с которыми неминуемо столкнется его страна в случае осуществления указанного плана, ибо великие державы

единодушно и решительно выступят против подобной политики. В ответ управляющий сербского министерства иностранных дел принялся убеждать российского дипломата, что «страна не должна довольствоваться Лондонской Границей, которую Австрия создала для того, чтобы Сербия не могла приступить к мирному развитию своих сил»²⁵.

Информация о состоявшейся беседе была немедленно доведена Штрандтманом до сведения российского внешнеполитического ведомства. Товарищ министра иностранных дел Нератов в ответ дал указание Штрандтману в кратчайшие сроки поставить Спалайковича в известность о позиции России, всегда выступавшей против намерений Сербии следовать авантюрной и создающей угрозу международной безопасности политике, а также сообщить ему, что по сведениям, имеющимся у российского правительства, личность Эссад-паши в любом случае не может внушать доверия, ибо его поддержка может быть получена лишь путем выделения ему крупных денежных сумм, а в этом отношении Сербия не может составить конкуренции Австро-Венгрии, также как и в отношении вооруженных сил — вне зависимости от сроков перевооружения австро-венгерской армии²⁶.

После получения данных инструкций Штрандтман ознакомил с их содержанием Спалайковича, который в ответ заявил, что «Сербия ни в каком случае не сделает опрометчивого поступка, который мог бы иметь губительные последствия, прежде всего для нее самой, и что и впредь она будет вести политику строгого благоразумия»²⁷.

Озабоченность итальянского правительства продолжавшейся сербской оккупацией албанских областей была вызвана не столько симпатиями к Албании и желанием оградить ее от агрессивных действий Сербии, сколько опасениями активного вмешательства в данные события со стороны Австро-Венгрии. В связи с этим итальянский кабинет, находившийся в тесных дипломатических контактах с австро-венгерским правительством, убеждал последнее отказаться от какого-либо антисербского выступления и создания затруднений для Сербии при условии признания Белградом исключительно временного характера продолжавшейся оккупации²⁸.

Вопрос о ситуации на сербо-албанской границе обсуждался и во время встречи министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда с председателем Совета министров Сербии Пашичем, находившимся проездом в Вене в начале октября 1913 г.²⁹ Пашичу был оказан радушный прием со стороны официальных лиц Австро-Венгрии, однако сама встреча с Берхтольдом, состоявшаяся 3 октября 1913 г., в перерыве заседания Совета министров Австро-Венг-

рии, хотя и прошла в исключительно корректной атмосфере, не привела к каким-либо конкретным результатам³⁰. Стороны ограничились лишь изложением своих позиций по интересовавшим их вопросам и выражением обоюдного желания развивать добрососедские отношения между двумя государствами. Одним из основных сюжетов, затронутых в ходе переговоров, явился именно албанский вопрос. Берхтольд высказал Пашичу озабоченность своего кабинета положением национальных меньшинств, проживавших на перешедших под юрисдикцию Сербии территориях, на что Пашич в очередной раз подчеркнул, что их политические права и экономические интересы защищены сербской конституцией. Министр иностранных дел Австро-Венгрии высказал также свою озабоченность ситуацией, сложившейся на сербо-албанской границе. В ответ Пашич, сославшись на обстоятельства, побудившие его правительство занять ряд стратегических пунктов в тех местностях, где намеченная Лондонским совещанием пограничная линия еще подлежала утверждению Международной разграничительной комиссией, и указав на несправедливость по отношению к Сербии и несостоятельность с точки зрения топографических условий выработанной в Лондоне сербо-албанской пограничной линии, отступающей от естественных горных преград и облегчающей для албанских отрядов проникновение на сербскую территорию, тем не менее, заверил министра иностранных дел Австро-Венгрии в том, что Сербия «не питает никаких агрессивных замыслов и ожидает для своего внутреннего спокойствия установления Европой правильного режима в автономной Албанской провинции»³¹. Он заявил, что его правительство не имеет намерения нарушать постановления конференции, и подчеркнул, что «состоявшееся ныне занятие сербскими гарнизонами некоторых стратегических позиций является временной мерой самозащиты впредь до установления в Албании порядка, который обеспечивал бы Сербии до повторения разбойничьих нашествий албанцев»³².

Заявление главы белградского кабинета по поводу занятия Сербией стратегических пунктов на албанской территории произвело неблагоприятное впечатление на Берхтольда. Он выразил пожелание, чтобы Сербия согласовывала свои действия с решениями Лондонского совещания послов великих держав по вопросам территориального размежевания³³.

В итоге переговоры свелись к изложению сторонами своих позиций³⁴. Это дало основание венской газете «Цайт» в статье под красноречивым заголовком «С пустыми руками» дать своеобразную оценку встрече Пашича и Берхтольда. По ее словам, «гр. Берхтольду стало известно, какой у г. Пашича вид, как он разговаривал и, наконец,

как он ест и пьет. Г. Пашич также обогатил свой умственный балласт познанием этих индивидуальных особенностей гр. Берхтольда; весьма возможно, что сербский премьер покидает наш город с полным сознанием того, что гр. Берхтольд стоит впереди него в этой области»³⁵.

Одновременно сербское правительство опубликовало официальное сообщение, в котором говорилось, что Сербия окончательно подавила албанское восстание, но для ограждения своей территории от албанских вторжений вынуждена временно занять стратегические пункты на албанской территории, которые будут ею незамедлительно оставлены, как только в Албании усилиями великих держав будет установлен конституционный порядок³⁶. Тем не менее австро-венгерский поверенный в делах в Белграде сделал сербскому правительству новое представление о необходимости вывода сербских войск с албанской территории. Его примеру последовал итальянец. Одновременно товарищ министра иностранных дел России А. А. Нератов сообщил в Белград, что с ним имел беседу итальянский поверенный в делах в России, который подчеркнул солидарность Италии с Австро-Венгрией относительно сохранения в силе решений Лондонской конференции. В связи с этим Нератов дал указание главе российской дипломатической миссии в Белграде категорически заявить сербскому правительству, что «оно отнюдь не может рассчитывать на сочувствие России сопротивлению принятым уже решениям»³⁷.

В данных обстоятельствах российский поверенный в делах, получивший, кроме того, секретную телеграмму российского посла во Франции А. П. Извольского, в которой сообщалось о переданных сербскому представителю в этой стране М. Весничу министрами иностранных дел С. Д. Сазоновым и С. Пишоном настоятельных советах выполнить требования держав Тройственного союза, немедленно связался с главой сербского кабинета Пашичем, рекомендовав ему изыскать какой-либо иной способ защиты сербской территории от албанских вторжений, без занятия стратегических пунктов. Пашич пообещал обсудить этот вопрос с воеводой Путником. Но его опередил поверенный в делах Австро-Венгрии в Белграде, вручивший 18 октября 1913 г. главе сербского кабинета ультиматум своего правительства, в котором Сербии предлагалось в восьмидневный срок очистить албанскую территорию, под угрозой принятия Австро-Венгрией более решительных мер³⁸. Вслед за этим министр иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольд пригласил к себе сербского посланника в Вене и категорически заявил ему, что монархия Габсбургов предпримет самые решительные действия против Сербии

«в случае оставления хотя бы одного сербского солдата вне определенной Конференцией границы»³⁹.

Ультиматум вызвал сильное возбуждение в правительственных кругах Сербии. Ряд членов кабинета высказались за категорическое отклонение требований Австро-Венгрии. Однако в итоге возобладали более умеренная позиция главы кабинета. Посетив российскую миссию сразу после заседания Совета министров, Пашич сообщил, что правительство приняло решение вывести из Албании сербские гарнизоны, подчиняясь в данном случае не угрозам со стороны монархии Габсбургов, а исключительно благожелательным советам России. При этом Пашич пояснил, что гарнизоны будут переведены на сербскую сторону пограничной линии и размещены с таким расчетом, чтобы при первом же появлении с албанской стороны вооруженных отрядов они могли бы быть подвергнуты массированному удару сербских войск. Одновременно председатель совета министров сообщил, что его правительство решило в самое ближайшее время обратиться к европейским державам с настоятельной просьбой о скорейшем создании в Албании международной полиции и жандармерии, которые явятся существенной гарантией спокойствия на сербо-албанской границе⁴⁰.

Согласно извещению сербского верховного военного командования, к десяти часам утра 25 октября 1913 г. — т. е. на двадцать четыре часа ранее установленного ультиматумом срока — сербские войска полностью покинули албанскую территорию⁴¹.

Что же касается реакции на австро-венгерский ультиматум в сербских политических кругах и общественном мнении, то, наряду с осуждением действий Австро-Венгрии, в печати и среди политиков появились обвинения главы сербского кабинета в малодушии, ибо, по их мнению, австро-венгерское правительство никогда бы не осмелилось претворить свои угрозы в жизнь⁴².

Иную позицию опять заняла лишь одна политическая сила — сербская социал-демократия. Ее лидер Д. Тузович — являвшийся в руководстве ССДП главным специалистом по албанским проблемам — резко осудил политику, проводившуюся кабинетом Пашичем в отношении албанцев. Он подчеркнул, что правительство старорадикалов, используя им самим же спровоцированное — вследствие установленного в новых областях Сербии жестокого по отношению местному албанскому населению военного режима — восстание в приграничных с Албанией районах, стремится (под предлогом защиты сербо-албанской границы) осуществить силами армии новый поход на Адриатическое побережье и подготовить почву для оккупации всей Северной Албании⁴³.

Партия организовала ряд митингов и других акций протеста против втягивания страны в новую военную авантюру, названную социал-демократами «третьей Балканской войной»⁴⁴. На митинге, состоявшемся 28 сентября 1913 г. — в день объявления новой мобилизации, — была принята резолюция, указывавшая, что рабочий класс Сербии «протестует против захватнических устремлений буржуазии, которая, стремясь получить выход к морю, толкает страну в кровавую авантюру, связанную с необозримыми несчастьями»⁴⁵.

В конце октября — первой половине ноября 1913 г. в партийном журнале «Борба» и газете «Радничке новине» была опубликована серия статей Туцовича «Из албанских писем», которые по широте рассматриваемых в них аспектов албанского вопроса и глубине анализа непосредственно примыкают к его капитальному труду по данной проблематике, — книге «Сербия и Албания» — увидевшей свет в январе 1914 г. и основанной как на доскональном изучении собранного им богатого фактического материала по албанским сюжетам, так и на собственных впечатлениях, накопленных в период его пребывания в рядах сербской армии в Албании.

В этих работах автор подчеркивал, что разработка и осуществление продуманной и взвешенной политики в области межнациональных и межгосударственных отношений невозможны без тщательного учета социально-экономических, политических, культурных и исторических реалий и традиций балканских народов, среди которых албанцам принадлежала важная и до сих пор не понятая сербскими руководящими кругами роль. Что же касается Балканских войн, то, хотя они и отличались, по мнению Туцовича, массовым уничтожением мирного населения, осуществлявшимся всеми воюющими сторонами и являвшимся не результатом произвола отдельных людей, а составной частью «национальной» политики балканских государств, положение албанцев, тем не менее, было гораздо более тяжелым, ибо жестокие действия по отношению к ним сербской армии определялись — в отличие от взаимоотношений армий балканских государств с другими народами — представлениями о близкой осуществимости планов сербской буржуазии о завоевании половины территории самой Албании. Все это дало Туцовичу основания охарактеризовать события последнего времени как год «систематического истребления албанского населения во всех областях, которые заняла сербская армия» и отметить, что «основная причина всех невзгод, от которых мы сегодня страдаем и от которых будем много страдать в будущем, заключается как раз в том, что мы вошли в чужую страну»⁴⁶. Туцович также подчеркивал, что по жестокости своих действий с сербской армией вполне могла конкурировать

армия ее ближайшей союзницы Черногории в занятых ею областях. Он указывал, что «народ этих областей считает большой потерей то, что турецкая власть была заменена черногорской, так как турецкое управление, хотя по своей культуре не превосходило черногорское, все-таки было более порядочным и терпимым»⁴⁷.

Что же касается лозунга о необходимости получения Сербией беспрепятственного выхода на Адриатическое море, то, признавая его объективную экономическую обоснованность, связанную с существовавшей зависимостью сербского внешнеторгового оборота от Австро-Венгрии (через территорию которой он главным образом осуществлялся), лидер сербских социал-демократов подчеркивал, что его позитивная реализация лежала в области заключения взаимовыгодных экономических и политических соглашений с соседними балканскими государствами, в частности, с Черногорией и Грецией — располагавшими выгодными для использования Сербией торговыми портами Бар и Салоники — а также и с самими албанцами, а не в военной экспедиции и репрессиях против албанского народа»⁴⁸.

Неблагоприятный отклик сербские действия встретили у ее союзников по второй Балканской войне. Министр иностранных дел Румынии А. Маргиломан заявил российскому представителю в Бухаресте 20 октября: «Мы пришли к заключению, что образ действий Сербии неправилен. Она приобрела уже довольно земель, населенных албанцами. Дальнейшие стремления ее к расширению за счет Албании не могут вызвать сочувствия в Румынии, которая во все времена испытывала к албанской нации самые живые симпатии. По-видимому, сербы переоценивают свои силы, переоценивают они также и то значение, которое для Австрии имеют волнения среди хорватов и других австрийских подданных сербского происхождения. На эти волнения Сербии рассчитывать нечего. Время для объединения всех сербов под державой Карагеоргиевичей еще не пришло. Вместо того чтобы вызывать в Европе тревогу своей ненасытностью, Сербия поступила бы гораздо благоразумнее, направив все свое внимание на мирное закрепление областей, присоединенных к ней по Бухарестскому трактату»⁴⁹.

Маргиломан категорически заявил, что если Сербия будет продолжать упорствовать в стремлении сохранить за собой албанские территории, румынское правительство не поддержит свою недавнюю союзницу, которой оно может лишь еще раз дружеским образом посоветовать проявить уступчивость⁵⁰.

Напряженными продолжали оставаться и сербо-болгарские отношения. Сербское правительство неоднократно заявляло о том, что оно

располагало информацией о контактах представителей болгарского правительства с руководителями албанского национального движения на предмет образования ими единого антисербского фронта в Македонии и других областях, перешедших в результате Балканских войн под контроль Белграда⁵¹.

Следует отметить, что определенный вклад в создание у сербского правительства представлений о возможности реализации в ближайшем будущем всех внешнеполитических планов Сербии, включавших в себя образование единого югославянского государства, в которое войдет освободившееся от австро-венгерского господства население югославянских областей монархии Габсбургов, и которое будет иметь выход на Адриатическое море, внесла деятельность российского посланника в Сербии Н. Г. Гартвига. На нее, вполне понятную, в силу испытывавшихся Гартвигом чувств искренней симпатии по отношению к сербам, но, тем не менее, создававшую определенные трудности для осуществления российской дипломатией более взвешенной и осторожной политики (в первую очередь, в том, что касалось сербо-албанских и сербо-австрийских отношений), справедливо указывал в своих воспоминаниях занимавший в то время пост министра иностранных дел России С. Д. Сазонов. Он подчеркивал, что существовавшие тогда в Сербии настроения патриотического подъема и близкого осуществления национальных идеалов были ему тем более понятны, что «тогдашний русский представитель в Белграде, Н. Г. Гартвиг, предпочитал выигрышную роль потакателя этих повышенных настроений белградских правительственных и общественных кругов, той, менее благодарной, но более соответствующей истинным интересам Сербии, которую он должен был играть, в качестве русского представителя, ближайшей обязанностью которого было, жертвуя личной популярностью, предостерегать правительство и народ от опасных увлечений. Гартвиг истолковывал в Белграде русскую политику по-своему и тем крайне затруднял мою задачу, пока, наконец, политическое напряжение не достигло, во всей Европе, такого состояния, что возможность серьезных европейских осложнений, из-за вопроса об Албанском побережье, становилась все вероятнее»⁵².

Реальные возможности Гартвига оказывать заметное влияние в том или ином направлении на политику сербского руководства определялись не в последнюю роль тем обстоятельством, что он имел очень близкие и дружественные отношения с Пашичем и со многими ответственными работниками министерства иностранных дел Сербии. Что же касается его политических симпатий и привязанностей во внешнеполитическом плане, которые накладывали определенный

отпечаток на реализацию им общей стратегической линии российского министерства иностранных дел, то они становятся понятными при изучении содержания его донесений и телеграмм, регулярно направлявшихся российским посланником в Санкт-Петербург.

На основании данных документов можно наглядно убедиться в безусловном доверии, которое испытывал Гартвиг как к самому главе сербского кабинета Пашичу и сообщаемым им сведениям, так и в целом к политике возглавляемого им правительства старорадикалов. Он высоко оценивал государственную опытность и выдержанность председателя Совета министров, которые по его мнению, гарантировали от каких-либо неосторожных и непродуманных шагов со стороны Сербии в албанском вопросе, а сам Пашич заслуживал исключительного доверия не только в своей собственной стране, но и в европейских столицах⁵³. Характерным для Гартвига в этом плане явилось его частное письмо Сазонову от 14 января 1914 г., в котором он заверял министра иностранных дел, что «сербы очень осторожны и совсем подчиняются Вашим советам и указаниям»⁵⁴.

Подобное отношение к Пашичу и возглавляемой им партии резко контрастировало с негативными оценками, которые российский представитель давал другим политическим партиям Сербии, считая их неспособными к какой-либо серьезной государственной деятельности, и, в особенности, с его отношением к албанскому населению и Албанскому государству⁵⁵. Гартвиг называл албанские вооруженные отряды, действовавшие на территории Сербии, не иначе как «разбойничьими шайками», а самих албанцев — «диким восточным народом», который «не разбирается в дипломатической казуистике, а преклоняется лишь перед реальной силой»; в связи с чем отрицательно оценивал образование автономной Албании, которую рассматривал как государство, подаренное «дикому племени», руководствующемуся в своих действиях «разбойничьими инстинктами»⁵⁶.

Далекой от объективности была и оценка Гартвигом текущего состояния и перспектив развития сербо-болгарских отношений, вину за неблагоприятное развитие которых он целиком и полностью возлагал на болгарскую сторону в лице ее правительства и «шовинистской македонствующей печати», заверяя российское Министерство иностранных дел в том, что в правительственных, а также в широких политических, общественных и военных кругах Сербии практически сразу после заключения Бухарестского мирного договора возобладали чувства глубокого сострадания и даже искренней симпатии к Болгарии и желание скорее установить между двумя государствами добрососедские отношения, в то время, как болгарское правительство стремилось к заключению противоестественного союза

с «враждебной славянам Турцией»; тогда как единственно выгодным для нее шагом может стать лишь сближение с другими православными балканскими государствами ⁵⁷.

Анализируя вопрос о существовании между Болгарией и Турцией тайного военного соглашения, используя которое, Болгария могла бы предпринять новую военную акцию против Сербии, а также Греции, Гартвиг утверждал, что «софийские заправки» опираются в разработке своих планов на ложные сведения о переживаемом Сербией экономическом и политическом кризисе, который может привести к развалу государства. Дипломат утверждал об отсутствии в Сербии (соответствующая депеша была адресована в Санкт-Петербург в начале февраля 1914 г.) каких-либо внутривластных сложностей с точки зрения межпартийной борьбы, хотя примерно за месяц до этого само существование кабинета Пашича было поставлено под угрозу совместным выступлением в скупшине депутатов от оппозиционных партий ⁵⁸.

Еще одним направлением деятельности сербского правительства в период, непосредственно предшествовавший первой мировой войне, явилось разрешение вопросов, связанных с положением католического (прежде всего албанского) населения присоединенных к государству областей и заключением конкордата со Святым Престолом.

В сентябре 1913 г. руководящие круги Сербии и Ватикана высказали принципиальное общее пожелание «совместно обсудить нужды католического населения Королевства и урегулировать положение католической церкви в Сербии путем формального соглашения с Курией» ⁵⁹. Вслед за этим статс-секретарь Ватикана кардинал Мерри дель Валь занялся подготовкой необходимых материалов, а сербское Министерство народного просвещения и церковных дел приступило к образованию особой комиссии, на которую возлагалась задача тщательного изучения всех договоров и конкордатов, заключенных Ватиканом с другими государствами ⁶⁰.

Белград не мог согласиться на сохранение существовавшего порядка — при котором католическое население новых сербских областей, входивших до Балканских войн в состав Турции, пользовалось защитой и покровительством Австро-Венгрии — без угрозы подрыва своего суверенитета. В этих условиях кабинет Пашича пришел к выводу о необходимости скорейшего заключения соглашения с Ватиканом с тем, чтобы предоставить ему права покровительства по отношению к католикам, проживающим на территории Сербии ⁶¹.

В середине марта 1914 г. в Рим для анализа предварительного текста договора отправился сербский посланник в Париже Веснич, являвшийся знатоком международного права и специалистом по делам церкви ⁶².

Переговоры в целом проходили без каких-либо серьезных разногласий, хотя сербская сторона неоднократно заявляла о том, что Австро-Венгрия предпринимает усилия, направленные на срыв достижения или закрепления за собой каких-либо преимуществ в отношении католического населения Сербии⁶³. Так, еще в ноябре 1913 г. австро-венгерское правительство передало белградскому кабинету ноту, содержащую правовые доводы в пользу сохранения за Австро-Венгрией протектората над католиками, проживающими на новых сербских территориях, и, в частности, над католиками-албанцами, признанного в свое время турецким султаном. Более конкретно требования монархии были сведены в два пункта: обязательство материального обеспечения католических священников и правовое и материальное обеспечение, в соответствии с постановлениями Лондонской конференции, духовных католических училищ в завоеванных областях, преподавание в которых должно было осуществляться на албанском языке. Кроме того, в заключительной части ноты правительство Австро-Венгрии, признавая оправданность заключения сербо-ватиканского конкордата, одновременно считало необходимым сохранение за ней как «покровительствующей державой» исторически сложившихся почетных прав⁶⁴.

В этих условиях сербское правительство заняло твердую позицию, заявив, что оно скорее согласится прервать переговоры, чем предоставить Вене какие-либо права в отношении католиков⁶⁵. Все же, стремясь ускорить заключение соглашения, сербская сторона пошла на определенный компромисс в вопросах о школах и языке преподавания в них, а также об уважении имевшихся у Австро-Венгрии «почетных преимуществ» и «почетного попечительства» в отношении некоторых церковных учреждений, что, однако, не вошло в окончательный текст конкордата, а было закреплено в специальных нотах, которыми стороны обменялись одновременно с подписанием соглашения⁶⁶.

Окончательный текст конкордата между Сербией и Ватиканом был подписан утром 24 июня 1914 г. кардиналом статс-секретарем и Весничем. После этого сербский представитель был принят папой Пием X в торжественной обстановке, предназначенной для проведения вступительных аудиенций для иностранных представителей⁶⁷. В своей приветственной речи Веснич подчеркнул, что «подписанным конкордатом лишь возобновляются древнейшие сношения между сербскими областями и римскими первосвященниками, прерванные несколько веков тому назад нашествием неверных»⁶⁸. Со своей стороны, папа выразил надежду, что принципы, положенные в основу подписанного соглашения, «будут все более развиваться на общую пользу Сербии и церкви»⁶⁹.

Одновременно стороны отметили, что вступление в силу указанного документа произойдет лишь после обмена ратификационными грамотами и утверждения конкордата на заседании нового созыва скупщины Сербии, т. е. не ранее ноября 1914 г.⁷⁰. Начавшаяся война внесла существенные коррективы в эти планы. Тем не менее в первой половине марта 1915 г. бывшие сербские уполномоченные на переговорах с Курией Веснич и Бакотич прибыли в Рим для ратификации конкордата, и 20 марта 1915 г. состоялся обмен ратификационными документами, и сербо-ватиканский конкордат вступил в силу⁷¹.

Статья первая данного документа предусматривала, что «римско-католическая вера будет пользоваться в Королевстве Сербия свободой и может открыто исповедаться»⁷². В этих целях в стране учреждалась церковная власть, представленная белградским архиепископством, полномочия которого распространялись на территории, входившие в состав сербского государства до соответствующих решений Лондонской и Бухарестской конференций, а также находившимся в Скопье епископством, чья юрисдикция распространялась на присоединенные к Сербии новые области. Оба церковных учреждения, под духовную юрисдикцию которых попадало все население Сербии католического вероисповедания, должны были зависеть при решении всех церковных вопросов от Римской курии. Одновременно конкордат предусматривал, что при вступлении в должность архиепископ и епископ должны были принести присягу на верность Сербии и сербскому королю следующего содержания: «Я клянусь и обещаю перед Богом и Святым евангелием быть послушным и верным его величеству королю Сербии; обещаю не вступать в какие-либо соглашения, не присутствовать на каких-либо собраниях, не подстрекать и не допускать, чтобы находящееся под моей властью духовенство принимало участие в каких-либо предприятых, направленных против общественного спокойствия»⁷³.

Согласно сербо-ватиканскому соглашению, государство признавало католическую церковь юридическим лицом и предоставляло ей возможности осуществлять все присвоенные ей права, в том числе имущественного характера⁷⁴.

Как уже говорилось выше, одним из вопросов, представлявших для Сербии экономический интерес, но в то же время имевшим и ярко выраженный политический характер, являлась проблема железных дорог. Разработанный сербским правительством план железнодорожного строительства предусматривал первоочередную постройку трех линий: Скопье—Битоль, Крагуевац—Кралево—Рашка (на границе бывшего Ново-Пазарского санджака, севернее города Нови-Пазар) и Ниш—Прокупле—Преполац—Приштина, при этом по-

следняя дорога должна была стать составной частью Дунайско-Адриатической линии, продолженной от Приштины к албанскому порту Дуррес, присоединение которого к Сербии по-прежнему входило во внешнеполитическую программу кабинета Пашича. Позднее должно было начаться строительство еще двух железнодорожных линий: Рашка—Нови-Пазар—Увац и Радуевац—Белград с мостом через Дунай у Прахово (около Радуеваца) ⁷⁵.

Обсуждая на переговорах в Вене вопрос о Восточной железной дороге, акции которой были приобретены Австро-Венгрией, Пашич заявил, что если соответствующее австро-венгерское железнодорожное общество не придет к соглашению с сербской стороной, последняя прибегнет к ее выкупу ⁷⁶.

Переговоры о судьбе Восточной дороги и, в частности, того ее участка, который находился на сербской территории, проходили в непростой обстановке. С одной стороны, австро-венгерская сторона неоднократно напоминала сербскому правительству о существовавшем у нее праве потребовать возвращения дороги собственнику, то есть Обществу Восточных железных дорог, на что, в частности, было официально указано австро-венгерским представителем в Белграде Угроном 29 ноября 1913 г. ⁷⁷ С другой стороны, в самом сербском правительстве существовали определенные разногласия, касавшиеся возможных путей выгодного для Сербии разрешения железнодорожного вопроса. Так, несмотря на то, что большинством голосов кабинет Пашича признал необходимым согласиться на предложение группы французских акционеров об интернационализации Восточной железной дороги, в начале февраля 1914 г. сербский посланник в Вене Йованович заявил Берхтольду, что он имеет полномочия вести переговоры исключительно о выкупе дороги и не может участвовать в обсуждении французской формулы; в то время как сам Пашич в период своего пребывания в Санкт-Петербурге в конце января 1914 г. подтвердил готовность сербского правительства согласиться на интернационализацию ⁷⁸. Указанная неопределенность позиции Сербии, а также существование в руководстве Австро-Венгрии собственных планов в этом вопросе и одновременное стремление принять участие в намечавшейся финансовой операции со стороны Италии в конечном итоге привели к практически полной неудаче переговоров об интернационализации Восточной дороги, в связи с чем в конце июня 1914 г. в Белград прибыла специальная австрийская делегация. Однако известие об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда прервало переговоры, и делегация Австро-Венгрии покинула Белград ⁷⁹.

Таким образом, внешнеполитическое положение Сербии в том виде, в каком оно эволюционировало к кануну Первой мировой войны, можно охарактеризовать следующим образом:

— внешняя и внутренняя политика Сербии (а также Черногории) в решающей степени определялись международными отношениями на Балканах и в Европе в целом, а также позицией великих держав. Это было связано с тем обстоятельством, что в начале XX в. и особенно накануне Первой мировой войны оба государства находились в политической и, прежде всего, экономической зависимости. Практически ни один из вопросов, касавшихся экономической и внутривнутриполитической жизни, правительства этих государств не могли решить, не учитывая экономических, политических, стратегических, военных и иных интересов других государств. Под неусыпным контролем великих держав находились территориальные споры между балканскими государствами, состояние их промышленности, транспорта, финансов, внешней торговли, развития вооруженных сил и т. п. Наличие в Сербии на протяжении значительной части рассматриваемого периода междинастической борьбы представляло собой дополнительный канал взаимовлияния внутривнутриполитического и внешнеполитического аспектов положения Сербии;

— негативную роль, не способствовавшую улучшению международного положения Сербии, зачастую играл субъективный фактор в виде действий отдельных политических и военных руководителей страны, а также сербское общественно-политическое мнение. Особая роль в этом плане принадлежала фигуре Николы Пашича, внешнеполитические взгляды и конкретные шаги которого в значительной степени могут быть охарактеризованы — не умаляя его вклада в сербскую историю — как провокационные и пагубные для жизненных интересов сербов, в первую очередь, в области сербо-австрийских, сербо-болгарских и сербо-албанских отношений;

— политика России в отношении Сербии не всегда была четкой и достаточно последовательной. в значительной степени она определялась собственными геополитическими и тактическими интересами, а также субъективными оценками и личными пристрастиями отдельных российских дипломатов, по-разному понимавших перспективы государственного и политического развития югославянских государств и те реальные возможности и условия, в рамках которых могло быть достигнуто взаимовыгодное разрешение югославянского вопроса с учетом всего комплекса международных отношений в Европе;

— большинство практических вопросов, осложнявших сербо-австрийские отношения на межгосударственном уровне, были к июню

1914 г. в большей или меньшей степени урегулированы или, во всяком случае, сняты с обсуждения. В первую очередь это относилось к мирному разрешению осенью 1913 г. кризиса в сербо-албанских отношениях, отказу сербского руководства от неоправданно поспешных шагов в области развития черногоро-сербских отношений, урегулированию взаимоотношений сербского правительства и Ватикана. Практически единственной серьезной конкретной межгосударственной проблемой в сербо-австрийских отношениях, которая так и не получила до начала Первой мировой войны взаимоприемлемого разрешения, оставался железнодорожный вопрос. Однако постоянно проходившие в рассматриваемый период переговоры и консультации на межправительственном уровне, завершившиеся приездом в июне 1914 г. в Белград специальной австро-венгерской делегации, позволяют с высокой степенью вероятности предположить, что и эта проблема находилась в стадии своего разрешения;

— тем не менее «югославянский фактор» по-прежнему играл важную роль как во внутривосточной жизни монархии Габсбургов, так и в ее взаимоотношениях с Сербским королевством, и объективно выступал препятствием — учитывая в значительной степени разделявшиеся Россией взгляды высшего сербского военного и политического руководства на пути и формы окончательного реализации сербской национальной идеи — нормализации отношений между двумя государствами, которым принадлежала ключевая роль в развитии международных отношений на Балканском полуострове на протяжении рассматриваемого периода.

Следует также подчеркнуть, что практически все вышеперечисленные выводы общего характера относятся и к международному положению Черногории (естественно, со скидкой на уровень социально-экономического и политического развития государства, который делал его зависимость от внешнеполитического фактора еще более тесной).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ АВПРИ. Фонд Политархив (ПА). Оп. 482. Д. 530. Л. 132–133.
- ² История Югославии. М., 1963. Т. 1. С. 657; *Rotheit R. Aus Albaniens Werdetagen. Balkan-Verlag G. m. b. H. Berlin, 1914. S. 3.* Полные данные по территориальному приращению балканских государств по итогам первой Балканской войны выглядят следующим образом: Болгария — с 96345 до 119000 кв. км, Греция — с 64657 до 114657 кв. км, Черногория — с 9080 до 14000 кв. км, Румыния — с 131353 до 137553 кв. км (*Rotheit R. Aus Albaniens Werdetagen. Balkan-Verlag G. m. b. H. Berlin, 1914. S. 3.*)
- ³ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1914. Оп. 470. Д. 159. Л. 3.

- 4 Историја српског народа. Шеста књига. Први том. Од Берлинског конгреса до уједињења 1878–1918. Београд, 1983. С. 196; *Skakun M. Balkan i velike sile*. Београд, 1986. С. 52–53.
- 5 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 12.
- 6 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2912. Л. 3.
- 7 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 315, 317.
- 8 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 165.
- 9 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 340. Непосредственные работы Международной комиссии по определению северной и северо-восточной границ Албании начались в октябре 1913 г. В состав комиссии входили шесть делегатов — по одному от каждой из великих держав, а также необходимый для осуществления конкретных работ на местности персонал, в первую очередь, геодезисты и топографы, и корпус вооруженной охраны. В силу существовавших между членами Комиссии разногласий по вопросам определения государственной принадлежности тех или иных территорий и толкования соответствующих решений Лондонской конференции, а также наступивших в горах неблагоприятных погодных условий, сделавших практически невозможными какие-либо изыскания в указанных областях, работы по окончательному определению сербо-албанской границы не были завершены, и в начале декабря 1913 г. члены Комиссии прекратили работы по разграничению (Подробнее см.: АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530, 531).
- 10 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 343.
- 11 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 166.
- 12 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 345.
- 13 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 254; Д. 531. Л. 346, 348.
- 14 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 167. Заключенный правительством Сербии с консорциумом французских банков контракт на пятипроцентный заем в 250000000 франков сроком на 50 лет был подписан 8 сентября 1913 г. Согласно данному документу, размер немедленного аванса составил 200000000 франков, причем 80000000 франков должны были быть выплачены уже 9 сентября. С сербской стороны заем был гарантирован доходами сербских государственных монополий, дававших в течение предыдущих лет до 13700000 франков чистого свободного остатка, который и должен был послужить основой для покрытия годовых взносов по заключенному займу, предусмотренных в размере 12500000 франков по процентам и 1200000 франков по платежам (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 153). Однако сам процесс котировки займа затянулся до начала 1914 г., в первую очередь, вследствие осложнения внешнеполитического положения Сербии из-за ее политики в албанском вопросе (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 467).
- 15 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2907. Л. 4.
- 16 Reichspost. 1913. 24. Sept. Кроме того, газета «Дойче тагесцайтунг» полагала, что обострение сербо-албанских отношений могло повлечь за собой серьезное обострение всего комплекса международных отношений в Европе, в силу того, что балканские государства, по ее словам, весьма неохотно очищают «временно оккупированные ими территории» (Deutsche Tageszeitung. 1913. 24. Sept.).

- 17 Reichspost. 1913. 27. Sept.
- 18 Reichspost. 1913. 27. Sept. О заключении сербо-ватиканского конкордата см. ниже.
- 19 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 170; Д. 531. Л. 349.
- 20 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 362.
- 21 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 171, 180а.
- 22 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 163.
- 23 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 350.
- 24 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 352.
- 25 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 352.
- 26 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 358–359.
- 27 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 362.
- 28 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2908. Л. 7.
- 29 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 175.
- 30 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 3392. Л. 31.
- 31 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 177.
- 32 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 181.
- 33 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 181–182.
- 34 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 370.
- 35 Zeit. 1913. 5. Okt.
- 36 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 182; Д. 531. Л. 373.
- 37 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 375. Позднее сам Пашич сообщил, что сербское правительство намерено обратить внимание великих держав на неудобства, создаваемые для Сербии установленной на совещании в Лондоне сербо-албанской пограничной линией, но оно, тем не менее, подчинится тому решению, которое будет принято державами по указанному вопросу (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 380).
- 38 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 183–184.
- 39 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 385.
- 40 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 184.
- 41 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 187; Д. 531. Л. 385.
- 42 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 185.
- 43 *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 133.
- 44 *Туцовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 141.
- 45 Историјски архив Комунистичке партије Југославије. Београд, 1950. Т. 3. С. 246, 271; См. также: *Ланчевић Д.* Рат и српска социјална демократија. Београд, 1925. С. 114–117. По данным Т. Кашлеровича (одного из руководителей ССДП), который ознакомил с собранной партией информацией по данному вопросу европейскую общественность, в ходе осуществления экспедиции сербских войск в Северную Албанию осенью 1913 г. были сожжены 35 албанских сел и убиты десятки тысяч албанцев (См.: Извештај Т. Кашлеровића Кинталској социјалистичкој конференцији // Bulletin de la comission socialiste

internationale a Berne. 1916, № 3). В ходе кампании имели место многочисленные случаи прямого уничтожения мирного населения со стороны сербских войск. Так, в Люмской области только в одном селе, занятом сербской армией, в течение двух часов было убито около 500 человек, в основном женщин и детей, после чего трупы были сложены в дома, а сами дома подожжены с тем, чтобы скрыть следы преступления. В результате в официальной сербской печати появились сообщения о том, что албанское село было уничтожено вследствие того, что албанцы забаррикадировались в своих домах и оказали вооруженное сопротивление сербским солдатам (Радничке новине. 1913. 4. нов.). Что же касается ожидавшихся Тузовичем новых выступлений албанского населения, что они не заставили себя долго ждать. Уже в марте 1914 г. в «Старой Сербии» вновь вспыхнуло албанское восстание, на этот раз в районе Призрена и Дреницы, которое было подавлено лишь после вмешательства отрядов регулярной сербской армии, направленных сюда из Скопье (Радничке новине. 1914. 30. март).

- 46 *Тузовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 160, 203.
- 47 *Тузовић Д.* Сабрана дела. Књига седма. Београд, 1980. С. 195.
- 48 *Тузовић Д.* Сабрана дела. Књига осма. Београд, 1980. С. 171, 90–91.
- 49 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2908. Л. 11.
- 50 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2908. Л. 11.
- 51 Подробнее см. раздел настоящей монографии, посвященный Албании. Следует также отметить, что напряжение, существовавшее в отношениях между двумя славянскими государствами, подчас находило свое выражение в вопросах, достаточно далеких от осуществления сербским руководством тех или иных конкретных акций внешнеполитического характера и зачастую не делавших чести сербскому руководству.
- Так, 23 августа 1913 г. в Белград прибыла международная комиссия по расследованию зверств и жестокостей, совершенных воюющими государствами в военное время. В состав комиссии первоначально входили семь делегатов — два от Германии и по одному от Франции, Австро-Венгрии, Соединенных Штатов Америки, Англии и России; правда, в качестве не «официальных представителей этих государств, а лиц, способных обращаться к общественному мнению». Однако в Сербию прибыли лишь четверо из них. Германский делегат, профессор Пашиковский, не получил своевременного разрешения на поездку от своего руководства; другой представитель Германии — профессор Шюкинг, правда, доехал до Белграда, но сразу же решил вернуться обратно, поверив сообщениям о прекращении деятельности комиссии, а австро-венгерский представитель, профессор Редлих, заявил о своем отказе от непосредственного участия в работах комиссии, обещав, однако, поставить свою подпись под принятыми ею решениями.
- Сербское правительство не было заранее информировано о целях и намерениях комиссии и узнало об этом лишь из печати. После своего прибытия, члены комиссии обратились к нему с просьбой об организации встречи с главой кабинета Пашичем. Последний, однако, ответил, что готов встретиться с каждым из них, за исключением российского делегата — депутата Государственной Думы, лидера Кадетской партии П. Н. Милюкова, — а управляющий министерством иностранных дел Стефанович сообщил, что его правительство не могут также допустить Милюкова и к самим работам, свя-

занным с возложенным на комиссию расследованием. В ответ председатель комиссии, французский делегат Годар заявил о солидарности всех ее членов с российским представителем и выразил желание незамедлительно покинуть Белград и отправиться далее по заранее утвержденному маршруту в Салоники, куда они прибыли 27 августа 1913 г. Что же касается реакции белградского кабинета, то данный вопрос обсуждался в ходе специальной беседы российского поверенного в делах в Сербии Штрандтмана с Пашичем, в ходе которой последний заявил, что он отказался принять Милюкова, так как «не питает к нему доверия, имел случай убедиться в тенденциозности освещения Милюковым его, Пашича, слов в печати» (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 146; Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 359–360).

Характерно, что практически единственным конкретным результатом на пути нормализации сербо-болгарских отношений накануне первой мировой войны явилось территориальное разграничение между двумя государствами, осуществленное в январе 1914 г. делегатами обеих сторон при участии в качестве верховного арбитра российского генерал-майора И. Хольмсена (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 30; Д. 533. Л. 10).

52 Сазонов С. Д. Воспоминания. М., 1991. С. 94–95.

53 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2912. Л. 13, 16. Следует, в частности, отметить, что именно Гартвиг предоставил российскому правительству самые надежные гарантии финансовой ответственности сербской стороны в вопросе о предоставлении кредита сербскому офицерскому обществу, оказавшемуся на деле несостоятельным в плане возврата денежных средств. Что же касается политических качеств самого Пашича, то, не умаляя его значительные заслуги в сербской истории, нельзя не отметить, что его деятельность имела и целый ряд негативных сторон, в первую очередь, в сфере межнациональных отношений. Показательной в этом плане является им в уже упоминавшейся беседе со Сватковским 4 октября 1913 г. характеристика албанского и турецкого населения присоединенных к Сербии областей, которое, по его словам, отличается спокойствием и покорностью и, в силу указанных качеств, не могут создать никаких затруднений для сербских властей (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2907. Л. 3).

54 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 21. В этой связи весьма показательным является тот факт, что военная экспедиция сербских войск на побережье Адриатического моря в направлении Дурреса (предпринятая в период первой Балканской войны) была названа Гартвигом «блестящим успехом» сербского оружия, не оцененным по достоинству российской и западноевропейской общественностью (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 133). Более того, российский посланник, комментируя итоги второй Балканской войны, прямо заявил, что «идея славянской солидарности, совершенно отсутствующая у болгар», «напротив проходит красной нитью через всю сербскую историю», оставляя в стороне даже такое сравнительно недавнее событие, как развязанная Белградом сербо-болгарская война 1885 г. (АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 134).

55 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2912. Л. 24.

56 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 178, 188.

57 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 530. Л. 134; Д. 531. Л. 252, 378; Д. 532. Л. 44, 69, 76.

- 58 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 41–44. В конечном итоге, соображения Гартвига по указанному вопросу были фактически опровергнуты российским посланником в Софии А. А. Савинским, сообщившим в депеше от 17 марта 1914 г. об отсутствии у болгарского правительства представлений о грядущем развале Сербии, подкрепив это утверждение мнениями сербского представителя в Софии Чолак-Антича и российского поверенного в делах в Константинополе (АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1914. Оп. 470. Д. 17. Л. 15–16).
- 59 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 17.
- 60 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 17.
- 61 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 18.
- 62 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 18.
- 63 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 13.
- 64 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 21–22.
- 65 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 28.
- 66 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 28, 33, 34.
- 67 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 29, 32.
- 68 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 32.
- 69 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 32.
- 70 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 33.
- 71 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 52. Следует отметить, что Сербия заключила соглашение с Ватиканом почти на тридцать лет позже своей родственницы Черногории: черногоро-ватиканский конкордат был подписан в августе 1886 г.
- 72 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 54.
- 73 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 54.
- 74 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2906. Л. 55.
- 75 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.
- 76 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 2907. Л. 2.
- 77 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 423.
- 78 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 531. Л. 441; Д. 532. Л. 59–60; Д. 533. Л. 21.
- 79 АВПРИ. Ф. ПА. Оп. 482. Д. 532. Л. 205–206, 249–251, 255–256, 263–264.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первая мировая война явилась эпилогом рассматриваемого в книге периода и всей новой истории, и в то же время — прологом истории новейшей. Великая война, пишет В. Л. Мальков, возникла «не в силу злокозненности, несогласованности или преступной халатности монархов, президентов или парламентов противостоящих друг другу блоков, и даже не из-за военного соперничества между грандами мировой политики. Причины кризиса и катастрофы в цивилизационном плане были более глубокими и неустранимыми, их не следует искать в чьих-то амбициях, обидах, притязаниях и ошибочных расчетах»¹. Эти слова в полной мере относятся к юго-восточной части Европейского континента. Все без исключения страны региона оказались вовлеченным в водоворот войны, ни одна не осталась нейтральной, что показывает степень их вовлеченности в общеевропейские процессы во всем их трагизме.

Балканы предвоенных лет знали несколько крупных фигур и положительного, и отрицательного плана, либо совмещавших эти качества, это — умудренный годами и опытом сербский премьер Никола Пашич, оратор и борец за Мегали (Великую) идею объединения греков Элефтериос Венизелос, непревзойденный дипломатический тактик Ионел Брэтиану, властный и коварный болгарский царь Фердинанд. Они определяли (за исключением Пашича) сроки и условия вступления своих стран в войну, но не в их власти оказалось определить сроки и условия выхода из нее, и это свидетельствует о вторичности роли отдельных актеров на балканских подмостках разыгравшейся драмы. В кризисные дни июля 1914 г. ни один из них не желал погружать свою страну в новую бездну. Отсюда — период выжидания, расчетов и подсчетов, растянувшийся у Болгарии на год, у Румынии и Греции — на два; у последней он сопровождался гражданской войной между интервенционистами и сторонниками сохранения нейтралитета. Но выжидание само по себе показало, что малые балканские страны не являлись послушными сателлитами великих держав, что их политика определялась не в Берлине и Вене, не в Петрограде, Лондоне и Париже, а в Софии, Бухаресте, Афинах и Салониках, несмотря на то, что, кажется, были испытаны все средства давления на них и пущен в ход весь арсенал заманчивых территориальных приманок в стремлении группировки Центральных держав и Антанты заполнить их в свой лагерь.

Среди глубинных причин их вступления в войну следует назвать в первую очередь открывшуюся перспективу завершить одним ударом процессы национального объединения и построения или расширения и укрепления своего государства, на что в обычное время ушло бы, в лучшем случае, много десятилетий, и с большой вероятностью — в условиях острых локальных столкновений. Эта задача прямо вытекала из прошлого.

Существовало наследие и иного рода. В виде достигшего степени антагонизма межбалканского соперничества. Перед участницами Антанты — Сербией, Черногорией, Румынией и Грецией открылась возможность осуществить свои чаяния; при этом стало явным, что не существует водораздела между оправданным и справедливым стремлением народа к объединению своих земель и учреждению на них своего государства, и погоней за территорией, населенной соседями. Во всех без исключения случаях объединение осуществлялось по максималистской мерке, с изрядным прихватом чужого добра, и широкие массы тому не препятствовали, а случалось, и в сем участвовали. Унаследованные от периода 1878–1914 гг. противоречия оказались в ряде случаев приумноженными, нынешнее тревожное состояние на Балканах корнями своими уходит в ту далекую уже эпоху. Подтвердилась грустная сентенция: история учит лишь тому, что ничему не учит.

Извечное стремление к территориальному переделу, как показал балканский пример, ведет в никуда: на Балканах с чересполосицей расселения этносов, со смешанным населением на порубежье безупречную границу невозможно прочертить даже в теории. Такова была оборотная сторона торжества национальной идеи.

В 1994 г. на международной конференции в Москве проф. С. Романо выступил с докладом под провоцирующим заголовком «Европа и псевдонациональные государства», в котором подверг критике представление о национальном государстве как идеальном решении вопроса. В чистом виде такого не существует, по крайней мере на Балканах. «Окончание Первой мировой войны и крах четырех многонациональных империй увенчал надежды и ожидания адвокатов национального государства». Итоги? «Бросьте взгляд, и вы обнаружите, что каждое национальное государство в действительности фактически представляет собой маленькую многонациональную империю, в которой главное „племя« навязывает свою волю ряду меньших племен», причем иногда в гораздо более жестокой форме, нежели то практиковалось в рухнувших гигантских образованиях. «Малое национальное государство, — утверждает итальянский ученый, — не шаг вперед, а шаг назад на пути прогресса». Далее следует вывод: «Национализм и местничество, абсолютно неспособные породить гармоничное обще-

ство, будут, очевидно, в ближайшем будущем преобладать во многих частях континента» (и, вероятно, на Балканах, добавим мы). В отдаленном будущем С. Романо видит не возрождение многонациональных империй, а появление «новых наднациональных проектов»².

С этим можно согласиться. К былому возврата нет. Уже в наше время рухнули, и не случайно, многонациональные СССР, Югославия и Чехословакия, развалилась система социалистических стран в Европе. Опыт последних десяти лет принес результаты, которые однозначной оценке не поддаются. Повсеместно люди стали жить не лучше, а хуже, потери от ослабления или разрыва существовавших связей очевидны в плане экономическом, политическом и культурном. Не возрождение старого, а переход к новым формам интеграции равноправных, независимых государств, способных учитывать не только свои интересы, но и интересы партнеров, становится знаменем времени. «Национализм и местничество», употребляя слова проф. С. Романо, глубоко укоренились в общественном сознании, путь их преодоления долог, усеян терниями и требует сдвигов в менталитете социума. Стабильность в каждой стране, прочный мир в Юго-Восточной Европе, искреннее добрососедство между государствами возможны лишь при преодолении территориального фетишизма, что произойдет лишь тогда, когда прекратится деление жителей на «коренных» и пришлых с привилегированным положением у первых, когда представитель любой национальности будет чувствовать себя полноправным гражданином своей страны, могущим воспитывать своих детей на родном языке и развивать родную культуру. Печальный опыт 1878–1914 гг. и последующих лет пусть станет поучительным опытом для нынешнего и следующих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 6–7.
- ² *Romano S. Europe and the Pseudo-National States // WWI and the XX Century. M., 1995. P. 45–46.*

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Ил. 1. Император Александр III
- Ил. 2. Премьер-министр Великобритании маркиз Р. Солсбери
- Ил. 3. Сербский король Милан Обренович
- Ил. 4. Черногорский князь Николай Петрович (Негош)
- Ил. 5. Румынский король Карл I
- Ил. 6. Главы ведомств иностранных дел: России — Н. К. Гирс, Германии — О. Бисмарк и Австро-Венгрии — Г. Кальноки в Скерневицах (1884 г.)
- Ил. 7. Русские офицеры с женами и принц Георг греческий на Крите (Ретимно, нач. XX в.)
- Ил. 8. Сербский король Петр I Карагеоргиевич
- Ил. 9. Император Австрии, король Венгрии Франц-Иосиф
- Ил. 10. Российский министр иностранных дел С. Д. Сазонов
- Ил. 11. Император Николай II с матерью императрицей Марией Федоровной
- Ил. 12. Элефтериос Венизелос, греческий премьер-министр
- Ил. 13. Черногорские солдаты в день объявления мобилизации на Первую Балканскую войну
- Ил. 14. Сербские солдаты под Адрианополем во время Первой Балканской войны
- Ил. 15. Черногорская скорострельная батарея в окрестностях города Скадар
- Ил. 16. Принц-регент Сербии Александр Карагеоргиевич во главе сербских войск в Белграде в 1913 г.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**В «ПОРОХОВОМ ПОГРЕБЕ ЕВРОПЫ».
1878—1914 гг.**

Издательство «Индрик»

Корректор — *С. М. Хорошкина*
Оригинал-макет — *Н. Ю. Квасницкая*

Книги издательства «Индрик» можно приобрести
в книжной галерее «НИНА» по адресу:
ул. Б. Якиманка, д. 6

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other INDRIK publications may be ordered by

e-mail: indric@mail.ru
or by tel./fax: +7 095 938 57 15

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-093,
Ред.01.08.2001; 9533004 — Литература научная и производственная

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.

Формат 60×90¹/₁₆. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
34,0 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 8608

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099. Москва, Шубинский пер., 6

Издательство «Индрик»

представляет следующие книги

Стогов Э.И. Записки жандармского штаб-офицера эпохи Николая I / Изд. подгот. Е. Н. Мухиной. М., 2003. — 240 с. (Deus conservat omnia.) ISBN 5-85759-228-3

В своих «Записках» Эразм Иванович Стогов — родной дед по материнской линии известной русской поэтессы Анны Ахматовой — рассказывает о жизни и нравах мелкопоместного дворянства, в кругу которого на рубеже XVIII-XIX вв. прошло его детство и начал формироваться его характер; об учебе в Морском кадетском корпусе; о командировке в Сибирь; о службе в Симбирске в качестве жандармского штаб-офицера в 1830-е гг. В его воспоминаниях содержатся яркие характеристики многих известных людей, с которыми ему приходилось встречаться в течение своей долгой жизни; среди них были венценосные особы (императрица Мария Федоровна, император Николай I), государственные деятели (М.М.Сперанский, А.С.Меншиков, А.Х.Бенкендорф, Н.А.Протасов), декабрист Г.С.Батенков, герой Отечественной войны 1812 г. Д.В.Давыдов и др.

Смилянская Е.Б. Волшебники. Богохульники. Еретики Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003. — 464 с. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.) ISBN 5-85759-2

Монография посвящена анализу более чем 500 судебно-следственных дел о колдовстве, богохульстве и религиозном вольномыслии в России 1700–1800 гг. В центре внимания автора — как концептуальные вопросы интерпретации «народного христианства», «народной религиозности», особенностей картины мира православного человека в России Века Просвещения, так и конкретные формы взаимодействия или столкновения религиозных воззрений «просвещенных» правителей, идеологов Церкви и государства и «суеверных» подданных. В работе значительное место уделено рас-

смотрению изменения народных религиозных представлений в России XVIII в., изучению характера влияния традиционных верований и культурных инноваций на картину мира и религиозность как православного населения, так и сторонников реформационных сект и течений. Значительная часть собранных автором в центральных и провинциальных архивах материалов вводится в научный оборот впервые.

Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2003. — 288 с. ISBN 5–85759–252–6

В коллективный труд российских и польских ученых включены статьи и другие материалы 35-й одноименной научной конференции Комиссии историков России и Польши, проведенной 16–17 октября 2001 г. в Институте славяноведения РАН в рамках «Дней польской науки в России». В нем помещены статьи польских ученых, в которых анализировался опыт сотрудничества Польской и Российской Академий наук в области исторических наук и литературоведения.

Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы. История, судьба, тайна. М., 2003. — 224 с.: ил. ISBN 5–85759–233–X

Эта книга — первый в современной историографии опыт описания кремлевских погребальных комплексов, многие из которых ведут свою историю с XIV в. Не все они сохранились до наших дней. Обширный исторический материал, данные архивных и натурных изысканий позволяют проследить судьбу некрополей русских великих князей и царей, женщин из великокняжеской и царской семьи, высших церковных иерархов и знати, воссоздать сложный ритуал похорон и развеять многие легенды, связанные с захоронениями первых лиц русского средневекового государства. Книга может служить путеводителем по усыпальницам Архангельского и Успенского соборов Кремля, а также справочником о древних погребениях Московского Кремля.

Мельгунов С.П. Воспоминания и дневники / Сост., примеч. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М., 2003. — 528 с. ISBN 5–85759–220–8

Воспоминания и дневники выдающегося русского историка, публициста и общественного деятеля Сергея Петровича Мельгунова (1879–1956), подготовленные и изданные в 1964 г. в Париже его вдо-

вой, Прасковьей Андреевной Степановой-Мельгуновой (1882–1974), с тех пор не переиздавались ни за границей, ни тем более в России. Известно, что Мельгунов продолжал думать о полном своде своих воспоминаний, но осуществить это намерение не успел. Обнаруженный недавно в составе лондонского архива существенный фрагмент дневниковых записей историка периода его эмигрантского бытия дает возможность представить в более полном виде корпус его воспоминаний и дневников. Ценность парижского издания воспоминаний Мельгунова (Ч. 1–2; Ч.3) заключается в том, что оно доносит до нас сведения о московской общественно-политической жизни начала 1920-х гг., которые недостаточно известны даже в эмигрантской среде, тем более что многие события и факты того времени уже ушли из памяти очевидцев.

Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 г. М., 2003. — 432 с.: ил. ISBN 5-85759-231-3

Книга посвящена истории земли пруссов от первых упоминаний Янтарного края в письменных источниках до времени потери пруссами своей независимости в результате орденской агрессии. Впервые в историографии пруссов для реконструкции этапов их истории привлекаются как письменные, так и археологические источники. В работе освещаются многие страницы истории Юго-Восточной Балтии, никогда не исследовавшиеся специалистами. Вводится в научный оборот масса археологического материала рубежа I и II тысячелетий н.э., добытого археологическими раскопками, проводившимися на территории современной Калининградской обл. Книга рассчитана на археологов, историков и на тех, кто интересуется историей Балтии и всей восточной окраины *Barbarikum*.

Исторические корни этноконфессиональных конфликтов в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. (Средние века – начало Нового времени). Тезисы докладов. М., 2003. – 96 с. (Славяне и их соседи. XXI конференция памяти В.Д. Королюка. Москва, 27–28 мая 2003 г.) ISBN 5-85759-246-1

Кантеев Н. Ф. Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. М., 2003. — 248 с. (Россия и Христианский Восток. Библиотека. Вып. 3.) ISBN 5-85759-134-1

Книга выдающегося русского историка Н. Ф. Каптерева «Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов...» посвящена исследованию тех процессов, которые происходили в русской культуре в десятилетний период правления московского патриарха Иосифа (1642–1652) и в значительной мере подготовили реформы патриарха Никона (1652–1658).

Зубов В.П. Страдные годы России / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. Т. Д. Исмагуловой. М, 2003. (Deus conservat omnia.). ISBN 5–85759–238–0

Перед читателем самая известная книга петербургского деятеля серебряного века, создателя первого в России Института искусствоведения Валентина Платоновича Зубова (1884–1925). Мемуары графа В.П. Зубова «Страдные годы России» (Мюнхен, 1968) состоят из трех глав и охватывают российский период его жизни. Глава «Гатчина» рассказывает о бегстве А.Ф. Керенского, глава «Институт истории искусств» повествует об истории организации и творческих задачах созданного в родовом особняке графа Зубовского института, а последняя глава — о событиях, заставивших В.П.Зубова эмигрировать из России. В книгу также включены: вступительная статья с подробной биографией В.П.Зубова; комментарии и некоторые другие материалы, принадлежащие перу В.П.Зубова: докладная записка по Гатчинскому дворцу-музею (1918 г.); статьи из «Русской мысли» 1950–1960-х гг.; заметки «Чурбан-паша» и «Старые дома и их обитатели» (о петербургских и московских особняках, когда-то принадлежавших семейству Зубовых), «Барон Николай Николаевич Врангель», «Памяти А.А. Трубникова (Андрея Трофимова)», «Мария Николаевна Башмакова» (о родственниках и близких друзьях мемуариста, первых сотрудниках его Института истории искусств), а также библиография трудов В. П. Зубова.

Шемякин А. Л. Смерть графа Вронского. К 125-летию Серботурецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев. М., 2002. (Deus conservat omnia.) — 144 с. ISBN 5–85759–141–4

В работе, выполненной в жанре научно-популярного очерка, реконструируется биография Николая Николаевича Раевского (внука бородинского героя), погибшего в Сербии в бою с турками 20 августа 1876 г. Его участие в боевых действиях первой Серботурецкой войны и героическая гибель показаны в широком контексте русского добровольческого движения, в рамках которого 125 лет назад тысячи граждан России поспешили на помощь сербам. Кроме того,

автор тщательно анализирует популярную версию о том, что именно Н. Раевский послужил Л. Н. Толстому прототипом для написания образа Вронского в романе «Анна Каренина». Сопоставив (в ракурсе новых данных) судьбы, характеры, наружность героя романа и реального участника событий, автор делает вывод об оправданности данной версии.

Толстой И. И. Воспоминания. Избранная публицистика / Сост. Л. И. Толстой. М., 2002. — 464 с. (Deus conservat omnia.) ISBN 5-85759-198-8

В новой книге серии собраны мемуары и публицистические заметки известного историка, археолога, нумизмата и государственного деятеля дореволюционной России графа И. И. Толстого (1858–1916), как бы подводящие итоги общественно-политической деятельности автора.

Стефанович П.С. Приход и приходское духовенство в России в XVI–XVII вв. / Отв. ред. Б.Н.Флоря. М., 2002. — 352 с. ISBN 5-85759-184-8

Впервые в российской филологической науке сделана попытка сформулировать некоторые общие положения, касающиеся движения как одного из основных концептов культуры, представленные в сборнике статьи выполнены на материале славянских и балканских традиций. Объектом исследования стали: язык, культура, фольклор, традиционные мифологические представления и верования, обряды календарного и семейного циклов, славянские и балканские литературы, а также древняя история славян.

Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002. — 424 с. ISBN 5-85759-209-7

Сборник статей на основе материалов одноименной международной научной конференции, состоявшейся в Смоленске в июне 2001 г. В нем анализируются важнейшие проблемы истории взаимоотношений России, Польши и Германии в Новое и Новейшее время, роль указанных стран в системе международных отношений, общественные и культурные связи между ними. Исследуется становление и эволюция международных отношений как системы и ее влияние на процессы внутреннего развития отдельных стран и Европы в целом. Красной нитью через представленные в сборнике статьи ученых из

Германии, Польши, Белоруссии и России проходит мысль об обусловленной историческим опытом потребности во всестороннем сотрудничестве народов наших стран, открывающем им путь в мирное будущее.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. — 348 с.: ил. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы.) ISBN 5-85759-174-0

В очередном выпуске свода «Древнейшие источники по истории Восточной Европы» публикуются памятники римской картографии, берущей свое начало от карты мира Марка Випсания Агриппы (I в. до н. э., сохранились лишь ее описания), продолжившейся в карте Черного моря из Дура Европос (середина III в. н. э.) и завершившейся монументальной «Певтингеровой картой» мира (последние века римской истории). В книге помещены также некоторые литературные произведения, представляющие собой описания карт («Разделение круга земель», «Измерение провинций», «Космография» Юлия Гонория, «Космография» Равеннского Анонима и некоторые другие). Выпуск содержит репродукции карт, их описания, легенды карт и тексты литературных произведений, их русский перевод, а также подробный историко-филологический комментарий к литературным текстам и легендам карт, анализирующий их источниковое значение для истории Восточной Европы.

Мл. 1. Император Александр III

inslav Изл. 2. Премиер-министр Великобританији маркиз Р. Солсбери

Ил. 3. Сербский король Милан Обренович

Ил. 4. Черногорский князь Николай Петрович (Негош)

Ил. 5. Румынский король Карл I

Ил. 6. Главы ведомств иностранных дел: России — Н. К. Гирс, Германии —
О. Еусмарк и Австро-Венгрии — Г. Кальноки в Скерневицах (1884 г.)

Ил. 7. Русские офицеры с женами и принц Георг греческий на Крите
(Ретимно, вач. XX. в.)

inslav Изл. 8. Сербский король Петр I Карагеоргиевич

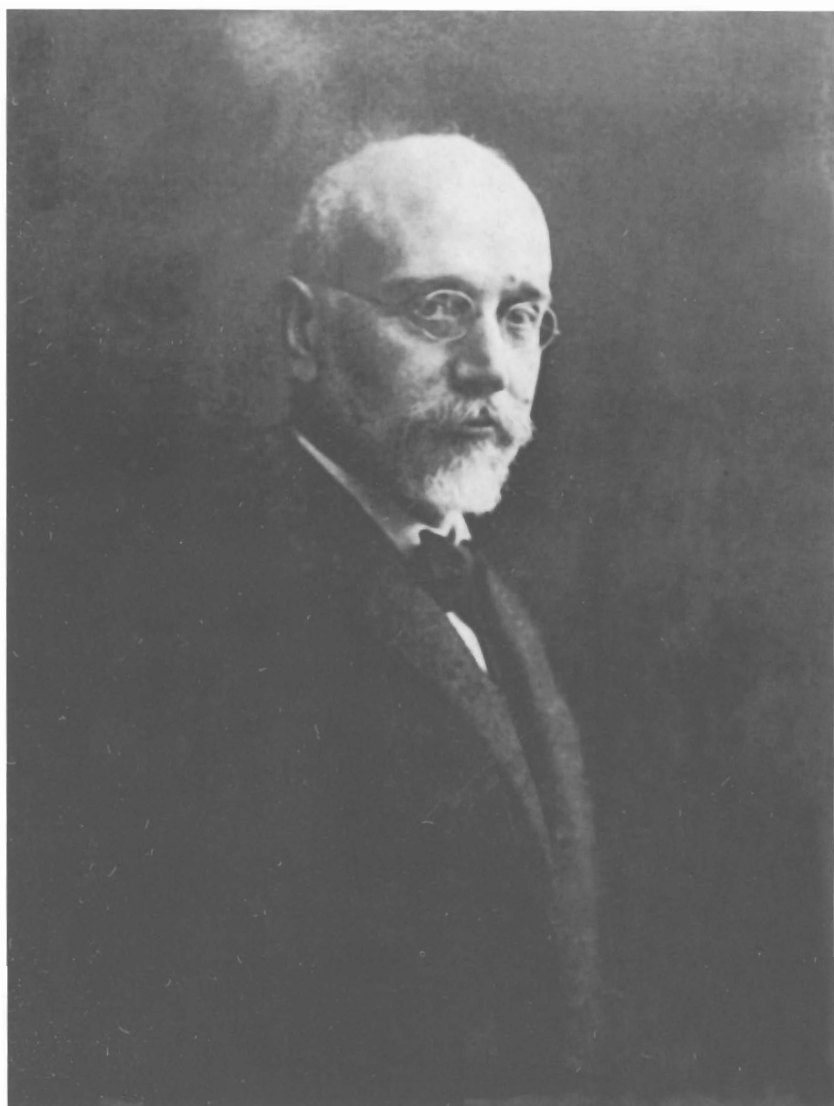

Ил. 9. Император Австрии, король Венгрии Франц-Иосиф

Ил. 11. Император Николай II с матерью императрицей Марией Федоровной

Ἐὶς φῆμι οὐρανὸν Ἰερουσαλοῦσα
Ἐἰς ἀνείηκον τῆς σφαιραΐας καὶ
Σεπτεμβρίου 1916 - Νοεμβρίου 1920
Ἐλευθέριος Βενιζέλος.

Ил. 13. Черногорские солдаты в день объявления мобилизации на Первую Балканскую войну

Ил. 14. Сербские солдаты под Адрианополем во время
Первой Балканской войны

Илл. 15. Червогорская скорострельная батарея в окрестностях города Скадар

Ил. 16. Принц-регент Сербии Александр Карагеоргиевич во главе сербских войск в Белграде в 1913 г.

В «пороховом погребе Европы»

1878-1914